РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

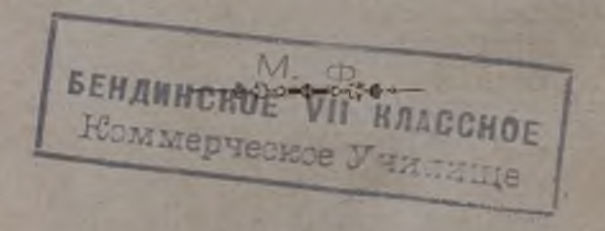
ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 7 и 8.

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Книги 7-я и 8-я. Іюль и Августъ 1893 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№№ 7 и 8.

ІЮЛЬ и АВГУСТЪ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го іюля 1893 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

О надзорѣ за дѣятельностью меламдовъ и содержимыхъ ими школъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, о надзорѣ за дѣятельностью меламдовъ и содержимыхъ ими школъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель Государственнаго Совѣта *МИХАИЛЪ*.

МНѢНІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе Министра Народнаго Просвѣщенія о частныхъ учителяхъ еврейскаго закона вѣры — меламдахъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній, постановить:

1) Каждый еврей, занимающійся обученіемъ еврейскихъ дѣтей закону ихъ вѣры, а равно чтенію и письму по-еврейски, въ частныхъ школахъ или въ частныхъ домахъ, либо на собственной квартирѣ, обязанъ имѣть на таковыя занятія и на сопряженное съ ними званіе меламда особенное свидѣтельство.

2) Свидѣтельство сіе (ст. 1) выдается на одинъ годъ директоромъ или инспекторомъ народныхъ училищъ, по принадлежности, въ сроки, опредѣляемые попечителемъ учебнаго округа.

3) Лицу, желающему получить означенное свидѣтельство, никакого испытанія не производится, но, въ случаѣ надобности, отъ директора и инспектора народныхъ училищъ зависитъ удостовѣриться въ благонадежности просителя путемъ сношенія съ подлежащимъ гражданскимъ начальствомъ.

4) За каждое свидѣтельство на званіе меламда взимается плата отъ одного до трехъ рублей. Ближайшее опредѣленіе размѣра сей платы въ

указанныхъ предѣлахъ принадлежитъ Министру Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Суммы, образующіяся отъ взиманія платы, причисляются къ находящемуся въ распоряженіи Министерства Народнаго Просвѣщенія сбору на образованіе евреевъ и расходуются на одинаковомъ съ симъ сборомъ основаніи.

5) Наблюденіе за тѣмъ, чтобы лица, исполняющія обязанности меламдовъ, имѣли установленныя на сіе званіе свидѣтельства, возлагается на учебное и гражданское начальство, а равно на мѣстныхъ раввиновъ.

6) Министру Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, предоставляется опредѣлить ближайшимъ образомъ порядокъ надзора за меламдами, а равно подробности, касающіяся устройства хедеровъ и веденія въ нихъ преподаванія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу, 1893 г., № 5).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О производствѣ переводныхъ испытаній въ учительскихъ семинаріяхъ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ отмѣну § 59 дѣйствующей для учительскихъ семинарій инструкціи, разрѣшилъ производить переводныя испытанія воспитанниковъ I и II классовъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Воспитанникамъ I класса производятся испытанія: а) письменныя—по русскому языку и ариѳметикѣ и б) устныя—по Закону Божію (священная исторія и ученіе о богослуженіи православной церкви), всеобщей исторіи и всеобщей географіи.

2) Воспитанникамъ II класса производятся испытанія: а) письменныя—по русскому языку и ариѳметикѣ и б) устныя—по русскому и церковно-славянскому языкамъ (грамматика) и по естественной исторіи (зоологія и минералогія).

3) На производство означенныхъ испытаній назначается не болѣе 10 дней въ концѣ учебнаго года.

4) По тѣмъ учебнымъ предметамъ, по которымъ испытаній не производится, воспитанники переводятся въ слѣдующіе классы на основаніи годовыхъ отмѣтокъ. Воспитанники, имѣющіе по этимъ предметамъ за годъ неудовлетворительныя отмѣтки, могутъ быть подвергнуты повѣрочному испытанію изъ этихъ предметовъ послѣ каникулъ (ib.).

О переводѣ ученицъ V класса женскихъ гимназій въ VI классъ безъ экзамена.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по поводу перевода ученицъ V класса женскихъ гимназій въ VI примѣнительно къ § 36 правилъ для испытаній въ мужскихъ гимназіяхъ, безъ экзамена, сообщилъ, что, согла-

сно разъясненіямъ Министерства, правила объ испытаніяхъ въ мужскихъ гимназіяхъ могутъ примѣняться къ женскимъ гимназіямъ въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны правилами объ испытаніяхъ въ женскихъ гимназіяхъ, а потому примѣненіе въ оныхъ § 36 правилъ объ испытаніяхъ въ мужскихъ гимназіяхъ, съ тѣмъ отъ онаго отступленіемъ, которое вызывалось разъясненіемъ Министерства, касающимся спеціально женскихъ гимназій, должно быть признано правильнымъ.

Объявляется по округу. (ib).

Шестнадцатое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія *).

На соисканіе учрежденныхъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія премій Императора Петра Великаго за руководства и пособія по группѣ: «русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и словесностью и логика», въ нынѣшнемъ году представлено въ Ученый Комитетъ пять сочиненій въ рукописяхъ, изъ коихъ одно уже появилось въ печати. Для разсмотрѣнія этихъ сочиненій при Ученомъ Комитетѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ члена Комитета И. П. Хрущова, особая коммиссія, въ которую избраны: члены Ученаго Комитета Н. Н. Страховъ, А. А. Слѣпцовъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи М. И. Каринскій и преподаватель С.-Петербургской 2-й гимназіи А. И. Орловъ.

Разсмотрѣвъ переданныя ей конкурсныя сочиненія, коммиссія представила о нихъ въ Комитетъ свое заключеніе съ подробнымъ разборомъ ихъ.

Ученый Комитетъ, по обсужденіи доклада коммиссіи, соглашаясь съ ея заключеніемъ, опредѣлилъ:

1) И. д. экстраординарнаго профессора въ С.-Петербургскомъ университетѣ А. И. Незеленову за сочиненіе: «Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній (въ двухъ частяхъ). Часть I: съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина. Часть II: Карамзинскій и Пушкинскій періоды. Спб. 1893», согласно съ заключеніемъ коммиссіи, присудить *малую премію* въ 500 рублей.

2) Прочія сочиненія, представленныя на сей разъ для соисканія премій, отъ присужденія премій устранить.

3) Въ вознагражденіе трудовъ предсѣдателя коммиссіи И. П. Хрущова и членовъ: М. И. Каринскаго, А. И. Орлова, А. А. Слѣпцова и Н. Н. Страхова, занимавшихся разсмотрѣніемъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій, выдать имъ учрежденныя на этотъ предметъ *золотыя медали*.

Опредѣленіе Ученаго Комитета съ подробными отзывами о конкурсныхъ сочиненіяхъ было представлено на благоусмотрѣніе господина Министра Народнаго Просвѣщенія и его сіятельствомъ утверждено.

---

*) Ж. М. Нар. Просв., Іюль, 1893 г.

Приказы по военно-учебнымъ заведеніямъ *).

5-го мая 1893 г. № 21. По примѣру предшествовавшихъ трехъ лѣтъ, при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній, въ періодъ времени съ 1-го іюня по 20 августа, будутъ открыты временные курсы для изученія: а) теоріи физическихъ упражненій, б) гимнастики съ подвижными играми, в) фехтованія, г) плаванія и д) ручного труда, съ цѣлью подготовленія офицеровъ-воспитателей кадетскихъ корпусовъ и военныхъ школъ для руководительства различными отраслями физическаго образованія.

Для занятій на этихъ курсахъ предписываю директорамъ корпусовъ, за исключеніемъ Пажескаго Его Императорскаго Величества и Финляндскаго, а также директорамъ военныхъ школъ, Ярославской и Вольской, командировать на курсы къ 1-му іюня текущаго года по одному офицеру-воспитателю, *въ качествѣ обязательныхъ слушателей*, причемъ отъ кадетскихъ корпусовъ должны быть командированы офицеры-воспитатели изъ числа не участвовавшихъ еще на сихъ курсахъ.

Командированные офицеры-воспитатели, за время съ 1-го іюня по 20 августа, будутъ пользоваться суточными деньгами въ размѣрѣ 2-хъ рублей въ день и квартирными деньгами изъ оклада по положенію для офицеровъ-воспитателей кадетскихъ корпусовъ. На проѣздъ до Петербурга и обратно офицерамъ-воспитателямъ военныхъ школъ и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, кромѣ Сибирскаго, должны быть выданы: для слѣдованія по обыкновеннымъ дорогамъ — прогонныя деньги, а для проѣзда по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ сообщеніямъ—предложенія. Офицеру-воспитателю Сибирскаго кадетскаго корпуса должны быть выданы прогоны на весь путь отъ Омска до Петербурга и обратно. Слѣдующимъ по предложеніямъ, кромѣ того, выданы будутъ суточныя деньги, по положенію, за время проѣзда.

По возможности, не возбраняемо будетъ и добровольное участіе на курсахъ лицъ воспитательнаго и учебнаго состава кадетскихъ корпусовъ, но безъ производства въ этомъ случаѣ какихъ-либо денежныхъ отпусковъ. При этомъ: офицерамъ-воспитателямъ, занимавшимся на курсахъ въ предшествовавшіе годы, предоставлено будетъ принимать участіе во всѣхъ занятіяхъ; допущеніе-же прочихъ добровольныхъ участниковъ къ занятіямъ ручнымъ трудомъ, а также отчасти фехтованіемъ и плаваніемъ, будетъ находиться въ зависимости отъ количества имѣющихся пособій, отъ размѣра помѣщеній и отъ времени, какое можно будетъ удѣлить для нихъ, сверхъ часовъ, опредѣленныхъ для лицъ, прибывшихъ на курсы по назначенію.

Завѣдываніе курсами возлагаю на состоящаго при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній генералъ-маіора *Бутовскаго*. Въ помощь ему назначаю офицера-воспитателя Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса подполковника *Афанасьева*, который, въ виду сего, и долженъ быть командированъ на курсы отъ названнаго заведенія.

9-го мая 1893 года. № 22. Въ виду истекающаго трехлѣтія со вре-

*) Педагогическій сборникъ, издаваемый при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, Іюль, 1893 г.

мени введенія въ дѣйствіе утвержденнаго мною 27-го іюля 1890 года Наставленія для внѣклассныхъ занятій, я нашелъ необходимымъ лично удостовѣриться въ томъ вліяніи, какое оказала на тѣлесныя упражненія и другія внѣклассныя занятія новая ихъ постановка.

Для сего я произвелъ испытанія по тѣлеснымъ упражненіямъ и по ручному труду въ кадетскихъ корпусахъ: Николаевскомъ, 1-мъ, 2-мъ и Александровскомъ.

Успѣхи по музыкѣ и пѣнію были провѣрены мною частью въ дни испытаній по тѣлеснымъ упражненіямъ, частью на годичныхъ испытаніяхъ, спеціально устроенныхъ кадетскими корпусами по этимъ отдѣламъ.

Для болѣе вѣрной сравнительной оцѣнки успѣховъ, достигнутыхъ заведеніями, испытанія по тѣлеснымъ упражненіямъ были произведены, по возможности, въ однихъ и тѣхъ-же классахъ различныхъ заведеній, а именно: по гимнастикѣ—въ VII классѣ, въ одномъ изъ среднихъ и въ одномъ изъ младшихъ классовъ; по фехтованію—въ VII классѣ; по танцованію—преимущественно въ 3-хъ первыхъ классахъ, гдѣ обученіе во всѣхъ корпусахъ ведется уже на основаніи Наставленія.

По другимъ отдѣламъ занятій провѣрены успѣхи всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ воспитанниковъ.

Испытанія убѣдили меня, что новая постановка занятій дала уже несомнѣнно полезные результаты. Упражненія ведутся въ болѣе строгой системѣ, съ надлежащей постепенностью и съ большимъ вниманіемъ къ ихъ воспитательному и образовательному вліянію, а гдѣ это нужно, и къ ихъ военно-подготовительному значенію. Замѣченное мною въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ недостаточное согласованіе съ требованіями Наставленія я отношу къ новости самаго дѣла, отчасти къ недостаточности учебныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи нѣкоторыхъ заведеній, наконецъ, къ особеннымъ условіямъ самихъ заведеній, и нахожусь въ увѣренности, что при томъ вниманіи, какое уже обращено въ заведеніяхъ на эти важные отдѣлы занятій, они получатъ въ самомъ скоромъ времени надлежащее развитіе и согласную съ требованіями организацію.

Въ частности, *гимнастическія упражненія* исполнялись вообще удовлетворительно. Во всѣхъ заведеніяхъ воспитанники дѣлали упражненія съ деревянными гимнастическими палками; упражненія съ желѣзными палками исполнялись кадетами VII класса только въ двухъ заведеніяхъ. Въ упражненіяхъ на снарядахъ я желалъ-бы видѣть больше однообразія и правильности и больше вниманія къ силамъ кадетъ различныхъ возрастовъ. Такъ, провѣренное мною во всѣхъ четырехъ кадетскихъ корпусахъ прыганье въ ширину оставляетъ еще многаго желать со стороны согласованія правилъ прыжка съ требованіями «Наставленія для обученія войскъ гимнастикѣ», а также со стороны свободы, легкости и щеголеватости исполненія. Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ, въ младшихъ и среднихъ классахъ, обращено, повидимому, больше вниманія на упражненія въ лазаньи, притягиваніи и отталкиваніи, чѣмъ на упражненія въ прыганьи, бѣгѣ и ходьбѣ, что не вполнѣ согласуется съ гигіеническими и педагогическими задачами, какія должны преслѣдоваться тѣлесными упражненіями для воспитанниковъ этого возраста. Вообще-же, гимнастическія упражненія должны вестись съ нѣсколько большимъ оживленіемъ; всѣ передвиженія должны

исполняться бѣгомъ; кадеты должны подходить къ снаряду проворно и бодро; разбѣгъ, гдѣ онъ требуется, долженъ быть коротокъ, но живъ и прогрессивно возрастать въ скорости; весь урокъ долженъ оставлять впечатлѣніе бодрости и довольства, что, при умѣломъ веденіи дѣла, никогда не можетъ пойти въ разрѣзъ дисциплинѣ. Въ одномъ только заведеніи мнѣ были показаны, въ заключеніе урока гимнастики, подвижныя игры, которыя, благодаря искусству учителя, велись съ большимъ оживленіемъ и веселостью. Считаю нужнымъ выразить желаніе, чтобы такія игры велись во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ, какъ то требуется Наставленіемъ для внѣклассныхъ занятій.

Фехтованіе стоитъ слабѣе гимнастики.

Въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, гдѣ занятія фехтованіемъ ведетъ обучавшійся на временныхъ курсахъ офицеръ-воспитатель, кадеты обнаружили достаточное и однообразное усвоеніе элементовъ этого искусства. Стойка, выпады, удары и отбивы были правильны, движенія быстры, красивы и увѣренны. Въ другихъ корпусахъ хотя и видно было, что занятія велись учителями усердно и что кадеты понимаютъ техническія формулы искусства, но главное требованіе—твердое и правильное усвоеніе элементарныхъ правилъ—не вполнѣ достигнуто.

Танцованіе во всѣхъ четырехъ заведеніяхъ поставлено уже въ трехъ младшихъ классахъ согласно утвержденной программѣ.

Въ общемъ, я не могу не отмѣтить несомнѣннаго успѣха въ этомъ отдѣлѣ, но желалъ-бы видѣть больше вниманія со стороны учителей къ указаніямъ Наставленія относительно образовательнаго значенія ихъ искусства. Приличіе внѣшнихъ формъ, пріобрѣтаемое воспитанниками смолоду при этихъ упражненіяхъ, составляетъ очень важное качество для будущаго офицера. Кромѣ того, я желалъ-бы, чтобы требованія программы исполнялись ими однообразнѣе и полнѣе.

По *пѣнію* и *музыкѣ* три заведенія представились съ полнымъ успѣхомъ. Но остается еще обратить вниманіе на болѣе широкое распространеніе музыкальнаго образованія во всей массѣ кадетъ. Начальники заведеній не должны упускать изъ виду, что въ этомъ именно заключается основная задача обученія пѣнію и музыкѣ въ кадетскихъ корпусахъ. Кромѣ того, желательно, чтобы выборъ разучиваемыхъ пьесъ болѣе соотвѣтствовалъ силамъ кадетъ и не основывался на претензіи дать непремѣнно что-нибудь замысловатое и эффектное; пьеса выбирается не для слушателей, а для кадетъ; важнѣйшія ея качества — поучительность и опредѣленное мѣсто въ систематически разработанномъ репертуарѣ.

Элементарныя занятія пѣніемъ были провѣрены мною только въ одномъ кадетскомъ корпусѣ, и я съ удовольствіемъ признаю, что представленные мнѣ результаты занятій были безусловно хороши. Въ томъ-же заведеніи церковный хоръ исполнилъ въ большинствѣ обиходные номера и, несмотря на скромную программу, я ставлю его на первомъ мѣстѣ въ числѣ прослушанныхъ мною церковныхъ хоровъ.

Ручной трудъ въ двухъ заведеніяхъ ведется очень хорошо лицами, подготовленными на временныхъ курсахъ. Число занимающихся воспитанниковъ, количество работъ, ихъ чистота, охота, съ какою кадеты относятся къ этимъ занятіямъ, свидѣтельствуютъ, что это дѣло, такъ трудно

прививавшееся прежде въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, можетъ стать теперь твердою ногою, благодаря методу и подготовкѣ руководителей.

Въ одномъ заведеніи это занятіе поставлено слабѣе, и, наконецъ, въ одномъ къ сожалѣнію, до сихъ поръ вовсе не преподается.

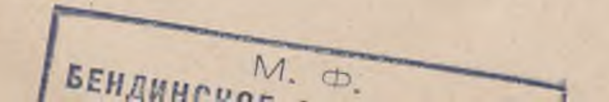
Вмѣстѣ съ испытаніями по внѣклассным занятіямъ, я осмотрѣлъ также въ четырехъ заведеніяхъ работы воспитанниковъ по рисованію и чистописанію. Въ трехъ заведеніяхъ мнѣ были представлены рисунки воспитанниковъ всѣхъ классовъ и различной степени успѣшности. Въ одномъ изъ этихъ заведеній я признаю успѣхи очень хорошими. Программа выполняется съ большимъ знаніемъ дѣла. Перспективныя упражненія воспитанниковъ, продолжающіяся въ нѣсколькихъ классахъ, ставятъ ихъ въ возможность рисовать съ натуры сознательно, что можетъ послужить имъ въ пользу въ будущей ихъ служебной дѣятельности. Техника рисованія усваивается воспитанниками твердо; видна забота преподавателя о разнообразіи и занимательности работъ для успѣвающихъ. Въ двухъ заведеніяхъ рисованіе стоитъ также удовлетворительно, въ особенности въ низшихъ классахъ; но старшіе воспитанники идутъ не достаточно ровно; есть очень слабыя работы. Наконецъ, въ одномъ заведеніи, показанныя мнѣ работы воспитанниковъ, въ небольшомъ числѣ, были очень хороши, но, къ сожалѣнію, представляли, главнымъ образомъ, копіи съ оригиналовъ.

Чистописаніе вездѣ ведется правильно, и я не могъ не замѣтить оказываемыхъ воспитанниками младшихъ классовъ успѣховъ въ этомъ предметѣ. Желательно, чтобы и по прекращеніи уроковъ чистописанія въ старшихъ классахъ почеркъ воспитанниковъ не портился и чтобы они всегда подавали учителямъ четкія и красиво написанныя работы.

Циркуляръ по военно-учебнымъ заведеніямъ.

14-го апрѣля 1893 года № 14. Въ циркулярѣ Главнаго штаба отъ 20 минувшаго марта за № 66 объявлено о разрѣшеніи воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ юнкерамъ всѣхъ военныхъ училищъ, камеръ-пажамъ и пажамъ спеціальныхъ классовъ Пажескаго Его Императорскаго Величества корпуса, при переѣздахъ по желѣзнымъ дорогамъ *на собственный счетъ*, помѣщаться въ вагонахъ II класса и въ извѣстныхъ случаяхъ, указанныхъ въ томъ-же циркулярѣ,—въ вагонахъ I класса.

Въ дополненіе къ сему Главное управленіе, по приказанію Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній, объявляетъ, что при примѣненіи означеннаго циркуляра за № 66 къ юнкерамъ военныхъ училищъ, камеръ-пажамъ и пажамъ спеціальныхъ классовъ Пажескаго корпуса, употребленное въ означенномъ циркулярѣ выраженіе «*при переѣздахъ на собственный счетъ*» слѣдуетъ понимать въ томъ именно смыслѣ, что названные воспитанники, при проѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ лишь по *общему пассажирскому*, а не *воинскому* тарифу могутъ помѣщаться въ вагонахъ II класса и, въ опредѣленныхъ случаяхъ, въ вагонахъ I класса, такъ какъ выдаваемыя названнымъ воспитанникамъ свидѣтельства лит. Д

на проѣздъ, на счетъ отправляющагося, предоставляютъ имъ, какъ нижнимъ чинамъ, право проѣзда по воинскому тарифу, на общемъ основаніи, только въ вагонахъ III класса. (Педаг. сборникъ, Іюль, 1893 г.)

Циркуляръ Главнаго штаба.

18-го мая. Изъ поступившихъ въ Главный штабъ донесеній усматривается, что воспитанники военно-учебныхъ заведеній, коимъ разрѣшено Военнымъ Министромъ — при переѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ на собственный счетъ — помѣщаться въ вагонахъ I и II классовъ, позволяютъ себѣ съ билетомъ III класса занимать мѣста въ вагонахъ II класса, ссылаясь на циркуляръ Главнаго штаба за № 66 сего года, въ которомъ изложено указанное разрѣшеніе, и толкуя этотъ циркуляръ, какъ распространеніе на нихъ установленнаго Высочайше утвержденнымъ 16-го апрѣля 1885 года положеніемъ Комитета Министровъ права льготнаго проѣзда.

Вслѣдствіе сего, Главный штабъ объявляетъ по военному вѣдомству къ свѣдѣнію и исполненію, что право льготнаго проѣзда — за плату по тарифу III класса во II классѣ—на воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній не распространено, и что воспитанники эти могутъ пользоваться объявленнымъ въ циркулярѣ Главнаго штаба № 66 сего года разрѣшеніемъ Военнаго Министра на проѣздъ во II классѣ лишь подъ условіемъ пріобрѣтенія билетовъ этого, а не III класса, за плату по полному тарифу. (Ibidem).

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книгу: «Русская грамматика. Этимологія. Составилъ *Н. Мироновъ.* Изданіе 2-е, вновь обработанное и дополненное. Изданіе *Ф. М. Трескиной.* Рига. 1892, стр. 135. Цѣна 65 коп.»—допустить въ видѣ учебнаго руководства по русскому языку для учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Введеніе къ чтенію Вергилія. Странствованія Энея. Подробное изложеніе содержанія Энеиды Вергилія, съ обращеніемъ особаго вниманія на художественную сторону этой поэмы. Составилъ *П. Черняевъ,* преподаватель Императорской Казанской 1-й гимназіи. Казань. 1893, стр. 126. Цѣна 50 коп.»—одобрить для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки (старшаго возраста) классическихъ гимназій.

— Книгу: «*Титъ Ливій.* Римская исторія отъ основанія города. Переводъ съ латинскаго подъ редакціей *П. Адріанова.* Томъ I. Книги I—V. Москва. 1892, стр. III+498. Цѣна 1 р. 50 к.»—рекомендовать для пріоб-

*) Ж. М. Нар. Просв. Іюль 1893 г.

рѣтенія въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ ученическія (старшаго возраста) классическихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: «Историческіе разсказы и повѣсти *П. Н. Полевого*. Рисунки *К. В. Лебедева*. Спб. 1892, стр. 472. Цѣна 5 руб.»—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ (старшаго возраста) библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Миѳологія грековъ и римлянъ съ постоянными указаніями на изображеніе божествъ въ искусствѣ, для руководства при школьномъ обученіи и самообразованіи. Составилъ д-ръ *Отто Зееманнъ*. Переводъ подъ редакціей *В. Гіацинтова*. Съ 83 иллюстраціями. Москва. 1893, стр. 306. Цѣна 1 р. 75 к.»—допустить въ ученическія библіотеки, для старшаго возраста, гимназій.

— Книгу: «Десятичная и метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Ея происхожденіе, преимущества и польза введенія въ Россіи. Составилъ для среднихъ учебныхъ заведеній *В. Гебель*, преподаватель Московскаго коммерческаго училища. Съ приложеніемъ таблицы метрическихъ мѣръ. Москва. 1892, стр. 28. Цѣна 25 коп.»—рекомендовать въ основныя библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и какъ учебное пособіе для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу «Элементарная зоологія. Часть I. Позвоночныя животныя. Учебникъ для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Съ 202 рисунками въ текстѣ. *С. А. Бобровскаго*. Москва. 1893, стр. 506. Цѣна 1 р. 50 к.»—одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе Императора Николая I.

(*Продолженіе*).

Съ 1847 года было приступлено къ открытію новыхъ еврейскихъ училищъ по положеніямъ 13-го ноября 1844 года.

Въ 1847 году, особенно въ началѣ его, графъ Уваровъ, находясь подъ свѣжимъ и сильнымъ впечатлѣніемъ удачнаго исхода переписи меламдовъ и обнаружившейся въ 1846 г. въ нѣкоторыхъ пунктахъ Западной Россіи готовности евреевъ приблизить старыя еврейскія школы по программѣ преподаванія и постановкѣ всего школьнаго дѣла къ школамъ новаго типа, невольно поддался обольстительной надеждѣ, что евреи не окажутъ правительству противодѣйствія при совершеніи имъ, графомъ Уваровымъ, сложнаго и труднаго дѣла устройства новыхъ школъ, въ особенности если при этомъ будутъ, по возможности, приняты во вниманіе воззрѣнія евреевъ на задачи школьнаго обученія и составъ учебнаго курса. Въ этой надеждѣ онъ бодро принялся за дѣло устройства еврейскихъ училищъ.

Двумя способами стремился графъ Уваровъ возможно болѣе увеличить количество новыхъ школъ. Первый, наиболѣе естественный, способъ состоялъ въ сформированіи новыхъ школъ. Но въ 1847 году этотъ способъ не могъ быть практикуемъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. Для устройства новыхъ училищъ нужны были болѣе или менѣе значительныя денежныя средства и нужно было располагать болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ кандидатовъ для замѣщенія учительскихъ мѣстъ; а въ распоряженіи Министерства не было еще ни сколько-нибудь значительныхъ денежныхъ средствъ, ни достаточнаго количества кандидатовъ на учительскія мѣста. Денежныя средства на содержаніе еврейскихъ училищъ должны были дать учрежденные въ 1845 году свѣчной сборъ и сборъ съ

еврейскихъ типографій; но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, они стали давать Министерству нѣкоторыя незначительныя суммы лишь къ концу 1846 года. Кандидатовъ на учительскія должности приходилось искать, главнымъ образомъ, среди занимавшихся обученіемъ въ хедерахъ и частныхъ училищахъ, но хедеры лишь въ концѣ 1845 года поступили въ вѣдѣніе временныхъ училищныхъ коммиссій, и до 1847 г. еще не могло въ достаточной степени выясниться, кто изъ меламдовъ-учителей въ хедерахъ могъ-бы быть удостоенъ высокой чести быть назначеннымъ на должности учителей въ новыхъ казенныхъ школахъ. Поэтому приходилось прибѣгнуть къ другому способу увеличенія новыхъ еврейскихъ училищъ,—къ способу, который долженъ былъ состоять въ преобразованіи въ казенныя училища нѣкоторыхъ еврейскихъ школъ стараго типа. Мысль объ этомъ способѣ увеличенія новыхъ училищъ зародилась у графа Уварова подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ доходившихъ до него свѣдѣній о томъ, что въ 1846 г. старшины нѣкоторыхъ талмудъ-торъ по собственному желанію внесли въ постановку обученія въ талмудъ-торскихъ школахъ нѣкоторыя измѣненія, которыя приближали ихъ въ этомъ отношеніи къ казеннымъ училищамъ. Графъ Уваровъ, не входя въ подробное разъясненіе вопроса о томъ, въ чемъ именно состояли эти измѣненія, и далекій отъ мысли, что подобныя донесенія нѣсколько преувеличиваютъ дѣло, подъ дѣйствіемъ этихъ донесеній и пришелъ къ мысли, что не встрѣтитъ неодолимыхъ препятствій къ преобразованію этихъ школъ въ казенныя училища: если старшины талмудъ-торъ по собственной инціативѣ нашли возможнымъ сдѣлать крупный шагъ въ дѣлѣ улучшенія въ устройствѣ своихъ школъ, то нѣтъ причинъ не думать, что по предложенію Министра и въ угоду ему они сдѣлаютъ и еще лишній шагъ въ указанномъ имъ направленіи, въ особенности если при устройствѣ учебной части въ этихъ школахъ будутъ приняты, по возможности, во вниманіе желанія евреевъ. Для видовъ-же Министерства подобное увеличеніе новыхъ еврейскихъ школъ было-бы очень выгодно: въ этихъ школахъ, въ большинствѣ случаевъ, могли-бы остаться тѣ-же учителя, какіе въ нихъ были и прежде, и, кромѣ того, на наемъ для этихъ училищъ квартиры и на первоначальное обзаведеніе училищныхъ помѣщеній не пришлось-бы тратить скудныхъ денежныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи Министерства.

Придавая особенно важное значеніе второму способу увеличенія еврейскихъ училищъ, графъ Уваровъ, въ апрѣлѣ 1847 г., поручилъ попечителю Виленскаго учебнаго округа войти въ соображеніе, не

полезно-ли будетъ устроенныя въ 1846 г. по образцу казенныхъ училищъ талмудъ-торы преобразовать въ казенныя еврейскія училища 1 или 2 разрядовъ, смотря по объему преподаванія въ нихъ учебныхъ предметовъ, а также не предстоитъ-ли возможности устроить въ такомъ-же видѣ и нѣкоторыя изъ талмудъ-торъ, находящихся въ другихъ главныхъ мѣстахъ жительства евреевъ, сообразно мѣстной потребности. Въ такомъ случаѣ еврейскія учебныя заведенія, обезпеченныя уже въ своемъ содержаніи, могли-бы воспользоваться правами казенныхъ училищъ, а неимѣющія своихъ средствъ—получить таковые изъ свѣчнаго сбора *).

Попечитель округа не замедлилъ отвѣтомъ на это предложеніе, но отвѣтъ оказался далеко неблагопріятнымъ для видовъ Министра. Рядъ вѣскихъ и убѣдительныхъ доводовъ, изложенныхъ въ этомъ донесеніи, не могъ не привести Министра къ убѣжденію въ несбыточности его помысловъ объ увеличеніи новыхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній, посредствомъ преобразованія талмудъ-торъ въ казенныя училища.

«Талмудъ-торы,—писалъ попечитель,—какъ извѣстно Министерству Народнаго Просвѣщенія, по основной цѣли своей суть не столько учебныя, сколько собственно воспитательныя заведенія, предназначенныя для призрѣнія сиротъ и дѣтей бѣднаго состоянія, кои, будучи содержимы въ нихъ на счетъ еврейскихъ обществъ, обучаются тамъ и правиламъ вѣры». Но если въ талмудъ-торахъ призрѣваемые не только обучаются, а и получаютъ полное содержаніе, то при преобразованіи талмудъ-торъ въ училища естественно приходилось подумать и о судьбѣ массы дѣтей, которыя внѣ сказанныхъ заведеній не имѣли ни пристанища, ни способовъ къ своему существованію. Бросить этихъ дѣтей на произволъ судьбы было-бы крайне неудобно. Если-же правительству придется принять на свой счетъ и содержаніе этихъ дѣтей, то на этотъ предметъ потребуются весьма значичительныя суммы; но откуда взять эти суммы?

Министръ предполагалъ, что училища, преобразованныя изъ талмудъ-торъ, были-бы обезпечены въ средствахъ своего существованія. На чемъ могло быть основано такое предположеніе? Талмудъ-торы не имѣли въ то время вѣрныхъ, вполнѣ обезпеченныхъ капиталами или недвижимыми имуществами, доходовъ. Главнымъ образомъ, они содержались на счетъ добровольныхъ пожертвованій. Но этотъ источникъ доходовъ, съ преобразованіемъ талмудъ-торъ въ училища

---

*) Дѣло канц. поп. Вил. учеб. округа. Св. 546, № 4689.

легко могъ и изсякнуть, и тогда правительству пришлось-бы принимать всецѣло на свой счетъ и содержаніе этихъ училищъ.

Предположеніе Министра о преобразованіи талмудъ-торъ въ училища обосновалось, главнымъ образомъ, на томъ, что нѣкоторыя талмудъ-торы «преобразованы были по образцу казенныхъ училищъ». Но въ дѣйствительности такого преобразованія талмудъ-торъ по образцу казенныхъ училищъ вовсе не произошло въ 1846 г. Все преобразованіе талмудъ-торъ ограничилось тѣмъ, что въ школахъ при талмудъ-торахъ, по требованію училищнаго начальства, введено было обученіе русской грамотѣ, а въ Виленской и Минской талмудъ-торахъ на счетъ особо собранныхъ на это суммъ сдѣлали нѣкоторыя другія улучшенія и курсъ ученія по общимъ предметамъ сблизили съ курсомъ казенныхъ приходскихъ училищъ. И хотя учебная часть въ школахъ при талмудъ-торахъ, говоритъ попечитель, сближена нѣсколько съ общимъ порядкомъ обученія въ казенныхъ училищахъ, но *улучшенія эти далеко не соотвѣтствуютъ предположенному устройству*.

Но, не ограничиваясь критическимъ разборомъ изложеннаго проекта, попечитель округа счелъ нужнымъ представить на усмотрѣніе Министра свой проектъ относительно устройства при талмудъ-торахъ новыхъ школъ для евреевъ. Онъ проектировалъ предоставить евреямъ содержать по прежнему на свой счетъ талмудъ-торы, но лишь какъ воспитательныя заведенія; необходимыя-же для обученія призрѣваемыхъ школы Министерству слѣдовало-бы открыть на свой счетъ, требуя лишь отъ завѣдывающихъ талмудъ-торами, чтобы они отвели для этихъ школъ безплатныя помѣщенія и содержали эти помѣщенія на свой счетъ. Въ такомъ случаѣ на устройство этихъ школъ Министерству пришлось-бы затрачивать суммы меньшія сравнительно съ требующимися на открытіе новыхъ училищъ. Учебную часть въ этихъ школахъ, по мнѣнію попечителя, слѣдовало-бы организовать по образцу существовавшихъ тогда въ округѣ двухклассныхъ училищъ для христіанъ, религіозное-же еврейское обученіе ограничить 5-ю часами въ недѣлю, причемъ, по возможности, стараться устранять преподаваніе талмуда и вмѣсто талмуда ввести, сверхъ библіи, краткое катехизическое ученіе о вѣрѣ. Такія школы можно было-бы, по мнѣнію попечителя, устраивать постепенно при всѣхъ талмудъ-торахъ; на первый-же разъ можно было-бы устроить ихъ при талмудъ-торахъ Виленской и Минской.

Во всѣхъ своихъ подробностяхъ, исключая соображеній о постановкѣ учебнаго дѣла въ новыхъ школахъ, этотъ проектъ снискалъ

себѣ полное одобреніе со стороны графа Уварова. Что касается соображеній о постановкѣ учебнаго дѣла въ проектируемыхъ къ открытію школахъ, то они рѣшительно были отклонены Министромъ. Тутъ въ первый разъ графъ Уваровъ весьма недвусмысленнымъ образомъ обнаружилъ, что онъ меньше всего думаетъ о постановкѣ учебной части въ новыхъ училищахъ въ духѣ постановленій еврейскаго Комитета.

Общія науки въ перворазрядныхъ училищахъ Комитетъ, какъ мы уже знаемъ, постановилъ преподавать въ объемѣ, опредѣленномъ для приходскихъ училищъ, а еврейскій законъ и обряды вѣры—въ объемѣ, приличномъ возрасту и понятіямъ учениковъ, такъ чтобы высшее или раввинское познаніе сихъ предметовъ вовсе не входило въ кругъ ученія. При этомъ Министерству Народнаго Просвѣщенія поставлено было въ непремѣнную обязанность—стараться, по возможности, замѣнить существовавшій въ старыхъ еврейскихъ школахъ образъ ученія еврейской вѣры катехизисомъ, въ родѣ употребляемыхъ въ Германіи, а число учебныхъ для того часовъ, по мѣрѣ укорененія новой системы преподаванія, приводить постепенно въ соразмѣрность съ дѣйствительною потребностью. Графъ Уваровъ принялъ эти постановленія Комитета, но онъ не считалъ ихъ цѣлесообразными и состоятельными. Устройство новыхъ школъ въ видѣ общеобразовательныхъ училищъ, не безъ основанія думалъ онъ, лишитъ ихъ всякаго значенія въ глазахъ большинства евреевъ, которые общему образованію придаютъ лишь второстепенное значеніе, которые требуютъ отъ школы, чтобы она прежде всего позаботилась о сообщеніи посѣщающимъ ее дѣтямъ религіознаго образованія. Чтобы расположить евреевъ въ пользу новыхъ училищъ, онъ считалъ существенно необходимымъ дать въ программѣ преподаванія въ новыхъ еврейскихъ училищахъ первенствующее значеніе еврейскимъ предметамъ и ввести въ нее не только изъясненіе молитвъ и библіи, не только еврейскую грамматику, но и изъясненіе талмуда. Онъ вовсе не боялся дать новымъ училищамъ такого рода программу и всего менѣе опасался, чтобы изученіе обучающимися въ училищахъ талмуда могло сдѣлать ихъ рабами талмуда. Напротивъ, преподаваніе еврейскихъ предметовъ въ училищахъ и должно имѣть важнѣйшей своей задачей—помочь учащимся сбросить съ себя впослѣдствіи иго талмуда. Въ сознаніи графа Уварова давно рѣшенъ былъ и вопросъ о томъ, какъ достигнуть осуществленія этой идеи. Лучшимъ для этого средствомъ онъ считалъ изданіе для еврейскихъ училищъ особыхъ руководствъ по еврейскимъ предметамъ. Библію, по его плану, слѣдовало издать съ нѣмецкимъ пере-

водомъ Мендельсона и съ комментаріями, наименѣе проникнутыми антихристіанскимъ духомъ. Къ этимъ комментаріямъ слѣдовало прибавить еще нѣкоторыя филологическія научныя замѣчанія, которыя обнаружили-бы неправильное толкованіе талмудистами нѣкоторыхъ мѣстъ писанія. Въ руководство учащимся при изученіи молитвъ слѣдовало дать одинъ изъ существовавшихъ тогда у евреевъ молитвенниковъ, но съ исключеніемъ изъ него предосудительныхъ мѣстъ, питающихъ въ евреяхъ вражду къ иновѣрцамъ, и въ новомъ нѣмецкомъ переводѣ. Точно также и избранныя для преподаванія части талмуда слѣдовало издать въ извлеченіи и съ новымъ переводомъ, причемъ нужно было пересмотрѣть и сократить существующіе комментаріи къ этимъ избраннымъ частямъ талмуда и прибавить къ нимъ филологическія замѣчанія. Изданіе такого рода руководствъ для училищъ очень озабочивало графа Уварова и онъ очень спѣшилъ этимъ дѣломъ *).

При такихъ воззрѣніяхъ на преподаваніе еврейскихъ предметовъ въ новыхъ училищахъ графъ Уваровъ, очевидно, не могъ согласиться съ предположеніями попечителя о постановкѣ учебнаго дѣла въ школахъ при талмудъ-торахъ и, пользуясь предоставленнымъ ему со стороны Комитета правомъ ближайшаго опредѣленія предметовъ преподаванія и распредѣленія по днямъ и часамъ недѣли, рѣшилъ дать открываемымъ школамъ программу преподаванія не въ духѣ постановленій Комитета, а въ духѣ личныхъ его воззрѣній.

Но въ настоящемъ случаѣ, когда еще было далеко до появленія желанныхъ руководствъ, когда еще не было установлено, какія части талмуда подлежатъ изученію въ училищахъ, графъ Уваровъ не могъ еще входить въ частныя, подробныя указанія относительно осуществленія его воззрѣній на преподаваніе еврейскихъ предметовъ.

---

*) Къ сожалѣнію, выполненіе этихъ предположеній поручено было человѣку, который не сумѣлъ или не захотѣлъ войти въ планы и намѣренія довѣрявшаго ему Министра и который, великолѣпно воспользовавшись довѣріемъ графа Уварова въ своихъ собственныхъ интересахъ, жестоко повредилъ дѣлу, которому онъ долженъ былъ послужить. Мы говоримъ о Мандельштамѣ, которому поручено было Министерствомъ изданіе 5-ти указанныхъ ему книгъ для еврейскихъ училищъ. Министерство не жалѣло денегъ на эти изданія. Оно назначило Мандельштаму отъ 25 до 100 руб. вознагражденія съ листа—какъ за текстъ и чужіе комментаріи, такъ и за переводъ, такъ что Мандельштамъ получилъ отъ Министерства до 100.000. Казалось, Мандельштаму можно было-бы поработать за такое вознагражденіе добросовѣстно, но добросовѣстности-то онъ и не обнаружилъ. Любопытныя и интересныя подробности объ этомъ разсказываетъ Моргулисъ въ своей книгѣ «Вопросы еврейской жизни», стр. 111—134.

Онъ могъ дать теперь лишь общую, и притомъ временную, на одинъ двухлѣтній курсъ обученія, программу преподаванія еврейскихъ предметовъ.

Нельзя, конечно, отрицать того, что при назначеніи значительнаго количества учебныхъ часовъ на преподаваніе еврейскихъ предметовъ, новыя училища должны были получить какой-то неопредѣленный, смѣшанный, невыдержанный характеръ: они не могли имѣть характера ни общеобразовательныхъ, ни старыхъ еврейскихъ школъ. Но графъ Уваровъ больше всего заботился только о томъ, чтобы не оттолкнуть евреевъ отъ новыхъ школъ, и потому онъ охотно мирился съ отсутствіемъ въ ихъ устройствѣ цѣльности, опредѣленности характера.

Въ силу изложенныхъ соображеній, разрѣшивъ попечителю Виленскаго учебнаго округа открыть при Виленской и Минской талмудъ-торахъ двухклассныя еврейскія училища 1-го разряда, графъ Уваровъ предложилъ ему къ исполненію и готовую программу, по которой изъ числа 20 уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ назначено было на преподаваніе еврейскихъ предметовъ по 8 уроковъ, на преподаваніе нѣмецкаго языка по 2, рускаго языка но 4, ариѳметики по 2 и чистописанія по 4; въ курсъ-же преподаванія еврейскихъ предметовъ внесено не только чтеніе и толкованіе библіи и молитвъ, не только изученіе грамматики еврейскаго языка, но и изъясненіе мишны и талмуда въ разработкѣ Маймонида *).

---

*) Для читателей «Русской Школы», не знакомыхъ съ еврействомъ, считаемъ нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя дадутъ имъ возможность нѣсколько познакомиться съ сборниками, извѣстными подъ именемъ Талмуда и Мишны. Въ концѣ II в. по Р. Х. раввинъ Іуда Га-Наси, правнукъ упоминаемаго въ Н. Зав. Гамаліила, составилъ въ Палестинѣ сборникъ, носящій имя «Мишна». Въ сборникѣ этомъ изложены дополненія къ писанному Моисееву Закону, которыя, по преданію, переданы были Богомъ Моисею на Синаѣ и переходили изъ рода въ родъ.

Въ началѣ III в. палестинскія раввинскія школы пришли въ упадокъ, и многіе раввины переселились въ Вавилонію. Тамъ еще со времени плѣна существовали значительныя еврейскія общества, а теперь образовались въ различныхъ городахъ раввинскія академіи, въ которыхъ получали свое образованіе раввинскіе судьи и учителя, распространившіеся по всей странѣ. Въ этихъ школахъ занимались преимущественно толкованіемъ древнихъ раввинскихъ предписаній, а упомянутый сборникъ «Мишна» составлялъ главный предметъ толкованія и изслѣдованія. Всѣ эти толкованія, изъясненія, разсужденія и пр. въ теченіе почти 200 лѣтъ не были кодифицированы и даже записываемы, а, по общеупотребительному на востокѣ методу, были преподаваемы устно и сохраняемы были въ памяти. Къ началу VII в. этотъ матеріалъ стали записывать,

Въ приходскихъ училищахъ, учебному курсу которыхъ, по указаніямъ еврейскаго Комитета, долженъ былъ соотвѣтствовать курсъ еврейскихъ училищъ 1-го разряда, на обученіе дѣтей, посѣщающихъ эти училища, чтенію, письму и ариѳметикѣ назначено было въ 1845 году по 19 ч. въ недѣлю. При такомъ количествѣ уроковъ, конечно, можно было достигнуть цѣли, намѣченной для этихъ училищъ. Но какихъ успѣховъ по общимъ предметамъ можно было ожидать отъ поступившихъ въ перворазрядныя еврейскія училища при 10 урокахъ въ недѣлю по общимъ предметамъ и при полномъ незнаніи ими русскаго языка въ моментъ поступленія въ училище? Но графъ Уваровъ надъ этимъ вопросомъ не задумывался.

Согласно этому распоряженію Министра, въ Минскѣ открыто было 1 октября 1847 г. первое въ Россіи казенное еврейское училище 1-го разряда. Что касается Вильны, то здѣсь не удалось открыть при талмудъ-торѣ училища. Оффиціально объяснялось это тѣмъ, что для

но еще не успѣли записать его всецѣло, какъ академіи въ Вавилоніи были разрушены, а собранія раввиновъ запрещены. Успѣли записать комментаріи только на 40 трактатовъ Мишны, тогда какъ въ ней заключается 64 трактата. Этотъ-то вавилонскій комментарій къ Мишнѣ и получилъ названіе талмуда въ собственномъ смыслѣ. И когда рѣчь идетъ просто о талмудѣ, то подъ именемъ талмуда разумѣется именно вавилонскій талмудъ. Такъ называемый талмудъ іерусалимскій, тоже нѣчто въ родѣ комментарія на Мишну, редактированный около конца IV столѣтія въ Палестинѣ, мало распространенъ между евреями и не пользуется у нихъ такимъ авторитетомъ, какъ талмудъ вавилонскій. Въ талмудѣ вавилонскомъ множество противорѣчій, трудно примиримыхъ воззрѣній и нерѣшенныхъ вопросовъ, такъ что ясно видно, что онъ и внутренно остался незаконченнымъ. Талмудъ, въ самомъ дѣлѣ, есть нѣкоторымъ образомъ собраніе протоколовъ засѣданій Палестинскихъ и Вавилонскихъ академій въ теченіе почти 600 лѣтъ,—протоколовъ, касающихся различныхъ религіозныхъ и свѣтскихъ вопросовъ и предметовъ, гдѣ самыя противоположныя мнѣнія находятся одно подлѣ другого, и гдѣ обсуждаемые вопросы, по какимъ-либо причинамъ, часто оставались нерѣшенными. Понятно, что не всѣ находящіяся въ этомъ хаосѣ противорѣчащія изреченія и мнѣнія могли быть признаваемы евреями за непреложно истинныя. Чтобы вывести изъ этой путаницы положительныя нормы для религіозной практики, раввины почти съ VIII в. старались дѣлать изъ талмуда извлеченія. Думали установить такимъ образомъ опредѣленные кодексы законовъ. Но такъ какъ при этихъ работахъ раввины, чтобы, какъ они выражались, «въ лабиринтѣ талмудическаго лѣса проложить прямые пути», слѣдовали различнымъ методамъ и принципамъ, то и результаты естественно вышли различные. Между этими систематизаторами талмуда выдающееся мѣсто занимаетъ Маймонидъ, жившій въ XII вѣкѣ въ Египтѣ. Послѣ Маймонида рядъ комментаторовъ и систематизаторовъ талмуда доходитъ до конца прошлаго столѣтія (См. Д. А. Хвольсонъ. О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ, стр. 59—63).

удобства призрѣваемыхъ дѣтей старшины талмудъ-торы желали-бы устроить училище въ помѣщеніи талмудъ-торы, но что въ 1847 году они не могли выдѣлить въ этомъ домѣ помѣщенія для училища. Старшины обѣщали исполнить желаніе учебнаго начальства весною 1848 года. Въ дѣйствительности училище не открыто потому, что не хотѣли этого старшины. Виленское учебное начальство, очевидно, хорошо знало, что обѣщаніе старшинъ устроить въ 1848 г. помѣщеніе для школы—пустой предлогъ, и въ 1848 г. не только не настаивало на исполненіи этого обѣщанія, но какъ будто и само, забывъ объ этомъ, предпочло ходатайствовать предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ открытіи въ Вильнѣ особаго еврейскаго училища 1-го разряда.

Но если попытка увеличить число новыхъ еврейскихъ училищъ посредствомъ преобразованія талмудъ-торъ въ казенныя училища дала слишкомъ незначительные результаты, то графу удалось, совершенно неожиданно для него самого, преобразовать два частныхъ еврейскихъ училища въ казенныя училища 2-го разряда.

Инициатива открытія этихъ училищъ вышла изъ Вильны. Въ одной изъ предыдущихъ статей мы уже сказали, что въ Вильнѣ до 1842 года открыто было три частныхъ училища. Въ 1846 году было открыто еще училище. Въ описываемое время въ двухъ изъ этихъ школъ обучались мальчики, а въ двухъ—дѣвочки. Такъ какъ, при незначительности взимаемой съ приходящихъ платы, училища эти не могли существовать собственными средствами, а между тѣмъ въ видахъ учебнаго начальства было необходимо поддерживать оныя, то съ 1843 года школамъ этимъ назначаемо было пособіе: 3-хъ-классной школѣ Залкинда—по 500 р. въ годъ и прочимъ школамъ—по 100 р. По мѣрѣ силъ и возможности, всѣ эти школы дѣлали свое дѣло; особенно усердно работала школа Залкинда, въ которой обучалось до 80 учениковъ и которая подготовила не малое количество евреевъ для поступленія въ гимназію. Когда, въ началѣ 1847 года, среди Виленскаго еврейскаго общества стали ходить слухи о томъ, что вскорѣ приступлено будетъ къ учрежденію казенныхъ училищъ, то содержатели частныхъ школъ, особенно мужскихъ, сильно встревожились. Открытіе казенныхъ училищъ грозило имъ бѣдой. Спросъ на образованіе со стороны еврейскаго общества былъ очень не великъ, и при увеличеніи количества училищъ число поступающихъ въ каждое отдѣльное училище естественно должно было уменьшаться. И такъ какъ разсчитывать на то, чтобы правительство и по открытіи казенныхъ училищъ стало продолжать выдачу субсидій частнымъ школамъ, было

слишкомъ мало основаній, то содержателямъ частныхъ школъ поневолѣ приходилось крѣпко задуматься о томъ, что имъ дѣлать съ своими школами. Опасенія за будущее и заставили содержателя частнаго 3-хъ-класснаго училища въ Вильнѣ Залкинда войти, въ февралѣ 1847 года, съ прошеніемъ къ попечителю округа, нельзя-ли преобразовать его училище въ казенное еврейское училище 2-го разряда, съ предоставленіемъ ему самому, Залкинду, мѣста учителя въ какомъ-либо казенномъ училищѣ. Около того-же времени поступило къ попечителю округа прошеніе содержателя частной Минской еврейской школы Давида Люрьи о назначеніи его школѣ пособія изъ казны. Эта просьба Люрьи не была уважена попечителемъ. Вмѣсто того, попечитель округа призналъ лучшимъ преобразовать и это училище въ казенное еврейское училище 2-го разряда. Сдѣланное по этому поводу попечителемъ представленіе въ Министерство было принято съ удовольствіемъ графомъ Уваровымъ, и онъ немедленно (12 іюня 1847 г.) предложилъ попечителю преобразовать съ начала новаго учебнаго года частныя школы Залкинда и Люрьи въ трехклассныя казенныя еврейскія училища съ принятіемъ полнаго ихъ содержанія на счетъ свѣчнаго сбора.

По данной этимъ училищамъ Министромъ временной программѣ на преподаваніе въ нихъ еврейскихъ предметовъ назначено было по 9 часовъ въ каждомъ изъ 3-хъ классовъ. Кромѣ того, назначено было отъ 1 до 2 часовъ въ недѣлю для преподаванія желающимъ въ свободные отъ ученья часы нѣкоторыхъ, точно указанныхъ въ программѣ, трактатовъ изъ Мишны, а по пятницамъ и субботамъ обязательно для всѣхъ учениковъ училища читаема была сидра и гафтура, а также и тѣ псалмы, которые назначены были на эти дни по молитвеннику. Что касается общеобразовательныхъ предметовъ, то изъ числа ихъ на преподаваніе русскаго языка и ариѳметики назначено было по 3 урока въ недѣлю въ каждомъ классѣ, на преподаваніе исторіи, географіи и чистописанія съ черченіемъ по 2 урока въ каждомъ классѣ.

Сравненіе этой программы съ программой преподаванія въ уѣздныхъ училищахъ, учебному курсу которыхъ, по указаніямъ еврейскаго Комитета, долженъ былъ соотвѣтствовать учебный курсъ еврейскихъ училищъ 2-го разряда, указываетъ, что графъ Уваровъ, въ видахъ усиленія занятій обучающихся въ этихъ училищахъ еврейскими предметами, счелъ возможнымъ сократить для нихъ сравнительно съ уѣздными училищами на $^1/_4$ количество уроковъ по русскому языку и ариѳметикѣ, на $^1/_2$—по чистописанію и вовсе исключилъ пре-

подаваніе геометріи. Такъ и здѣсь графъ Уваровъ старался выдвинуть на первый планъ преподаваніе еврейскихъ предметовъ въ ущербъ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ, не исключая и русскаго языка *).

Осенью 1847 года оба эти новыя училища 2-го разряда были открыты **).

Вновь были сформированы и открыты въ этомъ году лишь два раввинскія училища: Виленское и Житомірское. Первое открыто въ составѣ 3-хъ приготовительныхъ классовъ, второе — въ составѣ 2-хъ такихъ-же классовъ.

Въ 1848 году сдѣланъ былъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ опытъ устройства казенныхъ еврейскихъ училищъ. Тогда рѣшено было приступить къ устройству этихъ училищъ во всѣхъ губернскихъ городахъ Сѣверо-западнаго и въ нѣкоторыхъ городахъ Юго-западнаго края. Вмѣстѣ съ предложеніемъ объ открытіи училищъ препровождены были попечителямъ учебныхъ округовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости и программы преподаванія въ этихъ училищахъ, опять-таки временныя, на одинъ курсъ ***).

По этимъ программамъ въ училищахъ 1-го разряда на преподаваніе еврейскихъ предметовъ назначалось уже не 8, какъ въ 1847 году, а 9 уроковъ, на преподаваніе нѣмецкаго языка назначили 1 урокъ въ недѣлю, а на преподаваніе ариѳметики и русскаго языка — только шесть уроковъ. Уроки назначались полуторачасовые. Такимъ образомъ, количество уроковъ по общеобразовательнымъ предметамъ въ еврейскихъ училищахъ доведено было до невозможно малыхъ размѣровъ, — до такихъ размѣровъ, при которыхъ успѣшность преподаванія этихъ предметовъ становилась немыслимой.

Въ программѣ преподаванія въ училищахъ 2-го разряда первое мѣсто по прежнему заняли еврейскіе предметы. На преподаваніе ихъ назначено по 9 уроковъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ. Затѣмъ, на преподаваніе нѣмецкаго языка назначено было 2 урока въ недѣлю, а всѣхъ прочихъ — по 10. Въ числѣ этихъ предметовъ въ программѣ указаны:

а) Русскій языкъ, ариѳметика и чистописаніе съ черченіемъ. Указанную группу предметовъ предписывалось проходить въ объемѣ уѣздныхъ училищъ, но на преподаваніе ихъ въ еврейскихъ учили-

*) Сбор. пост. по Мин. Народн. Просв. т. II, отд. I. Штаты и приложенія къ ст. 66. Сбор. распор. по Мин. Нар. Просв. т. I. Штаты и прилож. къ ст. 413.

**) Дѣло канц. поп. Вил. учеб. окр. св. 546, № 4690.

***) Дѣло канц. поп. Вил. уч. окр. св. 546, № 4689. Дѣло — св. 569, № 4833.

щахъ назначено меньшее число уроковъ, чѣмъ въ уѣздныхъ училищахъ, именно по 8 уроковъ въ I и II кл. и 7 ур. въ III к. вмѣсто 10.

б) Общенародная географія. На преподаваніе ея назначено по 1 уроку въ каждомъ классѣ вмѣсто 2-хъ, назначенныхъ для уѣздныхъ училищъ. Преподаваніе географіи въ еврейскихъ училищахъ должно было, впрочемъ, преслѣдовать особую цѣль, которая могла быть достигнута и при одномъ урокѣ. Въ этихъ училищахъ, какъ преимущественно коммерческихъ, слѣдовало разсматривать землю въ мануфактурномъ и коммерческомъ отношеніяхъ.

в) Свѣдѣнія изъ естественной исторіи, физики, химіи и гигіены. На сообщеніе этихъ «свѣдѣній» назначено было по 1 уроку въ каждомъ классѣ и 2 урока въ 3 классѣ въ недѣлю. Достаточно указать на это количество уроковъ, чтобы дать понять читателю, что изъ всѣхъ исчисленныхъ предметовъ обучающимся въ казенныхъ училищахъ сообщаемы были лишь кое-какіе обрывки. Для большаго-же уясненія характера, какой должно было имѣть сообщеніе «свѣдѣній», не излишне привести нѣкоторыя указанія программы. Такъ, изъ млекопитающихъ программа рекомендуетъ разсмотрѣть нѣсколько хищныхъ животныхъ, которыя доставляютъ мѣха. Классъ рыбъ, не заключающій въ себѣ «важныхъ въ техническомъ отношеніи животныхъ», программа совѣтуетъ проходить «вкратцѣ»; при ознакомленіи учащихся съ растительнымъ царствомъ преподавателю рекомендуютъ сказать о тѣхъ лишь растеніяхъ, которыя наиболѣе замѣчательны въ употребленіи или по своимъ зловреднымъ свойствамъ. И потому, «не слѣдуя никакой ученой системѣ», преподаватель долженъ отличить употребительные грибы отъ негодныхъ къ употребленію, описать хлѣбныя и кормовыя растенія, ознакомить учениковъ съ обыкновенными у насъ и весьма вредными для здоровья растеніями. И такова вся программа!

г) Свѣдѣнія изъ коммерческихъ наукъ, на сообщеніе которыхъ назначалось 3 урока въ 3-мъ классѣ.

Попечителя учебныхъ округовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости усердно принялись за исполненіе воли Министра относительно открытія еврейскихъ училищъ, но всѣ ихъ усилія въ этомъ направленіи дали результаты весьма незначительные. Въ Кіевскомъ учебномъ округѣ въ теченіе учебнаго 1848—1849 года не удалось открыть ни одного училища; въ Виленскомъ учебномъ округѣ открыты были училища 1-го разряда въ Вильнѣ, Ковнѣ, Гроднѣ и Витебскѣ. Но число учениковъ, поступившихъ во вновь открытыя училища, за исключеніемъ Ковенскаго, было весьма незначительно. Въ Гроднѣ пришлось открыть

училище съ 5 учениками. Въ довершеніе къ этому, въ числѣ принятыхъ въ училища почти не оказалось дѣтей состоятельныхъ евреевъ; громадное большинство поступившихъ были дѣти бѣдняковъ-евреевъ, или бездомные, безпріютные сироты.

Такимъ образомъ, опытъ, сдѣланный въ 1848 году, далъ результаты, слишкомъ мало утѣшительные. Какъ объяснить это явленіе?

Въ описываемое время въ несочувствіи евреевъ къ казеннымъ училищамъ видѣли результатъ еврейскаго фанатизма и интригъ меламдовъ противъ казенныхъ училищъ. И нельзя сказать, чтобы это объясненіе было совершенно неосновательно. Во всякомъ случаѣ, злѣйшими врагами новыхъ училищъ явились, дѣйствительно, меламды. Темная армія ихъ начала свои непріязненныя дѣйствія противъ новой школы тотчасъ-же послѣ того, какъ въ еврейскомъ обществѣ заговорили о намѣреніи правительства создать для образованія евреевъ новыя училища. Съ половины 1846 года, когда меламдамъ стало извѣстно, что всѣ они должны будутъ подвергнуться испытаніямъ по еврейскимъ предметамъ, они удвоили свою энергію въ борьбѣ съ новой школой. Распоряженіе это крайне поразило меламдовъ. Временныя правила, казалось, обезпечивали имъ право свободнаго заработка хлѣба посредствомъ обученія дѣтей, если только они будутъ обмѣнивать ежегодно свидѣтельство. И вдругъ появляется новое распоряженіе, въ силу котораго большинство меламдовъ должно будетъ лишиться возможности открыто и безбоязненно заниматься своимъ ремесломъ, такъ какъ было ясно, что огромное большинство меламдовъ не можетъ выдержать экзамена. Эта неожиданность появленія суроваго для меламдовъ распоряженія, это усиленіе ограничительныхъ по отношенію къ нимъ правилъ вразумительно подсказывало меламдамъ, что правительство безповортно рѣшило устранить ихъ отъ обученія дѣтей и передать это дѣло въ другія руки. Въ распоряженіи объ испытаніяхъ они прочли себѣ смертный приговоръ и, въ отвѣтъ на этотъ приговоръ, пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы подогрѣть въ евреяхъ любовь и расположеніе къ старымъ школамъ, въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ дававшимъ евреямъ достаточное образованіе, а теперь гонимымъ и унижаемымъ, и возбудить недовѣріе къ новымъ школамъ.

Но не нужно преувеличивать значенія этихъ меламедскихъ интригъ. Меламды всегда были врагами раціональнаго образованія. Это обстоятельство никогда не мѣшало однако-же отдѣльнымъ евреямъ, понимавшимъ значеніе общаго образованія, отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія; не помѣшало оно ни возникновенію,

ни процвѣтанію частныхъ еврейскихъ училищъ. Если-же въ настоящемъ случаѣ все русское еврейство оказалось единомысленнымъ съ меламдами и на приглашеніе правительства посылать дѣтей въ школы отвѣтило командировкой въ эти школы безродныхъ, бездомныхъ дѣтей, то для объясненія этого явленія нужно искать другихъ причинъ, помимо меламедскихъ интригъ.

И причины эти дѣйствительно существовали. Онѣ заключались въ особенностяхъ организаціи новыхъ училищъ.

Масса еврейства не могла симпатизировать этимъ школамъ уже потому, что начальниками ихъ были христіане. Могъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, благочестивый, по тогдашнимъ понятіямъ, еврей охотно отдать своего сына въ школу, управляемую христіаниномъ? Развѣ не могъ онъ опасаться, что этотъ начальникъ поставитъ главной задачей своей дѣятельности именно обращеніе еврейскихъ дѣтей въ христіанство? Пусть даже этотъ начальникъ не будетъ посягать на религію своихъ учениковъ, пусть даже онъ благосклонно будетъ относиться къ еврейской религіи, но уже въ силу своего незнакомства съ еврейской религіей онъ весьма легко, даже безъ всякаго злого умысла, можетъ сообщить своимъ ученикамъ воззрѣнія, которыя съ еврейской точки зрѣнія могутъ представляться прямо предосудительными, богопротивными, или внѣдрить въ нихъ привычки, идущія въ разрѣзъ съ требованіями еврейской религіи и жизни. Тѣмъ менѣе такой начальникъ можетъ годиться на то, чтобы руководить своихъ питомцевъ въ исполненіи ими религіозныхъ обязанностей и наблюдать за тѣмъ, чтобы учителя еврейскихъ предметовъ правильно и хорошо—съ еврейской, конечно, точки зрѣнія—вели свое дѣло. А учителя эти, взятые изъ числа меламдовъ, но вовсе неизвѣстные евреямъ той мѣстности, гдѣ приходилось имъ учительствовать, были очень подозрительны для евреевъ. Вчерашніе меламды, они своимъ переходомъ на сторону правительственныхъ требованій и исполненіемъ правительственныхъ распоряженій сильно возбуждали противъ себя евреевъ и являлись въ глазахъ ихъ чуть не измѣнниками вѣрѣ своихъ предковъ. Это отношеніе еврейской массы къ учителямъ-евреямъ тѣмъ сильнѣе обострялось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что въ средѣ новыхъ учителей дѣйствительно нашлись люди безтактные, не воздержные въ своихъ сужденіяхъ, не умѣвшіе снисходить къ немощамъ своихъ единовѣрцевъ. Какъ мало довѣряли этимъ учителямъ евреи, видно изъ того, напр., что гродненскіе евреи обусловливали свое согласіе на отпускъ дѣтей во вновь открытое въ Гроднѣ еврейское училище тѣмъ, чтобы членамъ вре-

менной училищной коммиссіи—евреямъ дозволено было посѣщать уроки еврейскихъ предметовъ и контролировать такимъ образомъ преподаваніе вновь назначенныхъ учителей. А при такомъ отношеніи къ преподавательскому персоналу въ новыхъ училищахъ масса евреевъ, конечно, сторонилась новыхъ училищъ, какъ-бы ни было усиливаемо въ нихъ преподаваніе еврейскихъ предметовъ *).

Евреи, не чуждавшіеся образованія и считавшіе своей священной обязанностью давать своимъ дѣтямъ общее образованіе, не могли придавать особенно важнаго значенія тому, что во главѣ еврейскихъ училищъ поставлены христіане: уже въ теченіе болѣе сорока лѣтъ дѣти евреевъ поступали въ общія христіанскія заведенія и во время обученія тамъ не были обращаемы въ христіанство. Но важно было то, что начальникъ училища былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преподавателемъ общихъ предметовъ въ училищѣ. А какимъ-же образомъ онъ можетъ исполнять учительскія обязанности, если онъ не понимаетъ жаргона, а поступающія въ заведеніе дѣти не понимаютъ русскаго языка? Можетъ-ли при такихъ условіяхъ идти успѣшно обученіе? Затѣмъ, родителямъ естественно было задаться вопросомъ, могутъ-ли дѣти ихъ, въ случаѣ поступленія въ училища, въ достаточной мѣрѣ изучить общіе предметы. И отвѣтъ на этотъ вопросъ получался скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный. Въ программахъ новыхъ еврейскихъ училищъ было отведено такъ много мѣста еврейскимъ предметамъ, что для преподаванія въ нихъ даже русскаго языка оставалось слишкомъ мало времени. Чему-же можно было научиться въ такихъ школахъ? И не естественнѣе-ли было поэтому евреямъ, болѣе или менѣе образованнымъ, по прежнему отдавать своихъ дѣтей въ частныя училища, или, гдѣ не было частныхъ училищъ, въ общія учебныя заведенія?

Такимъ образомъ, новыя училища въ глазахъ всего еврейства были малопригодными для нихъ школами. И они сторонились этихъ училищъ.

Графу Уварову не легко было придти къ этой мысли, но, кажется, онъ все-таки пришелъ къ ней. По крайней мѣрѣ, въ предложеніи попечителямъ учебныхъ округовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, отъ 17 февраля 1849 года, онъ откровенно выразилъ мысль *о необходимости приспособить еврейскія училища 1-го разряда къ потребностямъ низшихъ классовъ еврейскаго населенія и преобразовать ихъ*,

---

*) Дѣло канц. поп. Вил. у. окр. Св. 546, № 4.689. «Разсвѣтъ». 1880 г. № 37, стр. 1.462.

гдѣ окажется возможность, въ ремесленныя, или другого рода реальныя заведенія. Поручая попечителямъ обсудить эту мысль, графъ Уваровъ сообщилъ имъ для соображеній подробныя свѣдѣнія о еврейскомъ ремесленномъ училищѣ, состоявшемъ въ Варшавѣ при домѣ убогихъ и сиротъ *).

Изъ бумагъ, приложенныхъ къ предложенію, оказывается, что обучавшіеся въ этомъ училищѣ евреи, въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ, лишь по два часа въ день употребляли на учебныя занятія (въ пятницу три), все-же прочее время проводили въ мастерскихъ, обучаясь ремесламъ сапожному, портняжному, столярному, токарному, переплетному, а также упражняясь въ садоводствѣ и тканьѣ издѣлій шерстяныхъ и льняныхъ. Учебная программа этого училища была очень незамысловатая. По этой программѣ два часовыхъ урока назначались на чтеніе библіи, 6—на чтеніе и письмо по еврейски, польски и россійски, 2—на ариѳметику, 2—на рисованіе и 1—на пѣвіе.

Такъ какъ, предлагая попечителямъ обсудить вопросъ о преобразованіи училищъ 1-го разряда въ ремесленныя, графъ Уваровъ обращалъ особенное вниманіе ихъ на Варшавское еврейское училище при домѣ убогихъ и сиротъ, то естественно предположить, что онъ не чуждъ былъ мысли придать преобразованнымъ училищамъ 1-го разряда именно ту организацію, какую имѣло рекомендованное имъ вниманію попечителей училище. Но если такъ, то позволительно сказать, что и самъ графъ Уваровъ пришелъ къ мысли о малой пригодности для евреевъ училищъ 1-го разряда, съ такимъ трудомъ имъ созданныхъ, и о несбыточности мечты—преобразовать евреевъ посредствомъ привлеченія ихъ въ эти училища.

Но графъ Уваровъ избавленъ былъ отъ горькой необходимости открыто произнести такой судъ надъ своимъ дѣломъ: 20-го октября 1849 года,—прежде, чѣмъ получены были отъ попечителей отвѣты на предложеніе отъ 17-го февраля,—онъ былъ уволенъ по прошенію отъ должности Министра Народнаго Просвѣщенія.

А. Бѣлецкій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Дѣло канц. попеч. Вил. уч. окр. св. 569, № 4.833.

Страница къ исторіи нашего женскаго домашняго воспитанія въ недавнюю старину.

(Окончаніе).

Домашнее воспитаніе отражаетъ па себѣ такъ или иначе общественный строй. Общественныя условія ставятъ свой идеалъ, по которому и подгоняютъ дѣтей. Но условія эти до воспитываемыхъ доходятъ черезъ людей, непосредственно близко стоящихъ къ нимъ, и потому общественная порча или нейтрилизуется, или передается еще обостренная примѣромъ. Я рано привыкла видѣть въ отцѣ чуть не мученика честности; мать жила въ вѣчномъ страхѣ, что его выгонитъ начальство за то, что онъ «законникъ». Помню живо одинъ случай, когда нарядили слѣдствіе, грозившее отцу сѣрой курткой за то, что онъ не хотѣлъ принять въ казенныя мастерскія, которыми завѣдывалъ, гнилую пеньку, въ принятіи которой былъ сильно заинтересованъ его непосредственный начальникъ. Не только вся женская половина родни находила, что онъ поступаетъ какъ дурной семьянинъ, ради сумасбродныхъ фантазій, но даже отецъ Володи, пользовавшійся въ семьѣ репутаціей ума, находилъ, что онъ даромъ погубитъ себя и семью, а міръ не переучитъ. Я впервые услышала: Донъ-Кихотъ. Погубить—значило лишить средствъ къ барской жизни. Отецъ отвѣчалъ, что будетъ конторщикомъ, прикащикомъ, дѣтей самъ выучитъ всему, что надо, а подлецомъ не будетъ. И если дѣти послѣ упрекнутъ его за то, что онъ не подличалъ для нихъ, то это будетъ для него незаслуженнымъ и страшнымъ несчастьемъ. Точныхъ словъ я не помню, но помню смыслъ, и всего ярче помню влечатлѣніе отъ словъ отца, и это потому, что тонъ былъ глубоко искренній, это было *настоящее*. Слова и слезы матери и тетки о томъ, что онѣ умрутъ или сойдутъ съ ума отъ горя, оставляли меня почти равнодушной. Случай выручилъ: какая-то катастрофа въ семьѣ слѣдователя отозвала его изъ нашего города; присланный вмѣсто него повелъ дѣло

иначе. Оказался-ли онъ честнымъ человѣкомъ, или былъ трусливѣе перваго—не знаю. Такіе характеры, какъ мой отецъ, всегда внушаютъ нѣкоторый страхъ людямъ робкимъ. Онъ смѣлъ говорить правду, рискуя *всѣмъ*, какъ тогда говорили, — очевидно, что такой человѣкъ способенъ на все, и хотя я не могла узнать, въ чемъ заключалось это «все» въ глазахъ начальства и сослуживцевъ, но знаю одно, что они побаивались этого *всего*, особенно когда отецъ выйдетъ въ отставку. Помню, какъ въ одинъ изъ тяжелыхъ дней переживавшейся драмы отецъ отвѣтилъ на упреки родни, подозвавъ меня и сказавъ: «не вѣрь, я не дурной отецъ. Я надорвусь, работая для семьи; но я не могу принять гнилую пеньку на флотъ. Гнилыя веревки не выдержатъ въ бурю — и тысячи людей могутъ погибнуть». Изреченіе Минина «заложимъ женъ и дѣтей и выкупимъ отечество» было мнѣ понятно; но это было великое событіе, что-то крайне далеко и высоко отстоявшее отъ повседневной моей жизни, а тутъ въ первый разъ осязаемо, очевидно, вживѣ данъ былъ мнѣ запавшій на всю жизнь урокъ о правдѣ и благѣ общественныхъ. Я поняла, что о *тысячахъ* людей должно болѣе думать, *тысячами* болѣе дорожить, чѣмъ личными выгодами и удобствами. Эта драма моего дѣтства, такъ плохо вязавшаяся съ моимъ горделиво-патріотическимъ убѣжденіемъ въ принадлежности моей къ народу, избранному Богомъ, не могла набросить ни малѣйшей тѣни на жаръ и яркость убѣжденія. Было, кромѣ разсказовъ крѣпостныхъ и деньщиковъ, еще много впечатлѣній, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что народу, избранному Богомъ, жилось тогда очень тяжело. Окна нашей квартиры выходили на улицу, потомъ загороженную съ обоихъ концовъ стѣнами съ воротами и обращенную въ плацъ для ученья солдатъ. Когда выставлялись окна, намъ запрещали смотрѣть въ открытыя окна, чтобы не слышать безобразной нецензурной ругани, которою офицеры и унтера приправляли ротное ученье. Всего безобразнѣе было ученье рекрутъ. Изъ окна второго этажа можно было видѣть блѣдныя, растерянныя, искаженныя страхомъ лица парней, только что взятыхъ отъ сохи, видѣть, какъ сыпались палочные удары на согнутое колѣно, поднятый носокъ, какъ кулаки опускались на лица. Я видѣла выступавшую кровь, сине-багровые вздувавшіеся скулы, глазъ; видѣла, какъ подъ опускавшимся на голову, какъ молотъ, кулакомъ шатался и падалъ на сосѣда молодой солдатъ. Случалось, что послѣ ученья товарищи отводили шатавшагося и еле волочившаго ноги побитаго въ тотъ флигель въ ряду казармъ, гдѣ тогда помѣщался госпиталь. Въ тѣ ночи, когда я это видѣла, я много гово-

рила во снѣ—съ плачемъ, со стономъ и вскрикиваньемъ. Изъ окна кабинета и передней, выходившихъ на южную сторону, три раза въ сутки я видѣла другое зрѣлище. Въ полдень арестанты возвращались съ работъ изъ адмиралтейства, черезъ часа два шли обратно на работы и по окончаніи ихъ, въ девять вечера, возвращались въ свои казармы. Если я вставала ранѣе, то могла видѣть и въ четвертый, когда они шли на утреннюю работу. Бритыя головы подъ сѣрыми шапками, бубновые тузы на курткахъ,—иныя были сшиты изъ двухъ половинъ—сѣрой и черной (при такой курткѣ брилась только половина головы), звонъ цѣпей, глухой стукъ катимой впередъ тачки,—были несчастные, прикованные къ тачкамъ, были скованные по двое,—эту бездну несчастія мы, дѣти, видѣли съ тѣхъ поръ, какъ начали помнить себя. Было нѣсколько человѣкъ знакомыхъ мнѣ арестантовъ. Няня Катерина часто водила насъ гулять на крѣпостной валъ, когда они тамъ работали; она хотѣла повидать мужа, и ей это не запрещалось. Въ то время не думали о томъ, какъ такое зрѣлище подѣйствуетъ на дѣтскіе нервы, и это потому, что такой вещи, какъ «нервы», въ дѣтяхъ не полагалось, и вопросъ нервности разрѣшался очень просто. «Вотъ еще — нервы! дать розогъ—и рукой сниметъ». Разъ какая-то нервная барыня, ѣхавшая мимо вала, увидѣла насъ, и потомъ замѣтила отцу, что видъ арестантовъ разстроитъ нервы. Отецъ возразилъ, что нечего нѣжить, пусть учатся жалѣть несчастныхъ. Когда мнѣ приходилось видѣть, до чего иные либеральные родители оберегали дѣтей отъ каждаго впечатлѣнія общаго горя, то мнѣ припоминался отецъ и думалось, что въ его домостроевской системѣ было то, чему не мѣшало-бы поучиться многимъ современнымъ родителямъ, воспитывающимъ дѣтей по послѣднему слову педагогіи... У иныхъ арестантовъ далеко на родинѣ были покинуты семьи; эти несчастные всегда радовались, когда мы приходили; они брали насъ на руки, качали подъ звонъ цѣпей; иногда послѣ поцалуя на щекѣ или рукѣ моей оставался слѣдъ слезы. «Своихъ вспомнилъ», говорила няня, а иногда и кто-нибудь изъ часовыхъ, которые большею частью сидѣли, благодушно покуривая трубочки или нюхая табакъ изъ тавлинокъ. Арестанты ладили мнѣ изъ щепокъ трещетки и мельницы, и это то-же было сильнымъ мотивомъ сочувствія для 5—6-лѣтняго ребенка. Я кланялась изъ окна своимъ знакомымъ, но отвѣчать они могли только улыбками, потому что шли въ строю.

Былъ случай, показавшій мнѣ, что мои знакомые могутъ быть страшны. Мы шли вечеромъ всей семьей черезъ адмиралтейство; ареастнты, работавшіе около доковъ, бросили работу и зашумѣли. Дежур-

ный офицеръ подбѣжалъ къ отцу, бормоча заплетающимся отъ вина языкомъ «бунтуютъ». Приказавъ намъ не трогаться съ мѣста, отецъ пошелъ на встрѣчу шедшей къ нему толпы. Впереди шелъ рослый арестантъ, раскачивая въ опущенной рукѣ топоръ или молотъ. Отецъ и онъ сошлись лицомъ къ лицу. Я слышала твердый голосъ отца. «Убьешь меня—мнѣ двухъ смертей не бывать, тебѣ-же хуже и здѣсь, и тамъ». Я слышала какъ ударилось съ глухимъ стукомъ о землю оружіе, выпавшее изъ руки арестанта, какъ смущенный голосъ проговорилъ: «простите, в—в—діе!». Затѣмъ раздался хоръ жалобъ на непосильный урокъ. Отецъ приказалъ вернуться на работу, и черезъ минутъ десять отпустилъ въ казармы. Шабашъ наступилъ уже. Отецъ простилъ арестанта, и это дѣло было замято. Несчастному грозила смерть сквозь строй. Досталось офицеру, который бѣжалъ за отцомъ вплоть до воротъ адмиралтейства, снявъ киверъ и униженно моля о пощадѣ. Я рѣдко видѣла отца въ такомъ гнѣвѣ, сдержанномъ и тѣмъ болѣе страшномъ, какъ въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ протрезвѣвшему отъ ужаса офицеру: «Еще что, — и вамъ быть матросомъ! Мать не умолитъ больше на колѣняхъ». «Вотъ ваша бабья жалость,— обратился онъ дома къ матери и теткѣ,—пьяный звѣрь сколько бѣдъ-бы надѣлалъ, не случись я тутъ. Господь спасъ». Такое объясненіе дѣла, данное не ради меня, не пропало и сильно смягчило страхъ, который, вмѣстѣ съ понятнымъ злобнымъ чувствомъ, мнѣ начали внушать теперь арестанты. Я хотѣла при первой встрѣчѣ на работѣ упрекать ихъ, но отецъ приказалъ намъ: никому ни слова о томъ, что мы видѣли, и такимъ тономъ, что невозможно было проболтаться даже нечаянно. Дѣти чутки на такой тонъ и умѣли молчать, когда знаютъ, что изъ ихъ болтовни можетъ выйти бѣда. Мнѣ приходилось видѣть подтвержденіе этого факта даже въ очень легкомысленныхъ и плохенькихъ сравнительно дѣтскихъ натурахъ. Въ наше время много говорятъ объ инерціи, простраціи, много слышится жалобъ о безцвѣтности и стертости характеровъ. Не слѣдуетъ-ли, на ряду съ причинами, какими объясняютъ этотъ безотрадный фактъ, указать и на ту стѣну, которую ставятъ между дѣйствительною жизнью и дѣтьми изъ близорукой-ли нѣжности, или изъ вновь воскресающей дисциплины добраго стараго времени, въ которомъ было такъ много страшнаго.

Я-бы, можетъ быть, забыла о многихъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, если-бы не знакомство съ семьею англичанъ и не воспылавшіе патріотическіе споры съ старшимъ сыномъ, моимъ ровесникомъ, и старшей дочерью, которая была моложе меня года на три, но была несравненно

умнѣе и развитѣе моихъ ровесницъ изъ знакомыхъ. Я долго считала ее необычайно умной, пока уже взрослой, побывавъ за границей, не увидѣла, что умъ, который я въ дѣтствѣ считала необычайнымъ, былъ только слѣдствіемъ болѣе высокаго культурнаго уровня англичанокъ въ сравненіи съ русскими женщинами той поры. Англичанка, выросшая на Шекспирѣ, какъ мать Мери, имѣла такой богатый запасъ мыслей и понятій, какого не могли дать отрывки изъ Гоѳоліи и Эсфири и синтаксисъ французскаго языка—эта квинтъ-эссенція институтскаго воспитанія матери, — ей и двумъ теткамъ моимъ—старшей сестрѣ матери и единственной сестрѣ отца.

Я доказывала Мери превосходство русскихъ надъ англичанами: *мы* прогнали татаръ, поляковъ, французовъ; англичане не прогнали ни саксовъ, ни датчанъ. И такъ какъ она не больше моего понимала условія, при какихъ происходили изгнанія, то, обходя этотъ вопросъ, колола мнѣ глаза позоромъ крѣпостничества. «Britons never shall be Slaves. Русскіе лгуны. Отецъ мой пятнадцать лѣтъ въ Россіи и говоритъ о ней съ отвращеніемъ. Онъ столько видѣлъ лганья, воровства». «Если у насъ такъ дурно, зачѣмъ-же ѣдутъ къ намъ ѣсть нашъ хлѣбъ и насъ-же бранить»,—возражала я. И, смутясь, что этимъ могла обидѣть Мери, — я знала, что жили они бѣдно, — прибавляла: «Хотя у насъ крѣпостные, за-то у каждаго мужика есть земля, а у васъ народъ мретъ съ голоду. Богъ наказываетъ васъ за то, что вы не православные и казнили своего короля Карла I». Мери смолкала, за неимѣніемъ аргументовъ, но добывала ихъ къ слѣдующему свиданію, чтобы дать мнѣ отпоръ, приводившій меня въ ужасъ. Отецъ ея былъ человѣкъ образованный и вигъ. Понятно, что новые аргументы скользили по мнѣ во всемъ томъ, въ чемъ я не слышала подтвержденія дома. Но фактъ лживости и воровства не былъ опровергнутъ моимъ отцомъ, который далъ мнѣ тоже аргументъ для диспутовъ: управленіе Индіей. Все это могло быть очень печально съ общечеловѣческой точки зрѣнія, да несомнѣнно и было, но все-же имѣло и свою хорошую сторону въ томъ, что пріучало умъ къ интересамъ, не волновавшимъ умы маленькихъ барышень. Одна изъ нихъ, Лёленька З., когда я передала ей свой диспутъ съ Мери, замѣтила: «Какъ смѣетъ она такъ спорить съ вами? Кто ея отецъ?—докторишка безъ чина, вашъ—капитанъ второго ранга». Послѣ этого я дала себѣ слово говорить съ Лёленькой З. только на свѣтскія темы, т.-е. принятыя въ разговорахъ съ церемонными знакомыми.

Всѣ эти впечатлѣнія западали, перерабатывались, поднимали порой недоумѣнія. Иногда мы толковали съ товарищами. Но Володю, быв-

шаго въ иныхъ вопросахъ авторитетомъ, увезли въ корпусъ съ братомъ. Тамъ они почерпнули сугубое презрѣніе къ дѣвчонкамъ. Пріѣзжая на праздники, первымъ дѣломъ заставили меня вытянуть руку, пощупали мускулы и одобрили, «ничего для дѣвчонки», а затѣмъ уже не удостаивали вниманія. Тараторить съ дѣвчонками было унизительно, когда явилось столько новыхъ товарищей. Съ отцомъ я говорила теперь рѣдко, ему жилось все тяжелѣе, служебная борьба осиливала его, и онъ еще дольше молился и становился все суровѣе. Уроки русской исторіи и ариѳметики кончились; у него прибавилось и на дому служебныхъ занятій. Притомъ, онъ довѣрялъ очень немногимъ и, гдѣ только могъ, все дѣлалъ самъ, даже многія бумаги писалъ самъ, считая писаря подкупленнымъ врагами. Бывали случаи пропажи бумагъ у него въ конторѣ, и потому онъ документы поважнѣе приносилъ домой. Мнѣ взяли учителя русской словесности и исторіи—г. О. Я давно ждала этихъ уроковъ, надѣялась узнать то, что заставляло меня теряться въ догадкахъ, узнать обо всѣхъ великихъ людяхъ, создавшихъ славу Россіи, узнать *правду*. Мнѣ чуялось что-то новое, свѣтлое, хотя Володя, котораго тотъ-же учитель готовилъ въ корпусъ, говорилъ, что за уроками его заснешь, и хорошо въ немъ одно, что добрый. Сверхъ того, уроки эти были переходной ступенью отъ дѣтства и отмѣчали пору, когда, по извѣстному выраженію, дѣвочка уже не дитя, но еще и не дѣвушка.

Учитель, давно уже умершій, былъ дѣйствительно добрымъ и очень мягкимъ человѣкомъ; на урокахъ его я не спала съ Соней, но только потому, что мы обѣ горѣли нашимъ пылкимъ патріотизмомъ, который проглотилъ-бы еще большую дозу снотворности. О. составилъ свой учебникъ словесности, если память не измѣняетъ, одобренный «Сѣверной Пчелой», носившій большое сходство съ руководствомъ Греча, и разнесенный въ пухъ и прахъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», изд. Сенковскимъ. Изъ этой критики я помню только одинъ вопросъ. Посмѣиваясь надъ примѣромъ: пять пальцевъ, который О. считалъ почему-то необычайно доказательнымъ, рецензентъ спрашивалъ: почему-же не пять огурцовъ—логика одна. Учебникъ этотъ былъ изданъ, когда мы прошли нашъ курсъ словесности и литературы у О.

Учитель читалъ намъ лекцію, мы составляли записки. О. любилъ свое дѣло, и учебникъ его не былъ для него спекуляціей, хотя, конечно, какъ человѣкъ небогатый и семейный, онъ дорожилъ и выручкой отъ него и принятіемъ его въ число руководствъ корпуса, гдѣ онъ былъ преподавателемъ. Читалъ онъ убійственно, съ длиннѣйшими придаточными предложеніями, переходя отъ главнаго предмета къ

массѣ второ- и третьестепенныхъ предметовъ, нерѣдко отдаленно связанныхъ съ первымъ, и потомъ отъ послѣднихъ, безконечнымъ рядомъ ступенекъ, возвращаясь къ главному. Первое время, по непривычкѣ слушать лекціи, да еще въ 13 лѣтъ, мы съ Соней теряли нить; потомъ, чтобы помочь бѣдѣ, стали загибать пальцы подъ столомъ. Случалось, что всѣ десять были загнуты, а учитель все еще вводилъ третьестепенный и т. д. предметъ, и лѣстница отъ главнаго спускалась чуть не на пятнадцать ступеней. Однообразная дикція усыпила-бы насъ, если-бы не оживлявшій насъ жаръ патріотизма. Послѣ полуторачасовой лекціи мы набрасывали то, что уцѣлѣло въ памяти; но многое и улетучивалось, и въ такомъ случаѣ «Учебная книга россійской словесности» Греча, которую далъ мнѣ отецъ изъ своей библіотеки, служила намъ неоцѣненную службу.

Кромѣ общаго и крайне неопредѣленнаго стремленія учиться, у меня были и опредѣленные вопросы, отвѣта на которые я ждала отъ учителя. Изъ исторіи Греціи и Рима, изъ исторіи Франціи, все того-же Ламе-Флери, я вынесла много образовъ героинь: Эпихарида, Порція, Корнелія, Марія Падилья и др. Но всѣ онѣ были ничто въ глазахъ моихъ передъ Іоанной д'Аркъ. Я была увѣрена, что въ русской исторіи должны быть героини, которыя если не затмятъ ихъ, то будутъ ничуть не ниже ихъ. Иначе и быть немогло. Отецъ говорилъ, что русскіе—народъ, избранный Богомъ, чтобы нести святую истину въ міръ. Тѣмъ болѣе должны быть у избраннаго народа героини, превосходящія народовъ не избранниковъ. И ничего не было, ни одной, которую-бы я могла поставить рядомъ съ славными именами язычницъ. О. обмолвился какъ-то о новгородской патріоткѣ Марѳѣ посадницѣ. Марѳа давно занимала мое воображеніе и чувство, въ то-же время поднимая мучительное недоумѣніе. Изъ словъ отца, а также изъ чтенія англійской и французской исторіи я уже поняла борьбу мелкихъ королевствъ, княжествъ, удѣловъ съ складывавшеюся крупною единодержавною властью. Славянофильскій идеалъ русскаго царя былъ тоже въ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ понятенъ мнѣ, болѣе всего по культу отца. Великая патріотка съ одной стороны, съ другой оказывалась бунтовщицей. На мои запросы о разрѣшеніи недоумѣнія отецъ неизмѣнно отвѣчалъ: «ты еще не поймешь». Не помню уже, при чтеніи какой исторической повѣсти О. эстетически восхищался Марѳой и новгородцами, страшная месть Грознаго вызвала трепетъ ужаса и восклицанія: «Какое страшное злодѣйство!». О. оглянулся пугливо и заговорилъ, путаясь, что Іоаннъ былъ безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ Провидѣнія, что надо было изъ раздробленной Руси сковать одно цѣ-

лое, что безъ политики Грознаго не создалась-бы великая держава, наша славная Россія, первенствующая въ Европѣ. По чувству человѣколюбія мы не можемъ не жалѣть о жертвахъ, но въ то-же время разумъ указываетъ намъ, что Іоаннъ былъ-бы правъ вполнѣ, если-бы не прибѣгалъ къ такимъ жестокимъ мѣрамъ. Теперь намъ, конечно, трудно понять законъ исторической необходимости, предписанный неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія, но этого пониманія и невозможно ожидать отъ нашего возраста. Сначала мы ничего не поняли изъ этого теологически-фаталистически-историческаго взгляда и тупо смотрѣли на учителя; но онъ не счелъ за нужное пускаться въ дальнѣйшія объясненія и поспѣшилъ прочесть намъ какой-то отрывокъ изъ лѣтописи. Я вскорѣ замѣтила, что онъ всегда спѣшилъ перейти къ «источникамъ», чуть объясненіе становилось затруднительнымъ. Долго послѣ этого урока мы толковали съ Соней, недоумѣвая, что это за законъ «исторической необходимости», повинуясь которому Іоаннъ Грозный запрудилъ Волховъ трупами, и развѣ Россія не могла-бы сложиться въ могущественное и славное (слова эти мы выговаривали всегда вѣско и съ большимъ чувствомъ) государство безъ страшныхъ злодѣяній Грознаго?..

Отецъ, къ которому я обратилась за объясненіями, подтвердилъ мою мысль о томъ, что зло не можетъ входить въ цѣли Бога; что цѣль Его—добро, т.-е такое состояніе человѣчества, когда оно будетъ жить по законамъ правды и любви, начертаннымъ въ сердцахъ людей, когда они достигнутъ той степени совершенства, что имъ не нуженъ будетъ страхъ человѣческихъ законовъ. Мы переживаемъ одну изъ переходныхъ ступеней къ этому состоянію; люди все-таки теперь совершеннѣе, чѣмъ были въ вѣка пещернаго быта, или удѣльной междоусобицы. Слѣдовательно, государство есть благо, сравнительно передъ прошлымъ; оно держитъ въ уздѣ злыя страсти. Чѣмъ крупнѣе государство, тѣмъ болѣе можетъ оно творить великаго и добраго. Но злыми путями не создать ничего добраго. Царство древней Руси сложилось не злодѣяніями Грознаго, а тѣмъ, что было разумнаго и согласнаго Божіей волѣ въ его цѣляхъ. Зло можетъ родить одно зло Избіенія новгородцевъ и псковитянъ оставили гибельный слѣдъ, и въ эпоху междуцарствія Псковъ и Новгородъ тянули къ шведамъ и даже передавались врагамъ. Отецъ отвѣчалъ подумавши и взвѣсивъ слова, но я понимала, что онъ говорилъ свое, настоящее. Въ словахъ-же учителя чуялось порой не настоящее. Сначала я принимала умалчиванье его за обидное для насъ, дѣвочекъ, сомнѣніе въ нашей способности пониманія, но потомъ мнѣ пришла мысль,

не вполнѣ сознанная, скорѣе намекъ на мысль, что есть что-то особенное, таинственное, мѣшающее ему говорить вполнѣ правду. Порой я замѣчала тревожную осторожность. Чего-же онъ боится? Трусость, по нашему дѣтскому кодексу, считалась чѣмъ-то неизмѣримо позорнымъ; и къ тому-же примѣръ отца стоилъ нашего дѣтскаго кодекса. Но я тотчасъ распекла сама себя за это подозрѣніе. Мы любили О. Онъ такъ искренно радовался нашимъ успѣхамъ, онъ такъ любилъ русскую литературу; онъ былъ эстетикомъ сороковыхъ годовъ на славянофильской подкладкѣ... Пятнадцати лѣтъ съ небольшимъ я, кончила его курсъ, и потомъ не имѣла съ нимъ никакихъ бесѣдъ, да и не слышала, встрѣчая его въ обществѣ, чтобы онъ говорилъ о чемъ-либо, кромѣ городскихъ и служебныхъ новостей. Я попыталась-было обратиться за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія къ Володѣ; но тотъ перешелъ въ гардемарины, и оттого презрѣніе его къ дѣвчонкамъ выросло въ квадратѣ; я услышала одно: «дура, сама не видишь, не твоего ума дѣло». И я только позже смекнула, что любезность эта прикрывала собственную его несостоятельность дать ожидаемый отвѣтъ.

О. любилъ говорить о томъ, что русскіе носятъ въ себѣ великіе задатки и что пора проявить ихъ настанетъ, когда Западъ сгніетъ. Древняя Русь отличалась бо́льшею мягкостью нравовъ, чѣмъ западная Европа. Въ Ярославовой правдѣ не было смертной казни, семейная жизнь была лучше поставлена, теремовъ не было. Все зло было принесено татарами. Во время двухсотлѣтняго рабства русскіе грудью отстояли Европу отъ губительнаго потока, хлынувшаго съ юго-востока. Европа могла совершенствоваться по части культуры и знанія, и не знала насъ, а позже, при первыхъ сношеніяхъ, презирала насъ, не понимая, что всякій другой европейскій народъ точно такъ-же отсталъ-бы и занялъ бы невольно много варварскаго и дикаго. Татары принесли намъ и смертную казнь. Петръ Великій, безъ разбо́ра перенимая у Европы порядки, не уничтожилъ смертной казни, отмѣненной его наслѣдниками.

Когда пришлось коснуться крѣпостнаго права, я убѣдилась, что учитель сознательно лжетъ. То было въ 1850 или въ 1851 году. О., въ числѣ поводовъ недовольства народа въ царствованіе Годунова, упомянулъ и о Юрьевѣ днѣ. Крестьяне лишались права переходить отъ злого помѣщика къ доброму. Но онъ тутъ-же спохватился и указалъ на гибельность перехода, на привычку къ бродяжничеству, на упадокъ земледѣлія и послѣдствія его—голодовки. Отъ пріятелей своихъ англичанъ я слышала, что крѣпостное право—позоръ, они мнѣ протрубили уши: Britons never shall be Slaves и доводили до бѣлаго

каленія каламбуромъ изъ словъ Slave—славянинъ и slave—рабъ, однозвучащихъ по англійски. Съ дѣтства я много наслышалась отъ прислуги и гостей ея о томъ, что выносили крѣпостные. Наша Ольга всегда завидовала вольнымъ,—больше, впрочемъ, ради чести быть вольной, потому что жилось ей не хуже вольной прислуги, съ которою, по тогдашимъ нравамъ, не церемонились, а мировыхъ судей не было. Отпущенная замужъ лѣтъ за пять до освобожденія, она сохранила къ намъ отношенія, какъ къ своимъ «выняньченнымъ», и когда приходила безработица, живала у насъ съ мужемъ. Все прежнее въ жизни тяжелое, въ жизни по барскому звонку не измѣнилось, но явилось сознаніе: хочу — уйду, не на всю жизнь. Это чувство крѣпостной я плохо понимала въ то время. Отъ отца я слышала, что крестьянамъ у хорошихъ помѣщиковъ лучше, чѣмъ вольнымъ (государственнымъ) крестьянамъ, которыхъ обираютъ чиновники. Видала я не мало барынь, для которыхъ слова «дѣвка» и «тварь» были синонимами; видала и товарищей дѣтства, помыкавшихъ старыми слугами, издѣвавшихся надъ ними и даже ихъ поколачивавшихъ, и это съ полнѣйшею безнаказанностью,—развѣ что услышатъ равнодушное замѣчаніе: «Какъ ты смѣешь! отъ земли не видно», или «не твое дѣло распоряжаться!» Замѣчалось старшими собственно одно присвоеніе прерогативъ ихъ младшими. Я понимала законность желанія уйти на волю отъ такихъ господъ, но до пониманія влеченія къ волѣ an sich und für sich не доросла. Отецъ говорилъ, что вольный народъ въ Англіи живетъ хуже нашихъ крестьянъ и что ландлордъ можетъ всегда согнать крестьянина съ земли. Я хотѣла узнать правду.

Дошли мы до Новикова. О. пространно говорилъ о дѣятельности его на пользу просвѣщенія, о «филантропіи, опережавшей время», упомянулъ и о томъ, какъ Новиковъ повредилъ себѣ своимъ увлеченіемъ масонствомъ, перенятымъ у Запада; въ заключеніе онъ вскользь упомянулъ и о томъ, что Новиковъ пострадалъ за это увлеченіе и за свое желаніе освобожденія крѣпостныхъ. Я спросила: развѣ освобожденіе—зло? Учитель отвѣчалъ нѣтъ, но «нѣтъ» это было такое робкое: совѣсть зазрила его дать отрицательный отвѣтъ. Такъ за что-же онъ пострадалъ? Это несправедливо,—заявила я съ неумолимой логикой, которая заставляла не разъ вилять учителя. Но тогда я не вполнѣ понимала это «вилянье»: я такъ многое приписывала тогда собственному непониманію тѣхъ научныхъ истинъ, которыя мнѣ излагалъ О. На замѣчаніе о несправедливости я услышала осужденіе рѣзкости и скороспѣлости незрѣлыхъ умовъ и знакомую ссылку на государственную и историческую необходимость: время не пришло,

толки объ освобожденіи взволновали-бы вновь народные умы; только что была пережита пугачевщина. Я подумала, что если-бы крестьяне были вольными, то не пошли-бы въ пугачевщину, но не сказала:— пропала вдругъ охота высказывать свои мысли. А учитель продолжалъ, что освобожденіе было преждевременно и доказательствомъ тому служитъ, что человѣколюбивый и великодушный императоръ Александръ Благословенный нашелъ невозможнымъ освободить крѣпостныхъ, равно какъ и нынѣ благополучно и славно царствующій императоръ Николай I находитъ невозможнымъ освободить ихъ. Несвоевременное освобожденіе принесло-бы переворотъ въ государственныхъ доходахъ и финансовый кризисъ; но эти вопросы не входятъ въ кругъ программы курса для дѣвицъ. О, эта несчастная программа! всегда-то она являлась, когда на проклятые вопросы требовался прямой отвѣтъ... Притомъ, я питала самое романическое презрѣніе къ финансамъ и негодовала, какъ можно изъ такого вздора не отмѣнять того, что дѣлало милліоны людей несчастными и, что еще хуже, злодѣями, такъ какъ именно крѣпостные-то и пошли въ пугачевщину. Послѣ урока, чуть я оставалась одна, я передумывала все слышанное, подмѣчала ускользнувшія противорѣчія и, наконецъ, дошла до вывода, что въ иномъ учитель лжетъ. Живо помню горькое, злое чувство, схватившее меня за горло. Старшіе, за исключеніемъ отца, пріучили меня испытывать горькое чувство быть обманутой; но это было средствомъ заставить меня исполнять ихъ волю; когда нельзя было «сломить» меня, то старались обойти, и я постоянно доставляла потѣху сестрѣ и товарищамъ тѣмъ, что средство «обхода» всегда удавалось. Но тутъ мнѣ лгали въ ученьѣ. Гдѣ-же я узнаю правду, если учитель лжетъ?

О. не погибъ безвозвратно въ моемъ мнѣніи за это только потому, что я видѣла его искреннюю любовь къ русскому, къ русской литературѣ, его горячее желаніе передать намъ свое пониманіе всего «прекраснаго и великаго, внесеннаго тѣми писателями, имена которыхъ составляютъ гордость каждаго русскаго». О смерти Пушкина онъ говорилъ съ горечью и не утерпѣлъ—прочелъ намъ (выкинувъ, впрочемъ, стихъ о потомкахъ, прославленныхъ подлостью отцовъ) стихотвореніе Лермонтова на смерть Пушкина, попросивъ насъ предварительно сохранить это втайнѣ, но, конечно, не отъ родителей. Мы, однако, поняли, что о родителяхъ было упомянуто формы ради, и не обмолвились ни словомъ. Соня никогда ничего не говорила родителямъ; я бесѣдовала только съ отцомъ, улучая его хорошія минуты. О Пушкинѣ я не говорила съ нимъ никогда болѣе послѣ перваго раз-

говора, услышавъ, что въ Пушкинѣ нѣтъ ничего хорошаго, кромѣ Бориса Годунова, а Онѣгинъ его, какъ я пойму, когда выросту, только праздношатающійся баричъ. Послѣ я поняла, что фанатики двухъ противуположныхъ полюсовъ сходились въ оцѣнкѣ Пушкина.

Я долго остановилась на идейной сторонѣ уроковъ,—на тѣхъ нравственныхъ понятіяхъ, какія забрасывали они въ наши умы, потому что ошибочные взгляды по отношенію къ знанію исправляются гораздо легче, чѣмъ ошибочные взгляды, дающіе ложное направленіе нравственному чувству дѣтей и юношей. Смутившее меня оправданіе злодѣяній Грознаго историческою необходимостью я потомъ слышала отъ другихъ поколѣній, но въ другомъ примѣненіи, и не могла не видѣть въ этомъ примѣненіи логическаго развитія того, что слышала отъ О. Ученіе человѣчности и правды одно—и мѣрило человѣческихъ дѣйствій, кѣмъ-бы и гдѣ-бы ни совершались они, должно быть одно. Полагаю, что нашъ учитель самъ не понималъ, и это въ очень значительной степени, вредъ своего невольнаго іезуитизма; оправданіе историческою необходимостью подвернулось ему просто на языкъ, чтобы выпутаться изъ положенія, очень затруднительнаго для педагога въ 50-мъ году, и ему въ мысль не приходило, что это оправданіе можетъ принести горькіе плоды. Притомъ онъ не вполнѣ лгалъ и въ ссылкѣ на особенныя программы, отмѣривающія дѣвицамъ порцію знанія пожиже и по-меньше. Онъ говорилъ, что Творецъ опредѣлилъ женщинѣ ея путь, и потому ей нужны только познанія, которыя она будетъ имѣть возможность примѣнить на этомъ пути. Все то, что отзоветъ ее съ него, принесетъ ей только несчастіе, и проповѣдь о равенствѣ и эманципаціи Жоржъ Зандъ, хотя геніальной, но сильно заблуждающейся писательницы,—проповѣдь, которою въ послѣднее время сталъ увлекаться талантливый новѣйшій критикъ, измѣнившій, къ сожалѣнію, здоровымъ отечественнымъ началамъ,—можетъ имѣть только гибельное дѣйствіе.

Что касается познаній, то мы не выносили изъ лекцій ничего, кромѣ именъ авторовъ и заглавій произведеній ихъ. Связывать произведенія съ жизнью общественной, съ условіями времени—насъ не учили. Знали мы, что Карамзинъ принесъ живой и упрощенный языкъ романтизма на смѣну торжественнаго лиризма Державина, что Жуковскій сдѣлалъ то-же самое для стиха, что сдѣлалъ Карамзинъ для прозы, и подготовилъ путь Пушкину, творцу современнаго языка. Объ языкѣ вообще говорилось несравненно болѣе, чѣмъ о содержаніи произведеній. Иногда въ классѣ О. читалъ намъ отрывки и указывалъ на то, что мы могли прочесть, спросясь у родителей. Мы читали, интере-

совались фабулой, толковали о герояхъ; но все-таки ничего не понимали толкомъ. Я не имѣла въ виду, конечно, полнаго пониманія зрѣлаго человѣка, но мы не понимали даже вчернѣ, если можно такъ выразиться, т.-е. въ нашемъ пониманіи не были намѣчены первоначальныя черты, которыя можно сравнить съ контуромъ, наброшеннымъ вѣрною и опытною рукою художника, и которыя служатъ ему указаніемъ для другихъ, приносящихъ постепенно рельефность и краски жизни. Мнѣ пришлось слышать то-же самое, что я говорю объ урокахъ О., и о преподаваніи исторіи въ женской гимназіи. Талантливая молодая дѣвушка, Кавелина, дочь извѣстнаго профессора въ 70-хъ гг., на диспутѣ о преподаваніи исторіи, заявила, что не вынесла ничего изъ гимназическаго курса. Она была счастливо, исключительно счастливо поставлена, и ей легко было пополнить пробѣлъ. Но каково приходилось другимъ? Но и этимъ другимъ все-же пополненіе давалось несравненно легче, чѣмъ моему поколѣнію, учившемуся за двадцатилѣтіе до 70-хъ гг. Пріучаемое вѣрить, не разсуждая, оно заучивало лишь слова и такимъ образомъ отбывая скучную повинность ученія и съ нетерпѣніемъ считая годы и мѣсяцы до того дня, когда позволено будетъ забросить книги и тетради.

Большинство отлично понимало, что все это совершенно ненужно въ ихъ жизни. Лёденька З., заставъ меня за чтеніемъ многотомной англійской исторіи, не помню ужъ чьей, прозвала меня педанткой, и прозвище это было распространено и на Соню. Не знаю, почему мы заслужили его. Свои историческія бесѣды мы вели только вдвоемъ, мѣряя англійскую и французскую исторію по мѣркѣ исторіи Карамзина, т.-е. по своему пониманію послѣдней. Бесѣдъ съ Лёденькой мы не вели ни о чемъ, кромѣ предметовъ «свѣтскости», и когда она бывала у кого-нибудь изъ насъ, то спѣшили послать занимать ее товарищей, отличавшихся талантами дамскихъ кавалеровъ. Лёденьку ставили намъ въ примѣръ за любезность, находчивость. Мы съ Володей удивлялись только, откуда у нея бралось столько «мелева», и никакъ не могли видѣть въ этомъ мелевѣ умъ. Ничего, кромѣ «мелева», не слышали мы отъ взрослыхъ дѣвушекъ, старшихъ сестеръ нашихъ подругъ, и ни одна изъ нихъ не вызвала въ насъ желанія подражать ей, не смотря на то, что иныхъ намъ ставили въ образецъ.

Въ разгаръ полемики старовѣрства съ новшествами мнѣ не разъ приходилось читать обличенія складывавшагося типа женщины, вышедшей изъ «женственнаго» міра ассамблей, въ который вытащилъ ее Петръ I изъ теремовъ, и вступавшей въ міръ самостоятельнаго труда и общественныхъ интересовъ. Всему виной было легкомыс-

ліе, неустойчивость, жажда новизны. Если молодежь имѣла стихи Некрасова:

Въ насъ подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни честной, человѣческой
Плодотворное зерно—

то это было навожденіе, навѣянное злыми вѣтрами. Но нанесенное однимъ вѣтромъ сносится другимъ. Несносныя-было барышни, которыхъ намъ ставили въ примѣръ, не принятый нами только въ силу «упрямства и желанія поставить на своемъ», какъ то необычайно скоро стали пугать меня съ 56 г. самыми рѣзкими утвержденіями, декламируя фразы о призваніи женщины, эманципаціи и т. п. Все это было у нихъ только новой формой ловить жениховъ. Танцовальные журфиксы выводились изъ моды; лекціи, вечера, концерты ради всякихъ цѣлей замѣнили ихъ; любезные дамскіе кавалеры превратились въ грубоватыхъ развивателей; развиванье вело къ очень интереснымъ разговорамъ, которыхъ прежде не допускали маменьки; да и сами маменьки сочли несовременнымъ слѣдить за дочками, что иногда очень не мѣшало-бы, потому что, по извѣстному выраженію Герцена, «ноги, изуродованныя китайскими башмаками», ходить не умѣютъ. Въ то-же время шла своимъ чередомъ ловля жениха съ перспективой карьеры повиднѣе—и барышни превращались въ достойныхъ сподвижницъ взяточниковъ и аферистовъ,—этихъ бабочекъ, вылупившихся изъ столькихъ куколокъ *новыхъ людей*. Но не все-же движеніе исчерпывалось этими барышнями, способными только распѣвать съ кавалерами о не запавшемъ въ нихъ зернѣ жизни честной, человѣческой, надъ которой онѣ ни разу не призадумались серьезно. Были и натуры искреннія, честныя, энергическія...

Массу женщинъ воспитаніе дѣлало пригодными только къ роли свѣтскихъ дамъ. Въ бѣдныхъ семьяхъ нужда заставляла выучивать дѣвушекъ шитью и стряпнѣ, и, выйдя замужъ, онѣ не водили мужа и дѣтей въ рваномъ бѣльѣ и отлично пекли пироги. Но онѣ такъ-же энергически, какъ и свѣтскія барышни, помогали мужьямъ копить благопріобрѣтенное и такъ-же губили душу и тѣло дѣтей своихъ невѣжествомъ. Онѣ слѣпо слѣдовали въ этомъ отношеніи совѣтамъ авторитетныхъ бабушекъ или знакомыхъ изъ пожилыхъ, «поднявшихъ дѣтей», и права которыхъ на авторитетъ заключались въ энергическомъ нравѣ и бойкой рѣчи. Такимъ авторитетомъ была г-жа К.—крѣпостница, о которой было говорено выше; много дѣтскаго горя принесла она мнѣ (я это знаю по разсказамъ дяди и няни), съ мо-

его годоваго возраста. Меня вывели наряженную показать ей, когда она пришла въ гости. Я позабавила гостью, и мнѣ позволили бѣгать и прискакивать на диванѣ, чего отецъ не любилъ. Наконецъ, моя возня надоѣла, и нянѣ приказали убрать меня. Но я вошла во вкусъ забавы и, уцѣпившись руками за спинку дивана, протестовала крикомъ и топотомъ, которые вышли очень энергичны, такъ какъ природа отпустила мнѣ физической силы и крѣпости легкихъ по высшей нормѣ; энергіей и пылкостью она тоже не обидѣла меня. Протестъ мой привелъ въ ужасъ гостью, которая изрекла такой приговоръ обо мнѣ моей матери: «Смотри, душа моя, у нея страшный характеръ. Если не сломишь теперь, потомъ много будетъ тебѣ горя». И мать увѣровала въ истину приговора и ломала меня, крошку, какъ не ломала мою сестру. Приговора и сцены я, понятно, не помню, но мать часто повторяла его мнѣ при каждой попыткѣ ломанья. А простое понятіе о томъ, что сила крика зависитъ отъ силы легкихъ, сколько и отъ психическаго раздраженія, а оно, въ свой чередъ, зависитъ отъ силы, отъ полученнаго стимула, не дало-бы залечь предубѣжденію о «страшномъ» характерѣ. Няня-нѣмка часто обвиняла меня въ злости за то, что я цѣплялась за что-нибудь, отнимаемое у меня, крѣпче другихъ ровесницъ и кричала громче. Я видѣла, однако, что другія дѣвочки, не имѣвшія такой цѣпкости пальцевъ и крѣпости легкихъ, злились дольше моего, а иногда и мстили обдуманно и хладнокровно, чего я не дѣлала,—и я горько чувствовала несправедливость. Система воспитанія, ставившая цѣлью жизни женщины быть женой и матерью, не давала никакого понятія о жизни тѣла и духа дѣтей.

Нынѣшнее настроеніе, воскрешающее эту систему, тоже не даетъ женщинѣ никакой подготовки. На педагогическіе и высшіе курсы идутъ или дѣвушки, къ которымъ теперь относятся непріязненно, какъ къ зараженнымъ идеями эманципаціи, или дѣвушки, ищущія средствъ заработка и пригнанныя на курсы нуждою. Много-ли найдется дѣвушекъ, которыя, выйдя замужъ, не надѣлали-бы массу ошибокъ, губящихъ душу и тѣло дѣтей; и это вслѣдствіе невѣжества, при которомъ всякія руководства оказываются скорѣе вредными, чѣмъ полезными. И для примѣненія совѣтовъ, преподанныхъ врачами, нужно пониманіе, а примѣненіе большинствомъ маменекъ совѣтовъ этихъ выходитъ крайне курьезнымъ. Современныя маменьки такъ-же раболѣпно воспринимаютъ каждое указаніе своего излюбленнаго руководства, не справляясь съ натурой ребенка, не понимая фазисовъ, черезъ которые проходитъ она, какъ раболѣпно повиновались маменьки добраго стараго времени словамъ своихъ авторите-

товъ, примѣрныхъ матерей и умныхъ женщинъ въ родѣ г-жи К. Дѣвушка, которая стала-бы учиться съ цѣлью быть разумной матерью, пріобрѣтя необходимыя познанія, сдѣлалась-бы предметомъ насмѣшекъ именно въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ всего болѣе вопіютъ о женственности воспитанія. «Я на курсахъ не была, а хорошая мать,—говорила мнѣ одна изъ моихъ дѣтскихъ сверстницъ, теперь важная барыня,—я воспитала здоровыхъ дѣтей; они хорошо пошли: сыновья сдѣлаютъ карьеру, дочери сдѣлали хорошія партіи, и, главное, любятъ меня и уважаютъ». Любовь и уваженіе были показныя, предписанныя кодексомъ «порядочности» и еще—разсчетомъ. Здоровыми дѣти выросли потому, что не знали лишеній и бонна англичанка умѣла отлично вести физическое воспитаніе; умственное шло своимъ порядкомъ, благодаря учителямъ, «числомъ поболѣе, цѣною подороже», и столько-же, если не болѣе, благодаря связямъ и вліянію мужа барыни. Что богатыя барыни разсуждаютъ на манеръ Простаковой: зачѣмъ географія, когда есть извозчики, и не пожинаютъ плодовъ своего невѣжества, потому что есть деньги и, слѣдовательно, есть бонны, сидѣлки, учителя, врачи, гигіенисты и что случайно удалось за деньги получить, купить хорошую замѣну себѣ,—это понятно; но непонятно, какъ могутъ такъ разсуждать небогатыя женщины, да еще живущія въ глуши, куда не заглянетъ ни хорошій учитель, ни хорошій врачъ. И какъ многія, схоронивъ дѣтей, или видя въ нихъ Митрофанушекъ, способныхъ только гонять голубей, терзались горькимъ и безплоднымъ отчаяніемъ, сознавая слишкомъ поздно вину собственнаго невѣжества!

Женственная сторона нашего воспитанія, кромѣ развитія граціи, объ урокахъ которой я говорила выше, заключалась въ привитіи намъ кротости поученіями, но не примѣромъ, въ заботахъ о цвѣтѣ лица, стройности и еще въ усовершенствованіи нашемъ по части талантовъ, пріятныхъ въ обществѣ и дома. Музыка стояла на первомъ планѣ; но музыка особенная, показная. Главною цѣлью уроковъ было—развитіе техники, быстроты, умѣнья бойко разыгрывать пьесы, для которыхъ удобнѣе имѣть двойной комплектъ пальцевъ и мѣдныя пружины вмѣсто мышцъ, и безошибочно заучивать пьесы эти наизусть, хотя-бы онѣ были объемомъ страницъ въ 14--16. Я любила музыку, и когда бывала одна, то играла такъ, что нечаянно услышавшій мою игру изъ другой комнаты учитель не вѣрилъ, чтобы это играла я; но то были пьесы, нравившіяся мнѣ, и для техники которыхъ не приходилось буквально по получасамъ долбить одинъ пассажъ. Долбить одинъ и тотъ-же пассажъ мнѣ было еще труднѣе,

чѣмъ другимъ ученицамъ его, потому что природа обидѣла меня по части вѣрности слуха, а метода давать непосильныя пьесы вела къ нечистой игрѣ и еще больше портила слухъ. Я могла играть, какъ говорили, съ выраженіемъ, только то, что нравилось мнѣ—всего болѣе Шопена или русскія пѣсни, но и тутъ, не доглядѣвъ знаковъ ключа, играла иногда, сама того не замѣчая, въ другомъ тонѣ. Но эта любовь къ музыкѣ пришла позже, къ тринадцатому году; а съ семи лѣтъ, слѣдовательно, цѣлыхъ шесть лѣтъ, фортепіано было для меня крестомъ, несомымъ изъ покорности Провидѣнію въ пору моего душеспасительнаго настроенія; затѣмъ—пыткой, которой подчинялась во имя дисциплины. На музыку ежедневно уходило отъ 3—4 часовъ, считая ежедневно даваемый теткой урокъ до обѣда, послѣобѣденное разучиванье заданнаго, и послѣ чая часъ на игру въ четыре руки съ сестрой. Благодаря такой чрезмѣрно-музыкальной повинности, я выучилась играть автоматически; сознательно музицировала я, только разучивая новый урокъ. Разыгрывая все другое, я или повторяла въ памяти уроки, нужные къ слѣдующему дню, или любимыя стихотворенія, или читала интересовавшую меня книгу, положивъ ее на половину пюпитра, на другой половинѣ котораго лежала толстая сложенная нотная тетрадь, при первомъ шорохѣ въ сосѣдней комнатѣ раскрывавшаяся, чтобы закрыть книгу. Въ особенно черные дѣтскіе дни, когда мои горести хватали меня за горло, я бѣжала къ фортепіано и принималась играть самыя трескучія пьесы. Это, во-первыхъ, избавляло меня отъ поученій о гибельности моего несчастнаго характера, а во-вторыхъ, оглушало меня и притупляло острое чувство боли; на трескотню по клавишамъ расходовалась нервная энергія, и я вскорѣ могла снова отдаться и своимъ думамъ, и своимъ урокамъ или чтенію.

Понятно, что все это не можетъ быть названо настоящимъ музыкальнымъ образованіемъ, и эта система испортила небольшой, но настоящій талантъ сестры моей, въ которой видѣли будущую музыкантшу, имѣющую затмить всѣ музыкальныя звѣзды салоновъ нашей крѣпости, съ ихъ псевдоталантами, считавшимися чистопробными. Въ первыя шесть лѣтъ обученія музыкѣ я не имѣла о ней никакого понятія и за нее терпѣть не могла, какъ и всѣ товарищи и подруги мои, одну ровесницу, Мари Б., дочь капельмейстера. Это было милое, кроткое созданіе, не подозрѣвавшее, что причиной недружелюбнаго отношенія къ ней была музыка. Когда Мари Б. бывала у насъ или у Сони, то весь вечеръ проходилъ за музыкой; особенно съ тѣхъ поръ, какъ дядя матери купилъ для Сони хорошій

рояль, Мари нельзя было оторвать отъ рояля. Музыкальные экстазы ея были намъ непонятны. Володя уморительно и передъ глазами ея передразнивалъ ея лицо—«не то ошалѣлое, не то молящееся». Мари Б., не смотря на не дѣтски сильную игру, была слабымъ ребенкомъ; наши шумныя игры утомляли ее, спартанская грубость отталкивала, казалась обидной, вызывала слезы. Бесѣдовать съ нею намъ было рѣшительно не о чемъ. Воспитанная крайне чопорною матерью, вышедшею замужъ уже старою дѣвою, она была взрощена то подъ стеклянным колпакомъ, то подъ ледянымъ. Она была чутка на каждое доброе слово, и мы съ ней старались быть внимательны къ ней, какъ Лёленька З. замѣтила: faire des façons avec la fille d'un maître de chapelle. На бѣду, эта натягиваемая внимательность скоро утомляла насъ. Мари Б. могла говорить только о музыкѣ, а мы ничего не понимали въ ея рѣчахъ, и это не потому, чтобы она занимала насъ технической стороной:—намъ было чуждо все то, что она говорила намъ о прелести и силѣ музыки, о томъ, что она чувствуетъ за фортепіано. Она счастлива и видитъ счастливыя лица кругомъ. Когда она играетъ pastorale Бетховена, то видитъ луга, трава переливается, слышатся трели птицъ; въ фугахъ она слышитъ ревъ истоковъ, шумъ вѣтра, громовые раскаты бури; то слышался ей плескъ ручья, или мѣрные удары прибоя волнъ, и брызги бѣлой пѣны высоко взлетали, дробясь о камни. То видѣлись ей зеленыя горы, за ними серебряныя снѣговыя вершины—и она летѣла къ нимъ, взлетала надъ ними высоко къ голубому небу. Мы порѣшили между собой, наконецъ, безапелляціонно, что она лжетъ и страшная лгунья. Не ожидала бѣдная дѣвочка, что такъ будутъ поняты ея изліянія, когда она, умиленная нашею защитою отъ дерзости какой-то гордячки, въ экипажѣ которой, т.-е. отца которой, отецъ Мари Б. служилъ когда-то капельмейстеромъ, по душѣ заговорила съ нами о своемъ, ища сочувствія. Но гдѣ-жъ намъ было взять его? Ея міръ искусства былъ такъ-же чуждъ для насъ, какъ ей нашъ міръ буйныхъ шалостей въ перемежку съ патріотическими диспутами и религіозными увлеченіями. Мы съ Соней понимали, что «Stabat Mater» или «Коль славенъ» выражаютъ религіозное настроеніе, и я играла и то и другое въ минуты дѣтскихъ «горей», ища утѣшенія. Когда мнѣ бывало грустно, я играла веселенькія пьесы, которыхъ вообще не любила за трудъ отчетливо долбить ихъ ради ускореннаго темпа; въ минуты патріотически-воинственнаго или вообще воинственнаго, т.-е. мятежнаго настроенія противъ своего начальства, я играла бравурныя пьесы, и этимъ исчерпывалось все музыкальное чувство, а

равно и пониманіе, доступное мнѣ съ товарищами. Выставка «талантовъ» на журфиксахъ у родныхъ и на вечерахъ у знакомыхъ была для насъ пыткой. Если сосчитать часы, потраченные на музыку, заброшенную, какъ только я добилась свободы располагать своимъ временемъ, то страшно станетъ за массу потраченнаго времени. Я не могла удовлетворяться своей музыкой.

Бѣдной Мари Б. пришлось поплатиться дорого за непосильное развитіе ея дѣйствительно замѣчательнаго таланта. На восемнадцатомъ году она сошла съ ума. Были и другія причины, кромѣ музыки, но основною была расшатанность нервовъ съ дѣтства, сдѣлавшая организмъ неспособнымъ переносить часовъ 9—10 и болѣе музыки въ день, т.-е. самостоятельныхъ занятій, уроковъ у Гензельта и, наконецъ, тѣхъ уроковъ, какіе она сама давала, чтобы оплатить уроки у музыкальной знаменитости того времени. Она выздоровѣла, но талантъ ея былъ разбитъ, пропала прежняя игра. Выздоровленіе было непрочно, и она возвращалась не разъ въ больницу душевно-больныхъ. Я видѣла ее, когда она была вторично выпущена изъ больницы, и потомъ потеряла ее изъ вида. Года два-три тому назадъ мнѣ попался, въ какомъ журналѣ не помню, очеркъ больницы, составленный однимъ посѣтителемъ, кѣмъ—тоже не помню. Въ г-жѣ Б., мучительно припоминающей музыку, я узнала свою подругу дѣтства Мари Б. Я узнала-бы ее даже и безъ невѣрной подробности: авторъ упомянулъ о ней, какъ о племянницѣ Некрасова, а она приходилась племянницей сестрѣ Некрасова—Аннѣ Алексѣевнѣ Б. по мужу, который былъ роднымъ братомъ отцу Мари. Бѣдная Мари была жертвой невѣжества основныхъ законовъ воспитанія,—невѣжества, которое еще и теперь считается удѣломъ женщины и признакомъ женственности.

Мари Б.—примѣръ крайне рѣзкій, но, къ прискорбію, приходится сознаться, что только такіе примѣры и производятъ впечатлѣнія; хотя, въ сущности, несравненно страшнѣе та порча, какую вноситъ псевдоэстетическое воспитаніе въ физическій и нравственный складъ дѣвочки, особенно при ничтожныхъ способностяхъ, за которыя часто принимаютъ то, что и вовсе не было артистическою способностью, а просто результатомъ общей понятливости, впечатлительности и большого запаса физической силы, проворства и памяти. Учитель, доканчивавшій мое музыкальное образованіе, очень вѣрно формулировалъ мою музыку: «Keine musikalische Organisation, gute physicalische Apparate zur Technik, versteht die Musik mit dem Geist». Даже если-бы музыка не была обставлена непріятными выставками талантовъ, очень горестно отзывавшимися на бѣдной Сонѣ, вслѣдствіе пи-

кировки нашихъ матерей, то и тогда я-бы почувствовала, что это дѣло не настоящее для меня. Она не захватывала меня всю, какъ, бывало, религіозные экстазы, патріотическій жаръ при чтеніи Карамзина, или отыскиваніе новыхъ аргументовъ, чтобы побивать товарищей англичанъ въ нашихъ диспутахъ. Въ такія минуты я жила только одною мыслью и кромѣ нея не видѣла и не слышала ничего. Музыка доставляла мнѣ удовольствіе только между прочимъ, и я смиренно сознавала, что все мое преимущество передъ Соней заключалось въ сильныхъ, длинныхъ и гибкихъ пальцахъ и отличной памяти; но послѣдній недостатокъ Соня наверстывала терпѣніемъ и трудолюбіемъ, воистину не дѣтскими; первый-же, увы! не могла ничѣмъ наверстать: толстенькіе и коротенькіе пальчики толстой маленькой ручки не могли выдѣлывать трескучихъ пассажей, въ которыхъ видѣли тогда совершенство музыки.

Къ рисованію у меня были кое-какія способности; учитель даже находилъ, что я умѣю идеализировать плохіе оригиналы головокъ академической школы. Пока отдѣлывался контуръ, клались первыя тѣни, то мнѣ самой казалось, будто выходитъ красивѣе и выразительнѣе оригинала. Но къ окончанію рисунокъ выходилъ замазаннымъ, лицо смотрѣло будто изъ подъ черваго вуаля. Благодаря старинной системѣ тушовки «пунктиромъ», требовалось затирать каждое бѣлое пятнышко такъ, чтобы исчезли всѣ штрихи и тушевка казалась «насыпью». Это брало пропасть времени и надоѣдало. Притомъ я всегда была готова бросить рисованіе для интересной книги. Въ 15 лѣтъ я покончила съ уроками рисованія. Отецъ и мать разсердились, узнавъ объ отвѣтѣ учителя отцу Сони, у котораго тотъ служилъ. На замѣчаніе, что ученицы ровно идти не могутъ, потому что способности разныя, учитель отвѣчалъ: «Это ничего, ваше превосходительство, способности можно уравнять». Быть можетъ, въ силу своего принципа уравненія учитель такъ и налегалъ на мою «насыпь». Начала я одна копировать съ хорошихъ литографій дѣтскія головки—и потомъ забросила; страсть къ чтенію поглотила все, и въ моей рисовальной папкѣ такъ и не оказалось рисунковъ, которые-бы можно было показывать гостямъ, какъ доказательство моего преуспѣванія въ талантахъ, украшающихъ жизнь.

Такое эстетическое воспитаніе вредно тѣмъ, что изъ муравьевъ, дивящихъ свой муравейникъ, создаетъ дилеттантовъ, мнящихъ себя талантами. Знавала я такія женскія existences manquées. Еще чаще встрѣчаются жертвы другого рода, искалѣченныя неразумнымъ эстетическимъ воспитаніемъ. Въ брянчаньи на фортепіано, въ мазаньи

акварелью или красками онѣ видятъ дѣло жизни и какъ къ презрѣнной прозѣ, относятся къ житейскимъ заботамъ—доли жены и матери, и въ то-же время эстетическія занятія ихъ нисколько не смягчаютъ вносимую отчасти и ими суровость жизни въ семью и не скрашиваютъ очагъ—во-первыхъ, потому, что эти занятія порождаютъ какую-то раздражительность, не выносящую ни малѣйшаго перерыва, а во-вторыхъ, потому, что созданныя въ это время произведенія представляютъ изъ себя что-то невообразимо жалкое и ничтожное. И въ то-же время въ душѣ живетъ непоколебимое убѣжденіе въ томъ, что дѣлается не только дѣло, но еще дѣло не обыденное, носящее въ себѣ печать какого-то избранія. Толчокъ, данный въ извѣстномъ направленіи уму, можетъ перейти и на весь нравственный складъ; закладывается привычка въ пустякахъ видѣть дѣло жизни. Музыкальнымъ исполненіемъ и живописными произведеніями такихъ артистокъ могутъ восхищаться только супруги и отцы маниловскаго типа. Эстетическое образованіе нужно; хорошо развитый художественный вкусъ, вѣрное и непретенціозное исполненіе простой музыкальной вещи—все это, безспорно, украшеніе жизни; но для достиженія этой цѣли не нужны ни тепличная выгонка псевдо-таланта въ непосильный ростъ, ни тщеславная похвальба, ни преувеличенное значеніе, придаваемое вѣрно пропѣтому романсу или пьесѣ, разъигранной на инструментѣ. Ученицы должны знать, что все это дѣло очень обыкновенное, которому отводятъ далеко не первое мѣсто въ жизни, а слѣдовательно, и въ воспитаніи; но именно такое мѣсто искусства, украшающія жизнь, занимали въ воспитаніи моемъ.

Съ той поры, какъ мы вступили въ тотъ возрастъ, когда дѣвочка уже не дитя, но еще не дѣвушка, наше нравственное воспитаніе получило особую складку и, надо сказать, довольно комическую. Воспитательницы стали прилагать неусыпное рвеніе къ сохраненію нашего невѣдѣнія и наивности. На чтеніе французскихъ книгъ была наложена строжайшая цензура; заклеивали странички въ самыхъ невинныхъ романахъ въ родѣ «Tulipe Noire» Дюма-отца, или «Picciola» Сентина. На англійскую и нѣмецкую литературу не было наложено никакой цензуры:—обѣ считались безусловно нравственными. Я съ 15 лѣтъ читала, понимая черезъ пятое десятое, Байрона, и какъ ни страшно мнѣ казалось мое нечестіе, но я не могла не ощущать трепета какой-то гордой силы, когда читала отвѣтъ Манфреда злому духу о томъ, что тотъ не устрашитъ его никакою казнью, потомъ, что у него въ душѣ своя сила, своя мука. Подъ рукою у меня нѣтъ экземпляра Байрона, и я цитирую на память. Наша учительница англи-

чанка давала мнѣ Шекспира, котораго читали и ея дѣти. То не былъ Шекспиръ, пообчищенный для юношества. Она предупредила насъ, что Шекспиръ писалъ въ пору грубости нравовъ, и потому мы сами не станемъ останавливаться на неприличіяхъ, которыя въ то время были дѣломъ обыкновеннымъ, но что онъ далъ такія творенія, не проникнуться величіемъ которыхъ можетъ только тупица. Шекспиръ—это цѣлый міръ, и все есть въ немъ, какъ въ мірѣ, добро и зло. Смотря по тому, кто что̀ почерпнетъ изъ Шекспира, узнаешь и натуру читавшаго. Это не было сказано въ торжественной рѣчи, а въ нѣсколько пріемовъ, въ замѣчаніяхъ, сказанныхъ кстати, и я даю общій сводъ. Непристойности Шекспира, въ очень крупномъ процентѣ, остались непонятными для насъ, притомъ онѣ говорились большею частью въ пьяныя минуты шутами, солдатами, а мы питали самое эстетическое презрѣніе къ такимъ художественнымъ созданіямъ и интересовались только героями. Гамлетъ, конечно, былъ не понятъ,—интересовала только фабула,—но Венеціанскій купецъ произвелъ сильное впечатлѣніе, до того сильное, что, не смотря на наше юдофобствующее настроеніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее нашему тогдашнему патріотизму, не смотря на всю злобную ненависть Шейлока къ христіанамъ, несчастный отецъ былъ жалокъ. Изъ нѣмецкой литературы намъ не дали одного Вертера. Читали мы безъ разбора, такъ какъ нѣмецкихъ книгъ было въ клубной библіотекѣ больше, чѣмъ англійскихъ, и потому попадалась всячинка. Англійскія-же рѣдко кто читалъ и выписывались, ради полноты библіотеки, только произведенія знаменитостей. Мнѣ приходилось разрѣзать пожелтѣлыя, слипшіяся страницы. Въ числѣ членовъ клуба было не мало нѣмцевъ, заботившихся о чтеніи для себя и супругъ. Тогда мнѣ пришлось прочесть нѣсколько произведеній молодой Германіи, пропитанныхъ чувственностью романтической школы, прикрытою мистическимъ идеализмомъ. Все это пронеслось надъ головой, длинныя превыспреннія разсужденія въ нескончаемыхъ періодахъ наводили скуку, я перескакивала ихъ, спѣша къ дѣйствію. Всѣхъ романтиковъ, которыхъ я тогда прочла, я отдала-бы за «Вильгельма Теля», котораго перечитывала съ наслажденіемъ. «Ein grosser Held», говорила учительница, смѣнившая ту, которая задавала мнѣ писать стихи, потомъ и она, какъ-бы испугавшись чего-то, обратила вниманіе на послѣднюю сцену, когда является принцъ Іоаннъ—убійца, наводящій ужасъ и гонимый тамъ, гдѣ поклоняются Телю.

Рвеніе матери, и въ особенности тетки, прилагаемое къ охраненію невинности нашей фантазіи и мысли, могли-бы произвести совершенно

обратное дѣйствіе, если-бы мы были менѣе героически и религіозно настроены. Мое религіозное настроеніе начало блѣднѣть къ пятнадцати годамъ. Соня сохранила свое, и оттого болѣе тянула къ другой подругѣ, настроенной такъ-же религіозно, но въ которой я никогда не замѣчала героическаго и патріотическаго настроенія. Мое настроеніе не нравилось матери и теткамъ; все это были превыспренности, за которыя меня могли прозвать ханжей или педанткой; сестра отца находила задатки «экзальтированной головы» и по часамъ читала поученія о необходимости здраваго смысла и умѣренности. Къ чему волноваться, мучиться надъ тѣмъ, что я принимаю за противорѣчія; глупо проливать восторженныя слезы надъ Мининымъ или двѣнадцатымъ годомъ. Потомъ будешь неспособна къ обыденной жизни... Ея дочери никогда не мучились ни надъ чѣмъ, ничѣмъ не восторгались до слезъ; но онѣ—хорошія дочери, исполняютъ свой долгъ и радуютъ ее, а я огорчаю свою мать.

И не понимали они всѣ, что эти «превыспренности» не давали мнѣ и Сонѣ увлечься дѣтскими романами. А были такіе романы въ нашемъ товариществѣ,—съ ссорами, горькими слезами, сценами ревности, преждевременно будоражившими дѣтскую природу; больше, впрочемъ, было водевилей ухаживанія. Все это казалось намъ глупостями, обезьянничаньемъ большихъ.

Съ пятнадцатилѣтняго возраста материнская охрана приняла еще болѣе тревожный характеръ. Въ этомъ именно возрастѣ начинаются привязанности, которыя могутъ оказаться прочными и разстроить разсчеты маменьки на хорошую партію. Тетка стала подслушивать наши бесѣды съ Соней, перестали брать по воскресеньямъ изъ корпуса ровесниковъ,—тѣмъ болѣе, что одинъ былъ замѣчательно хорошъ собой. Я считала его нюней и глупымъ; мнѣнія этого, однако, не высказывала, а разъ при теткѣ, очень недурно рисовавшей, замѣтила, что хорошо-бы срисовать его голову. Оберeганіе доходило до комизма, и это еще по одному поводу. Тонъ воспитанія давала первая сановница города, у которой былъ для дочерей полиглотный составъ гувернантокъ. Барыня была съ придурью и запрещала дочерямъ говорить даже о помолвкѣ старшихъ подругъ, уже вывезенныхъ въ свѣтъ. Это переняла и мать Сони. Выходили невообразимо глупыя сцены. Иногда намъ лгали безсмысленно, не смотря на очевидность улики. Помню живо изумленіе, въ какое повергла меня новая учительница англичанка, гувернантка сановницы, приглашенная, когда мать Мери нашла, что ей уже нечему учить меня, а съ литературой я могу уже знакомиться сама. Новая учительница не препода-

вала исторію литературы, а только задавала переложенія въ прозу или сокращенія изъ образцовой прозы. Задала она мнѣ переложить въ прозу Мазепу Байрона. Читая мою работу, она пришла въ ужасъ, воскликнула «Schocking!» и, вычеркнувъ слово «жена», поставила «дочь». «Но въ поэмѣ говорится о мести мужа»,— замѣтила я. Моя учительница стояла на своемъ: я не такъ поняла; если-бы дѣло шло о женѣ, то «Мазепа» былъ-бы безнравственнымъ произведеніемъ, а оно нравственное, иначе она не задала-бы мнѣ этого переложенія въ прозу. Оплошала-ли учительница и, вмѣсто исправленнаго для дочерей сановницы экземпляра, привезла мнѣ свой—не знаю; знаю одно, что она не захотѣла ни взглянуть на указанныя мною строки въ поэмѣ, ни выслушать чтенія ихъ. Мы, конечно, догадались, что она провралась и замазываетъ. Былъ и съ О. случай въ родѣ этого. Его попросили быть очень строгимъ въ выборѣ образцевъ для чтенія. Говорилъ онъ намъ о Кольцовѣ. Придя въ эстетическій восторгъ, онъ сказалъ: «Вы не будете имѣть понятія о силѣ поэзіи Кольцова, если я не прочту вамъ нѣсколько стиховъ изъ одной изъ лучшихъ вещей его: «Поцѣлуй». Представьте,—прибавилъ онъ, слегка смутившись,—что вы свидѣлись послѣ долгой разлуки; вамъ не трудно понять и «горе разлуки, и радость свиданія». И онъ началъ читать: «Обойми, поцѣлуй, еще разъ горячѣй», и т. д., и, все болѣе и болѣе увлекаясь, прочелъ до конца: «пріѣду я, обвѣнчаться съ тобой». При послѣднихъ звукахъ онъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ. Мы съ Соней, красныя до ушей, сохраняли невозмутимое выраженіе лица, не смотря на разбиравшій насъ смѣхъ. Когда О. ушелъ, Соня сказала мнѣ: «Не говори мамѣ, ему будетъ замѣчаніе». Вскорѣ мы услышали, что О. женихъ и поняли, почему онъ такъ увлекся, читая Кольцова. Всѣ заботы нашего начальства не могли охранить въ насъ требуемую наивность. Впрочемъ, чистопробности и не требовалось; главное, надо было казаться, а это искусство не давалось намъ никогда.

Этими заботами о наивности, вмѣстѣ съ поученіями о кротости, исчерпывалась нравственная сторона воспитанія дѣвушекъ того времени. Сколько мнѣ впродолженіе моей жизни ни приходилось слышать разсказовъ о воспитаніи отъ своего поколѣнія женщинъ, росшихъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ среды, основные устои были тѣ-же. Готовили невѣстъ, умѣющихъ привлечь жениховъ, покорныхъ дочерей, которыхъ можно выдать за кого угодно и которыя будутъ покорными супругами кого-бы то ни было, и еще готовили барышень, которыя тѣшили-бы родительское тщеславіе успѣхами въ свѣтѣ, и потомъ тѣшили-бы и мужнее, если-бы попался податливый

*

на это супругъ. Практической подготовки для будущей семьянки не давали никакой, не говоря уже о научной и педагогической, но и просто практической. Въ небогатыхъ семьяхъ дѣвушка всего чаще съ скрежетомъ зубовнымъ занималась хозяйствомъ или младшими братьями и сестрами, проклиная бѣдность, завидуя счастливымъ подругамъ и въ то-же время рисуясь своими занятіями, какъ подвигомъ добродѣтели. Были, конечно, исключенія, но я ихъ знала мало. Впрочемъ, благодаря крѣпостнымъ деньщикамъ и дѣвкамъ, очень немногія барыни и барышни были обречены на униженіе работать. Соня, хотя родители ея имѣли хорошія средства, занималась съ маленькимъ братомъ, больнымъ и робкимъ ребенкомъ, который у нея учился хорошо. Это считалось большою рѣдкостью въ то время. Словомъ, процвѣталъ только идеалъ веселой жизни, блеска въ свѣтѣ. Онъ не мѣшалъ хозяйственнымъ талантамъ по части соленій, вареній, мариновокъ; съ нимъ шло объ руку искусство всякихъ вышивокъ, вязаній, плетеній всякихъ ненужностей, и это безъ всякихъ уроковъ рукодѣлій. Я помню, что всего для двухъ пріятельницъ пригласили даму, обучавшую рукодѣлью, да и то ей пришлось выучить немногому. Всѣ тонкости рукодѣлій перенимались другъ у друга, у старшаго поколѣнія. Нынче, въ виду развитія семейныхъ добродѣтелей, усиливаютъ уроки рукодѣлія; но если дѣвочка не калѣка безрукая, то, право, вовсе не нужно такъ много часовъ въ году на то, чтобы она выучилась простому шитью и вязанью. Часы, отданные на рукодѣлье въ ущербъ ученью,—прямая потеря. Гораздо выгоднѣе, не говоря уже въ отношеніи умственнаго и нравственнаго вліянія матери въ семьѣ, но и въ экономическомъ, если мать будетъ въ состояніи сама учить дѣтей своихъ и потомъ толково слѣдить за ихъ образованіемъ, когда понадобятся высшія степени его, чѣмъ если она будетъ обшивать ихъ какъ куколокъ. Безъ всякихъ уроковъ рукодѣлія, мы умѣли чинить, штопать, шить простое бѣлье и юбки къ платьямъ со всевозможными отдѣлками, передѣлывать шляпки, мастерить матери чепцы и всякія вышивки. Почему нибудь да не терпятъ-же ученицы уроковъ рукодѣлія, и это явленіе не недавнее: ихъ не терпѣли институтки еще въ тѣ времена, когда мать моя училась. Что можетъ быть скучнѣе траты времени, которую сознаешь вполнѣ? Беря изъ года въ годъ уроки рукодѣлія, ученица, если она не дура, видитъ, что новому она не выучивается ничему, разъ она умѣетъ владѣть иглой; а всѣ комбинаци при производствѣ изящныхъ рукодѣлій требуютъ такой ничтожной перемѣны пріемовъ, что для этого не нужно никакихъ уроковъ; есть всякіе «Базары» и т. п. Кройкѣ выучиваются

въ 6 недѣль, но это на общихъ урокахъ, на которыхъ обученіе вообще идетъ медленнѣе. А если въ 6 недѣль и даже въ 6 лѣтъ, начиная съ азбуки и счета, не выучиться знаніямъ, нужнымъ для ухода за тѣломъ и душой ребенка, не получить того развитія, безъ котораго женщина будетъ всегда стоять ниже мужа, то между ними всегда будетъ та рознь, то отчужденіе въ святыя святыхъ, какое указалъ Толстой въ бракѣ Левина и Китти. Да, старая система не годилась никуда и нечего воскрешать ее...

Мы стояли на порогѣ юности, потому уже поговаривали о выѣздахъ и усилилась дрессировка по части граціи. Возможно, что въ суетѣ суетъ свѣтской жизни, въ которую мы, въ свой чередъ, вступили, заглохли-бы всѣ стремленія, бродившія въ насъ, если-бы не грянула общая бѣда — крымская война. Начиная съ 1852 г. открылся рядъ толчковъ, будившихъ общественное сознаніе. Заговорилось смѣлѣе передъ общей бѣдой. Мы знали хорошо, почему сѣверный фарватеръ былъ такъ загороженъ, что мины всплывали и на нихъ натыкались мирныя чухонскія лайбы. Мы знали, почему фортъ Менщиковъ безполезенъ и что стрѣльба разомъ изо всѣхъ ярусовъ грозитъ стѣнамъ обваломъ. Мы видѣли, какъ противъ мелкихъ англійскихъ судовъ готовили гребную флотилію—галеры чуть не временъ Анны Іоанновны, неуклюжія расшивы съ прямо усѣченной кормой, отъ которой надъ уровнемъ воды шла острымъ треугольникомъ площадка для пушки. Помню, какъ одинъ мичманъ, указывая отцу на эти расшивы, медленно маневрировавшія въ купеческихъ воротахъ гавани, сказалъ съ горькой ироніей: «Мы *это* выставимъ противъ ихъ обшитыхъ мѣдью канонирокъ». Отецъ, противъ моего ожиданія, не напомнилъ ему о дисциплинѣ, ни о скромности, приличной его возрасту, но съ глубокой скорбью, хватаясь какъ утопающій за соломку, сказалъ: «Молодой человѣкъ, Богъ и въ слабости выкажетъ свою силу. Только-бы онъ не покаралъ насъ за грѣхи». Знали мы, какъ вслѣдствіе пикировки наѣхавшаго начальства разныхъ частей,—артиллеріи, пѣхоты, — съ нашимъ крѣпостнымъ и морскимъ, на передніе форты не были свезены во время пушки, порохъ, бомбы. Дѣло шло къ веснѣ; ледъ сломало между портомъ и передовыми фортами. Къ счастью, за ближайшимъ островомъ къ нашему сперло ледъ, и англійскій флотъ, доходившій до Гохланда, не могъ двинуться далѣе. Во время распутицы въ городѣ царила паника. Придетъ и заберетъ, ничего не готово—вотъ, что слышалось со всѣхъ сторонъ, вотъ, что было написано на всѣхъ лицахъ. Они прояснялись только тогда, когда узнали, что миль за 80 отъ фортовъ сплошной ледъ. Былъ и еще урокъ. Я

замѣтила, что теперь не такъ ужъ варварски бьютъ рекрутъ и солдатъ при обученіи маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. Смотрѣвшая со мною въ окно барыня, прежде не обращавшая на это никакого вниманія, замѣтила: «Слава Богу. Еще-бы теперь! Надо Бога помнить теперь». Убиравшій со стола деньщикъ, смѣнившій Ивана, отслужившаго свой срокъ, усмѣхнулся и, подойдя, шепотомъ сказалъ: «Потому, опасаются теперь народъ свой бить, безъ него ничего не подѣлать съ англичанамъ». Я вознегодовала: «Какъ, ты думаешь, не пойдутъ противъ непріятеля?» Онъ сталъ серьезенъ: «Какъ не пойти—измѣна, есть крестъ на шеѣ».—«Ну, такъ что-жъ ты говоришь?» Онъ замялся, и послѣ я допыталась отъ него, что офицеры опасаются быть убитыми своими солдатами. Это бывало въ турецкую войну (онъ разумѣлъ 28 г.), онъ слыхалъ отъ старшаго брата. Позже, отъ пріѣзжавшихъ на леченье раненыхъ подъ, Севастополемъ я слышала факты, подтверждавшіе слова деньщика.

Все это было горькимъ, страшнымъ урокомъ; отъ такихъ уроковъ быстро росла мысль и подготовлялась почва для воспріятія идей другого порядка,—идей эманципаціонной поры. Крестовскій-псевдонимъ, въ романѣ «Большая Медвѣдица», словами героини своей, намученной всею безурядицей, всею ложью, всею грязью, всплывшими наверхъ въ эту памятную пору, говоритъ: «А тутъ, въ сторонѣ ото всего, стой съ связанными руками и не смѣй вымолвить, что это тебя терзаетъ: не твое дѣло». У насъ тоже говорили: не твое дѣло, умѣряя пылъ молодого негодованія, но говорили больше для формы. Гроза, бывшая далекой отъ провинціи, описанной въ «Большой Медвѣдицѣ», висѣла надъ нами. Табель о рангахъ между старшими и младшими, между смѣющими и не смѣющими имѣть свое сужденіе, утратила въ значительной степени прежнее значеніе въ виду общей опасности. Сама жизнь говорила непреложными фактами. Каждый, кто слышалъ о какомъ-нибудь новомъ фактѣ, въ родѣ, напр., образцовыхъ картъ Балтики, составленныхъ англичанами, когда наши суда зачастую натыкались на рифы, невѣрно обозначенные или вовсе не обозначенные на нашихъ картахъ, спѣшилъ дѣлиться со всѣми, кого встрѣчалъ. Общая опасность сближала. Притомъ появился стыдъ. Барыни и барышни пріятельницы перестали съ прежнею беззастѣнчивою откровенностью передавать другъ другу свои экономическія соображенія по части разныхъ командировокъ, работъ, экспедицій, опытовъ орудій и т. п., и перестали не ради одного страха, что теперь на крѣпость нашу *смотрятъ*; былъ стыдъ, и хотя онъ не мѣшалъ обдѣлыванью дѣлишекъ, но не стало прежней мѣднолобости.

Сознаніе опасности, которой подвергало обдѣлыванье это, вызывало негодованіе въ незаинтересованныхъ денежными результатами его. Притомъ молодость всегда отзывчивѣе и чище,—крупный процентъ ея, къ сожалѣнію, потому только, что не успѣлъ еще запачкаться. Но такой печальный результатъ обнаруживается въ будущемъ; въ настоящемъ—все-же больше чистоты. Въ то время, какъ многіе отцы смотрѣли на войну съ Скалозубовской точки зрѣнія, или видѣли въ общемъ бѣдствіи средство наживы, дѣти ихъ понимали общую опасность, общее горе—и шли отдавать жизнь, иные даже, не видя въ томъ геройскаго подвига, досадовали, когда барыни и барышни, восторгаясь, фразисто кричали объ ихъ геройствѣ.

Все это имѣло глубокое воспитательное значеніе для нашего поколѣнія—не въ силу только одного отрѣшенія отъ мелкаго эгоизма обыденной жизни, не въ силу только честнаго юношескаго негодованія противъ лжи и зла, но еще въ силу того, что въ эту пору поняли, какое значеніе имѣла та масса, которая поставляла намъ деньщиковъ икрѣпостныхъ и которая теперь была призвана нести самыя страшныя тяготы войны. Мы заучивали наизусть, съ искренними слезами повторяли строки изъ ходившаго по рукамъ извѣстнаго стихотворенія, гдѣ говорилось о ратникѣ:

Осѣнивъ крестомъ грудь передъ боемъ,
Не посрамитъ земли родной...

Мы вскорѣ увидѣли калѣкъ, возвращавшихся протягивать на улицѣ руку, и мы невольно краснѣли и чувствовали свою крѣпкую связь съ ними.

Все это были впечатлѣнія жизни, будившія чувство; они копились едва-ли не безсознательно, но при первомъ словѣ объ отмѣнѣ крѣпостного права, все перечувствованное поднялось—и мы жадно ждали дня благовѣстія. Да, нашему поколѣнію женщинъ выпало счастье жить въ исключительную эпоху. Она поднимала, умъ и чувство быстро росли. Узость и бѣдность дѣвическаго воспитанія заполнялись живыми общественными стремленіями; мелочность и уродливость изглаживались широкими чертами, которыми жизнь стирала ихъ съ женской души. И все дѣльное и честное, что̀ женщина за послѣднее тридцатилѣтіе внесла въ общественную жизнь, имѣетъ источникомъ своимъ эту пору. И теперь работаютъ на общей нивѣ, вмѣстѣ съ женщинами, воспитанными этою порою, дочери ихъ.

Но такія эпохи, какъ та, которая довоспитала мое поколѣніе,—исключительныя эпохи. Воспитаніе должно дать подростающимъ поколѣніямъ женщинъ то пониманіе добра, совершенствованія и правды

общественныхъ, какое дала намъ эта эпоха. Безъ такого пониманія женщина не будетъ ни хорошей женой, ни матерью. Безъ воспитанія, дающаго женщинамъ это пониманіе, семья будетъ только гнѣздомъ, въ которомъ выращивается семейный эгоизмъ; женщина будетъ не матерью, а насѣдкой съ девизомъ: гори весь міръ огнемъ, только-бы моимъ было хорошо. Все, сказанное въ этихъ строкахъ, было говорено много и много разъ, и прискорбно, что все это не вошло еще въ плоть и кровь общества и что приходится повторять все это почти четверть вѣка...

М. Николаева.

КЪ БІОГРАФІИ К. Д. УШИНСКАГО.

(выдержки изъ его частной переписки *).

Письмо 1. Интерлакенъ, 24-го августа н. ст. 1862 г.

М. г. Л. Н. Письмо ваше искало меня довольно долго, потому что я перемѣнилъ мѣсто жительства. Теперь я живу въ Интерлакенѣ; но 4-го сентября буду опять въ Веве. Я дѣйствительно получилъ письмо отъ О. Ѳ. Миллера; но время его поѣздки еще съ точностью не опредѣлено. Привезъ-же это письмо ко мнѣ Я. П. Пугачевскій, который, прогостивъ у меня и пространствовавъ со мною по Швейцаріи дней 15 не болѣе, отправился посмотрѣть Парижъ, а теперь, вѣроятно, уже даетъ уроки въ Смольномъ. Дѣла въ Смольномъ идутъ по прежнему; инспекторомъ туда назначенъ какой-то, мнѣ совершенно неизвѣстный, г. Тимофеевъ; говорятъ человѣкъ, хорошій; но едва-ли Марья Павловна **) позволитъ ему что-нибудь порядочное сдѣлать. Я получилъ также очень милое письмо отъ m-me Сентъ-Илеръ ***); но отъ С. ни строки. Водовозовъ и Семевскій, отъ котораго также я получилъ письмо, также вышли въ отставку. Семевскій, повидимому, очень скучаетъ. Жаль мнѣ бѣднаго Михаила Ивановича: онъ

*) Задумавъ сообщить нашимъ читателямъ выдержки изъ переписки нашего замѣчательнаго педагога († 21 декабря 1870 года) съ его сослуживцами и такими дѣятелями на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія, какъ баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Пироговъ и др., мы на первый разъ помѣщаемъ тѣ мѣста изъ писемъ его къ Л. Н. М., которыя относятся къ началу 60-хъ годовъ и обрисовываютъ личность К. Д. Ушинскаго, какъ человѣка и педагога, и представляютъ біографическій интересъ. Можетъ быть, къ этому почину примкнутъ и другія лица, состоявшія въ перепискѣ съ К. Д. и сохранившія его письма. *Ред.*

**) М. П. Леонтьева—тогдашняя начальница Общества благородныхъ дѣвицъ. *Л. М.*

***) А. К. Сентъ-Илеръ—тогдашняя начальница Александровскаго института. *Л. М.*

попалъ на настоящую дорогу *), а между тѣмъ у нашихъ «великихъ» педагоговъ не станетъ ни ума, ни смѣлости, чтобы оцѣнить его по достоинству и поставить на ноги.

Вотъ и всѣ новости Смольнаго, какія я знаю. О себѣ скажу, что провелъ это время гораздо хуже, чѣмъ надѣялся. Здоровье мое, противъ всякаго ожиданія, стало хуже, а недостатка дѣятельности и людей, къ которымъ я привыкъ, не могла мнѣ замѣнить прекрасная природа Швейцаріи. Я отдохнулъ душою только съ пріѣздомъ Якова Павловича,—дай Богъ ему здоровья!—а теперь принялся за трудъ и мнѣ легче. Пишу покуда дѣтскую книжку **): этотъ трудъ не превышаетъ слабыхъ силъ моей разстроенной души. Если немного станетъ полегче, примусь за Педагогику. Заведеній я осмотрѣлъ еще очень мало; но какъ только кончу питье сыворотки, такъ и поѣду по Швейцаріи, впрочемъ,—въ два, три города, не болѣе. Что видѣлъ, то недурно, но не оправдало моихъ ожиданій: какая-то усталость замѣтна во всѣхъ, а многое слѣдовало-бы еще сдѣлать. До зимы я побываю въ Гейдельбергѣ и, если онъ понравится и медицина разрѣшитъ, то поселюсь въ немъ на зиму. Завидую вамъ. что вы живете въ одномъ городѣ съ Н. Ив. Пироговымъ. Для него одного стоитъ поселиться на зиму въ Гейдельбергѣ. Я никогда не видѣлъ этого человѣка; но едва-ли есть кто-нибудь другой, котораго я уважалъ-бы болѣе...

Я долженъ продержать курсъ винограднаго леченья въ Веве и, воспользовавшись этимъ временемъ, съѣзжу въ сѣверную Италію, если здоровье позволитъ... *К. У.*

P. S. Съ 4 сентября нов. ст. адресъ мой прежній, т.-е. En Suisse, Canton de Vaux, à la Tour de Peilz, près de Vévey, maison Chollet. Очень-бы одолжили меня, если-бы написали: можно-ли найти въ Гейдельбергѣ квартиру съ мебелью, безъ обѣда и проч., и теплую, что она стоитъ и вообще какъ тамъ вамъ самимъ живется.

Письмо 2. Веве, 3-го ноября 1862 г.

М. г. Л. Н. Много виноватъ передъ вами, что не отвѣчалъ вамъ такъ долго; но все это время я пріискивалъ квартиры, которыя, по множеству съѣхавшихся иностранцевъ, всѣ заняты, и только вчера,

*) Подъ настоящею дорогой Ушинскій разумѣетъ именно *педагогическую*, на которую М. И. вступилъ и ради которой оставилъ службу въ гвардіи. *Л. М.*

**) Здѣсь разумѣется «Родное Слово», которое въ этому году выйдетъ 100-мъ изданіемъ. *Л. М.*

наконецъ, нашелъ сносную квартиренку въ самомъ Веве, улица du Cloz, la maison de Madm. Tremblét.

Поступокъ Н. Ив. Пирогова *) не могъ увеличить моего уваженія къ нему только потому, что болѣе уважать кого-нибудь, какъ я его уважаю, нельзя. Какъ-бы я былъ счастливъ, да и всѣ порядочные русскіе люди, вѣроятно, еслибъ эта поѣздка принесла дѣйствительную пользу итальянскому герою. Я не ожидалъ даже, чтобы... надулся, и онъ, вѣроятно, пойметъ, сколько благородства въ этомъ поступкѣ; а впрочемъ, такимъ людямъ, каковъ Н. Ивановичъ, нечего и думать объ этомъ. Какъ-бы мнѣ хотѣлось видѣть этого человѣка и познакомиться съ нимъ,—вы, конечно, догадываетесь; но много было обстоятельствъ, которыя не позволили мнѣ перебраться на зиму въ Гейдельбергъ.

Я отправилъ уже второе письмо въ «Ж. М. Н. Пр.» о швейцарскихъ школахъ и въ послѣднемъ нѣсколько затронулъ проектъ **). Теперь только я прочелъ этотъ проектъ внимательно и теперь только увидѣлъ, что это за нелѣпая вещь—просто наборъ фразъ, такъ и дышащихъ словеснымъ факультетомъ, не въ обиду вамъ будь сказано. Сначала я было очень испугался, чтобы не утвердили такую штуку и не привели-бы ея въ исполненіе; но потомъ, вчитавшись еще поглубже, успокоился—нельзя его привести въ исполненіе: онъ неисполнимъ, а потому безопасенъ. Вреденъ только тѣмъ, что время уходитъ, а ничего порядочнаго не дѣлается; только толкуютъ о пустякахъ. Нѣтъ, что вы ни говорите, Головнинъ человѣкъ умный — это вѣрно; человѣкъ благонамѣренный—это можетъ быть, но онъ не на мѣстѣ, и самое простое дѣло ему представляютъ въ какомъ-то чудовищно-запутанномъ видѣ и играютъ въ слова, вмѣсто того, чтобы дѣлать дѣло; а жаль! Теперь именно настаетъ время, когда Россіи болѣе всего нужны школы, хорошо устроенныя, и учителя, хорошо подготовленные—и много, много школъ: иначе и свобода крестьянъ, и открытое судопроизводство не принесутъ всей той пользы, какую могли-бы принести

*) Поѣздка нашего знаменитаго хирурга на остр. Капреру къ Гарибальди для извлеченія изъ раны засѣвшей въ ней пули. Н. И. Пироговъ былъ командированъ за границу для руководства русскими, готовившимися къ профессорскому званію, и проживалъ въ 1862—63 годахъ въ Гейдельбергѣ, гдѣ два сына Н. И. посѣщали университетъ, а затѣмъ въ Берлинѣ. *Л. М.*

**) Проектъ преобразованія русскихъ народныхъ училищъ, задуманнаго тогдашнимъ Министромъ Народ. Просв. А. В. Головнинымъ. «Журн. Мин. Народ. Просв.» послѣ К. Д. Ушинскаго находился подъ редакіей Ю. С. Рехневскаго. Проекты гимназій и реальныхъ училищъ были составлены подъ руководствомъ предсѣдателя Учен. Комит. А. С. Воронова. *Л. М.*

эти два истинно-великіе шага впередъ. Въ одной нѣмецкой газетѣ прочелъ я, послѣ брани Франціи, Пруссіи и разныхъ нѣмецкихъ князьковъ, слѣдующія слова: «Одна только Россія идетъ твердыми и быстрыми шагами къ прогрессу и дѣлаетъ дѣла на столѣтія», и нашелъ, что если это не совсѣмъ, то немножко правда; но школу, народную школу дайте ей! И тогда черезъ тридцать лѣтъ станетъ она на прямую дорогу. Васъ ждетъ, господа, лучшее время, чѣмъ то, въ которое мы бились, какъ рыба объ ледъ; готовьтесь-же съ любовью, съ увлеченіемъ къ тому великому поприщу, которое васъ ожидаетъ,—безъ утопій, но и безъ охлажденія, съ вѣрою въ Провидѣніе и въ человѣчество, въ его божественное назначеніе,—потому что *безъ вѣры ничего не сдѣлаете.* Да и стоило-ли-бы трудиться для куска грязи, для живой плѣсени, заведшейся на землѣ, которая сегодня есть, а завтра не будетъ...

То, что привезъ мнѣ С.-И. изъ русскаго педагогическаго міра, мало утѣшительно: видно, что «кто въ лѣсъ, кто по дрова». Хотятъ чего-то особеннаго отъ русской школы, не понимая того, что законы души и ея развитія вездѣ одинаковы, и что народность нужна, необходима, но что она состоитъ не въ томъ, чтобы поставить нашу школу непремѣнно не такъ, какъ у людей, а «до горы ногами» по малороссійской поговоркѣ. Ради Бога, не думайте, что великіе просвѣтители человѣчества жили для Россіи даромъ и что намъ слѣдуетъ все начинать снова: такъ, вмѣсто открытаго судопроизводства, проектъ котораго не чета проекту училищъ, слѣдовало-бы выдумать какое-нибудь запертое и запечатанное.

Книги, посланной вами, я не получилъ, а хотѣлъ-бы; за письмо Семевскаго благодарю. Я радъ, что этотъ добрый человѣкъ, который, видно, считаетъ своею обязанностью утѣшать меня въ горѣ комплиментами, получилъ случай пристроиться и быть полезнымъ *).

«Дѣтскій Міръ» посылаю, если примутъ на почту; и зачѣмъ вы не пришлете мнѣ вашего адреса и проч. *К. У.*

Письмо 3. Веве, 6-го января 1863 г.

М. г. Л. Н. Много виноватъ передъ вами, что такъ безконечно долго не отвѣчалъ на письмо ваше. Но сначала я прохворалъ довольно долго, простудившись при возвращеніи изъ Женевы, а потомъ

---

*) М. И. Семевскій тогда пристроился при Государственной Канцеляріи по секретарской части.

былъ занятъ оканчиваніемъ извѣстной вамъ книги *), которую опять передѣлалъ сначала до конца и все еще не окончилъ. Спѣшу потому, что въ началѣ марта думаю снова пуститься въ объѣздъ уже по Германіи, а въ маѣ придется и въ Петербургъ, откуда я, впрочемъ, опять думаю воротиться, но своими деньгами или съ помощью казны, ужъ не знаю; знаю только, что семью мою оставлю здѣсь, а можетъ быть, въ Гейдельбергѣ или Штутгардтѣ. Если Богъ дастъ здоровья, то надѣюсь скоро увидѣться съ вами. Не будете-ли вы въ Гейдельбергѣ, или думаете куда-нибудь переѣхать? Мнѣ-бы очень хотѣлось не разъѣхаться съ вами.

Зима у насъ была очень кроткая, но теперь начались дурные дни и слякоть. Снѣгу почти не было, и только горы вокругъ бѣлехоньки.

Что Варенцовъ **)? Въ Гейдельбергѣ-ли, и могу-ли я найти его тамъ въ мартѣ? Это необыкновенно симпатическая личность и, видѣвъ его разъ, не легко потомъ забудешь. Гдѣ бродитъ С.-И. и будетъ-ли въ мартѣ? Пироговъ въ Гейдельбергѣ? Не хотѣлось-бы выѣхать изъ-за границы, не видавъ этой личности, о которой такъ много думалось и которой такъ много сочувствовалось. Читали-ли вы мои письма въ журналѣ Министерства и какъ они вамъ показались? Я получилъ ихъ оттиски, просмотрѣлъ и нашелъ, что они вышли гораздо лучше, чѣмъ я ожидалъ. Еслибъ они печатались при мнѣ, то они не были-бы такъ растянуты. Однакоже, я доволенъ тѣмъ, что въ нихъ найдутъ много полезнаго тѣ преподаватели, которые хотятъ улучшить свой способъ преподаванія. Это главное, потому что имѣть вліяніе на сильныхъ міра сего нечего и думать. Пиши тамъ, что хочешь, а они все-таки распорядятся такъ, какъ сложатся обстоятельства и какъ натолкуютъ ближайшіе.

Если ваша статья уже напечатана и вы имѣете съ нея оттиски, то, сдѣлайте одолженіе, пришлите. Гдѣ вы собственно были и что описали? Я-бы туда ужъ не поѣхалъ? Есть-ли въ Гейдельбергѣ женскія учебныя заведенія, которыя стоило-бы посмотрѣть? И тепло-ли было вамъ тамъ зиму? Теперь слѣдуетъ мнѣ выбрать мѣсто для семьи на полгода, чтобъ было дешево и сердито. Кто совѣтуетъ Штутгардтъ; но другіе пугаютъ, что тамъ ва иностранцевъ нападаютъ нервныя горячки; кто совѣтуетъ Карлсруэ; иные Веймаръ. Въ Вей-

---

*) «Роднаго Слова», которое и послѣ этого еще нѣсколько разъ передѣлывалось уже въ Гейдельбергѣ. *Л. М.*

**) В. Г. Варенцовъ—бывшій профессоръ, а затѣмъ окружной инспекторъ въ Казани, а въ 1863 г.—помощникъ попечителя Одесскаго учебнаго округа.

Л. М.

марѣ дѣйствительно недорого; но за-то и скука-же безвыходная, особенно для людей, плохо обладающихъ нѣмецкимъ языкомъ.

Прощайте и проч. *К. У.*

Письмо 4. Веве, 17-го февраля 1863 г.

М. г. Л. Н. Вотъ и опять я только-что всталъ съ постели и могу отвѣчать вамъ именно лишь двумя словами. Хотя я и собираюсь къ вамъ въ Гейдельбергъ, но Богъ знаетъ, когда буду въ силахъ; а потому поспѣшите прислать мнѣ, что считаете необходимымъ, особенно статьи Семевскаго. Я получилъ отъ него письмо, но еще не отвѣчалъ ему, ибо былъ боленъ. Адресъ мой: A Vevey, maison Tremblét, Rue du Cloz. Ахъ! какъ-бы мнѣ выбраться отсюда живому! Этотъ климатъ меня окончательно разстроилъ. Поспѣшите присылкой, я-же у себя не задержу и проч. *К. У.*

Письмо 5. Веве, мартъ 1863 г.

М. г. Л. Н. Очень вамъ благодаренъ за присылку книги Ореста Ѳедоровича *), истинно добросовѣстнаго труда; дай Богъ ему кончить это полезное дѣло. Я и не думалъ, что Орестъ Ѳедоровичъ такой знатокъ нашей старой литературы. Что касается до письма Михаила Ивановича Семевскаго, то, возвращая его обратно, право, не знаю, что сказать, потому что изъ него не вижу, гдѣ и какъ наклеветалъ на Мих. Ив. Н. Во всякомъ-же случаѣ думаю, что письма М. Ив. бросаютъ еще болѣе дурную тѣнь на Н. безъ достаточныхъ доказательствъ, потому что если братъ Н. негодяй, то это еще ничего не доказываетъ. Вообще, чѣмъ скорѣе тушить такія нелѣпыя исторіи, тѣмъ лучше, а письма М. Ив. ничуть ея не тушатъ. Лучше будетъ отвѣтить въ двухъ словахъ: «я-де г. Н. едва знаю и никогда никакихъ клеветъ о немъ не распускалъ»—вотъ и все. Кромѣ того, если М. Ив. думаетъ *служить*, то вообще чрезвычайно необдуманно входить въ какія-бы то ни было сношенія съ К., особенно въ настоящее время, когда эта газета становится враждебною не одному правительству, но всякому, въ комъ не умерло еще русское чувство и кто не выродился въ безличное существо мадзинистскаго легіона.

Очень грустны и тяжелы теперешнія обстоятельства для всякой

---

*) О. Ѳ. Миллеръ, бывшій во время инспекторства К. Д. Ушинскаго въ Смольномъ преподавателемъ русской литературы, былъ въ это время занятъ составленіемъ хрестоматіи по древне-русской и, преимущественно, по устной словесности. *Л. М.*

порядочной души, не имѣющей личныхъ честолюбивыхъ замысловъ и желающей мирнаго прогресса безъ ненавистей, которыя, наконецъ, опротивѣли окончательно. Какъ не любитъ насъ Европа! А сама-то хороша! Наполеонъ держитъ французовъ въ Римѣ и защищаетъ противъ Россіи принципъ невмѣшательства; Австрія давитъ Венецію и поддерживаетъ польское возстаніе; Пьемонтъ высылаетъ къ намъ революціонеровъ и въ два года предаетъ смертной казни 30 тысячъ человѣкъ. Для Англіи-же ничего не можетъ быть выгоднѣе, какъ устроить посреди континентальной Европы революціонное жерло въ Польшѣ: Англія, вѣдь, всегда добра желаетъ континентальнымъ государствамъ... И все это прикрывается именами человѣколюбія, либерализма и т. д. Грустно жить на этомъ свѣтѣ! А поляки—Боже, что за бездушный народъ! сидѣли и молчали тогда, когда ихъ давили, и буянятъ теперь, когда имъ открывается возможность имѣть въ какія-нибудь десять лѣтъ друга, а не врага въ Россіи. Неужели для этихъ .... не ясно, что пока Россія не будетъ самобытнымъ государствомъ, до тѣхъ поръ она и всѣ славянскія племена будутъ жертвою западныхъ государствъ? Неужели они не понимаютъ, что сочувствіе Западной Европы есть только—радость при видѣ возможности убить славянскую жизнь, которая только въ Россіи успѣла выказаться чѣмъ-то сильнымъ и самостоятельнымъ! А сколько хорошихъ дѣлъ останавливаетъ эта польская безурядица?..

Но какимъ это образомъ я забрался въ политику? Да, по поводу «Колокола», который становится отвратителенъ! Да, тяжело жить! Съ одной стороны безсильный бунтъ, съ другой—подлый французскій деспотизмъ; никогда, кажется, Европа не была далека такъ отъ свободы, какъ нынѣ. Лучшія надежды въ Италіи вянутъ; Америка разваливается *); французы... но объ нихъ нечего и говорить!

Прощайте, добрый Л. Н., когда вы выѣзжаете изъ Гейдельберга? Я-бы пріѣхалъ къ вамъ, да все еще пугаютъ холодами.

P. S. Мой совѣтъ Михаилу Ивановичу—бросить это дѣло и дѣлать что-нибудь полезное. Статьи его изъ Пскова очень интересны **).

Письмо 6. С.-Петербургъ, 11-го іюня 1863 г.

М. г. Л. Н. Извините, что, захлопотавшись въ Петербургѣ, я нѣсколько замедлилъ вамъ отвѣтомъ. Я былъ у Головнина, говорилъ о

---

*) Здѣсь разумѣется возстаніе южныхъ штатовъ изъ-за рабовладѣльческаго вопроса. *Л. М.*

**) Къ этому времени относится интересная статья М. И. Семевскаго по изслѣдованію школъ и грамотности въ Псковской губерніи. *Л. М.*

дѣлахъ... впрочемъ, никто здѣсь и самъ ничего порядочно не знаетъ. Мѣсто С.-И—у Министерство обязано устроить, какъ сей послѣдній желалъ; а А. предстоитъ быть инспекторомъ семинаріи, которую министръ хочетъ образовать въ одной изъ западныхъ губерній, еще опустѣлой отъ побѣговъ гимназистовъ *).

Былъ разъ у m-me Сентъ-Илеръ, и дѣти **) меня встрѣтили поистинѣ трогательно; изъ этого возникъ длинный рядъ непріятностей со стороны Леонтьевой.

Прощайте, мой добрый Л. Н., мы съ смолянками и васъ помянули и проч. *К. У.*

Письмо 7. Гейдельбергъ, начало августа 1863 г.

М. г. Л. Н. Я не совсѣмъ виноватъ, что не отвѣчалъ вамъ ни на одно письмо ваше; во-первыхъ, я получилъ ихъ всѣ вмѣстѣ уже при самомъ выѣздѣ изъ Малороссіи, а во-вторыхъ, надѣялся скоро свидѣться съ вами. Вчера я пріѣхалъ въ Гейдельбергъ и спѣшу писать къ вамъ, чтобы также *возможно скорѣе* получить отъ васъ отвѣты на слѣдующіе вопросы: 1) Долго-ли вы пробудете въ Іенѣ? 2) Намѣрены-ли тамъ пробыть зиму? 3) Когда дѣти Стоева института отправляются странствовать и могу-ли я еще теперь привезти Пашу? ***) 4) Что возьметъ Стой за полгода содержанія Паши? Я думаю оставить его, по крайней мѣрѣ, на годъ у Стоя; но, принимая въ разсчетъ неопредѣленныя нынѣшнія политическія обстоятельства ****), могу его взять и очень скоро. Хотя, конечно, дѣло поворачиваетъ на миръ, но война все еще можетъ разыграться, и тогда мы будемъ принуждены воротиться въ Петербургъ. Можетъ быть, Стой, принявъ во вниманіе всѣ эти обстоятельства и изъ расположенія къ вамъ, согласится взять деньги только за *треть* года, и то не очень большія... Обо всемъ этомъ переговорите, сдѣлайте одолженіе, и на-

*) Побѣги гимназистовъ были вызваны польскими повстанцами, сманивавшими молодежь розовыми надеждами. *Л. М.*

**) Разумѣются воспитанницы Александровскаго института, бывшаго тогда въ зависимости отъ начальницы Общества благородныхъ дѣвицъ. *Л. М.*

***) Старшій сынъ К. Д.—Павелъ, который въ 1870 году окончилъ курсъ во 2-й военной гимназіи (нынѣ корпусъ), но въ тотъ-же годъ погибъ отъ собственнаго нечаяннаго выстрѣла на охотѣ. Это настолько потрясло уже слабое здоровье К. Д., что онъ заболѣлъ кровохарканьемъ и уже не вставалъ съ одра болѣзни. К. Д. очень сочувствовалъ реформѣ корпусовъ и особенно цѣнилъ 2-ю гимназію за время директорства Г. Г. Даниловича.

****) Вмѣшательство нѣкоторыхъ европейскихъ державъ въ вопросъ о польскомъ возстаніи 1863 года. *Л. М.*

пишите немедленно, а по полученіи вашего письма мы черезъ два дня будемъ въ Іенѣ...

Оказывается, что Головнинъ прежде всего хлопочетъ, чтобы сохранить свое министерское мѣсто. При свиданіи могу сообщить вамъ много интереснаго о матушкѣ Руси; но теперь спѣшу отправить письмо и прошу васъ не замедлить отвѣтомъ и проч.

Адресъ нашъ: Heidelberg, Theater-Strasse. № 7. Pension Erhardt.

Письмо 8. Гейдельбергъ, августъ 1863 г.

М. г. Л. Н. Очень вамъ благодаренъ за скорый и точный отвѣтъ вашъ на письмо мое; но, сообразивъ всѣ обстоятельства и значительную цѣну, которую беретъ г. Стой (съ побочными издержками до 400 талер. — цѣна наша русская!), я рѣшился распорядиться иначе. Думаю посылать Пашу въ здѣшній лицей *), который здѣсь очень недуренъ (я былъ тамъ на экзаменахъ), для слушанія латинскаго и нѣмецкаго языка, остальные-же предметы устроимъ дома.

Завтра я пускаюсь въ педагогическую поѣздку черезъ Штутгардтъ, Аугсбургъ, Мюнхенъ, Лейпцигъ, Вейссенфельсъ; проѣду и въ Веймаръ; но сама сложная поѣздка не даетъ мнѣ возможности съ точностью опредѣлить время, когда я буду въ Веймарѣ; вижу только, что въ первыхъ числахъ сентября. Постараюсь васъ увѣдомить изъ Лейпцига болѣе опредѣленно; но вы, сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь нисколько и располагайте вашимъ временемъ, какъ хотите...

Письмо 9. Гейдельбергъ, 3-го сентября 1863 г.

М. г. Л. Н. Мнѣ очень досадно, что я, можетъ быть, заставилъ васъ прождать себя нѣсколько дней въ Іенѣ и понапрасну. Но случай такой вышелъ: проѣзжая изъ Мюнхена въ Лейпцигъ, я простудился и въ Галле такъ захворалъ-было, что сѣлъ въ вагонъ и продралъ прямо домой, гдѣ и нашелъ ваше письмо. Теперь мнѣ лучше, и мнѣ сильно досадно на себя, что боязнь расхвораться въ дорогѣ лишила меня возможности повидаться съ вами.

Благодарю васъ отъ всей души за участіе, которое вы приняли въ Пашѣ; но на этотъ годъ, пока моя судьба еще не рѣшена, я раздумалъ отдавать его въ заведеніе, подобное Стоевскому, въ которомъ

---

*) Лицей въ Гейдельбергѣ, съ курсомъ, не превышающимъ гимназическій. Предположеніе К. Д. объ опредѣленіи старшаго сына Павла въ этотъ лицей, по разнымъ обстоятельствамъ, не осуществилось.

все разсчитано на долгое пребываніе мальчика, какъ я убѣдился, разсмотрѣвъ внимательно классныя программы въ годовомъ отчетѣ. На этотъ годъ я устраиваю такъ ученье Паши. Онъ будетъ ходить въ лицей и слушать тамъ латинскій и нѣмецкій языки, которые, сколько я видѣлъ на экзаменѣ, преподаются здѣсь хорошо. Кромѣ того, я беру домашняго учителя математики, такъ какъ въ этомъ предметѣ Паша ушелъ далѣе лицеистовъ; самъ займусь Закономъ Божіимъ и географіей, а русскимъ языкомъ займется вашъ братъ, къ которому немедленно пишу, чтобы онъ выѣзжалъ изъ Петербурга... *К. У.*

P. S. Въ эту поѣздку мнѣ удалось проникнуть въ католическія женскія училища и женскія семинаріи. Нѣкоторыя очень недурны; особенно въ Аугсбургѣ, въ монастырѣ Св. Урсулы. Здѣсь Frau priorin Aquinata и ея ученицы монахини меня просто очаровали. Понятія отличнаго педагога съ самымъ свободнымъ образомъ мыслей и дѣйствій — и католическая монахиня въ своемъ бѣломъ странномъ костюмѣ, говорящая съ посѣтителями не иначе, какъ черезъ рѣшетку—долго не могли умѣститься у меня въ головѣ...

Письмо 10. Гейдельбергъ, 11-го ноября 1863 г.

М. г. Л. Н. ...Изъ Россіи никакихъ новостей, кромѣ печальныхъ семейныхъ, не имѣю; даже неизмѣнный мой Яковъ Павловичъ, и тотъ сталъ писать крайне рѣдко. Если вы имѣете какія-нибудь новости изъ Россіи о нашихъ общихъ знакомыхъ, то подѣлитесь со мною. Страшно становится, какъ подумаешь, что черезъ годъ или два и остальныя тоненькія связи мои съ Русью порвутся, и я останусь гдѣ-нибудь въ Ниццѣ или Женевѣ, какъ островокъ, затерянный посреди океана. Грустно что-то, а можетъ быть оттого, что погода прескверная, дождь, вѣтеръ, даже горъ не видать, и только машина свиститъ въ урочные часы: кой чортъ ѣздитъ въ такую погоду!.. Я вотъ собирался въ Штутгардтъ, да никакъ не соберусь. Да, кстати еще одна грустная новость: Помяловскій померъ. Въ новомъ нумерѣ «Современника» (препустая книжка) былъ некрологъ приложенъ. Живо представился мнѣ этотъ голубоглазый, блѣдный молодой человѣкъ—ему не было еще и 30 лѣтъ! Несчастливится «Современнику»!

У Пирогова бываю по субботамъ; заглядываю и въ читальню *);

*) Здѣсь разумѣется спеціально-русская читальня, устроенная нашими соотечественниками при одной скромной кондитерской въ Гейдельбергѣ. На взносимыя за абонементъ деньги выписывались главнѣйшіе русскіе журналы и га-

но больше сижу дома, пишу немного, уже окончательно переписывая свою книжонку *), послѣ которой сдѣлаю окончательный прощальный поклонъ дѣтской литературѣ, а болѣе—читаю, погружаясь въ неисчерпаемыя глубины нѣмецкой философіи, а книги то и дѣло подваливаютъ мнѣ не одинъ, а цѣлыхъ три гейдельбергскихъ книгопродавца; даже я выбранилъ послѣдній разъ носильщика, но, конечно, по-русски, на что онъ мнѣ улыбнулся любезнѣйшимъ образомъ.

В. встрѣчаю безпрестанно до того, что не только моя рожа ему, но и его, Шиллеровская, страшно мнѣ надоѣла: мы, кажется, кончимъ тѣмъ, что познакомимся.

Но вы, вѣроятно, спросите, что-же о статьѣ прималчиваю я? Увы, она и до сихъ поръ лежитъ въ ящикѣ. Прочитавъ еще разъ, я раздумалъ посылать; совѣстно было также, что вы напрасно трудились (надъ ея прочтеніемъ). Терпѣть не могу *печатной* полемики и тѣмъ еще разъ доказываю, что «не отъ міра сего есьмь». Кстати, ужъ и бранятъ его въ «Современникѣ»; не поздоровится и Воронову отъ такихъ защитниковъ.

Некрасовъ въ объявленіи самъ сознается въ безцвѣтности журнала и сваливаетъ вину на цензуру; а просто, кажется, сотрудниковъ нѣтъ.

Въ Польшѣ кровь и кровь! Жаль становится и ляшковъ даже: хоть и плохіе, а все-же люди не хуже другихъ...

Прощайте; пишите хоть изрѣдка, да пришлите стишковъ и проч.

К. У.

Письмо 11. Гейдельбергъ, 11-го ноября 1863 г.

Сейчасъ ѣду въ Штутгардтъ, а потому и не могу писать вамъ длиннаго письма, чтобы объяснить, почему не послалъ своей статейки. Скажу только, что на другой день по выѣздѣ вашемъ прислалъ мнѣ

зеты, особенно интересовавшіе мѣстное русское общество въ періодъ великихъ реформъ и такихъ крупныхъ событій, какъ польское возстаніе и послѣдовавшія за нимъ правительственныя мѣры. *Л. М.*

*) «Родное Слово», ч. I, которое К. Д. никакъ не предназначалъ для начальной или сельской школы. Онъ имѣлъ въ виду лишь образованную семью, на подобіе собственной, и провѣрялъ книжку на собственныхъ дѣтяхъ. Противъ ожиданія самого автора, книжка получила самое широкое распространеніе... Habent sua fata libelli! Книжка пришлась по душѣ и начальнымъ учителямъ, и дѣтямъ больше тѣхъ учебниковъ, которые прямо были разсчитаны на этихъ потребителей, такъ какъ она составлена глубоко-русскимъ человѣкомъ и обоснована на коренныхъ законахъ дѣтскаго развитія. *Л. М.*

Н. Ив. Пироговъ статью изъ «Голоса», присланную ему министромъ, изъ коей я усмотрѣлъ, что между Министерствомъ и Катковымъ идетъ какая-то *тайная* борьба, причинъ которой мы не знаемъ, а только догадываюсь, что Катковъ нападаетъ на партію, которую и я не намѣренъ защищать, хотя нападать подло, и вредитъ хорошему дѣлу. Но впутаться въ споръ, котораго не понимаешь, и смѣшно, и можетъ оказаться очень глупымъ. Чортъ ихъ знаетъ, за что они сцѣпились; но только Министерство защищается очень слабо. Катковъ нападаетъ также, между прочимъ, на личности, посланныя за границу, не упоминая, впрочемъ, именъ. Пироговъ также соглашается, что выборъ былъ часто дѣлаемъ необдуманно. Онъ тоже не совѣтовалъ мнѣ вмѣшиваться въ *непонятный* споръ. Катковъ громко требуетъ свободы печати, чтобы обнаружить ловкихъ людей и ихъ *польскіе замыслы*. Тутъ самъ чортъ ногу сломитъ!...

Посылаю вамъ іюльскую книжку «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» черезъ *Биспена*, ибо самому нѣтъ времени...

Получилъ много дѣтскихъ книгъ изъ Россіи—дрянь невообразимая. Книжка-же Перевлѣсскаго *)—просто невообразимое безобразіе.

Будьте здоровы; пишите, пожалуйста. Я съ наслажденіемъ читаю ваши письма и проч. *К. У.*

P. S. Передѣлываю слегка русскія сказки и нѣмецкіе разсказы на ладъ русскихъ сказокъ. Дѣйствительно, иныя русскія сказки—просто прелесть! Поэзіи и здороваго юмора—бездна! Я только теперь разнюхалъ, что это за сокровище для дѣтской литературы. Меня обратили къ нимъ мои-же дѣти—вопросами и замѣчаніями. Они показали мнѣ, что̀ и передѣлать нужно.

Письмо 12. Гейдельбергъ, 9-го декабря 1863 г.

М. г. Л. Н. По желанію вашему, возвращаю ваше письмо С.-И. Оно меня очень заинтересовало и какъ человѣка учебнаго, и какъ малоросса. Я прочелъ его Н. Ив. Пирогову, и оно послужило темою для самыхъ оживленныхъ бесѣдъ, изъ которыхъ я узналъ много любопытнаго о Кіевскомъ учебномъ округѣ.

---

*) Въ это время извѣстный составитель грамматикъ Перевлѣсскій издалъ «Предметные уроки» по тогдашнему новому и, такъ сказать, «модному» методу, которому К. Д. никогда не сочувствовалъ, какъ пустой болтовнѣ. Признавая значеніе наглядности, онъ требовалъ также точности и ясности въ мышленіи и выраженіи; «Предметные-же уроки» вели къ поверхностному всезнайству. *Л. М.*

Да, не весела вообще теперь участь истинныхъ педагоговъ нечиповниковъ. Министерство своимъ неумѣньемъ дѣло дѣлать и своею хвастливостью, кромѣ правительства, подняло противъ себя цѣлую тучу, вонючую, но грозную тучу......, и теперь ему не справиться. Что положеніе министра шаткое — это не трудно видѣть. Но собственно дурного въ немъ то, что оно держится К........новской партіи. Участь этой партіи, впрочемъ, еще не рѣшена и, можетъ быть, по усмиреніи Польши, она опять всплыветъ наверхъ. Я ея не жалую болѣе по какому-то инстинкту, чѣмъ вполнѣ сознательно, и, можетъ быть, потому, что всѣ орудія ея—безъидейные чиновники, т.-е. самый вредный народъ.

Изъ Питера новостей получилъ мало, кромѣ развѣ той, что Марья Павловна окончательно спятила съ ума, да это для меня давно не новость. Сами классныя дамы разсказываютъ о ней ужасы, а съ однимъ новымъ учителемъ она поступила, какъ было съ Водовозовымъ (учитель Томсонъ?), и кн. Мещерскій *) хочетъ ее заставить просить у него прощеніе. Фу, какая безвыходная пошлость!

Я опять, по обычаю, было прихворнулъ. Собираюсь въ Италію и въ концѣ мѣсяца выѣду.

Польша утихаетъ, и если не пробуждается къ ней сочувствія, то только потому, что, съ захватомъ разныхъ бумагъ, открывается вся гнусность первыхъ устроителей и руководителей возстанія, которые еще въ мартѣ 1861 года думали сдѣлать возстаніе, основанное на клеветѣ, обманѣ и насиліи. Что за безнадежный этотъ народъ!

Благодарю васъ за стишки для Р. Сл., и проч. *К. У.*

Письмо 13. Гейдельбергъ, 4-го февраля 1864 г.

М. г. Л. Н. Много виноватъ передъ вами, что не отвѣчалъ вамъ на письмо и не выѣзжалъ изъ Гейдельберга, гдѣ безденежье задержало меня до морозовъ, а потомъ нельзя уже было и выѣхать. Впрочемъ, не жалѣю, потому что намъ пишутъ, что и въ Италіи зима была прескверная. Теперь поѣду по южной Франціи, погляжу и тамъ на школы, но къ празднику буду дома, и вы своимъ пріѣздомъ обрадуете искренно и меня, и всю мою семью, потому что мы полюбили васъ отъ души, какъ близкаго родного.

Головнинъ предложилъ мнѣ взять на себя неоффиціальнымъ обра-

---

*) Тогдашній почетный опекунъ по учебной части, которую онъ старался оградить отъ посягательства на нее начальницы М. П. Леонтьевой, бывшей уже въ самомъ преклонномъ возрастѣ. *Л. М.*

зомъ «Журналъ М. Н. Просвѣщенія», перемѣнить ему заглавіе и издавать, какъ частное изданіе, съ поддержкою отъ правительства. Я, конечно, отказался отъ этого неразумнаго предложенія, ссылаясь на здоровье, но отказался-бы и потому, что скорѣе могъ принять на себя открыто изданіе оффиціальнаго журнала, чѣмъ дѣлать это подъ рукою.

Н. Ив. Пирогова я вижу довольно рѣдко. Онъ пишетъ какую-то медицинскую книгу для нѣмцевъ и уже началъ печатать. Ваша мысль издать для русскихъ учителей нѣчто въ родѣ Wegweiser'а едва-ли можетъ осуществиться. Это уже зрѣлый плодъ, а у насъ еще азбуки-то педагогической не знаютъ...

Мы получили здѣсь въ читальню всѣ изданія Министерства, и есть вещи прелюбопытныя; такъ, напр., два тома статей, запрещенныхъ цензурою (sic). Исторія русской цензуры весьма откровенная. Получили и кое-что еще, и проч. *К. У.*

Письмо 14 Гейдельбергъ, мартъ 1864 г.

Добрѣйшій и многоуважаемый Л. Н. Прежде всего въ отвѣтъ на письмо ваше спѣшу васъ увѣдомить, что Пироговы думаютъ уѣхать 15-го или 16-го марта въ Берлинъ, и если хотите видѣться съ ними, то такъ распорядитесь и пріѣздомъ вашимъ.

М-ше Пирогова хочетъ кому-то рекомендовать опредѣлить своихъ дѣтей къ Стою, а потому ждетъ, что вы сообщите ей всѣ условія пріема вообще и въ особенности объ оплеухахъ *); даются, не даются-ли онѣ, съ нѣмецкой аккуратностью, или какъ-нибудь нелѣпо, по-русски.

Пишу къ вамъ, лежа въ постели, ибо уложилъ медикъ! Ужасно противно такъ хворать безпрестанно. Да! Въ Петербургѣ по части педагогики ничего утѣшительнаго. Я ужъ и не понимаю, что тамъ дѣлается?! Прощайте, до свиданія! *К. У.*

Письмо 15. Гейдельбергъ, 14-го апрѣля 1864 г.

Благодарю васъ отъ всей души, добрѣйшій Л. Н., за извѣщеніе ваше... Пріѣзжайте поскорѣе, чтобы Пашута могъ явиться въ Іену

---

*) Пощечина, какъ мѣра наказанія, вовсе не составляла принадлежности именно Стоевскаго института, а была теоретически признаваема и практически примѣняема во всѣхъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи, и притомъ въ извѣстной градаціи: I) отъ учителя, II) отъ директора; 1) наединѣ, 2) предъ классомъ, 3) предъ конференціей и т. д., съ подраздѣленіями на шесть степеней. *Л. М.*

къ 19-му числу!.. Уѣзжая, сдѣлайте одолженіе, не забудьте освѣдомиться, нужно-ли Пашѣ постельное бѣлье, или постель съ бѣльемъ дается отъ пансіона, и если нужно, то какое; а также нужны-ли полотенца и салфетки; все это, конечно, мелочи, но необходимы.

Ко мнѣ здѣсь пріѣзжалъ попечитель Одесскаго округа—Арцимовичъ, который ищетъ профессоровъ для будущаго университета. Онъ взялъ отъ Пирогова записку о всѣхъ лицахъ, могущихъ для этого годиться, и въ томъ числѣ и о васъ, надѣясь васъ найти въ Гейдельбергѣ... Но онъ не имѣетъ еще права дѣлать формальныхъ предложеній, а такъ только освѣдомляется, и если наберется достаточное количество профессоровъ (что сомнительно), то приступитъ къ открытію Одесскаго университета *). Я, впрочемъ, что-то плохо этому вѣрю; какъ тутъ открывать новый, когда и всѣ старые пусты.

Въ ожиданіи видѣть васъ лично, остаюсь съ искреннимъ уваженіемъ душевно вамъ преданный *К. У.*

Письмо 16. Гейдельбергъ, 30-го апрѣля 1864 г.

М. г. Л. Н. Отъ всей души благодарю васъ за хлопоты, которыя вы приняли на себя по помѣщенію моего Паши, и за подробное письмо, въ которомъ вы выказали такое знаніе материнскаго сердца и своими отвѣтами предупредили его вопросы. Если я не отвѣчалъ вамъ немедленно, то это потому, что въ день его полученія у насъ была большая сумятица: рѣшалась наша поѣздка или въ Висбаденъ съ Ждановичами, или въ Страсбургъ однихъ. Кончилось дѣло только тѣмъ, что Ждановичъ съ женою, которая все дичится, поѣхали въ Гамбургъ, а мы въ Страсбургъ, откуда и воротились только вчера вечеромъ. Я очень доволенъ своею Страсбургскою поѣздкой, потому что успѣлъ осмотрѣть тамъ двѣ нормальныхъ школы, мужскую и женскую, пріютъ, первоначальную школу дѣвочекъ и одинъ частный пансіонъ; кромѣ того, пріобрѣлъ нѣсколько сочиненій и инструкцій, знакомящихъ меня съ французскимъ женскимъ образованіемъ. Если присоединить къ тому то, что я видѣлъ въ Парижѣ, то выходитъ, что не зачѣмъ было-бы и ѣхать во Францію, ибо тамъ женское образованіе еще въ большемъ забросѣ, чѣмъ мужское. Кромѣ весьма плохихъ первоначальныхъ школъ и женскихъ нормальныхъ школъ, правительство не сдѣлало тамъ ровно ничего для женскаго образованія, а оно все находится тамъ или въ рукахъ монастырей, или у частныхъ

*) Однако, Одесскій университетъ былъ открытъ въ томъ же 1864 году, и съ осени въ немъ начались лекціи. *Л. М.*

спекуляторовъ. Очень замѣчательны наставленія учителямъ и прежніе педагогическіе учебники для семинарій, изданные разными членами учебной администраціи и предписанныя къ руководству. Можно только удивляться, какъ хорошо защитили себя французы отъ всякаго вліянія педагогическаго духа Германіи, и особенной даровитости французовъ сравнительно съ нѣмцами.

Сегодня мы хотѣли ѣхать въ Штутгардтъ къ обѣднѣ (завтрашней), но утро такое пасмурное и холодное, что не знаю еще, какъ это устроится. Дня черезъ два или три, если только не захвораю, пускаюсь на сѣверъ и думаю пробраться въ Бельгію, откуда разсчитываю еще разъ воротиться въ Гейдельбергъ и потомъ уже пуститься къ вамъ въ Іену, о чемъ напишу предварительно.

Поздравляю васъ съ русскимъ нашимъ праздникомъ, который здѣсь мы знаемъ только по календарю. Передайте отъ меня прилагаемый талеръ Пашѣ на праздникъ. Очень буду радъ за него, если онъ побываетъ въ Веймарѣ въ церкви *). До свиданія, добрѣйшій Л. Н., и проч. *К. У.*

Письмо 17. Гейдельбергъ, май 1864 г.

Очень благодаренъ вамъ, добрѣйшій Л. Н., за письмо ваше, насъ успокоившее; а мы, не получая такъ долго писемъ, начинали уже безпокоиться. Я только-что хотѣлъ выѣхать въ Бельгію, какъ простудилъ горло и долженъ былъ дня три обождать—бѣда просто съ такимъ кислымъ здоровьемъ!

Ваше извѣстіе о предположенной къ изданію педагогики отъ Ученаго Комитета такъ меня заняло, что я досталъ журналъ и прочелъ тамъ:

Общая часть поручается одному лицу, а спеціальная—дидактика спеціалистамъ. Кто этотъ таинственный незнакомецъ, которому поручается общая часть и который, безъ сомнѣнія, уже найденъ, иначе-бы Вороновъ и проекта не предложилъ—неизвѣстно; а отъ его личности зависитъ, безъ сомнѣнія, и весь успѣхъ дѣла. Но вообще я плохо вѣрю въ возможность «артельной» педагогики, которая все-же

---

*) К. Д. всегда отличался глубокою внутреннею религіозностью, но рѣдко обнаруживалъ ее предъ посторонними, а потому многіе, кто не зналъ его близко, приписывали ему индифферентизмъ и даже атеизмъ. Онъ неоднократно и лично просилъ меня наблюдать, чтобы его сынъ Павелъ почаще бывалъ въ Веймарской церкви, настоятелемъ которой тогда былъ почтенный старецъ—о. Сабининъ.

въ основаніи наука философская, и потому требуетъ единства идеи. Но—Богъ съ ними! Это меня не касается.

Мы прожили послѣднее время довольно не скучно. Собирались разъ на русскій пикникъ въ отелѣ Викторія, гдѣ дамы и дѣвицы даже потанцовали; а потомъ были приглашены также съ дамами... угадайте куда?.. Къ Комарову! Вообще, познакомившись съ Ждановичемъ, мы познакомились почти со всѣмъ русскимъ Гейдельбергомъ. Завтра, впрочемъ, Ждановичи уѣзжаютъ въ Цюрихъ; а жаль! потому что это было развлеченіе для жены, да и я хорошо сошелся со Львомъ Ивановичемъ. Но онъ бѣжитъ отъ гейдельбергскихъ развлеченій, которыя, дѣйствительно, мѣшаютъ ему заниматься. Теперь занимаюсь французской педагогикой. Я пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ по ней сочиненій и нашелъ много замѣчательнаго, но и невѣжества еще больше...

Когда буду къ вамъ—не знаю; но не ранѣе, какъ около 25-го числа здѣшняго мая, и увѣдомлю васъ заранѣе. Бывшая хозяйка наша Фöстеръ, подала на насъ въ судъ просьбу — хочетъ, чтобы мы заплатили за новую обивку всей мебели, хотя получили мы ее всю старую. Я пойду посмотрѣть, что за нѣмецкіе судьи, и это добавитъ еще интересную черту къ ихъ характеристикѣ.

До скораго свиданія; поцѣлуйте за меня Пашуту, къ которому я недавно писалъ: передайте мой поклонъ Ч. и проч. *К. У.*

P. S. Изъ Россіи извѣстій никакихъ; но есть вѣрный слухъ о томъ, что Государь и Государыня ѣдутъ въ Киссингенъ.

Вышло въ свѣтъ сочиненіе Пирогова—книга толстая! Но—не про насъ писана, хотя я даже видѣлъ, какъ онъ ее писалъ *).

Довольно вѣроятно скорое снятіе предварительной цензуры.

Письмо 18. Гейдельбергъ, 31-го мая 1864 г.

Очень вамъ благодаренъ, добрѣйшій Л. Н., за ваше увѣдомленіе о Пашѣ. Это правда, что я не разсчитывалъ такъ долго оставаться заграницей; но здоровье и въ особенности погода (въ Берлинѣ надняхъ шелъ снѣгъ, а въ Парижѣ ни одного листа на березѣ) задержали меня противъ воли. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ временемъ и съѣздилъ въ Бельгію, изъ которой воротился въ воскресенье; вчера съѣздилъ въ Мангеймъ, гдѣ нашелъ очень хорошую женскую школу. Сегодня-же захворалъ по обычаю. Вы видите, что

*) Кажется, «опыты и наблюденія» Н. И. Пирогова, относящіеся до полевой хирургіи за время Крымской войны.

при такомъ кисломъ здоровьѣ нельзя разсчитывать времени впередъ; но думаю, отпраздновавши здѣсь мои именины, выѣхать въ пятницу вечеромъ или въ субботу утромъ. Можетъ быть и увѣдомлю васъ по телеграфу, чтобы вы пріѣхали съ Пашей въ Веймаръ, гдѣ намъ съ женой хотѣлось-бы побывать у обѣдни.

До свиданія, дай Богъ, чтобы до скораго и проч. *К. У.*

P. S. Пашу за меня поцѣлуйте. Портретъ его очень неудаченъ. Дѣти были очень рады присланнымъ картинкамъ и берегутъ ихъ; только Воля свою уже разорвалъ.

Письмо 19. Петербургъ, 25-го іюня 1864 г.

Простите меня, добрѣйшій Л. Н., что я не писалъ къ вамъ такъ долго; но мнѣ хотѣлось узнать сначала все основательно и тогда уже познакомить васъ съ здѣшнимъ порядкомъ дѣлъ.

Министру, кажется, мало дѣла до пользы дѣла: онъ весь занятъ только одною мыслью, какъ-бы ему выкрутиться изъ тѣхъ тисковъ, въ которые его поставили собственные промахи, злоба товарищей и Катковъ *). Но едва-ли это ему удастся. Онъ похожъ теперь даже и по виду на муху, теряющую послѣднія силы, чтобъ выбиться изъ паутины... а паукъ уже подходитъ, но кто этотъ паукъ—еще неизвѣстно. Говорятъ, Танѣевъ... это будетъ промѣнъ «шила на мыло». Дѣла министра крайне плохи. Онъ самъ видимо потерялся; но можетъ просидѣть еще нѣсколько времени, такъ какъ долго будетъ идти битва за наслѣдство.

Онъ опять предлагалъ мнѣ изданіе частнаго педагогическаго журнала съ помощью отъ Министерства; я .... сказалъ, что подумаю, но не обѣщалъ, такъ какъ здоровье мое крайне разстроено. Не пишу вамъ о другихъ дѣлахъ по просвѣщенію, потому что было-бы очень длинно, а мнѣ некогда, да и вы скоро пріѣдете, все сами узнаете. Скажу только, что дѣло съ классическими гимназіями вышло презабавное. Сначала, какъ вамъ извѣстно, министръ былъ реалистъ, желая поддѣлаться къ либеральному духу, и такой и проектъ составилъ; потомъ, подъ вліяніемъ Катковскихъ пинковъ и Строгоновскихъ на-

*) К. Д., какъ человѣкъ самаго солиднаго образованія, сочувствуя учрежденію тогдашнихъ реальныхъ училищъ, вообще не сочувствовалъ ослабленію классической системы, какъ основы для дальнѣйшаго научнаго образованія. Но онъ не сочувствовалъ и слишкомъ крайнимъ требованіямъ московскихъ классиковъ; а потому, въ виду этихъ увлеченій, пошатнувшихъ Уваровскую систему средняго образованія, рѣшился передать воспитаніе своего старшаго сына военно-учебному вѣдомству, какъ стоявшему на исключительно *педагогической* почвѣ.

зиданій, сталъ классикомъ; внесъ и такой проектъ въ Государственный Совѣтъ, но, къ ужасу его, Совѣтъ большинствомъ голосовъ сталъ за реализмъ — этого ужъ Головнинъ не ожидалъ! Таковы, по крайней мѣрѣ, слухи.

Р. въ восторгѣ отъ вашихъ статей и отчетовъ; говоритъ, что министру они очень понравились; а я вездѣ, гдѣ могу, отдаю полную справедливость вашимъ заграничнымъ трудамъ.

Передайте мой поклонъ Ч.; поцѣлуйте Пашутку и передайте ему мою записочку, поздравленіе и книги на именины. Не можете-ли черезъ кого-нибудь достать мнѣ программу женской семинаріи, той, что возлѣ Цейкса: она мнѣ очень нужна. Напишите туда; адресъ: Droyssia. Lehrerinn-Semin. bei Zeux. Сдѣлайте одолженіе. Да, проѣзжая черезъ Веймаръ, пріобрѣтите для меня экземпляръ атласа дѣтскихъ работъ по Фрёбелю, изданный въ Веймарѣ, но кѣмъ—забылъ, а вы вѣрно помните. Получили-ли вы микроскопъ? Прощайте и проч.

К. У.

Адресъ мой: Павловскъ, Матросская слободка, Звѣринецкая улица, домъ Выжигина.

Письмо 20. Гейдельбергъ, 29-го декабря 1864 г.

М. г. Л. Н. Вы позволили мнѣ утруждать васъ иногда своими порученіями. Пользуюсь вашимъ позволеніемъ и посылаю вамъ въ двухъ конвертахъ мою статейку подъ заглавіемъ «*Одна изъ темныхъ сторонъ въ германскомъ воспитаніи*». Прошу васъ покорнѣйше помѣстить эту статейку въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», если онѣ могутъ это сдѣлать въ теченіи недѣли. Въ противномъ-же случаѣ прошу помѣстить ее или въ «Голосѣ», или въ «Инвалидѣ», смотря по тому, гдѣ можно сдѣлать это скорѣе. Кромѣ платы, прошу васъ покорнѣйше выговорить для меня 20 отдѣльныхъ оттисковъ. Если неудобно будетъ помѣстить въ газетѣ всю статью разомъ, чего-бы желалъ, то можно ее раздѣлить на двѣ части.

Вы уже, можетъ быть, знаете отъ Я. П. Пугачевскаго, что позднее время года и боязнь не найти въ Веве удобной квартиры засадили насъ еще на зиму въ Гейдельбергъ, который сильно всѣмъ принадоѣлъ. Я все еще не теряю надежды уѣхать, но уже одинъ, въ Ментону, что возлѣ Ниццы; но если вы захотите порадовать меня письмомъ своимъ, то адресуйте въ Гейдельбергъ, Theater-Strasse, № 7 (Bei Erhardt).

Пашу я оставилъ до весны у Стоя. Я очень доволенъ здоровьемъ

мальчика, видимо окрѣпшимъ. С. мнѣ очень также понравился. Онъ кланяется вамъ и сѣтуетъ, что вы ему не пишете, даже не увѣдомили о полученіи книгъ. Общество русское здѣсь велико, но не дружно, все партіи и какія-то ссоры. У насъ были только кн. Мещерскій и Ждановичъ, который въ январѣ думаетъ переѣхать въ Прагу. Комаровъ почему-то не показываетъ носа, а съ остальными я вижусь, и то рѣдко, въ читальнѣ.

Тружусь, сколько позволяютъ силы. Собираю матеріалы для педагогики. Холода стояли все очень сильные. Вотъ уже недѣли двѣ градусникъ не поднимался выше шести град. ниже 0.

Какъ-то вы поживаете? Что ваши занятія и вашъ театръ?.. и проч. *К. У.*

Письмо 21. Гейдельбергъ, 7-го мая 1865 г.

Напрасно вы думаете, многоуважаемый Л. Н., что мое молчаніе было разсчитанное. Мнѣ просто не объ чемъ было и писать. Вы сами знаете, какую уединенную жизнь веду я за границей, такъ что, кромѣ моихъ внутреннихъ интересовъ, ни для кого не занимательныхъ, другихъ не имѣю, а потому часто и затрудняюсь о чемъ писать.

Благодарю васъ отъ всей души за ваши хлопоты по полученію моей статейки, а равно и за присланный отвѣтъ петербургскихъ нѣмцевъ. Въ этомъ отвѣтѣ еще менѣе смысла и болѣе безсовѣстности, чѣмъ въ первомъ нападкѣ, и легко-бы уличить *русскаго гражданина и нѣмецкаго патріота* въ явной и наглой лжи, если-бы были у меня подъ руками нумера «Нѣмецкихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Инвалида» *), гдѣ вся эта глупая исторія началась; но, къ сожалѣнію, они остались у Ореста Ѳедоровича Миллера. Если онъ еще не затерялъ ихъ, а вы будете такъ добры, что отыщете ихъ и перешлете мнѣ, тогда я напишу пару словъ. Я докажу ему, что онъ извратилъ слова «Инвалида», приписалъ мнѣ мысли, которыя фельетонистъ высказываетъ самъ за свои; что я нигдѣ не нападалъ на нѣмецкихъ учителей и даже не говорилъ о нихъ, такъ что слова Дюрюи вовсе приведены не къ мѣсту, и что, наконецъ, нѣмецкій фельетонистъ назвалъ себя нѣсколько разъ *Wir Russen*, хотя теперь и отрекается отъ своихъ словъ.

Впрочемъ, этотъ господинъ такой чисто нѣмецкій б.....ъ, что и говорить ни съ нимъ, ни о немъ много не стоитъ.

---

*) Статья К. Д. «Объ одной изъ темныхъ сторонъ нѣмецкаго воспитанія» не вошла въ полное собраніе его сочиненій; въ свое время она была замѣчена и вызвала возраженія нѣмецкихъ педагоговъ. *Л. М.*

Очень радъ буду увидѣться съ вами здѣсь. Вѣроятно, я буду въ Гейдельбергѣ, если не уѣду пить сыворотку въ Швейцарію. Семья-же моя во всякомъ случаѣ останется и будетъ сердечно рада видѣть васъ еще въ своемъ кругу. Напишите два слова, пріѣхавши въ Лейпцигъ, и проч. *К. У.*

P. S. Получилъ-ли двѣ мои статьи Вессель? Отчего онъ не увѣдомилъ меня?

Письмо 22. Веве, 30-го марта 1866 г. *).

Очень благодаренъ вамъ, уважаемый Л. Н., что вы вспомнили обо мнѣ...

О петербургскихъ учительскихъ семинаріяхъ я только знаю, что онѣ существуютъ, и болѣе ничего: ни уставъ ихъ, ни программы мнѣ неизвѣстны.

Вы знаете (если еще не забыли) мое убѣжденіе на счетъ семинарій, и хотя это убѣжденіе не нашло себѣ отзыва у насъ, но я, тѣмъ не менѣе, остаюсь при немъ и думаю, что у насъ прежде всего недостаетъ педагогической идеи, изъ которой, какъ изъ здороваго корня, могли-бы развиться всѣ педагогическія улучшенія, а плодовитая педагогическая идея, по моему мнѣнію, можетъ быть развита *только въ университетахъ* на прочномъ основаніи науки. Вѣковой традиціи, которая, главнымъ образомъ, ведетъ дѣло на Западѣ, у насъ нѣтъ, да и идеи, основанной на научномъ сознаніи, тоже нѣтъ; а потому я полагаю положительно невозможнымъ образованіе у насъ въ настоящее время дѣйствительныхъ и хорошихъ учительскихъ семинарій. Но это, конечно, не мѣшаетъ учрежденію необходимыхъ школъ для дрессировки въ дидактической практикѣ, и устройство такихъ школъ всего ближе, конечно, должно опредѣляться назначеніемъ учителя: если онъ будетъ только учить читать и писать, то и слѣдуетъ прямо пріучать его къ этому нехитрому мастерству; а если для этого выбирается еще опредѣленный учебникъ, то дѣло еще болѣе упрощается.

Написать педагогику для подобныхъ учительскихъ школъ я-бы не взялся, потому что не понимаю, въ чемъ она состоять можетъ, да и въ Германіи не нахожу для этого порядочныхъ образцовъ, а по-

*) Письма К. Д., относящіяся къ послѣднимъ годамъ его жизни, къ сожалѣнію, еще не разысканы; притомъ-же въ нихъ гораздо менѣе общаго интереса, чѣмъ въ письмахъ начала 60-хъ годовъ, когда крупные общественные вопросы волновали все русское общество, а покойный К. Д. былъ менѣе поглощенъ учеными трудами. *Л. М.*

тому и вамъ не могу подать хорошаго совѣта. Собраніе кое-какихъ дидактическихъ правилъ—дѣло еще возможное, если полезное.

Впрочемъ, я никакъ не считаю своего мнѣнія непогрѣшимымъ, и тамъ, гдѣ я не вижу никакой дороги, другіе могутъ найти широкую и удобную.

Вы спрашиваете, когда я буду въ Петербургѣ? Вѣроятно, въ началѣ будущей весны, но и то очень ненадолго, такъ какъ служить я болѣе не намѣренъ, да и мой характеръ, всегда шероховатый, такъ одичалъ здѣсь, что, безъ сомнѣнія, не придется по петербургской жизни. Гдѣ-же устроюсь—еще и самъ не знаю. Можетъ быть—въ Москвѣ, если не въ Кіевѣ.

Теперь я собираюсь сдѣлать маленькую поѣздку по Италіи. Совѣстно-же быть такъ долго вблизи Италіи и не видѣть ея... Жена и дѣти просили меня передать вамъ сердечный поклонъ. Пашута здѣсь ходитъ въ Collége и дома учится. Дѣло идетъ изрядно. Стою за Пашу я оченъ благодаренъ и проч. *К. У.*

Письмо 23. Веве, 21-го мая 1866 г.

Весьма благодаренъ вамъ, многоуважаемый Л. Н., за пересмотръ корректуры «Роднаго Слова», этотъ пересмотръ меня очень затруднялъ, да и вамъ, безъ сомнѣнія, при вашихъ многочисленныхъ занятіяхъ, былъ не легокъ.

Что касается до глупой статейки «Петербургскихъ Нѣмецкихъ Вѣдомостей», то я нисколько, безъ сомнѣнія, не интересуюсь, что говоритъ обо мнѣ С.-Петебрургская нѣмецкая газетка. Можетъ-ли кого-нибудь интересовать газета, издаваемая для нѣмецкихъ сапожниковъ, еще не успѣвшихъ, по своей чисто нѣмецкой тупости, выучиться по русски? Кто-же не только изъ русскихъ, но даже порядочныхъ нѣмцевъ, понимающихъ, что въ Россіи честный человѣкъ долженъ быть русскимъ, станетъ читать эти плохіе переводы съ русскаго языка на нѣмецкій съ примѣсью остротъ стараго нѣмецкаго учителя? Я ни разу не отвѣчалъ, да и не буду отвѣчать этимъ защитникамъ нѣмецкой національности въ Россіи,—національности, которая, какъ оказывается, не существуетъ даже въ Германіи, несмотря на огромное количество пива, выпитаго въ честь *gemeines Vaterland*. Я писалъ статейку о женскомъ воспитаніи въ Германіи и въ концѣ упомянулъ о пошлой выходкѣ С.-Петербургской нѣмецкой газеты, но ей я не отвѣчалъ и отвѣчать не буду. Это тѣмъ легче для меня и потому, что я ея никогда не читаю.

Но довольно объ этой дичи, *хотя я прошу васъ хоть просто заявить, что статья, приписанная мнѣ С. П. Б. Вѣд.,—не моя;* пусть они сами хоть почувствуютъ, какую глупую роль сыграли.

У васъ теперь по случаю перемѣны министра, да еще такой перемѣны, безъ сомнѣнія, много новостей изъ педагогическаго міра. Не соблаговолите-ли передать ихъ мнѣ хоть въ краткихъ словахъ, да кстати приписать ужъ и вашъ адресъ, чтобы я могъ отвѣчать вамъ прямо. Что Андр. Ст. Вороновъ? Что Рехневскій? Что педагогическое общество? Я полагаю, что гр. Толстой «сильно не любитъ всякой педагогики» и что прійдетъ на нее гоненіе, да и пора! Ужъ много надѣлали и слишкомъ далеко ушли...

Прощайте и проч. *К. У.*

P. S. Гдѣ Ник. Ив. Пироговъ? Я только что воротился изъ Италіи и въ восторгѣ отъ этой прекрасной страны; браню себя сильно, что прожилъ въ Германіи. Вотъ гдѣ не любятъ нѣмцевъ!—что, конечно, подымаетъ въ глазахъ моихъ на 20% и безъ этого прелестную Италію.

Что С.? Ш.? и вообще нашъ прежній кружокъ? Всѣмъ мой поклонъ.

Письмо 24. 9-го декабря 1866 г. Vevey.

Многоуважаемый Л. Н..... Педагогической статьей моей въ «Отечественныхъ Запискахъ» я сильно недоволенъ. Редакція отняла оріентирующее читателей начало (Нельзя-ли сохранить рукопись? Это начало мнѣ необходимо для книги)—и статья вышла какая-то оборванная. Впрочемъ, я и не думалъ разбирать серьезно *идеальной школы:* гдѣ-же теперь идеалисты? Сражаться не съ кѣмъ. Далѣе будетъ получше.

Книга моя подвигается къ концу *), но подвигается очень туго по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что я теперь учу самъ и Пашу, и дѣвочекъ. Во-вторыхъ, и потому, что на солнцѣ 15 и 17% тепла, слѣдовательно, было-бы преступленіемъ не гулять. Въ-третьихъ, наконецъ, и всего болѣе потому, что пришла глава о чувствахъ — предметъ наиболѣе запутанный и наименѣе отдѣланный во всѣхъ психологіяхъ, начиная съ Аристотелевской и оканчивая Беномъ и Браубахомъ. Чортъ знаетъ, что за путаница! Не знаю, какъ и вылѣзу.

Что Водовозовъ? Жаль мнѣ его очень, но самъ виноватъ.

Передайте мой почтительный поклонъ супругѣ вашей и не забывайте и проч. *К. У.*

Адресъ мой: En Suisse, Vevey, maison Quinclet.

---

*) Здѣсь подразумѣвается Антропологія.

P. S. Что-же вашъ второй томъ исторіи педагогики. Если вышелъ—пришлите. Какъ я радъ, что вы вашей книгой даете мнѣ возможность выпустить въ моей Антропологіи весь отдѣлъ исторіи педагогики. Я прямо на васъ и сошлюсь, а то моя книга и безъ того выходитъ отвратительно-громадная.

На-дняхъ посылаю статейку въ «Голосъ», гдѣ еще царапну модное наше направленіе.

Что новенькаго въ педагогическомъ и литературномъ мірѣ? Не откажите черкнуть страничку...

Говорятъ, г. П. опять обо мнѣ упоминаетъ: экъ я ему дался! Не займется-ли онъ лучше изданіемъ Тредьяковскаго, или «Гражданскими мотивами» на современный ладъ. Неужели ему нельзя обойтись безъ меня. Но если ужъ этого невозможно, то пусть лучше ругаетъ; я ничего такъ не боюсь, какъ его похвалы.

Письмо 25. Павловскъ, 4-го сентября 1868 г.

М. г. Л. Н. Очень вамъ благодаренъ, что вы вспомнили меня и подарили нотами мое «Родное Слово». Къ сожалѣнію, я не могу теперь-же внести ихъ въ текстъ, ибо онъ уже набранъ для печати новымъ изданіемъ. Но не желая, чтобы ноты эти пролежали съ годъ, когда я ихъ внесу при слѣдующемъ изданіи, я теперь-же отпечатаю ихъ отдѣльной маленькой книжкой *). Но такъ какъ я совершеннѣйшій невѣжда въ нотахъ, хотя и люблю музыку, то я попрошу кого-нибудь знающаго выбрать одну изъ двухъ методъ, предлагаемыхъ вами, а вмѣстѣ и дать мнѣ возможность прослушать пѣсни. Если послѣ этого я возьмусь ихъ напечатать, то немедленно вышлю требуемый гонораръ г-ну Ч., а вмѣстѣ съ тѣмъ выполню ваше желаніе и на счетъ предисловія.

Критики С. на мою Антропологію я не читалъ и читать не буду—некогда. Впрочемъ, брань Некрасовскихъ изданій мнѣ всегда приносила пользу, такъ какъ послѣ нея мои книги всегда усиленно расходились; такъ и теперь: изданіе Антропологіи, не смотря на ея вовсе нелегко читаемое содержаніе, почти все разошлось.

Вторую часть я начинаю печатать на-дняхъ. Она еще болѣе придется не по зубамъ нашимъ мудрецамъ; но я пишу вовсе не для

*) Покойный не успѣлъ осуществить это желаніе, хотя часто вспоминалъ о немъ въ письмахъ, а можетъ быть, и мотивы, взятые съ существующихъ народныхъ пѣсенъ и примѣненные къ пѣсенкамъ «Родного Слова», не удовлетворяли его требованіямъ. *Л. М.*

нихъ, а для людей, которые не проводятъ своихъ собственныхъ теорій, а искренно желаютъ чему-нибудь научиться и ищутъ истины, а не поддержки своему самолюбію. Если вы прочли предисловіе, то видѣли, что я и не ждалъ похвалъ, да и не дождусь ихъ, хотя онѣ, безъ сомнѣнія, будутъ. Если Богъ дастъ силъ, то, по окончаніи третьяго тома, я немедленно приступлю къ пересмотру ихъ, сокращенію и переводу на англійскій языкъ...

Мы пока поселились въ Петербургѣ, хотя въ будущемъ году думаю переѣхать къ себѣ на родину—въ Кіевъ. Оффиціальной дѣятельности я никакой не принимаю, убѣдившись, что покуда это только толченье воды. Думаю ограничиться одною писательскою дѣятельностью, и въ этомъ году, кромѣ «Антропологіи», думаю издать третью часть «Родного Слова», въ которой будетъ начальная русская грамматика; а затѣмъ примусь за такую-же географію. Несмотря на гоненіе М......ва и некрасовцевъ *), учебная публика меня полюбила и поставила въ положеніе совершенно независимое. Здоровье мое нѣсколько поправилось, такъ что я могу удовлетворять своей привычкѣ къ труду. Семья моя здорова; дѣти учатся хорошо и всѣ добряки—чего-же мнѣ болѣе? Передайте мой поклонъ вашей супругѣ и проч.

К. У.

---

*) Редакція тогдашняго «Современника» признавала К. Д. за человѣка отсталаго, ретрограднаго направленія, особенно по отношенію къ вопросу объ устройствѣ народныхъ школъ и народнаго образованія, для котораго онъ требовалъ твердыхъ религіозныхъ основъ. *Л. М.*

Идейность и художественность въ дѣтской литературѣ.

I.

Передъ нами цѣлая библіотечка избраннаго дѣтскаго чтенія. Предназначается она для дѣтей младшаго возраста. Многія изъ книжечекъ этой библіотечки удостоены премій С.-Петербургскаго Фрёбелевскаго Общества и, слѣдовательно, одобрены высшей педагогической критикой; достоинство другихъ засвидѣтельствовано выборомъ и многолѣтней практикой почтенныхъ дѣятелей Харьковской воскресной школы (въ ихъ книгѣ «Что читать народу?»), а также и другими спеціалистами-педагогами; и, наконецъ,—что представляетъ особенный интересъ,—на каждой книжечкѣ стоитъ цыфровая отмѣтка, по которой можно судить о читаемости книги самими дѣтьми и, слѣдовательно, объ ихъ вкусахъ.

Надо правду сказать, до сихъ поръ много загадочнаго для насъ въ дѣтскихъ вкусахъ вообще и въ литературныхъ — въ частности. Минуя общій вопросъ, такъ-какъ онъ относится по преимуществу къ психологіи ребенка, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ по поводу литературныхъ вкусовъ дѣтей.

Каждый, кому приходилось внимательно перечитывать такъ-называемыя любимыя и нелюбимыя книги дѣтей, конечно, не разъ удивлялся кажущимся странностямъ дѣтскихъ вкусовъ. Въ упомянутыхъ выше отзывахъ харьковскихъ учительницъ такое удивленіе, напр., встрѣчается очень часто. Вотъ, напр., книга: кажется, украшаютъ ее всѣ литературныя добродѣтели—прекрасная фабула, занимательные герои, живость дѣйствія, художественность описаній, литературность изложенія и даже... истинная задушевность изложенія. Однимъ словомъ—тутъ на лицо всѣ достоинства, которыя дѣлаютъ книгу въ вашихъ глазахъ и интересной, и легкой для чтенія... А смотришь: маленькій читатель виновато возвращаетъ ее вамъ, и на вопросъ—«Ну,

что? понравилась?»—отвѣчаетъ скучное—«Ничего, понравилась», а вы по глазамъ видите, что онъ не прочелъ, можетъ быть, и половины.— А вотъ и другая книжка: на нашъ взглядъ, никакими достоинствами она не обладаетъ—ни со стороны фабулы, ни со стороны тона, а тѣмъ болѣе—съ художественной и литературной точекъ зрѣнія. Единственное достоинство ея,—съ чѣмъ намъ очень трудно примириться,—заключается въ крайней простотѣ ея фабулы и въ примитивности и обнаженности ея узенькой морали...—«Господи! —какъ все это дѣланно, скучно, неправдоподобно!»—готовы мы воскликнуть, подобно той харьковской учительницѣ, у которой заимствовано нами это восклицаніе (см. «Что чит. нар.?» т. II). А дѣти охотно читаютъ эту книжку и проливаютъ надъ ней слезы; и вотъ, полный баллъ 5, какъ загадочный сфинксъ, стоитъ передъ нами на обложкѣ одной изъ подобныхъ книжечекъ... И, скрѣпя сердце,—«въ силу этихъ симпатій къ разсказу»... «Въ виду интереса, который возбуждаетъ въ дѣтяхъ эта сказочка»... (См. «Что чит. нар.?» т. II),—учительница покорно заноситъ эти разсказы и сказки въ каталогъ дѣтскихъ книгъ.

Не будемъ касаться здѣсь вопроса, въ какой мѣрѣ и въ какомъ смыслѣ можно и слѣдуетъ руководиться при составленіи дѣтской библіотечки вкусами и выборомъ самихъ дѣтей; сдѣлаемъ только слѣдующую оговорку. Сужденіе дѣтей о книжкѣ находится въ большой зависимости отъ того, сами-ли они читаютъ книгу, или-же слушаютъ хорошаго чтеца. Баллы, которыми отмѣчено имѣющееся у насъ дѣтское чтеніе, свидѣтельствуютъ о вкусахъ дѣтей при самостоятельномъ чтеніи. И конечно, только тѣ произведенія дѣтской литературы, которыя предназначаются именно для такого самостоятельнаго чтенія, и заслуживаютъ названія настоящихъ дѣтскихъ книгъ.

Да, очень странными кажутся иногда, на первый взглядъ, литературные вкусы дѣтей; и, конечно, только близкое и глубокое знакомство съ душей ребенка, съ его психологіей, можетъ разъяснить эти кажущіяся странности... Потому что: не въ дѣтяхъ онѣ, а въ нашемъ незнакомствѣ съ этими дѣтьми и съ такъ-называемой дѣтской литературой. А то и другое одинаково необходимо какъ для тѣхъ, кто пишетъ для дѣтей, такъ и для тѣхъ, кто берется рекомендовать дѣтямъ книжки для чтенія.

Попробуйте бросить хотя-бы общій, но внимательный взглядъ на имѣющуюся въ настоящее время литературу дѣтей. Какой безконечный рядъ вопросовъ необходимо долженъ возникнуть въ вашемъ умѣ... Какое разнообразіе, по формѣ и по содержанію, представляетъ эта литература! А относительно каждой формы и каждаго содержанія за-

конецъ и положительно необходимъ вопросъ: въ какомъ отношеніи находятся онѣ къ дѣтскому пониманію и каково вліяніе ихъ на сердце и умъ дѣтей? Но какъ далеки мы не только отъ удовлетворительнаго рѣшенія этихъ вопросовъ, но даже и отъ серьезной постановки ихъ. Лучшимъ подтвержденіемъ нашихъ словъ будетъ тотъ фактъ, что у насъ до настоящаго времени встрѣчаются педагоги, по мнѣнію которыхъ—писать для *дѣтей* то-же, что писать для *народа*. Какими глубокомысленными психологами должны быть эти наивные люди, для которыхъ мужикъ является лишь *большимъ ребенкомъ!*

Сказки о «Бовѣ Королевичѣ», о «Зміѣ Горынычѣ», о «Кащеѣ Безсмертномъ», объ «Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ», о «Конькѣ-Горбункѣ» и безчисленное множество другихъ подобныхъ, разсказываемыя няней и преисполненныя нелѣпѣйшаго, фантастическаго вымысла и миѳическаго романтизма,—вотъ первый видъ изустнаго и литературнаго творчества, предназначаемаго для развлеченія дѣтей. Сказочный, необузданно-фантастическій элементъ составляетъ его отличительную черту. Болѣе мирный и литературный видъ имѣютъ сказочки, подобныя сказкамъ о «Красной шапочкѣ», «Мальчикъ съ пальчикъ», «Сапоги скороходы», «Братецъ и сестрица»; но и онѣ, конечно, относятся сюда-же. Нельзя сомнѣваться въ большомъ вліяніи сказочнаго, фантастическаго элемента на мысль и воображеніе дѣтей; онъ то угнетаетъ и разстраиваетъ ихъ, то возбуждаетъ. Но знаемъ-ли мы, какого рода это вліяніе?—какъ и въ чемъ сказывается оно въ таинственной для насъ психикѣ ребенка?—каковы послѣдствія такихъ вліяній? Здѣсь не мѣсто рѣшать этотъ вопросъ, но не ясно-ли, что онъ является въ высшей степени важной задачей спеціальнаго изученія и можетъ быть рѣшенъ лишь путемъ близкаго знакомства съ дѣтской психологіей...

Слѣдующимъ широко-распространеннымъ видомъ дѣтской литературы является тотъ, который точнѣе всего можетъ быть названъ антропо-зоологическимъ («Волкъ и семеро козлятъ», «Котъ въ сапогахъ», «Лиса и волкъ», «Лиса и журавль», «Рейнеке-Лисъ» (передѣл. изъ Гёте) и др. Сюда-же относятся и позднѣйшія формы этого вида, каковы разсказы Авенаріуса: «О пчелѣ мохнаткѣ», «О муравьѣ-богатырѣ»; А. Сливицкаго: «Лиса Патрикѣевна», и др.). Характеристической чертой этого вида служитъ изображеніе жизни животныхъ съ присвоеніемъ имъ человѣческихъ страстей, желаній и разсужденій. Въ высокой полезности популяризаціи, такимъ путемъ, истинныхъ знаній о характерѣ, привычкахъ и образѣ жизни разныхъ, наиболѣе крупныхъ или чаще встрѣчающихся представителей зоологическаго

міра не можетъ быть сомнѣнія (Таковы: М. Богданова: «Изъ жизни русской природы», «Мірскіе захребетники»; Кайгородова: «Изъ зеленаго царства»; Вагнера (перев. съ нѣм.): «Первые разсказы изъ естественной исторіи»; Быковой: «Первые разсказы изъ естественной исторіи для дѣтей»... Сюда-же относятся нѣкоторыя изданія Ступина: «Собака», «Кошка», «Чудесныя животныя» и мн. др.). Но позволительно-ли утверждать это относительно преобладающей массы разсказовъ этого вида, совершенно не преслѣдующихъ такой цѣли и навязывающихъ животнымъ совершенно произвольные, вымышленные характеры? Здѣсь-же слѣдуетъ упомянуть и о произведеніяхъ, одушевляющихъ, подобно Андерсену, вокругъ ребенка *всѣ* предметы, заставляя ихъ говорить, дѣйствовать и разсказывать о себѣ разныя исторіи. Безъ сожалѣнія замѣтимъ, что они у насъ довольно рѣдки (напр., Фрёб. изд. «Что комната говоритъ?»).

Третій видъ составляютъ идейные разсказы и повѣсти, начиная съ высоко-художественныхъ и истинно-идейныхъ (напр., «Дѣти подземелья» Вл. Короленка) и кончая узко- и сухо-нравоучительными и грубо-дѣланными разсказиками, въ духѣ отживающихъ свой вѣкъ нѣмецкихъ оригиналовъ и пошлыхъ каррикатуръ Буша («Два проказника»). Сюда относится значительная часть изданій Фрёбелевскаго Общества и нѣкоторые изъ разсказовъ Л. Толстого.

Художественное воспроизведеніе дѣйствительности, объективное бытописаніе окружающей насъ жизни—вотъ четвертый видъ дѣтской литературы... За нимъ слѣдуютъ описанія всякаго рода путешествій въ далекія, чужія страны, съ описаніемъ ихъ природы, жителей, міра зоологическаго и растительнаго...

Здѣсь мы можемъ остановиться. Далѣе уже начинается, такъ сказать, юношеское чтеніе, котораго касаться мы не будемъ.

Каждый изъ перечисленныхъ нами видовъ дѣтской литературы, въ свою очередь, подраздѣляется на своеобразныя категоріи. Такъ, напр., сказки въ родѣ: «Иванъ-царевичъ и сѣрый волкъ», «Змѣй Горынычъ», «Кащей безсмертный»,—составляютъ совершенно особую категорію, какъ сравнительно со сказками въ родѣ «Золотая рыбка» Пушкина, такъ и сравнительно съ безконечнымъ рядомъ сказокъ, гдѣ фигурируютъ черти и всякаго рода нечистая сила (напр., «Солдатъ и чортъ», «Правда и Кривда» и др.). Антропо-зоологизмъ, какъ популяризація естественно-научныхъ знаній (Богдановъ, Кайгородовъ, Вагнеръ, Бекетовъ) преслѣдуетъ, конечно, совершенно другія цѣли, чѣмъ, напр., басни Крылова; а масса произведеній этого вида, въ родѣ: «Пѣтухъ, котъ и собака», «Волкъ и семеро козлятъ» и мн. др.,

является категоріей, весьма отличной отъ первыхъ двухъ. Еще больше разновидностей представляютъ идейные и нравоучительные разсказы и повѣсти. Какъ далеко стоитъ, напр., истинная идейность разсказа отъ сухого, моральнаго поученія, а тѣмъ болѣе—отъ глупыхъ, пошлыхъ нравоучительныхъ каррикатуръ à la Бушъ («Степка-растрепка», «Маша-разиня» и нѣк. др.)...

Такъ разнообразна, по формѣ и содержанію, дѣтская литература, и каждый ея видъ задаетъ намъ, какъ мы видимъ, свои спеціальные вопросы, важность которыхъ, съ воспитательной точки зрѣнія, внѣ всякаго сомнѣнія. На одинъ изъ крупныхъ вопросовъ, именно на вопросъ о вліяніи на психику ребенка сказочнаго-фантастическаго элемента, мы уже имѣли случай указать. Здѣсь нѣтъ надобности перечислять всѣ подобные крупные общіе вопросы дѣтскаго чтенія, въ свою очередь порождающіе массу частныхъ вопросовъ. Остановимся лишь для примѣра на послѣднемъ словѣ современной дѣтской литературы, т.-е. на идейныхъ и моральныхъ разсказахъ и повѣстяхъ. Вообще можно сказать, что, повидимому, этому виду предстоитъ широкая будущность, и первымъ назначеніемъ его будетъ—вытѣснить болѣе низшіе и менѣе полезные виды... Но перечтите внимательно наиболѣе типичные изъ нихъ, справтесь со вкусомъ дѣтей, вдумайтесь въ кажущіяся странности этого вкуса — и цѣлый рядъ невольныхъ вопросовъ возникнетъ въ вашемъ умѣ; и многіе изъ нихъ, поистинѣ, могутъ быть названы основными вопросами дѣтской литературы.

Что можетъ и должно,—сообразно съ дѣтскимъ пониманіемъ и міросозерцаніемъ, — служить сюжетомъ дѣтскихъ разсказовъ? и какъ долженъ мѣняться этотъ сюжетъ съ возрастомъ?

Какова должна быть фабула? Вопросъ, въ теоретическомъ отношеніи, не трудный: она должна быть проста и безъискусственна; но какъ рѣдко встрѣчаемъ мы среди дѣтскихъ разсказовъ ту «безукоризненную» фабулу, отъ которой всецѣло зависитъ успѣхъ книги и которая удается,—по мнѣнію Лессинга,—только одному изъ десяти писателей! Это сказано великимъ знатокомъ сознательнаго творчества про большую литературу; но еще съ большей справедливостью примѣнимо къ литературѣ дѣтей. Писателю здѣсь приходится примѣняться къ чуждому ему пониманію и міросозерцанію маленькаго человѣка *).

---

*) Сюда-же можно отнести и вопросъ о способахъ и цѣлесообразности передѣлокъ для дѣтей разсказовъ изъ сочиненій извѣстныхъ, крупныхъ писателей.

Затѣмъ: живость и весь тонъ разсказа. Какъ важна эта сторона вопроса, въ интересахъ успѣха и пользы книги.

Наконецъ, въ высокой степени важнымъ является вопросъ объ идейности и художественности въ дѣтскомъ чтеніи. Именно на этомъ вопросѣ мы и остановимся въ нашей замѣткѣ.

Но прежде всего, гдѣ искать отвѣты на всѣ подобные вопросы, возбуждаемые въ насъ близкимъ знакомствомъ съ дѣтской литературой? Отвѣтъ можетъ быть только одинъ: въ дѣтской природѣ, въ психологіи дѣтскаго возраста... Только близкое знакомство съ душой ребенка и съ его дѣтскимъ міропониманіемъ можетъ устранить кажущіяся странности дѣтскаго литературнаго вкуса и освѣтить поставленные нами вопросы. Лучшимъ путемъ къ такому знакомству съ дѣтской природой является, конечно, личное непосреественное наблюденіе надъ дѣтьми и дѣтскою жизнью. Но здѣсь требуется особенная способность, такъ сказать, научной наблюдательности, связанная съ высокимъ теоретическимъ знаніемъ психологіи человѣка вообще; слѣдовательно, такого рода наблюденія необязательны, да и не для всякаго писателя и желающаго возможны.

Въ такомъ случаѣ надо обратиться къ теоретической психологіи дѣтей, т.-е. къ книгѣ. Правда, научной дѣтской психологіи не существуетъ у насъ и до сихъ поръ; но и въ настоящее время можно указать весьма серьезные опыты въ этомъ направленіи. Мы имѣемъ въ виду нѣкоторыя наблюденія Тидемапа, Прейера и нѣкоторыхъ др. Кромѣ того, извѣстную книгу Сёлли и книгу M. Eugène Maillet «Elements de Psychologie de l'Homme et de l'Enfant», посвященную спеціально основнымъ вопросамъ дѣтской психики. Но, и помимо этой спеціальной психологіи дѣтскаго возраста, уже одно близкое знакомство съ психологіей человѣка вообще можетъ пролить, во многихъ случаяхъ, очень яркій свѣтъ на вопросы дѣтскаго пониманія и міросозерцанія.

Ограничимся пока этими общими замѣчаніями и обратимся къ главному предмету нашей настоящей статьи.

II.

Вопросъ объ идейности и тенденціозности въ литературѣ—очень старый и, по существу, давно рѣшенный вопросъ. Идея, и даже тенденція, въ литературномъ произведеніи необходима уже потому, что она неизбѣжна. Въ дѣтской литературѣ этотъ общій вопросъ стоитъ еще яснѣе и опредѣленнѣе. Не понимается-ли эта литература всѣми

именно какъ средство воспитанія ума и сердца дѣтей? Съ другой стороны: не дѣйствуетъ-ли на дѣтей примѣръ сильнѣе убѣжденія и не руководятся-ли они въ своемъ поведеніи, по преимуществу, своими настроеніями? Слѣдовательно, дать ребенку хорошій примѣръ, создать въ немъ извѣстное настроеніе—вотъ общая задача дѣтской литературы. Такова общая идея и общая тенденція дѣтскаго чтенія. Займемся болѣе подробнымъ, детальнымъ разсмотрѣніемъ этого вопроса.

Въ большой литературѣ идейность и тенденціозность—понятія совершенно ясныя и опредѣленныя. Подъ идейнымъ творчествомъ мы подразумѣваемъ сознательное проведеніе въ литературномъ произведеніи опредѣленной идеи, сознательное намѣреніе внушить читателю извѣстное настроеніе. Но идея и намѣренія автора могутъ быть и явны, и скрыты. Въ первомъ случаѣ получается тенденціозное произведеніе, во второмъ—просто идейное; въ первомъ случаѣ на первомъ планѣ—идея автора (его тенденція) и весь разсказъ, съ большимъ или меньшимъ искусствомъ, подгоняется для ея яснаго выраженія; во второмъ-же случаѣ идея болѣе или менѣе глубоко скрыта за фабулой и картинами разсказа и требуетъ отъ читателя извѣстнаго усилія критической мысли, чтобы сдѣлаться ясной и понятной. Такъ, наприм., большая часть «сказокъ» Щедрина—тенденціозна; «Записки охотника» Тургенева—идейны.

Но что̀ слѣдуетъ подразумѣвать подъ идейностью, говоря о дѣтской литературѣ? Слѣдуетъ-ли и здѣсь это слово понимать точно такъ-же, какъ оно понимается въ большой литературѣ? Очевидно, нѣтъ. Во-первыхъ, потому уже, что къ идеямъ, въ смыслѣ опредѣленной сознательной мысли, опредѣленнаго сознательнаго взгляда на вещи, дѣти вообще мало воспріимчивы. Во-вторыхъ, идея литературнаго произведенія, какъ мы понимаемъ ее въ большой литературѣ, всегда болѣе или менѣе скрыта и требуетъ для своего обнаруженія извѣстнаго усилія критической мысли, а въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, ребенокъ всего болѣе слабъ. Конечно, здѣсь должна придти къ нему на помощь критическая мысль его воспитателя; но дѣти, вообще, не любятъ такихъ критическихъ разъясненій. Кромѣ того, главная масса книгъ читается ими совершенно самостоятельно, безъ всякихъ разъясненій съ чьей-либо стороны. Слѣдовательно, приходится разсчитывать, главнымъ образомъ, на критическія усилія ихъ собственной мысли. Ограничиться-же въ дѣтской литературѣ областью тенденціознаго творчества значило-бы ограничиться однѣми баснями и скучными, дѣланными разсказиками.

Ясно, поэтому, что объективное изображеніе дѣйствительности въ

литературѣ дѣтей не цѣлесообразно, въ смыслѣ идейнаго воздѣйствія на ихъ умъ и сердце. Конечно, каждая страничка изъ жизни природы,—не говоримъ уже о жизни людей,—художественно воспроизведенная писателемъ, заключаетъ въ себѣ извѣстную идею; но эта идея является здѣсь, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи. Она раскрывается лишь созерцанію наблюдательнаго и мыслящаго ума, и можетъ пройти неясною и смутною не только передъ глазами зауряднаго взрослаго человѣка, но даже и писателя, который ее воспроизводитъ. Нечего и говорить, что для ребенка она проскальзываетъ совершенно незамѣтною. Недостаточно, слѣдовательно, давать дѣтямъ лишь художественныя картинки дѣйствительности; необходимо извѣстное внутреннее освѣщеніе этой картинки, чтобы юные читатели ясно различали въ ней свѣтъ отъ тѣни, добро отъ зла, дѣйствіе отъ мотивовъ. Но и такимъ путемъ трудно надѣяться провести въ сознаніе дѣтей опредѣленную *сознательную* идею. Можно, конечно, идею *внушить* ребенку... Но, во-1-хъ, для этого необходимо, чтобы ребенокъ довѣрялъ писателю, чего обыкновенно въ дѣйствительности не бываетъ; во-2-хъ, идея для внушенія должна быть выражена въ краткой и точной формулѣ, а не въ художественномъ образѣ. Слѣдовательно, такой способъ проведенія идеи въ сознаніе дѣтей, можетъ быть, и годится для воспитателя, но никакъ не для писателя; если-же писатель и захотѣлъ-бы воспользоваться такимъ орудіемъ (что многіе изъ нихъ и пытаются дѣлать), то его произведеніе не стало-бы читаться дѣтьми. А легкая читаемость книги—первое условіе и ея успѣха, и ея пользы. Кромѣ того, *внушеніе* идей—одно изъ крайне сомнительныхъ орудій воздѣйствія на интеллектуальный міръ ребенка. Внушенная идея—безсознательна, въ томъ смыслѣ, что она возникла и развилась не въ собственномъ умѣ ребенка, а пришла извнѣ и ничѣмъ не мотивирована въ немъ; дѣйствіе-же такихъ идей на нравственный и интеллектуальный міръ человѣка крайне двусмысленно и, во всякомъ случаѣ, неизвѣстно. Поэтому, и проведеніе такихъ идей въ сознаніе ребенка не можетъ быть задачей идейнаго воздѣйствія на его нравственное міросозерцаніе.

Правда, въ умѣ ребенка существуетъ множество идей о внѣшнемъ мірѣ,—и даже о мірѣ нравственномъ,—но всѣ онѣ (исключая *внушенныхъ)* были восприняты не какъ идеи, а какъ чувства, и только впослѣдствіи ассоціировались и поднялись на ступень отвлеченной идеи. И только такія идеи,—и производныя отъ нихъ,—умъ ребенка и способенъ воспринимать сознательно. Но ограничиться кругомъ этихъ дѣтскихъ идей и только ихъ проводить и укрѣплять въ со-

знаніи дѣтей значитъ съузить задачу дѣтской литературы, а себя—лишить могучаго воспитательнаго средства.

Но спрашивается тогда: какимъ-же путемъ дѣтское чтеніе можетъ развивать въ сознаніи ребенка болѣе сложную умственную дѣятельность и способствовать образованію въ немъ болѣе сложныхъ идей? Въ этомъ, собственно, и заключается сущность вопроса объ идейности въ дѣтской литературѣ.

Присмотримся ближе къ вопросу. Пусть нельзя провести въ сознаніе ребенка, какъ *сознательную* мысль, извѣстную идею, не соотвѣтствующую его умственному возрасту; но за-то почти всегда можно создать извѣстное *идейное* настроеніе. Насколько безсильна надъ юной душой *идея*, столь-же велика власть надъ ней *настроенія*. Поэтому, не разсчитывайте разсказомъ *внушить* ребенку какую-нибудь опредѣленную (хотя-бы и гуманную) идею, а лучше позаботьтесь возбудить въ душѣ его извѣстное доброе чувство и заронить въ его умъ хотя-бы случайный *вопросъ*. Кромѣ идейности мысли, есть еще идейность чувства, и это идейное чувство, по законамъ психологіи, должно предшествовать идейной мысли, должно подготовлять въ умѣ ребенка зарожденіе и самостоятельное развитіе идеи. Не бойтесь—гуманная сознательная идея явится сама; она выростетъ изъ гуманнаго чувства... «Только потрясенное сердце родитъ гуманную мысль»—вотъ великая, неоспоримая истина, особенно въ примѣненіи къ дѣтямъ.

Именно это возбужденіе въ душѣ ребенка идейнаго чувства и хотя-бы смутнаго вопроса и должно подразумѣвать въ дѣтской литературѣ подъ идейностью. Такимъ образомъ, *гуманизированіе чувства и сознанія дѣтей—вотъ главная задача идейной дѣтской литературы.*

Какъ на примѣръ идеальныхъ, въ этомъ смыслѣ, книгъ, укажемъ на «Муму» Тургенева и «Дѣти подземелья» Вл. Короленка (передѣлано изъ его разсказа «Въ дурномъ обществѣ»).

Было-бы наивной, безплодной попыткой стараніе развить передъ дѣтьми идею всей жестокости, несправедливости и безнравственности крѣпостничества. Для сознательнаго усвоенія такой идеи имъ не достаетъ цѣлаго ряда другихъ идей, болѣе элементарныхъ; они не имѣютъ понятій ни о жестокости—въ смыслѣ безчеловѣчности, ни о справедливости, ни о нравственности. Слѣдовательно, основная гуманная *идея* разсказа «Муму»—протестъ противъ крѣпостного права—ускользаетъ отъ сознанія ребенка. Но не возбуждаетъ-ли весь этотъ разсказъ въ дѣтской душѣ глубокаго сочувствія къ несчастному нѣмому и къ невинной бѣднягѣ—собачкѣ? не возбуждаетъ-ли онъ въ

сердцѣ дѣтей живѣйшаго негодованія на привередницу барыню и на ея жестокое право безнаказанно дѣлать людей столь несчастными? А это и есть то самое идейное чувство, изъ котораго сама собой можетъ возникнуть и развиться и сознательная идея о человѣческихъ отношеніяхъ.

Еще наивнѣе и нелѣпѣе было-бы внушать дѣтямъ соціальную идею, лежащую въ основѣ превосходнаго разсказа Вл. Короленка. Но возбудить въ нихъ живое состраданіе къ отребью человѣчества, къ его несчастной отверженной жизни въ подземномъ склепѣ, возбудить въ нихъ ужасъ къ «сѣрому камню», высасывающему жизнь изъ малютки Маруси, и снисхожденіе къ вынужденному воровству Валека, — не значитъ-ли это глубоко потрясти міръ ихъ чувствъ и міръ ихъ идей, и заставить невольно грустно задуматься и объ ужасномъ «сѣромъ камнѣ», и о вынужденномъ порокѣ, и вообще о людскихъ отношеніяхъ? А не изъ этихъ-ли скорбныхъ думъ дѣтства возникаетъ въ насъ вдумчивое отношеніе къ жизни и выростаетъ критическая мысль!?

Вотъ о какой идейности въ дѣтской литературѣ мы говоримъ; именно такого рода идейности мы требуемъ отъ нея... Само собою разумѣется, здѣсь встрѣчается намъ цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Во-1-хъ: какимъ путемъ, какими литературными пріемами, легче всего провести въ разсказѣ требуемую идею? Понятно, что эти пріемы должны, первымъ дѣломъ, удовлетворять основнымъ требованіямъ дѣтскаго чтенія. Живость разсказа должна стоять на первомъ планѣ; идея и ея развитіе должны быть воплощены въ живыхъ образахъ, въ быстрой смѣнѣ дѣйствій и картинъ; идея, какъ разсужденіе, какъ нравоученіе, должна занимать въ разсказѣ, по возможности, меньше мѣста. Дѣти, подобно поэтамъ, мыслятъ образами; созерцательность преобладаетъ въ ихъ умѣ; отъ нихъ нельзя ожидать привычки слѣдить за мыслью. Поэтому-то самое популярное развитіе самой гуманной и интересной идеи для нихъ скучно, и трудно этимъ путемъ дѣйствовать на ихъ чувства. Но за-то они съ радостью *смотрятъ* на все интересное, на всякіе живые картины и образы. Эти образы должны смѣняться. Не бойтесь — смотрѣть они не устанутъ. Они съ охотой слѣдятъ за дѣйствіемъ,— поэтому, прежде всего, въ этихъ картинахъ должно быть движеніе... Такова техническая сторона дѣла. Осуществленіе ея въ дѣтскомъ разсказѣ обезпечиваетъ успѣхъ книги (Укажемъ здѣсь, мимоходомъ, на «Разоренное гнѣздо» А. Сливицкаго). Это вопросъ таланта.

Но чтобы книга получила силу идейнаго воздѣйствія на душу

ребенка, надобно еще кое-что. Послѣ характера самой идеи, въ высшей степени важенъ самый *тонъ* разсказа, его задушевность. Потому что, какъ говоритъ великій Гете:

> Doch werdet ihr *nie Herz zu Herzen schaffen*,
> Wenn *es* euch nicht *von Herzen geht*.

Это тоже своего рода техника; но дѣло здѣсь, конечно, не въ талантѣ, а въ сердцѣ самого писателя. И только тотъ можетъ быть настоящимъ дѣтскимъ писателемъ, кто обладаетъ этимъ чуднымъ даромъ—«Herz zu Herzen schaffen»...

Во-2-хъ: на какихъ явленіяхъ жизни—свѣтлыхъ или темныхъ, и на какихъ типахъ—положительныхъ или отрицательныхъ, слѣдуетъ, по преимуществу, останавливать вниманіе дѣтей? Каково воспитательное вліяніе тѣхъ и другихъ? Мы думаемъ, что въ изображеніи жизни слѣдуетъ, по возможности, держаться тѣхъ пропорцій свѣта и мрака, пріятнаго и непріятнаго, красиваго и безобразнаго, въ какихъ все это имѣется въ дѣйствительности. Сосредоточивать вниманіе дѣтей исключительно на темныхъ и печальныхъ явленіяхъ жизни, конечно, прямо вредно. Такимъ путемъ въ нихъ порождается и мрачный взглядъ на жизнь, и унылое настроеніе; такимъ образомъ отравляется естественная и въ высокой степени цѣнная жизнерадостность ихъ дѣтской природы. Съ другой стороны, такъ-называемое подкрашиваніе жизни, конечно, еще болѣе вредно и неразумно. Оно удаляетъ ребенка отъ дѣйствительности, заставляетъ жить въ мірѣ фантазій и иллюзій и ведетъ къ легковѣсному, наивному оптимизму, обыкновенно безжалостно разбиваемому жизнью. Кромѣ того, онъ подрываетъ у дѣтей вѣру въ книгу и порождаетъ легкій взглядъ на нее, какъ на пустую забаву.

Отсюда и вытекаетъ для воспитателя обязанность тщательно подбирать дѣтскую библіотеку, чтобы въ ней одна книга дополняла другую, а всѣ вмѣстѣ давали-бы, по возможности, полную картину дѣйствительной жизни. Для писателя-же здѣсь тоже является своя задача: по возможности, противополагать въ своемъ разсказѣ темнымъ сторонамъ жизни свѣтлыя, реальному—идеальное, чтобы читатель могъ отдыхать и успокаиваться нравственно, въ надеждѣ на возможность лучшаго и свѣтлаго, чтобы онъ могъ дѣлать сравненія и сопоставленія. Послѣднее чрезвычайно важно: здѣсь начало сужденія, начало критической мысли.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о положительныхъ и отрицательныхъ типахъ т.-е. вопросъ объ изображеніи въ дѣтской литературѣ хорошихъ и дурныхъ героевъ, хорошихъ и дурныхъ по-

ступковъ и мыслей и, вообще, хорошаго и дурного. Что здѣсь заслуживаетъ предпочитательнаго изображенія? каково относительное вліяніе этихъ типовъ на сознаніе и поведеніе дѣтей? Разными писателями и педагогами этотъ вопросъ рѣшается различно. Но чтобы правильно судить о немъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду одну существенную черту дѣтской психофизіологіи: именно, необычайную наклонность и способность дѣтей къ подражанію. Являясь для воспитателя могучимъ рычагомъ воспитательнаго воздѣйствія на ребенка, эта особенность дѣтской природы даетъ и въ руки писателя одно изъ сильныхъ орудій идейнаго воздѣйствія на дѣтей. Научить ребенка (хотя-бы путемъ подражанія) *хорошо поступать* очень часто значитъ научить его и *хорошо думать*. Конечно, въ томъ только случаѣ, если развитіе его идетъ гармонически. Нѣтъ надобности защищать и выяснять здѣсь всю важность и благотворность вліянія на дѣтей положительныхъ типовъ, т.-е. хорошихъ примѣровъ, чувствъ и мыслей. Посмотримъ лучше, чѣмъ принято оправдывать у насъ изображеніе въ дѣтской литературѣ отрицательныхъ типовъ. Принято думать, что если хорошій примѣръ полезенъ тѣмъ, что развиваетъ въ ребенкѣ наклонность и привычку ко всему хорошему и доброму, то дурной полезенъ тѣмъ, что возбуждаетъ въ ребенкѣ отвращеніе ко всему дурному. Мнѣніе совершенно неосновательное.

Въ ребенкѣ мы имѣемъ на лицо лишь указанную преобладающую черту—подражательность: при томъ, это подражаніе не имѣетъ опредѣленнаго направленія и, въ большей части случаевъ, безсознательно. Для ребенка одинаково заразительны и дурные, и хорошіе примѣры; дурные, вообще говоря, даже заразительнѣе. *Естественнаго* отвращенія къ *дурному* у него нѣтъ и не можетъ быть,—исключая грубѣйшую его форму—субъективное физическое и нравственное страданіе. Нѣтъ у него и идеи дурного; а если такая идея и возникла уже, то у него, во всякомъ случаѣ, нѣтъ критической мысли, необходимой для различенія дурного и хорошаго подъ маской образовъ и картинъ; кромѣ того, если даже допустить существованіе такой способности различенія, то крайне сомнительно, чтобы у дѣтей хватило нравственной воли сознательно направлять себя по обыкновенно тернистому пути хорошаго и добраго. Въ дѣйствительности у нихъ есть лишь одинъ критерій—*чувство*; одинъ руководитель—ихъ дѣтскія чувственныя симпатіи и антипатіи. Стоитъ лишь идею добра и любви вставить въ рамку скучнаго, нравоучительнаго разсказа, и они отвергнутся отъ нея; сдѣлайте наоборотъ: заключите идею зла

и ненависти въ чувственно-красивые образы и картины, и они будутъ привлекать ихъ къ себѣ.

Но, — скажутъ намъ, — обыкновенно ребенокъ въ такихъ разсказахъ и не оставляется на произволъ дурного примѣра: ему противополагается всегда или хорошій примѣръ, или-же такъ или иначе дается понять, что этотъ герой *дуренъ*, что *такіе* поступки *должны* вызывать въ *хорошихъ* дѣтяхъ отвращеніе, и т. п. Печальный самообманъ! Къ сожалѣнію, въ подобныхъ разсказахъ добродѣтельные герои почти всегда скучны и безжизненны, потому что *выдуманы*; поэтому они являются жалкимъ противовѣсомъ порочнымъ, которые живописуются въ живыхъ краскахъ, потому что изобразить ихъ гораздо проще и легче: они пишутся обыкновенно съ натуры. Что касается нравоучительной стороны разсказа, то—какъ жалка и безсильна она передъ могучимъ влеченіемъ подражанія! Особенно, если помнить, что эти подражанія въ большей части безсознательны и, слѣд., не подлежатъ контролю моральной мысли...

Путемъ такихъ соображеній мы приходимъ къ необходимости признать болѣе желательнымъ въ дѣтской литературѣ именно положительные типы. Только эти типы, понятно, должны быть не олицетвореніемъ моральныхъ сентенцій, не «добродѣтельными героями», не «паиньками-мальчиками» и не «рыцарями безъ страха и упрека», а живыми образами, съ плотью и кровью, и не безъ человѣческихъ слабостей.

Въ-3-хъ: какимъ путемъ можно ближе всего провести въ сознаніе ребенка идею нравственнаго добра и зла и возбудить и развить въ немъ отвращеніе ко всему злому? Относительно этого вопроса мы ограничимся лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ. Отъ отдаленнѣйшихъ предковъ нашихъ намъ завѣщана идея о злѣ и о добрѣ, какъ о двухъ самостоятельныхъ враждебныхъ силахъ. Ариманъ и Ормуздъ, Сива и Вишну, Тифонъ и Озирисъ — вотъ олицетворенія этихъ могущественныхъ силъ, тяготѣвшихъ надъ древнимъ человѣкомъ. Были, конечно, у него достаточныя психологическія и историческія основанія для такого различенія этихъ двухъ началъ. Но не трудно видѣть, что такія понятія, перенесенныя съ разрушающихъ и созидающихъ силъ природы на нравственное зло и добро въ сферѣ внутренняго человѣка, принесли много настоящаго зла человѣчеству. Именно отсюда, изъ такого различенія нравственнаго добра и зла, возникъ *культъ порока*, явились *герои пошлости* и столь соблазнительный типъ Мефистофеля-циника (конечно, не Мефистофеля Гёте). Зло, какъ самостоятельная, гордая, демоническая сила, не могло и не мо-

жетъ вызывать въ человѣкѣ отвращенія. Только исключительныя, высоко организованныя и нравственно воспитанныя натуры могутъ чувствовать ко злу какъ-бы *естественное* отвращеніе; средній-же человѣкъ, въ лучшемъ случаѣ, находитъ свое спасеніе отъ него лишь въ долгѣ или въ религіи. Но, увы, и эти крѣпости никогда не были неприступными для порока!.. Въ древности зло, какъ разрушительная сила природы, внушало человѣку благоговѣйный ужасъ; но какъ отрицательная нравственная сила, — особенно выраженная въ чувственно-привлекательныхъ формахъ (вспомните хотя-бы Лермонтовскаго «Демона»), --оно не столько отталкиваетъ отъ себя, сколько влечетъ и соблазняетъ...

Особенно справедливо сказанное относительно дѣтей, у которыхъ нѣтъ убѣжища отъ такого соблазнительнаго зла ни въ долгѣ, ни въ религіи. Поэтому, неразумно вносить такія понятія о добрѣ и злѣ въ нравственное міросозерцаніе дѣтей. Абсолютно порочнаго человѣка нѣтъ, есть только относительно дурной, испорченный человѣкъ. Вотъ это-то и долженъ писатель подчеркнуть въ своемъ героѣ. Какъ-бы этотъ герой низокъ, золъ и демониченъ ни былъ, необходимо показать въ немъ человѣка, но только слабаго и испорченнаго; въ то-же время необходимо подчеркнуть въ немъ присущіе человѣку задатки нравственнаго, добраго и идеальнаго. Тогда порокъ явится лишь уклоненіемъ отъ этого добраго и идеальнаго и потеряетъ свою обаятельную силу.

Наконецъ, вотъ еще одинъ частный вопросъ, который намъ кажется наиболѣе важнымъ и интереснымъ. Однимъ изъ главныхъ средствъ гуманизированія дѣтской души мы признали нравственное потрясеніе его существа аффектами сочувствія и состраданія. Но важно замѣтить здѣсь, что «потрясать» слѣдуетъ не нервы дѣтей, а ихъ сердце. Разжалобить дѣтей, заставить ихъ плакать и ужасаться, не трудно; но не страданіе и ужасъ слѣдуетъ вызывать въ нихъ, а *состраданіе и сочувствіе*. Только въ такомъ случаѣ наши «потрясенія» могутъ получить характеръ нравственнаго воздѣйствія на человѣка. Замѣтимъ мимоходомъ, что именно игнорированіемъ этой стороны вопроса слѣдуетъ объяснить появленіе у насъ на сценѣ (особенно въ послѣднее время) массы «раздирательныхъ» драмъ, всецѣло разсчитанныхъ именно на такое потрясеніе однихъ нервовъ зрителей, физически столь вредное и въ нравственномъ отношеніи совершенно безплодное. Въ дѣтской литературѣ въ особенности необходимо избѣгать такихъ ошибокъ.

Но, спрашивается, изображеніе какихъ картинъ, какихъ героевъ,

какой жизни ближе всего ведетъ къ цѣли, т.-е. къ нравственному идейному потрясенію дѣтской души? Что для этого цѣлесообразнѣе брать картины и героевъ изъ *жизни* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т.-е. изъ міра животныхъ, въ которомъ жизнь имѣетъ наиболѣе рѣзкое выраженіе и ближе всего подходитъ къ человѣческой жизни,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Если даже, преслѣдуя ту-же цѣль, мы беремъ сюжеты изъ царства минералловъ и растеній, то и здѣсь, прежде всего, находимъ необходимымъ *оживить* и *одушевить* ихъ; обыкновенно-же идутъ далѣе—ихъ очеловѣчиваютъ. Но изъ какой-же именно жизни цѣлесообразнѣе брать дѣтскому писателю его сюжеты: изъ жизни-ли собственно животнаго міра, или изъ міра человѣческаго? Не будемъ торопиться съ отвѣтомъ.

Безспорно, что человѣкъ, а особенно дѣти, способны сочувствовать не только всему живущему (въ тѣсномъ смыслѣ слова), но и камню, и цвѣтку. Слѣдовательно, соотвѣтственнымъ изображеніемъ и этихъ предметовъ можно тронуть ихъ сердце и вызвать сочувствіе. Но, имѣя въ виду нашу цѣль, необходимо спросить себя: не въ большой-ли мѣрѣ и не легче-ли тронуть дѣтское сердце изображеніемъ жизни собственно человѣка? На нашъ взглядъ, здѣсь можетъ быть лишь одинъ положительный отвѣтъ. Сочувствовать и сострадать, строго говоря, значитъ переноситься своимъ чувствомъ въ существо страдающаго и переживать самому его страданіе. Именно о такомъ сочувствіи здѣсь и идетъ рѣчь, и способность къ нему далеко не заурядна. Но, въ то-же время, она высоко-человѣчна, и воспитать и развить ее въ дѣтяхъ—вотъ одна изъ первыхъ и главныхъ задачъ воспитанія. Дѣтская литература здѣсь можетъ и должна оказать воспитанію существенную помощь. Но, понятно, что перенестись своимъ чувствомъ легче всего въ душу, родственную намъ, т.-е. въ душу человѣка: его мысли и чувства понятнѣе и ближнимъ. Вотъ это-то простое соображеніе и является главнымъ аргументомъ за предпочтительное изображеніе въ дѣтской литературѣ именно человѣческой жизни.

Конечно, за изображеніе жизни природы можно сказать, что такимъ путемъ умъ ребенка обогащается постепеннымъ знакомствомъ съ этой жизнью; но само собою разумѣется, знакомство съ человѣкомъ и съ человѣческимъ обществомъ заслуживаетъ, конечно, не меньшаго вниманія. Кромѣ того, для преслѣдованія такой цѣли существуетъ спеціальный видъ дѣтскаго чтенія. Но можно сказать еще, что жизнь животныхъ болѣе интересна и болѣе забавна для ребенка, и, поэтому, онъ охотнѣе будетъ читать о нихъ. Ну, здѣсь вопросъ,

очевидно, сводится къ способности и талантливости нашихъ дѣтскихъ писателей. И печально было-бы думать, что жизнь зоологическаго міра способна скорѣй и сильнѣй вдохновить насъ на хорошій разсказъ, чѣмъ жизнь человѣка. Но, конечно, это неправда. Уже одно направленіе современной дѣтской литературы опровергаетъ эту мысль: человѣкъ все больше и больше завоевываетъ въ ней себѣ мѣсто.

Рѣшающимъ доводомъ въ пользу такого направленія является то соображеніе, что именно здѣсь, т.-е. въ человѣческой жизни, можно найти особенное изобиліе драмъ всякаго рода, способныхъ наиболѣе глубоко потрясти человѣческую душу. Кромѣ того, именно эти драмы способны скорѣе всего гуманизировать душу дѣтей. Но міръ человѣческой жизни слишкомъ великъ, сложенъ и разнообразенъ. Каждый сословный слой, а въ немъ каждая обособленная группа имѣютъ свою своеобразную жизнь, свои интересы и драмы. И притомъ, эти послѣдніе весьма различнаго достоинства и заслуживаютъ далеко неодинаковаго вниманія. Поэтому, естественно и даже необходимо и здѣсь спросить себя: чему именно слѣдуетъ отдать предпочтеніе: изображеніе какихъ слоевъ общества, какихъ человѣческихъ отношеній и злобъ слѣдуетъ предпочесть, въ интересахъ наибольшаго идейнаго воздѣйствія на душу юныхъ читателей?

Конечно, ничто человѣческое не должно быть чуждо дѣтямъ, но знакомство съ однимъ для нихъ лишь желательно, съ другимъ—необходимо. Интересно и поучительно для нихъ познакомиться, напр., съ интересами и злобами чиновничьяго, духовнаго, купеческаго, мѣщанскаго, военнаго быта, но знакомство съ нуждами и злобами многомилліоннаго низшаго слоя (у насъ—крестьянскаго населенія) необходимо. Если-бы даже считать важность знакомства съ общественными группами пропорціонально ихъ количественнымъ отношеніемъ, то и тогда уже предпочтеніе всецѣло оказалось-бы на сторонѣ народной жизни; но, конечно, не на этомъ ариѳметическомъ разсчетѣ покоятся наши доводы въ пользу такого предпочтенія. Дѣло въ томъ, что для интеллигентнаго человѣка, какъ будущаго общественнаго работника,—въ какой-бы области онъ ни работалъ,—необходимо знакомство и сближеніе съ народной массой (хотя-бы и нравственное только). Внѣ сліянія своихъ интересовъ съ интересами массы общества (понимаемаго въ самомъ широкомъ смыслѣ), внѣ работы, прямой или косвенной, на пользу и благо этой массы, для культурнаго интеллигентнаго человѣка жизнь не можетъ и не должна имѣть нравственнаго смысла и содержанія... Поэтому, всякое изолированіе человѣка отъ интересовъ и жизни народной массы обезсмысливаетъ и его

собственную жизнь и дѣятельность. Въ виду этого, чѣмъ ранѣе начать знакомить и сближать дѣтей съ народной жизнью, тѣмъ лучше.

Мы знаемъ, что такіе аргументы для многихъ не покажутся убѣдительными; но это зависитъ отъ различія нашихъ общественно-моральныхъ точекъ зрѣнія, о которыхъ разсуждать здѣсь неумѣстно. Однако, и помимо этихъ общихъ соображеній, существуютъ и еще доводы въ пользу нашей мысли. Обратите вниманіе на особенный характеръ интересовъ и злобъ народной жизни: они въ большинствѣ случаевъ могутъ быть названы *общечеловѣческими*. Почти всѣ они сосредоточены около основныхъ общечеловѣческихъ вопросовъ—о *необходимыхъ потребностяхъ* и *необходимыхъ условіяхъ* матеріальнаго и нравственнаго существованія человѣка. Нельзя сказать того-же самаго про культурную жизнь: здѣсь много условностей и искусственности. То-же слѣдуетъ сказать и о характерѣ культурныхъ драмъ. Понятно, что послѣднія въ своей идейной цѣнности значительно уступаютъ первымъ. Культурная драма останавливаетъ мысль дѣтей на мелкихъ и узкихъ вопросахъ, важность и интересъ которыхъ сомнительны и условны. Народная-же драма, въ большинствѣ случаевъ, наводитъ дѣтей на общіе, хотя и смутно сознаваемые, психологическіе и общественные вопросы; этимъ и обусловливается глубокая идейность народныхъ драмъ. Именно поэтому гуманизирующее вліяніе на дѣтей этихъ драмъ нельзя и сравнивать съ вліяніемъ драмъ культурныхъ *).

Дѣтская народная литература, дополненная для болѣе поздняго, зрѣлаго возраста большой народной литературой,—вотъ, по-истинѣ, великая школа человѣчности! И велики честь и заслуга быть учителемъ этой школы.

Перейдемъ теперь къ вопросу о художественности въ дѣтской литературѣ.

В—линъ.

(Окончаніе будетъ).

---

*) Раздѣляя безусловно почти всѣ положенія почтеннаго автора относительно идейности въ дѣтской литературѣ, редакція не можетъ согласиться съ мнѣніемъ его о значеніи культурной и народной драмы, какъ матеріала для дѣтскаго чтенія, считая и самую терминологію нѣсколько искусственною и высказанное положеніе совершенно бездоказательнымъ. *Ред.*

По поводу школьныхъ праздниковъ и развлеченій.

Въ декабрьской книжкѣ «Русской Школы» помѣщена небольшая статья подъ заглавіемъ: «О внѣклассныхъ развлеченіяхъ въ начальныхъ петербургскихъ городскихъ училищахъ». Искренно привѣтствуемъ эту статью и придаемъ ей весьма важное значеніе: она поднимаетъ вопросъ о школьныхъ праздникахъ и развлеченіяхъ,—вопросъ весьма серьезный въ области воспитанія, но почему-то, по крайней мѣрѣ за послѣдніе годы, незатрагиваемый въ литературѣ, даже педагогической. Авторъ статьи въ бѣгломъ очеркѣ знакомитъ читателя съ характеромъ внѣклассныхъ развлеченій, останавливаясь, главнымъ образомъ, на ихъ внѣшнемъ устройствѣ и на томъ удовольствіи, которое они доставляютъ дѣтямъ.

«Если въ дальнѣйшей жизни этихъ, большею частью, несчастныхъ дѣтей, на ихъ долю не выпадетъ больше ни развлеченій, ни веселыхъ праздниковъ, развѣ не большимъ утѣшеніемъ будетъ для нихъ воспоминаніе о веселыхъ часахъ школьной жизни; развѣ не легче имъ будетъ отъ сознанія, что судьба, такъ несправедливо раздѣляющая свои дары и дающая однимъ въ удѣлъ только тяжелый трудъ и страданіе, а другимъ вѣчный отдыхъ и развлеченіе, въ дѣтствѣ и къ нимъ была милостива и не лишила ихъ тѣхъ дѣтскихъ радостей, которыя въ изобиліи выпадаютъ на долю счастливыхъ дѣтей обезпеченныхъ родителей».

Мы позволили себѣ цѣликомъ привести слова автора, такъ какъ въ нихъ, насколько намъ это кажется, заключается сущность его точки зрѣнія на цѣль школьныхъ праздниковъ. Цѣль эта—прежде всего доставить дѣтямъ радость, удовольствіе, а затѣмъ воспоминаніями объ этой радости помочь имъ впослѣдствіи переносить удары судьбы. Вполнѣ раздѣляя сочувствіе автора дѣтской радости, соглашаясь съ нимъ, что искреннее, заразительное веселье хорошо вліяетъ на общій строй души, что жизнерадостность и бодрость духа, возбуждаемые школьными

праздниками, суть лучшія условія для успѣшнаго хода обученія и воспитанія, мы, тѣмъ не менѣе, думаемъ, что указанный взглядъ на этотъ вопросъ односторонен. Не говоря уже о томъ, что врядъ-ли воспоминанія о хорошихъ прошедшихъ минутахъ помогаютъ переживать горькое настоящее,—это еще, правда, спорный вопросъ,—мы скажемъ съ полной увѣренностью, что нельзя смотрѣть на школьные праздники и развлеченія, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія удовольствія. Намъ кажется, что эти праздники должны преслѣдовать гораздо болѣе широкія задачи. Правда, авторъ вышесказанной статьи и самъ кое-гдѣ говоритъ о болѣе глубокомъ значеніи школьныхъ праздниковъ, какъ-то—о негуманномъ, пошломъ вліяніи цирка, объ образовательномъ значеніи прогулокъ за городъ, о вліяніи театра; но объ этомъ онъ говоритъ какъ-бы вскользь, между прочимъ, какъ о чемъ-то второстепенномъ въ сравненіи съ удовольствіемъ. Цѣль нашей статьи взглянуть на школьныя развлеченія съ болѣе общей педагогической точки зрѣнія и выдвинуть слѣдующіе вопросы:

1) Какія цѣли должна преслѣдовать школа своими праздниками и развлеченіями?

2) Какой характеръ должны имѣть праздники и развлеченія сообразно съ этими цѣлями?

3) Служатъ-ли этимъ цѣлямъ нынѣ устраиваемые праздники въ петербургскихъ начальныхъ школахъ?

Мы нисколько не льстимъ себя надеждой вполнѣ разобраться въ этихъ вопросахъ, совершенно исчерпать задачу: мы только хотимъ поставить, намѣтить ее, вызвать къ ней болѣе серьезное отношеніе. Замѣтимъ еще, что, говоря о школьныхъ праздникахъ, мы будемъ имѣть въ виду только начальныя школы, не касаясь нисколько среднихъ учебныхъ заведеній.

Итакъ: какія цѣли должна преслѣдовать школа своими праздниками и развлеченіями? Приступая къ этому вопросу, спросимъ прежде всего, имѣетъ-ли право школа, устраивая праздники, заботиться только объ удовольствіяхъ дѣтей, не вникая въ характеръ этихъ удовольствій? Намъ думается—нѣтъ, не имѣетъ. Удовольствія не всѣ одинаковы по качеству. Есть болѣе или менѣе желательныя, болѣе или менѣе плодотворныя, есть, наконецъ, и совсѣмъ нежелательныя. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, ставить рядомъ удовольствіе отъ прочтенія хорошей книги, отъ театра, созерцанія природы—съ одной стороны, кабака, драки, игры въ карты и созерцанія мишурнаго блеска трактирной обстановки—съ другой. Изъ сопоставленія этихъ удовольствій двоякаго рода ясно вытекаетъ цѣль школьныхъ праздниковъ. Эта цѣль—*развить въ*

дѣтяхъ привычку и умѣніе находить въ жизни удовольствія, здоровыя въ нравственномъ, умственномъ и физическомъ отношеніи,—удовольствія, облагораживающія человѣка. Большинство дѣтей нашихъ начальныхъ школъ, особенно на окраинахъ города, выростаетъ и воспитывается въ очень неприглядной, темной, какъ въ нравственномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, обстановкѣ. Какія удовольствія они видятъ, какъ привыкаютъ они проводить свои досуги? Удовольствія самыя грубыя, самыя матеріальныя. Попойки съ дракой, игра въ карты, въ орлянку, безцѣльное шатаніе и сквернословіе по улицамъ. Съ этими удовольствіями они знакомятся чуть не съ пеленокъ и чуть не съ пеленокъ начинаютъ подражать старшимъ. Школа, насколько можетъ, должна бороться съ этимъ зломъ, *должна облагораживать, воспитывать вкусы дѣтей.* Пусть она расширитъ горизонтъ ихъ наслажденій, пусть научитъ проводить свободное время, не прибѣгая къ грубымъ, нездоровымъ удовольствіямъ.

Такова общая задача школьныхъ развлеченій и праздниковъ. Посмотримъ теперь, какъ выразится эта задача въ частностяхъ, какія удовольствія можно рекомендовать школѣ, какъ желательныя, какъ такія, къ которымъ слѣдуетъ пріучать дѣтей.

Прежде всего, школа должна пріучить ребенка находить удовольствіе въ чтеніи книгъ. Мы напираемъ на слова «пріучить», «привычка», потому что въ числѣ удовольствій почти нѣтъ абсолютныхъ, а каждый находитъ ихъ въ томъ, въ чемъ привыкъ видѣть удовольствіе. Для поясненія этой мысли достаточно сравнить истаго горожанина съ сельскимъ жителемъ. Удовольствія послѣдняго, если и не покажутся первому источникомъ скуки, то, по меньшей мѣрѣ, будутъ ему непонятны; и наоборотъ, сельскій житель затоскуетъ среди исключительно городскихъ развлеченій. Почему такъ? А потому, что у перваго сложились однѣ привычки относительно удовольствій, у другого иныя. Привычки эти слагаются, главнымъ образомъ, въ дѣтствѣ и только отчасти въ молодости; зрѣлый-же возрастъ не легко мѣняетъ свои привычки. Поэтому, если школа не воспользуется воспріимчивостью и эластичностью дѣтскаго возраста и не разовьетъ въ нихъ здоровыхъ привычекъ, то жизнь врядъ-ли поправитъ ея ошибку.

Далѣе можно рекомендовать школѣ развить въ дѣтяхъ стремленіе къ эстетическимъ наслажденіямъ, умѣнье находить удовольствіе въ живописи, музыкѣ и поэзіи.

Затѣмъ школа обязана приблизить ребенка къ природѣ, открыть ему неисчерпаемый источникъ наслажденій въ общеніи съ ней, въ созерцаніи ея красотъ, въ умѣньи пытать ея тайны.

Наконецъ, школа можетъ пріучить дѣтей находить удовольствіе въ общеніи съ себѣ подобными, не прибѣгая при этомъ къ дикимъ и безобразнымъ забавамъ. Конечно, послѣдняя цѣль преслѣдуется и достигается отчасти всѣми вышеуказанными цѣлями; тѣмъ не менѣе, мы отводимъ ей отдѣльное мѣсто, такъ какъ, по нашему наблюденію, далеко не всѣ люди, скорѣе даже немногіе, умѣютъ проводить время въ обществѣ. Достаточно взглянуть на кружки общества, гдѣ всѣ поголовно, и старые и молодые, усаживаются за карты или сплетничаютъ, гдѣ люди не понимаютъ, какъ можно провести нѣсколько часовъ въ обществѣ безъ винта. Поэтому весьма важно, чтобы дѣти пріучались въ школѣ къ развлеченіямъ, которыя научили-бы ихъ проводить время весело и сообща, безъ искусственныхъ и вредныхъ удовольствій. Вотъ четыре главныхъ типа желательныхъ удовольствій, и намъ кажется, что если школа заронитъ въ дѣтскія души хоть маленькій лучъ стремленія къ нимъ, она выполнитъ великую и достойную задачу: она спасетъ, быть можетъ, многихъ отъ нравственной пустоты и неудовлетворенности, съ одной стороны, отъ кабака и разврата—съ другой.

Авторъ вышеуказанной статьи надѣется, что школьные праздники помогутъ дѣтямъ впослѣдствіи примириться съ несправедливостями судьбы, «дающей однимъ въ удѣлъ тяжелый трудъ и страданіе, другимъ—вѣчный отдыхъ и развлеченіе». Если даже и согласиться съ авторомъ, что воспоминанія о прошедшихъ радостяхъ могутъ смягчить горечь настоящаго, все-таки, намъ кажется, школа не можетъ ограничиться этой задачей; она должна пойти гораздо дальше. Пусть она не только миритъ съ несправедливостями судьбы, но пусть поможетъ уменьшить ея удары, пусть научитъ *находить* праздники и радости въ жизни.

Въ семьяхъ нашихъ крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ, конечно, мало радостей и праздниковъ; но причина этого, право, заключается не только въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ. Если-бы отецъ семейства, а иногда и мать, не проводили часы досуга въ кабакѣ, семья при тѣхъ-же недостаткахъ пользовалась-бы большей суммой удовольствій. Отчего-же родители просиживаютъ въ кабакѣ? Конечно, вопросъ этотъ слишкомъ сложный, и не мѣсто здѣсь отвѣчать на него. Но немаловажной причиной является и то, что они не знаютъ иныхъ удовольствій, не привыкли къ нимъ. Пусть школа заронитъ въ душу ребенка лучъ благодатнаго свѣта, который если не оттолкнетъ его впослѣдствіи отъ кабака, то хоть изрѣдка, въ часы досуга, напомнитъ объ удовольствіяхъ иного рода, къ которымъ его пріучали въ школѣ. Тутъ мы позволимъ себѣ остановиться на одномъ маленькомъ,

но очень пріятномъ и много говорящемъ воспоминаніи. Года два тому назадъ, намъ пришлось побывать въ воскресный день въ зоологическомъ саду въ Берлинѣ. Погода была теплая, ясная и, хотя мы отправились туда рано, часамъ къ тремъ дня, народу было видимо-невидимо. Огромное большинство посѣтителей состояло изъ простыхъ нѣмецкихъ рабочихъ, которые, какъ объяснялъ одинъ берлинскій житель, имѣютъ привычку забираться туда въ праздники съ утра, и непремѣнно со всѣми чадами и домочадцами, не исключая грудныхъ дѣтей и 80-лѣтнихъ стариковъ. Нѣсколько часовъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ наблюдали мы за ихъ времяпрепровожденіемъ. Старики и матери съ грудными младенцами располагаются въ тѣни и завѣдуютъ хозяйственной частью; отцы семействъ гуляютъ, разговариваютъ, иногда замѣняютъ своихъ женъ въ заботахъ о дѣтяхъ; молодежь и дѣти рѣзвятся и наслаждаются на всевозможные лады. Лица веселыя и довольныя. Ни шуму, ни дракъ, ни пьяныхъ безобразій. И все угощеніе—привезенные изъ дому бутерброды, горячія сосиски и, наконецъ, пиво. А еще вспоминаются намъ вечера на берегу Женевскаго озера. Семь часовъ. Работы на фабрикахъ окончены, и вы видите цѣлую массу рабочихъ, сидящихъ и гуляющихъ по набережной съ дѣтьми, пока мать семейства готовитъ ужинъ. Вглядитесь въ эти лица, прислушайтесь къ ихъ разговорамъ, и вы увидите, какъ они любятъ свою природу, какъ понимаютъ ея красоты, сколько отдыха и успокоенія находятъ они въ ея созерцаніи послѣ треволненій рабочаго дня. Да не подумаетъ читатель, что мы хотимъ навязать нашимъ русскимъ дѣтямъ и рабочимъ нравы нѣмецкіе и швейцарскіе. Мы не касаемся этого вопроса, далеки отъ всякой параллели и приводимъ эти примѣры только для иллюстраціи той мысли, что праздники и радости жизни не исключительно и даже не главнымъ образомъ зависятъ отъ матеріальнаго положенія. Но, возразятъ намъ, не слишкомъ-ли непосильную задачу навязываете вы школѣ? Выполнима-ли она? Конечно, человѣка воспитываетъ не одна школа, а также среда и вся обстановка его жизни. Но школа, если пойметъ свою задачу и захочетъ ее выполнить, можетъ занять среди всѣхъ вліяній первенствующее значеніе. Жизнь и обстановка вліяютъ на ребенка не систематически, больше случайно, тогда какъ школа, хотя и воспитываетъ ребенка, сравнительно, короткое время, можетъ влiять на него постоянно въ одномъ направленіи. И въ этомъ заключается ея сила, ея огромное преимущество передъ другими факторами воспитанія. Весьма возможно, что нынѣшняя школа найдетъ эту задачу трудной, если не невыполнимой. Но вѣдь это только потому, что школа нашего

времени преслѣдуетъ почти исключительно учебныя цѣли, отодвигая на очень заднiй планъ цѣли воспитательныя. Намъ такая постановка вопроса не кажется правильной. Мы думаемъ, что послѣднiя цѣли заслуживаютъ не меньшаго вниманiя со стороны педагоговъ. Недостаточно научить ребенка грамотѣ и разнымъ наукамъ: надо еще воспитать его вкусы и привычки, надо помочь ему впослѣдствiи устроить свою жизнь по человѣчески и сознательно. Очень можетъ быть, что для этого потребуется болѣе усилiй со стороны педагоговъ и болѣе матерiальныхъ средствъ, но, мы увѣрены, найдется и то, и другое, разъ только школа сознаетъ свою великую задачу. Вообще мы увѣрены, что при всякихъ средствахъ школа можетъ преслѣдовать великую задачу воспитанiя вкусовъ и привычекъ дѣтей. Весь вопросъ, въ какой мѣрѣ будетъ достигаться цѣль? Что-бы ни сдѣлала школа въ этомъ направленiи, это будетъ несомнѣнное благо для ея питомцевъ.

Но, можетъ быть, скажутъ другiе, не потеряютъ-ли праздники всякую прелесть для дѣтей, разъ они сдѣлаются тенденцiозными, если будутъ преслѣдовать извѣстную цѣль? Не будутъ-ли они скучными? Мы думаемъ, что все зависитъ отъ искусства, таланта, психологическаго такта устроителей. Скученъ тенденцiозный романъ, когда тенденцiя навязывается читателю авторомъ и доказывается нарочно для него придуманными лицами и ихъ дѣйствiемъ. Но не таково впечатлѣнiе романа, также тенденцiознаго, въ которомъ тенденцiя не навязывается, а бьетъ живымъ ключемъ изъ правдивой передачи настоящихъ, невыдуманныхъ жизнесплетенiй. Рядомъ съ художественнымъ впечатлѣнiемъ вы получаете еще другое, не менѣе интензивное И художественная картина не становится хуже, если, служа чистому искусству, она передаетъ въ то-же время глубокую идею. То-же можно сказать и о школьныхъ праздникахъ. Устройте такъ, чтобы дѣти не чувствовали гнета вашей тенденцiи, чтобы она не мѣшала веселью, чтобы праздникъ оставался праздникомъ. А это, право, не трудно. Дѣтскiй возрастъ—самый счастливый возрастъ въ отношенiи удовольствiй. Во всякомъ не совсѣмъ искалѣченномъ ребенкѣ такъ много жизнерадостности, здоровой впечатлительности, такъ много готовности интересоваться всѣмъ новымъ, что сколько-нибудь выходитъ изъ ряда обыденной жизни. Надо только умѣло направить эту впечатлительность въ ту сторону, которая желательна, не стѣсняя свободы дѣтей въ предѣлахъ возможности. Если нѣкоторымъ изъ нашихъ учителей и учительницъ и не удастся устроить праздники, которые, не мѣшая веселью дѣтей, преслѣдовали-бы вышеуказанныя цѣли, то это лишь

потому, что у современныхъ педагоговъ нѣтъ для этого достаточной подготовки. Преслѣдуя почти исключительно образовательныя цѣли, школа остается на той-же почвѣ и въ своихъ требованіяхъ отъ учебнаго персонала. Учителя и учительницы превосходно знаютъ разные учебники и методики, тогда какъ знаніе педагогики и психологіи—случайное явленіе. Разъ школа рядомъ съ цѣлями образовательными задается и цѣлями воспитательными, педагогика и психологія займутъ очень видное мѣсто среди необходимыхъ для педагога знаній и много помогутъ послѣднему въ его столкновеніяхъ съ дѣтьми.

Перейдемъ теперь ко второму вопросу и посмотримъ, какіе школьные праздники и развлеченія могутъ служить вышеозначеннымъ цѣлямъ. Прежде всего, намъ кажется, слѣдуетъ рекомендовать школѣ семейно-школьные праздники, если можно такъ выразиться. Школа вѣдь та-же семья, только въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. При нормальныхъ условіяхъ между учителемъ или учительницей, съ одной стороны, и дѣтьми—съ другой, устанавливается чувство теплой, глубокой симпатіи. Для этого не нужно ни особыхъ стараній, ни самопожертвованій со стороны учащихъ; чувство это рождается само собою. Учащіе, если они не особенно черствые люди, не могутъ не полюбить дѣтей, какъ объектовъ любимаго дѣла. Вѣдь привязываешься даже къ цвѣтку, если о немъ много заботишься. А дѣти всегда очень чутки и отзывчивы ко всякому хорошему къ нимъ отношенію. Вотъ эта взаимная симпатія и можетъ послужить точкой отправленія для устройства семейно-школьныхъ праздниковъ, можетъ придать имъ естественный теплый характеръ, можетъ сдѣлать ихъ очень плодотворными

Что-же такое представляютъ изъ себя эти семейно-школьные праздники? Нѣсколько разъ въ году, въ большіе праздники или особые дни, какъ-то—день основанія училища и т. п., учительница приглашаетъ дѣтей къ себѣ въ гости. Тутъ открывается огромное поприще для всякаго рода весьма полезныхъ и здоровыхъ удовольствій. Можно устроить свѣтовыя картины, прочитать что-нибудь дѣтямъ, поговорить о прочитанномъ; можно заранѣе предложить дѣтямъ, кто хочетъ, приготовить сюрпризы въ родѣ декламацій стихотвореній, басенъ въ лицахъ. Пусть дѣти сами готовятся къ празднику, сами выбираютъ, сами разучиваютъ, какъ умѣютъ. Ученики старшаго отдѣленія могутъ приготовить интересные разсказы изъ прочитаннаго, что будетъ много содѣйствовать развитію любви къ чтенію. Конечно, все это должно занять не болѣе половины вечера, можетъ быть, даже менѣе; въ остальное время надо покормить дѣтей и предоставить имъ полную свободу веселиться, какъ они хотятъ. Тутъ могутъ быть и пѣніе, и танцы, и

всевозможныя игры. Подобные праздники будутъ развивать въ дѣтяхъ любовь къ чтенію, умѣнье проводить время въ обществѣ себѣ подобныхъ и отчасти эстетическія чувства. Называя эти праздники школьно-семейными, мы хотимъ подчеркнуть ихъ интимный характеръ. Мы, именно, думаемъ, что на такомъ праздникѣ могутъ присутствовать только дѣти и учитель или учительница. Конечно, мы не исключаемъ двухъ, трехъ близкихъ учительницѣ людей, необходимыхъ въ этомъ случаѣ помощниковъ, но настаиваемъ, чтобы тутъ не было зрителей: ни почетныхъ лицъ, ни благодѣтелей, ни постороннихъ. Пусть тутъ все дѣлается только для дѣтей, пусть они веселятся для себя, но не ломаются передъ посторонней публикой. Пусть любящее вниманіе учительницы все цѣликомъ сосредоточивается на дѣтяхъ, пусть и она, и дѣти чувствуютъ себя дома, въ своей средѣ, безъ постороннихъ взглядовъ. Вообще, чѣмъ проще, незамысловатѣе во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и угощенія, будетъ обстановка этихъ праздниковъ, тѣмъ они будутъ плодотворнѣе, тѣмъ больше мѣста будетъ отведено на нихъ духовнымъ радостямъ.

Къ семейно-школьнымъ праздникамъ можно отнести и рождественскую ёлку, только, конечно, не такую, какая теперь устраивается въ городскихъ и другихъ начальныхъ школахъ. Объ этой ёлкѣ мы скажемъ ниже, а теперь перейдемъ къ инымъ праздникамъ и развлеченіямъ, преслѣдующимъ вышеуказанныя цѣли.

Вкусъ къ изящному и живописи могутъ развить въ дѣтяхъ неоднократныя посѣщенія Эрмитажа и картинныхъ выставокъ, при нѣкоторыхъ объясненіяхъ ихъ со стороны учительницы. Для развитія музыкальнаго вкуса можно устраивать для дѣтей начальныхъ петербургскихъ школъ простенькіе доступные концерты, что въ Петербургѣ совсѣмъ не трудно. Два, три раза въ годъ объ этомъ могутъ позаботиться учрежденія, завѣдывающія школами; у нихъ найдется и даровое помѣщеніе для такихъ концертовъ, и средства, которыхъ понадобится навѣрно немного. Кромѣ того, и у учительницы навѣрно окажутся хорошіе знакомые, которые хоть изрѣдка согласятся позабавить ея учениковъ игрой на разныхъ инструментахъ, пѣніемъ, кто какъ можетъ. Устройство школьныхъ хоровъ служитъ той-же цѣли. Немаловажное воспитательное значеніе во многихъ отношеніяхъ имѣетъ посѣщеніе театра. Но тутъ надо сдѣлать большую оговорку. Театръ только тогда будетъ имѣть на дѣтей глубокое и желательное вліяніе, если его представленіе принаровлено къ дѣтскому пониманію. Въ противномъ случаѣ на дѣтей произведетъ впечатлѣніе только внѣшняя обстановка театра, а на этомъ впечатлѣніи и останавливаться

не стоитъ, такъ какъ оно болѣе или менѣе безразлично въ воспитательномъ отношеніи. Очень было-бы хорошо, если-бы дирекція нашихъ театровъ устраивала хоть нѣсколько разъ въ годъ спеціально дѣтскіе спектакли, имѣя въ виду именно контингентъ учащихся въ начальныхъ школахъ. Содержанія этихъ спектаклей, ихъ репертуара мы, конечно, не коснемся въ нашей замѣткѣ. Мы очень хорошо понимаемъ, что это вопросъ не маловажный, можетъ быть, даже и не легко разрѣшимый; но вѣдь и задача на столько почтенная, что оправдываетъ и большую затрату силъ для ея разрѣшенія.

Далѣе можно рекомендовать школѣ посѣщеніе всевозможныхъ музеевъ, каковы: кунсткамера, археологическій музей, музей горнаго института, музей Соляного городка. Неоднократное посѣщеніе этихъ музеевъ непремѣнно разовьетъ кругозоръ дѣтей и пріобщитъ ихъ къ массѣ новыхъ интересовъ. Но и относительно музеевъ необходимо сдѣлать оговорку въ родѣ той, какую мы сдѣлали относительно театра. Всѣ поименованные музеи устраивались не для дѣтей, а потому, конечно, не принаровлены къ ихъ возрасту. Относительно дѣтей они страдаютъ большой сложностью, не говоря уже о томъ, что многое въ нихъ недоступно какъ дѣтскому пониманію, такъ и дѣтскимъ интересамъ. Идеальные результаты получились-бы, конечно, отъ посѣщенія опять-таки дѣтскаго музея, въ которомъ коллекцій и предметовъ было-бы не такъ много, а главное, чтобы они были подобраны соотвѣтственно дѣтскому пониманію и согласно опредѣленнымъ цѣлямъ. О такомъ музеѣ въ настоящее время можно, конечно, только мечтать—ему еще не положено и начала, но все-таки, намъ думается, мечтать можно, потому что въ его идеѣ нѣтъ ничего неосуществимаго. А пока такого музея нѣтъ, надо пользоваться тѣмъ, что есть, но съ нѣкоторой осторожностью. Раньше, чѣмъ вести учениковъ въ музей, учительница должна сама хорошо ознакомиться съ его содержаніемъ; выяснивъ цѣль, для которой она поведетъ дѣтей, учительница должна составить впередъ планъ, на какіе именно предметы, доступные дѣтскому пониманію и служащіе ея цѣли, направитъ она дѣтское вниманіе. Конечно, вниманіе дѣтей будетъ разсѣяваться, будетъ скользить и по другимъ предметамъ, но все-таки подобная предусмотрительность поможетъ учительницѣ добиться той цѣли, чтобы дѣти вынесли изъ музея болѣе или менѣе опредѣленное и желательное впечатлѣніе.

Весьма еще полезное удовольствіе—посѣщеніе зоологическаго сада, но только не иначе, какъ утромъ или въ такіе дни, когда нѣтъ публики и представленій, потому что нравы нашего зоологическаго

сада никакъ ужъ нельзя причислить къ таковымъ, которые на дѣтей вліяютъ благотворно.

Ботаническій садъ весною самъ по себѣ, зимой своими оранжереями также даетъ возможность показать дѣтямъ много интереснаго и поучительнаго.

Остаются еще всевозможныя прогулки за городъ и пѣшкомъ, и по желѣзной дорогѣ, и на пароходѣ. Благотворное вліяніе этихъ прогулокъ просто неисчерпаемо: тутъ нѣтъ предѣла и веселью, и пользѣ. Очень живо и хорошо описываетъ дѣтскую радость авторъ вышеуказанной статьи. Искренно привѣтствуя эту радость, прибавимъ, что она несомнѣнно сопровождается огромной пользой. Дѣти становятся лицомъ къ лицу съ природой, знакомятся съ ея красотами, сближаются съ ней, и не въ одну дѣтскую душу западетъ свѣтлый лучъ непосредственнаго чистаго наслажденія. И, можетъ быть, когда-нибудь, когда дитя взрослымъ человѣкомъ войдетъ въ жизнь, этотъ лучъ вынырнетъ изъ потаеннаго уголка души, вспыхнетъ яркимъ пламенемъ и направитъ этого человѣка къ природѣ, вмѣсто кабака.

Да, мы глубоко убѣждены въ огромномъ воспитательномъ значеніи школьныхъ развлеченій и праздниковъ. Развивая въ дѣтяхъ извѣстные вкусы и благотворныя привычки, они кладутъ отпечатокъ на ихъ дальнѣйшую жизнь, на ихъ дальнѣйшее времяпрепровожденіе.

На сколько намъ кажется, мы перечислили всѣ праздники и развлеченія, доступныя школѣ и желательныя во всѣхъ отношеніяхъ. Еще разъ повторяемъ, мы не брали на себя смѣлость исчерпать этотъ вопросъ. Если что пропущено, если недоговорено или ошибочно, пусть выскажутся другіе, болѣе компетентные и вооруженные болѣе продолжительнымъ опытомъ, педагоги.

Посмотримъ, наконецъ, въ какой мѣрѣ служатъ вышеозначеннымъ цѣлямъ нынѣ устраиваемые праздники и развлеченія въ начальныхъ петербургскихъ школахъ. Всѣ эти развлеченія, кромѣ ёлки, перечислены авторомъ вышеозначенной статьи. Вотъ они: посѣщеніе цирка, театра, картинныхъ выставокъ, поѣздки въ Павловскъ весною.

Читатель видитъ, что между перечисленными удовольствіями есть и такія, которыя мы назвали желательными. Но намъ кажется, что они подобраны какъ-то случайно, что въ нихъ нѣтъ системы, нѣтъ опредѣленнаго характера. Какъ будто устроители этихъ праздниковъ заботятся только объ удовольствіи дѣтей, не задаваясь болѣе серьезными цѣлями. Въ подтвержденіе нашей мысли, достаточно указать на тотъ фактъ, что среди всѣхъ школьныхъ развлеченій первое, рѣзко выдающееся мѣсто занимаетъ рождественская ёлка. Изъ всѣхъ средствъ,

ассигнуемыхъ на школьные праздники учрежденіями и благотворителями, львиная доля, если не вся сумма цѣликомъ, истрачивается на ёлку. А сколько хлопотъ, сколько энергіи затрачиваютъ учителя и особенно учительницы на этотъ праздникъ! Весь декабрь мѣсяцъ онѣ суетятся, хлопочутъ, изыскиваютъ средства, ломаютъ голову, какъ-бы устроить что-либо новое, чѣмъ-нибудь небывалымъ потѣшить и дѣтей, и посѣтителей. Кому не приходилось бывать на ёлкѣ въ начальныхъ петербургскихъ школахъ, тотъ и понятія не имѣетъ, что она изъ себя представляетъ. Это уже не просто ёлка, а цѣлый сложный праздникъ, состоящій изъ нѣсколькихъ увеселительныхъ отдѣленій. Очень часто самая ёлка, т.-е. дерево, разукрашенное и освѣщенное, занимаетъ на этомъ праздникѣ чуть-ли не послѣднее мѣсто по силѣ впечатлѣнія. Тутъ, рядомъ съ ёлкой, вы увидите и фокусника, и ученый звѣринецъ, и свѣтовыя картины, и цѣлое театральное представленіе, и живыя картины съ бенгальскимъ освѣщеніемъ. И все это на глазахъ массы зрителей, такъ какъ ёлка считается неудавшейся, если на ней не присутствуетъ начальство, какъ-то: завѣдывающіе, эксперты, инспектора, попечители школъ, а также родные и знакомые учительницы. Для большей ясности мы позволимъ себѣ вкратцѣ описать двѣ ёлки, на которыхъ намъ удалось присутствовать. Ёлку зажгли, когда собрались всѣ дѣти и почетные посѣтители. Вся зала была ярко освѣщена и великолѣпно декорирована еловыми вѣтками. Въ углу, у камина, среди маленькихъ ёлокъ, стоялъ во весь человѣческій ростъ покрытый снѣгомъ дѣдъ — морозъ красный носъ. Пока горѣла ёлка дѣти плясали и пѣли подъ руководствомъ учителя пѣнія и при наблюденіи зрителей. Затѣмъ происходила раздача подарковъ, состоящихъ изъ всевозможныхъ игръ и игрушекъ; тутъ-же раздавались и гостинцы. Не успѣли еще дѣти насладиться тѣмъ и другимъ, ихъ уже заняли свѣтовыми картинами, которыя сопровождались соотвѣтствующимъ объясненіемъ. Наконецъ, всѣхъ пригласили въ другую комнату, гдѣ дѣти исполнили цѣлое театральное представленіе. При этомъ театральная обстановка была сохранена вполнѣ: и стулья для зрителей, и подмостки, и занавѣсъ, и подходящіе костюмы. Даже раздавались аплодисменты.

А вотъ другая ёлка, хотя не менѣе сложная, но иного рода. Тутъ ёлку сопровождали только свѣтовыя картины, за-то подарки раздавались въ четырехъ видахъ. Одно лицо изъ почетныхъ посѣтителей раздавало игрушки; у другого дѣти получали куски матеріи: мальчики на рубашки, дѣвочки на кофточки; за третьимъ столомъ дѣтямъ давали книжки и гостинцы; наконецъ, у четвертаго лица они брали ло-

терейные билеты, по которымъ получали разныя мелкія вещи. Мы даемъ очень блѣдное описаніе этихъ ёлокъ, такъ какъ наша цѣль не нарисовать картину, а только дать понятіе о сложности праздника—ёлка. Только что описанныя ёлки—не исключеніе. Мы увѣрены, что многія изъ нихъ еще вычурнѣе и сложнѣе. Мы достовѣрно знаемъ, что въ двухъ школахъ на ёлкѣ давали что-то въ родѣ оперы, въ одной «Снѣгурочку», въ другой «Жизнь за Царя». Что представляютъ изъ себя эти оперы, какое отдаленное родство имѣютъ онѣ съ настоящими операми—этого, именно, не умѣемъ сказать—мы на нихъ не присутствовали. Передаемъ лишь какъ несомнѣнный фактъ, свидѣтельствующій, до какой вычурности и замысловатости доходитъ праздникъ ёлка. Средства на эти ёлки затрачиваются очень большія; во всякомъ случаѣ не меньше рубля на человѣка, а очень часто и больше. Отъ 70-ти рублей до 100—весьма обыкновенная трата на ёлку для школы, состоящей изъ 50-ти учениковъ. Деньги даютъ, во-первыхъ, учреждеденія, которымъ школы подвѣдомственны; во-вторыхъ, попечители школъ; въ-третьихъ, приплачиваютъ учительницы изъ собственныхъ средствъ и средствъ своихъ близкихъ. При столкновеніи съ подобной ёлкой у свѣжаго человѣка прежде всего рождается вопросъ: изъ за чего предпринимается вся эта кутерьма, стоющая столько денегъ, требующая такой затраты силъ и энергіи со стороны учительницы? Говорятъ—ради удовольствія дѣтей. Да неужели-же надо столько искусственности, столько усложненій, чтобы доставить удовольствіе дѣтямъ? Мы увѣрены, что нѣтъ. Дѣтскій возрастъ тѣмъ и хорошъ, что объ его удовольствіяхъ не приходится много заботиться со стороны количества и разнообразія. У нихъ такъ много фантазіи, воображенія, въ нихъ такъ великъ источникъ непосредственной радости. И, намъ думается, школа должна поддерживать этотъ источникъ, а не калѣчить его. Съ годами онъ и такъ мало-по-малу истощается; взрослаго человѣка уже далеко не все веселитъ, ему нужны все болѣе и болѣе сложныя развлеченія. Намъ положительно кажется, что жаль средствъ, затрачиваемыхъ на подобную ёлку. На тѣ-же деньги можно было-бы устроить и простенькую ёлку, и еще нѣсколько семейно-школьныхъ праздниковъ вышеуказаннаго характера. Но этого мало. Нельзя въ порицаніи подобной ёлки остановиться только на хозяйственной сторонѣ дѣла: мы думаемъ, что она грѣшитъ еще и съ психологической и съ нравственной точекъ зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, полезно-ли давать дѣтямъ столько впечатлѣній заразъ? Въ состояніи-ли они воспринять ихъ какъ слѣдуетъ? Намъ скажутъ: «достаточно видѣть эти сіяющія радостью лица, и т. д. и

т. д.». Мы не сомнѣваемся, что у большинства дѣтей на ёлкѣ лица радостныя. Но что-жъ изъ этого? Развѣ этимъ все сказано? Представьте себѣ, что скорый поѣздъ желѣзной дороги мчитъ васъ по Швейцаріи. Передъ вами, какъ въ калейдоскопѣ, проносится цѣлый рядъ чудныхъ картинъ швейцарской природы. Вы съ удовольствіемъ, не отрываясь, смотрите въ окно вагона. Но развѣ получаемыя такимъ образомъ впечатлѣнія могутъ сравниться съ тѣми, которыя западаютъ въ вашу душу, когда вы спокойно и подолгу любуетесь тѣми-же видами? Первыя впечатлѣнія поверхностны, не глубоки. Вы дѣйствительно и все время испытываете удовольствіе, но оно и кончается съ окончаніемъ поѣздки. Мало того, когда впечатлѣнія прекратились, вы чувствуете нѣкоторую усталость, даже неудовлетворенность. Вторыя-же запечатлѣваются въ душѣ такъ глубоко, что пройдутъ многіе годы, и вы можете вызвать эти впечатлѣнія. И вотъ, мы думаемъ, что дѣтей на вышеописанной ёлкѣ можно уподобить путешественнику по желѣзной дорогѣ. Они получаютъ много разныхъ впечатлѣній, всѣ воспринимаютъ съ удовольствіемъ, но удовольствіе это не глубокое; впечатлѣнія скользятъ по поверхности души, не оставляя на ней глубокихъ слѣдовъ, не зароняя чистой, свѣтлой, ясной радости, которая разъ западетъ въ душу, живетъ въ ней долго и дѣйствуетъ всегда благотворно. Какъ-же это, возразятъ намъ,— вѣдь дѣти ждутъ ёлки съ нетерпѣніемъ, по ёлкамъ ведутъ свое лѣтосчисленіе?.. Что-жъ тутъ удивительнаго? Многолѣтній опытъ убѣдилъ и дѣтей, и ихъ родителей, что на ёлкѣ они получаютъ гостинцы и подарки. Вотъ чего ждутъ они отъ ёлки до ёлки, а если помимо этого и помнятъ что-нибудь, такъ только блескъ и внѣшнюю обстановку. Тихой, глубокой радости нѣтъ мѣста среди этихъ воспоминаній. Подарки ёлочные уже не сюрпризъ для дѣтей, они ждутъ ихъ, какъ чего-то должнаго, неизбѣжнаго. Вѣдь и домашняя прислуга, и дворники, и почтальоны, и еще многіе другіе ждутъ подарковъ къ праздникамъ. А попробуйте не дать имъ этихъ подарковъ,—вѣдь, пожалуй, въ Петербургѣ вспыхнетъ цѣлая революція. Почти также и дѣти начальныхъ петербургскихъ школъ ждутъ ёлочныхъ подарковъ.

Дурное нравственное вліяніе производитъ ёлка на дѣтей прежде всего тѣми-же подарками. Намъ самимъ приходилось видѣть, какъ дѣти, получивъ подарокъ, выбѣгали въ переднюю, гдѣ толпились ихъ родители, и тутъ шли пересуды и замѣчанія подобнаго рода: «ну, ужъ и подарокъ! Да у него лучше, чѣмъ у тебя! Отчего-же тебѣ не дали такого? Поди, попроси перемѣнить!» Намъ разсказывали, что въ одной школѣ произошелъ слѣдующій случай. Одному мальчику изъ

средняго или старшаго отдѣленія подарили красивую тетрадку. Мальчикъ этотъ, получившій въ прошломъ году хорошую игрушку и ожидавшій и въ нынѣшнемъ году чего-нибудь въ томъ-же родѣ, разсердился и тутъ-же, на глазахъ учительницы, разорвалъ тетрадку. Мы не были очевидцами этого случая, и потому не ручаемся за него, но считаемъ вполнѣ возможнымъ, если принять во вниманіе, что дѣти привыкли къ подаркамъ и принимаютъ ихъ какъ должное. Кромѣ того, трудно сдѣлать эти подарки болѣе или менѣе одинаковыми, трудно удовлетворить одинаково всѣхъ дѣтей. Открывается поэтому огромное поле для зависти, личныхъ столкновеній, для обвиненія учительницы въ пристрастіи.

Вторая сторона теперешней ёлки, дурно вліяющая въ нравственномъ отношеніи на дѣтей, это зрители и посѣтители. Какъ ни какъ, дѣти и поютъ, и пляшутъ, и даютъ представленіе не только для себя, но и для нихъ. Дѣти чувствуютъ, знаютъ, что на нихъ смотрятъ, они ждутъ одобренія, а все это развиваетъ тщеславіе и нездоровое самолюбіе. Да и задолго до ёлки, во время приготовленій, дѣти не могутъ не чувствовать, что о внѣшней обстановкѣ учительница хлопочетъ не только для нихъ, но, пожалуй, даже въ большей степени, для этихъ посѣтителей. Если-бы она заботилась только о дѣтяхъ, она навѣрно выбрала-бы такія забавы и игры, въ которыхъ могутъ принимать участіе болѣе или менѣе всѣ дѣти. Имѣя-же въ виду посѣтителей, учительница дѣлаетъ выборъ волей-неволей. Идутъ въ дѣло болѣе ловкіе, болѣе способные, а изъ дѣвочекъ, пожалуй, даже болѣе красивыя. А такое выдѣленіе изъ общей среды никакъ нельзя назвать желательнымъ, такъ какъ оно имѣетъ дурное нравственное вліяніе на дѣтей, развивая въ выдѣляемыхъ самомнѣніе, вредный апломбъ. Кромѣ того, оно и несправедливо. Жизнь и такъ впослѣдствіи сдѣлаетъ строгій выборъ и воздастъ каждому не только по заслугамъ и способностямъ, но также по ловкости и даже по наружности. Пусть-же школа будетъ милостивѣе, пусть она, по возможности, одинаково веселитъ и ласкаетъ своихъ питомцевъ... Итакъ, по нашему мнѣнію, ёлка, какъ она теперь устраивается въ начальныхъ петербургскихъ школахъ, не выдерживаетъ критики, какъ съ хозяйственной, такъ и съ психологической и нравственной точки зрѣнія.

Вообще мы не противъ ёлки, лишь-бы она сохранила характеръ интимнаго семейно-школьнаго праздника. Подражая семейному обычаю зажигать ёлку на Рождествѣ, школа также приглашаетъ своихъ дѣтей на ёлку. Послѣдняя должна быть простенькая, безъ всякихъ осложненій и безъ всякихъ посѣтителей. Такая ёлка и дешевле, и

учительница имѣетъ болѣе возможности сосредоточить свое любящее вниманіе на дѣтяхъ, и дѣти вынесутъ отъ такой ёлки навѣрно болѣе теплое и глубокое впечатлѣніе. Мы допускаемъ даже подарки, но также съ ограниченіемъ. Намъ кажется, что подарки не должны быть личными, а школьными. Напримѣръ, можно подарить дѣтямъ качели, гимнастику, разныя игры, которыми дѣти могутъ заниматься во время рекреаціи. Не имѣя личнаго характера, такіе подарки освобождаются отъ вышеуказанныхъ отрицательныхъ сторонъ и, кромѣ того, они доставятъ дѣтямъ въ суммѣ много пріятныхъ минутъ,—пожалуй, не меньше, чѣмъ подарки личные. Изъ личныхъ подарковъ, намъ думается, вполнѣ можно допустить книги. Во-первыхъ, ихъ однообразіе и назначеніе устраняетъ вышеуказанные недостатки подарковъ; во-вторыхъ, подарки-книги могутъ имѣть нѣкоторое нравственное вліяніе. За свое пребываніе въ школѣ ученикъ получитъ три, четыре книги съ соотвѣтствующей надписью, и эти книги могутъ у него остаться навсегда и послужить какъ воспоминаніемъ о школѣ, такъ и связью съ ней. Игрушка сломается, рубашка износится, а книга болѣе другихъ подарковъ имѣетъ шансы на продолжительное существованіе.

Весьма возможно, что предполагаемая нами ёлка въ настоящее время не удовлетворила-бы школьниковъ и школьницъ начальныхъ петербургскихъ училищъ, но изъ этого только и слѣдовало-бы, что они уже испорчены сложностью и искусственностью нынѣ устраиваемой ёлки. Вѣдь и Тургеневъ, и Толстой покажутся скучными юношѣ, выросшему исключительно на чтеніи романовъ Майнъ-Рида и Густава Эмара. Пройдутъ два, три года, измѣнится контингентъ учащихся, старая ёлка забудется, а новая будетъ достигать своей цѣли.

Вотъ то немногое, что намъ хотѣлось сказать по поводу школьныхъ праздниковъ и развлеченій вообще и по поводу ёлки, устраиваемой въ настоящее время въ петербургскихъ начальныхъ школахъ, въ частности.

Окончимъ нашу замѣтку пожеланіемъ, чтобы, учрежденія, завѣдывающія школами, и благотворители, разъ уже они жертвуютъ средства на школьные праздники, отнеслись къ нимъ внимательнѣе и серьезнѣе. Намъ кажется, что слѣдовало-бы выработать опредѣленную программу этихъ праздниковъ и ежегодно ей слѣдовать. Нечего бояться однообразія; скажемъ болѣе, однообразіе въ этомъ случаѣ имѣетъ даже хорошую сторону, а именно укрѣпляетъ въ дѣтяхъ опредѣленные вкусы и привычки.

М. Страхова.

Техническое образованіе для взрослыхъ рабочихъ и вечернія школы для нихъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

Школы или курсы для рабочихъ необходимы даже въ томъ случаѣ, когда начальная грамотность уже сдѣлалась общимъ достояніемъ всего населенія государства, какъ это мы видимъ на примѣрѣ западно-европейскихъ странъ. Тѣмъ болѣе необходимы такія школы тамъ, гдѣ грамотный рабочій является лишь пріятнымъ исключеніемъ въ средѣ, почти поголовно безграмотной. Соотвѣтственно такому печальному положенію дѣла у насъ, особенно двадцать лѣтъ тому назадъ, Постоянная коммиссія по техническому образованію, состоящая при И. Р. Техническомъ Обществѣ, устраивая вечернія школы для рабочихъ въ Петербургѣ, была вынуждена сдѣлать курсъ этихъ школъ не только спеціальнымъ, но и общеобразовательнымъ, т.-е. попросту научить поступающихъ въ школы рабочихъ сперва грамотѣ, а затѣмъ уже переводить ихъ въ спеціальные классы. Такъ какъ двадцатилѣтняя дѣятельность въ этомъ направленіи Постоянной коммиссіи имѣетъ поучительное значеніе не для одного Петербурга, но и для множества другихъ мѣстностей, въ которыхъ развита заводско-фабричная промышленность, то мы считаемъ небезполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ данными относительно вечернихъ школъ для рабочихъ Петербурга, пользуясь для этого статьею о нихъ г. В. Михайлова, инспектора училищъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, помѣщенною въ № 1-мъ «Техническаго Образованія» за текущій годъ.

Преподаваніе въ школахъ производится ежедневно, кромѣ субботы, отъ 8 до 10 часовъ вечера, и по воскреснымъ днямъ послѣ ранней обѣдни по слѣдующему плану:

	Классы общіе.		Классы спеціальные.	
	I.	II.	III.	IV.
Законъ Божій	2	2	2	2
Русскій языкъ	5	5	2	1

	Классы общіе. I.	II.	Классы спеціальные. III.	IV.
Исторія и географія	—	—	—	1
Ариѳметика	4	4	2	1
Геометрія	—	—	3	1
Физика	—	—	2	2
Механика	—	—	—	2
Химія	—	—	—	2
Рисованіе, черченіе	2	2	2	2
Пѣніе	1	1	1	1
	14	14	14	15

Курсы общеобразовательныхъ предметовъ не должны быть ниже: для общаго отдѣла—установленныхъ въ одноклассныхъ, а для спеціальнаго отдѣла—въ двухклассныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спеціальные классы, по замѣчанію г. Михайлова, «правильно стали слагаться только 10 лѣтъ тому назадъ, а въ нѣкоторыхъ школахъ и до сихъ поръ не могутъ сложиться послѣдовательно изъ года въ годъ и случайно устраиваются по временамъ» (стр. 55). «Большинство, конечно, добившись грамоты, обучившись письму, и не рѣшалось идти далѣе». «Условія, при которыхъ рабочему приходится посѣщать школу, до того обременительны, что нельзя безъ особаго уваженія относиться къ тѣмъ изъ этихъ людей, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергаютъ себя этому добровольному игу, ища знаній, отъ которыхъ матеріальное ихъ благосостояніе если и находится въ зависимости, то въ далекомъ будущемъ. Имъ приходится дѣлать почти сверхсильное напряженіе, чтобы послѣ 10—12-часоваго физическаго труда, чуть-что не въ ночное время, прямо отъ работы, придя въ школу, быть въ состояніи понимать то, что преподается и для усвоенія чего посредствомъ внѣклассныхъ упражненій у нихъ нѣтъ времени». Всѣ знанія учащихся получаются ими на урокахъ и съ большимъ трудомъ, иными въ пять лѣтъ вмѣсто четырехъ. «Пять лѣтъ ученія,—справедливо говоритъ г. Михайловъ,—при обыкновенныхъ условіяхъ время большое, а при такихъ исключительныхъ—это подвигъ. И такихъ подвижниковъ было-бы значительно больше и въ Петербургѣ, если-бы матеріальныя средства давали возможность открыть подобныя школы во всѣхъ частяхъ, густо населенныхъ рабочими. Ясно, что, по пути этого подвига, возвышается съ каждымъ годомъ и нравственный обликъ рабочаго и улучшается его отношеніе къ труду и жизни. Онъ становится серьезнѣе и ко всѣмъ явленіямъ относится осмысленно, сдержанно и спокойно» (ib.) «Изъ исторіи развитія вечернихъ школъ для рабочихъ видно,—

говоритъ г. Михайловъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи,—что преуспѣяніе ихъ находится въ прямой зависимости отъ степени искренности отношенія къ ихъ успѣхамъ тѣхъ заводскихъ учрежденій, которыхъ рабочимъ онѣ служатъ, и что тѣ заводскія учрежденія, которыя первыми откликнулись на призывъ къ содѣйствію школамъ и которыя остались вѣрными участниками въ ихъ поддержаніи, уже пользуются въ настоящее время реальными плодами своего просвѣщенно разумнаго отношенія къ вопросу: эти учрежденія обязаны школамъ достаточнымъ количествомъ развитыхъ, нравственныхъ и благодарныхъ людей между своими рабочими, которые не только сами много полезнѣе другихъ, но и благотворно вліяютъ на среду. Теперь каждаго изъ вновь вступающихъ учредителей можно привести въ любую вечернюю школу для рабочихъ, и онъ во-очію убѣдится, какая живая и плодотворная работа идетъ въ этихъ учрежденіяхъ, не всегда хорошо обставленныхъ, но хорошо, искренно и честно трудящихся на будущую пользу отечественной промышленности» (стр. 59).

Но если стремленіе взрослыхъ рабочихъ къ пріобрѣтенію знаній, какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ, несомнѣнно, то изъ статьи г. Михайлова несомнѣнно также слѣдуетъ заключить, что у нашей столичной такъ-называемой интеллигенціи почти вовсе нѣтъ желанія идти на встрѣчу такому отрадному стремленію народа и что почтенная дѣятельность въ этомъ направленіи Постоянной коммиссіи Техническаго Общества находится въ положеніи почти совершенно изолированномъ. Такъ, напримѣръ, состоящій при Вольномъ Экономическомъ Обществѣ Комитетъ грамотноoти, хотя и называется петербургскимъ, но въ дѣйствительности никакого участія въ дѣлѣ распространенія грамотности въ Петербургѣ не принимаетъ, никакихъ курсовъ, ни одной школы не только для взрослыхъ, но даже и для малолѣтнихъ не содержитъ. Изъ отчета думской коммиссіи по народному образованію *) за 1892 годъ видно, что городъ, содержа всего 291 начальное училище, съ 14.403 учащимися (7.954 м. и 6.449 д.), вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ только *12* воскресныхъ школъ съ 34 учащими и всего на всего съ 612 учащимися (по 50 на школу, 18 учениковъ на одного учащаго), изъ которыхъ огромное большинство, конечно, малолѣтніе. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ распространенія не только спеціальнаго, но даже и общаго образованія въ средѣ взрослаго населенія столицы думская коммиссія дѣлаетъ несравненно меньше нежели Постоянная коммиссія, дающая въ своихъ 10 шко-

*) См. № 6.134, отъ 27-го марта, «Новаго Времени».

лахъ общее и спеціальное образованіе около 1.000 человѣкамъ взрослыхъ рабочихъ. Изъ богатыхъ столичныхъ церковныхъ приходовъ нѣкоторые, весьма, впрочемъ, относительно немногіе, ведутъ внѣбогослужебныя бесѣды для народа, но совершенно не заботятся, имѣя богатыя для того средства. о просвѣщеніи этого народа свѣтомъ грамоты, путемъ воскресныхъ и вечернихъ школъ для взрослаго неграмотнаго населенія, дабы такимъ образомъ сдѣлать его болѣе способнымъ къ воспринятію хотя-бы тѣхъ-же религіозно-нравственныхъ наставленій съ церковной каѳедры, къ слушанію внѣбогослужебныхъ бесѣдъ. Наконецъ, изъ детальнаго описанія каждой изъ десяти школъ Постоянной коммиссіи видно, что главными пособниками ея въ дѣлѣ устройства и содержанія вечернихъ школъ, сверхъ пособій отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, являются различныя *правительственныя-же* учрежденія и только двѣ-три школы содержатся при участіи фабрикантовъ, да и то преимущественно изъ иностранцевъ *). Тѣмъ большей благодарности заслуживаетъ По-

---

*) 1) Выборгская школа пользуется даровымъ помѣщеніемъ отъ снаряжательнаго отдѣла патроннаго завода; главныя средства на ея содержаніе получаются отъ артиллерійскаго вѣдомства (стр. 59—60); 2) 1-я Нарвская школа «получаетъ едва-ли не самую существенную долю» изъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ (стр. 60); 3) 1-я Василеостровская школа имѣетъ «при трубочномъ отдѣлѣ (Спб. патроннаго завода) особое образцовое помѣщеніе» и отъ 80 до 100 учениковъ, которымъ заводъ сокращаетъ работу до восьми часовъ въ сутки, дабы они могли съ большимъ успѣхомъ посѣщать школу (стр. 62); 4) 2-я Василеостровская школа пользовалась безплатнымъ помѣщеніемъ морского вѣдомства, нынѣ ее «поддерживаетъ внимательное отношеніе къ ней Балтійскаго завода, отъ котораго она получаетъ и большую часть средствъ и бо̀льшее количество учениковъ» (стр. 63); 5) Литейная школа пользуется помѣщеніемъ гильзоваго отдѣла патроннаго завода (стр. 64); 6) Фарфоровскіе спеціальные классы—открыты и содержатся попечительствомъ Императорскаго фарфороваго завода (68 стр.); 7) Путиловская школа—содержится на средства завода (стр. 68); 8) Никольская школа—обучала рабочихъ мануфактуры Чешера, Гука и Пельтцера, которые и снабжали ее средствами (стр. 65); 9) Нарвская 2-я—на средства заводовъ Шотлендера, Гейзе и Кенига; наконецъ, 10) Братская школа, получая незначительное (500 р.) пособіе отъ фабрикантовъ, существуетъ, главнымъ образомъ благодаря безплатному труду преподающихъ въ ней; 11-я школа коммиссіи находится въ Ревелѣ,—это единственная иногородная школа. Всѣ эти данныя весьма характерны, поэтому нельзя не сочувствовать слѣдующимъ заключительнымъ словамъ статьи г. Михайлова: «Говоря подъ конецъ о Братской школѣ, остается пожелать, чтобы братскимъ было единеніе трудящихся въ этихъ школахъ людей и *чтобы братскимъ участіемъ откликались*, для возрожденія и распространенія вечернихъ школъ для рабочихъ, *тѣ лица, которыя пользуются силами рабочаго, и чтобы въ средѣ этихъ лицъ встрѣчалось все болѣе и болѣе русскихъ именъ*» (стр. 70).

стоянная коммиссія, трудящаяся, среди такого равнодушія со стороны петербургской интеллигенціи, на пользу просвѣщенія народа и улучшенія отечественной заводско-фабричной производительности.

Приблизительная затрата на ученика наиболѣе нормальной изъ школъ равняется около 30 р. въ годъ, а весь бюджетъ такой школы, при безплатномъ помѣщеніи, до трехъ тысячъ въ годъ. Но школъ съ безплатнымъ помѣщеніемъ нынѣ всего *четыре*. Обыкновенная поурочная плата полагается: преподавателямъ общеобразовательныхъ предметовъ 1 р. 50 к., а спеціальныхъ по 2 р. Число учащихся въ послѣднее время доходитъ до 1.000, что, по замѣчанію г. Михайлова, составляетъ, «конечно, весьма незначительный процентъ изъ общаго числа рабочихъ Петербурга и его окрестностей» (стр. 55). Дабы сами рабочіе болѣе дорожили школою и сознательно относились къ пользѣ, приносимой ею, и такъ какъ замѣчено, что аккуратно вносящіе плату аккуратнѣе посѣщаютъ и классы, то поэтому коммиссія старается возможно правильнѣе получать установленную плату:—съ тѣхъ рабочихъ, которыхъ заводскія и фабричныя управленія участвуютъ въ содержаніи школы по 30 к., а съ постороннихъ по 50 к. въ мѣсяцъ.

Уставъ вечернихъ школъ Техническаго Общества утвержденъ въ 1882 г., и съ этого времени, т.-е. въ теченіе 10 лѣтъ, онѣ выпустили болѣе 500 чел. со свидѣтельствами на льготу по IV разряду по отбыванію воинской повинности и болѣе 100 чел. со льготою по III разряду. Такимъ образомъ, въ спеціальныхъ классахъ (съ льготою III разряда) окончило въ *пять* разъ менѣе, нежели въ классахъ общихъ, соотвѣтствующихъ обыкновенной начальной школѣ. Число учащихся, выбывающихъ до окончанія курса въ двухъ первыхъ, общихъ, классахъ, весьма значительно: къ концу учебнаго года, въ апрѣлѣ, число посѣщающихъ школу уменьшается до половины числа учащихся, записавшихся въ первый мѣсяцъ ученія. Въ сентябрѣ 1891 г. учащихся было 943, въ январѣ 683, а въ апрѣлѣ всего 486. Но многіе изъ выбывающихъ до окончанія курса все-таки выносятъ умѣнье хотя-бы читать и писать, и такимъ образомъ вечернія школы оказываютъ и для нихъ своего рода пользу.

Если учащимся трудно заниматься въ вечерней школѣ послѣ тяжелаго дневного труда, то и учителямъ не менѣе трудно заниматься съ такими уже утомленными учениками. Г. Михайловъ приводитъ отрывокъ изъ письма одного учившагося, въ которомъ тотъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ причину, почему былъ вынужденъ оставить школу. «Сидишь,— пишетъ рабочій,—слышишь звуки голоса учи-

теля, и кажется тебѣ, что ты понимаешь, а на другой день ничего не помнишь, и шумъ машинъ не даетъ тебѣ даже подумать. Такъ ходилъ я годъ цѣлый и больше не могу» (стр. 58). Нерѣдко въ школу приходится бѣжать издалека, сряду по окончаніи работы, и все-таки опаздывать. Иные рабочіе отказываются отъ дополнительной работы, за особую плату, на фабрикахъ, лишь-бы имѣть возможность посѣщать школу. Есть школы, пользующіеся особымъ довѣріемъ рабочихъ, и чтобы попасть въ такую школу, они стараются найти себѣ работу на фабрикѣ или заводѣ того района, въ которомъ она находится. Въ одной школѣ учащіеся одного изъ классовъ, сознавая, что пройденный курсъ усвоенъ ими плохо, сами просили оставить еще на годъ, для повторенія курса, но все-таки произвести имъ экзаменъ, дабы они могли провѣрить самихъ себя. Въ другой школѣ, окончившіе полный курсъ ея и получившіе льготу III разряда просили, не найдетъ-ли школа возможнымъ открыть какіе-либо курсы, которые они могли-бы посѣщать. Къ школѣ учащагося привязываетъ только сознаніе, что онъ дѣйствительно пріобрѣтаетъ въ ней свѣдѣнія. «Въ этихъ школахъ просто отбывать уроки или каѳедрально относиться къ преподаванію нельзя: здѣсь сами ученики контролируютъ преподавателя, и у неумѣлаго или неискренно относящагося къ дѣлу учителя аудиторія быстро рѣдѣетъ. Лекцій рабочій человѣкъ не любитъ: ему нужна самодѣятельность въ школѣ, чувство личнаго участія въ дѣлѣ, проба собственныхъ посильныхъ рѣшеній, причемъ ему отрадно преодолѣть кажущееся затрудненіе, а повтореніе его удовлетворяетъ и даже доставляетъ удовольствіе только тогда, когда оно въ связи съ чѣмъ-либо новымъ» (стр. 57). Со стороны человѣка, опытнаго въ дѣлѣ профессіональнаго обученія, это весьма важныя указанія, могущія послужить руководящею нитью для лицъ, которыя пожелали-бы принять участіе въ устройствѣ и веденіи вечернихъ школъ для взрослыхъ рабочихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ потребность въ таковыхъ школахъ ощущается, а ощущается она въ Россіи, конечно, вездѣ, гдѣ только есть фабрики и заводы и вообще какая-бы то ни была обрабатывающая промышленность.

Десять петербургскихъ вечернихъ школъ для рабочихъ, устроенныхъ Постоянною, состоящею при Имп. Русск. Техническомъ Обществѣ, коммиссіею по техническому образованію, расположены въ слѣдующихъ частяхъ столицы и ея окраинъ: 2 школы въ Нарвской части и 1 за Нарвской заставой — при Путиловскомъ заводѣ, 2 на Васильевскомъ островѣ — въ Гавани и на Голодаѣ, 2 на Выборгской сторонѣ — въ Снаряжательномъ отдѣлѣ патроннаго завода и по Боль-

шой Невкѣ, противъ Аптекарскаго острова, близъ Никольской церкви, 1 по Литейной, противъ Окружного суда, въ Гильзовомъ отдѣлѣ патроннаго завода, 1 по Глазовой улицѣ, въ районѣ Обводнаго канала, и 1 по Шлиссельбургскому шоссе, противъ Фарфороваго завода.

Изъ этого расположенія школъ видно, что фабрично-заводскіе районы Петербургской стороны, Охтенской части, гдѣ имѣется значительное кустарное производство мебели, части, Александроневской и районъ, расположенный около Московской заставы, вечернихъ школъ для рабочихъ еще не имѣютъ. Такимъ образомъ, Постоянной коммиссіи предстоитъ не мало почтеннаго труда въ Петербургѣ, и притомъ не только по изысканію средствъ и устройству новыхъ школъ, но также и относительно улучшенія существующихъ школъ. Изъ статьи почтеннаго автора, завѣдывающаго школами, видно, что онъ, къ чести его, не считаетъ организацію существующихъ школъ вполнѣ законченною, не требующею никакихъ поправокъ и измѣненій. Симпатичное признаніе въ этомъ смыслѣ мы находимъ въ томъ мѣстѣ его статьи, гдѣ говорится о Фарфоровскихъ спеціальныхъ классахъ. По его словамъ (стр. 68—69), «классы эти выдѣляются только тѣмъ, что они ведутся безплатно, кромѣ законоучителя, тремя преподавателями и четырьмя учительницами, а преподаваніе ариѳметики и геометріи находится въ рукахъ выдающагося по таланту и исключительно усердно преданнаго дѣлу опытнаго и знающаго педагога. Но посвятившія себя этому почтенному труду лица *внесутъ не мало обновленія въ жизнь этихъ хорошихъ учрежденій.* Это свѣжія, необыденно искреннія силы, *которымъ вновь виднѣе тѣ недочеты и пробѣлы въ программахъ, съ какими сжились до нѣкоторой степени люди, выносившіе это дѣло на своихъ плечахъ.* И въ этомъ будетъ настоящая заслуга этихъ достойныхъ уваженія лицъ. *Ихъ труды должны послужить къ изданію пробныхъ, отвѣчающихъ вопіющей потребности особыхъ учебниковъ, приспособленныхъ къ вечернимъ школамъ для рабочихъ.* Съ помощью этихъ новыхъ силъ *выяснится жизненное качество тѣхъ знаній, которыми школа надѣляетъ учащихся*, установятся болѣе точныя рамки того, *что*, при обозначившихся условіяхъ этихъ школъ, *необходимо и возможно дать людямъ, которые съ такимъ довѣріемъ приходятъ искать свѣта*, нагнетая къ числу трудовыхъ безсмѣнно сѣрыхъ часовъ своего существованія, новыхъ два, чуть не ночныхъ, для умственной едва посильной работы». О нѣкоторыхъ желательныхъ, по нашему мнѣнію, измѣненіяхъ въ устройствѣ вечернихъ школъ Общества мы и намѣрены поговорить въ настоящей замѣткѣ.

Въ настоящее время, по заявленію г. Михайлова (стр. 56), какъ

этого и слѣдовало ожидать, между фабричными рабочими начинаетъ все болѣе и болѣе появляться такихъ, которые уже прошли курсъ начальной школы или вообще обладаютъ начальною грамотностью. Г. Михайловъ говоритъ, что для тѣхъ изъ этихъ рабочихъ, которые пожелали-бы посѣщать вечерніе классы Постоянной коммиссіи, слѣдовало-бы курсъ III-го (т.-е. 1-го спеціальнаго) класса растянуть на *два* года (стр. 56). По нашему мнѣнію, было-бы правильнѣе, какъ это принято во всѣхъ такъ-называемыхъ дополнительныхъ школахъ (Fortbildungsschulen), устраивать для грамотныхъ отдѣльный, въ данномъ случаѣ — однолѣтній, повторительный классъ, въ которомъ они моглибы укрѣпить и отчасти пополнить свѣдѣнія, разъ уже пріобрѣтенныя ими въ начальной школѣ, а затѣмъ уже перейти къ занятіямъ въ I-мъ (по номенклатурѣ Постоянной коммиссіи въ III-мъ) спеціальномъ классѣ. Но собственно мы хотѣли сказать, что во всякомъ случаѣ этотъ контингентъ грамотныхъ рабочихъ, долженствующій съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возростать, является для коммиссіи уже большимъ облегченіемъ, ибо даетъ ей бо̀льшую возможность сосредоточиться на прямой, спеціальной задачѣ своихъ вечернихъ школъ. Эти послѣднія могутъ въ такомъ случаѣ ограничиться, согласно уставу, сообщеніемъ учащимся, съ одной стороны, общеобразовательныхъ свѣдѣній, требуемыхъ курсомъ двухклассныхъ училищъ, дающихъ льготу III-го разряда по отбыванію воинской повинности, а съ другой и главнымъ образомъ—свѣдѣній по образованію техническому. Постоянная коммиссія могла-бы, намъ думается, еще болѣе облегчить а вмѣстѣ съ тѣмъ и расширить свою задачу, т.-е. открыть нѣсколько новыхъ вечернихъ школъ для техническаго образованія взрослыхъ въ тѣхъ фабрично-заводскихъ районахъ столицы, которые въ этомъ наиболѣе нуждаются, если-бы она совершенно отстранила отъ себя непосредственную заботу о научені рабочихъ простой грамотности. Она могла-бы закрыть два первыхъ общихъ класса своихъ вечернихъ школъ, учредивъ вмѣсто нихъ, какъ мы уже замѣтили выше, всего лишь *одинъ* повторительный классъ, неизбѣжный для значительной части учащихся во всѣхъ дополнительныхъ школахъ, каковыми по существу своему и суть вечерніе классы для рабочихъ, ведомые Техническимъ Обществомъ. Въ противуположность терминологіи г. Михайлова, такая именно вечерняя школа для взрослыхъ и должна быть признана *технической* школою, а не тѣ школы, въ которыхъ классы грамотности соединены съ классами техническими, ибо въ технической школѣ классы грамотности составляютъ признакъ *случайный*, вызванный временными условіями, а не существенный, постоянно присущій школамъ этой категоріи.

Мы уже приводили заявленіе г. Михайлова о томъ, что огромное большинство учащихся въ вечернихъ классахъ, добившись знанія грамоты, обучившись письму, далѣе этого не идетъ; слѣдовательно, въ большинствѣ-же случаевъ Техн. Общество до сихъ поръ было распространителемъ въ народѣ не столько техническаго образованія, сколько просто грамотности. Конечно, и это должно признать заслугою передъ обществомъ; конечно, до сихъ поръ дѣйствовать такимъ образомъ Техническое Общество было вынуждено въ силу наличности неблагопріятно сложившихся для его дѣятельности обстоятельствъ; но нынѣ, когда можно разсчитывать на измѣненіе послѣднихъ къ лучшему, ему слѣдуетъ какъ можно скорѣе и рѣшительнѣе обратиться къ выполненію своей прямой задачи. Помимо естественнаго прироста людей грамотныхъ въ средѣ рабочихъ столицы, дѣлу подготовленія учащихся для вечернихъ школъ Постоянной коммиссіи, имѣющихъ въ виду собственно техническое образованіе, могли-бы содѣйствовать другія общества и учрежденія, какъ, напримѣръ, городское управленіе, т.-е. думская коммиссія по народному образованію, Комитетъ грамотности, администраціи фабрикъ и заводовъ, причты богатыхъ столичныхъ приходовъ, наконецъ, кружки частныхъ лицъ, имѣющихъ охоту и досугъ посвятить нѣсколько часовъ въ недѣлю на обученіе грамотѣ заводско-фабричныхъ рабочихъ. Въ помѣщеніяхъ, если таковыхъ можетъ не оказаться при фабрикахъ и заводахъ, не можетъ быть недостатка, такъ какъ нынѣ городъ имѣетъ 291 начальное училище, въ которыхъ по вечерамъ и воскреснымъ днямъ обученія не производится и которыми, слѣдовательно, можно было-бы пользоваться для вечернихъ и воскресныхъ классовъ грамотности для рабочихъ. Изъ текущей хроники народнаго образованія видно, что нынѣ даже въ небольшихъ уѣздныхъ городахъ то и дѣло устраиваются, стараніями мѣстныхъ интеллигентныхъ лицъ, вечернія и воскресныя школы грамотности, которыя и ведутся этими почтенными ревнителями народнаго просвѣщенія съ большимъ успѣхомъ и съ большою пользою для населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что такіе ревнители нашлись-бы и въ Петербургѣ, гдѣ такая масса, напримѣръ, учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, мужскихъ и женскихъ. Они трудились-бы безвозмездно сами и старались-бы о доставленіи средствъ къ содержанію вечернихъ и воскресныхъ школъ, тогда какъ нынѣ Техническое Общество платитъ по 1 р. 50 к. за часъ обучающимъ въ вечернихъ школахъ въ первыхъ двухъ классахъ, имѣющихъ курсъ только начальной школы. Такимъ образомъ, Общество, содержа вмѣсто 4-хъ классовъ всего *три*, могло-бы сдѣлать нѣкоторую экономію, а сбе

реженныя черезъ это средства употребить на увеличеніе числа школъ, имѣющихъ цѣлью сообщеніе рабочимъ собственно техническаго образованія.

На примѣрѣ такъ называемой Братской школы (стр. 69—70), въ мѣстности близъ Братской церкви, Постоянная коммиссія можетъ убѣдиться, что ту организацію дѣла, о которой мы говоримъ, осуществить весьма возможно. По заявленію г. Михайлова, названная школа, подобно Фарфоровской, образовалась именно *«вслѣдствіе желанія многихъ учительницъ принять участіе въ трудахъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества безвозмездно»*. «Количество желающихъ воспользоваться обученіемъ,—говоритъ г. Михайловъ далѣе,—*оказалось свыше возможности принять всѣхъ записавшихся.* Занятія пошли весьма успѣшно, и поступившіе въ ноябрѣ безграмотными къ концу января уже начинали понимать прочитанное, а въ старшей группѣ достаточно подготовленныхъ нашлись желающіе держать экзаменъ на право льготы 4-го разряда, усердно готовились, и шесть человѣкъ въ маѣ мѣсяцѣ *(черезъ 6 мѣсяцевъ)* экзаменъ этотъ и сдали». Трудъ учащихъ безплатный, на наемъ помѣщенія ежегодныхъ пожертвованій отъ мѣстныхъ фабрикантовъ собирается только 500 р. въ годъ. Нынѣ въ школѣ 100 учениковъ, раздѣляющихся на группы, съ которыми по предметно занимаются 10 учительницъ; въ свободномъ по утрамъ помѣщеніи школы, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ фабрично-рабочихъ семей, происходитъ обученіе малолѣтнихъ дѣтей ихъ—дѣтская школа.

Изъ изложеннаго относительно Братской школы ясно видно, что эта школа ничего общаго съ основною задачею вечернихъ школъ для рабочихъ Техническаго Общества не имѣетъ; это—простая школа грамотности, могущая, однако, оказать существенную пользу цѣлямъ и названнаго Общества. Сто или болѣе рабочихъ, обучающихся нынѣ въ названной или иной, подобной ей, школѣ, могли-бы быть раздѣлены на двѣ или на три части, и каждая часть могла-бы быть обучаема въ свободныхъ по вечерамъ и по воскресеньямъ помѣщеніяхъ ближайшихъ начальныхъ школъ. Особое помѣщеніе для собственно техническихъ классовъ могло-бы потребоваться лишь черезъ два-три-четыре года, когда въ данномъ районѣ уже образовался-бы контингентъ грамотныхъ рабочихъ, могущихъ посѣщать такіе классы. Свободное по утрамъ помѣщеніе этихъ послѣднихъ классовъ, въ свою очередь, могло-бы быть утилизировано подъ школу для малолѣтнихъ дѣтей рабочихъ. Такимъ образомъ, Техническое Общество открывало-бы вечерніе школы для техническаго образованія по мѣрѣ

дѣйствительной потребности ихъ, т.-е. когда для нихъ имѣется достаточное число грамотныхъ рабочихъ.

Что въ настоящее время Коммиссія Техническаго Общества занимается, распространеніемъ среди рабочихъ, главнымъ образомъ, простой грамотности, еще болѣе выясняется изъ детальнаго описанія школъ въ статьѣ г. Михайлова (стр. 59—70). Въ самомъ дѣлѣ, изъ десяти петербургскихъ такъ-называемыхъ вечернихъ школъ Общества: 1) Выборгская школа имѣетъ курсъ грамотности въ 2-хъ отдѣленіяхъ, 2) 1-я Василеостровская школа имѣетъ особое отдѣленіе для безграмотныхъ, 3) 2-я Василеостровская школа долгое время была только школою грамотности и теперь еще имѣетъ всего одинъ спеціальный классъ, 4) Литейная школа и въ настоящее время есть только школа грамотности, спеціальные классы она *имѣла* всего лишь два года, 5) Никольская школа—была только школою грамотности,—нынѣ временно закрыта, 6) 2-я Нарвская школа имѣетъ также дѣтскіе классы и классы для малолѣтнихъ рабочихъ, 7) Путиловская школа имѣетъ также дѣтскую школу на 200 дѣтей и классъ грамотности, 8) Братская школа, какъ мы уже видѣли, въ сущности только школа грамотности для взрослыхъ и малолѣтнихъ. Затѣмъ, не безъинтересны еще и слѣдующіе факты. Нынѣ въ вечернихъ школахъ Техническаго Общества обучается до 1.000 человѣкъ; такъ какъ иныя школы открыты недавно, то допустимъ, что въ среднемъ въ названныхъ школахъ Общества ежегодно обучалось 600 — 700 человѣкъ; слѣдовательно, въ десятилѣтній періодъ времени въ школахъ Общества перебывало отъ 6.000 до 7.000 человѣкъ. Изъ нихъ со свидѣтельствами на льготу по IV разряду, т.-е. прошедшихъ *только общіе классы грамотности*, безъ всякаго отношенія къ техническому образованію, выпущено всего 500 человѣкъ (стр. 56). Итакъ, лишь «весьма ничтожный процентъ учащихся можетъ достигнуть до этого» (стр. 61), т.-е. пройти полный курсъ *даже начальной школы*. Мы видимъ въ этомъ обстоятельствѣ еще разъ указаніе въ пользу совершеннаго отдѣленія классовъ грамотности отъ классовъ спеціальныхъ. Перспектива пробыть въ школѣ *четыре* года, при очерченныхъ г. Михайловымъ и указанныхъ нами выше неблагопріятныхъ условіяхъ жизни рабочихъ, неизбѣжно должна отпугивать многихъ изъ нихъ отъ поступленія въ такого рода «полнаго типа школы для рабочихъ», какъ называетъ ихъ авторъ, или-же должна побуждать ихъ оставлять школу черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ поступленія *),—оставлять безъ свидѣ-

*) «Въ сентябрѣ минувшаго года общая цыфра посѣщавшихъ вечернія школы взрослыхъ рабочихъ была 943, въ январѣ 683, а въ апрѣлѣ 486. Это явленіе,—

тельства даже на льготу IV-го разряда. Двухлѣтній-же курсъ начальной школы для взрослыхъ, особенно при условіи сокращенія рабочаго времени до 8 часовъ въ сутки, какъ это дѣлается, напримѣръ, для учащихся въ 1-й Василеостровской школѣ и о чемъ слѣдовало-бы ходатайствовать фабричной инспекціи и постараться о томъ, чтобы это было сдѣлано обязательнымъ постановленіемъ,—такой курсъ, дающій желаемую льготу по отбыванію воинской повинности, естественно можетъ болѣе привлекать молодыхъ рабочихъ, нежели курсъ 4-хъ-лѣтній, выгоды котораго для него еще неясны.

Не всѣ, конечно, прошедшіе курсъ начальной школы пожелаютъ заниматься также и на курсѣ спеціальномъ, весьма многіе удовлетворятся тѣмъ, что получатъ «запоздалую грамоту» и будутъ все-таки лучшими, болѣе развитыми рабочими, нежели вовсе безграмотные. Но за-то тѣ, которые поступятъ на этотъ курсъ, будутъ представлять собою элементъ наиболѣе желательный и надежный для дѣла; это будутъ люди наиболѣе ретивые и способные къ занятіямъ, съ опредѣленнѣе намѣченною цѣлью и съ горячимъ стремленіемъ достигнуть ее. Понятно, что повторительный курсъ, о которомъ мы говорили выше, какъ о необходимомъ для нивеллированія подготовки поступающихъ въ техническіе курсы изъ различнаго рода школъ, отчасти уже перезабывшихъ то, чему они учились еще въ дѣтствѣ,—для этихъ взрослыхъ людей, только-что прошедшихъ курсъ начальной школы, съ большею, нежели это возможно для малолѣтнихъ, сознательностью, будетъ уже излишнимъ.

Но возвращаемся къ наличнымъ фактамъ относительно проведенія, при посредствѣ вечернихъ школъ Коммиссіи Техническаго Общества, «въ нетронутую рабочую среду такихъ техническихъ знаній, съ которыми улучшается, а слѣдовательно, и оплачивается его (рабочаго?) трудъ» (стр. 56). Увы! здѣсь результаты оказываются еще болѣе ничтожными. Оказывается, что съ свидѣтельствами на льготу III-го разряда по отбыванію воинской повинности вечерними классами выпущено всего *сто* человѣкъ (стр. 56), т.-е. въ десятилѣтній періодъ времени только сто человѣкъ прошли курсъ спеціальныхъ классовъ, пріобрѣли техническія знанія, при помощи которыхъ они могутъ «улучшить свой трудъ и свое матеріальное по-

---

замѣчаетъ авторъ,—*постоянное*, и въ апрѣлѣ оно зависитъ отъ выѣзда многихъ крестьянъ рабочихъ въ деревню» (стр. 57). Объясненіе послѣдней цыфры, нѣтъ сомнѣнія, вполнѣ вѣрное, но чѣмъ объяснить вторую цыфру (683), какъ *отчасти* не указываемою нами причиною? Ср. также слова автора на той-же страницѣ объ оставляющихъ школу вскорѣ послѣ поступленія въ нее.

ложеніе»... Въ статьѣ почтеннаго автора нѣтъ никакихъ данныхъ относительно того, во что обходится содержаніе вечернихъ классовъ, но нѣтъ сомнѣнія, что, во всякомъ случаѣ, техническое образованіе каждаго изъ этой сотни рабочихъ, подготовленныхъ въ теченіе десяти лѣтъ, обошлось довольно дорого, даже если не считать дарового труда многихъ преподавателей и даровыхъ помѣщеній, которыми пользуются нѣкоторыя изъ вечернихъ школъ Техническаго Общества. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что это Общество, при всѣхъ его благихъ намѣреніяхъ, при настоящихъ условіяхъ его дѣятельности, можетъ проводить техническія знанія «въ нетронутую рабочую среду» лишь весьма медленно.

Фактъ крайней незначительности числа оканчивающихъ полный курсъ вечернихъ для рабочихъ школъ Техническаго Общества, по нашему мнѣнію, еще болѣе долженъ-бы былъ убѣдить послѣднее въ томъ, что, въ видахъ наилучшаго достиженія его почтенныхъ цѣлей, т.-е. распространенія собственно техническаго образованія въ средѣ взрослыхъ рабочихъ, ему слѣдовало-бы сосредоточить и направить всѣ усилія къ выполненію именно этой своей прямой задачи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и свои вечернія школы для рабочихъ организовать такимъ образомъ, чтобы онѣ выпускали какъ можно болѣе и возможно лучше подготовленныхъ рабочихъ спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ фабрично-заводской промышленности. Какъ ни скудны свѣдѣнія собственно по техническому обученію, приводимыя въ статьѣ г. Михайлова, но все-таки, на нашъ взглядъ, даже и эти немногіе факты могутъ дать нѣкоторыя руководящія указанія относительно такой организаціи названныхъ школъ, которая наиболѣе соотвѣтствовала-бы уже болѣе или менѣе установившимся требованіямъ училищевѣдѣнія по предмету профессіональнаго обученія, а поэтому и приносила-бы значительнѣйшую пользу дѣлу проведенія въ рабочую среду техническихъ знаній и такимъ образомъ полнѣе содѣйствовала-бы преуспѣянію отечественной обрабатывающей промышленности. Въ вышеупомянутомъ детальномъ, относительно, описаніи отдѣльныхъ вечернихъ школъ мы встрѣтили нѣсколько интересныхъ фактовъ и желали-бы обратить на нихъ вниманіе почтеннаго автора, инспектора училищъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, который съ откровенностью, достойной всякой похвалы, выражаетъ (стр. 69) готовность признать недочеты и пробѣлы въ устройствѣ и веденіи завѣдываемыхъ имъ вечернихъ школъ для рабочихъ.

По словамъ г. Михайлова, наиболѣе успѣшно дѣло обученія ведется въ 1-й Нарвской школѣ, въ которую въ послѣдніе годы *неграмотные*

ученики уже не принимаются (стр. 61), но за-то школа имѣетъ два паралл. отдѣленія III-го класса. Школа Фарфоровскаго завода образовалась изъ учащихся, окончившихъ курсъ начальной школы и уже зрѣлаго возраста; но двухлѣтняго курса и здѣсь оказалось недостаточно... Эти факты подтверждаютъ то, о чемъ мы уже говорили, т. е. что Техническому Обществу непремѣнно слѣдуетъ отдѣлить обученіе начальное отъ спеціально техническаго и учредить *повторительный* классъ, который облегчалъ-бы, для нуждающихся въ таковомъ облегченіи, переходъ отъ обученія перваго къ второму.

Выборгская школа имѣетъ (по вторникамъ, отъ 7 до 9 ч. вечера, и по воскресеньямъ, отъ 9 до 12 ч. утра) *особый курсъ техническаго черченія* (стр. 60). посѣщаемый *сотнею* учащихся, изъ коихъ многіе приходятъ издалека. Преподаваніе ведется по учебнику Н. Королькова и К. Соханова, одобренному Постоянной коммиссіей по техническому образованію, и основывается на чертежахъ съ модели. Курсы эти даютъ хорошихъ чертежниковъ, служащихъ затѣмъ во многихъ учрежденіяхъ и получающихъ хорошее содержаніе. *Путиловская школа* (стр. 67) также имѣетъ *классъ техническаго черченія съ уроками геометріи.* Кромѣ того, въ этой школѣ уже третій годъ весьма успѣшно ведутся *особые курсы спеціальныхъ предметовъ*, и рабочіе просятъ о продолженіи ихъ. Въ 1889—1890 гг. велись уроки-бесѣды *по технологіи желѣза*, въ 1890—1891 гг.—*по физикѣ* и въ 1891—1892 гг.—*по химіи. Программы для этихъ курсовъ и выборъ отдѣловъ предмета составляются примѣнительно къ характеру заводскихъ работъ.* Въ *Никольской школѣ* были курсы техническаго черченія. На стр. 58 г. Михайловъ говоритъ, что въ одной изъ школъ учащіеся, окончившіе уже въ ней курсъ и даже получившіе льготу 3-го разряда, «съ горечью заявляли, что они не знаютъ, что имъ въ будущемъ году дѣлать, и не найдетъ-ли школа возможность *открыть какіе-нибудь курсы*, которые они могли-бы посѣщать?» Было-ли исполнено ихъ желаніе—авторъ объ этомъ не счелъ нужнымъ упомянуть.

По нашему мнѣнію, уже только всѣ эти приведенные здѣсь факты имѣютъ большое значеніе и должны-бы служить для Постоянной коммиссіи весьма цѣннымъ указаніемъ относительно веденія ея вечернихъ школъ. Коммиссіи, повидимому, слѣдуетъ каждой такой школѣ придать специфическій профессіональный характеръ въ зависимости отъ характера производства или работъ, которыми занимается на фабрикахъ и заводахъ большинство рабочихъ, посѣщающихъ именно данную вечернюю школу. Преподаваніе геометріи, физики, механики, химіи, техническаго черченія далеко не можетъ имѣть одинаковый

характеръ *во всѣхъ* вечернихъ школахъ. Оно непремѣнно и обязательно должно носить прикладной характеръ, примѣнительно къ профессіональнымъ на фабрикахъ и заводахъ работамъ лицъ, посѣщающихъ вечернюю техническую школу своего района. На ряду съ этимъ слѣдуетъ также вести бесѣды или курсы тѣхъ или другихъ отдѣловъ изъ области технологіи дерева, металловъ, волокнистыхъ веществъ, красящихъ и т. д., смотря по тому, работаютъ-ли учащіеся въ данной вечерней школѣ на заводахъ чугуннодѣлательныхъ, желѣзодѣлательныхъ, мѣдныхъ, бумагопрядильныхъ, шерстоткацкихъ, гончарныхъ, стеклянныхъ, писчебумажныхъ и т. д. и т. д. Спеціальныя бесѣды или курсы эти, а также курсы счетоводства, могли-бы быть ведены заводскими и фабричными техниками и бухгалтерами, которые, конечно, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы образовать для себя возможно большее число сознательныхъ работниковъ и помощниковъ. Предметы курсовъ того или другого года опредѣляются, съ одной стороны, жизненными, практическими требованіями рабочихъ данной мѣстности, а съ другой—наличностью средствъ для удовлетворенія этихъ требованій, т.-е. прежде всего наличностью пригодныхъ для нихъ руководителей. Нѣтъ сомнѣнія, что устройство ихъ, въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, смотря по обстоятельствамъ дѣйствительности, доступно даже въ небольшихъ городахъ, имѣющихъ тотъ или другой видъ фабрично-заводской или кустарной промышленности, не говоря уже о крупныхъ фабрично-промышленныхъ центрахъ. Такимъ путемъ подготовлялись-бы прекрасные мастера-спеціалисты по различнымъ отраслямъ заводско-фабричнаго дѣла, которые могли-бы быть затѣмъ толковыми руководителями начинающихъ рабочихъ, а наиболѣе прилежные и талантливые изъ нихъ дѣлались-бы со временемъ недорогими управляющими или самостоятельными хозяевами небольшихъ промышленныхъ заведеній. Множество иностранцевъ, мастеровъ и управляющихъ у насъ нерѣдко даже обширными фабриками и заводами и пользующихся иногда весьма хорошимъ содержаніемъ, прошли именно такого рода школу,—не болѣе. Замѣнить такихъ пришлыхъ мастеровъ-иностранцевъ людьми русскими будетъ не только дѣломъ полезнымъ въ экономическомъ отношеніи, но и дѣломъ патріотическимъ и вообще въ высшей степени симпатичнымъ.

Но, можетъ быть, иному читателю, незнакомому съ дѣломъ устройства профессіональныхъ дополнительныхъ школъ или курсовъ, наши требованія покажутся чрезмѣрными? Въ дѣйствительности они гораздо скромнѣе и осуществимѣе тѣхъ, которыя предъявляются почтеннымъ авторомъ разсматриваемой статьи, желающимъ, чтобы всѣ вечернія школы возможно скорѣе приблизились къ желаемому и такъ-назы-

ваемому имъ «полному типу» четырехлѣтнихъ школъ, съ двумя общими курсами и двумя спеціальными. Указавъ, въ краснорѣчивыхъ тирадахъ, на желаніе и готовность рабочихъ учиться, на тѣ жертвы, которыя они приносятъ ради выполненія такого своего желанія, авторъ указываетъ также на нѣсколько весьма характерныхъ чертъ учащихся этого рода. По его авторитетному въ данномъ случаѣ свидѣтельству, учащагося рабочаго «къ школѣ привязываетъ только сознаніе, что онъ дѣйствительно пріобрѣтаетъ свѣдѣнія»; «лекцій рабочій человѣкъ не любитъ: ему нужна самодѣятельность въ школѣ, чувство личнаго участія въ дѣлѣ, проба собственныхъ посильныхъ рѣшеній и т. д.», «здѣсь (въ вечернихъ школахъ для рабочихъ) сами ученики контролируютъ преподавателя, и у неумѣлаго или неискренно относящагося къ дѣлу учителя аудиторія быстро пустѣетъ» (стр. 57). Изъ всего этого видно, что рабочій смотритъ на себя, какъ на человѣка самостоятельнаго. И онъ, дѣйствительно, какъ человѣкъ взрослый, живущій своимъ трудомъ, старающійся выполнять этотъ трудъ съ возможно большею сознательностью, есть такой-же гражданинъ россійскаго государства, какъ и любой изъ гг. членовъ Постоянной коммиссіи. Естественно, что относиться къ такому учащемуся съ точки зрѣнія шульмейстерской, заставлять его учиться не тому, что, по его мнѣнію (можетъ быть, иногда и ошибочному, но въ этомъ его нужно убѣдить словомъ, если сама жизнь еще не успѣла убѣдить его дѣломъ), для него нужно, или учить тому, что въ данную минуту, по условіямъ его жизни, ближе всего ему-же самому извѣстнымъ, недоступно,—отнюдь не слѣдуетъ. Такое отношеніе, въ большинствѣ случаевъ, будетъ отталкивать рабочихъ отъ посѣщенія школы, и притомъ рабочихъ *) наиболѣе самостоятельнаго характера, т. е. наиболѣе цѣнныхъ. Онъ приходитъ въ школу съ болѣе или менѣе ясно сознанными требованіями и намѣреніями взять отъ нея то, что въ данную минуту кажется для него необходимымъ, съ готовностью даже заплатить за взятое изъ своихъ трудовыхъ грошей, а между тѣмъ встрѣчаетъ въ школѣ то-же, что и обыкновенный школьникъ, обязанный въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отбывать школьную повинность; понятно, что многимъ тянуть такую канитель нежелательно, и они оставляютъ такую «полнаго типа» школу «черезъ нѣсколько мѣсяцевъ», какъ заявляетъ г. Михайловъ, и, что еще печальнѣе, очень вѣроятно, что и другихъ будутъ отговаривать посѣщать ее...

*) Читатель пойметъ, что мы говоримъ тутъ о рабочихъ взрослыхъ, и притомъ уже прошедшихъ курсъ начальной школы, но во всякомъ случаѣ считаемъ не лишнимъ напомнить объ этомъ.

Мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы такъ-называемые специальные классы вечернихъ школъ Техническаго Общества имѣли также общеобразовательный курсъ двухклассныхъ начальныхъ училищъ. Если рабочаго, по возрасту его, еще можетъ интересовать полученiе льготы III-го разряда, или если рабочiй имѣетъ желанiе и время пройти названный курсъ, то тѣмъ лучше. Но пусть онъ имѣетъ также возможность *посѣщать уроки тѣхъ лишь предметовъ, которые, по его личнымъ обстоятельствамъ, для него желательно усвоить въ школѣ въ теченiе даннаго года;* если онъ, какимъ-бы то ни было образомъ, достаточно подготовленъ, напр., по русскому языку для экзамена на льготу, или если онъ, напр., по исторiи можетъ легко и, можетъ быть, даже лучше подготовиться по подходящему учебнику (и руководители школъ должны-бы указывать рабочимъ на такiе учебники), то, спрашивается, для чего ему тратить дорогое и узко для него отмѣренное время на посѣщенiе уроковъ по этимъ, для примѣра взятымъ, учебнымъ предметамъ?... Такъ какъ обученiе въ вечернихъ школахъ, насколько мы могли уразумѣть изъ статьи г. Михайлова, не классное (какъ въ начальныхъ школахъ и наиболѣе благоустроенныхъ, въ педагогическомъ отношенiи, городскихъ училищахъ), а именно предметное, то устроить такого рода *предметное-же* посѣщенiе уроковъ рабочими не представляетъ никакихъ затрудненiй. При такомъ способѣ веденiя дѣла, иные рабочiе, которые могутъ затрачивать на посѣщенiе школы не 15 часовъ, какъ требуется нынѣ, а лишь 8 — 10 часовъ въ недѣлю, также не были-бы лишены возможности учиться. Съ другой стороны, иные рабочiе, не имѣющiе возможности пройти курсъ даннаго класса въ теченiе одного года, затрачивая на это 14—15 часовъ въ недѣлю, могли-бы проходить его въ два-три года, посѣщая каждый годъ уроки лишь нѣкоторыхъ предметовъ, по указанiю руководителя школы. Вмѣстѣ съ обученiемъ техническимъ должно, конечно, вестись также прiученiе рабочихъ, посѣщающихъ курсы, къ чтенiю книгъ и статей техническаго содержанiя. Само собою разумѣется, что специальная техническая библiотека должна имѣться при каждой технической школѣ. Когда ученикъ тѣмъ или инымъ способомъ приготовился къ экзамену на льготу III разряда, онъ и можетъ приступить къ таковому въ ближайшiй экзаменацiонный терминъ *).

Такая-же свобода должна господствовать относительно посѣще-

*) Экзамены на льготу какъ по IV, такъ и по III разрядамъ по отбыванiю воинской повинности должны-бы быть производимы коммиссiею не менѣе двухъ— трехъ разъ въ годъ.

нія рабочими уроковъ по предметамъ техническаго образованія и разумѣется, еще большая свобода относительно посѣщенія курсовъ или бесѣдъ по нѣкоторымъ отдѣламъ тѣхъ или другихъ заводско-фабричныхъ производствъ.

Эти послѣдняго рода курсы, какъ мы уже сказали, могутъ быть устраиваемы въ тѣхъ случаяхъ, если для нихъ найдутся подходящіе руководители и достаточный контингентъ слушателей; они могутъ длиться и годъ, и нѣсколько мѣсяцевъ, и даже одинъ мѣсяцъ, вестись изъ году въ годъ, повторяться черезъ годъ—два—три и т. д., или быть единовременными, спорадическими. Обнародованіемъ программъ, а также и цѣлыхъ курсовъ тѣхъ или другихъ предметовъ по техническому образованію, или бесѣдъ по той или другой отрасли производства или части его Постоянная коммиссія оказала-бы нашему обществу большую услугу,—тѣмъ болѣе, что въ настоящее время коммиссія располагаетъ своимъ спеціальнымъ органомъ. Мы чрезвычайно бѣдны учебниками по техническому и вообще прикладному образованію. У насъ также нѣтъ почти учебниковъ по обученію для взрослыхъ,—такихъ учебниковъ, которые по замыслу, плану и выполненію должны существенно отличаться отъ учебниковъ для обыкновенныхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній различныхъ разрядовъ и наименованій; нѣтъ даже подходящей книги для чтенія въ школахъ для взрослыхъ.

Трудясь въ этомъ спеціальномъ направленіи, Постоянная коммиссія по техническому образованію и его печатный органъ выполняли-бы работу, въ высшей степени полезную для экономическаго развитія нашего отечества. Со своей стороны, наше общество, преимущественно наша интеллигенція, должно-бы было оказывать болѣе дѣятельную, нежели въ настоящее время, поддержку почтеннымъ начинаніямъ Техническаго Общества въ дѣлѣ распространенія техническихъ знаній въ средѣ рабочихъ, подготовляя для спеціальныхъ вечернихъ школъ и курсовъ Постоянной коммиссіи грамотныхъ взрослыхъ учениковъ.

К. М.

Система мѣръ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ средѣ народа *).

Чрезвычайный размѣръ бѣдствій, постигшихъ Россію въ 1891 и 1892 годахъ, снова выдвинулъ на очередь и обострилъ цѣлую массу экономическихъ и сельскохозяйственныхъ вопросовъ. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе привлекаютъ тѣ, которые касаются по преимуществу предупрежденія подобныхъ бѣдствій въ будущемъ. Въ на-

*) Мысли касательно направленія обученія въ народной школѣ, въ особенности по отношенію къ сельско-хозяйственному образованію, высказанныя въ настоящей статьѣ, служатъ подтвержденіемъ и являются дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ, выраженныхъ въ статьѣ А. М. Калмыковой: «Ближайшія задачи С.-Петербургскаго Комитета грамотности въ дѣлѣ распространенія сельскохозяйственныхъ свѣдѣній въ народной средѣ» («Русская Школа», 1893 г., №№ 5—6). Въ народной школѣ, какъ школѣ общеобразовательной, а затѣмъ также вслѣдствіе кратковременности пребыванія въ ней учащихся и юнаго возраста ихъ, дѣйствительно не можетъ быть сообщаемо никакихъ болѣе или менѣе систематическихъ прикладныхъ знаній. Съ этой именно точки зрѣнія и вслѣдствіе другихъ указанныхъ причинъ мы и не раздѣляемъ мнѣнія почтеннаго автора помѣщаемой статьи, который, совершенно справедливо настаивая на необходимости сохранить за народною школою общеобразовательный характеръ ея и поэтому не допуская въ ней преподаванія сельскаго хозяйства, въ то-же время совѣтуетъ (на стр. 140-й) ввести въ эту школу «краткій курсъ законовѣдѣнія». Если этотъ предметъ введенъ въ курсъ сельскохозяйственныхъ школъ, то, во-1-хъ, учащіеся въ этихъ послѣднихъ находятся въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, во-2-хъ, сельскохозяйственныя школы суть школы профессіональныя, и потому все обученіе въ нихъ имѣетъ такой-же прикладной, профессіональный характеръ. Равнымъ образомъ, прикладной-же характеръ должны имѣть и такъ назыв. дополнительныя или повторительныя школы, въ которыхъ вслѣдствіе сего вполнѣ умѣстно сообщеніе нѣкоторыхъ болѣе или менѣе систематизированныхъ свѣдѣній, между прочимъ, и по законовѣдѣнію. Для грамотныхъ крестьянъ, наконецъ, имѣется еще средство къ пріобрѣтенію юридическихъ свѣдѣній изъ книгъ, спеціально для сей цѣли составленныхъ, т.-е. заключающихъ въ себѣ юридическія свѣдѣнія, наиболѣе необходимыя въ крестьянскомъ быту. *Ред.*

стоящее время статистическими изслѣдованіями вполнѣ установлено и оффиціально засвидѣтельствовано, что крестьянскіе земельные надѣлы до такой степени незначительны по своимъ размѣрамъ, такъ истощены хищнической культурой, что, при повтореніи сколько-нибудь неблагопріятныхъ атмосферическихъ условій, снова возможны будутъ и недороды хлѣбовъ, и голодовки. Но при каждомъ такомъ повтореніи неурожаевъ разрушительное дѣйствіе ихъ будетъ прогрессивно увеличиваться, вслѣдствіе чего населеніе въ концѣ-концовъ легко можетъ утратить свои хозяйственныя и платежныя силы. Большинство людей, задумывавшихся надъ экономическимъ будущимъ государства, до сихъ поръ видѣло спасеніе России только въ аграрныхъ реформахъ. Но новѣйшія данныя о народномъ хозяйствѣ убѣждаютъ всѣхъ, что даже тамъ, гдѣ земельные надѣлы очень велики, гдѣ, какъ въ казачьихъ станицахъ, существуетъ полное многоземелье, истощеніе почвы уже начинаетъ сказываться, урожайность полей понижается, хозяйственный бытъ приходитъ въ разстройство, а бѣдствія болѣе или менѣе значительныхъ недородовъ могутъ, въ ближайшемъ будущемъ, сдѣлаться явленіемъ обычнымъ и зауряднымъ. Въ виду этого даже такая несомнѣнно благодѣтельная мѣра, какъ расширеніе площади крестьянскаго землевладѣнія, взятая сама по себѣ, можетъ имѣть только временное и притомъ очень непродолжительное значеніе. Для прочнаго обезпеченія народнаго благосостоянія, помимо достаточнаго количества земли, нужно еще умѣнье разумно пользоваться ею, нужно знаніе такихъ способовъ эксплуатаціи ея, при которыхъ производительная сила почвы сохранилась-бы для будущихъ поколѣній, а климатическія условія страны, неблагопріятно измѣняющіяся теперь отъ хищнической земельной культуры, приняли-бы болѣе удобное для хозяйства теченіе.

Въ виду такихъ соображеній, вопросъ о распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній, какъ важнѣйшаго условія разумнаго пользованія землею, получаетъ особый интересъ и особое значеніе. Появляется онъ у насъ не впервые: имъ занималась общая и спеціальная литература, онъ фигурировалъ въ сельскохозяйственныхъ обществахъ, въ обществахъ распространенія народнаго образованія, въ комитетахъ грамотности; имъ дѣятельно занимались наши лучшія земства и «подлежащія вѣдомства». Еще въ началѣ текущаго столѣтія намѣчались мѣры, могущія содѣйствовать распространенію сельскохозяйственныхъ знаній въ средѣ народа. Съ освобожденіемъ крестьянъ движеніе это разрослось еще сильнѣй: неясныя указанія принимали болѣе опредѣленныя формы, выяснились многія новыя

мѣры, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были сдѣланы первыя попытки практическаго осуществленія ихъ. Такимъ путемъ былъ намѣченъ новый типъ низшихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, установленный затѣмъ нормальнымъ положеніемъ о нихъ 1883 г., были проектированы мѣры о школьномъ земельномъ надѣлѣ, объ устройствѣ учебныхъ сельскохозяйственныхъ фермъ, садовъ, огородовъ и пчельниковъ, была задумана организація подвижныхъ школъ сельскаго хозяйства, такихъ-же музеевъ и выставокъ. Наконецъ, возникъ вопросъ и о приспособленіи начальныхъ народныхъ училищъ къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній, о полной специализаціи низшихъ школъ, или-же только о введеніи въ ихъ учебный курсъ краткихъ свѣдѣній по агрономіи.

Всѣ намѣченныя мѣры имѣютъ большее или меньшее значеніе для народнаго хозяйства и нашего культурнаго развитія, а потому мы займемся ниже разборомъ ихъ. Особый-же интересъ возбуждаетъ въ настоящее время вопросъ объ участіи народной школы въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній въ средѣ народа, вновь поднятый недавно Петербургскимъ Комитетомъ грамотности, а потому мы и начнемъ съ него.

I. Общеобразовательное значеніе народной школы и роль ея въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній.

Начальныя народныя училища, хотя еще и недостаточно многочисленны у насъ, но все-таки считаются десятками тысячъ. Изъ всѣхъ образовательныхъ учрежденій только онѣ однѣ относительно распространены, близки къ народу, имѣютъ за собой извѣстное прошлое, благодаря которому положеніе ихъ можетъ считаться довольно прочнымъ, а вліяніе болѣе или менѣе постояннымъ. Поэтому естественно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда желаютъ воздѣйствовать на массу населенія, когда стремятся къ распространенію какихъ-либо свѣдѣній не только среди одиночныхъ избранниковъ, а во всемъ народѣ, то раньше всего обращаются къ народной школѣ, какъ къ учрежденію, наиболѣе распространенному и имѣющему свою уже готовую, относительно установившуюся организацію. Для того-же, чтобы испытать совершенно новые пути распространенія необходимыхъ знаній въ средѣ народа, помимо начальной школы, нужны большія усилія: нужно создать новую организацію, добыть новые источники проведенія ея, подготовить новыхъ мелкихъ дѣятелей и т. п. Все это очень часто оказывается не только затруднительнымъ, но иногда и совсѣмъ

невозможнымъ. Народная-же школа уже существуетъ, болѣе или менѣе привилась и, съ этой стороны, представляетъ незамѣнимыя удобства и выгоды. Поэтому все, что проектируется предпринять при посредствѣ ея, разсчитано прежде всего на легкое осуществленіе, на крупные размѣры и на огромное вліяніе.

Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ средѣ народа,—народной школѣ, если-бы она была избрана орудіемъ такого распространенія, предстоитъ первенствующая роль, обязывающая насъ отнестись къ этому вопросу съ особымъ вниманіемъ и поставить его, по его важности и значенію, на первомъ мѣстѣ.

Но прежде чѣмъ прямо высказаться о роли народной школы въ дѣлѣ распространенія сельскохозяйственныхъ знаній въ массѣ населенія, необходимо, хотя-бы вкратцѣ, выяснить тѣ требованія, которыя вообще можно предъявить къ самому низшему типу нашихъ училищъ. Русская элементарная школа, съ трехлѣтнимъ курсомъ, въ силу совершенно особыхъ условій жизни населенія, располагаетъ чрезвычайно короткимъ учебнымъ періодомъ, едва достигающимъ, въ лучшихъ случаяхъ, 6-ти мѣсяцевъ Въ виду этого въ ней приходится до чрезвычайности экономизировать время, постоянно стремясь использовать его возможно производительнѣе и полезнѣе. Разсчитывать на усвоеніе учениками ея какого-либо, хотя-бы и краткаго, систематическаго курса непозволительно даже въ мечтахъ. Самое большее и самое лучшее, что можетъ и что должна дать народная школа для своихъ питомцевъ, это—умѣнье и способность самостоятельно продолжать свое образованіе въ будущемъ. Эту истину,—въ сущности простую и очевидную для всякаго сколько-нибудь практически знакомаго съ школой интеллигентнаго человѣка,—у насъ понимаютъ очень плохо. Отъ школы постоянно требуютъ невыполнимаго: требуютъ, чтобы она дала законченный курсъ знаній, чтобы привила прочное міровоззрѣніе, чтобы подготовила сразу практическихъ, дѣльныхъ и всеумѣющихъ людей. Когда такіе запросы предъявляются къ какимъ-либо профессіональнымъ, напримѣръ, ремесленнымъ училищамъ, то отъ окончившаго въ нихъ курсъ требуютъ всего того, что можетъ дать лишь хорошій взрослый мастеръ. Выходя изъ такихъ взглядовъ на роль ремесленной школы въ подготовкѣ учениковъ, у насъ стремятся учебную мастерскую превратить въ промышленную, а дѣтей въ ремесленныхъ учениковъ. Для этой цѣли ихъ заставляютъ работать по 12-ти часовъ въ сутки, создаютъ совершенно негигіеническія условія ихъ питанія, отдыха и всей жизни, самодовольно радуясь, что у

дѣтей почти не остается свободнаго времени и что школа все болѣе и болѣе приближается къ жизни, т.-е. промышленной мастерской. Оставаясь послѣдовательнымъ на этой почвѣ, легко додуматься до необходимости держать учениковъ впроголодь, полуодѣтыми, посылать ихъ за водкой для мастеровъ и т. п., словомъ, все больше и больше приближаться къ дѣйствительной жизни. Выхода изъ такого положенія дѣлъ не предвидится до тѣхъ поръ, пока мы будемъ требовать отъ школы систематической и законченной подготовки. Въ Англіи, напримѣръ, давно сознали невозможность предъявлять такія требованія къ ремесленнымъ училищамъ, у насъ-же, наоборотъ, другой постановки дѣла не признаютъ. Въ этомъ большая ошибка и крупное зло, тормазящее вообще дѣло народнаго образованія, а профессіональное въ особенности. Въ нашей низшей школѣ возможно стремиться только къ тому, чтобы *привить учащимся знаніе методовъ, способовъ, путей, а равно навыковъ и умѣній, при посредствѣ которыхъ они получили-бы возможность, по выходѣ изъ школы, оріентироваться въ жизни и самостоятельно приняться за дальнѣйшее самоусовершенствованіе и за дальнѣйшее изученіе предстоящаго имъ дѣла.*

При такомъ, единственно правильномъ взглядѣ на народную школу, ее, разумѣется, невозможно превратить ни въ мастерскую, ни въ учебную ферму, организованныя по типу существующихъ въ практической жизни. А послѣдняя для массы населенія въ большинствѣ случаевъ очень неприглядна. Повторять эту житейскую неприглядность еще и въ школѣ едва-ли есть какое-либо основаніе, тѣмъ болѣе, что на дурной почвѣ ничего хорошаго выростить нельзя. Никакое промышленное, ремесленное или сельскохозяйственное дѣло въ начальной школѣ невозможно, потому что не достигнетъ цѣли, а между тѣмъ помѣшаетъ выполненію прямой и единственно возможной задачи элементарнаго образованія. Эту мечту нужно бросить разъ навсегда.

Но, въ такомъ случаѣ, возникаетъ вопросъ: нельзя-ли замѣнить промышленныя мастерскія и фермы учебными, непосредственно входящими въ составъ курса народной школы? При правильной постановкѣ онѣ должны были-бы сообщить своимъ ученикамъ навыки въ механическихъ пріемахъ и техническія умѣнья, при помощи которыхъ ученикъ, выйдя въ жизнь, выработалъ-бы изъ себя хорошаго мастера, ремесленника или умѣлаго земледѣльца. По нашему глубокому убѣжденію, и такая цѣль практически недостижима въ школѣ съ трехлѣтнимъ курсомъ. Учебнаго времени въ ней, какъ мы уже говорили, чрезвычайно мало и только при благопріятныхъ условіяхъ

достаточно для выполненія ближайшей задачи школы. А задача эта слишкомъ серьезна. Народъ нашъ еще очень недавно вышелъ изъ крѣпостной зависимости, до сихъ поръ стѣсненъ зависимостью экономической, стѣсненъ своимъ невѣжествомъ, незнаніемъ культурной жизни. Школа для того, чтобы сдѣлать возможнымъ для своихъ питомцевъ дальнѣйшее ихъ самоусовершенствованіе, дальнѣйшее самообразованіе, должна прежде всего пробудить въ нихъ мысль, самосознаніе, стряхнуть умственную неподвижность и косность, развить потребность самостоятельности и самопомощи. Несомнѣнно, что самъ народъ требуетъ именно этого отъ школы, потому что онъ смотритъ на «науку», какъ на средство удовлетворить «умственность» и «божественное» настроеніе, т.-е. высшія потребности ума, интеллектуальные и нравственные запросы. Въ виду этого сельской школѣ, при незначительности учебнаго времени, приходится имѣть въ виду исключительно цѣли общеобразовательныя и воспитательныя. Ей предстоитъ изъ недавняго еще раба воспитать человѣка и свободнаго гражданина, понимающаго свои права и свои обязанности. Посмотрите, какая масса зла совершается въ деревнѣ отъ незнанія и непониманія самыхъ простѣйшихъ правъ и обязанностей. Сколько злоупотребленій, хищеній и неправды совершается въ средѣ выборныхъ волостныхъ и сельскихъ органовъ, въ волостномъ судѣ, сколько обсчетовъ, недомѣровъ, недовѣсовъ и переборовъ практикуется съ крестьянами въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ, сколько обмановъ продѣлываютъ различные «ходатели», «облакаты», «кулаки» и другія пьявки, всосавшіяся въ народъ благодаря той безпросвѣтной темнотѣ, въ которой пребываетъ онъ. Кто видѣлъ и знаетъ этотъ, по истинѣ ужасный мракъ, окутавшій народную жизнь, тотъ пойметъ, что въ нее необходимо внести прежде всего лучъ свѣта, пробудить человѣчность, сознаніе человѣческаго достоинства, гражданскихъ правъ. Во всякомъ случаѣ, всегда и вездѣ необходимо имѣть въ виду сначала человѣка, а затѣмъ уже ремесленника, земледѣльца, техника и т. п. На этомъ основаніи, сельская школа, по крайней мѣрѣ съ теперешнимъ трехлѣтнимъ курсомъ, должна быть непремѣнно общеобразовательной, а не профессіональной. Она должна подготовить къ самостоятельной и сознательной жизни въ общинѣ, на «міру», въ мѣстномъ самоуправленіи и въ государствѣ, должна дать возможность оріентироваться въ этихъ сферахъ гражданской жизни, увеличивать свои знанія, постоянно продолжать свое образованіе и культурное перевоспитаніе. Для этого и трехлѣтняго-то курса не всегда достаточно, а потому, повторяемъ, школа должна дать прежде всего

общеобразовательныя свѣдѣнія, должна подготовлять людей, граждан, а не сапожниковъ, огородниковъ, садовниковъ.

Но тутъ возникаетъ новый вопросъ: что именно должно составлять общеобразовательный курсъ элементарной школы? Когда у насъ говорятъ о необходимости сохранить общеобразовательный характеръ за народной школой, то обыкновенно предполагаютъ, что теперешнія программы ея придаютъ этотъ характеръ ей. Между тѣмъ современныя программы народныхъ школъ очень несовершенны и именно со стороны требованій общаго образованія подлежатъ значительнымъ измѣненіямъ.

Прежде всего подлежитъ коренному пересмотру элементарный курсъ грамматики, который правильнѣе было-бы назвать очень сокращеннымъ систематическимъ курсомъ *). Въ принятыхъ въ нашихъ народныхъ школахъ учебникахъ грамматики находимъ почти всѣ отдѣлы и части научнаго курса. Но, разумѣется, связь между этими отдѣлами почти не установлена, обобщенія сдѣланы неудачно, опредѣленія сбивчивы и неточны. За недостаткомъ времени ученики проходятъ этотъ курсъ преимущественно догматическимъ путемъ и, разумѣется, вслѣдъ за экзаменомъ забываютъ его. Да и можно-ли требовать отъ учениковъ народной школы знаній хотя-бы и элементарной грамматики, когда приходится принимать серьезныя мѣры противъ рецидивизма безграмотности? Возможно-ли, при складѣ жизни нашего крестьянина, удержать въ памяти знаніе не только всѣхъ частей рѣчи, со всѣми подраздѣленіями, но и залоговъ, наклоненій, видовъ и т. п.? Если всѣ эти отвлеченныя грамматическія тонкости и могутъ имѣть развивающее значеніе, то только въ томъ случаѣ, когда будутъ вполнѣ прочно и обстоятельно усвоены, а достигнуть этого на первоначальной ступени обученія совершенно невозможно. Практическаго приложенія такой курсъ тоже почти не имѣетъ. Нельзя видѣть большой бѣды въ томъ, если ученикъ, окончившій курсъ народной школы, напишетъ слово *вещь* черезъ *ѣ*, или въ имени своего отца Ѳедора поставитъ ф вмѣсто ѳ. Не бѣда, если онъ не будетъ отличать видовъ и залоговъ глагола, не различитъ предлога отъ союза или прилагательнаго отъ причастія. Все равно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія и самое большее черезъ годъ онъ навсегда позабудетъ это. Не лучше-ли, поэтому, сокративъ курсъ элементарной грамматики, дать ученикамъ, вмѣсто недоступныхъ имъ

*) По этому вопросу см. наши статьи въ «Женск. Образ.» № 5-й за 1885 г., № 1-й за 1886 г. и др.

отвлеченностей, что-нибудь болѣе конкретное, что-нибудь такое, что не забылось-бы, а напротивъ, послужило къ пріобрѣтенію новыхъ знаній, новыхъ свѣдѣній, открыло-бы новые горизонты, направило-бы мысль на болѣе жизненныя явленія?..

Многое можно сказать и по поводу постановки въ народныхъ школахъ обученія церковно-славянскому чтенію, изъ котораго сдѣлали теперь особый предметъ преподаванія *). Церковная грамота, разумѣется, нужна, какъ для пониманія богослуженія, такъ и для чтенія религіозныхъ книгъ. Но пониманіе богослуженія обусловливается не столько знаніемъ тонкостей церковно-славянскаго языка, какъ твердымъ знакомствомъ съ ходомъ церковной службы, съ послѣдовательностью ея частей и значеніемъ ихъ. Все это достигается изученіемъ краткаго курса богослуженія. На урокахъ Закона Божія ученики народныхъ школъ изучаютъ ходъ церковныхъ службъ, употребляемыя на нихъ молитвы, пѣснопѣнія и т. п. и, слѣдовательно, узнаютъ непонятныя для нихъ слова и обороты церковно-славянской рѣчи. Такимъ образомъ, преподаваніе Закона Божія необходимо должно заключать въ себѣ и уроки церковной грамоты, и притомъ вполнѣ живые и непосредственно примѣнимые къ дѣлу. Въ спеціальныхъ же урокахъ нѣтъ никакой надобности. Точно также совершенно излишне изученіе церковно-славянскаго языка въ народныхъ школахъ исключительно для грамматическихъ цѣлей. Даже въ среднеучебныхъ заведеніяхъ такая работа представляетъ затрудненія. Въ народныхъ-же школахъ, гдѣ научный курсъ грамматики не можетъ проходиться совсѣмъ, эти занятія не имѣютъ ни воспитательнаго, ни практическаго значенія, а наоборотъ, только сбиваютъ учениковъ въ ихъ еще недостаточно твердомъ знаніи русской рѣчи. Говорятъ, что обстоятельное знакомство съ церковно-славянскимъ языкомъ можетъ потребоваться еще для самостоятельнаго чтенія книгъ священнаго писанія; но въ послѣднее время русскіе переводы этихъ книгъ уже вытѣсняютъ церковно-славянскія изданія и несомнѣнно очень скоро получатъ преобладающее распространеніе. Такимъ образомъ, знакомство съ церковной грамотой въ народныхъ школахъ должно идти совмѣстно и параллельно съ изученіемъ Закона Божія, отдѣльныхъ-же уроковъ для нея совсѣмъ не требуется.

Уже указанными сокращеніями въ курсахъ грамматики и церковно-славянскаго языка можно съэкономить, по крайней мѣрѣ, по 6-ти уро-

---

*) См. по этому поводу нашу статью въ № 4-мъ «Женское Образованіе» за 1887 г.

ковъ въ недѣлю въ двухъ старшихъ отдѣленіяхъ народной школы. Если затѣмъ хоть наполовину уменьшить современное увлеченіе церковнымъ пѣніемъ, сдѣлавшимъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ изъ общеобразовательной народной школы—профессіональную школу церковнаго пѣнія и подготовки церковнослужителей, то можно выиграть еще по крайней мѣрѣ три недѣльныхъ урока. Народная школа, при всѣхъ этихъ сокращеніяхъ, потеряетъ свой по преимуществу грамматическій и профессіонально-церковный характеръ, но несомнѣнно получитъ возможность усилить и улучшить свое общеобразовательное значеніе.

Въ чемъ-же должны заключаться такія улучшенія? Несомнѣнно, что цѣль ихъ должна быть въ строгомъ соотвѣтствіи съ общей цѣлью всего курса народныхъ училищъ: они должны имѣть въ виду подготовку учениковъ къ дальнѣйшей самостоятельной работѣ, къ самообразованію и къ улучшенію своей жизни. Поэтому, добавленія и улучшенія въ курсѣ народныхъ школъ должны касаться прежде всего мѣстной общественной жизни, должны пробудить гражданское и общественное самосознаніе, игнорировавшееся цѣлые вѣка народнаго рабства. Мы уже указали, какую массу зла порождаетъ въ деревнѣ полное незнаніе населеніемъ своихъ законныхъ правъ и непониманіе налагаемыхъ на него обязанностей. Поэтому знакомство учениковъ народныхъ школъ, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, съ крестьянскимъ и земскимъ самоуправленіемъ и съ организаціей административнаго управленія положительно необходимо, такъ какъ не только расширяетъ ихъ кругозоръ и пробудитъ самосознаніе, но и дастъ имъ возможность идти по этому-же пути въ дальнѣйшей жизни. Такой краткій курсъ законовѣдѣнія уже входитъ составной частью въ программы низшихъ сельскохозяйственныхъ училищъ, и мы не видимъ причины, почему-бы, въ видахъ общеобразовательнаго значенія, не ввести его, хотя-бы и еще нѣсколько сокративши, въ число обязательныхъ предметовъ начальныхъ народныхъ училищъ.

Нельзя также отрицать общеобразовательнаго значенія естественно-историческихъ наукъ, признаваемаго теперь, кажется, самыми крайними защитниками классицизма. На первоначальной ступени обученія онѣ особенно важны, такъ какъ развиваютъ наблюдательность, пріучаютъ сознательно и со вниманіемъ всматриваться въ самыя обычныя и заурядныя явленія и даютъ ключъ къ тому осмысленному отношенію къ природѣ, которое представляетъ, между прочимъ, залогъ успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства. Это послѣднее въ Россіи служитъ общимъ занятіемъ почти всего населенія, составляетъ общій

интересъ всего государства, а потому въ основныхъ естественно-научныхъ принципахъ своихъ оно несомнѣнно имѣетъ общеобразовательный характеръ. Краткія свѣдѣнія изъ анатоміи и физіологіи, а равно и самые общіе выводы изъ нихъ о питаніи животныхъ и растеній и объ уходѣ за ними не составятъ спеціальнаго курса; знаніе условій роста распространеннѣйшихъ злаковъ и древесныхъ породъ, условій сохраненія влаги въ почвѣ, состава ея и нѣкоторыхъ другихъ свѣдѣній изъ естественныхъ наукъ, доступно и присуще почти всѣмъ жителямъ провинціи, никогда не занимавшимся сельскимъ хозяйствомъ и не спеціализировавшимся въ немъ. Знаютъ и стремятся знать ихъ всѣ: и сельскіе жители, и городскіе мѣщане, и купцы, и духовенство, и даже чиновничество. Да и какъ не знать того, чѣмъ, можно сказать, живетъ и дышитъ стомилліонное населеніе нашего отечества, что составляетъ его важнѣйшую заботу, создаетъ его силу и могущество, что сдѣлалось общимъ достояніемъ и по своему образовательному и воспитательному значенію имѣетъ не только общерусскій, но и общечеловѣческій интересъ.

Въ виду этого краткія свѣдѣнія изъ области естественно-историческихъ наукъ, въ особенности въ тѣхъ частяхъ ихъ, которыя касаются основъ сельскаго хозяйства, должны считаться общеобразовательными и, слѣдовательно, могутъ войти въ курсъ трехлѣтнихъ начальныхъ народныхъ училищъ, нисколько не нарушая образовательнаго значенія ихъ, а наоборотъ, дѣлая его изъ узко-грамматическаго болѣе широкимъ и разностороннимъ.

Этимъ положеніемъ опредѣляется и та роль, которую можетъ играть наша начальная народная школа въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній. Она не привьетъ и не должна привить имъ техническихъ умѣній, не выработаетъ спеціально подготовленнаго сельскаго хозяина, не дастъ ему никакихъ профессіональныхъ умѣній и знаній. Но она должна научить своихъ питомцевъ сознательно относиться къ ближайшимъ и важнѣйшимъ въ ихъ жизни явленіямъ природы, должна ознакомить съ требованіями ихъ, какъ знакомитъ съ языкомъ и осмысленнымъ употребленіемъ его, съ религіозными ученіями и т. п. Она должна дать толчекъ мысли, пробудить умственный интересъ къ естественно-научному хозяйству, научить пониманію популярныхъ сельскохозяйственныхъ книгъ и руководствъ и такимъ образомъ дать возможность, въ дальнѣйшей жизни учениковъ, самостоятельно прогрессировать имъ какъ вообще въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ частности въ агрономіи.

Мы знаемъ, что такое рѣшеніе вопроса не удовлетворитъ ни мно-

гихъ защитниковъ общеобразовательнаго курса народной школы, ни поклонниковъ специализаціи ея. Первые подъ общимъ образованіемъ подразумѣваютъ исключительно грамматическое, вторые-же требуютъ спеціальныхъ курсовъ и обученія практическимъ пріемамъ. Мы-же не раздѣляемъ ни того, ни другого мнѣнія. Мы думаемъ, что общее образованіе можетъ дать лишь сочетаніе доступнаго въ первоначальномъ обученіи грамматическаго курса съ свѣдѣніями изъ общественныхъ наукъ, и главнымъ образомъ изъ законовѣдѣнія, и съ естественно-историческимъ курсомъ, построеннымъ на изученіи ближайшихъ и доступныхъ всѣмъ явленій природы. Что-же касается мнѣнія о недостаточности такого естественно-историческаго курса для вліянія черезъ народную школу на поднятіе крестьянскаго хозяйства, то мнѣніе это тоже едва-ли имѣетъ за собою практическое основаніе. Достаточно вспомнить, что даже теперешняя народная школа съ своимъ схоластическимъ направленіемъ—и то имѣетъ практическое значеніе. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что ученики, получивъ въ ней толчекъ къ умственному движенію, дѣлаются и воспріимчивѣе, и понятливѣе, а потому скорѣе и охотнѣе принимаются за ремесла и мастерства, чѣмъ неграмотныя крестьянскія дѣти. Если-же школа будетъ нечужда и реальныхъ общеобразовательныхъ знаній, то вліяніе ея на практическую жизнь еще болѣе возрастетъ. Поэтому на введеніе естественно-историческаго курса въ народную школу необходимо смотрѣть, какъ на первый и важный шагъ въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній, подготовляющій къ болѣе спеціальному изученію ихъ, нисколько не нарушая при этомъ общеобразовательнаго характера школы, но несомнѣнно вліяя на практическую жизнь. Выборъ учебнаго матеріала для такого курса долженъ опредѣляться не профессіональными требованіями, а воспитательными цѣлями и методическими указаніями. Всѣ тѣ части естествознанія, которыя имѣютъ развивающее значеніе, поддерживаютъ и изощряютъ сообразительность, способность наблюдать явленія природы и дѣлать выводы и обобщенія о вліяніи ихъ на жизнь людей—все это, если оно близко и доступно крестьянскимъ дѣтямъ, можетъ войти въ курсъ естественной исторіи, предназначенный для низшихъ народныхъ училищъ. Недостатокъ учебнаго времени, разумѣется, заставитъ ограничиться въ немъ лишь сообщеніемъ основъ предмета; но и они, касаясь близкой деревенскимъ людямъ хозяйственной сферы ихъ дѣятельности, пріучатъ относиться къ послѣдней вполнѣ сознательно и несомнѣнно пробудятъ желаніе глубже заглянуть въ нее и по возможности изучить ее. Такимъ образомъ, реальныя общеобразовательныя знанія, направляя

вниманіе учащихся и пробуждая въ нихъ самодѣятельность, послужатъ первой побудительной причиной къ болѣе спеціальному знакомству съ различными отраслями сельскаго хозяйства, если только въ такомъ знакомствѣ будетъ сознаваться потребность и если учащіеся не изберутъ себѣ другихъ профессій и спеціальностей.

Останавливаясь на реальномъ, а не грамматическомъ образовательномъ курсѣ, мы убѣждены, что и проходиться учениками онъ будетъ успѣшнѣе теперешняго. На усвоеніе грамматическаго матеріала, на занятія церковно-славянскимъ языкомъ и церковнымъ пѣніемъ теперь расходуется, по крайней мѣрѣ, 1/4 учебнаго времени въ народной школѣ. Результаты этихъ занятій очень печальны и вызываютъ справедливыя сѣтованія на безплодность обученія. Въ томъ-же случаѣ, если только половина этого времени пойдетъ на изученіе близкихъ и относительно знакомыхъ ученикамъ предметовъ, успѣшность необходимо повысится и дѣти несомнѣнно пріобрѣтутъ дѣйствительныя знанія, необходимыя для дальнѣйшей самостоятельной работы.

Но даже и при такихъ, болѣе благопріятныхъ для обученія, условіяхъ, нельзя не сознаться, что трехлѣтній курсъ народныхъ училищъ въ общемъ очень незначителенъ и недостаточенъ. Для пріобрѣтенія школой прочнаго вліянія необходимо, чтобы она имѣла ближайшее и непосредственное продолженіе. При скудости нашихъ образовательныхъ средствъ и невозможности надѣяться на преобразованіе въ ближайшемъ будущемъ всѣхъ одноклассныхъ училищъ въ двухклассныя, естественнымъ и ближайшимъ продолженіемъ народной школы можетъ быть только сельская библіотека и читальня, на которыя у насъ, къ сожалѣнію, обращаютъ очень мало вниманія. Прошедшій курсъ одноклассная училища, а тѣмъ болѣе двухклассная, разумѣется, будетъ въ состояніи понимать очень многія полезныя книги изъ числа тѣхъ, которыя проходятся въ училищахъ. При помощи ихъ онъ могъ-бы продолжать свое общее образованіе и почерпнуть полезныя свѣдѣнія, хотя-бы и по сельскому хозяйству, для того, чтобы примѣнить ихъ къ своей жизни. Но теперь, въ громадномъ большинствѣ мѣстностей, располагающихъ школами, онъ лишенъ этого потому, что при школахъ нѣтъ библіотекъ, а помимо ихъ добыть книжку негдѣ. Въ этихъ именно случаяхъ и должна помочь библіотека, которую недорого и недурно можно устроить при любой сельской школѣ. Желательно, чтобы такія библіотеки по своему составу приспособлялись какъ къ курсу народныхъ училищъ, такъ и къ нуждамъ деревни. Поэтому необходимо, чтобы въ нихъ были книги не только богословскія, литературныя, историческія и т. п., но и значительный запасъ книгъ

по прикладнымъ знаніямъ и главнымъ образомъ по земледѣлію, скотоводству, садоводству, огородничеству, пчеловодству и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ такомъ случаѣ народная школа съ библіотекой послужатъ не только къ поднятію общеобразовательнаго уровня сельской молодежи, но и образуютъ новую ступень къ усвоенію ею спеціальныхъ агрономическихъ познаній въ томъ объемѣ, какой необходимъ для крестьянскаго хозяйственнаго обихода.

Общеобразовательный курсъ одноклассныхъ народныхъ училищъ, съ реальнымъ характеромъ, не можетъ и не долженъ служить препятствіемъ къ сосредоточенію въ этихъ училищахъ всѣхъ общихъ и спеціальныхъ образовательныхъ средствъ, необходимыхъ для нашей деревни. Напротивъ того, народная школа должна оставаться общимъ просвѣтительнымъ средствомъ, къ которому всегда-бы обращались взоры сельской молодежи, ищущей знанія и просвѣщенія. Для созданія другихъ такихъ центровъ у насъ нѣтъ ни средствъ, ни достаточнаго опыта, на которомъ можно было-бы построить новое крупное дѣло, распространенное на всю огромную страну. Поэтому, народная школа еще надолго будетъ оставаться главнымъ и единственнымъ разсадникомъ знаній въ средѣ народа. Сосредоточеніе при ней средствъ для сообщенія профессіональныхъ и, главнымъ образомъ, сельскохозяйственныхъ свѣдѣній тоже не можетъ нарушить, при извѣстныхъ условіяхъ, общеобразовательнаго характера ея. Если, напримѣръ, при школѣ будетъ существовать сельскохозяйственный музей съ библіотекой, если будетъ опытное хозяйство, или даже отдѣльный сельскохозяйственный классъ, то, не нарушая обычнаго теченія дѣлъ во всѣхъ общеобразовательныхъ отдѣленіяхъ школы и не отвлекая учениковъ ихъ— всѣ эти учрежденія, очевидно, будутъ существовать для другого состава учащихся, и преимущественно для окончившихъ общій курсъ и ищущихъ спеціальныхъ сельскохозяйственныхъ знаній. Общеобразовательная школа отъ такого соединенія съ профессіональными учрежденіями нисколько не пострадаетъ. Напротивъ, воспитательное значеніе ея, судя по опыту иностранныхъ государствъ, должно значительно увеличиться. Обратимся къ выясненію этого важнаго и интереснаго для насъ опыта.

Еще Песталоцци придавалъ важное воспитательное значеніе сельскохозяйственнымъ знаніямъ и труду, особенно если они соединялись въ школѣ съ организаціей, построенной на семейномъ началѣ. Первоначальное практическое осуществленіе этихъ мыслей отца современной педагогики принадлежитъ Феленбургу и Верли. По ихъ мнѣнію, «школа должна представлять изъ себя маленькую ферму, и дѣти должны

воспитываться въ ней въ привычкахъ деревенской жизни и пріучаться къ работамъ и занятіямъ, способнымъ развить ихъ физическія, умственныя и нравственныя силы. Школа должна давать имъ не только образованіе, которое одно безполезно и даже иногда вредно, но, главнымъ образомъ, профессію, которая-бы обезпечивала имъ возможность честнымъ и посильнымъ трудомъ зарабатывать средства своего существованія. Главнымъ занятіемъ, но не исключительнымъ, должно быть земледѣліе, всегда благопріятствующее цѣлостному развитію человѣка. Дѣтямъ недостаетъ привычки къ порядку и методѣ, а въ земледѣліи ничего не получается безъ нихъ; дѣти легкомысленны, а земледѣліе требуетъ сосредоточенности; дѣти нетерпѣливы въ полученіи результатовъ, а природа медленно даетъ ихъ и пріучаетъ къ выжиданію; она говоритъ уму и поражаетъ воображеніе ребенка» *). Такимъ образомъ, сельскохозяйственное образованіе имѣетъ громадное воспитательное значеніе, и это обстоятельство было чрезвычайно важнымъ факторомъ въ развитіи его на Западѣ. Въ 1809 г. Феленбургъ открылъ близъ Берна школу, которая состояла изъ пяти отдѣленій. Одно изъ нихъ было предназначено для бѣдныхъ деревенскихъ дѣтей, желающихъ современемъ сдѣлаться сельскими учителями. Этимъ отдѣленіемъ завѣдывалъ Верли, положившій всю душу свою въ важное новое дѣло. «Дѣти оставались въ школѣ до 21 года, и ни одинъ не ушелъ ранѣе этого срока. Они исполняли полевыя и всѣ домашнія работы. Вставали дѣти лѣтомъ въ 5, а зимою въ 6 часовъ; ложились между 8 и 9 часами. Школьные уроки въ лѣтнее время длились 2 часа, а зимою 4 часа въ день. Преподавали: чтеніе, письмо, рисованіе, счисленіе, пѣніе, грамматику, начала геометріи, физики, географію и исторію страны. Верли, остававшійся во главѣ сельской школы Феленбурга до 1884 года, былъ руководителемъ, другомъ и отцомъ всѣхъ этихъ дѣтей. Онъ работалъ вмѣстѣ съ ними въ полѣ, постоянно былъ при нихъ и жилъ, по примѣру своего великаго учителя (Песталоцци), одною съ ними жизнью. Онъ училъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, въ классѣ и во время работъ. Наказаній Верли не употреблялъ, и одного его выговора было достаточно, чтобы влiять на дѣтей. Между учениками и учителемъ существовали самыя теплыя отношенія любимаго отца къ дѣтямъ, и связи любви, уваженія и благодарности не порвались между ними и по выходѣ учениковъ изъ школы. Послѣ

---

*) Д. Дриль. Заброшенныя и преступныя дѣти. «Рус. Мыс.», 1884 г.. № 8, стр. 72 и 73.

выхода Верли школа существовала еще 11 лѣтъ и закрылась въ 45-мъ году, вслѣдствіе смерти своего учредителя Феленбурга» *). Но идея земледѣльческаго образованія для воспитательныхъ и профессіональныхъ цѣлей не заглохла, а нашла себѣ многихъ подражателей. Такъ, въ 1849 году такихъ школъ и фермъ было въ Швейцаріи 32. Почти всѣ онѣ были организованы на началахъ, установленныхъ Верли. Изъ спеціальныхъ предметовъ въ нихъ преподавались: земледѣліе, скотоводство, садоводство и огородничество, а въ послѣднее время въ курсъ ихъ введено преподаваніе какого-нибудь ремесла. Одинъ изъ послѣдователей и учениковъ Песталоцци—Цельвегеръ примѣнилъ ту-же идею воспитанія въ земледѣльческихъ училищахъ къ исправленію молодыхъ бродягъ и преступниковъ. Въ 40-мъ году была открыта имъ первая бехтельнская исправительная колонія. Съ тѣхъ поръ примѣненіе земледѣльческаго труда и образованія къ исправленію порочныхъ дѣтей быстро распространяется въ Европѣ, такъ что въ одной Швейцаріи насчитываютъ свыше 100 обществъ, преслѣдующихъ такія цѣли.

Въ Россіи, въ свою очередь, съ шестидесятыхъ годовъ стали раздаваться энергическіе голоса въ пользу примѣненія земледѣльческаго труда и образованія, какъ воспитательныхъ средствъ, къ исправленію малолѣтнихъ преступниковъ. Устраивающимся съ этой цѣлью исправительнымъ пріютамъ съ 1866 г. разрѣшено отводить небольшіе участки земли, благодаря которымъ пріюты пріобрѣтаютъ уже характеръ сельскохозяйственныхъ училищъ. Въ исторіи нашего профессіональнаго образованія они имѣютъ важное значеніе уже по одному тому, что обращаютъ особенное вниманіе на воспитательное значеніе земледѣльческаго труда и образованія, чего нельзя сказать о другихъ подобныхъ имъ училищахъ.

Сказаннаго, надѣемся, достаточно, чтобы признать воспитательное значеніе теоретическаго и практическаго сельскохозяйственнаго образованія, если оно непосредственно связано съ общимъ или служитъ прямымъ продолженіемъ его. Такъ какъ русская народная школа, по нашему выводу, не должна заключать въ себѣ спеціальныхъ курсовъ, то сельскохозяйственное образованіе явится,—разумѣется, лишь для желающихъ,—прямымъ продолженіемъ ея, тѣсно связаннымъ съ нимъ. Въ виду этого, не нарушая общеобразовательнаго характера народной школы, а еще усиливая воспитательное значеніе ея, возможно организовать при ней спеціальные сельскохозяйственные классы,

*) Тамъ-же, стр. 73 и 74.

такіе-же музеи, выставки и склады, образцовыя учебныя поля, сады и т. д. и т. п. Подобный примѣръ мы имѣемъ въ Бельгіи, гдѣ школа сдѣлалась важнымъ факторомъ прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ народа. Здѣсь при многихъ школахъ, а въ Фландріи при всѣхъ, имѣется садъ съ огородомъ или опытное поле, небольшая коллекція земледѣльческихъ орудій и образцы улучшенныхъ сѣмянъ. Въ неучебные дни при школахъ устраиваются популярныя лекціи по земледѣлію, а въ программу обученія входятъ основы естествознанія и даже сельскаго хозяйства. Такъ какъ учителя народныхъ школъ въ Бельгіи получаютъ предварительную подготовку по разнымъ отраслямъ агрономіи, то неудивительно, что они являются главными двигателями большинства хозяйственныхъ улучшеній. Въ Россіи этотъ вопросъ имѣлъ ограниченное практическое примѣненіе, и мы остановимся на немъ въ послѣдующемъ изложеніи.

Такимъ образомъ, по вопросу объ общеобразовательномъ значеніи народной школы и ея роли въ распространеніи сельскохозяйственныхъ знаній среди народа, возможенъ только одинъ отвѣтъ: *начальныя народныя училища съ трехлѣтнимъ курсомъ должны преслѣдовать общеобразовательныя реальныя цѣли и, по мѣрѣ возможности, представлять средоточіе и центръ какъ общихъ, такъ спеціально-сельскохозяйственныхъ средствъ къ дальнѣйшему образованію учениковъ, окончившихъ въ ней общій курсъ обученія.*

Евг. Максимовъ.

Оборона Лермонтовской „Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова".

«Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе Лермонтова въ русской и во всемірной литературѣ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ, и что высшее проявленіе этой народности (какъ пѣсня о царѣ Иванѣ Васильевичѣ) не требуетъ ни малѣйшаго комментарія, чтобы быть понятною для всѣхъ».

Боденштедтъ.

I.

Въ 1892 г. на страницахъ «Русской Школы» г. Балталонъ помѣстилъ «критико-педагогическую замѣтку», подъ заглавіемъ: «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова, М. Ю. Лермонтова» («Русская Школа» 1892 г., № 5 и 6, стр. 196—212). Задачу своей замѣтки авторъ опредѣляетъ такъ:

«Мы коснемся здѣсь не таланта Лермонтова вообще, а лишь вопроса объ относительной важности и значеніи одного изъ его произведеній, съ точки зрѣнія учебно-воспитательной и художественной». Суть дѣла вотъ въ чемъ: «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова занимаетъ видное мѣсто во всѣхъ дѣйствующихъ программахъ русской словесности и считается однимъ изъ выдающихся его произведеній, на ряду съ «Героемъ нашего времени», «Мцыри» и другими стихотвореніями; и въ нашей учебной литературѣ за нею установилась слава столь-же удачнаго подражанія народнымъ пѣснямъ, сколько образцовой исторической поэмы, высоко стоящей въ художественномъ отношеніи. Такой взглядъ утвердился въ нашей учебной литературѣ подъ вліяніемъ того сочувствія, съ которымъ эта пѣсня была встрѣчена Бѣлинскимъ при самомъ ея появленіи на свѣтъ... Но мы не должны забывать, что нашъ великій критикъ, при всей глубинѣ и чуткости своего критическаго таланта, былъ способенъ къ увлеченіямъ въ своихъ критическихъ отзывахъ... Поэтому мы считаемъ небезъинтереснымъ подвергнуть этотъ взглядъ нѣкоторой критической провѣркѣ и на ея основаніи рѣшить во-

просъ, не представляется-ли эта пѣсня, наоборотъ, произведеніемъ относительно слабымъ именно въ художественномъ отношеніи, ничѣмъ особенно не выдающимся въ другихъ отношеніяхъ и совсѣмъ не характернымъ для истиннаго таланта Лермонтова?» (197 стр.).

Въ виду сказаннаго, авторъ въ своей замѣткѣ разсматриваетъ «Пѣсню» въ трехъ отношеніяхъ: 1) какъ подражаніе народнымъ пѣснямъ; 2) съ точки зрѣнія господствующихъ въ исторической наукѣ взглядовъ на эпоху опричнины и 3) въ отношеніи художественномъ. Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ послѣ критической провѣрки «Пѣсни» въ указанныхъ трехъ отношеніяхъ, формулированы имъ въ концѣ замѣтки такъ:

1. «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ не представляетъ собою удачнаго подражанія народнымъ историческимъ пѣснямъ, такъ какъ очерченныя въ нихъ лица освѣщены не согласно съ народными взглядами».

2. «Въ художественномъ отношеніи эта поэма уступаетъ нѣкоторымъ народнымъ пѣснямъ объ Иванѣ Васильевичѣ по яркости красокъ, драматизму положеній и широтѣ идеи».

3. «Художественныя достоинства поэмы сводятся къ нѣкоторымъ частностямъ, пѣсенному размѣру и языку».

4. «Съ точки здѣнія исторической, поэма даетъ ложное понятіе о людяхъ и нравахъ эпохи, къ которой относится: она не типична».

5. «Эта «Пѣсня», какъ слабое произведеніе, не должна входить въ число образцовыхъ произведеній Лермонтова, обязательно изучаемыхъ въ классѣ»...

Взглядъ г. Балталона на «Пѣсню» Лермонтова, по нашему мнѣнію, важенъ не только съ учебно-воспитательной точки зрѣнія, но имѣетъ и болѣе общее, широкое значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, онъ опровергаетъ не только программы словесности, учебники и школьныя хрестоматіи, но и разрушаетъ мнѣніе о достоинствахъ «Пѣсни», установившееся въ нашей критикѣ. Г. Балталонъ опровергаетъ мнѣніе критиковъ не только прежняго времени, которые легко могли ошибиться, но и позднѣйшаго, каковы: Боденштедтъ, Пыпинъ, Спасовичъ, Висковатовъ, Котляревскій и др. Поэтому взглядъ г. Балталона заслуживаетъ особеннаго вниманія не однихъ педагоговъ; онъ требуетъ тщательнаго обсужденія и долженъ быть принятъ, если окажется, что авторъ основывается на неопровержимыхъ данныхъ. Придавая такое значеніе критико-педагогической замѣткѣ г. Балталона и не встрѣтивъ до сихъ поръ замѣтокъ на нее, мы рѣшается подвергнуть обсужденію взглядъ его на «Пѣсню» Лермонтова, а равно и тѣ аргументы, которыми онъ обставляетъ свое мнѣніе.

Въ своей статьѣ мы будемъ слѣдовать плану замѣтки г. Балталона. Желая быть наиболѣе точными, мы по необходимости принуждены будемъ приводить въ возможно полномъ видѣ слова автора критико-педагогической замѣтки и затѣмъ уже подвергать ихъ обсужденію.

II.

Приступая къ разсмотрѣнію «Пѣсни», какъ подражанія народнымъ пѣснямъ, г. Балталонъ говоритъ: «чтобы выяснить вопросъ, представляетъ-ли собою это произведеніе Лермонтова удачное подражаніе историческимъ пѣснямъ, въ смыслѣ поэтической переработки и воспроизведенія ихъ основныхъ мотивовъ и духа, обратимся къ тому матеріалу, который долженъ считаться оригиналомъ для подражанія, т.-е. къ народнымъ историческимъ пѣснямъ» (ibid. стр. 197—198). При разсмотрѣніи народныхъ историческихъ пѣсенъ онъ слѣдитъ, главнымъ образомъ, какъ обрисовывается въ нихъ личность Ивана Грознаго *) Выводъ его вполнѣ правиленъ и общеизвѣстенъ: Грозный по историческимъ народнымъ пѣснямъ представляется «человѣкомъ умнымъ и царемъ дальновиднымъ...; его генію приписываются всѣ военные успѣхи, побѣды и пріобрѣтенія новыхъ областей... Съ другой стороны, онъ является въ пѣсняхъ жестокимъ, неумолимымъ мучителемъ, невоздержнымъ и вспыльчивымъ, съ очень нервнымъ характеромъ»... (198 стр.). Сравнивая созданный народной поэзіей образъ Грознаго съ личностью его въ «Пѣснѣ» Лермонтова, авторъ находитъ, что «во всей фигурѣ Грознаго недостаетъ жизни, движенія, страсти, необузданныхъ порывовъ, словомъ, нѣтъ совсѣмъ того нервнаго, увлекающагося темперамента, который ясно обрисовывается въ историческихъ пѣсняхъ и находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ исторіи. Грозный Лермонтова, напротивъ того, спокоенъ, холоденъ, почти неподвиженъ. Въ первой части поэмы описывается, какъ царь сидитъ среди пира, улыбаясь и угощая своихъ гостей—тихо, скромно, сдержанно; но, при видѣ задумчиваго лица своего любимаго опричника, онъ хмуритъ брови и въ раздраженіи стучитъ палкою объ полъ»... (202 стр.).

Остановимся здѣсь. Выше было замѣчено, что г. Балталонъ правильно указалъ, какими чертами обрисована личность Грознаго въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ. Въ этомъ случаѣ возражать ему никто не станетъ. Но, прочитавъ только-что выписанное мнѣніе о

*) Не можемъ не указать г. Балталону на неудобство производить разсмотрѣніе народныхъ историческихъ пѣсенъ, съ цѣлью провѣрить «Пѣсню» Лермонтова, по сборнику Кирѣевскаго. Лермонтовъ при написаніи своей поэмы могъ пользоваться и пользовался «Древними россійскими стихотвореніями, собранными Киршею Даниловымъ». Оговорка г. Балталона ничего не значитъ, такъ какъ Лермонтовъ пользовался не однѣми пѣснями объ эпохѣ Іоанна Грознаго.

личности Грознаго, какъ она изображена Лермонтовымъ въ его «Пѣснѣ», вы, читатель, невольно поражаетесь *невѣрнымъ толкованіемъ* автора критико-педагогической замѣтки. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы не одинъ разъ читали такіе стихи:

«Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ
Сидитъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники;
Супротивъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
И всѣ пили, царя славили,
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.
Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго,
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное—
И очнулся тогда добрый молодецъ».

Ужели въ этихъ стихахъ не удачно схвачена Лермонтовымъ одна черта въ характерѣ Грознаго, подмѣченная въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ и г. Балталономъ, именно—*быстрый переходъ отъ добраго расположенія* («улыбаясь, царь повелѣлъ тогда» и пр.) *къ гнѣву* («вотъ нахмурилъ царь брови черныя» и пр.)? Ужели въ этомъ быстромъ переходѣ отъ одного чувства къ другому нѣтъ жизни, движенія?

Выписавъ затѣмъ рѣчь Грознаго къ Кирибѣевичу, г. Балталонъ говоритъ:

«За исключеніемъ первыхъ четырехъ строкъ, эта рѣчь производитъ неопредѣленное, вялое впечатлѣніе: непонятно, что собственно желаетъ ею высказать

царь,—грозитъ-ли онъ Кирибѣевичу смертной казнью, желаетъ-ли онъ обратить только его вниманіе на неприличіе поведенія, или, наконецъ. желаетъ затронуть самолюбіе Кирибѣевича, напоминая ему, къ какой знаменитой семьѣ онъ принадлежитъ. Во всѣхъ этихъ словахъ нѣтъ связи, одна мысль ослабляетъ другую и мѣшаетъ ея развитію... Поэтическое напоминаніе о звѣздахъ какъ-то неумѣстно Это не выраженіе гнѣва, а холодное разсужденіе, въ которомъ, едва-ли удачно, почему-то перепутываются падающія звѣзды съ тучами» (203—204 стр.).

По нашему мнѣнію, рѣчь Грознаго весьма понятна всякому не предубѣжденному читателю. Лишь только царь замѣтилъ, что Кирибѣевичъ не принимаетъ участія въ его радости, въ головѣ его является мысль, нѣтъ-ли тутъ какой измѣны; кромѣ того, онъ не привыкъ къ противорѣчію и ослушанію своей воли—все это порождаетъ въ немъ гнѣвъ. Не привыкнувъ сдерживаться, онъ и выражаетъ свой гнѣвъ сперва проницательнымъ взоромъ, затѣмъ стукомъ палки и, наконецъ, рѣчью. Въ послѣдней онъ не только высказываетъ пришедшую ему мысль объ измѣнѣ, но и предупреждаетъ, что сопротивленіе его волѣ можетъ повести къ погибели. Поэтому совершенно умѣстно со стороны царя напоминаніе, *о звѣздѣ, падающей стремглавъ на землю*. Это иносказаніе не только въ духѣ Грознаго, но и въ духѣ русскаго народа. Это любимый оборотъ народный, который Лермонтовъ нашелъ въ «Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова» и самостоятельно переработалъ. Такъ, въ былинѣ «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское» читаемъ:

«Али тѣ, Никитѣ, мало можется?
Надъ собою ты невзгоды не вѣдаешь:
Упала звѣзда поднебесная,
Потухла во соборѣ свѣча мѣстная,
Не стало царевича у насъ въ Москвѣ»...

Нѣтъ ничего загадочнаго и въ напоминаніи о родѣ Малюты Скуратова. «Неприлично-же тебѣ, Кирибѣевичъ, царской радостью гнушатися; а изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ и семьею ты вскормлёнъ Малютиной!»—говоритъ царь, и слова его могутъ имѣть только одинъ смыслъ: всякому человѣку неприлично гнушаться царской радостью, тѣмъ болѣе неприлично это потомку Малюты Скуратова, родъ котораго всегда отличался беззавѣтной преданностью царю и безграничной покорностью его волѣ.

Приведя рядъ вопросовъ, съ которыми Грозный обращался къ Кирибѣевичу, желая узнать причину его грусти, г. Балталонъ говоритъ:

«Но сообразно-ли съ характеромъ Ивана Грознаго выражать свою заботливость объ опричникѣ въ такой многословной, растянутой формѣ, соотвѣтствующей скорѣе какому-нибудь элегическому стихотворенію, нежели словамъ гнѣвнаго нетерпѣливаго царя? И дѣйствительно, вопросы эти, по своей формѣ, по тону и

подробностямъ, представляютъ собою ничто иное, какъ лирическое стихотвореніе, обращенное къ *доброму молодцу*—горемыкѣ, а не рѣчь Ивана Грознаго къ опричнику; по отношенію къ послѣднему они неправдоподобны; могъ-ли царь подозрѣвать, чтобы у его любимаго опричника, человѣка богатаго, обезпеченнаго, источникомъ горя служилъ хромоногій конь или измятая шапка!» (240 стр.).

Оставляемъ безъ возраженія первую часть замѣчанія г. Балталона, потому что здѣсь онъ беретъ на себя рискованную роль указывать поэту, какой длинноты онъ долженъ вставлять рѣчи въ уста дѣйствующихъ лицъ. Да и почему Грозному не обратиться съ рѣчью къ Кирибѣевичу, какъ къ доброму молодцу-горемыкѣ, когда онъ въ самомъ дѣлѣ горемыка въ данный моментъ? Что касается *неправдоподобности* вопросовъ, то укажемъ г. Балталону въ «Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ Кирши Данилова» одно мѣсто, которое онъ долженъ считать также неправдоподобнымъ. Въ не разъ уже упомянутой былинѣ «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское» Грозный спрашиваетъ боярина:

«Къ чему ты, Никита, въ домѣ добрѣ радошенъ?
Али ты, Никита, какой городъ взялъ?
Али ты, Никита, корысть получилъ?»

Съ точки зрѣнія г. Балталона вопросъ Ивана Васильевича Никитѣ Романовичу: «*али ты, Никита, корысть получилъ?*»—неправдоподобенъ, потому что царь, кажется, долженъ былъ знать, что его родичъ—богатый бояринъ и человѣкъ безкорыстный, отвѣчавшій ему на предложеніе награды за спасеніе отъ смерти сына:

«Ой ты гой еси, государь Иванъ Васильевичъ!
Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,
Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
Не хочу я твоей золотой казны»...

И несмотря на это, народъ влагаетъ въ уста Грознаго подобный вопросъ. Что дѣлать! Народъ остается инстинктивно вѣренъ исторической правдѣ и духу изображаемой эпохи, когда все измѣрялось матеріальными благами, и на всѣ замѣчанія критиковъ можетъ отвѣчать безапелляціоннымъ стихомъ: «то старина, то и дѣянье!..» Мы не находимъ рѣчь Грознаго къ Кирибѣевичу ни длинной, ни неправдоподобной; напротивъ, по нашему мнѣнію, Лермонтовъ мастерски создалъ ее въ духѣ народномъ, выдержавъ подробности вооруженія и богатства опричниковъ. Весьма естественно было царю, содержавшему на своемъ жалованьѣ опричниковъ, спросить печальнаго любимца, не обошелъ-ли онъ его своею милостью.

«Узнавъ, наконецъ,—читаемъ далѣе въ критико-педагогической замѣткѣ,—отъ Кирибѣевича, что причина его грусти—любовь, царь предлагаетъ ему свое содѣйствіе и поощряетъ его къ сватовству въ слѣдующихъ скромныхъ выраженіяхъ:

«Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся».

«Послѣ такихъ словъ со стороны Ивана Васильевича, какъ-бы указывающихъ на его уваженіе къ личности женщины и ея свободѣ, дальнѣйшая бесѣда царя съ Кирибѣевичемъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый интересъ: становится любопытнымъ, какъ отнесется Иванъ Грозный къ любви своего опричника, когда узнаетъ, что любимая имъ женщина замужемъ. Но, къ сожалѣнію, на этомъ самомъ мѣстѣ, т.-е. послѣ признанія Кирибѣевича, разговоръ между ними прекращается, и дальнѣйшее отношеніе царя къ этому вопросу въ поэмѣ остается невыясненнымъ».

Никакого уваженія къ личности женщины и ея свободѣ не слѣдуетъ усматривать въ рѣчи Грознаго. Здѣсь Лермонтовъ воспроизвелъ столь знакомую по народнымъ пѣснямъ сцену вмѣшательства князя въ сватовство одного изъ своихъ дружинниковъ. Въ сборникѣ Кирши Данилова есть былина «Иванъ Годиновичъ», въ которой князь Владиміръ вызывается быть сватомъ:

«А не ты, Иванъ, поѣдешь свататься,
Сватаюсь я-де Владиміръ-князь».

Правда, Иванъ Васильевичъ не даетъ Кирибѣевичу такого совѣта, какой даетъ Ивану Годиновичу Владиміръ-князь, узнавъ о неудачѣ сватовства:

«Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, князя, сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя Ивана третье сто;
Поѣзжай ты о добромъ дѣлѣ—о сватаньѣ,
Честью не дастъ, *ты и силою бери*».

Рѣчь Грознаго носитъ совсѣмъ другой характеръ, потому что есть большая разница въ положеніи былиннаго князя Владиміра и царя Ивана Васильевича, равно какъ большое разстояніе между X и XVI вѣками. Хотя исторія и преданія сохранили разсказы о томъ, что Иванъ Грозный насильно отнималъ женъ у мужей, однако онъ не могъ, какъ царь, открыто давать своимъ опричникамъ право отнимать женъ у жителей Москвы, какъ-бы онъ ни попиралъ права земщины. Поэтъ не приводитъ отвѣта Грознаго на признаніе Кирибѣевича, что предметъ его любви—Алена Дмитріевна—въ церкви Божіей перевѣнчана,—въ этомъ виденъ пріемъ великаго художника, который удачно опустилъ занавѣсъ, предоставляя читателю догадываться о содержаніи отвѣта царя. Если не всѣ читатели правильно понимаютъ содержаніе этого отвѣта, авторъ тутъ ни въ чемъ неповиненъ. Судя по дальнѣйшему ходу дѣйствія, можно положительно сказать, что Грозный не отпустилъ Кирибѣевича въ степи приволж-

скія и не далъ совѣта отнять жену у Калашникова; но Кирибѣевичъ, какъ любимый опричникъ, могъ разсчитывать на то, что царь сквозь пальцы посмотрѣлъ-бы на подобный поступокъ съ его стороны. Кирибѣевичъ, однако, не думалъ отнимать у Калашникова силою жену. Авторъ, заглянувъ глубоко въ душу опричника, заставилъ его избрать другой путь, болѣе соотвѣтствующій положенію влюбленнаго, о чемъ мы скажемъ подробно ниже.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Балталонъ ясно обнаруживаетъ неправильное толкованіе словъ поэта.

«Грозный царь появляется еще разъ въ 3-й части поэмы, во время невинной потѣхи царской, кулачнаго боя въ праздничный день. И здѣсь его не покидаетъ спокойствіе и самообладаніе; даже въ тотъ моментъ, когда Калашниковъ убиваетъ у него на глазахъ его любимца, его лучшаго бойца, царь не обнаруживаетъ никакого движенія страсти; *безъ всякаго гнѣва и нетерпѣнія*, разсудительно, благоразумно допрашиваетъ онъ Калашникова» (205 стр.).

Какъ-же «*безъ всякаго гнѣва и нетерпѣнія*», когда у Лермонтова читаемъ:

«И, увидѣвъ то (убійство Кирибѣевича), царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое».

Разъ ставъ на ложную дорогу, г. Балталонъ и въ отвѣтѣ Грознаго на признаніе Калашникова не видитъ гнѣва, тогда какъ этотъ отвѣтъ представляетъ прекрасное, чисто въ народномъ духѣ, воспроизведеніе *той адской ироніи*, какою прославился Грозный. Лермонмонтовъ въ сборникѣ Кирши Данилова не могъ прочитать ничего подобнаго; но онъ такъ проникъ въ духъ народной поэзіи, что создалъ рѣчь Ивана Васильевича, сильно напоминающую отвѣтъ грознаго царя на признаніе разбойника:

«Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя-ли столбами съ перекладиною».

Впрочемъ, въ послѣднихъ словахъ отвѣта грознаго царя на признаніе Калашникова и г. Балталонъ усматриваетъ *жестокость*, но замѣчаетъ, что этой чертѣ жестокости *противорѣчитъ* вся первая «половина рѣчи, проникнутая человѣчной заботливостью, исполненная великихъ милостей царя по отношенію къ родственникамъ убійцы». Все это такъ; но кто-же не знаетъ, что натура Грознаго вся состояла изъ трудно объяснимыхъ противорѣчій. При всемъ своемъ гнѣвѣ на

Калашникова за убійство любимаго опричника, Иванъ Васильевичъ, художественно понимавшій добро, по выраженію К. Аксакова, не могъ не признать достоинства купца, котораго обрекалъ незаслуженной смерти.

Въ виду всего сказаннаго нами по поводу взгляда г. Балталона на личность Грознаго въ изображеніи Лермонтова, мы не считаемъ справедливымъ выводъ автора замѣтки:

«Такимъ образомъ, мы видимъ, что самыя живыя и правдивыя черты, которыми обрисовывается личность Ивана Грознаго въ народныхъ пѣсняхъ, исчезаютъ въ поэмѣ Лермонтова и замѣняются чертами иного рода. Вмѣсто подвижнаго, жестокаго деспота, съ страстнымъ, увлекающимся характеромъ, здѣсь является блѣдный образъ справедливаго, гуманнаго блюстителя законности» (205 стр.).

Мы старались показать своими возраженіями, что Лермонтовъ не даетъ *полнаго изображенія характера Грознаго* (это и не могло входить въ его планы), но тѣ черты, которыя отмѣчены имъ въ поэмѣ, несомнѣнно были присущи царю и согласны съ чертами, представленными въ народныхъ пѣсняхъ. Бѣда вся въ томъ, что г. Балталонъ, приступивъ къ поэмѣ Лермонтова съ предвзятою точкою зрѣнія, во-первыхъ, не увидѣлъ того, что всякій видитъ въ «Пѣснѣ», а, во-вторыхъ, провѣрялъ поэму слишкомъ узкимъ мѣриломъ (тремя пѣснями объ Иванѣ Грозномъ вмѣсто того, чтобы провѣрять ее *всѣми* пѣснями сборника Кирши Данилова).

Переходимъ къ личности Кирибѣевича.

«Еще рѣзче,—читаемъ у г. Балталона, — выражается контрастъ между народными пѣснями и разбираемой поэмой въ изображеніи опричника Кирибѣевича. Ненавистный народу образъ «врага»—Малюты Скуратова превращается въ пѣснѣ Лермонтова въ благороднаго, нѣжнаго, симпатичнаго юношу, страстнаго, влюбленнаго и страдающаго отъ своей несчастной любви» (206 стр.).

На какомъ основаніи г. Балталонъ сравниваетъ личность Кирибѣевича съ образомъ Малюты Скуратова въ народныхъ пѣсняхъ? На такое сравненіе не даетъ никакого права упоминаніе Грознаго: «а изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ и семьею ты вскормлёнъ Малютиной». Ужъ не думаетъ-ли авторъ замѣтки, что образъ Малюты Скуратова послужилъ для Лермонтова прототипомъ Кирибѣевича? Если такъ мы понимаемъ сравненіе г. Балталона, то его мнѣнію можно противопоставить болѣе основательное мнѣніе профессора Висковатова, который по поводу былины (изъ сборника Кирши Данилова) «Мастрюкъ Темрюковичъ» говоритъ: «Этотъ Темрюковичъ могъ явиться для Лермонтова прототипомъ удалаго бойца, Кирибѣевича. Онъ тоже любимый боецъ и шуринъ царскій, какъ Кирибѣевичъ, принадлежащій къ роду Скуратовыхъ, который былъ въ свойствѣ съ Грознымъ. Тем-

рюковичъ побиваетъ всѣхъ бойцовъ, что дѣлалъ и Кирибѣевичъ. Оба они хвастаютъ и глумятся надъ боязливыми супротивниками... Темрюковича, наконецъ, побиваетъ Мишка Борисовичъ, человѣкъ роду незнатнаго, какъ Кирибѣевича—Степанъ Парамоновичъ, сынъ купеческій» (Сочиненія Лермонтова, изд. Рихтера, т. VI, 226 стр.). Приведенныя слова, кажется, ясно говорятъ, что если ужъ отыскивать прототипъ Кирибѣевича и сравнивать его личность съ образами былинными, то слѣдуетъ это дѣлать скорѣе такъ, какъ профессоръ Висковатовъ, а не какъ г. Балталонъ.

Что касается дальнѣйшихъ замѣчаній г. Балталона о характерѣ Кирибѣевича, а равно и о личности купца Калашникова, то мы поговоримъ о нихъ въ слѣдующей главѣ; пока-же послѣдуемъ за авторомъ критико-педагогической замѣтки въ дальнѣйшемъ сравненіи Лермонтовской «Пѣсни» съ народными былинами по языку, слогу и общему тону. «Несомнѣнно,—говоритъ онъ,—что поэма Лермонтова по общему, первоначальному впечатлѣнію, главнымъ образомъ, по своему пѣсенному складу и языку напоминаетъ народныя былины. Но она напоминаетъ ихъ только внѣшней формой, не воспроизводя ихъ содержанія и духа» (208 стр.). Чтобъ доказать свое мнѣніе, онъ останавливается на приступѣ: «Пѣсня начинается приступомъ, который, при всѣхъ своихъ внѣшнихъ достоинствахъ, носитъ отпечатокъ рефлексіи, анализа, несвойственный народной поэзіи.

«Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ»,

говорится въ этомъ приступѣ. Но народъ не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, на какой ладъ сложена его пѣсня: онъ поетъ ее непосредственно, безотчетно» (ibid.). Противопоставимъ этому мнѣнію г. Балталона изъ сборника Кирши Данилова слѣдующее мѣсто былины «Ставръ бояринъ»:

«И зачалъ тутъ Ставръ поигрывати:
Сыгрышъ сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того, игралъ еврейскій стихъ»... *)

[1]) Сравнимъ варіантъ этихъ стиховъ:

«Сталъ тутъ Ставеръ гуселокъ налаживать,
Гуселокъ налаживать, струнокъ натягивать.
Струночку натягивалъ отъ Кіева,
Другу отъ Царя-града,
Третью отъ Еросалима,
Припѣвки-то припѣвалъ изъ-за синя моря».

Уже давно по поводу этихъ стиховъ замѣтилъ профессоръ Ждановъ: «Вовсе нельзя представлять себѣ народъ, «яко аспида глуха и затыкающаго уши свои, иже не услышитъ гласа обавающихъ», какъ какое-то сказочное существо, которое умѣетъ только беречь свой старый, Богъ знаетъ какимъ образомъ накопившiйся, кладъ. Нѣтъ, народъ умѣетъ не только хранить, но и наживать «словесное добро». Его мысль открыта для образовательныхъ влiянiй»... (См. его книгу «Къ литературной исторiи русской былевой поэзiи». Кiевъ 1881 г., стр. VII). А мы скажемъ, что нельзя, подобно г. Балталону, представлять себѣ русскiй народъ поющимъ безотчетно, не дающимъ себѣ отчета, что́ и какъ онъ поетъ.

Мы отказываемся подробно возражать на дальнѣйшiя замѣчанiя г. Балталона касательно языка и склада «Пѣсни» *), такъ какъ, по нашему мнѣнiю, онъ отъ искусственнаго произведенiя, написаннаго въ стилѣ народномъ, требуетъ чуть-ли не того, чтобы оно сплошь было написано, какъ народная былина. Такое требованiе по отношенiю къ Лермонтовской «Пѣснѣ» у него, очевидно, вытекаетъ *изъ неправильнаго взгляда* на нее. Онъ сперва условно («если главная задача этого произведенiя состоитъ въ подражанiи народнымъ пѣснямъ»... стр. 28), а затѣмъ уже положительно («въ основанiи этой поэмы лежитъ антихудожественная мысль...—мысль о подражанiи...» стр. 211) считаетъ ее *произведенiемъ подражательнымъ*. Съ такимъ взглядомъ никакъ нельзя согласиться. Еще г. Шевыревъ («Москвитянинъ», 1841 г., № 4, часть II, отд. Критики, стр. 528), назвавъ «Пѣсню» мастерскимъ подражанiемъ эпическому стилю русскихъ пѣсенъ, сдѣлалъ такую оговорку: «нельзя притомъ не сказать, что это не наборъ выраженiй изъ Кирши, не поддѣлка, не рабское подражанiе,—нѣтъ, это созданiе въ духѣ и стилѣ нашихъ древнихъ эпическихъ пѣсенъ». Это мнѣнiе г. Шевырева признано позднѣйшею критикою, которая не считаетъ «Пѣсню» *подражанiемъ, а оригинальнымъ, совершенно самостоятельнымъ произведенiемъ, написаннымъ въ стилѣ народномъ и великолѣпно воспроизводящимъ народныя темы* (Мнѣнiе гг. Пыпина, Котляревскаго и Спасовича).

III.

Разсмотрѣнiе «Пѣсни» по второму пункту г. Балталонъ начинаетъ такими словами: «Пѣсню про купца Калашникова можно еще раз-

*) Для опроверженiя мнѣнiя г. Балталона достаточно будетъ прочитать сдѣланное сравненiе въ названной выше книгѣ профессора Висковатова, — къ этой книгѣ и отсылаемъ читателей.

сматривать совершенно независимо отъ произведеній народнаго творчества, какъ самостоятельную историческую повѣсть или поэму, хотя отличающуюся своеобразной формой, но имѣющую свое собственное содержаніе и свою задачу. Художественныя достоинства такой поэмы будутъ зависѣть отъ того, насколько типично, характерно и живо воспроизведены въ ней эпоха, ея нравы и люди» (208 стр.). Съ этою цѣлью онъ припоминаетъ изъ «Русской исторіи» Костомарова нѣсколько историческихъ фактовъ, характеризующихъ вторую половицу царствованія Ивана Грознаго, къ которой относится поэма Лермонтова. Выводъ, къ которому приходитъ онъ съ точки зрѣнія исторической правды на «Пѣсню», формулируется такъ:

«Понятно, что такого Ивана Грознаго, какой представленъ въ этой поэмѣ,— благодушнаго, спокойнаго, сдержаннаго и гуманнаго,—никогда не существовало... Несомнѣнно также, что Иванъ Грозный не могъ имѣть въ числѣ своихъ *любимыхъ* опричниковъ такого нравственнаго человѣка, какъ Кирибѣевичъ, способнаго романтически влюбиться въ купчиху, изнывать по ней въ горькой тоскѣ и т. п Очень понятно также, что дѣйствительный купецъ того времени долженъ былъбы горячо благодарить Бога, если-бы его женѣ удалось такъ легко отдѣлаться отъ притязаній царскаго опричника, какъ это случилось въ поэмѣ съ Аленой Дмитріевной, а не обнаруживать такой тонкой, почти свѣтской, щепетильности, какую мы видимъ въ купцѣ Калашниковѣ: эпоха клещей и «кошекъ», конечно, мало способствовала развитію чувствительности и героизма въ купеческомъ сословіи... Однимъ словомъ, послѣ сдѣланнаго сопоставленія можно придти только къ одному неизбѣжному выводу, а именно, что «Пѣсня о Калашниковѣ», съ точки зрѣнія исторической, представляетъ собою совершенно ложную картину нравовъ и людей, дающую превратное понятіе объ исторической эпохѣ, къ которой она относится по своему содержанію» (210—211 стр.).

Начнемъ возраженіе свое съ нѣкоторыхъ общихъ положеній. Что такое историческая поэма и какія требованія къ ней необходимо предъявить въ смыслѣ изображенія личностей? «Мы обыкновенно называемъ поэмами эпическія произведенія значительнаго объема, которыя написаны по преимуществу стихами..., изображаютъ только *исключительныя возвышенныя явленія жизни... и больше заботятся о выраженіи идеаловъ поэта, чѣмъ о вѣрномъ и точномъ воспроизведеніи дѣйствительности*» (См. В. А. Яковлевъ: Учебный курсъ теоріи словесности. Изд. 2-ое, 1890 г., стр. 113). Беремъ это умное элементарное опредѣленіе поэмы, чтобы показать, что Лермонтовъ имѣтъ право *по своему* изобразить лица, подобно тому, какъ Пушкинъ въ «Полтавѣ» и «Мѣдномъ Всадникѣ» представилъ историческія лица въ своеобразномъ, не всегда согласномъ съ исторіею, свѣтѣ. Но Лермонтовъ, по нашему мнѣнію, въ изображеніи личности Грознаго, Кирибѣевича и Калашникова не внесъ *ничего*, *противорѣчащаго исторіи*. О Грозномъ мы уже доста-

точно сказали во II части нашего возраженія, стараясь доказать несостоятельность взгляда г. Балталона. Скажемъ теперь о личности Кирибѣевича и купца Калашникова.

Мнѣніе, что Грозный не могъ имѣть въ числѣ своихъ любимыхъ опричниковъ такого, который способенъ романтически влюбиться въ купчиху, *считаемъ въ высшей степени произвольнымъ*. Въ самомъ дѣлѣ, ужели каждый опричникъ былъ застрахованъ отъ могучей страсти, горячей, искренней любви? Ужели Іоаннъ Грозный могъ какими-нибудь способами вытравлять это чувство изъ сердца опричниковъ? Подавить въ конецъ природу человѣка—значитъ совсѣмъ уничтожить человѣка. И ужели во всякую историческую эпоху покажутся странными въ устахъ полнаго силъ и здоровья человѣка слѣдующія слова Кирибѣевича:

«Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную—не запотчивать?»

Съ другой стороны, также, кажется, можно считать аксіомою, что горячая любовь, охвативъ сердце самаго безнравственнаго и ужаснаго злодѣя, дѣлаетъ его и нравственнымъ, и кроткимъ, по крайней мѣрѣ—въ отношеніи къ предмету своей любви. Г. Балталонъ не смотритъ простыми глазами на Кирибѣевича: онъ видитъ въ немъ какого-то ложно-классическаго злодѣя, и потому усматриваетъ непослѣдовательность въ его поступкахъ. Если-бы онъ захотѣлъ понять мысль поэта, глубоко заглянувшаго въ душу Кирибѣевича и отыскавшаго тамъ горячее и сильное чувство любви къ Аленѣ Дмитріевнѣ, тогда увидѣлъ-бы, что всѣ поступки опричника весьма естественны и столько-же непослѣдовательны, сколько непослѣдователенъ бываетъ въ своихъ поступкахъ всякій человѣкъ въ положеніи удалого бойца, влюбленнаго и огорченнаго неудачею своей любви. Въ самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ безутѣшнаго горя Кирибѣевичъ проситъ царя отпустить его въ степи приволжскія, чтобы тамъ размыкать думу черную. Но Грозный не можетъ разстаться съ своимъ любимымъ опричникомъ; онъ скорѣе негласно допуститъ совершить насиліе надъ Аленой Дмитріевной, чѣмъ лишиться слуги вѣрнаго. И Кирибѣевичъ употребилъ-бы это насиліе, какъ это нерѣдко дѣлали опричники, опираясь на защиту и покровительство царя, если-бы не полюбилъ Алену Дмитріевну горячо и искренно. Но онъ любитъ ее со всѣмъ пыломъ первой любви («какъ увижу ее, *я и самъ не свой: опускаются руки сильныя, помрачаются очи бойкія*»); и эта любовь защищаетъ Алену Дмитріевну отъ насилія опричника, будь онъ хоть изъ *раз-малютиной* семьи! Онъ пытается склонить ее къ любви заманчивыми предложеніями, вполнѣ въ духѣ той эпохи:

«Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня!..»

Но Алена Дмитріевна, какъ мы знаемъ, отвергла его предложенія, а мужъ ея отомстилъ злому опричнику за оскорбленіе своей честной семьи. Не потому-ли, что Кирибѣевичъ, при всей своей развратности, не чуждъ нѣкоторыхъ симпатичныхъ чертъ (напр., чувства совѣсти, любви), мы невольно сожалѣемъ о его смерти и съ грустью повторяемъ за поэтомъ:

«И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору,
Подъ смолистый подъ корень подрубленная».

Въ данномъ случаѣ Бѣлинскій прекрасно понялъ мысль поэта и его отношеніе къ Кирибѣевичу.

Типъ купца Калашникова, совершенно правильный съ точки зрѣнія Лермонтова, также нисколько не противорѣчитъ исторической правдѣ. Этотъ типъ находится въ тѣсной связи съ идеею «Пѣсни», которую неправильно понимаетъ г. Балталонъ. Идея «Пѣсни»—*смиреніе сильнаго и праваго человѣка передъ высшимъ судомъ,—судомъ, быть можетъ, несправедливымъ, но обязательнымъ.* Личность Калашникова находится въ полной гармоніи съ этою идеею, и всѣ его поступки не только естественны и понятны, но и исторически правдоподобны. Въ самомъ дѣлѣ, онъ—типъ человѣка сильнаго, но смирнаго до тѣхъ поръ, пока его не задѣли за живое. Онъ—семьянинъ въ духѣ суроваго XVI вѣка. Не заставъ въ урочный часъ жены дома и увидѣвъ ее «простоволосою», онъ обращается къ ней съ грозною рѣчью жестокаго деспота—главы семейства, который долженъ стоять на стражѣ *добраго имени* семьи. Узнавъ о поступкѣ Кирибѣевича съ Аленой Дмитріевной, онъ призываетъ своихъ и передаетъ имъ о приключившейся бѣдѣ:

«*А такой обиды не стерпѣть душѣ*,
Да не вынести сердцу молодецкому»,

говоритъ онъ и этимъ мотивируетъ свои дальнѣйшіе поступки. Дѣйствительно, *такой обиды, позора честной семьи, не могъ выносить всякій человѣкъ XVI столѣтія, эпохи клещей и «кошекъ»*. Мы скажемъ г. Балталону, что онъ напрасно при изученіи XVI вѣка ограничился «Русской исторіею» Костомарова, которая мало даетъ свѣдѣній, нужныхъ для сужденія о «Пѣснѣ» Лермонтова. Мы утверж-

даемъ на основаніи другихъ общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ, что не только въ эпоху Іоанна Грознаго (она была только цвѣточкомъ), но и въ «смутное время», когда совершенно замутилась Русская земля, могли найтись и находились герои нравственности, чести и правды. И если «смутное время» выдвинуло простого торговца Козьму Минина, то отчего-же въ XVI вѣкѣ не могъ существовать купецъ Калашниковъ, который не перенесъ позора честной семьи?

Что-же оставалось дѣлать Калашникову, когда онъ увидѣлъ поруганнымъ свое доброе и честное имя? На Кирибѣевича, какъ опричника, притомъ любимаго опричника, нельзя было найти управы у Грознаго. «Нравы народа были суровы, привыкли къ мѣрамъ жестокимъ и кровавымъ»,—говоритъ г. Соловьевъ объ эпохѣ Грознаго,—и Калашниковъ воспользовался ближайшимъ удобнымъ случаемъ (кулачнымъ боемъ), чтобы своимъ судомъ раздѣлаться съ обидчикомъ. Онъ рѣшилъ *по-своему постоять за правду-матушку* и въ кулачномъ бою убилъ своего ненавистника. Отвѣтъ его царю правдивъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ вопросу царя. «Вольной волею, или нехотя, ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу, мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?»—спрашиваетъ въ гнѣвѣ Грозный. Калашниковъ отвѣчаетъ: «Я убилъ его вольной волею». Бѣлинскій, по-нашему, не совсѣмъ правъ, предположивъ, что купецъ *ложью могъ-бы спасти себя.* Нѣтъ, разъ царь велѣлъ прокликать кличъ:

«Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!»;

разъ можно было ожидать чьей-либо смерти въ результатѣ боя кулачнаго (Кирибѣевичъ говоритъ: «Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника, *отпущу живого съ покаяніемъ*»),—не для чего было гнѣваться Грозному на Калашникова за убійство Кирибѣевича; онъ долженъ былъ наградить, согласно обѣщанію, по-царски удалого купца и отпустить его съ миромъ домой. Говорить, подобно г. Балталону, *о какомъ-то принципѣ законной кары за преступленіе* здѣсь совсѣмъ неумѣстно. Это была царская потѣха—и законы откладывались въ сторону (иначе какъ-же понять похвальбу Кирибѣевича, что ради праздника онъ отпуститъ живого съ покаяніемъ, похвальбу въ присутствіи царя!). Суть дѣла въ томъ, что Грозный не могъ простить смерти своего любимаго опричника, своего лучшаго бойца: смерть Кирибѣевича отъ руки Калашникова являлась нѣкоторымъ противорѣчіемъ его ожиданію, что въ бою верхъ долженъ быть за его опричникомъ.

Вотъ почему намъ думается, что судьба Калашникова была уже рѣшена, и ложь не спасла-бы его. Г. Балталонъ недоумѣваетъ, что мѣшаетъ Калашникову объяснить смыслъ своего поступка. Мы утверждаемъ, что Калашниковъ и *не долженъ былъ объяснять за что, про что онъ убилъ* Кирибѣевича: во-1-хъ, его объ этомъ никто не спрашивалъ, а во-2-хъ, *того требовала идея поэмы*. Герой ея долженъ былъ, по мысли поэта, умереть безъ ропота противъ злоупотребленій опричины, съ христіанскимъ смиреніемъ передъ судомъ Божіимъ и царевымъ. Если-бы Калашниковъ отвѣтилъ царю такъ, какъ въ народной пѣснѣ отвѣчаетъ удалой молодецъ (см. въ ст. Балталона стр. 207,—этотъ отвѣтъ, какъ образецъ, выставляется имъ), тогда безмолвная могила его не вызывала-бы тѣхъ чувствъ, какія вызываетъ она, по мысли поэта:

«И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку».

IV.

Намъ остается сказать о взглядѣ г. Балталона на «Пѣсню» въ художественномъ отношеніи. Выше мы уже замѣтили, что основной взглядъ г. Балталона на «Пѣсню» Лермонтова не вѣренъ. «Въ основаніи этой поэмы,—говоритъ онъ,—лежитъ антихудожественная мысль, составляющая, съ точки зрѣнія художественнаго творчества, главный источникъ ея слабости и недостатковъ,—мысль о подражаніи» (211 стр.). Неудивительно, что онъ не находитъ въ поэмѣ никакихъ крупныхъ художественныхъ достоинствъ. По его мнѣнію, эти достоинства сводятся къ нѣкоторымъ частностямъ: «подражаніе языку народныхъ пѣсенъ во многихъ случаяхъ» весьма удачно, и «пѣсенный размѣръ выдержанъ въ совершенствѣ». Укажемъ г. Балталону тѣ крупныя художественныя достоинства, которыя онъ не замѣтилъ въ поэмѣ. Эти достоинства должны остаться за нею, потому что признаны прежнею критикою и не опровергнуты авторомъ критико-педагогической замѣтки.

Первое художественное достоинство поэмы заключается въ мастерской завязкѣ драмы, небольшой объемомъ, но трогательной, сильной и ужасной, въ одинъ мигъ разбившей семью и унесшей счастье многихъ людей. Вторымъ признакомъ художественности надо считать обрисовку характеровъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, ихъ вѣрность исто-

ріи, духу времени и вѣрность ихъ психическую. Благодаря послѣдней, эти лица во всякую минуту драмы понятны читателю и стоятъ передъ нимъ, словно живыя. Третьимъ признакомъ художественности надо считать нѣкоторыя картины, напримѣръ, пиръ у Грознаго, объясненіе Алены Дмитріевны, кулачный бой. Наконецъ, языкъ и слогъ этой поэмы также должно считать признаками художественности.

Подводя итогъ нашей оборонѣ Лермонтовской «Пѣсни», мы утверждаемъ:

1) «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова»—вполнѣ самостоятельное, оригинальное произведеніе Лермонтова, весьма удачно написанное въ народномъ стилѣ и превосходно воспроизводящее народныя темы.

2) Съ точки зрѣнія исторической поэма удачно воспроизводитъ характеръ Грознаго, Калашникова, Кирибѣевича, нравы и картины прошлой жизни русскаго народа.

3) Въ художественномъ отношеніи это одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы.

4) Какъ одно изъ лучшихъ произведеній Лермонтова, «Пѣсня» основательно внесена во всѣ дѣйствующія программы русской словесности и во всѣ хрестоматіи и учебники. По нашему мнѣнію, «Пѣсня» обязательно должна изучаться въ школѣ потому, что она и «Мцыри»—два произведенія, въ которыхъ Лермонтовъ далъ *положительный идеалъ* (хоть и временный), который примирялъ его съ жизнью.

Мы окончили свою рѣчь по поводу критико-педагогической замѣтки г. Балталона. Послѣдній, по нашему, вышелъ съ недостаточною подготовкою на борьбу съ установившимся въ критикѣ мнѣніемъ о поэмѣ Лермонтова. Однако статью его нельзя считать совершенно безплодной: провѣрять и пересматривать старые взгляды никогда не мѣшаетъ. Съ своей стороны, мы очень благодарны г. Балталону: его статья побудила насъ внимательно вдуматься въ содержаніе «Пѣсни», взвѣсить все сказанное о достоинствахъ ея и тѣмъ еще болѣе укрѣпиться въ томъ, что прежде принималось больше на вѣру. Желаемъ, чтобы гг. преподаватели русской словесности извлекли изъ статьи г. Балталона такой-же полезный для себя урокъ...

С. Брайловскій.

Замѣчанія на программу по словесности въ мужскихъ гимназіяхъ.

Per aspera non ad astra.

Едва только нынѣ дѣйствующая программа по словесности въ мужскихъ гимназіяхъ была опубликована въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», намъ сейчасъ-же бросились въ глаза нѣкоторыя ея стороны, естественно вызывающія замѣчанія; теперь наша полуторагодовая практика окончательно убѣдила насъ въ справедливости нашихъ предположеній, и мы сочли нужнымъ подѣлиться нѣкоторыми изъ своихъ соображеній съ лицами, заинтересованными въ дѣлѣ преподаванія русской словесности.

По программѣ, повидимому, изученіе устной народной словесности должно слѣдовать за изученіемъ словесности книжной, что невѣрно хронологически, такъ какъ былины и многія пѣсни, несмотря на всю ихъ модернизацію, заключаютъ въ себѣ отзвуки народныхъ думъ и чувствъ изъ эпохи несравненно болѣе древней, чѣмъ самыя древнія произведенія словесности книжной. При изученіи исторіи литературы, ея послѣдовательное развитіе представляетъ большой интересъ, вноситъ въ самое изученіе философскій взглядъ даже и въ томъ случаѣ, когда два историко-литературныя явленія постигла интерференція, по выраженію Тарда, какъ это произошло въ данномъ случаѣ, потому что наша книжная, искусственная словесность, встрѣтившись съ устной, народной, почти совсѣмъ уничтожила эту послѣднюю. Исходя изъ той точки зрѣнія, что съ самаго начала изученія курса исторіи русской литературы, какъ и всякой другой, не должна упускаться изъ вида идея ея органическаго развитія, что почти всегда совпадаетъ съ порядкомъ хронологическимъ, мы считаемъ необходимымъ изученіе исторіи русской литературы начинать съ былинъ. Но въ интересахъ той-же органической цѣлостности, такія историческія пѣсни, какъ пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, Иванѣ Грозномъ и т. п., нужно изучать въ связи съ соотвѣтствующими книжными про-

изведеніями, напр., въ данномъ случаѣ, первую послѣ соотвѣтствующихъ словъ Серапіона, а вторую послѣ «Исторіи» кн. Курбскаго. По существующей-же программѣ порядокъ хронологическій и органическая цѣлостность приносятся въ жертву искусственной классификаціи. При изученіи лѣтописей программа рекомендуетъ только 6 отрывковъ, даже съ самымъ выборомъ которыхъ нельзя вполнѣ согласиться: если, напр., рекомендуется легенда объ ап. Андреѣ, то почему-же пропущены тѣ мѣста, гдѣ говорится о племенахъ, населявшихъ древнюю Русь, и объ ихъ обычаяхъ и нравахъ, такъ какъ и въ легендѣ упоминается о тѣхъ-же предметахъ? Если рекомендуется сказаніе о Никитѣ Кожемякѣ, то почему-же пропущено сказаніе о Бѣлогородскомъ киселѣ, еще болѣе характерное и полное глубокаго смысла? Мѣсто о пирахъ князя Владиміра опущено также напрасно, потому что имъ можно было-бы воспользоваться для проведенія паралелли между былиннымъ и лѣтописнымъ Владиміромъ. Но главный недостатокъ программы въ вопросѣ объ изученіи русской лѣтописи, которой многіе наши замѣчательные ученые не безъ основанія придаютъ громадное значеніе,—заключается въ томъ, что этихъ отрывковъ слишкомъ мало, такъ что и знакомство учениковъ съ лѣтописью естественно должно быть бѣглымъ, мимолетнымъ. Въ лѣтопись нужно много вчитываться, чтобы достаточно оцѣнить прелестную простоту лѣтописнаго стиля, чтобы составить себѣ сознательное понятіе о древнемъ лѣтописцѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще о древне-русскомъ образованномъ человѣкѣ и самомъ характерѣ древне-русской образованности. Конечно, при столь обстоятельномъ чтеніи лѣтописи разсмотрѣніе ея лексической и грамматической стороны, рекомендуемое программой, должно очень ограничиться; но мы позволимъ себѣ задать вопросъ: для чего это рекомендуется? Очевидно, не для одного механическаго анализа формъ, а для того, чтобы ученики обогатили свой стиль, освѣтили его лѣтописной ясностью и простотой. Но это возможно только тогда, когда ученики хорошо ознакомятся съ лѣтописью, вчитаются въ нее, даже, смѣемъ сказать, станутъ цѣнить и любить ее. А возможно-ли это послѣ чтенія шести отрывковъ съ сухимъ лексическимъ и грамматическимъ разборомъ?... Нѣкоторыя изъ прочихъ замѣчательныхъ произведеній XII в. программа рекомендуетъ также въ отрывкахъ; если съ этимъ можно согласиться, напр., относительно сочиненій Кирилла Туровскаго, то никакъ нельзя сказать того-же о Словѣ о полку Игоревѣ, наиболѣе поэтическомъ и интересномъ произведеніи древне-русской книжной словесности. Вѣроятно, программа такъ отнеслась къ этому замѣчательному произве-

денію потому, что оно представляетъ не мало затрудненій при лексическомъ и грамматическомъ разборѣ, столь рекомендуемомъ ею; но внутреннія качества Слова, его несомнѣнная поэтичность, должны дѣйствовать на учениковъ весьма благотворно. Проповѣди Серапіона и «Моленія» Даніила Заточника программа рекомендуетъ изучать также въ отрывкахъ; между тѣмъ эти произведенія, особенно «слова» Серапіона, очень важны въ историко-культурномъ отношеніи, на что особенно должно обращать вниманіе при изученіи древне-русской словесности, такъ какъ объ ея собственно литературныхъ эстетическихъ достоинствахъ почти не можетъ быть и рѣчи. Вообще, мы противъ изученія исторіи литературы только въ отрывкахъ, въ гомеопатическихъ дозахъ: мы думаемъ, что въ произведенія древне-русской литературы нужно вчитаться, чтобы получить о ней цѣльное, органическое представленіе, такъ какъ она слишкомъ далека отъ нашего времени. Уже много лѣтъ ученики нашихъ гимназій читаютъ отрывки изъ греческихъ и римскихъ писателей, но при этомъ не знаютъ не только классической литературы, но даже ни одного древняго писателя. Знаніе «отрывковъ»—знаніе словъ, показное знаніе, а не дѣйствительное. При этомъ невольно приходятъ на память слова одного изъ щедринскихъ героевъ: «En fait de littérature, я знаю «Вихрь полунощный, летитъ богатырь», «Оставимъ астрономамъ доказывать»,—une foule de choses en un mot».

Приступая къ разбору программы VI класса, мы должны сказать прежде всего, что «Домострою» отведено слишкомъ мало мѣста: рекомендуются только «Наказаніе отъ отца къ сыну» и «Какъ царя и князя чтити». Такимъ образомъ, наиболѣе интересная и важная сторона «Домостроя» — бытовая — должна остаться неизвѣстной ученикамъ; «Домострой» не сослужитъ для нихъ своей главной службы—явиться зеркаломъ быта и взглядовъ русскихъ людей XVI в. То-же самое нужно сказать и о сочиненіи Котошихина; изъ него разбирается только одинъ отрывокъ «О царскомъ воспитаніи», да и то «преимущественно въ стилистическомъ отношеніи», какъ говоритъ программа. Относительно прочихъ частей программы VI кл. мы можемъ замѣтить развѣ только то, что опять много «отрывковъ». Если «отрывки» понятны относительно «Россіады», «Хорева» и т. п. произведеній, то едва-ли допустимы относительно сатиры Кантемира «На хулящихъ ученіе», гдѣ программа рекомендуетъ «читать и разбирать только ту часть ея, гдѣ сатира выводитъ четырехъ противниковъ просвѣщенія». Начало сатиры, указанная часть и дальнѣйшая органически связаны другъ съ другомъ и прекрасно характеризуютъ

изображаемое время. Намъ непонятно также, почему опущенъ «Бригадиръ»: эта комедія дополняетъ «Недоросля» въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и можетъ дать много матеріала для сравненія съ послѣдней комедіей, для самостоятельной работы ума, въ которой такъ нуждаются наши ученики. Опасеніе обременить учениковъ доходитъ до того, что программа изъ «Бѣдной Лизы» совѣтуетъ брать только отрывки, «Наталью боярскую дочь» опускаетъ, а изъ «Писемъ русскаго путешественника» рекомендуетъ только четыре. Изъ столь ограниченнаго количества матеріала ученики едва-ли составятъ себѣ надлежащее понятіе о сущности сентиментализма. То-же самое нужно сказать и о Жуковскомъ: шесть его произведеній не дадутъ понятія о сущности романтизма; кромѣ того, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій, поэзія Жуковскаго должна нравиться молодымъ людямъ за свой идеализмъ, за свою возвышенность. Такія качества поэзіи Жуковскаго могутъ сдѣлать изъ нея нѣкоторый противовѣсъ тому непріятному, низменному и матеріальному душевному складу, который замѣтно усваиваетъ себѣ современная русская молодежь. Но чтобы пытаться сдѣлать изъ поэзіи Жуковскаго такое педагогическое средство, нужно изучать ее не въ гомеопатическихъ дозахъ. Довольно важный въ сочиненіяхъ Жуковскаго патріотическій элементъ остается также невыясненнымъ изъ рекомендуемыхъ «отрывковъ». Изъ басенъ Крылова программа рекомендуетъ только тѣ, которыя относятся къ воспитанію и образованію. Нечего и говорить, что это непонятная односторонность, потому что многія стороны Крылова, какъ истинно-русскаго таланта, раскрываются въ другихъ его басняхъ.

Таковы замѣчанія, которыя мы сочли возможнымъ сдѣлать по поводу историко-литературнаго матеріала, изучаемаго въ V, VI и VII классахъ гимназій. Главный недостатокъ программы—отрывочность, несистематичность, результатомъ чего является плохое знакомство учениковъ съ литературными произведеніями, знаніе, не извлеченное изъ этихъ послѣднихъ, такъ-сказать, органически, но только механически усвоенное изъ учебниковъ, т.-е. полузнаніе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ ученикъ понять сущность сентиментализма и романтизма, не познакомившись хорошо съ Карамзинымъ и Жуковскимъ?.. Въ курсѣ VII класса замѣтна строгая хронологическая послѣдовательность въ порядкѣ изученія писателей, а за отправную точку при этомъ приняты годы рожденія авторовъ; но въ данномъ случаѣ такая хронологическая послѣдовательность намъ представляется мало пригодной: по смыслу программы, за Карамзинымъ слѣдуетъ изучать Дмитріева и Крылова, потомъ Жуковскаго, затѣмъ Грибоѣ-

дова, а потомъ уже Пушкина. Такимъ образомъ ученикамъ не будетъ ясна органическая связь между романтизмомъ и сантиментализмомъ. Въ заключеніе мы должны сказать, что умолчаніе программой о такихъ гигантахъ нашей литературы, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Толстой, является уже положительнымъ анахронизмомъ. Какимъ-же образомъ наша средняя школа претендуетъ быть общеобразовательной, когда игнорируетъ такихъ писателей, которые составляютъ честь и славу русской литературы, которые являются предметомъ постояннаго общественнаго интереса, которые даже находятся во всѣхъ ученическихъ библіотекахъ и чтеніе которыхъ всегда рекомендуется учителями? Не одинъ-ли это изъ видовъ Conventionellen-Lügen, о которыхъ упоминаетъ М. Нордау, и не можетъ-ли подобное противорѣчіе внести нѣкоторую смуту въ молодые, пытливые умы? Во всякомъ случаѣ, это кажется намъ страннымъ и печальнымъ анахронизмомъ. Въ концѣ-концовъ мы должны сказать, что желаемое нами обстоятельное знакомство учениковъ съ русской литературой только тогда можетъ стать фактомъ, когда русской словесности въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ отведено больше времени; но это основательное знакомство совершенно необходимо, если мы хотимъ позаботиться о воспитаніи нашего молодого поколѣнія въ дѣйствительно національномъ духѣ.

Бѣгло обозрѣвъ литературный матеріалъ, предлагаемый ученикамъ V—VII классовъ гимназій, обратимся къ рекомендуемому программой методу его усвоенія, который сводится къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: при чтеніи и разборѣ произведеній учитель не долженъ вдаваться въ «излишнія историко-литературныя подробности»; онъ обязанъ «познакомить учениковъ съ содержаніемъ, планомъ, литературной формой, основной идеей и языкомъ читаемаго и разбираемаго произведенія». Разборъ этотъ долженъ быть грамматическій, стилистическій и литературный. Разборъ грамматическій долженъ состоять въ указаніи этимологическихъ, орѳографическихъ и синтаксическихъ особенностей языка разбираемаго произведенія отъ современной устной рѣчи или отъ современнаго литературнаго языка, или отъ древняго церковно-славянскаго. Разборъ стилистическій долженъ заключаться въ указаніяхъ относительно чистоты, правильности, точности и изобразительности рѣчи. Наконецъ, литературный разборъ долженъ состоять въ сообщеніи слѣдующихъ историко-литературныхъ свѣдѣній: a) кто авторъ произведенія; b) когда онъ жилъ и какое получилъ образованіе; c) какое значеніе имѣетъ въ русской литературѣ и d) какое вообще направленіе господствовало тогда

въ литературѣ. Отдѣльные историко-литературные факты програмка не рекомендуетъ связывать, «потому что придуманная учителемъ ad hoc связь не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого научнаго значенія, а можетъ послужить лишь къ пустой тратѣ времени». «Ученикъ долженъ,—говоритъ программа,—умѣть пересказать или изложить письменно все то, что ему извѣстно о произведеніи, и притомъ изложить правильно въ логическомъ, грамматическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ». Таковы требованія программы методическаго характера. При настойчивой рекомендаціи грамматическаго разбора нужно опасаться, чтобы этотъ разборъ, какъ болѣе легкій и удобный для учителя, не занялъ преобладающаго положенія въ изученіи памятниковъ древне-русской литературы, и чтобы, поэтому, и самые уроки словесности не утратили необходимаго элемента для всякаго успѣха—интереса, не приняли слишкомъ сухого, формальнаго характера и не стали-бы такъ-же непріятны для учащихся, какъ стали для нихъ, по той-же причинѣ, уроки греческаго и латинскаго языковъ. Да и вообще такое болѣе или менѣе спеціально филологическое изученіе русскаго языка не можетъ быть особенно полезно для учениковъ V и VI классовъ, потому что оно предполагаетъ значительную начитанность въ древне-русскихъ произведеніяхъ, особенную любовь къ языку и, наконецъ, довольно высокое умственное развитіе, чего, конечно, не можетъ быть у учениковъ V и VI классовъ. Обращая особенное вниманіе на грамматическую сторону, программа вдается въ излишнюю филологическую научность въ духѣ послѣдняго времени, когда наши ученые такъ любятъ разбираться въ деталяхъ. Но нужно ужъ очень хорошо ознакомиться съ авторами, чтобы находить удовольствіе въ подробномъ грамматическомъ и лексическомъ ихъ анализѣ. Это напоминаетъ старыхъ александрійскихъ и византійскихъ ученыхъ. Очевидно, программа стремится къ тому, чтобы учащіеся основательно усвоили себѣ духъ русскаго языка, но, по нашему мнѣнію, она избрала для этого слишкомъ формальный, механическій путь: живому языку, живой рѣчи не могутъ научить муміи, особенно тогда, когда такъ мало затрогивается чувство, воображеніе и столь мало матеріала дается для самостоятельной работы мысли. Столь внимательное изученіе произведеній въ отношеніи стилистическомъ, какое рекомендуется программой, плодотворно только тогда, когда имѣешь дѣло съ произведеніями, безупречными по формѣ и per se интересными по содержанію. Произведенія-же нашей древней письменности сплошь и рядомъ чрезвычайно нестройны и наивны по плану, некрасивы по композиціи и скудны по содержанію. Ка-

кимъ-же образомъ подобныя вещи могутъ служить образцами и содѣйствовать улучшенію языка и вкуса учащихся, въ чемъ они такъ нуждаются въ настоящее время?... Обращаясь къ разбору произведеній со стороны литературной, мы видимъ, что программа не рекомендуетъ связывать историко-литературные факты, и такимъ образомъ въ умахъ учащихся не можетъ создаться ясная, стройная картина литературной эволюціи. Съ этой стороны программа страдаетъ отсутствіемъ системы. Связь эту учителямъ не зачѣмъ придумывать ad hoc, чего опасается программа, потому что относительно нашей литературы, какъ древней, такъ и новой, есть не мало дѣльныхъ работъ, устанавливающихъ эту связь для различныхъ литературныхъ эпохъ. Учителямъ, слѣдовательно, нужно только быть знакомыми съ литературой предмета.

Въ заключеніе разбора программы со стороны методической, нужно прибавить, что, въ виду отсутствія самостоятельнаго интереса въ старой русской литературѣ даже до Карамзина (исключая комедіи Фонвизина), исторія русской литературы и исторія русская должны изучаться параллельно, въ связи, историко-литературные факты должны объясняться историческими—съ обращеніемъ преимущественнаго вниманія на культурную сторону. Между тѣмъ, съ VI класса изученіе исторіи литературы и изученіе исторіи расходятся: русская исторія доводится только до Петра Великаго, а исторія литературы до Карамзина. Вѣроятно, впрочемъ, программа и имѣла это въ виду, доводя въ V классѣ до Ивана Грознаго изученіе и исторіи, и исторіи русской литературы. Въ неразрывной связи съ общеметодическими вопросами стоитъ вопросъ объ ученическихъ сочиненіяхъ, а потому мы сейчасъ и приступимъ къ нему. Шестое правило программы о сочиненіяхъ запрещаетъ дѣлать предметомъ ученическихъ письменныхъ работъ сатирическія произведенія. Мы рѣшительно отказываемся понимать мотивы подобнаго запрещенія. Эти произведенія даютъ много интересныхъ темъ, особенно при изученіи литературы XVIII в., такъ какъ они болѣе самобытны, самостоятельны: они, по самой своей природѣ, болѣе свободны отъ подражательности. Ужъ если эти произведенія допущены вообще для изученія, то почему не воспользоваться ими, какъ обильными источниками темъ для ученическихъ письменныхъ работъ? Если учитель будетъ упорно избѣгать брать изъ сатирическихъ произведеній темы для ученическихъ работъ, то это не ускользнетъ, конечно, отъ учениковъ, и опять явится нѣкоторая двойственность, нѣкоторая смута въ умахъ, столь вредная въ педагогическомъ дѣлѣ.

Если это запрещеніе вызвано нѣкоторымъ опасеніемъ развить въ ученикахъ нежелательное отрицательное критическое направленіе, то это намъ кажется неосновательнымъ. Нужно отличать критику здравую отъ критики легкомысленной. Насколько первая является залогомъ дальнѣйшаго улучшенія, настолько вторая остается нѣмой, пустымъ раздраженіемъ плѣнной мысли. Склонность къ анализу, къ критикѣ вообще свойственна человѣческому духу, а въ наше время является господствующимъ теченіемъ общественной мысли. Если школа не можетъ устранить неизбѣжнаго факта жизни, то она должна, по возможности, стараться, такъ сказать, регулировать его, сообщая своимъ воспитанникамъ пріемы и навыки здраваго, серьезнаго анализа. Окончивши курсъ средней школы съ самымъ примитивнымъ развитіемъ способности къ критическому анализу, воспитанникъ ея сразу попадаетъ въ цѣлое море противорѣчивыхъ взглядовъ и фактовъ, и, не имѣя никакого навыка разбираться въ отвлеченныхъ вопросахъ, сразу становится жалкимъ судномъ безъ руля и безъ вѣтрилъ... Что касается насъ, то мы рѣшительно убѣждены въ положительной необходимости развивать въ учащихся навыкъ къ серьезному критическому анализу, что очень возможно, конечно, въ школѣ, подъ руководствомъ преподавателя; non scholae sed vitae discimus, по выраженію Цицерона. Кромѣ того, подобныя работы вызываютъ въ учащихся интересъ къ самому предмету, потому что типы, выводимые, напр., у Кантемира, Фонвизина, Грибоѣдова, отличаются глубокой жизненностью, что не можетъ остаться безъ воздѣйствія на изучающаго.

Нравственное развитіе учащихся только можетъ выиграть отъ внимательнаго изученія сатирическихъ произведеній, потому что отрицательные типы естественно должны вызывать отвращеніе, а положительные, какихъ не мало, напр., у Фонвизина, возбуждать естественное сочувствіе. Еще болѣе неудобнымъ представляется намъ то требованіе программы, чтобы ученическія сочиненія состояли изъ грамматическаго и лексическаго разбора прочтенныхъ отрывковъ. Здѣсь опасеніе, чтобы въ ученикахъ не развилось нежелательное легкомысліе, доведено до крайнихъ предѣловъ: этимъ требованіемъ исключается всякая оригинальность, самостоятельность мысли, все сводится къ *припоминанію*, какъ было разобрано въ классѣ то или другое произведеніе. При этихъ условіяхъ едва-ли возможенъ въ ученикахъ интересъ къ письменнымъ работамъ, значитъ, потому и интересъ къ самому предмету, и, слѣдовательно, конечная цѣль, которой должны достигнуть учащіеся путемъ изученія исторіи литературы,—ихъ умственное и нравственное развитіе и способность ясно мыслить и хорошо выражаться,—является далеко не осуществившейся... Это тре-

бованіе программы обезличиваетъ учениковъ. Пусть въ своемъ сочиненіи ученикъ увлекается, даже ошибается—учитель своей серьезной критикой сейчасъ-же покажетъ ему это. Вѣдь только черезъ ошибки и неудачи доходятъ до истины.

Обращаясь, наконецъ, къ VIII классу, мы видимъ, что тамъ предлагается изученіе «краткаго курса теоріи слога, прозы и поэзіи». Это перенесеніе изъ V-го класса въ VIII-й курса теоріи словесности едва-ли приведетъ къ желаемымъ результатамъ *): за краткостью времени ученики не пріучатся хорошо выражаться, такъ какъ только теперь имъ придется ознакомиться въ системѣ съ правилами слога; гдѣ-же у нихъ время на упражненія въ этихъ правилахъ? Это дается практикой нѣсколькихъ лѣтъ. Мы-бы согласились съ этимъ перенесеніемъ, если-бы рѣчь шла о философскомъ и психологическомъ обобщеніи ранѣе усвоенныхъ свѣдѣній по теоріи словесности, но изъ программы видно, что тутъ идетъ дѣло о простомъ курсѣ теоріи слога. По нашему мнѣнію, лучше общій курсъ теоріи слога оставить въ V классѣ, а въ VIII въ первое полугодіе пройти высшій курсъ русской грамматики въ связи съ церковно-славянскимъ языкомъ, а во второе снова пересмотрѣть теорію слога болѣе съ психологической и философской стороны. Къ этой группировкѣ прекрасно подойдетъ логика, изучаемая нынѣ въ VIII классѣ. Исторія русской литературы въ VIII классѣ легко можетъ начаться съ Пушкина или Гоголя, и закончиться во 2-ое полугодіе, пересмотромъ ранѣе усвоенныхъ свѣдѣній. Въ VIII классѣ, при изученіи высшаго курса русской грамматики въ связи съ церковно-славянскимъ языкомъ, грамматическій и лексическій разборъ естественно получилъ-бы гораздо больше жизненности и интереса, потому что имъ стали-бы заниматься молодые люди съ начитанностью въ русскихъ писателяхъ, съ бо̀льшимъ умственнымъ развитіемъ и съ большей способностью и охотой подмѣчать факты языка и вдумываться въ нихъ.

Въ общемъ программа обращаетъ исключительное вниманіе на формальное, механическое развитіе умственныхъ силъ учащихся и сводитъ все дѣло, главнымъ образомъ, къ пассивному воспріятію, къ за-

*) Въ этомъ пунктѣ мы не можемъ согласиться съ почтеннымъ авторомъ замѣчаній на программу, будучи убѣждены, что «курсъ теоріи слога, прозы и поэзіи» скорѣе подойдетъ къ степени развитія и начитанности учениковъ VIII класса, чѣмъ V-го. Эта мысль не разъ уже высказывалась на страницахъ «Русской Школы» и не далѣе какъ въ майской и іюньской книжкахъ ея въ обстоятельной рецензіи г. Келтуялы на учебникъ по теоріи словесности г. Преображенскаго доказывалась разумность перенесенія курса теоріи прозы и поэзіи изъ V-го класса въ VIII-й классъ. (См. «Русская Школа» №№ 5 и 6 за 1893 г. стр. 256 и слѣд.). *Ред.*

поминанію, не одобряетъ оригинальности и самостоятельности мысли въ учащихся. Въ ней не замѣтно присутствія идейнаго направленія, но особенно бросается въ глаза какое-то недовѣріе къ умственнымъ силамъ учениковъ и даже учителей. Хотя многія словесныя произведенія могутъ служить прекраснымъ орудіемъ для развитія въ учащихся нравственнаго и патріотическаго направленія, однако объ этомъ даже не упоминается въ объяснительной запискѣ. Общее впечатлѣніе сухости и безжизненности программы еще, конечно, увеличится на дѣлѣ, такъ какъ среди нашихъ учителей словесности слишкомъ много чиновниковъ и слишкомъ мало педагоговъ.

Такимъ образомъ, эта программа едва-ли можетъ способствовать выработкѣ здравомыслящаго, серьезнаго и нравственнаго молодого поколѣнія, въ которомъ такъ нуждается теперь наше отечество. Недавно мы встрѣтили у одного современнаго публициста остроумное замѣчаніе, что нашему поколѣнію все-таки обязательно писать болѣе или менѣе складно и грамотно, а освободится отъ этой скучной обязанности только слѣдующее поколѣніе. Несмотря на granum salis въ этомъ замѣчаніи, справедливо то, что въ послѣднее время мы замѣтно подвинулись въ направленіи эмансипаціи отъ всякихъ логическихъ и стилистическихъ требованій... Еще въ нынѣшнемъ году гг. попечители Петербургскаго и Кіевскаго округовъ публично заявили, что въ письменныхъ работахъ «зрѣлистовъ» замѣтно неумѣнье мыслить, неумѣнье выражаться и незнакомство даже съ chef d'oeuvre'ами русской литературы. Университетскіе профессора давно жалуются, что гимназіи поставляютъ имъ мало развитыхъ и вяло мыслящихъ молодыхъ людей.

Все это — современные факты, не только не преувеличенные, но даже смягченные общими выраженіями. Въ противовѣсъ этому нежелательному явленію программа по словесности должна особенно позаботиться о томъ, чтобы учащіеся пріобрѣтали навыкъ и желаніе мыслить, и мыслить самостоятельно; это—«гвоздь» всего вопроса.

Французы пишутъ ясно и складно, потому что мыслятъ активно и стройно; нѣмцы выражаются туманно, хотя и дѣльно, потому что и мыслятъ отвлеченно и туманно, хотя и серьезно; мы, русскіе, выражаемся неясно и нескладно, потому что привыкли къ вялому и безпорядочному мышленію.

Bien écrire—bien penser, справедливо говоритъ Тэнъ: кто умѣетъ мыслить, тотъ всегда найдетъ форму для своихъ мыслей, особенно если онъ обладаетъ начитанностью въ образцовыхъ писателяхъ, а не знакомъ съ ними только по «отрывкамъ».

П. Головачевъ.

Взгляды математика на преподаваніе ариѳметики.

О преподаваніи ариѳметики. Рѣчь, произнесенная проф. В. П. Ермаковымъ въ засѣданіи физико-математическаго общества въ Кіевѣ 15-го марта 1890 г.

Не такъ еще давно, лѣтъ десять-пятнадцать тому назадъ, вопросъ о томъ—чѣмъ долженъ быть ариѳметическій задачникъ—на страницахъ педагогическаго журнала показался-бы вопросомъ празднымъ, неинтереснымъ. Евтушевскій и Верещагинъ, Малининъ и Буренинъ какъ-бы разъ навсегда разрѣшили этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что задачникъ долженъ быть только собраніемъ задачъ, не проникнутымъ никакою руководящею методическою идеей; о томъ—что̀ должно преслѣдоваться задачами, никто не задумывался, и понятно, что каждый составитель новаго задачника стремился лишь чѣмъ-нибудь внѣшнимъ отличить свой задачникъ отъ общеупотребительныхъ: одинъ желаетъ, чтобы съ помощью его задачника въ памяти учащагося запечатлѣлся цѣлый рядъ фактическихъ данныхъ, другой—чтобы его задачи были особенно вѣрно согласованы съ дѣйствительностью, третій—чтобы данныя его задачъ были взяты изъ разныхъ областей науки: астрономіи, физики, географіи, исторіи и т. д. Столь-же празднымъ считался вопросъ о томъ—чему и какъ учить на урокахъ ариѳметики, все-ли, что входитъ въ курсъ ариѳметики, необходимо и полезно съ практической и съ педагогической точки зрѣнія?

Когда, въ 1888 году, появился въ свѣтъ нашъ задачникъ подъ заглавіемъ «Методическій сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній», нѣкоторые изъ знакомыхъ намъ педагоговъ неоднократно спрашивали: «что это значитъ: *методическій* сборникъ? значитъ-ли это, что онъ *систематически* предлагаетъ задачи сообразно требованіямъ программы курса? значитъ-ли это, что это «что-то» по части методики?» и т. д. Обнаружилось, что мои почтенные собесѣдники отожествляютъ систему съ методою, программу курса съ распорядкомъ занятій, чуть-ли не умственное развитіе учениковъ съ ихъ умѣньемъ рѣшать ариѳметическія задачи...

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ пишущій эти строки къ прежнимъ своимъ учебнымъ пособіямъ и критико-методическимъ работамъ, посвященнымъ вопросамъ *методики* преподаванія низшей математики вообще и ариѳметики въ частности, присоединилъ еще нѣсколько посильныхъ работъ по этимъ вопросамъ, и только теперь попадается ему въ руки оттискъ рѣчи, произнесенной почтеннымъ проф. Кіевскаго университета, В. П. Ермаковымъ, по вопросамъ преподаванія ариѳметики, еще въ мартѣ 1890 года. Брошюру проф. Ермакова по вопросу о преподаваніи алгебры пишущій настоящія строки считаетъ однимъ изъ отраднѣйшихъ явленій нашей педагогической литературы, и ей нами посвящена довольно обширная статья въ «Русской Школѣ», № 1 за 1893 годъ. Понятно, что за штудированіе рѣчи проф. Ермакова о преподаваніи ариѳметики мы принялись съ особеннымъ интересомъ и удовольствіемъ. И вотъ нынѣ считаемъ долгомъ своимъ отмѣтить, что, при всемъ своемъ несочувствіи къ взгляду почтеннаго профессора на *характеръ* ариѳметическихъ задачъ, который имъ желалъ-бы придать профессоръ, мы и въ этой рѣчи натолкнулись на массу достойныхъ полнаго сочувствія и крайне интересныхъ мыслей, съ которыми мы и постараемся ознакомить читателей. Надѣемся, что они на насъ за это не посѣтуютъ.

Во вступленіи почтенный профессоръ, признаваясь въ недостаточномъ своемъ знакомствѣ съ педагогической литературою, какъ-бы оправдывается въ томъ, что онъ рѣшился «выступить въ роли педагога-руководителя». Само собою разумѣется, что оправдываться г. профессоръ въ своемъ интересѣ къ педагогическимъ вопросамъ вовсе не долженъ: знакомство съ педагогической литературою не есть безусловно необходимое условіе для человѣка, искренно желающаго предложить вниманію педагоговъ свои взгляды, которые, къ тому же, «коренньмъ образомъ (какъ замѣчаетъ самъ г. Ермаковъ) расходятся съ воззрѣніями почти всѣхъ педагоговъ».

Во главу всѣхъ своихъ педагогическихъ размышленій почтенный профессоръ ставитъ слѣдующія пять «положеній»: «1) теорію математики ученики должны изучать въ школѣ на урокахъ; 2) ученикамъ не слѣдуетъ давать учебниковъ по ариѳметикѣ и алгебрѣ; 3) ученикамъ на домъ могутъ быть задаваемы лишь однѣ задачи; 4) теорія математики должна быть доведена до минимума и до возможной простоты и 5) преподаваніе математики должно быть направлено къ достиженію двухъ цѣлей: къ умѣнью вычислять и къ развитію мыслительной способности учениковъ».

Само собою разумѣется, что не со всѣми положеніями почтеннаго

профессора можно согласиться во всемъ ихъ объемѣ (мы, напр., несогласны съ положеніями вторымъ и третьимъ *); но нельзя не признать, что положенія первое и пятое въ особенности цѣнны, если ихъ формулируетъ человѣкъ науки, крупный ученый, которому математика обязана крупными пріобрѣтеніями. Это тѣмъ отраднѣе, что почтенный профессоръ, начиная свои изслѣдованія съ ариѳметики (несмотря на то, что «много написано по методикѣ ариѳметики»), старается сразу показать, что «ариѳметика можетъ быть наукою простою, интересною», что «такова она по самому существу, но не такова въ нашей школѣ», что нынѣ «наука усложняется», что «въ ариѳметику привносятся такія вещи, которыя дѣлаютъ эту науку и трудною, и мало интересною».

Обратившись къ тому, «что въ ариѳметикѣ служитъ излишнимъ балластомъ и должно быть выброшено», почтенный профессоръ указываетъ слѣдующія статьи: ученія объ измѣненіи результатовъ четырехъ дѣйствій въ зависимости отъ измѣненія данныхъ чиселъ, всякія «новыя» правила при преподаваніи ученія объ именованныхъ числахъ, «въ особенности правила раздробленія и превращенія», рѣшеніе задачъ съ дробями, члены которыхъ слишкомъ велики, *отдѣльныя* статьи о признакахъ дѣлимости, о разложеніи на множители, о нахожденіи наименьшаго кратнаго, *доказательства* умноженія и дѣленія на дробь, правила: тройныя, цѣпное, товарищества, «фальшивое» (regula falsi, впрочемъ, нынѣ все равно не проходится), смѣшенія, а также ариѳметическія отношенія и пропорціи и даже геометрическія. Интересно при этомъ, что ученія о признакахъ дѣлимости, наименьшемъ кратномъ и т. п. почтенный профессоръ считаетъ возможнымъ выяснить «параллельно» съ упражненіями «учениковъ въ рѣшеніи задачъ, заключающихъ простѣйшія дроби, причемъ въ кругъ такихъ упражненій должны войти всевозможныя дѣйствія надъ дробями». «Только послѣ того, какъ ученикъ сознательно рѣшаетъ простѣйшія задачи на умноженіе и дѣленіе дробей, слѣдуетъ формулировать и выяснить, въ чемъ состоитъ умноженіе и дѣленіе дробей».

Намъ особенно пріятно констатировать эти взгляды почтеннаго профессора, такъ какъ на настойчивую пропаганду подобныхъ-же взглядовъ нами потрачено очень много времени и труда! Мы отлично, напр., помнимъ то неодобреніе, съ которымъ былъ встрѣченъ много лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ педагогическихъ кружкахъ про-

*) Ср. «Цѣль и средства преподаванія низшей математики» (Спб. 1892), стр. 61 и слѣдующія.

тестъ противъ «многоэтажныхъ» задачъ, къ которымъ столь пристрастенъ былъ покойный И. П. Верещагинъ и лица, составлявшія задачи для письменныхъ испытаній на аттестаты зрѣлости... Нынѣ проф. Ермаковъ считаетъ нужнымъ прежде всего протестовать «противъ вкоренившагося обычая давать задачи на различныя правила со многими условіями»... «Такія задачи, — говоритъ почтенный профессоръ, приведя задачу не изъ числа особенно многоэтажныхъ, — просто безсмысленны»... Наконецъ, почтенный профессоръ протестуетъ также противъ скобочныхъ въ ариѳметикѣ упражненій, считая ихъ относящимися спеціально къ алгебрѣ, съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться въ большей или меньшей степени.

Изъ всего вышеизложеннаго легко придти къ заключенію, что почтенный ученый смотритъ на предметъ ариѳметики и цѣли ея преподаванія крайне трезво и просто, — проще, чѣмъ программы курса ариѳметики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ вѣдомствъ, и неизмѣримо проще, чѣмъ сами гг. преподаватели и преподавательницы этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, нельзя того-же сказать о той роли и о томъ значеніи, которыя почтенный профессоръ приписываетъ при преподаваніи *ариѳметики* задачамъ алгебраическаго характера.

По его мнѣнію, «у насъ нѣтъ задачника, спеціально приноровленнаго къ развитію мыслительной способности учениковъ»; къ составленію подобнаго задачника онъ желалъ-бы пріохотить педагоговъ, указывая не только на пользу, которую подобный задачникъ принесетъ школѣ, но и на «значительныя матеріальныя выгоды», которыя такой задачникъ принесетъ составителю... Начать съ того, что все обученіе ариѳметикѣ и все среднее образованіе должно и можетъ быть приноравливаемо къ развитію «мыслительной способности»; кромѣ того, должно замѣтить, что всякое *методически правильное* преподаваніе ариѳметики, помимо задачъ алгебраическаго характера, которыя имѣетъ въ виду почтенный профессоръ, заключаетъ въ себѣ вполнѣ достаточно различныхъ элементовъ для развитія мыслительной способности учащихся; наконецъ, нельзя забывать того, что рѣшеніе задачъ алгебраическаго характера къ предмету ариѳметики, какъ таковой, вовсе не относится и представляетъ собою на самомъ дѣлѣ какъ-бы совершенно отдѣльный отъ нея предметъ обученія.

Приведя извѣстную задачу о двухъ пастухахъ*), проф. Ермаковъ

*) «Два пастушка, Коля и Ваня, гнали овецъ. Дай мнѣ одну овцу, говоритъ Коля, тогда у меня будетъ вдвое болѣе овецъ, чѣмъ у тебя. Нѣтъ, отвѣчаетъ на это Ваня, лучше ты дай мнѣ одну овцу, тогда у насъ будетъ поровну. Сколько у каждаго овецъ?»

замѣчаетъ: «Многіе педагоги протестуютъ противъ подобныхъ задачъ. Протестъ неудивителенъ, если педагоги сами не умѣютъ рѣшить подобной задачи; но такіе педагоги рѣдки. Разумнымъ-же педагогамъ я берусь доказать полезность подобныхъ задачъ, если онѣ хорошо составлены и помѣщены въ надлежащемъ мѣстѣ». Показавъ, какъ рѣшается эта задача, почтенный профессоръ превосходными анализами приходитъ къ цѣлому ряду предварительныхъ задачъ, которыя необходимы, съ методической точки зрѣнія, для возможности рѣшенія этой задачи учащимися. Такимъ образомъ, почтенный профессоръ доказалъ только необходимость также въ случаѣ задачъ алгебраическаго характера примѣненія той методы, которую мы въ своихъ посильныхъ работахъ называемъ «методою цѣлесообразныхъ задачъ». И съ этимъ нельзя не согласиться, если только принять безъ доказательства, что рѣшеніе ариѳметическихъ задачъ алгебраическаго характера необходимо или даже хотя-бы только полезно при прохожденіи ариѳметики. Но этого-то какъ разъ и не доказалъ почтенный профессоръ въ своей рѣчи, притомъ не доказалъ только потому, что доказать это невозможно; ибо рѣшеніе задачъ алгебраическаго характера при обученіи ариѳметики не только не необходимо, не только не полезно, но даже прямо вредно по причинѣ своей преждевременности. Мы крайне внимательно искали доказательства именно этого основного взгляда проф. Ермакова на задачи алгебраическаго характера, какъ на задачи крайне важныя въ курсѣ ариѳметики. Но этого доказательства или даже хотя-бы посылокъ его не нашли во всей блестящей рѣчи почтеннаго профессора. За исключеніемъ «развитія мыслительной способности», мы не нашли ни одного отвѣта на слѣдующіе вопросы: достаточно-ли имѣется въ курсѣ ариѳметики, помимо задачъ алгебраическаго характера, такихъ ученій, при которыхъ развивалась-бы мыслительная способность учениковъ? Представляетъ-ли собою задача алгебраическаго характера нѣчто, легко устранимое изъ курса ариѳметики и неизбѣжно необходимое и крайне полезное, со всѣхъ возможныхъ точекъ зрѣнія, въ курсѣ алгебры? Не можетъ-ли чисто логическое разсужденіе при рѣшеніи задачъ этого рода быть относимо въ курсъ ученія о составленіи уравненій, при прохожденіи этого послѣдняго ученія? Не умѣстнѣе-ли чисто-логическій способъ рѣшенія задачъ этого рода (безъ уравненій) именно въ pendant къ ученію объ уравненіи и его составленіи и рѣшеніи?

Только придя къ отрицательному рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ, можно было-бы согласиться съ почтеннымъ профессоромъ въ томъ, что задачи алгебраическаго характера при преподаваніи ариѳметики

крайне важны; только при этомъ условіи можно было-бы раздѣлять его увлеченіе, выразившееся въ слѣдующихъ словахъ его рѣчи: «Позвольте, мм. гг., выразить надежду, что кто-нибудь изъ моихъ слушателей увлечется моей идеей и займется составленіемъ задачника, имѣющаго исключительною цѣлью развитіе мыслительной способности учениковъ. Трудно себѣ представить, какую громадную пользу принесетъ подобный задачникъ! Математическія науки процвѣтутъ, а труды составителя вознаградятся съ избыткомъ!»

Къ сожалѣнію, процвѣтаніе математическихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ вовсе не зависитъ отъ того, скоро-ли будетъ составленъ задачникъ, заключающій только задачи алгебраическаго характера (эти именно задачи г. Ермаковъ имѣетъ въ виду въ проектируемомъ имъ задачникѣ). Улучшеніе преподаванія скорѣе зависитъ отъ того, скоро-ли будутъ усвоены тѣ основныя положенія, которыя формулировалъ проф. Ермаковъ въ своей рѣчи и которыя очень многими изъ преподавателей, вѣроятно, раздѣляются въ настоящее время.

Должно при этомъ замѣтить, что г. профессоръ Ермаковъ въ вопросѣ объ алгебраическихъ задачахъ пропагандируетъ (если забыть о его вполнѣ законномъ требованіи относительно ихъ методичности) взгляды, довольно сильно распространенные среди нашихъ преподавателей и составителей задачниковъ. Въ этомъ вопросѣ проф. Ермаковъ примыкаетъ къ большинству, къ которому пишущій настоящія строки не можетъ присоединиться,—къ тому большинству, которое задачамъ алгебраическаго характера въ курсѣ ариѳметики придаетъ болѣе или менѣе важное значеніе. Къ сожалѣнію, ариѳметическія задачи алгебраическаго характера вмѣстѣ съ задачами на тройныя правила, правила процентовъ, смѣшенія, учета векселей и т. п. на самомъ дѣлѣ принадлежатъ къ «балласту» (позволимъ себѣ выразиться словами почтеннаго профессора), и «этотъ балластъ отчасти унаслѣдованъ нами отъ прежнихъ временъ и облюбованъ многими новыми педагогами» *). У преподаванія ариѳметики цѣли вполнѣ опредѣленныя и достаточно благородныя: научить дѣтей вѣрно, быстро и изящно вычислять и при этомъ, благодаря именно этому обученію, привить дѣтскому уму разные полезные умственные навыки; у ариѳметическихъ задачъ-же двоякая цѣль: подготовлять умъ учащагося къ выработкѣ тѣхъ или иныхъ ариѳметическихъ задачъ (принципъ «*методы цѣлесообразныхъ задачъ*») и упражнять въ вычисленіяхъ

*) Еще Генчель настаивалъ на задачахъ алгебраическаго характера, считая ихъ какъ-бы «орѣшками» (eine Nuss zum knacken), которые полезно давать ученикамъ даже начальной школы для «упражненія въ мышленіи».

(«принципъ труда и упражненія»). Все постороннее должно быть устранено изъ курса ариѳметики, и только тогда можно будетъ предаваться благородной мечтѣ высокопочтеннаго профессора Ермакова о «процвѣтаніи математическихъ наукъ» *).

Во всякомъ случаѣ тому обстоятельству, что такой серьезный ученый, какъ профессоръ В. П. Ермаковъ, обращаетъ свое вниманіе на вопросы методики математики, можно только порадоваться и сочувствовать. Далеко несправедливъ тотъ взглядъ, которымъ такъ охотно прикрываются иногда практики-преподаватели, утверждающіе, что только практикъ-преподаватель можетъ задаваться вопросами методическаго характера. Пишущій эти строки и самъ практикъ-преподаватель, но онъ никогда не рѣшится сказать: «В. П. Ермаковъ— профессоръ, теоретикъ; намъ никакіе методическіе взгляды не нужны; мы и сами хорошо знаемъ—чего намъ нужно». Не говорите этого, ибо хотя проф. Ермаковъ и профессоръ, и ученый, и теоретикъ, но онъ, кромѣ того, человѣкъ мыслящій и умный, и педагогическіе идеалы ему не чужды. Это-то именно и хорошо, что онъ поставленъ въ возможность—на вопросы преподаванія смотрѣть à vol d'oiseau, съ высоты своего почетнаго положенія въ наукѣ, и къ его словамъ мы не имѣемъ права, укрывшись подъ сѣнь рутины и такъ-называемой многолѣтней практики, относиться безъ должнаго вниманія и интереса.

С. Шохоръ-Троцкій.

---

*) Въ нашемъ «Методическомъ Сборникѣ ариѳметическихъ задачъ», первая часть котораго предназначена для приготовительныхъ классовъ, а вторая—для низшихъ трехъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, впервые проведены принципы «*методы цѣлесообразныхъ задачъ*», и, насколько это возможно, эти принципы выдержаны также въ отдѣлѣ задачъ алгебраическаго характера. Но въ этомъ сборникѣ (конечно, только во II-ой его части) задачи этого рода все-таки помѣщены какъ-бы въ видѣ уступки господствующимъ требованіямъ. Но онѣ у насъ впервые *рѣзко* выдѣлены въ двухъ мѣстахъ въ отдѣльныя рубрики. Примѣненія «методы цѣлесообразныхъ задачъ» мы могли преслѣдовать въ этихъ отдѣлахъ лишь постольку, поскольку стремленіе къ этому примѣненію не слишкомъ сильно отозвалось-бы на объемѣ книжки. За-то тѣмъ большее вниманіе способамъ рѣшенія задачъ алгебраическаго характера отведено въ нашемъ «Опытѣ методики ариѳметики для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній», къ которому позволяемъ себѣ отослать читателей, интересующихся вопросомъ «методы цѣлесообразныхъ задачъ» и вообще вопросами методики ариѳметики. Для учителей народныхъ школъ «метода цѣлесообразныхъ задачъ» особенно подробно разработана въ «Сборникѣ задачъ для учащихъ», приложенномъ къ 3-му изданію нашей «Методики ариѳметики» (Спб. 1892).

БЕСѢДЫ О ПРЕПОДАВАНІИ ГЕОГРАФІИ.

(Продолженіе).

БЕСѢДА ЧЕТВЕРТАЯ.

Постановка курса въ среднемъ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи.

Концентрическіе курсы.

Основаніемъ для современной постановки курса географіи служитъ ученіе о концентрическихъ курсахъ въ преподаваніи. Это ученіе состоитъ въ томъ, что для основательнаго усвоенія какого-нибудь учебнаго предмета учащимися слѣдуетъ пройти курсъ нѣсколько разъ. Но ученики, по мѣрѣ возростанія, дѣлаются умственно болѣе развитыми, а поэтому невозможно среднему возрасту предлагать учебный матеріалъ въ томъ-же объемѣ и съ такимъ-же освѣщеніемъ фактовъ, какъ младшему. Какъ объемъ курса, такъ и объясненія фактовъ должны соотвѣтствовать возрасту, т.-е. объемъ курса долженъ быть больше, а объясненія научнѣе. Такимъ образомъ, каждый слѣдующій курсъ является болѣе широкимъ, но въ то-же время остается ничѣмъ инымъ, какъ болѣе распространеннымъ изданіемъ предшествовавшаго, отчего зависитъ и названіе концентрическихъ курсовъ или, просто, концентровъ. Вышеупомянутый авторъ методики географіи, Оберлендеръ, называетъ такое расположеніе учебнаго матеріала концентрическимъ методомъ. Но очевидно, что концентрическое расположеніе учебнаго матеріала можетъ сочетаться и съ аналитическимъ, и съ синтетическимъ методомъ, что лишаетъ его права на самостоятельное существованіе, какъ особаго метода. Мы имѣемъ примѣръ строгаго примѣненія концентрическихъ курсовъ къ аналитическому методу въ учебникѣ Домериха, обработанномъ Флате (Dommerich-Flathe). Этотъ учебникъ представляетъ три концентрическихъ курса,

какъ это принимается почти всѣми педагогами, признающими пользу концентровъ. Три концентрическихъ курса представляютъ соотвѣтствіе съ тремя школьными возрастами: младшимъ, среднимъ и старшимъ. Принимая во вниманіе существованіе этихъ возрастовъ въ школѣ, можно уже a priori сказать, что полное и совершенное проведеніе концентровъ невозможно, такъ какъ каждый курсъ и каждый возрастъ требуютъ помѣщенія такихъ фактовъ, которые не имѣютъ мѣста въ другомъ. Въ первомъ курсѣ или младшемъ возрастѣ дѣти приступаютъ къ изученію географіи; всѣ географическія понятія и термины должны быть имъ выяснены, и въ этомъ состоитъ большая часть курса. Однимъ словомъ, курсъ для младшихъ учениковъ долженъ быть приготовительнымъ къ слѣдующимъ курсамъ. Пропедевтическій характеръ курса младшаго возраста по необходимости дѣлается похожимъ на два остальныхъ. Учебный матеріалъ по различнымъ отдѣламъ, такъ-называемой, политической географіи и особенно по государствовѣдѣнію въ приготовительномъ курсѣ сокращается до самыхъ незначительныхъ размѣровъ, а еще лучше, если и совсѣмъ выпускается. Въ слѣдующемъ курсѣ средняго возраста проходятъ весь доступный краткому курсу учебный матеріалъ, и потому этотъ средній кругъ или возрастъ является очень обширнымъ. Въ этомъ курсѣ или среднемъ концентрѣ, конечно, уже не приходится снова прибѣгать къ выясненію географическихъ терминовъ, а географическія понятія, выясненныя въ приготовительномъ курсѣ, только примѣняются здѣсь къ извѣстнымъ мѣстностямъ. Обыкновенно средній или нормальный курсъ географіи состоитъ изъ трехъ частей: 1) курсъ внѣевропейскихъ странъ, 2) курсъ государствъ Европы и 3) курсъ отечественной географіи. Не смотря на обширность и продолжительность нормальнаго курса или средняго концентра, который долженъ быть пройденъ не менѣе, какъ въ 3 года, его учебный матеріалъ долженъ быть строго ограниченъ и сообщеніе статистическихъ данныхъ совершенно невозможно. Трудно также отдавать много времени на географическія сравненія и выясненія причинности между географическими фактами. Для этихъ цѣлей существуетъ третій концентръ, или курсъ старшаго возраста. Повтореніе предъидущаго курса отъ аза до ижицы для этого возраста скучно и не имѣетъ никакого интереса. Другое дѣло, если, поставивъ въ центрѣ курса отечественную географію, постараться выяснить путями сравненій и обобщеній причинную зависимость между географическими фактами. Такимъ образомъ, курсъ старшаго возраста, называемый повторительнымъ, собственно говоря, не долженъ заключаться только въ одномъ повтореніи пройденнаго ранѣе, но долженъ быть вмѣстѣ

съ тѣмъ курсомъ сравнительнымъ. Изъ всего сказаннаго совершенно ясно вытекаетъ, что концентрическая система изложенія географическаго матеріала не можетъ быть проведена со всею строгостью. Послѣдовательно повторяющіеся курсы не могутъ отличаться другъ отъ друга только количествомъ учебнаго матеріала, а, главнымъ образомъ, разнятся самою идеею и мѣстомъ, занимаемымъ въ курсѣ. Такимъ образомъ, въ курсѣ географіи нужно считать необходимымъ проведеніе трехъ отдѣловъ его: приготовительнаго, нормальнаго и повторительнаго. Необходимость приготовительнаго курса легко усматривается изъ слѣдующихъ соображеній. Уже изъ предъидущаго извѣстно, какое большое и, можно сказать, первенствующее значеніе въ дѣлѣ преподаванія географіи имѣетъ карта. Всѣ географическіе объекты изображены на картѣ не въ ландшафтномъ видѣ, а знаками, почему слѣдуетъ умѣть разбирать эти знаки или читать карту, чтобы возможно было начать изученіе географіи. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что прежде курса, посвященнаго собственно изученію географическаго матеріала, необходимо поставить курсъ, который имѣлъ-бы цѣлью сообщить ученикамъ умѣнье читать карту, т.-е. понимать все, что на ней изображено.

Курсъ приготовительный.

Основныя положенія приготовительнаго курса устанавливаются весьма легко, что обусловливается вполнѣ опредѣленною его цѣлью—объяснить построеніе карты и способствовать образованію основныхъ географическихъ понятій. Такъ какъ карта чертится по сѣткѣ, то понятно, что уясненіе географической сѣтки становится главною задачей приготовительнаго курса. Но объясненіе построенія сѣтки на плоскости невозможно, если предварительно не объяснить ея устройство на шарѣ. Только на шарѣ сѣтка является вполнѣ правильною и меридіаны съ параллелями повсюду образуютъ прямые углы. Такимъ образомъ, ранѣе знакомства съ картою, нужно ознакомить дѣтей съ глобусомъ. Но положеніе странъ свѣта уясняется на глобусѣ далеко не такъ удобно, какъ на плоскости горизонта; скажемъ болѣе, такое объясненіе совершенно невозможно и непонятно для дѣтей младшаго возраста, какъ о томъ уже было упомянуто при выясненіи недостатковъ аналитическаго метода. Знакомство-же учениковъ съ оріентировкой по странамъ свѣта совершенно необходимо, а поэтому ученію о глобусѣ должно предшествовать ученіе о горизонтѣ и странахъ свѣта. Начинать элементарный курсъ географіи словами «земля есть шаръ»—зна-

читъ требовать отъ дѣтей сильно развитаго воображенія. При этомъ, конечно, нужно начертить планъ горизонта, но такъ какъ граница горизонта есть явленіе кажущееся, то уяснять понятіе о планѣ на планѣ горизонта—неудобно. Для этого берутъ планъ классной комнаты, какъ такого пространства, которое можетъ быть легко изучено учениками во всѣхъ подробностяхъ. Конечно, планъ классной комнаты имѣетъ здѣсь только формальное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ дѣтямъ изученіе классной комнаты и ея плана? Оно наглядно и практично знакомитъ учениковъ съ масштабомъ, даетъ возможность указать на способъ опредѣленія положенія предметовъ по двумъ координатамъ, что приготовляетъ учениковъ къ пониманію широты и долготы. Затѣмъ, въ классѣ и по его плану можно ознакомить учениковъ со способомъ измѣренія поверхности квадратными мѣрами. Все это, конечно, очень важныя и необходимыя понятія для дальнѣйшаго курса, но всѣ они могутъ быть развиты, не будучи пріурочены къ плану класса. Единственное основаніе, которое остается для помѣщенія плана класса въ началѣ курса географіи, заключается въ томъ, что онъ даетъ понятіе о способѣ и возможности изобразить извѣстный участокъ поверхности земли на плоскости бумаги и доски и такимъ образомъ приготовить учениковъ къ пониманію карты. Прохожденіе приготовительнаго курса, и въ особенности его начала—должно быть нагляднымъ и сопровождаться черченіемъ. Чертежи эти очень просты, но во всякомъ случаѣ требуютъ знакомства съ названіями линій и фигуръ. Понятія о горизонтальныхъ, вертикальныхъ и параллельныхъ линіяхъ, а также многоугольникахъ и кругахъ должны быть разъяснены ученикамъ наглядно. Части круга и дѣленіе его на градусы должны быть извѣстны ученикамъ до ученія о глобусѣ и географической сѣткѣ. Мы полагаемъ болѣе цѣлесообразнымъ соединить всѣ необходимыя геометрическія данныя въ одинъ маленькій курсъ, который долженъ предшествовать собственно курсу приготовительному, чѣмъ прерывать курсъ необходимыми объясненіями геометрическихъ элементовъ. Итакъ, начало, или, можетъ быть, даже первая половина приготовительнаго курса представляетъ слѣдующіе вопросы: 1) вводный геометрическій курсъ, 2) планъ класса и масштабъ, 3) горизонтъ, страны свѣта и планъ горизонта, 4) ученіе о глобусѣ и географической сѣткѣ. Остановимся сначала на разработкѣ этой части приготовительнаго курса, заключающей свѣдѣнія изъ математической географіи. Вводный геометрическій курсъ состоитъ только изъ нѣсколькихъ уроковъ, не болѣе 3—5. Дѣло начинается съ того, что къ доскѣ вызываютъ ученика и предлагаютъ ему начертить прямую ли-

нію и затѣмъ выясняютъ различіе между прямыми линіями по направленію, какъ-то вертикальной, горизонтальной. Потомъ переходятъ къ линіямъ параллельнымъ, пересѣкающимся и образующимъ углы. Затѣмъ переходятъ къ фигурамъ. Фигура круга разсматривается подробнѣе, причемъ чертятся: центръ, радіусъ, діаметръ. Дѣленіе круга на градусы производится слѣдующимъ образомъ: сначала ученики должны запомнить, что окружность круга дѣлится на 360 равныхъ частей, называемыхъ градусами. Вертикальнымъ діаметромъ кругъ дѣлится на двѣ равныя части, причемъ каждая половина заключаетъ по 180°. Половина окружности дѣлится на четверти, четверти на восьмыя по 45°. Дуга 45° дѣлится уже на 3 равныхъ части, по 15° въ каждой, а 15° на три части, по 5° въ каждой. Одну изъ дугъ 5° можно на глазомѣръ раздѣлитъ на градусы, чтобы наглядно показать отношеніе величины одного градуса къ цѣлой окружности. Всѣ геометрическіе чертежи должны быть воспроизводимы учениками въ тетрадяхъ по мѣрѣ того, какъ они чертятся учителемъ на доскѣ.

Планъ и масштабъ.

Знакомствомъ съ кругомъ и градусами заключается вводный геометрическій курсъ и переходятъ къ ученію о планѣ и масштабѣ. Для возбужденія болѣе яснаго и нагляднаго представленія о планѣ, учитель беретъ какой-нибудь знакомый ученикамъ предметъ, напр., книгу, прикладываетъ ее къ классной доскѣ и очерчиваетъ мѣломъ ту часть плоскости, которую занимаетъ эта книга на доскѣ. Эта фигура и есть планъ книги, если мы перенесемъ ее на горизонтальную плоскость. Посредствомъ наводящихъ вопросовъ можно составить опредѣленіе плана, хотя настаивать на этомъ нѣтъ необходимости. Послѣ усвоенія учениками понятія о планѣ, преподаватель чертитъ на классной доскѣ планъ класса, и сначала по глазомѣру. Шагъ за шагомъ ученики слѣдятъ за преподавателемъ и чертятъ планъ въ своихъ тетрадяхъ. По окончаніи глазомѣрнаго плана приступаютъ къ черченію соразмѣрнаго плана по масштабу. Для этого предварительно нужно измѣрить классную комнату въ длину и ширину, а также измѣрить разстоянія предметовъ, находящихся въ классѣ, и ихъ размѣры по длинѣ и ширинѣ. Всѣ эти измѣренія производятся самими учениками. Но какъ-же отмѣрить аршинъ на бумагѣ? Очевидно, нужно уменьшить длину аршина въ нѣсколько разъ, чтобы планъ класса умѣстился-бы на доскѣ или бумагѣ. Для учениковъ, вмѣсто аршина, удобно брать четверть вершка, т.-е. уменьшить размѣръ въ 64 раза. Эта

уменьшенная мѣрка и называется масштабомъ. Такимъ нагляднымъ способомъ легко выясняется масштабъ, а употребленіе его становится понятнымъ при черченіи по масштабу всего плана. Число аршинъ, обозначающихъ длину комнаты, откладывается по масштабу по направленію вертикальной линіи, обозначающей боковую стѣну, а ширину—вдоль горизонтальной линіи, обозначающей ширину класса. Послѣ этого, проведя двѣ другія линіи, замыкаютъ планъ класса. Послѣ этого принимаются за расположеніе на планѣ предметовъ, находящихся въ классѣ. Для того, чтобы расположеніе это было точно и соотвѣтствовало-бы размѣрамъ комнаты, нужно по масштабу отмѣрять разстояніе предметовъ отъ двухъ смыкающихся стѣнъ. Этотъ пріемъ, производимый наглядно и понятно въ классѣ, важенъ потому, что, подобно опредѣленію положенія предметовъ на планѣ помощью двухъ координатъ, производится опредѣленіе положенія мѣстностей на глобусѣ. На планѣ класса можно также выяснить способъ измѣренія поверхности квадратными мѣрами. Четыреугольникъ плана дѣлится горизонтальными и вертикальными линіями на квадраты, обозначающіе квадратные аршины. Сосчитавъ число квадратовъ, получимъ число квадратныхъ аршинъ, заключающихся въ поверхности пола. Тутъ-же можно указать, что это число получится, если мы помножимъ число аршинъ, заключающихся въ длинѣ, на число аршинъ, составляющихъ ширину класса. Окончивъ отдѣлъ о соразмѣрномъ планѣ, преподаватель переходитъ къ вопросамъ, которые-бы вели къ выясненію пользы и значенія плана, напр., для чего служитъ планъ? что на немъ видно и чего нельзя разсмотрѣть? какое различіе между планомъ и рисункомъ? Можно-ли по плану опредѣлить размѣры изображенной мѣстности? Что произойдетъ, если мы уменьшимъ или увеличимъ масштабъ въ 2, 3, 4 и т. д. разъ.

Горизонтъ и страны свѣта.

Уменьшая масштабъ, мы на той-же доскѣ или лоскуткѣ бумаги можемъ изобразить бо́льшую поверхность земли, чѣмъ прежде. Наконецъ, мы будемъ въ состояніи изобразить всю поверхность земли, которую мы можемъ видѣть на открытомъ мѣстѣ. Здѣсь преподаватель старается объяснить ученикамъ явленіе кругозора или горизонта. На познанія учениковъ о горизонтѣ до школы положиться нельзя, такъ какъ эти познанія недостаточны и сбивчивы, нѣкоторые-же ученики, какъ мы то видѣли выше, никогда не видѣли горизонта. Поэтому лучше всего, если преподаватель отнесется къ этому вопросу, какъ совершенно неизвѣстному ученикамъ.

Прежде всего ученикамъ предлагается на разсмотрѣніе картина, на которой изображенъ открытый горизонтъ. Для этого могутъ служить картины Семенова: четыре времени года, а также нѣкоторыя картины Гельцеля, какъ, напр., дельта рѣки Одера. Преподаватель заставляетъ затѣмъ учениковъ показать на картинѣ видимую поверхность земли, небосклонъ и ту горизонтальную линію, которая ихъ отдѣляетъ. Послѣ этого преподаватель старается выяснить то обстоятельство, что эта линія на открытомъ мѣстѣ нигдѣ не прерывается и имѣетъ форму окружности, ограничивающей кругъ видимой земной поверхности. Опредѣленіе горизонта должны вывести сами ученики, конечно, съ помощью учителя. Послѣ этого переходятъ къ странамъ свѣта. Названія странъ свѣта бываютъ обыкновенно знакомы всѣмъ ученикамъ, а нѣкоторые знаютъ даже опредѣлять ихъ по солнцу. При изученіи горизонта задача учителя состоитъ также въ томъ, чтобы научить учениковъ понимать видимое движеніе въ теченіи сутокъ и годовое. Приблизительно страны свѣта можно опредѣлить такъ, что востокъ находится въ той сторонѣ, гдѣ солнце восходитъ, западъ тамъ, гдѣ оно заходитъ, но точка восхожденія солнца на горизонтѣ совпадаетъ съ точкою востока только два раза въ годъ: 9-го марта и 10-го сентября. Послѣ 9-го марта, или дня весенняго равноденствія, солнце будетъ подвигаться точками своего восхода налѣво по горизонту или къ сѣверу, пока не дойдетъ до лѣтняго своего стоянія—9-го іюня. Въ этотъ день солнце у насъ занимаетъ наиболѣе близкое положеніе къ точкѣ сѣвера. Послѣ этого оно начинаетъ подвигаться въ обратную сторону, т.-е. къ югу или направо. 10-го сентября солнце приходитъ въ точку востока, и это время называется осеннимъ равноденствіемъ. Послѣ этого оно продолжаетъ подвигаться въ томъ-же направленіи, т.-е. направо—къ югу. Это движеніе продолжается до 9-го декабря, т.-е. времени зимняго солнцестоянія. Затѣмъ солнце снова начинаетъ двигаться налѣво къ точкѣ востока и т. д. Видимое годовое движеніе солнца указываетъ на способъ опредѣленія востока. Точка востока будетъ совпадать съ точкою восхода солнца только два раза въ годъ: 9-го марта и 10-го сентября, почему непосредственное опредѣленіе востока очень затруднительно. Есть другая страна свѣта, надъ которою солнце бываетъ ежедневно въ 12 часовъ—это югъ. Надъ югомъ солнце занимаетъ самое высокое положеніе въ полдень, а слѣдовательно, тѣни, отбрасываемыя предметами въ полдень, будутъ самыя короткія. На этомъ основаніи направленіе кратчайшей тѣни даетъ намъ направленіе съ юга на сѣвѣръ, т.-е. опредѣлитъ положеніе этихъ странъ свѣта. Практически

направленіе юга и сѣвера опредѣляется посредствомъ гномона, т.-е. стержня, укрѣпленнаго вертикально на горизонтальной плоскости. Знакомить дѣтей съ компасомъ при опредѣленіи странъ свѣта неудобно, потому что стрѣлка компаса не указываетъ прямо на сѣверъ, а отклоняется по направленію магнитнаго меридіана, и это отклоненіе неодинаково въ различныхъ мѣстностяхъ. По изученіи направленія главныхъ странъ свѣта преподаватель указываетъ на то, что главныхъ странъ свѣта недостаточно для опредѣленія положенія предметовъ на горизонтѣ, почему употребляются второстепенныя страны, находящіяся въ одинаковомъ разстояніи отъ двухъ ближайшихъ главныхъ. Эти страны суть: СВ, ЮВ, ЮЗ и СЗ. Нужно замѣтить, что моряки употребляютъ еще страны свѣта, находящіяся въ промежуткахъ между главными и второстепенными. Для укрѣпленія всѣхъ данныхъ о горизонтѣ и странахъ свѣта въ памяти учениковъ, чертится его планъ учителемъ на доскѣ, а ученики должны счертить его въ тетради. При черченіи плана горизонта, какъ и другихъ чертежей, нужно наблюдать, чтобы оно производилось отчетливо и аккуратно. Круги должны быть начерчены помощью циркуля или полоски сложенной бумаги съ двумя отверстіями. Относительно черченія плана горизонта нужно замѣтить, что далеко не все равно, въ какой послѣдовательности проводить линіи, указывающія направленіе странъ свѣта. Сначала нужно дать направленіе полуденной линіи, которая условно обозначается вертикальнымъ діаметромъ въ кругѣ. На верху діаметра ставится точка сѣвера, внизу—точка юга. Послѣ этого отъ точки сѣвера откладывается дуга 90°, чтобы получить точку востока. Противоположная точка будетъ точкою запада. Второстепенныя страны свѣта получаются, если мы отмѣримъ отъ главныхъ дуги 45°. Чтобы ученики привыкли отыскивать направленія странъ свѣта, ихъ заставляютъ изъ данной точки проводить направленія странъ свѣта. Другой способъ упражнять учениковъ въ положеніи странъ свѣта, это—заставлять ихъ разсматривать планъ какой-нибудь мѣстности. На такомъ планѣ находится нѣсколько топографическихъ знаковъ, которые изучаются попутно. Удобнѣе всего взять планъ того города, гдѣ находится школа. При разсматриваніи плана рѣшаются слѣдующія задачи: 1) отыскивается масштабъ и высчитываются размѣры плана; 2) измѣряется мѣстность по различнымъ направленіямъ циркулемъ и потомъ каждое измѣреніе высчитывается по масштабу; 3) по масштабу-же находятся различныя разстоянія на планѣ; 4) опредѣляется положеніе различныхъ точекъ на планѣ по странамъ свѣта; 5) изучаются топографическіе знаки. Чтобы оживить эти занятія съ планомъ, можно

попутно выяснить понятія о тѣхъ географическихъ фактахъ, которые представлены на планѣ. Такъ, на планѣ Петербурга можно дать понятіе о рѣкѣ, ея берегахъ, устьи, рукавахъ, фарватерѣ, островѣ и т. п.

Истинный видъ земли.

Послѣ этого переходятъ отъ плоскости видимой поверхности земли къ истинному виду земли, т.-е. земному шару. Прежде всего обращается вниманіе учениковъ на послѣдовательность, съ которою исчезаютъ изъ вида удаляющіеся предметы и появляются приближающіеся. Извѣстно, что эти предметы исчезаютъ не вдругъ, а постепенно, такимъ образомъ, что сперва скроется за горизонтъ нижняя часть корабля, потомъ средина и верхняя часть его. При приближеніи предметовъ они появляются сперва верхними своими частями и т. д. Это явленіе вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, какъ если-бы какой-нибудь предметъ исчезалъ и снова показывался-бы изъ-за экрана. Ясно, что отдаленные предметы скрываются за какимъ-то препятствіемъ. Это препятствіе есть ничто иное, какъ выпуклость поверхности земли, котораго мы не замѣчаемъ непосредственно. Это доказательство круглоты земли лучше объясняется чертежемъ. На немъ поверхность земли представляется въ разрѣзѣ въ видѣ кривой линіи. Поле зрѣнія человѣка, смотрящаго вдаль и наблюдающаго за удаляющимся предметомъ, ограничится, если мы проведемъ отъ верхней части линіи, обозначающей наблюдателя, касательную къ кривой поверхности земли. Другое доказательство, которое можно привести въ пользу шаровидности земли, это кругосвѣтныя плаванія. Чтобы заинтересовать дѣтей, слѣдуетъ разсказать имъ путешествіе Магеллана. Прежде, чѣмъ перейти къ устройству географической сѣтки на глобусѣ, необходимо дать понятіе о положеніи земли во вселенной и движеніяхъ земли. Эта глава съ учениками младшаго возраста проходится, разумѣется, безъ всякихъ доказательствъ, описательно, по возможности, наглядно. Здѣсь нужно послѣдовательно сообщить: 1) О движеніи земли вокругъ оси, безъ чего нельзя выяснить понятіе о полюсахъ. Сверхъ того, видимое движеніе солнца и небеснаго свода слѣдуетъ тутъ-же объяснить движеніемъ земли вокругъ оси. 2) О движеніи земли вокругъ солнца и вліяніи этого движенія на перемѣну временъ года. Этотъ вопросъ проходится только наглядно при помощи теллурія. 3) О неподвижныхъ звѣздахъ, планетахъ и кометахъ. Лучше всего при этомъ показать карту звѣзднаго неба большой величины и обратить вниманіе учениковъ на главныя созвѣздія, преимуще-

ственно сѣвернаго полушарія. Телескопическое изображеніе планетъ также интересно для дѣтей. О лунѣ, какъ спутникѣ земли и ближайшемъ къ ней небесномъ тѣлѣ слѣдуетъ разсказать подробнѣе. Лучше всего начертить фазы луны и указать, въ какой послѣдовательности онѣ происходятъ.

Географическая сѣть на глобусѣ.

Послѣ этого переходятъ къ географической сѣти на глобусѣ. При первоначальныхъ занятіяхъ съ глобусомъ лучше всего употреблять черный глобусъ съ начерченной на немъ сѣткой. Изображеніе материковъ только-бы мѣшало наглядности при разъясненіи сѣтки. Нужно признаться, что на всѣхъ черныхъ глобусахъ, находящихся въ продажѣ, сѣтка, начерченная тонкими красными линіями, которыя невидимы даже со второй скамьи въ классѣ. Но эти линіи даютъ возможность преподавателю правильно проводить на глобусѣ все необходимое для разъясненія сѣтки.

Прежде всего преподаватель старается фиксировать въ представленіи учениковъ двѣ точки, остающіяся неподвижными при вращеніи глобуса (земли) вокругъ оси. Эти точки—полюсы, и они-то представляютъ исходный пунктъ черченія сѣтки на глобусѣ. Въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ проводится большой кругъ, называемый экваторомъ. Имѣя точки полюсовъ и экваторъ, легко понять, какъ строится сѣтка. Каждый большой кругъ, проходящій черезъ полюсы и пересѣкающій экваторъ въ двухъ противоположныхъ точкахъ, называется меридіаномъ. Каждый меридіанъ, данный для извѣстной точки земной поверхности, будетъ линія, направляющаяся отъ сѣвера къ югу. Полуденная линія, съ которою ранѣе познакомились на горизонтѣ, есть только незначительная часть круга меридіана. Такъ какъ каждая точка можетъ быть центромъ особаго горизонта и черезъ каждую точку можно провести полуденную линію, то очевидно, что меридіановъ можно провести столько, сколько точекъ на земной поверхности, т.-е. безчисленное множество. На самомъ дѣлѣ этого сдѣлать невозможно, почему меридіаны проводятъ черезъ опредѣленное число градусовъ, напримѣръ, 10, 20, 30 и т. д. Для проведенія меридіановъ черезъ 10° нужно весь экваторъ раздѣлить на 36 равныхъ частей (сначала на 4 части, а затѣмъ каждую четверть на 3 и т. д.). Черезъ точки, полученныя при дѣленіи экватора, и полюсы проводятъ круги. На глобусѣ (землѣ) полуденной линіей называется половина меридіана отъ одного полюса до другого, такъ какъ

на одной сторонѣ меридіана полдень бываетъ въ одинъ и тотъ-же моментъ по всей длинѣ его полукружности. Параллельные круги проводятся черезъ точки меридіановъ. Всякая точка земной поверхности при вращеніи земли около оси описываетъ кругъ, за исключеніемъ полюсовъ, которые остаются неподвижными. Поэтому и параллельныхъ круговъ должно быть безчисленное множество, но они, какъ и меридіаны, проводятся черезъ каждые 10°. Считаются меридіаны слѣдующимъ образомъ: одинъ меридіанъ, обозначенный цыфрою 0, называется первымъ и отъ него къ востоку и западу отсчитываются меридіаны черезъ одинъ градусъ, такъ что 10-й меридіанъ будетъ находиться на разстояніи 10° отъ перваго и т. д. Параллельные круги считаются отъ экватора, на которомъ также ставится 0°, а на полюсахъ ставится цыфра 90. Имѣя на глобусѣ сѣтку, легко опредѣлить съ ея помощью положеніе мѣстностей и обозначить ихъ на поверхности глобуса. Учитель ставитъ на глобусѣ точку и обращается къ ученикамъ съ вопросомъ, какъ выразить положеніе данной точки относительно линій географической сѣтки? При этомъ, для наведенія учениковъ на рѣшеніе вопроса, приводится на память способъ опредѣленія положенія предметовъ въ классной комнатѣ, гдѣ положеніе предметовъ опредѣлялось по ихъ разстоянію отъ двухъ смыкающихся стѣнъ. Примѣняя этотъ способъ къ данному случаю, легко догадаться, что нужно опредѣлять положеніе данныхъ точекъ на глобусѣ по ихъ разстояніямъ отъ двухъ пересѣкающихся линій сѣтки. Изъ такихъ пересѣкающихся линій удобнѣе всего выбрать экваторъ и какой-нибудь меридіанъ. Экваторъ удобнѣе для этого потому, что онъ имѣетъ срединное положеніе между параллелями.

Широта и долгота.

Для опредѣленія положенія намѣченной на глобусѣ точки слѣдуетъ провести отъ нея параллель до встрѣчи съ меридіаномъ, принятымъ за первый, т.-е. такимъ, отъ котораго отсчитываются другіе меридіаны. Отъ той-же точки проводится меридіанъ до встрѣчи съ экваторомъ. Разстояніе, выражаемое частью меридіана, заключающейся между экваторомъ и данной точкой, называется географической широтою. Разстояніе, выражаемою частію параллели, заключающейся между данной точкой и первымъ меридіаномъ, называется географической долготою. Какъ широта, такъ и долгота выражаются въ числѣ градусовъ. Широта отсчитывается, смотря по положенію данной точки, или къ сѣверу, или къ югу отъ экватора и называется сѣверной или южной. Долгота-же отсчитывается или къ востоку, или къ западу отъ

перваго меридіана. Всѣ эти вопросы разъясняются практически: вызывая учениковъ къ глобусу, задаютъ имъ вопросы относительно положенія точекъ на глобусѣ и заставляютъ проводить широты и долготы различныхъ точекъ. Послѣ этого переходятъ къ разъясненію вопроса о разности въ часахъ, соотвѣтствующей различію въ долготѣ. Опытъ показалъ, что всего легче ученики понимаютъ слѣдующее объясненіе. Солнце, какъ намъ кажется, выходитъ съ востока, такъ что сначала имъ освѣщаются болѣе восточныя части земли, а потомъ лежащія болѣе къ западу. Солнце двигается равномѣрно и въ каждый часъ проходитъ 15° по небесному кругу, такъ что на одинъ часъ времени приходится 15° разстоянія по долготѣ, т.-е. съ запада къ востоку. Поэтому, одно и то-же время дня, напримѣръ, полдень, въ странахъ, лежащихъ далѣе на востокъ, наступитъ ранѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, на столько часовъ, насколько часовыхъ разстояній находится мѣстность къ востоку. Если мы возьмемъ мѣстность, лежащую къ западу отъ Петербурга, то полдень въ этихъ мѣстностяхъ наступитъ позже. Нѣсколько примѣровъ должны укрѣпить въ головахъ учениковъ представленіе о соотношеніи между положеніемъ по долготѣ и счетомъ часовъ данной мѣстности. Широтѣ, т.-е. разстоянію мѣстности отъ экватора, соотвѣтствуетъ извѣстная степень теплоты.

Чѣмъ ближе къ экватору, тѣмъ нагрѣваніе больше; чѣмъ болѣе широта, тѣмъ нагрѣваніе меньше. Этотъ фактъ долженъ быть сообщенъ ученикамъ безъ всякихъ объясненій, такъ какъ физическій законъ, на которомъ основывается это объясненіе, не можетъ быть понятъ дѣтьми, не проходившими физики. Главная цѣль заключается здѣсь въ ознакомленіи учениковъ съ раздѣленіемъ поверхности земли на пояса, что даетъ необходимое основаніе для пониманія климатовъ различныхъ странъ. Послѣ ознакомленія съ положеніемъ тропиковъ и полярныхъ круговъ можно сообщить ученикамъ, что въ каждой точкѣ жаркаго пояса солнце два раза въ годъ бываетъ въ зенитѣ въ полдень; равнымъ образомъ, что въ холодномъ поясѣ дни и ночи бываютъ иногда болѣе сутокъ. Точно также здѣсь кстати сообщить о временахъ года въ жаркомъ, умѣренномъ и холодномъ поясахъ. Этимъ, собственно, и оканчивается ученіе о географической сѣткѣ на глобусѣ, послѣ чего слѣдуетъ перейти къ изображенію земной поверхности на картѣ. Къ картѣ обращаются потому, что ее можно сдѣлать достаточно большихъ размѣровъ, между тѣмъ какъ глобусъ большихъ размѣровъ неудобенъ для употребленія и слишкомъ дорогъ. Очень большихъ глобусовъ, аршина 2 и 3 въ поперечникѣ, даже никогда и не изготовляютъ для употребленія въ школѣ.

Сѣтка плоскошарія.

Къ картѣ полушарія переходятъ обыкновенно такимъ образомъ. Предлагается вопросъ, какъ изобразить шаръ или глобусъ на бумагѣ, и что прежде всего нужно нарисовать? Нужно нарисовать кругъ. Достаточно-ли одного круга для изображенія всей поверхности шара? Очевидно, нѣтъ. На одномъ кругѣ умѣстится только половина шара, а на другомъ—другая. При этомъ поверхность шара мысленно разрѣзывается на два равныхъ полушарія.

Такихъ разрѣзовъ можно представить безчисленное множество, но наиболѣе употребляются два, обыкновенно изображающіеся на картѣ плоскошарія. Одинъ разрѣзъ предполагается проведеннымъ по меридіану, обыкновенно—ферскому, такъ какъ этотъ меридіанъ, касаясь западной окраины Африки, очень удобно дѣлитъ сушу на материки. Въ этомъ случаѣ, окружности обоихъ круговъ представляютъ первый меридіанъ. Экваторъ проходитъ здѣсь въ видѣ горизонтальнаго, а одинъ изъ меридіановъ, называемый среднимъ, проходитъ въ видѣ вертикальнаго діаметра. Что круги меридіана и экватора мы имѣемъ право представить прямыми линіями, это можно представить дѣтямъ наглядно, поставивъ передъ ними глобусъ въ такомъ положеніи, что дѣйствительно экваторъ представится въ видѣ горизонтальной, а средній меридіанъ—въ видѣ вертикальной линіи. Этимъ хотя отчасти объясняется та проекція, въ которой обыкновенно чертятся сѣтки полушарій. Къ сожалѣнію, никакихъ другихъ объясненій дать нельзя, и все нужно выводить изъ того внѣшняго вида, который представляетъ сѣтка при обозрѣніи глобуса. Дѣти младшаго, да и средняго возрастовъ не подготовлены къ пониманію проекцій вообще и въ частности проекціи стереографической, по которой начерчена сѣтка плоскошарія. Дѣйствительно, дѣтямъ невозможно объяснить, почему, напримѣръ, разстоянія между меридіанами и параллелями въ срединѣ круговъ меньше, чѣмъ по краямъ, и говорить, что это *такъ кажется* при осматриваніи глобуса съ нѣкотораго разстоянія, было-бы несправедливо, потому что видъ сѣтки на глобусѣ съ того разстоянія, на которомъ видятъ его ученики, болѣе подходитъ къ проекціи ортографической, чѣмъ стереографической. Другого рода дѣленіе глобуса произойдетъ тогда, когда мы проведемъ разрѣзъ по экватору, такъ что въ центрѣ круговъ будутъ находиться полюсы, параллели будутъ представляться концентрическими кругами, а меридіаны радіусами круговъ. Для болѣе удобнаго обозрѣнія сѣтки слѣдовало-бы имѣть стѣнную карту плоскошарія, на которой была-бы изображена

только одна сѣтка; но такого учебнаго пособія мы до сихъ поръ не имѣемъ. На картѣ плоскошарія продѣлываются тѣ-же самыя упражненія, какъ и на глобусѣ, т.-е. отыскивается широта и долгота различныхъ точекъ, указываются границы поясовъ, измѣряется ихъ ширина въ градусахъ, въ миляхъ и верстахъ—на основаніи величины градуса меридіана. Послѣ изученія сѣтки плоскошарія слѣдуетъ начертить ее. Чертится сѣтка учебная, не имѣющая сходства съ проекціями, употребляемыми для стѣнныхъ картъ. Въ кругѣ проводятся два діаметра: горизонтальный и вертикальный; первый обозначаетъ экваторъ, второй—меридіанъ. Четверть меридіана (т.-е. радіусъ круга) дѣлится на 3 равныя части, по 30° въ каждой. Эти части откладываются по другую сторону экватора, а также и на экваторѣ въ обѣ стороны отъ средняго меридіана. Затѣмъ черезъ полученныя точки проводятся 30-я и 60-я параллели. Четверти параллелей дѣлятся на три части, и тогда на всѣхъ параллеляхъ получаются точки для проведенія остальныхъ меридіановъ, которые чертятся отъ руки. Тропики проводятся на разстояніи $23^1/_2$ градусовъ отъ экватора, а полярные круги на такомъ-же разстояніи отъ полюсовъ. Это разстояніе легко найти, дѣля 30° между экваторомъ и тридцатой параллелью на 3 части, причемъ получаются 10 и 20 параллели. Разстояніе между 20-й и 30-й параллелью дѣлится на 3 части, тогда получаются дѣленія $3^1/_3$, $6^2/_3$. Первое дѣленіе прибавляется къ 20 градусамъ—и получается $23^1/_3$, что при небольшомъ масштабѣ чертежа можно принять за $23^1/_2$. То-же разстояніе откладываютъ отъ экватора къ югу и отъ полюсовъ, послѣ чего проводятъ пунктиромъ тропики и полярные круги. Начерченную такимъ образомъ сѣтку плоскошарія заставляютъ учениковъ чертить наизусть, что производится всѣми учениками за разъ въ теченіи урока. Чтобы показать различіе въ направленіи счета меридіановъ восточнаго и западнаго полушарія, чертятъ два круга съ сѣткой и на экваторѣ обозначаютъ цыфрами меридіаны черезъ каждые 30°. Этимъ оканчиваются занятія надъ географической сѣткой и переходятъ къ изученію поверхности земли. Сначала приступаютъ къ вопросу о горизонтальномъ разчлененіи суши. Здѣсь въ первый разъ ученики должны сами находить по картѣ, подъ руководствомъ учителя, всѣ нужные картографическіе факты.

Распредѣленіе и очертаніе суши.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ученики начинаютъ знакомиться съ картографическими знаками и усваивать географическія понятія, на первый

разъ—понятія объ океанѣ, материкѣ, островѣ, части свѣта, перешейкѣ и т. д. Здѣсь-же можно обратить вниманіе учениковъ на бросающееся въ глаза сходство въ очертаніи и парность материковъ. Затѣмъ перечисляются по картѣ всѣ главные полуострова частей свѣта и принадлежащіе имъ острова. По окончаніи распредѣленія и очертанія суши переходятъ къ тѣмъ-же вопросамъ относительно моря. Въ самыхъ краткихъ чертахъ дается общее описаніе океановъ и затѣмъ перечисляются главныя ихъ части. Этими фактами можно ограничиться въ главѣ о распредѣленіи суши и моря.

Рельефъ суши.

Вопросомъ не менѣе важнымъ, чѣмъ устройство географической сѣтки, нужно считать вопросъ о введеніи учениковъ въ пониманіе рельефа на картѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно, развитіе представленій о различныхъ неровностяхъ суши. Къ сожалѣнію, вопросъ о рельефѣ не можетъ быть пройденъ такъ послѣдовательно, какъ устройство географической сѣтки. Это зависитъ отъ того, что самыя представленія о неровностяхъ суши далеко не такъ ясны, какъ было-бы то желательно, и чтобы было возможно основать на нихъ соотвѣтствующія понятія. Въ учебной практикѣ попадаются такіе ученики, которые не были даже за чертою родного города, а если этотъ городъ — Петербургъ, то ученики могутъ отдать себѣ отчетъ только о низменности, лежащей близъ уровня моря. Ученики могутъ быть знакомы по картинамъ съ изображеніемъ горы, горной цѣпи, долины, но, во всякомъ случаѣ, такое знакомство не всегда можно предположить въ ученикахъ, и на знанія, пріобрѣтенныя внѣ школы, едва-ли можно положиться. Кромѣ того, необходимо, чтобы у учениковъ сложились понятія и о такихъ формахъ поверхности, которыя менѣе наглядны, какъ, напр., возвышенныя равнины, террасы, горныя страны, массивы, горные узлы. Эти понятія должны сложиться въ классѣ. Для этого нужно пользоваться наглядными пособіями, именно картинами. Особенно мы имѣемъ въ виду вышеупомянутыя картины Гельцеля. Конечно, показывая эти картины, нельзя остановиться исключительно на рельефѣ. Прекрасно изображенная растительность, горныя породы, снѣговая линія и ледники, представленные на нѣсколькихъ картинахъ, невольно заставляютъ отклоняться въ сторону и бесѣдовать съ учениками о явленіяхъ органической жизни и ея отношеніи къ климату и растительности. Проработавъ съ картинами Гельцеля нѣсколько лѣтъ и бесѣдуя о содержаніи ихъ съ учениками

первыхъ трехъ классовъ, я нахожу, что онѣ вносятъ живые образы, запечатлѣвающіеся въ сознаніи учениковъ. Единственное возраженіе заключается въ томъ, что не всякая школа можетъ пріобрѣсти дорогія пособія, къ которымъ относятся классныя стѣнныя картины. Но это возраженіе не имѣетъ силы, потому что успѣхъ географіи, какъ учебнаго предмета, въ сильной степени зависитъ отъ качества и количества наглядныхъ пособій. Всѣ учебныя пособія, особенно для дѣтей, должны быть хороши, мало того, превосходны въ исполненіи, и только такія пособія достигаютъ своей цѣли вполнѣ. Изъ того, что было сказано выше объ учебныхъ картахъ и атласахъ, можно заключить, что наши старанія уяснить ученикамъ изображеніе рельефа на картѣ вполнѣ доступно и наглядно не могутъ увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, такъ какъ мы не обладаемъ необходимыми для этого пособіями. Мы, конечно, разумѣемъ здѣсь не только объясненіе знаковъ на картѣ, но также и сообщеніе ученикамъ навыка въ чтеніи рельефа,— навыка, имѣющаго высокое значеніе для всего дальнѣйшаго обученія географіи. Такого навыка дѣти могутъ достигнуть только при постепенномъ и вполнѣ обдуманномъ веденіи дѣла. По словамъ Лемана *), «намъ остается еще многаго желать въ этомъ отношеніи, и вслѣдствіе этого ученики часто въ среднихъ и даже въ высшихъ классахъ недостаточно хорошо понимаютъ изображеніе вида поверхности на картахъ, почему они только съ трудомъ добываютъ себѣ до нѣкоторой степени правильное представленіе о рельефѣ различныхъ странъ. Ознакомленіе ученика съ элементами рельефа обыкновенно признаютъ не столь труднымъ, какъ оно представляется въ дѣйствительности, и думаютъ, что дѣло сдѣлано, если ученику объяснены знаки, употребляемые для обозначенія рельефа. Несомнѣнно, значительная доля неудобства при исполненіи задачъ преподавателя заключается въ чувствительномъ недостаткѣ подходящихъ пособій, которыя-бы давали учителю средства вести дѣло вполнѣ по плану. Употребленіе классной доски и мѣла приноситъ въ этомъ отношеніи большую пользу, но и самый изящный эскизъ учителя не можетъ замѣнить печатныхъ изображеній». Нельзя не согласиться со словами нѣмецкаго педагога. Позволимъ себѣ сослаться также на статью Лейтцингера **), трактующую о занимающемъ насъ предметѣ. Авторъ говоритъ, что съ окончаніемъ курса низшихъ классовъ ученики далеко не окончили изученіе всего того, что изображено на картѣ, и не имѣютъ достаточнаго ея пони-

*) Lehmann. Vorlesungen über Halfsmittel und Methode der Geographie.

**) Leitzinger, Das Kartenverständniss in der Mittelschule mit besonderer Rücksicht auf die Tersaiodarstellung.

манія, почему для высшихъ классовъ онъ предлагаетъ особенное учебное пособіе, именуемое имъ картографическою книгою для чтенія или хрестоматіею (Kartographisches Lesebuch). Это пособіе должно быть исполнено на манеръ картъ генеральнаго штаба и находиться въ рукахъ у всѣхъ учениковъ. Оно должно представлять слѣдующія части: 1) листъ съ ключемъ для картографическихъ знаковъ; 2) листъ съ терминологіей касающихся береговыхъ странъ; 3) такой-же листъ для среднихъ и высокихъ горъ; 4) листъ, на которомъ обозначены цыфрами и буквами всѣ замѣчательные орографическіе объекты, какъ основаніе для приложенныхъ анализовъ поверхности, приведенныхъ въ текстѣ, и 5) нѣсколько листовъ, представляющихъ рельефы, какъ-то: Дахштейнъ, Гросъ-Глокнеръ, Татра, Ризенгебирге. Они могутъ быть употребляемы для сравненій; 6) по листу для изображенія кустовъ, области доломитовъ, эльбскаго песчаника и, наконецъ, 7) одинъ листъ съ изображеніемъ рельефа при косомъ освѣщеніи. Работы съ этою картографическою хрестоматіею должны быть производимы въ классѣ подъ руководствомъ преподавателя. На домъ могутъ быть задаваемы работы, незначительныя по объему и слѣдующаго содержанія: отысканіе господствующихъ по высотѣ точекъ въ данной мѣстности, опредѣленіе паденія рѣки, наклона линій рельефа, длина горной дороги, описаніе дороги, характеристика массы поднятія (вершины, гребня, склоновъ) и многія подобныя. Само собою разумѣется, что такія работы должны быть задаваемы только въ старшихъ классахъ. Мы задѣли здѣсь нѣкоторыя подробности вопроса съ цѣлью указать яснѣе на то обстоятельство, что, и по мнѣнію заграничныхъ педагоговъ, рельефъ поверхности земли въ младшихъ классахъ не можетъ быть пройденъ при существующихъ условіяхъ съ достаточною полнотою. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, что ученикамъ перваго класса нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній не можетъ быть преподано объясненіе самаго способа измѣренія высотъ надъ уровнемъ моря, мы перейдемъ къ тѣмъ пріемамъ, которые, по нашему мнѣнію, могли-бы наглядно объяснить рельефъ. Въ основаніе этого объясненія нужно положить ученіе о слояхъ высотъ. Самымъ лучшимъ пособіемъ могли-бы служить модель какой-нибудь неровной поверхности суши, гдѣ были-бы намѣчены изогиты. Рядомъ съ этимъ нужно имѣть фотографію модели и изображеніе ея въ планѣ топографическимъ способомъ, т.-е. штрихами. Подобныхъ пособій не существуетъ въ продажѣ, а то, что есть въ этомъ родѣ, не соотвѣтствуетъ педагогическимъ требованіямъ. Поэтому приходится прибѣгать къ объясненію дѣла посредствомъ профилей, начерченныхъ на доскѣ. Берутъ профиль ка-

кого-нибудь возвышенія самой простой формы и затѣмъ объясняютъ ученикамъ, что эта профиль обозначаетъ возвышенность въ разрѣзѣ. Для объясненія того, какъ эта поверхность можетъ быть изображена слоями, высоту ея нужно раздѣлить на нѣсколько равныхъ частей и примѣрно обозначить въ какихъ-нибудь мѣрахъ длины. Потомъ вся профиль дѣлится параллельными линіями на отдѣлы одинаковой высоты. Затѣмъ, такъ какъ подошва возвышенности должна описывать на горизонтальной плоскости какую-нибудь кривую, то эту кривую изображаютъ въ предѣлахъ ширины возвышенности въ плоскости доски. Внутри этой фигуры чертится вторая, соотвѣтствующая первому разрѣзу, затѣмъ третья, соотвѣтствующая второму разрѣзу и т. д. Среди послѣдняго овала нужно обозначить самый высшій пунктъ возвышенности въ видѣ точки или кружечка. Полученные слои и будутъ обозначать положеніе высотъ между ихъ предѣлами. Послѣ этого слѣдуетъ приступить къ разбору послойнаго рельефа какой-нибудь карты, принаровленной для низшей ступени географическаго обученія. Къ сожалѣнію, ни въ одномъ русскомъ атласѣ нѣтъ учебной карты идеальнаго ландшафта, на которой были-бы изображены элементы послойнаго рельефа. Только въ мало-распространенномъ атласѣ приготовительнаго курса Медера есть такая карта съ очень удобными слоями высотъ, представляющими слѣдующія градаціи: 500 футовъ, 1.000, 1.500, 2.000 и выше фут. Къ сожалѣнію, эта карта мало доступна ученикамъ, вслѣдствіе высокой цѣны атласа, который не можетъ быть рекомендованъ для пріобрѣтенія ученикомъ только ради одной карты. Вслѣдъ за ознакомленіемъ учениковъ со шкалой послойнаго рельефа, ихъ необходимо упражнять въ разборѣ и чтеніи рельефа по этой шкалѣ. Но послойнымъ рельефомъ не исчерпывается все то, что нужно знать ученикамъ объ изображеніи рельефа на картѣ. Горныя цѣпи, склоны различной крутизны, террасовидные склоны—все это не можетъ быть изображено одними слоями высотъ. Для этого необходимо штриховымъ способомъ обозначить различныя видоизмѣненія склоновъ. Мы думаемъ, что для начинающихъ учениковъ не слѣдуетъ вдаваться въ подробности штриховаго способа и изучать наклоны поверхностей по извѣстнымъ топографическимъ шкаламъ Лемана и другихъ, тѣмъ болѣе, что у насъ совершенно недостаетъ для этого пособій. Относительно крутизны склоновъ слѣдуетъ ограничиться правиломъ: чѣмъ темнѣе, тѣмъ круче, какъ то было уже указано во второй бесѣдѣ. Что касается до условной высоты границы между возвышенностями и низменностями, то, въ виду необходимости въ нормальномъ курсѣ болѣе подробнаго изученія рельефа Европейской Рос-

сіи, слѣдуетъ принять за эту границу 500 футовъ, хотя эта цыфра не имѣетъ никакого научнаго основанія. Остальные отдѣлы приготовительнаго курса, какъ-то: свѣдѣнія о климатѣ, органической природѣ и человѣкѣ, не составляютъ его существеннаго содержанія, такъ какъ могутъ войти въ него въ весьма краткомъ видѣ. Послѣднее обстоятельство обусловливается и непродолжительностью приготовительнаго курса, и самою невозможностью сообщать подробности о климатѣ, и особенно о человѣкѣ. Чисто научное понятіе о климатѣ, какъ о среднемъ состояніи атмосферы за большой промежутокъ времени, совершенно недоступно ученикамъ младшаго и даже средняго возраста. Оно можетъ быть разъяснено только въ повторительномъ курсѣ. Все то, что можно сообщить о распредѣленіи теплоты и влажности воздуха въ приготовительномъ курсѣ, представляетъ самые элементарные факты. Нужно прежде всего припомнить раздѣленіе земной поверхности на пояса, а затѣмъ указать на уменьшеніе теплоты воздуха съ поднятіемъ надъ уровнемъ моря. Слѣдуетъ также обобщить направленіе вѣтровъ и дать схематическое направленіе пассатовъ и господствующихъ вѣтровъ. Дополнивъ всѣ эти свѣдѣнія объясненіемъ вліянія, которое производятъ морскія теченія на теплоту воздуха, мы будемъ имѣть всѣ главныя условія распредѣленія теплоты на земной поверхности. Затѣмъ слѣдуетъ выяснить, что источникомъ воды на сушѣ служитъ океанъ, такъ что отъ близости къ морю зависитъ количество дождей въ данномъ мѣстѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это обстоятельство находится также въ зависимости отъ направленія вѣтра. Горы, находящіяся на пути вѣтровъ, могутъ сильно ослаблять или совсѣмъ уничтожать дѣйствіе послѣднихъ. Послѣ этого необходимо предложить ученикамъ вопросы относительно распредѣленія теплоты и влажности въ различныхъ частяхъ свѣта.

Вопросъ о водовмѣстилищахъ на сушѣ раціональнѣе всего помѣщать послѣ сообщенія климатическихъ данныхъ, такъ какъ количество рѣкъ въ извѣстномъ мѣстѣ зависитъ отъ количества атмосфернаго орошенія. Впрочемъ, такое генетическое изложеніе предмета имѣетъ болѣе значенія въ нормальномъ курсѣ, чѣмъ въ приготовительномъ. Въ статьѣ о рѣкахъ выясняются понятія объ источникахъ, теченіяхъ, руслѣ, берегахъ, фарватерѣ, истокѣ, устьи, рукавахъ, дельтѣ, бассейнѣ и системѣ рѣки.

Органическій міръ.

Вопросъ объ органическомъ мірѣ представляетъ наиболѣе трудную статью—вслѣдствіе малой наглядности тѣхъ объектовъ, о которыхъ

приходится говорить. Мы полагаемъ, что лучше всего остановиться на выясненіи понятія о растительныхъ областяхъ, имѣющихъ ландшафтный характеръ, т.-е. о тундрѣ, лѣсѣ, степи и пустыни. При этомъ слѣдуетъ лучше всего показать картины этихъ растительныхъ областей. Затѣмъ сообщаются самыя краткія свѣдѣнія о культурныхъ растеніяхъ по поясамъ. Животное царство не имѣетъ ничего похожаго на ландшафтный характеръ, и тѣмъ труднѣе выяснять области животнаго міра, сложившіяся въ наукѣ. Вмѣсто этого упоминаютъ представителей домашнихъ животныхъ и нѣкоторыхъ представителей дикихъ, преимущественно млекопитающихъ.

Расы.

Ученіе о расахъ человѣческаго рода не представляетъ никакого затрудненія, если раціонально ограничить факты, касающіеся этого вопроса. Слѣдуетъ остановиться на трехъ самыхъ многочисленныхъ и распространенныхъ расахъ, именно: средиземной, монгольской и негрской. Представителей этихъ расъ, какъ мы можемъ утверждать на основаніи собственной практики, видѣли, напр. въ Петербургѣ, всѣ дѣти, которыя легко, по вопросамъ, могутъ составить описаніе русскаго, китайца и негра. Конечно, еще лучше показать ученикамъ портреты представителей этихъ расъ, удачно изображенныхъ Кирхгофомъ *). Болѣе мелкія, не типическія расы, какъ малайская, американская, австралійская и другія, относятся къ учебному матеріалу нормальнаго курса. Различіе людей по языку и группировка ихъ на племена, по нашему мнѣнію, вопросъ слишкомъ отвлеченный для пониманія дѣтей, и его удобнѣе отложить до болѣе старшихъ классовъ. Другое дѣло, свѣдѣнія объ образѣ жизни различныхъ народовъ. Преобладающіе по численности, осѣдлые народы должны были-бы остановить на себѣ больше вниманія, но такъ какъ съ вопросомъ о нихъ соединены объясненія такихъ понятій, какъ государство, промышленность, власть, монархія и т. д., то отличія осѣдлой жизни обозначаются самыми общими чертами.

Въ заключеніи, и обыкновенно въ концѣ приготовительнаго курса, сообщаются географическія свѣдѣнія объ отечествѣ и краткое политическое обозрѣніе государствъ земного шара. Этотъ отдѣлъ присоединяется къ приготовительному курсу съ тою цѣлью, чтобы, приступая въ нормальномъ курсѣ къ болѣе подробному обозрѣнію частей свѣта,

*) Kirchhof, Racentypen.

ученики имѣли хотя-бы краткія свѣдѣнія о своемъ отечествѣ и другихъ государствахъ. Къ сожалѣнію, недостатокъ времени обыкновенно заставляетъ при обозрѣніи государствъ ограничиваться номенклатурою, такъ что это обозрѣніе представляетъ для учениковъ большія трудности. Было-бы удобнѣе совершенно выпускать политическое обозрѣніе земного шара, останавливаясь нѣсколько подробнѣе на обозрѣніи Россіи, преимущественно со стороны ея природы, населенія и его занятій.

Нормальный курсъ.

Перейдемъ теперь къ постановкѣ нормальнаго курса. Этотъ курсъ самымъ естественнымъ образомъ распадается на три части: внѣевропейскія страны, государства Европы и Россію. Каждый изъ этихъ курсовъ требуетъ не менѣе года, но лучше, если на отечественную географію положить два года, и притомъ не съ цѣлью сообщить много географическаго матеріала, а чтобы основательнѣе усвоить этотъ матеріалъ. Что касается до порядка, въ какомъ должны слѣдовать три поименованные курса, то обыкновенно внѣевропейскія страны помѣщаются въ началѣ нормальнаго курса. Основаніе для этого лежитъ 1) въ сравнительной краткости, съ какою проходятся внѣевропейскія страны, и 2) въ большой простотѣ и стихійности ихъ. Неудобство такого положенія упомянутаго курса заключается въ томъ, что приходится упоминать о европейскихъ колоніяхъ до знакомства съ культурными европейскими государствами. Отдѣленіе физическаго обозрѣнія частей свѣта отъ политическаго и прохожденіе этого обзора подрядъ во всѣхъ частяхъ свѣта, включая и Европу, для того, чтобы потомъ начать обзоръ политическій, по нашему мнѣнію, нераціонально, потому что этимъ нарушается связь между обоими отдѣлами и затрудняется выясненіе вліянія физической природы на человѣка. Географія Европы должна слѣдовать за географіей внѣевропейскихъ государствъ, т.-е. она должна, во всякомъ случаѣ, предшествовать географіи Россіи. Послѣдняя должна быть пройдена съ надлежащими подробностями и учениками болѣе сильными умственно и физически; въ курсѣ-же географіи Европы не сообщается никакихъ свѣдѣній, для пониманія которыхъ требовалось-бы особое умственное развитіе. Наиболѣе затруднительнымъ, какъ показываетъ школьная практика, является политическое устройство государствъ. Мы полагаемъ, что подробности объ этомъ устройствѣ неумѣстны въ элементарномъ курсѣ, и весь этотъ вопросъ долженъ быть затронутъ въ общихъ чертахъ.

Обратимся теперь къ очень важному, можно сказать, существенному вопросу: какія задачи долженъ преслѣдовать преподаватель во время этого курса и при какихъ условіяхъ практическое веденіе его будетъ достигать цѣли. Намъ кажется, что взглядъ на современное развитіе всеобщей географіи, о которомъ было сказано нѣсколько словъ въ первой бесѣдѣ, можетъ дать основаніе для отвѣта на этотъ вопросъ. Мы видѣли, что современное направленіе во всеобщей географіи выразилось въ особомъ способѣ изложенія, называемомъ «страновѣдѣніемъ» (Landerkunde). Всѣ географическіе факты, касающіеся данной страны, излагаются, по возможности, во взаимной, генетической связи, и эта связь должна проходить также по всему элементарному курсу географіи. Связь между фактами лучше всего выясняется сравненіями, которыя должны постоянно являться на помощь преподавателю во время курса. Сравненія всегда интересуютъ учениковъ и часто вызываютъ ихъ на размышленія. Само собою разумѣется, что результатомъ сравненія долженъ быть какой-нибудь новый выводъ, иначе будетъ не сравненіе, а простая группировка фактовъ. Мы приведемъ нѣсколько самыхъ элементарныхъ сравненій, обязательныхъ для всякаго преподавателя. 1) Сравненіе частей свѣта по географическому положенію; выводомъ является большее или меньшее разнообразіе климата. 2) Сравненіе по положенію рѣчныхъ покатостей въ двухъ близкихъ частяхъ свѣта, напр., Европы и Азіи. Въ Европѣ бассейны противоположныхъ покатостей сближаются, такъ что ихъ рѣки можно соединить каналами. Въ Азіи—между противоположными покатостями рѣкъ находится высокое плоскогоріе съ нѣсколькими параллельными цѣпями горъ, такъ что проведеніе каналовъ немыслимо. Сношенія между отдаленными частями Европы установились уже давно, а въ Азіи мы видимъ на различныхъ покатостяхъ развитіе особыхъ міровъ, не знающихъ другъ о другѣ и мало заботящихся о такихъ знаніяхъ. Отсюда—громадное вліяніе, которое оказываетъ устройство поверхности на жителей части свѣта. 3) Сравненіе частей свѣта по плотности населенія и такое-же сравненіе относительно отдѣльныхъ странъ какой-нибудь части свѣта. Выясняются причины густого населенія въ азіатской странѣ муссоновъ, въ Бельгіи, Англіи, Ломбардіи и т. д. 4) Сравненіе народовъ Азіи по образу жизни. Выясняется вліяніе на образъ жизни людей климата, почвы и растительности. 5) Выясненіе причинъ развитія промышленности въ какой-либо странѣ.

Подобныхъ сравненій можно выбрать очень много, и они основываются на фактахъ, изучаемыхъ въ классѣ. Весь географическій матеріалъ и его усвоеніе есть главная, матеріальная цѣль преподава-

нія географіи, сравненіе-же и выясненіе причинности между географическими объектами есть 1) способъ удобнымъ и болѣе легкимъ путемъ усвоить географическій pensum, а 2) средство для выполненія формальнаго значенія учебнаго предмета—способствовать развитію умственныхъ способностей учащихся.

Одно изъ существенныхъ условій успѣха въ обученіи географіи заключается въ возможно большей наглядности курса. Ни одинъ объектъ географіи не долженъ собственно предлагаться ученикамъ безъ демонстраціи на картѣ или картинѣ. Недостаточность карточнаго аппарата, плохой, мало наглядный атласъ всегда вредно отражаются на знаніяхъ учениковъ.

Порядокъ, въ какомъ проходятся географическіе объекты, составляющіе матеріалъ при описаніи естественной области, государства или части свѣта, можно представить въ слѣдующей схемѣ:

1) Географическое положеніе, границы и составъ, 2) горизонтальное расчлененіе, 3) вертикальное расчлененіе.

4) Климатъ.

5) Рѣки и озера, 6) растительность, 7) животное царство.

8) Человѣкъ.

Расположивъ въ такомъ порядкѣ вопросы, по которымъ проходятся извѣстные отдѣлы географическаго курса, мы до нѣкоторой степени выполняемъ требованіе генетичности въ изложеніи. Дѣйствительно, климатъ зависитъ только отъ трехъ первыхъ условій и, въ свою очередь, онъ есть главная причина трехъ послѣдующихъ факторовъ. Ученіе о человѣкѣ, находящемся въ зависимости отъ всѣхъ предшествующихъ данныхъ, должно находиться въ концѣ. Разумѣется, здѣсь подъ рубрикою человѣкъ нужно понимать не только свѣдѣнія о плотности населенія, расахъ, племенахъ и народахъ, но также и все государствовѣдѣніе.

Всѣ части свѣта, а также и большую часть государствъ нужно представить въ видѣ обзора по естественнымъ областямъ,—конечно, если эти области хорошо очерчены въ наукѣ и поддаются элементарному описанію. Въ Австраліи необходимо отдѣльно описывать Новую Голландію и Полинезію; въ Африкѣ слѣдуетъ выдѣлять: Сѣверную Африку, заключающую береговую область Средиземнаго моря, Сахару и Южную Африку, которая, въ свою очередь, распадается на три области. Азія особенно рѣзко раздѣляется на вполнѣ естественныя области: Сибирь, центрально-азіатское нагорье, Восточную Азію, Остъ-Индію и Западную Азію. Нѣкоторыя государства Европы также слѣдуетъ раздѣлить на естественныя области. Италія, напримѣръ, удобно

распадается на ломбардскую равнину и собственно полуостровъ. Австро-Венгрія состоитъ изъ области Альпъ, Богемской котловины, Венгерской равнины области Карпатъ, Галиціи и Адріатическаго прибрежья. Россійская имперія должна быть раздѣлена на культурно-историческія области: Европейскую Россію, Сибирь, Туркестанъ и Кавказъ. Каждая изъ этихъ частей должна быть расматриваема по приведеннымъ рубрикамъ. Хотя Европейская Россія, составляющая главную часть курса отечествовѣдѣнія, и можетъ быть раздѣлена на болѣе мелкія области, но ихъ элементарное описаніе затруднительно, и особенно трудно дать ихъ границы. Поэтому слѣдуетъ ограничиться дѣленіемъ Европейской Россіи на климатическія и растительныя области, а также указать раздѣленіе на бассейны. При обозрѣніи губерній удобнѣе всего группировать ихъ по пространствамъ, причемъ обращать главное вниманіе не на физическое обозрѣніе ихъ, а на народную дѣятельность. Для удобства учащихся пространства не должны быть слишкомъ мелки и состоятъ, напримѣръ, изъ одной губерніи Можно допустить дѣленіе на 4, много на 8 пространствъ. Нужно еще обратить вниманіе на отношеніе естественно-историческихъ данныхъ къ курсу географіи. Къ сожалѣнію, въ большей части нашихъ учебныхъ заведеній совсѣмъ не проходятся естественныя науки, а гдѣ и онѣ существуютъ, тамъ начинаются онѣ позже географіи, такъ что не могутъ давать для нея никакихъ подготовительныхъ свѣдѣній. Поэтому, курсъ географіи въ младшихъ классахъ не можетъ быть основанъ на естественно-историческихъ познаніяхъ учениковъ. Такимъ образомъ, при описаніи почвъ, растеній и животныхъ нужно имѣть въ виду только то значеніе, которое они имѣютъ для человѣка. Чтобы ознакомить учениковъ съ обликомъ растеній и наружностью животныхъ, слѣдуетъ показать картины, на которыхъ они изображены. Безъ всякаго сомнѣнія, также неумѣстно и изложеніе геологическихъ гипотезъ, которыя не могутъ быть учениками оцѣнены по достоинству. Цыфровыя данныя должны быть сообщаемы въ незначительномъ числѣ. Намъ кажутся обязательными слѣдующія: цыфры пространства и число жителей частей свѣта, а также главнѣйшихъ государствъ. Къ послѣднимъ мы относимъ европейскія великія державы, Китай и Соединенные Штаты. Число жителей городовъ должно упоминать только въ томъ случаѣ, если населеніе города превышаетъ милліонъ. Исключеніе составляетъ Россія, гдѣ упоминается число жителей во всѣхъ городахъ, имѣющихъ болѣе ста тысячъ. Относительно того, какіе города слѣдуетъ приводить въ курсѣ, можно руководствоваться тѣми-же основаніями, какія уже были вы-

сказаны для нормальнаго курса. Если мы примемъ за правило, что изложенiе географическихъ фактовъ должно быть генетическимъ, то слѣдуетъ приводить только такiе частные факты, которые служатъ къ уясненiю фактовъ общихъ. Поэтому упоминаются только главнѣйшiе города, извѣстные по промышленности и торговлѣ, а также столицы. Въ географiи Россiи необходимо обратить вниманiе и на религiозные пункты, т.-е. мѣста поклоненiя русскаго народа его святынямъ, а также на укрѣпленные пункты нашей европейской границы.

Повторительный курсъ.

За курсомъ нормальнымъ слѣдуетъ повторительный, соотвѣтствующiй старшему возрасту. Ученики этого возраста отличаются бо̀льшимъ умственнымъ развитiемъ и обладаютъ познанiями изъ физики, и именно гидростатики, что особенно важно въ виду объясненiя атмосферическихъ явленiй и въ особенности направленiй вѣтровъ. Историческiя познанiя учениковъ также имѣютъ большое значенiе. Въ тѣхъ заведенiяхъ, гдѣ проходятся естественныя науки, ученики обладаютъ элементарными свѣдѣнiями изъ зоологiи, ботаники, минералогiи и химiи. Такая подготовка учениковъ старшаго возраста позволяетъ повторить курсъ географiи съ такими объясненiями, которыя немыслимы въ нормальномъ курсѣ. Какъ примѣръ болѣе научнаго изложенiя, мы можемъ указать на статью о климатѣ, куда можно ввести понятiя о среднихъ температурахъ, максимумахъ и минимумахъ атмосфернаго давленiя и тому подобное. Центромъ краткаго повторительнаго курса должна быть отечественная географiя. Всѣ главные географическiе факты родной земли излагаются въ сравненiи съ однородными фактами главныхъ государствъ Европы. На промышленность обращается гораздо больше вниманiя. Слѣдуетъ приводить и цыфры, но не для заучиванiя ихъ, а какъ матерiалъ для подтвержденiя выводовъ и сравненiй. Нѣсколько уроковъ въ началѣ курса должны быть посвящены общему обзору и установленiю болѣе научнаго взгляда на нѣкоторые вопросы всеобщей географiи. Къ такимъ вопросамъ относятся: горизонтальное протяженiе и расчлененiе суши, степень изрѣзанности частей свѣта, климатъ, народонаселенiе земного шара, колонiи и ихъ современная группировка. Отдѣльныя описанiя государствъ безъ отношенiя ихъ къ Россiи увеличили-бы только учебный матерiалъ и не соотвѣтствовали-бы цѣли курса—представить въ болѣе научномъ и сравнительномъ изложенiи географiю нашего отечества.

Классное чтеніе.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о классномъ чтеніи статей географическаго содержанія. Этотъ вопросъ школьной дидактики очень мало разработанъ и можетъ считаться открытымъ. Главнымъ образомъ, трудно дать опредѣленныя указанія на то, сколько времени посвящать на чтеніе въ классѣ и на какой отдѣлъ курса слѣдуетъ больше обратить вниманіе. Прежде всего слѣдуетъ согласиться съ положеніемъ, что классное чтеніе должно дополнять курсъ географіи, а отсюда прямо слѣдуетъ, что чтеніе должно являться на помощь тѣмъ отдѣламъ курса, которые проходятся короче. Сюда относятся вопросы этнографіи и народной жизни и дѣятельности. Эти вопросы, вмѣстѣ съ тѣмъ, являются наиболѣе интересными для дѣтей. Чтенія должны производиться по мѣрѣ надобности, и притомъ не слѣдуетъ занимать ими цѣлые уроки. Преподаватель долженъ напередъ опредѣлить объемъ того отрывка, который желаетъ прочесть, чтобы не тратить даромъ учебное время. Четверть часа или двадцать минутъ вполнѣ достаточны для отдѣльнаго чтенія, и затѣмъ въ теченіи 10 минутъ преподаватель можетъ убѣдиться, какъ усвоили ученики тѣ факты, ради которыхъ производилось самое чтеніе. Такая повѣрка необходима: она возвышаетъ значеніе прочитаннаго и пріучаетъ дѣтей относиться къ классному чтенію, какъ къ дѣлу. Домашнее чтеніе также можетъ и должно помогать географическому курсу, какъ оно помогаетъ исторіи и русской словесности. Организовать домашнее чтеніе по такому предмету, какъ географія, которая нигдѣ не поставлена какъ главный предметъ, довольно затруднительно. Ученики всегда могутъ отговариваться недостаткомъ времени, особенно, если предложенный для прочтенія отрывокъ кажется имъ не интереснымъ. Дѣти съ удовольствіемъ поглощаютъ произведенія Купера, Майнъ-Рида и Верна, но часто неодобрительно относятся къ болѣе серьезному чтенію, которое имъ навязываютъ. Литература ученическаго чтенія по географіи не можетъ быть названа обильной. Правда, на русскомъ языкѣ много путешествій, переводныхъ съ иностраннаго и оригинальныхъ, но далеко не все въ этой литературѣ годно для дѣтскаго и юношескаго возраста, какъ по выбору фактовъ, такъ и по изложенію. Описанія путешествій часто бываютъ наполнены анекдотическими подробностями, касающимися самаго процесса путешествія и встрѣчающихся случайностей. Лучшія части такихъ описаній представляютъ данныя, относящіяся до быта жителей изслѣдуемой страны. Изъ этого видно, что

для чтенія въ классѣ нужно составить особую хрестоматію, по объему и способу изложенія вполнѣ доступную дѣтямъ. Было-бы удобнѣе составить хрестоматію по извѣстному плану и по достовѣрнымъ источникамъ, но это дѣло требуетъ отъ составителя большого таланта. Лучшею книгою для чтенія въ классѣ, хотя и не лишенною недостатковъ, нужно считать «Жизнь европейскихъ народовъ» Водовозовой. Другая, вполнѣ хорошая книга для курса русской географіи есть «Отечествовѣдѣніе» Семенова, но, къ сожалѣнію, она устарѣла почти во всѣхъ своихъ частяхъ. Намъ кажется, что книга, подобная книгѣ Ланье *), была-бы весьма пригодна какъ для класснаго, такъ и домашняго чтенія по географіи. Она содержитъ довольно короткія статейки, выбранныя изъ различныхъ авторовъ, и притомъ весьма удачно. Къ сожалѣнію, она пока имѣется еще только на французскомъ языкѣ.

А. Соколовъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) Lanier, Choix de lectures de géographie.

Замѣтки о преподаваніи естествовѣдѣнія въ городскихъ училищахъ.

Преподаваніе естествовѣдѣнія въ городскихъ училищахъ поставлено едва-ли не слабѣе всѣхъ прочихъ учебныхъ предметовъ. Естествовѣдѣнію не посчастливилось съ самаго начала. Выработавъ программы для городскихъ училищъ, къ нѣкоторымъ изъ этихъ программъ составители ихъ позаботились приложить объяснительныя записки; однако программы по нѣкоторымъ предметамъ, а въ томъ числѣ и по естествовѣдѣнію, не только не были снабжены такими записками, но не была опредѣлена даже цѣль введенія этого предмета въ курсъ городскихъ училищъ. Вслѣдствіе этого одни изъ преподавателей, преподавая естествовѣдѣніе, ставятъ на первый планъ практическую пользу, другіе смотрятъ на курсъ естествовѣдѣнія, какъ на простой конгломератъ свѣдѣній, годныхъ-де на всякій случай; есть, конечно, и иные взгляды. Такимъ образомъ, при неопредѣленности цѣли, а потому и затруднительности выбора учебнаго матеріала, преподаваніе естествовѣдѣнія въ городскихъ училищахъ не можетъ быть удовлетворительнымъ. Неопредѣленность цѣли прежде всего отозвалась на учебникахъ, предназначенныхъ для городскихъ училищъ *). Просмотрите ихъ—и вы найдете прежде всего массу описаній, сухихъ и безжизненныхъ, сдѣланныхъ по одному шаблону; передъ вами запестрѣетъ множество опредѣленій, ничего не уясняющихъ, и перечисленіе многаго множества признаковъ, нисколько не характеризующихъ ни родовъ, ни видовъ. Попробуйте опредѣлить, какую-же именно цѣль имѣлъ авторъ, составляя учебникъ? Не трудитесь, вы не откроете этой цѣли, ибо и самъ авторъ не имѣлъ въ виду никакой опредѣленной цѣли: онъ только стремился возможно шаблоннѣе выполнить оффиціальную программу. Въ изложеніи совсѣмъ не видно работы мастера педагогическаго дѣла. Чтобы это не показалось голословнымъ, раскройте «Обзоръ растительнаго царства по климатическимъ

*) Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, особенно распространенные учебники.

поясамъ» Кайгородова, «Краснолѣсье» и «Чернолѣсье» его-же, «Мірскіе захребетники» Богданова, «Изъ жизни русской природы» его-же— и вы не оторветесь отъ книги, пока не прочтете ее всю *). Вотъ, что значитъ быть мастеромъ своего дѣла!

При составленіи учебника по такому, полному жизни, предмету, каково естествовѣдѣніе, еще болѣе, нежели при составленіи учебника по какому-либо другому предмету, нужно помнить, что онъ предназнается для *дѣтей*.

Составитель программы по естествовѣдѣнію только перечислилъ, съ какими представителями царствъ животнаго, растительнаго и минеральнаго должно познакомить учениковъ въ извѣстномъ классѣ. Нельзя однако сказать, чтобы и этотъ голый перечень былъ вполнѣ удовлетворителенъ. Такъ, изъ представителей растительнаго царства ни слова не говорится о такихъ характерныхъ и распространенныхъ, какъ губоцвѣтные, ятрышниковые, осоки; изъ представителей животныхъ—ни слова не сказано о четырерукихъ; въ курсѣ о строеніи человѣческаго тѣла вполнѣ отсутствуетъ нервная система. Очевидно, составитель опасался выйти изъ границъ возможнаго, по его мнѣнію, при выполненіи программы по естествовѣдѣнію, и потому такъ неудачно перескочилъ чрезъ цѣлыя семейства. Дѣйствительно, если распространить до такихъ мелочей описательную ботанику и зоологію, какъ это сдѣлано въ болѣе общепринятыхъ въ городскихъ училищахъ учебникахъ, то предложенный въ программахъ списокъ представителей будетъ далеко невыполнимъ. Мы знаемъ изъ долголѣтней практики, что ученики городскихъ училищъ не успѣваютъ познакомиться и съ половиной тѣхъ представителей, какіе поименованы въ программѣ; но вина здѣсь падаетъ на составителей учебниковъ, а не на многочисленность представителей. Авторы наиболѣе распространенныхъ учебниковъ почему-то особенно налегли на описаніе, иногда до мельчайшихъ подробностей, внѣшности животнаго или растенія. По нашему мнѣнію, нельзя смѣшивать учебникъ съ таблицей для опредѣленія особей, и потому изъ признаковъ представителей природы нужно знать ученику только такіе, которые выдѣляютъ даннаго представителя изъ ряда ему подобныхъ, а также тѣ, которые обусловливаются особенностями жизни даннаго представителя. Главное-же вниманіе должно быть обращено на жизнь представителя, на его мѣсто въ ряду прочихъ представителей природы и на отношеніе его къ

*) Нельзя не замѣтить, однако, что названныя авторомъ сочиненія не имѣютъ въ виду цѣлей учебныхъ, хотя, конечно, въ видахъ оживленія преподаванія, слѣдуетъ пользоваться и этими и подобными имъ произведеніями.

Ред.

человѣку. На урокахъ естествовѣдѣнія въ городскихъ училищахъ долженъ преобладать разсказъ, а не описаніе, какъ это принято нынѣ.

Городское училище не имѣетъ въ виду служить подготовительной школой для какого-бы то ни было средняго учебнаго заведенія, оно даетъ ученику законченное начальное образованіе. Это значитъ, что оно должно затронуть всѣ стороны духовной дѣятельности ученика и дать имъ направленіе. Въ природѣ каждаго человѣка лежитъ интересъ ко всему окружающему его; къ предметамъ и явленіямъ природы ребенокъ внимательно присматривается съ младенчества, и при этомъ именно интересуется тѣмъ—какъ и чѣмъ они существуютъ. Отсюда и вытекаетъ необходимость введенія естествовѣдѣнія въ курсъ городского училища; отсюда-же видна и цѣль преподаванія естествовѣдѣнія. Оно должно говорить ученику *о жизни* окружающихъ его предметовъ и явленій природы. Гдѣ нѣтъ жизни, тамъ нѣтъ и интереса для ребенка. Вотъ почему дѣти не жалуютъ минералогію; тяжела для нихъ и мало пригодна также книга и о живыхъ существахъ, если въ ней нѣтъ самой жизни, а есть только шаблонныя описанія и перечисленія внѣшнихъ признаковъ предметовъ.

Затѣмъ, такъ какъ никакое общеобразовательное учебное заведеніе, а тѣмъ болѣе городское училище, не задается цѣлью вполнѣ, на всю жизнь, насытить своихъ учениковъ знаніями, то оно должно дать въ руки оканчивающимъ курсъ средства къ самообразованію, т.-е. заведеніе должно пріучить ученика къ самостоятельной работѣ; ученику, слѣдовательно, должны быть знакомы и пріемы такой работы. Это тѣмъ болѣе относится къ естествовѣдѣнію, потому что, если въ комъ есть желаніе и умѣнье разговаривать съ природой, хотя-бы даже въ предѣлахъ элементарныхъ знаній, тому представляется широкое поле для развитія ума и сердца. Отсюда, на нашъ взглядъ, долженъ вытекать и методъ преподаванія естествовѣдѣнія: онъ долженъ быть изыскательный; первое мѣсто въ немъ должно быть отведено наблюденію и опыту.

Но такъ-ли поставлено въ настоящее время въ городскихъ училищахъ преподаваніе естествовѣдѣнія? Въ училищахъ первое мѣсто принадлежитъ учебнику, затѣмъ идутъ картинки, коллекціи и, въ рѣдкихъ - рѣдкихъ случаяхъ, — экскурсіи, тогда какъ слѣдовало-бы поставить дѣло наоборотъ: экскурсіи, коллекціи, рисунки и, наконецъ уже, учебникъ. Къ сожалѣнію, вотъ уже около 20 лѣтъ существуютъ городскія училища, а изыскательный методъ преподаванія естествовѣдѣнія не привился. За весьма немногими исключеніями, ученики проходятъ курсъ естествовѣдѣнія лишь по книжкѣ,

кое-гдѣ показываютъ кое-что изъ убогихъ коллекцій или во время случайныхъ прогулокъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что изыскательный методъ преподаванія естествовѣдѣнія, какъ онъ ни желателенъ, оказался, однако, при настоящемъ положеніи городскихъ училищъ, непримѣнимъ. Во-первыхъ, онъ требуетъ значительныхъ знаній по естествовѣдѣнію отъ самого учителя, т.-е. такихъ знаній, какими обыкновенный учитель городского училища не обладаетъ; во-вторыхъ, для экскурсіи требуется слишкомъ много времени, а его нѣтъ въ распоряженіи ни у учителя, ни у учениковъ; въ-третьихъ, готовыя коллекціи большинству училищъ не по средствамъ, а самостоятельное коллектированіе опять-таки предполагаетъ солидную подготовку учителя и наличность свободнаго времени.

Какой-же выходъ изъ этого затруднительнаго положенія? Не задаваясь цѣлью писать подробный проектъ, мы выскажемъ только главныя мысли, дающія, по нашему мнѣнію, возможность ввести изыскательный методъ преподаванія въ городскихъ училищахъ.

Среди учителей городскихъ училищъ всегда найдутся лица, особенно интересующіяся естествовѣдѣніемъ; лица эти охотно-бы занялись и усовершенствованіемъ своихъ естественно-историческихъ знаній, и составленіемъ мѣстныхъ коллекцій, охотно-бы употребили и лѣтнее вакаціонное время на экскурсіи, наблюденія и опыты, если-бы имъ оказана была матеріальная поддержка и поощреніе. У насъ привыкли требовать отъ учителей городскихъ и сельскихъ школъ очень многаго: учитель, помимо классной работы, будь и садовникъ, и огородникъ, и деревенскій юристъ, и опытный физикъ, и коллекторъ, а о средствахъ и о поддержкѣ учителя въ такихъ трудахъ его—ни слова. И выходитъ, конечно, одно словоизверженіе...

У насъ изрѣдка бываютъ съѣзды естествоиспытателей,—почему-бы не сдѣлать ихъ болѣе частыми и мѣстными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ доступными для учителей естествовѣдѣнія? Разумѣется, эти мѣстные съѣзды естествоиспытателей должны имѣть не только характеръ ученыхъ засѣданій, но и общедоступныхъ аудиторій.

Осуществить все это возможно, хотя, конечно, не легко. При настоящей-же постановкѣ и средствахъ городскихъ училищъ, для того, чтобы преподаваніе естествовѣдѣнія шло успѣшно, нужно отдать преимущество разсказу о жизни животныхъ и растеній, описанію-же отвести лишь служебную роль, по скольку это нужно будетъ для пониманія самыхъ разсказовъ.

А. Кузнецовъ.

Народное образованіе въ Херсонской губерніи.

(Къ 25-ти-лѣтію земскихъ учрежденій).

(Окончаніе).

Уже въ 1869 году Херсонская губернская земская управа, въ докладѣ своемъ о народномъ образованіи въ Херсонской губерніи, указавъ на неудовлетворительность состоянія школьнаго дѣла, писала: «Насущной потребности народныхъ школъ—недостатку въ учителяхъ—собраніе не можетъ не придти на помощь. И въ этомъ случаѣ обойтись безъ денежныхъ затратъ невозможно. Приготовить хорошихъ учителей губернская управа предполагаетъ наиболѣе удобнымъ *въ педагогическихъ курсахъ* при уѣздномъ училищѣ въ Херсонѣ. На устройство педагогическихъ курсовъ достаточно 2.000 руб. и на содержаніе каждаго ученика по 100 руб. Устройство этихъ курсовъ особенно будетъ полезно до осуществленія предполагаемаго сельско-хозяйственнаго училища. Но педагогическіе курсы могутъ дать учителей только въ будущемъ. Между тѣмъ потребность въ учителяхъ народныхъ школъ такъ настоятельна, что необходимо прибѣгнуть теперь-же къ какому-нибудь средству, *чтобы поднять уровень педагогическаго развитія въ учителяхъ*, преподающихъ въ народныхъ школахъ въ настоящее время. Такимъ средствомъ губернская управа считаетъ *ежегодные съѣзды учителей народныхъ училищъ* въ губернскій городъ на лѣтнее время, чтобы преподавать, подъ наблюденіемъ опытнаго педагога, въ уѣздномъ училищѣ или гимназіи и бесѣдовать, также подъ предсѣдательствомъ опытнаго педагога, *о методахъ преподаванія и различныхъ другихъ важныхъ педагогическихъ вопросахъ. Съ такого съѣзда народные учителя навѣрно вернутся въ свои селенія съ новымъ запасомъ энергіи, силъ и умѣнья, что не можетъ не оказать хорошаго вліянія на успѣхи воспитанниковъ*». Сообщивъ далѣе, что правительство предполагаетъ устройство двухклассныхъ и одноклассныхъ училищъ, гдѣ

«не только будетъ преподаванie грамоты, *но и приготовленie народныхъ учителей* и ознакомленie учениковъ съ ремеслами, преимущественно соотвѣтствующими мѣстнымъ условiямъ», управа предлагала собранiю «устроить хотя-бы еще одно двухклассное училище» въ Херсонской губ., такъ какъ правительство учреждало въ помянутой губернiи только 1 двухклассное и 5 одноклассныхъ училищъ.

Губернское земское собранie, выслушавъ сообщенный докладъ и мнѣнie губернскаго училищнаго совѣта, 11 ноября 1869 года постановило: «*учредить педагогическie курсы* въ гг. Херсонѣ и Елисаветградѣ, назначивъ на содержанie ихъ 4.000 руб., а 1.000 руб. ассигновать въ распоряженie управы для лѣтняго *съѣзда учителей* въ тѣхъ-же городахъ». Заботы по открытiю и устройству педагогическихъ курсовъ и съѣзда учителей въ г. Херсонѣ губернская управа приняла на себя, а въ Елисаветградѣ просила объ этомъ тамошнюю управу, причисливъ къ г. Херсону Херсонскiй, Одесскiй и Тираспольскiй уѣзды, а къ Елисаветграду — Елисаветградскiй, Александрiйскiй и Ананьевскiй уѣзды. 17 января 1870 года губернская управа извѣстила объ этомъ уѣздныя управы, губернскiй училищный совѣтъ и попечителя Одесскаго учебнаго округа и просила училищный совѣтъ объ учрежденiи съѣзда учителей, а попечителя—объ учрежденiи педагогическихъ курсовъ.

«На педагогическихъ курсахъ,—говорится въ докладѣ управы за 1872 г.,—подготовлялись учителя, близко знакомые съ усовершенствованными способами преподаванiя, безъ которыхъ почти невозможенъ успѣхъ школьныхъ занятiй. *Но большинство лицъ, состоящихъ теперь учителями сельскихъ школъ въ нашей губернiи, училось уже давно, по старому, и крѣпко держится педагогической рутины. Для того, чтобы облегчить имъ усвоенie тѣхъ знанiй и прiемовъ, безъ которыхъ невозможно успѣшное преподаванie*», и устроены были учительскie съѣзды.

Послѣ сказаннаго понятнымъ дѣлается громадное значенie съѣздовъ, безъ которыхъ педагогическie курсы принесли-бы мало пользы.

Для характеристики этихъ съѣздовъ позволимъ себѣ привести отзывъ о съѣздѣ 1874 г. автора прекрасныхъ статей «Десятилѣтie русскаго земства» *): «Это былъ какой-то конгрессъ народныхъ учителей, которыхъ на съѣздѣ 1874 года собралось болѣе ста человѣкъ, и въ то-же время это былъ и общественный экзаменъ самихъ дѣятелей, и общественный праздникъ, нѣчто въ родѣ олимпiйскихъ игръ, гдѣ

---

*) См. «От. Зап.» № 8, стр. 444.

всякая даровитость могла быть замѣчена и оцѣнена, а равно не могла остаться въ тѣни и бездарность. Съѣздомъ руководилъ г. Бунаковъ. Самыя собранія учителей и учительницъ (этихъ послѣднихъ было двадцать), привлекавшія не мало посѣтителей, оживляли въ такой мѣрѣ херсонское общество, въ какой Одесса оживляется только на биржѣ и въ театрѣ. Собранія посѣщались предсѣдателемъ губернской управы, г. Фатуровскимъ, херсонскимъ губернаторомъ, г. Эрдели, преосвященнымъ Наѳанаиломъ, предводителемъ дворянства, членами управъ и, наконецъ, публикою, которая пускалась въ залъ собранія по билетамъ. Собранія представляли особенный интересъ еще и тѣмъ, что на нихъ присутствовали дѣти, ученики народныхъ школъ, съ которыми учителя и учительницы, передъ лицомъ публики, давали испытательные педагогическіе уроки: это—въ высшей степени возбудительный, такъ сказать, педагогическій пріемъ для тружениковъ и тружени́цъ въ дѣлѣ народнаго развитія. Тутъ-же, передъ сотнями постороннихъ глазъ, и женщина публично выступаетъ, какъ общественная дѣятельница, какъ педагогъ: это—тѣ даровитыя женскія личности, которыя шли на свое дѣло, какъ на обязательное для нихъ служеніе добру и человѣческому счастью; для этого дѣла многія изъ нихъ «оставляли отца своего и матерь свою», а ихъ, какъ и *тѣхъ*, «первыхъ народныхъ учителей», «слѣпые вожди слѣпыхъ каменіемъ хотѣли побивать»... Въ числѣ замѣтныхъ дѣятельницъ послѣдняго херсонскаго съѣзда нельзя не указать на двухъ Крыжановскихъ, а также на г-жъ Лалевичъ, Тулубъ, Петрушевскую, Савичъ, Коломейцеву и Буримовичъ». Вотъ каковы были съѣзды народныхъ учителей въ Херсонской губ.!

Но земство не удовлетворялось и этими съѣздами.

Въ 1872 году происходилъ съѣздъ учителей въ Москвѣ. И вотъ, Херсонская губернская управа, по предложенію комитета политехнической выставки, отправила 8 учителей на этотъ съѣздъ. Кромѣ нихъ, были посланы еще 9 человѣкъ херсонскимъ и тираспольскимъ уѣздными земствами. Вмѣстѣ съ учителями поѣхалъ въ Москву и инспекторъ. Въ Москвѣ гг. народнымъ учителямъ было оказано со стороны комитета «самое лестное вниманіе». Кромѣ того, что *они имѣли полную возможность пользоваться образцовыми уроками лучшихъ педагоговъ*, имъ еще показали достопримѣчательности Москвы. Губернская управа за все сказанное предложила собранію выразить благодарность комитету выставки, въ лицѣ предсѣдателя учебнаго отдѣла его, Ф. Н. Королева.

Сообщимъ свѣдѣнія еще объ одномъ замѣчательномъ съѣздѣ народныхъ учителей *), чрезвычайно плодотворномъ по поднятымъ на

*) «Сбор. херс. земства» № 1, 1882 г.

немъ вопросамъ первостепенной важности. Онъ состоялся, на основаніи постановленія губернскаго земскаго собранія, въ 1881 году подъ руководствомъ педагога барона Н. А. Корфа, причемъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія былъ разрѣшенъ этотъ съѣздъ по программѣ, выработанной барономъ Корфомъ, утвержденной Министерствомъ, и съ назначеніемъ депутата со стороны учебнаго вѣдомства въ лицѣ мѣстнаго директора народныхъ училищъ. Съѣздъ учителей продолжался съ 7-го по 21 іюля 1881 года; въ работахъ съѣзда принимали участіе отъ Херсонской губерніи учителей и учительницъ—177, и отъ другихъ губерній 46, а всего—223 учителя! Занятія съѣзда заключались въ слѣдующемъ: 1) *Теорія педагогики.* 2) *Методика и дидактика* 3) *Обсужденіе вопросовъ, поставленныхъ учителями, учительницами и руководителемъ съѣзда.* 4) *Критическій разборъ учебниковъ, по предложенію руководителя.*

Херсонская губернская земская управа, представляя отчетъ и протоколы съѣзда учителей на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія, дала и слѣдующія свои заключенія по возбужденнымъ съѣздомъ вопросамъ и ходатайствамъ, касающимся какъ мѣръ распространенія образованія въ народѣ, такъ равно и быта учителей.

1) На съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ *о невозможности преподаванія русской грамоты среди молдаванскихъ учениковъ и вообще среди инородческаго населенія.* Изъ преній выяснилось, что, несмотря на воспрещеніе употребленія инородческаго языка въ школѣ, это практикуется въ силу невозможности обойтись учителю безъ употребленія молдаванскаго языка и становится до того необходимымъ, что учитель самъ вынужденъ бываетъ, ради успѣха дѣла, выучиваться нѣкоторымъ молдаванскимъ или болгарскимъ выраженіямъ, прежде нежели приступить къ занятіямъ съ учениками. Нѣкоторые учителя утверждали также, что безъ употребленія малороссійскихъ словъ въ малороссійскихъ школахъ невозможно обойтись. Съѣздъ постановилъ: просить херсонское земство принять во вниманіе, что, по мнѣнію съѣзда, неизбѣжно необходимо, *чтобы было разрѣшено*, въ видахъ возможно лучшаго изученія русскаго языка, *пользоваться въ инородческихъ и малороссійскихъ школахъ мѣстными нарѣчіями*, для постепеннаго лишь перехода къ общегосударственному литературному русскому языку. Губернская управа, съ своей точки зрѣнія, *полагала полезнымъ возбудить ходатайство предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія относительно допущенія въ школахъ инородческихъ* (молдаванскихъ, болгарскихъ) *употребленія ихъ языка; а также въ школахъ съ малороссійскимъ населеніемъ употребленія малороссійскаго на-*

рѣчія, не для преподаванія, а лишь только какъ средство помощи при изученіи русской грамоты, какъ это допущено правилами, изданными 26-го марта 1870 года, о мѣрахъ для инородцевъ въ Казанскомъ и Оренбургскомъ учебныхъ округахъ.

2) Второй вопросъ, возбужденный на съѣздѣ, былъ—*о необходимости воскресныхъ земскихъ повторительныхъ школъ для учившихся крестьянъ*. Съѣздъ, находя такія школы полезными, постановилъ: *обратить вниманіе на этотъ существенно важный вопросъ просвѣщенное вниманіе херсонскаго земства*.

Губернская управа предложила передать этотъ вопросъ на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ учрежденій, которыя, завѣдывая народными училищами и ближе находясь къ нимъ, могутъ лучше разработать удобовыполнимую организацію воскресныхъ зимнихъ повторительныхъ школъ для учившихся крестьянъ, если самое устройство такихъ школъ ими будетъ найдено дѣйствительно существенно необходимымъ. Причемъ уѣзды могутъ указать и источники, на которые должно быть отнесено устройство воскресныхъ школъ. Для того-же, чтобы это дѣло могло получить осуществленіе тамъ, гдѣ это признано будетъ возможнымъ въ 1882 году, открыть губернской управѣ кредитъ, примѣрно, для каждаго уѣзда по 200 руб., всего 2.000 руб.

3) Съѣздъ постановилъ *обратить просвѣщенное вниманіе земства на необходимость принять мѣры для увеличенія педагогической подготовки учительницъ*; вопросъ этотъ, поднятый одною изъ лучшихъ учительницъ, окончившей курсъ Одесской гимназіи, но не получившей спеціальной педагогической подготовки, и поддержанный другими, указываетъ на сознаніе самими такими учительницами ихъ недостаточной подготовки. Предложенія по этому вопросу раздѣлялись на а) *открытіе женскихъ учительскихъ семинарій*; б) *расширеніе программы нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ* и в) *открытіе педагогическихъ классовъ при женскихъ прогимназіяхъ*.

4) Возбужденъ вопросъ *объ эмеритурной учительской кассѣ* и составленъ съѣздомъ проектъ этой кассы, отпечатанный въ протоколахъ съѣзда, который и былъ препровожденъ въ губернскую управу съ просьбою о содѣйствіи въ ея учрежденіи.

Губернская управа предложила выработанный съѣздомъ проектъ представить въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для свѣдѣнія и соображеній, *ходатайствуя при этомъ о скорѣйшей выработкѣ нормальнаго устава пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ, съ существованіемъ которой тѣсно связана будущность народной школы*.

5) Съѣздъ учителей обсуждалъ вопросъ о томъ, что дѣти, вышедшія изъ школы, не повторяя, забываютъ пройденное; что матеріаломъ для повторенія служатъ часто книги вреднаго содержанія, вселяющія суевѣріе. *Сознавая потребность для народа книгъ полезныхъ, съѣздъ обратилъ вниманіе херсонскаго земства на таковую и предложилъ устройство при народныхъ училищахъ библіотекъ для чтенія и книжныхъ складовъ, для дешевой продажи книгъ.*

Данный вопросъ губернская управа находила *весьма существеннымъ* и обратила на него *особенное вниманіе* губернскаго собранія.

6) Руководитель съѣзда учителей баронъ Корфъ предложилъ съѣзду—просить херсонское земство о назначеніи очередныхъ съѣздовъ для обсужденія вопросовъ, выработанныхъ учителями, но необсужденныхъ, за неимѣніемъ времени. Это предложеніе было принято съѣздомъ единогласно. Вопросы для обсужденія съѣздовъ были поставлены слѣдующіе: а) письменныя работы въ училищѣ; б) объ однообразіи учениковъ въ школѣ; в) одновременность поступленія дѣтей; г) исправное посѣщеніе школы; д) встрѣчаются-ли препятствія въ школѣ со стороны крестьянъ? е) значеніе рисованія въ школѣ; ж) объ играхъ въ школѣ; з) о ночлежныхъ пріютахъ при сельскихъ школахъ; и) о вредномъ вліяніи на дѣло частой смѣны учителей.

Кромѣ вышеизложенныхъ ходатайствъ съѣзда учителей, въ губернскую управу поступили ходатайства по народному образованію Александрійскаго и Одесскаго уѣздныхъ собраній.

Первое изъ нихъ при разсмотрѣніи доклада управы и смѣты расходовъ по народному образованію постановило: 1) *ходатайствовать передъ правительствомъ о дозволеніи земству приглашать лицо, которое-бы руководило земскими школами;* 2) *ходатайствовать о включеніи въ программу сельскихъ школъ ознакомленія учащихся съ гражданскими правами и обязанностями крестьянъ;* 3) *установить премію въ размѣрѣ 500 руб. за напечатаніе популярнаго руководства для школъ, съ цѣлью ознакомленія учащихся съ правами и обязанностями крестьянъ, и просить губернское земское собраніе о принятіи этого расхода на губернскій сборъ;* 4) *ходатайствовать предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ объ ассигнованіи 200 руб. на открытіе при Ново-Прагскомъ народномъ училищѣ ремесленнаго отдѣленія.*

Отъ Одесскаго собраніи поступило ходатайство *объ устройствѣ центральнаго ремесленнаго училища въ Одесскомъ уѣздѣ* взамѣнъ нынѣ существующихъ ремесленныхъ классовъ.

Представляя губернскому собранію ходатайства александрійскаго и одесскаго уѣздныхъ земствъ, губернская управа полагала, что «хо-

датайства эти, имѣющія цѣлью развитіе дѣла народнаго образованія, вполнѣ основательны, и потому заслуживаютъ удовлетворенія».

Губернское земское собраніе вполнѣ согласилось съ постановленіями этого замѣчательнаго съѣзда и съ ходатайствомъ управы по народному образованію и постановило благодарить Корфа. Всего сообщеннаго вполнѣ достаточно, чтобы уяснить значеніе съѣздовъ учителей.

Но земство не удовлетворилось ни педагогическими курсами, ни съѣздами, ни образцовыми училищами: оно стремилось еще создать такое спеціальное учебное заведеніе, которое-бы давало совершенно опытныхъ и образованныхъ учителей, для которыхъ съѣзды служили-бы способомъ дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ виду этого земство крайне сочувственно отнеслось къ мысли Министерства Народнаго Просвѣщенія — устроить *учительскія семинаріи* въ Россіи. Къ великому огорченію земства, изъ семи предполагавшихся тогда семинарій для южной Россіи мѣстомъ для помянутаго учрежденія было назначено м. Каховка, Таврической губерніи. Но впослѣдствіи, въ 1871 г. учительская семинарія была учреждена и въ Херсонской губерніи, именно въ городѣ Николаевѣ. Отсюда, при содѣйствіи земства, она была переведена въ городъ Херсонъ. Именно въ 1872 году чрезвычайное губернское земское собраніе согласилось сдѣлать на счетъ губернскаго земства приспособленіе въ зданіяхъ бывшаго училища торговаго мореплаванія *для помѣщенія въ нихъ учительской семинаріи* съ тѣмъ, чтобы на это приспособленіе изъ губернскаго запаснаго капитала было употреблено не свыше 13.000 руб. При этомъ губернское собраніе поручило губернской управѣ выразить предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія желаніе собранія, *чтобы за приносимое земствомъ пособіе въ семинаріи могли воспитываться на казенный счетъ до 40 воспитанниковъ земства Херсонской губерніи.* Министръ Народнаго Просвѣщенія согласился учредить для воспитанниковъ херсонскаго земства 10 стипендій, независимо отъ 40 казенныхъ, положенныхъ по штату семинаріи, и, сверхъ того, изъ числа этихъ 40 стипендіатовъ, 20 должны были замѣщаться также земскими кандидатами. 1-го октября 1872 г. зданіе семинаріи было отстроено и въ ней открылось ученіе. Помимо семинаріи въ Херсонѣ, въ 1874 году была учреждена еще другая семинарія въ м. Новомъ-Бугѣ, Херсонскаго-же уѣзда.

Все сказанное совершенно подтверждаетъ высказанную нами выше мысль о томъ, что херсонское земство употребило всю энергію для улучшенія педагогическаго состава.

Теперь мы можемъ дать цыфровыя данныя о количествѣ препо-

давателей въ земскихъ училищахъ Херсонской губерніи и о составѣ ихъ по образовательному цензу ко времени 25-ти-лѣтія земскихъ учрежденій. Таковыя данныя имѣются у насъ за 1887 годъ; вотъ они:

		Число учителей.					Число учителей по образованію.			
	Число законоучителей.	Учителей.	Помощниковъ.	Учительницъ.	Помощницъ.	Всего.	Получившихъ спеціальную подготовку *).	Окончившихъ курсъ среднихъ учебн. заведеній **).	Имѣющихъ свидѣтельства на учителя	Не имѣющихъ образовательнаго ценза.
По губерніи . .	237	176	16	103	74	369	112	158	96	3

Слѣдовательно, изъ 369 лицъ учительскаго персонала 30,3% получили спеціально-педагогическое образованіе, 42,8% окончили курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, 26,1% имѣли свидѣтельства на званіе учителя и лишь 0,8% лицъ безъ образованія.

Припоминая теперь невѣжественныхъ педагоговъ «добраго стараго времени», тѣхъ «просвѣтителей» крѣпостнаго періода, которые, ничѣмъ не отличаясь отъ темной массы, пьянствовали, брали взятки, истязали дѣтей, ничему ихъ въ то-же время не научая, нельзя не выразить удивленія плодотворной дѣятельности земства, сумѣвшаго въ 25-ти-лѣтній періодъ упрочить народное образованіе, создать школу и воспитать прекрасныхъ педагоговъ. А что воспитанные земствомъ учителя и учительницы дѣйствительно заслуживаютъ вниманія, доказательствомъ тому служитъ множество самыхъ благопріятныхъ отзывовъ о нихъ въ земской литературѣ. Мы не будемъ приводить ихъ, а ограничимся лишь отзывомъ такого компетентнаго педагога, какъ баронъ Корфъ. «Какъ-бы ни судить о русскомъ народномъ учителѣ и русской народной учительницѣ,—сообщалъ онъ Херсонской губернской земской управѣ,—но если судить по представителямъ ихъ на херсонскомъ учительскомъ (въ 1882 г.) съѣздѣ, *нельзя не порадоваться тому, что на этотъ съѣздъ явилось не мало вполнѣ удовлетворительно подготовленныхъ учителей и учительницъ*, а въ особенности первыхъ; большая половина членовъ съѣзда получила спеціально-педагогическую подготовку... *По внѣшнему типу*, *огромное большин-*

*) Т.-е. лицъ, спеціально подготовлявшихся къ учительской дѣятельности на бывшихъ въ Херсонской губерніи педагогическихъ курсахъ, или окончившихъ курсъ въ учительскихъ семинаріяхъ—Херсонской, Ново-Бугской, Байромчанской, Петербургской, а также окончившихъ курсъ въ учительскихъ институтахъ.

**) Мужскихъ и женскихъ гимназій, духовныхъ семинарій, реальнаго училища, женскаго духовнаго епархіальнаго училища, института благородныхъ дѣвицъ, Херсонскаго сельскохозяйственнаго училища, Уманскаго училища и др.

ство учителей, и въ особенности учительницъ, производятъ самое благопріятное впечатлѣніе своею благовоспитанностью и порядочностью... Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, отношенія наставниковъ обоихъ половъ отличаются простотою, сдержанностью и скромностью».

Воспитавъ для своихъ школъ учителей, земство, насколько, конечно, позволяли средства, постаралось и обезпечить ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Мы уже видѣли, что въ 1886 году при 213 (изъ 261) школахъ были устроены квартиры для учителей. Въ томъ-же году по количеству получаемаго вознагражденія учителя и учительницы распредѣлялись такимъ образомъ:

Учителей и помощниковъ.	Число.	% къ общему количеству.	Учительницъ и помощницъ.	Число.	% къ общему количеству.
Получавшихъ до 100 р. въ годъ.	1	0,5	Получавшихъ до 100 р. въ годъ.	3	1,8
» » 150 » »	12	6,4	» » 150 » »	16	9,3
» » 200 » »	3	1,6	» » 200 » »	5	2,9
» » 250 » »	4	2,1	» » 250 » »	42	24,4
» » 300 » »	90	47,9	» » 300 » »	75	43,6
» » 350 » »	47	25	» » 350 » »	21	12,2
» » 400 » »	23	12,2	» » 400 » »	9	5,2
» » 500 » »	8	4,3	» » 500 » »	1	0,6

Отсюда видно, что большинство мужскаго персонала получаетъ гонораръ отъ 300 до 500 руб., а женскаго—отъ 250 до 500 руб.

Нельзя сказать, чтобы оклады были велики, но мы сравнимъ ихъ съ таковыми въ до-земскій періодъ, а во-вторыхъ, земство и само вполнѣ сознаетъ, какъ это мы увидимъ ниже, неудовлетворительность вознагражденія этихъ великихъ тружениковъ и труженицъ въ пользу народа—учителей и учительницъ.

Помимо образованія хорошаго состава педагогическаго персонала, земство не мало употребило энергіи на *правильную организацію надзора* за ходомъ школьнаго дѣла.

Уже въ 1870 году гласный Зеленый заявилъ «о необходимости просить епархіальное начальство *объ отмѣнѣ назначенія наблюдателей надъ народными школами изъ мѣстнаго духовенства*, такъ какъ это не опредѣлено и положеніями о народныхъ училищахъ. Между тѣмъ *отъ двоякаго наблюденія и распоряженій происходятъ недоразумѣнія и даже противорѣчія въ методахъ преподаванія*. Губернское земское собраніе постановило: «заявленіе принять, и поручить губернской управѣ отнестись въ этомъ смыслѣ къ епархіальному вѣдомству». Насколько основательно было заявленіе гласнаго Зеленаго,

видно изъ того, что въ слѣдующемъ, 1871 году, земство принуждено было закрыть одну изъ образцовыхъ школъ (въ с. Елисаветградкѣ), потому что, «*вслѣдствіе неудовольствій, возникшихъ между священникомъ Сорокинымъ и рекомендованнымъ имъ учителемъ Поликарповымъ, начались безпорядки въ самой школѣ*», дошедшіе до того, «что мѣстные обыватели отказывались посылать въ школу своихъ дѣтей и желали открыть свою школу» *). Нужно-ли говорить, что такія вмѣшательства духовенства, преслѣдовавшія вовсе не цѣли народнаго образованія, мѣшали правильному надзору за ходомъ школьнаго дѣла и даже ставили препятствіе ему, съ точки зрѣнія успѣховъ преподаванія. По поводу приведеннаго инцидента губернская управа писала въ своемъ докладѣ по народному образованію за 1872 годъ. «Настоящей причины этого поразительнаго факта управа не могла разъяснить настолько, чтобы возбудить объ этомъ дѣло формальнымъ порядкомъ. Но этотъ фактъ еще болѣе убѣдилъ управу въ томъ, что народное образованіе встрѣчаетъ препятствіе не въ недостаткѣ учителей и средствъ, а и въ другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и вліяніяхъ. Оградить школу отъ такихъ вліяній, обезпечить точное исполненіе обязанностей учителями, поддержать порядокъ, школьную дисциплину и кредитъ школы *могло-бы только лицо, съ любовью относящееся къ дѣлу и имѣющее возможность часто посѣщать школу*. Такихъ лицъ, къ сожалѣнію, у насъ еще очень мало. По крайней мѣрѣ управѣ не удалось пріискать попечителя для Елисаветградковской школы. Неуспѣхъ этой школы выяснилъ, какъ нельзя болѣе, затруднительность для управы устройства и содержанія школъ. Встрѣчая только людей, нетолько недовѣрчиво, но и враждебно относящихся ко всѣмъ начинаніямъ въ этомъ родѣ, управа, безъ поддержки и сочувствія порядочныхъ людей, не могла дѣйствовать съ увѣренностью, тѣмъ болѣе, что встрѣчала иногда противодѣйствіе тамъ, гдѣ всего менѣе его могла ожидать»...

Въ 1881 году, какъ мы уже видѣли, губернское земское собраніе, соглашаясь съ мнѣніемъ александрійскаго земства, постановило—«*ходатайствовать передъ правительствомъ о дозволеніи земству приглашать лицо, которое-бы руководило земскими школами*».

Въ 1885 году коммиссія по народному образованію высказалась, что число инспекторовъ народныхъ училищъ слишкомъ недостаточно для дѣйствительнаго надзора за педагогической частью въ училищахъ, и потому *слѣдуетъ ходатайствовать, чтобы число инспекторовъ было не менѣе одного на уѣздъ*; въ тѣхъ-же уѣздахъ, въ которыхъ число

*) «Сборн. херс. земст.» 1872 г., № 7.

школъ болѣе 75, должны быть прибавляемы инспектора съ такимъ разсчетомъ, чтобы на одного не приходилось болѣе 75 школъ *). Губернское собраніе согласилось съ мнѣніемъ коммиссіи.

Помимо инспекторовъ народныхъ училищъ, школы осматриваются членами училищныхъ совѣтовъ, и, кромѣ того, губернское земство получаетъ точныя свѣдѣнія о школахъ при посредствѣ разсылаемыхъ дирекціею народныхъ училищъ статистическихъ бланковъ, которые заполняются данными и пересылаются обратно въ управу **).

Словомъ, земство, насколько дозволяло ему время среди массы другихъ заботъ, никогда не упускало изъ виду школъ, и если все-таки не достигло въ этомъ отношеніи желаемаго, то не по своей винѣ. Такова-то была качественная сторона дѣятельности земства въ сферѣ народнаго образованія. Но земство далеко не было удовлетворено ни количественною, ни качественною стороною школьнаго дѣла. Его особенно волновало то обстоятельство, что образованіе народа идетъ все-же слишкомъ медленно. И вотъ, съ момента учрежденія и до конца двадцатипятилѣтія своей дѣятельности, земство непрестанно думало о томъ, какъ-бы ускорить воспитаніе народа.

Въ видахъ этого, во-первыхъ, земство много работало надъ вопросомъ *объ обязательномъ обученіи*. Этотъ вопросъ былъ поднятъ впервые чуть-ли не въ 1868 году; затѣмъ, онъ возбудилъ горячія пренія въ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1871 году; наконецъ, уже въ 1885 году по поводу обязательнаго обученія коммиссіею по народному образованію былъ представленъ слѣдующій докладъ Херсонскому губернскому земскому собранію. Изложивъ различные проекты для споспѣшествованія дѣлу народнаго образованія, коммиссія писала: «вырабатывая изложенныя выше положенія, коммиссія непрестанно имѣла въ виду постепенное *введеніе обязательнаго обученія*. Для этого она полагала предложить собранію ходатайствовать, чтобы обученіе было обязательнымъ въ тѣхъ школахъ типа нынѣ существующихъ одноклассныхъ училищъ съ трехгодовымъ курсомъ, которыя по своему устройству будутъ соотвѣтствовать требованіямъ въ обученіи. Съ этою

---

*) Скажемъ къ слову, что еще въ 1868 году со стороны земскаго собранія внесено было ходатайство о дозволеніи прибавить въ училищный совѣтъ двухъ членовъ отъ земства, потому что «благосостояніе школъ зависитъ, между прочимъ, и отъ неослабнаго за ними наблюденія, чего, при двухъ членахъ отъ земства, достигнуть невозможно».

**) Въ 1886 г. губ. собраніе постановило: «просить уѣздныя земскія собранія поручить своимъ управамъ представлять ежегодно отчетъ не только о состояніи земскихъ школъ, но и вообще школъ начальнаго народнаго образованія».

цѣлью земство должно озаботиться, чтобы нынѣ существующія земскія школы удовлетворяли этимъ требованіямъ по помѣщенію и по личному персоналу; вновь-же открываемыя школы устраивать такъ, чтобы онѣ удовлетворяли потребности. Обязательность заключается въ томъ, что всякій мальчикъ и дѣвочка общества, въ коемъ учреждена земствомъ указанная школа, въ періодѣ отъ 8 до 10 лѣтъ долженъ поступить въ школу и пробыть въ ней не менѣе 3-хъ лѣтъ. Въ коммиссіи два члена высказывались противъ введенія обязательнаго обученія: одинъ мотивировалъ свое несогласіе тѣмъ, что не слѣдуетъ насильно навязывать обученіе тѣмъ, кто объ этомъ не проситъ *); другой—что введеніе это, требующее громадныхъ расходовъ, преждевременно. Первое изъ этихъ мнѣній опровергается первымъ основнымъ положеніемъ коммиссіи, второе—той формой обязательнаго обученія, которая предполагается коммиссіей, а именно—введеніемъ обязательнаго обученія постепенно только въ тѣхъ обществахъ, въ которыхъ земствомъ будутъ устроены школы, и къ тому-же удовлетворяющія потребности, т.-е. числу дѣтей школьнаго возраста. Возраженіе, что въ обществахъ, въ которыхъ будетъ введено обязательное обученіе, явится недовольство, ибо рядомъ могутъ быть общества безъ этого обученія, опровергалось примѣромъ поселеній нѣкоторыхъ раскольничьихъ толковъ, штундистовъ, нѣмцевъ-колонистовъ, казаковъ Оренбургскаго казачьяго войска, существующихъ съ обязательнымъ обученіемъ рядомъ съ крестьянскими школами, гдѣ такая обязательность не введена». «Губернская управа,—говорится далѣе,—не признавала необходимымъ доказывать важность и пользу введенія обязательнаго обученія въ собраніи, которое неоднократно высказывалось въ смыслѣ важности и полезности этой мѣры. Она признавала лишь необходимымъ доказывать возможность осуществленія этой мѣры въ той формѣ, какъ это проектировано коммиссіею. По свѣдѣніямъ за 1884 г., въ 308 сельскихъ школахъ министерскихъ и земскихъ обучалось дѣтей обоего пола 21.957. Населеніе мѣстностей, въ коихъ учреждены эти 308 школъ, даетъ жителей обоего пола 629.988. Принимая круглую цыфру 630.000 и разсчитывая школьный возрастъ (отъ 8 до 14 л.) по даннымъ подворнаго описанія Елисаветградскаго уѣзда, мы получимъ въ этихъ мѣстностяхъ школьнаго возраста дѣтей 78.750. Полагая, что въ трехгодичной школѣ учатся лишь три возраста, мы получимъ 39.375 дѣтей, которыя должны-бы обучаться при существо-

---

*) Выше мы уже высказали свое мнѣніе на этотъ въ высокой степени ошибочный взглядъ.

ваніи обязательнаго обученія. Сравнивая эту цыфру съ числомъ учащихся въ настоящее время, мы видимъ ясно, что при введеніи проектированной коммиссіей смѣны учениковъ, при незначительномъ въ нѣкоторыхъ школахъ расширеніи помѣщенія, незначительномъ увеличеніи учительскаго персонала и, въ крайнемъ случаѣ, увеличеніи числа школъ въ очень большихъ населеніяхъ, *введеніе обязательнаго обученія возможно теперь-же* во всѣхъ тѣхъ обществахъ, въ коихъ открыты 308 школъ. Если мы обратимся къ даннымъ о нѣмцахъ-колонистахъ, то увидимъ, что у нихъ въ 1884 г., при 112 школахъ, населеніе равнялось 66.201 душѣ обоего пола, а учащихся въ школахъ 10.642, т.-е. болѣе 15% всего населенія или весь школьный возрастъ. При этомъ не мѣшаетъ присовокупить, что у нѣмцевъ обученіе въ школѣ продолжается 7—8 лѣтъ обязательно. Если мы, затѣмъ, захотимъ опредѣлить maximum школъ, необходимыхъ для введенія обученія въ одноклассныхъ съ трехгодичнымъ курсомъ училищахъ, и предположимъ для этого, что все населеніе сгруппировано въ значительныя поселенія, т.-е. будемъ игнорировать мелкіе поселки, въ которыхъ предполагаются лишь школы грамотности при пособіи земства, то увидимъ слѣдующее. Въ Херсонской губерніи, кромѣ городовъ и нѣмецкихъ колоній, числится обоего пола около 1.400.000 душъ. Полагая на каждыя 2.000 душъ одну школу (школьнаго возраста 250 дѣтей, обучающихся трехъ возрастовъ 125), стоющую, какъ мы указали выше, 700 руб., окажется, что нужно 700 школъ, а за исключеніемъ 308 существующихъ—392 школы. Когда земство достигнетъ этого количества, то на его долю падетъ ежегодный расходъ, кромѣ нынѣ существующаго, въ 176.000 руб., полагая, что общества будутъ обязаны взносить лишь по 1 руб. на душу школьнаго возраста. Расходъ этотъ составитъ въ будущемъ налоги собственно на земли около $1^1/_2$ к. на десятину. И эти цыфры, которыхъ земству придется достигнуть лишь по истеченіи 10 и даже 20 лѣтъ, — не такъ страшны, когда то-же земство тратитъ ежегодно на дорожныя сооруженія почти столько-же, собирается тратить на шоссировку нѣкоторыхъ путей гораздо болѣе, а на богоугодныя заведенія тратитъ свыше 100.000 руб. Приведенныя вычисленія губернская управа считаетъ достаточнымъ доказательствомъ возможности постепеннаго введенія обязательно обученія».

Имѣя постоянно въ виду обязательное обученіе, земство не теряло времени, чтобы скорѣе просвѣщать народонаселеніе при существующихъ условіяхъ.

Кромѣ педагогическихъ курсовъ и учительскихъ съѣздовъ, служившихъ для подготовленія сельскихъ учителей, земство Херсонской

губерніи затрачивало всегда значительныя суммы *на воспитаніе стипендіатовъ изъ беднѣйшаго класса населенія, большинство которыхъ также поступало въ сельскіе учителя.* Такъ, въ 1871 году, изъ 11.500 руб., назначенныхъ земствомъ на стипендіатовъ, «большая часть употреблена была на воспитаніе дѣтей бѣднѣйшаго класса, *которыя будутъ дѣйствовать, по всей вѣроятности, въ средѣ сельскаго населенія и содѣйствовать образованію народа прямо или косвенно*».

Съ этою-же цѣлью практиковались *воскресныя школы, повторительные классы, книжные склады.* Послѣднія учрежденія служили также къ поднятію уровня взрослаго населенія и содѣйствовали тому, что лица, окончившія школы, не теряли, во-первыхъ, связь съ этою послѣднею, не забывали пройденнаго въ школѣ и могли, притомъ, пріобрѣтать новыя свѣдѣнія, служившія къ развитію народонаселенія.

Заботясь объ образованіи и развитіи народа, херсонское земство стремилось также дать ему и практическія свѣдѣнія. Для этого, помимо *ремесленныхъ классовъ* въ нѣкоторыхъ школахъ, оно устроило въ г. Херсонѣ прекрасное *сельскохозяйственное училище съ фермою* *). Оно основано въ 1874 году и изъ трехкласснаго выросло въ 4-хъ-классное.

Всего сказаннаго до сихъ поръ, какъ кажется, вполнѣ достаточно для характеристики дѣятельности херсонскаго земства въ дѣлѣ образованія народа. Намъ остается еще узнать—какъ-же *народъ относится* къ дѣятельности земства?

У насъ имѣются нѣкоторыя данныя и по этому вопросу.

Уже въ докладѣ по народному образованію за 1871 годъ мы читаемъ: «утѣшительнымъ фактомъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ Херсонскомъ уѣздѣ можно назвать то обстоятельство, что *населеніе начинаетъ относиться къ образованію болѣе сочувственно.* Когда въ настоящемъ году уѣздная управа приглашала сельскія общества пожертвовать для предположенныхъ къ открытію образцовыхъ школъ квартиру и отопленіе, то не только не встрѣтилось затрудненія въ пріисканіи этихъ обществъ, но, напротивъ того, *крестьяне предлагали, кромѣ квартиры и отопленія, еще и денежное пособіе* въ размѣрѣ отъ 50 до 150 руб. сер. въ годъ. Мало того, *желающихъ жертвовать нашлось болѣе, чѣмъ требовалось. Селеніе Пересадово и небольшая*

*) Коммиссія по народному образованію въ 1885 году сочувственно отнеслась къ проекту, чтобы лучшіе ученики учительскихъ семинарій Херсонской губ., по окончаніи ими курса, обучались два года въ сельскохозяйственномъ училищѣ.

деревенька Любомірка наперерывъ предлагали свое денежное участіе уже сверхъ комплекта и оба добились учрежденія у себя школы... Когда управѣ приходится замѣщать открывающіяся вакантныя стипендіи въ какомъ-либо заведеніи, то кандидатовъ является, обыкновенно, въ нѣсколько разъ болѣе нормы. Такъ, въ настоящемъ году уѣздная управа должна была отказать 20 крестьянскимъ мальчикамъ, присланнымъ обществами для поступленія въ уѣздное училище на счетъ уѣзднаго земства».

Многое сдѣлавъ въ пользу народнаго образованія за 25 лѣтъ своего существованія, заслуживъ довѣріе народа, общества и лучшей части русской прессы, земство, однако, далеко не почило на лаврахъ. Оно прекрасно сознаетъ многіе недостатки въ дѣлѣ народнаго образованія, оно далеко не считаетъ, что все уже сдѣлано въ этой сферѣ, и, судя по прошедшей четверти вѣка, энергично будетъ исправлять эти недостатки и вести впередъ народъ по пути просвѣщенія, несмотря на препятствія, которыя ставятъ ему враги просвѣщенія, защитники невѣжества народа, который легче эксплоатировать при царящей тьмѣ... Опасаясь прямо сказать, съ какою цѣлью эти лже-патріоты воздвигаютъ гоненіе на просвѣщеніе народа, они указываютъ на религію и нравственность, какъ будто-бы образованіе можетъ уничтожить то и другое.

И. Бѣлоконскій.

Результаты пріема въ городскія начальныя училища въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ.

(Окончаніе).

Для характеристики дѣтей, заявившихъ желаніе поступить въ городскую школу, весьма существенными представляются данныя о занятіяхъ ихъ родителей. Къ сожалѣнію, при группировкѣ дѣтей по этому признаку въ каждомъ городѣ принята была особая классификація занятій. Поэтому не представляется возможнымъ сравнить данныя о занятіяхъ родителей, добытыя въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ, а приходится ограничиться лишь указаніемъ, какъ распредѣлялись заявившія дѣти по занятію родителей въ каждомъ городѣ въ отдѣльности. Въ Москвѣ главнѣйшую группу заявившихъ составляли дѣти торговцевъ и трактирщиковъ (25%); затѣмъ—дѣти лицъ, занимающихся изготовленіемъ одежды (12%); значительное число дѣтей дали также слѣдующія профессіи: промышленность передвиженія (11%), прислуга (11%) и свободныя профессіи (10%). На эти пять профессіональныхъ группъ приходится въ Москвѣ болѣе ²/₃ (69%) всѣхъ заявившихъ дѣтей. Въ Варшавѣ наибольшее число заявленій въ школу было сдѣлано лицами, занимающимися изготовленіемъ и чисткою одежды (16%), торговцами (14%), а также лицами слѣдующихъ профессій: изготовленіе машинъ и обработка металловъ (11%), перевозочная промышленность (10%), прислуга (8%) и частные офиціалисты (?), фельдшера и т. п. (9%). Лицами этихъ шести профессій подано въ Варшавѣ болѣе ²/₃ (68%) общаго числа заявленій о желаніи поступить въ городскую школу. Въ Одессѣ главная масса заявленій приходится на долю ремесленниковъ (19%), торговцевъ (15%), земледѣльцевъ и сельскихъ промышленниковъ (13%); значительное число заявленій подали также слѣдующія профессіональныя группы: сторожа, дворники, швейцары и курьеры (11%), чернорабочіе и поденщики (10%) и прислуга (8%). На эти шесть группъ приходится

болѣе 3/4 (76%) общаго числа заявленій, поданныхъ въ городскія начальныя школы Одессы.

Чтобы закончить эту краткую характеристику дѣтей, пожелавшихъ поступить въ городскія начальныя школы Москвы, Варшавы и Одессы, приведемъ еще данныя о размѣрѣ квартиръ, въ которыхъ жили дѣти. Размѣръ квартиры имѣетъ въ данномъ случаѣ весьма важное значеніе, такъ какъ на основаніи его можно съ достаточной достовѣрностью судить о степени зажиточности семей, изъ которыхъ выходятъ ученики городскихъ школъ. Вотъ абсолютныя и относительныя числа заявившихъ дѣтей въ связи съ размѣрами квартиръ:

Размѣръ квартиры.	Число заявившихъ дѣтей. Абсолютное.			Проценты.		
	Москва.	Варшава.	Одесса.	Москва.	Варшава.	Одесса.
Каморка, уголъ или ночлежная койка	430	45	15	7,1	1,3	0,8
1 комната	1.963	2.174	914	32,3	61,2	47,6
2—3 комнаты	2.583	1.260	869	42,5	35,5	45,3
4 и бол. комнатъ	1.100	70	121	18,1	2,0	6,3
Итого	6.076	3.549	1.919	100	100	100

На основаніи этихъ цыфръ можно заключить, что главную массу желающихъ поступить въ городскую школу во всѣхъ трехъ городахъ составляютъ дѣти родителей бѣдныхъ, занимавшихъ квартиру въ 1 комнату и менѣе, и родителей средняго достатка, жившихъ въ квартирѣ изъ 2—3 комнатъ. Семьи этихъ двухъ категорій дали въ Москвѣ почти 3/4 (74,8%), а въ Варшавѣ и Одессѣ — больше 9/10 всего числа заявившихъ дѣтей (96,7% и 92,9%). Заявленія дѣтей изъ болѣе состоятельныхъ семей, занимавшихъ квартиру въ 4 и болѣе комнатъ, составляютъ значительно меньшій процентъ. Сколько-нибудь видное мѣсто зажиточной группы по числу заявленій принадлежитъ лишь въ Москвѣ, гдѣ на ея долю приходится почти 1/5 (18,1%) заявленій. Что касается Варшавы и Одессы, то въ нихъ число заявленій дѣтей изъ богатыхъ семей крайне незначительно (2% и 6,3%). Нельзя не отмѣтить еще, что въ городскую школу стремятся и дѣти бѣднѣйшихъ родителей, живущихъ въ каморкѣ, въ углу, или занимающихъ въ квартирѣ одну койку. Особенно много такихъ дѣтей въ Москвѣ, гдѣ ими было подано въ 1890 г. 430 заявленій (7,1%).

Любопытныя данныя получаются при сопоставленіи размѣра жилищъ заявившихъ дѣтей съ поломъ послѣднихъ и сословіемъ родителей. Если сравнить размѣры жилищъ у мальчиковъ и дѣвочекъ въ отдѣльности, то оказывается, что дѣвочки поступаютъ въ школу изъ

болѣе состоятельныхъ семей. Не имѣя необходимыхъ данныхъ по Варшавѣ, воспользуемся свѣдѣніями по Москвѣ и Одессѣ и выпишемъ относительныя числа заявившихъ мальчиковъ и дѣвочекъ наиболѣе бѣдныхъ и наиболѣе зажиточныхъ семей. Вотъ эти данныя. Относительныя числа даны здѣсь къ общему итогу заявившихъ дѣтей каждаго города.

Размѣръ квартиры.	Мальчики.		Дѣвочки.	
	Москва.	Одесса.	Москва.	Одесса.
1 комната и менѣе......	42,2	57,2	36,4	39,0
4 и болѣе комнатъ......	14,0	4,4	22,5	8,3

Такимъ образомъ, мальчиковъ изъ бѣднѣйшихъ семействъ, живущихъ въ квартирѣ въ одну комнату и менѣе, заявило относительно больше, чѣмъ дѣвочекъ: въ Москвѣ на 5,8%, а въ Одессѣ—на 18,2%. Въ группѣ состоятельныхъ семей (4 и болѣе комнатъ) мальчиковъ, наоборотъ, насчитывается меньше, нежели дѣвочекъ: на 8,5% въ Москвѣ и на 3,9%—въ Одессѣ.

Разсматривая жилища заявившихъ дѣтей въ связи съ ихъ сословіемъ, убѣждаемся, что дѣти привиллегированныхъ сословій обезпечены со стороны помѣщенія значительно лучше дѣтей сословій непривиллегированныхъ. Такъ, напримѣръ, изъ общаго числа заявившихъ дѣтей дворянъ, занимавшія одну комнату и менѣе составляли въ Москвѣ 19% и въ Одессѣ—33%, тогда какъ процентъ дѣтей крестьянъ, жившихъ въ такихъ квартирахъ, равнялся въ Москвѣ 44%, а въ Одессѣ—57%. Если-же взять группу дѣтей изъ зажиточныхъ семей, занимавшихъ квартиру въ 4 и болѣе комнатъ, то у дворянъ такихъ дѣтей насчитывалось больше, чѣмъ у крестьянъ: на 20% въ Москвѣ и на 11%—въ Одессѣ. Вообще, если судить по размѣру занимаемыхъ квартиръ, степень зажиточности семей заявившихъ дѣтей падаетъ въ Москвѣ и Одессѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: купцы и почетные граждане, дворяне, мѣщане и цеховые, крестьяне и солдатскія дѣти.

До сихъ поръ шла рѣчь обо всѣхъ дѣтяхъ, заявившихъ желаніе поступить въ городскую начальную школу въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ. Мы видѣли, что число такихъ дѣтей въ названныхъ трехъ городахъ въ 1890 г. достигло слишкомъ 12.000. Но не всѣ дѣти были приняты въ городскія школы; много оказалось и такихъ, которымъ въ пріемѣ въ школу было отказано. Остановимся теперь на группѣ принятыхъ и непринятыхъ дѣтей; приведемъ число тѣхъ и другихъ въ каждомъ городѣ и постараемся выяснить мотивы, которыми руководились учащіе при пріемѣ дѣтей въ школу. Выпишемъ прежде всего число принятыхъ и непринятыхъ дѣтей обоего пола.

	Принято.	Не принято.	Проц. неприн.
Москва	4.260	1.946	31,3
Варшава	1.166	2.383	67,1
Одесса	1.498	1.317	46,8
Итого.	6.924	5.646	44,1

Такимъ образомъ, непринятыхъ дѣтей въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ оказалось слишкомъ $5^1/_2$ тыс., т.-е. болѣе $^2/_5$ (44,1%) общаго числа заявившихъ. Въ томъ-же году въ петербургскія городскія начальныя школы было не принято по разнымъ причинамъ 2.313 дѣтей *); слѣдовательно, въ 4 нашихъ крупнѣйшихъ городахъ число отказовъ въ пріемѣ достигло въ 1890 г. почти 8.000. Какъ-же велико должно быть число непринятыхъ въ школу дѣтей во всѣхъ городахъ нашего отечества? Не имѣя данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ, возвратимся снова къ цыфрамъ принятыхъ и непринятыхъ дѣтей въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ. Сравнивая эти цыфры, видимъ, что число отказовъ въ пріемѣ въ школу далеко неодинаково въ каждомъ изъ названныхъ городовъ. Тогда какъ въ Москвѣ непринятыхъ оказалось менѣе $^1/_3$ (31,3%), въ Одессѣ ихъ насчитывается почти половина (46,8%), а въ Варшавѣ даже болѣе $^2/_3$ (67,1%); т.-е. въ послѣдней изъ общаго числа заявившихъ дѣтей принято менѣе $^1/_3$ (32,9%). Очевидно, что существующаго числа городскихъ школъ въ Москвѣ, Варшавѣ и Одессѣ далеко недостаточно для принятія всѣхъ дѣтей, желающихъ учиться въ городскихъ училищахъ. Чтобы принять въ 1890 г. въ городскія школы всѣхъ заявившихъ дѣтей, необходимо было открыть вновь слѣдующее число школъ: въ Москвѣ—15, въ Варшавѣ—39 и въ Одессѣ—18. При этомъ разсчетѣ принимается во вниманіе, что вновь открытыя школы будутъ въ среднемъ такихъ-же размѣровъ, какъ и существующія (въ Москвѣ на 126, въ Варшавѣ—на 61 и въ Одессѣ—на 78 учениковъ).

Разумѣется, въ одинъ годъ едва-ли возможно открыть такое число школъ; но случаи отказа въ пріемѣ въ школу могутъ быть доведены до minimum'а и путемъ ежегоднаго открытія небольшого числа новыхъ училищъ. Какъ отражается на числѣ отказовъ открытіе новыхъ училищъ, показываютъ результаты пріема дѣтей на 1891—1892 уч. г. въ городскія школы въ Москвѣ. Мы видѣли, что въ 1890 г. непринятыхъ дѣтей въ Москвѣ насчитывалось 1.946; въ слѣдующемъ году число это уменьшилось на 457, не смотря на увеличеніе числа заявленій на 253. Такое значительное уменьшеніе числа отказовъ произошло

*) См. «Петерб. город. начальн. училища и безплатн. читальни въ 1891 г.».

несомнѣнно благодаря тому, что въ 1891 г. городскимъ управленіемъ Москвы было открыто 3 новыхъ училища и 7 параллельныхъ отдѣленій при существующихъ школахъ. Съ другой стороны, если число школъ не увеличивается, то отказы быстро растутъ. Въ 1890 г. въ Москвѣ не было открыто ни одной школы, и число отказовъ въ пріемѣ въ этомъ году повысилось противъ 1889 г. на 311.

Обратимся теперь къ ближайшему ознакомленію съ дѣтьми, принятыми и непринятыми въ городскія начальныя школы Москвы, Варшавы и Одессы. Распредѣляя непринятыхъ дѣтей по полу, узнаемъ, что среди мальчиковъ—непринятыхъ насчитывается больше, нежели среди дѣвочекъ. Это видно изъ слѣдующихъ относительныхъ чиселъ:

	Проценты непринятыхъ.	
	Мальчики.	Дѣвочки.
Москва..........	37,1	25,2
Варшава..........	69,9	62,1
Одесса............	46,3	47,3

Непринятыхъ дѣвочекъ оказывается нѣсколько больше (на 1%) лишь въ Одессѣ; въ другихъ-же двухъ городахъ дѣвочки принимались въ школу значительно охотнѣе мальчиковъ; въ Москвѣ непринятыхъ мальчиковъ насчитывается на 11,8%, а въ Варшавѣ—на 7,8% больше, чѣмъ дѣвочекъ.

Какими-же соображеніями руководились учащіе, принимая въ школу однихъ дѣтей и отказывая другимъ? Относительно причинъ отказа въ пріемѣ въ школу въ Варшавѣ на всѣхъ картахъ непринятыхъ, за весьма немногими исключеніями, поставленъ отвѣтъ: «по неимѣнію мѣста». То-же самое наблюдается и въ Одессѣ, гдѣ изъ 466 картъ непринятыхъ, о которыхъ имѣются подробныя свѣдѣнія, на 438 оказался отвѣтъ «по неимѣнію мѣста». Въ Москвѣ, судя по отвѣтамъ учащихъ, главнѣйшими причинами отказа въ пріемѣ были слѣдующія: малолѣтство дѣтей, по этой причинѣ не принято почти $^1/_3$ (31,5%) всѣхъ непринятыхъ дѣтей; зажиточность родителей (18%), неявка на пріемъ (16,8%) и недостатокъ мѣста (10,8%). По этимъ 4 причинамъ въ московскія школы не принято болѣе $^3/_4$ (77%) общаго числа непринятыхъ дѣтей. Отвѣтъ учащихъ «не принятъ по неимѣнію мѣста» не выясняетъ въ сущности, почему одни дѣти оказались достойными принятія въ школу, а другія—нѣтъ. Если-бы въ городскія школы принимались дѣти по времени подачи ими заявленія, то отвѣтъ «по неимѣнію мѣста» вполнѣ былъ-бы справедливъ по отношенію ко всѣмъ дѣтямъ, которыя подали заявленіе поздно, послѣ пріема полнаго комплекта учащихся. Но такого порядка при пріемѣ

дѣтей въ городскія школы не существуетъ; въ дѣйствительности дѣти принимаются, въ большинствѣ случаевъ, на основанiи личныхъ соображеній учащихъ; причемъ истинная причина отказа въ пріемѣ, очевидно, не всегда выставляется на карточкѣ, а замѣняется какою-либо ничего не выражающей фразой, наприм., «по неимѣнію мѣста». Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ мотивамъ помѣщенные на карточкахъ отвѣты учащихъ о причинахъ непринятія дѣтей въ школу, въ Москвѣ и Одессѣ было сдѣлано подробное сравненіе картъ принятыхъ и непринятыхъ дѣтей. Въ результатѣ этого сравненія оказалась масса противорѣчій въ отвѣтахъ учащихъ. Въ одномъ изъ московскихъ училищъ, напримѣръ, 6 чел. дѣтей были не приняты по неимѣнію мѣста; между тѣмъ, въ той-же школѣ оказываются принятыми 10 лицъ, хотя они и сдѣлали заявленіе послѣ получившихъ отказъ; въ другомъ училищѣ 8-ми лицамъ отказано въ пріемѣ по малолѣтству, но въ этой-же школѣ оказались принятыми 20 дѣтей, несмотря на то, что они были одних лѣтъ съ непринятыми по малолѣтству дѣтьми. Подобныя-же противорѣчія въ отвѣтахъ учащихъ замѣчены и въ Одессѣ.—При детальномъ разсмотрѣніи карточекъ одного и того-же училища, говоритъ авторъ, «результатовъ пріема въ одесскія город. начальн. училища», наталкиваешься на цѣлый рядъ недоразумѣній. На карточкѣ подавшаго заявленіе, положимъ, 16 августа находишь помѣтку: «не принятъ по неимѣнію мѣста», а на подобной-же карточкѣ другого ребенка съ заявленіемъ 25 августа, при всѣхъ тождественныхъ условіяхъ, находишь помѣтку «принятъ». Отмѣченныя противорѣчія несомнѣнно указываютъ на то, что во многихъ случаяхъ при отказѣ дѣтямъ въ пріемѣ въ школу учащіе руководились какими-то иными соображеніями, а не тѣми, которыя помѣщались на карточку. Въ виду неудовлетворительности отвѣтовъ учащихъ о причинахъ отказа въ пріемѣ, обратимся къ сравненію принятыхъ и непринятыхъ дѣтей по слѣдующимъ признакамъ: вѣроисповѣданію, сословію, мѣсторожденію, возрасту, по степени грамотности, зажиточности и занятію родителей. Это сравненіе дастъ возможность значительно ближе выяснить истинные мотивы, руководившіе учащими при пріемѣ дѣтей въ городскія начальныя школы Москвы, Варшавы и Одессы. Остановимся прежде всего на возрастѣ дѣтей.

Разсматривая распредѣленіе принятыхъ и непринятыхъ дѣтей по возрасту, видимъ, что въ городскія школы наиболѣе охотно принимаются дѣти 9 лѣтъ и старше, и наименѣе охотно — дѣти моложе 8 лѣтъ. Чтобы убѣдиться въ сказанномъ, обратимъ вниманіе на слѣ-

дующія относительныя числа принятыхъ дѣтей. Если принять число заявившихъ дѣтей данной возрастной группы за 100, то процентъ принятыхъ въ каждой группѣ выразится такими цыфрами:

	Москва.	Варшава.	Одесса.
Моложе 8 лѣтъ	15	20	54
8 лѣтъ	61	33	78
9 лѣтъ и старше	78	34	81

Преобладаніе дѣтей старшихъ возрастовъ среди принятыхъ особенно рѣзко выражается въ Москвѣ, гдѣ процентъ принятыхъ въ группѣ 9 и старше лѣтъ достигаетъ 78, тогда какъ въ самой младшей группѣ—моложе 8 лѣтъ—онъ не превышаетъ 15. Въ Варшавѣ возрастъ дѣтей не имѣлъ, повидимому, такого существеннаго вліянія на пріемъ дѣтей въ городскую школу, и разница между возрастными группами по относительному числу принятыхъ дѣтей менѣе значительна, чѣмъ въ Москвѣ и Одессѣ.

Вѣроисповѣданіе дѣтей имѣло нѣкоторое вліяніе на пріемъ дѣтей въ городскія школы. Для выясненія степени вліянія этого признака, остановимся на преобладающихъ вѣроисповѣдныхъ группахъ непринятыхъ дѣтей. Такими группами въ Москвѣ и Одессѣ являются православные и евреи, а въ Варшавѣ—католики и евреи. Вотъ относительныя числа непринятыхъ дѣтей каждаго изъ названныхъ трехъ вѣроисповѣданій.

	Москва.	Одесса.	Варшава.
Православные	30	23	—
Католики	—	—	71
Іудеи	42	35	57

Эти относительныя цыфры свидѣтельствуютъ, что въ Москвѣ и Одессѣ дѣти господствующаго вѣроисповѣданія—православные—принимались въ школу значительно охотнѣе евреевъ. Въ Варшавѣ замѣчается обратное явленіе. Въ этомъ городѣ католики, составляющіе главную массу населенія, принимались въ школу съ меньшей охотой, нежели евреи. Не имѣя возможности точно выяснить отмѣченное явленіе, замѣтимъ лишь, что въ Варшавѣ для еврейскаго населенія существуютъ особыя городскія начальныя школы, въ Москвѣ и Одессѣ особыхъ еврейскихъ городскихъ школъ не имѣется и евреи обучаются въ однѣхъ школахъ съ дѣтьми христіанскихъ исповѣданій. Относительно вліянія вѣроисповѣданія дѣтей на пріемъ въ городскую школу интересно отмѣтить еще слѣдующее. Въ нѣкоторыя школы Москвы дѣти не принимались исключительно потому, что принадлежали къ іудейскому вѣроисповѣданію. Случаевъ отказа въ пріемѣ по этой причинѣ насчитывалось въ Москвѣ въ 1890 г. 71.

Мѣсторожденіе дѣтей не имѣетъ никакого вліянія на пріемъ дѣтей въ городскую школу. Это доказывается тѣмъ, что относительныя числа принятыхъ и не принятыхъ дѣтей у мѣстнаго и пришлаго населенія почти совпадаютъ. Нѣкоторое значеніе имѣетъ при поступленіи въ городскую начальную школу сословіе дѣтей. Въ Москвѣ и Варшавѣ ясно выразилось, что при пріемѣ дѣтей предпочтеніе отдавалось привиллегированнымъ сословіямъ (дворяне, купцы и почетные граждане). Въ Одессѣ, наоборотъ, болѣе охотно принимались дѣти сословій не привиллегированныхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, раздѣлимъ всѣхъ непринятыхъ дѣтей на двѣ сословныя группы: дѣти привиллегированныхъ сословій (купцы, потомственные почетные граждане и дворяне) и непривиллегированныхъ (крестьяне, мѣщане и солдатскія дѣти); вычисливъ процентъ непринятыхъ въ каждой группѣ, получаемъ слѣдующія цыфры:

	Привиллегированныхъ.	Непривиллегированныхъ.
Москва	27	32
Варшава	53	68
Одесса	30	24

Такимъ образомъ, выясняется, что дѣтей привиллегированныхъ сословій принято относительно больше, чѣмъ дѣтей крестьянъ, мѣщанъ и солдатъ: въ Москвѣ на 5°/₀, а въ Варшавѣ на 15°/₀. Въ Одессѣ, наоборотъ, дѣтей непривиллегированныхъ сословій принято на 6°/₀ больше, чѣмъ дѣтей дворянъ, купцовъ и почетныхъ гражданъ.

Весьма ясно обнаруживается также, что при пріемѣ въ школу предпочтеніе отдавалось грамотнымъ дѣтямъ передъ неграмотными. Это видно изъ слѣдующихъ относительныхъ чиселъ непринятыхъ дѣтей, распредѣленныхъ по степени грамотности на три группы. Изъ 100 заявившихъ дѣтей каждой изъ этихъ группъ оказалось непринятыхъ:

	Москва.	Варшава.	Одесса.
Неграмотные	34	73	26
Только читаютъ	27	72	30
Пишутъ и читаютъ	28	62	18

Если сравнить группу умѣющихъ читать и писать съ неграмотными, то оказывается, что первыхъ принято относительно больше, чѣмъ вторыхъ: въ Москвѣ на 6°/₀, въ Одессѣ на 8°/₀ и въ Варшавѣ на 11°/₀. Между тѣмъ, нужно было ожидать, что неграмотные скорѣе найдутъ доступъ въ городскую школу, какъ наиболѣе нуждающіеся въ первоначальномъ обученіи. Но, очевидно, при пріемѣ дѣтей въ городскія училища, учащіе руководились не степенью нужды въ

грамотѣ, а скорѣе своими чисто педагогическими соображеніями. Что педагогическія соображенія играютъ существенную роль во время пріема учениковъ въ городскія школы, доказываютъ приведенныя выше относительныя числа. Въ самомъ дѣлѣ, изъ этихъ данныхъ видно, что, напримѣръ, въ Варшавѣ между умѣющими читать и неграмотными дѣтьми не дѣлалось во время пріема никакого различія, а въ Одессѣ полуграмотныхъ принято даже меньше (на 4%), чѣмъ неграмотныхъ. Это обстоятельство несомнѣнно находится въ связи съ тѣмъ, что заниматься въ школѣ съ полуграмотнымъ иногда труднѣе, нежели съ неграмотнымъ, такъ какъ большинство полуграмотныхъ обучалось дома и по старому методу. Въ результатѣ этого соображенія и является то, что полуграмотные принимаются такъ-же неохотно, какъ и неграмотные. Вліяніе педагогическихъ соображеній учащихъ на пріемъ дѣтей доказывается еще и тѣмъ, что изъ грамотныхъ дѣтей принимались въ школу особенно охотно дѣти, учившіяся ранѣе въ какой-либо школѣ. Въ Одессѣ учившихся въ школѣ принято на 10%, а въ Москвѣ (въ 1891 г.) на 12% больше, чѣмъ неграмотныхъ. Такое предпочтеніе учившимся въ школѣ съ педагогической точки зрѣнія вполнѣ понятно, такъ какъ бывшій ученикъ знакомъ не только съ чтеніемъ и письмомъ, но и съ школьною дисциплиною, что имѣетъ, какъ извѣстно, громадное значеніе для школьныхъ занятій съ дѣтьми.

Отмѣченное сейчасъ преимущество, которымъ пользовались при поступленіи въ городскую школу грамотныя дѣти, составляетъ въ Москвѣ, повидимому, явленіе постоянное; оно наблюдалось во всѣ три года, когда собирались свѣдѣнія о дѣтяхъ, желавшихъ поступить въ городскую школу. Такъ, умѣющихъ читать и писать было принято больше, чѣмъ неграмотныхъ: въ 1889 г. на 8%, въ 1890 г., какъ мы уже видѣли ранѣе, на 6% и въ 1891 г. на 10%.

Имѣетъ-ли какое-либо значеніе при пріемѣ дѣтей въ городскую школу степень зажиточности родителей и занятіе послѣднихъ? Относительно вліянія перваго признака на основаніи имѣющихся данныхъ нельзя сдѣлать какого-либо общаго вывода для взятыхъ нами трехъ крупнѣйшихъ русскихъ городовъ, но несомнѣнно, что степень достатка семьи имѣла нѣкоторое значеніе при поступленіи въ городскую школу, хотя значеніе это было неодинаково въ каждомъ городѣ. Сказанное сейчасъ подтверждается слѣдующими относительными числами непринятыхъ дѣтей, раздѣленныхъ по размѣру занимаемой квартиры на три группы. Изъ 100 заявившихъ дѣтей каждой группы оказалось непринятыхъ:

Размѣръ квартиры.	Москва.	Варшава.	Одесса.
1 комната и менѣе......	26	71	23
2—3 комнаты...........	34	60	25
4 и бол. комнатъ	36	53	16

Изъ перваго столбца этихъ чиселъ видно, что въ московскія школы дѣти бѣдныхъ родителей принимались охотнѣе, чѣмъ дѣти родителей состоятельныхъ. Мы видимъ, что, по мѣрѣ увеличенія размѣра квартиры, этого наиболѣе вѣрнаго признака зажиточности семьи, повышается и относительное число отказовъ. Въ Варшавѣ замѣчается совершенно обратное. Въ этомъ городѣ училища были наиболѣе доступны дѣтямъ изъ состоятельныхъ семей. Если сравнить въ Варшавѣ группу семей, занимавшихъ квартиру въ 4 и болѣе комнатъ, съ группою семей бѣдныхъ (квартира въ одну комнату и менѣе), то оказывается, что дѣтей первой группы принято на 18% больше, чѣмъ дѣтей второй. Въ Одессѣ наименьшее число отказовъ также приходится на долю состоятельныхъ родителей; интересно, что въ Одессѣ наибольшее число отказовъ падаетъ на семьи средняго достатка, жившія въ квартирѣ изъ 2—3 комнатъ.

Что касается занятія родителей, то оно не имѣетъ никакого вліянія на пріемъ дѣтей въ городскія школы; притомъ вліяніе этого признака въ Варшавѣ и Одессѣ недостаточно еще выяснилось, такъ какъ въ этихъ городахъ свѣдѣнія о дѣтяхъ, заявившихъ желаніе поступить въ городскую школу, собирались лишь одинъ годъ. Изъ данныхъ по Москвѣ за три года видно, что при поступленіи дѣтей въ московскія городскія начальныя школы занятіе родителей не имѣло никакого значенія.

Въ заключеніе настоящаго краткаго обзора результатовъ пріема дѣтей въ городскія начальныя школы Москвы, Варшавы и Одессы замѣтимъ, что физическіе недостатки дѣтей не служатъ препятствіемъ для поступленія въ школу. Въ Одессѣ, напримѣръ, изъ 35 дѣтей съ физическими недостатками непринятыми оказались лишь 4, а остальныя (31) оказались принятыми; между тѣмъ, среди послѣдней группы были дѣти съ такими физическими недостатками, какъ глухота и косноязычіе; несомнѣнно, что присутствіе такихъ дѣтей неблагопріятно отразится на успѣхахъ всей школы. Намъ представляется, что было бы болѣе цѣлесообразно выдѣлять дѣтей съ физическими недостатками въ особыя школы, какъ это практикуется, напримѣръ, въ Финляндіи.

Н. Бычковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Дѣтскій міръ въ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго. Соч. Н. Пользинскаго. Ревель. Цѣна 75 коп.

Г-ну Пользинскому пришла, по нашему искреннему убѣжденію, очень счастливая мысль собрать все, что есть въ произведеніяхъ Ѳ. М. Достоевскаго по части дѣтской психологіи, и изъ собраннаго матеріала сдѣлать выводы, нелишенные интереса для педагога. Возражать противъ подобнаго пріема, кажется, нечего. Люди науки давно начали черпать нужный имъ матеріалъ изъ художественныхъ произведеній и продолжаютъ эту работу до настоящаго дня. Среди психіатровъ Достоевскому особенно посчастливилось; можно лишь пожелать, чтобы въ одинаковой степени посчастливилось ему и среди педагоговъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Пользинскаго, какъ первый опытъ, заслуживаетъ полнаго вниманія, несмотря на свои серьезные недостатки.

Изъ этихъ недостатковъ отмѣтимъ прежде всего излишнюю сухость, дѣловитость изложенія. Внѣшняя сторона книги мало привлекательна, хотя г. Пользинскому ровно ничего не стоило-бы сдѣлать ее гораздо болѣе интересной для чтенія: для этого надо-бы меньше пересказывать и побольше цитировать. Нѣсколько хорошо и удачно выбранныхъ отрывковъ заняли-бы не Богъ вѣсть сколько мѣста, за-то многія страницы выиграли-бы въ яркости и занимательности, а теперь онѣ блѣдны и производятъ впечатлѣніе чего-то очень сухого и даже неполнаго. Но г. Пользинскій, очевидно, предпочитаетъ дѣловитость красотѣ и художественности. Что-же, и дѣловитость—прекрасное качество, только, какъ и всѣмъ въ мірѣ, имъ злоупотреблять не надо. Разбираемая-же книга какъ разъ и представляетъ изъ себя такое злоупотребленіе. Афоризмъ Шопенгауэра: «геній все объемлетъ, педантъ все перечисляетъ», съ извѣстными ограниченіями приложимъ и къ ней. Мы не хотимъ, конечно, назвать г. Пользинскаго педан-

томъ—это было-бы несправедливо, но методъ, примѣненный имъ, ближе всего подходитъ именно къ методу перечисленія. Онъ старается не пропустить ни одного слова, сказаннаго Достоевскимъ о дѣтяхъ или о воспитаніи—все равно: высказано-ли это слово въ яркой картинѣ художественнаго произведенія, или въ случайной замѣткѣ дневника, или въ отрывочной и ни съ чѣмъ не связанной фразѣ изъ записной книги. Работа выигрываетъ въ полнотѣ... и неясности, такъ какъ многія изреченія Достоевскаго, напримѣръ, о преподаваніи древнихъ языковъ, о пользѣ чтенія и проч. являются какими-то праздношатающимися, безъ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Читатель недоумѣваетъ, что съ ними дѣлать. Тотъ-же методъ г. Пользинскаго обусловливаетъ и еще большіе недостатки книги. Читая ее, трудно отрѣшиться отъ впечатлѣнія, что еще задолго до полнаго знакомства съ Достоевскимъ, авторъ составилъ себѣ подробную программу вопросовъ, на которые долженъ отвѣчать подробный трактатъ о воспитаніи. Затѣмъ эта программа была приложена къ произведеніямъ Достоевскаго. Но на многое отвѣта въ нихъ совершенно нѣтъ, на многое отвѣтъ данъ въ одной фразѣ или въ одной сценѣ. Не смущаясь этимъ, г. Пользинскій приводитъ фразу, или указываетъ на сцену и дѣлаетъ даже изъ нея выводы и обобщенія, хотя въ сущности эти выводы и обобщенія не стоятъ ничего. Напримѣръ, IV-я и V-я главы «о постепенности духовнаго роста ребенка» и «о мотивахъ дѣтскихъ симпатій и антипатій» настолько скудны по фактическому матеріалу, что г. Пользинскому приходится тотъ-же самый примѣръ переворачивать разъ по пяти—то какъ иллюстрацію къ развитію сознанія, то какъ примѣръ сознанія ребенкомъ правъ своей личности и т. д. Разборъ отношеній княжны Кати и Неты читатель встрѣчаетъ разъ 5—6, и все подъ разными рубриками. Очевидно, что на всѣ вопросы Достоевскій не отвѣтилъ и сопоставлять отдѣльныя его фразы съ выводами психологіи—занятіе, по меньшей степени, пустое. Оттого-то г. Пользинскому и приходится дѣлать такіе мудрые выводы, какъ, напримѣръ, «изъ всего *) этого можно сдѣлать заключеніе, что было-бы слишкомъ опрометчиво считать дѣтскую душу недоступною чувству чести», или: «въ отношеніи внѣшнихъ вліяній, душа ребенка представляется далеко не какъ tabula rasa», или «обыкновенно, роль перваго толчка къ пробужденію сознанія принадлежитъ впечатлѣніямъ, по чему-либо особенно врѣзавшимся въ душу» **). Та-

*) Замѣтимъ кстати, что это «все» есть одинъ примѣръ изъ «Подростка». См. стр. 28.

**) Стр. 28, 30, 38 l. c.

кія «Америки» можно найти нетолько въ произведеніяхъ Достоевскаго, а въ любой брошюрѣ о воспитаніи. Намъ казалось-бы гораздо болѣе раціональнымъ, вмѣсто того, чтобы предупреждать читателя отъ опрометчивыхъ заключеній насчетъ того, что дѣти могутъ пять недѣль не ѣсть или что имъ недоступно чувство чести, — собрать въ возможно полной картинѣ то, что дѣйствительно принадлежитъ Достоевскому, въ чемъ онъ великъ, оригиналенъ и незамѣнимъ. А мѣста, общія Достоевскому и пятикопеечнымъ брошюрамъ, можно-бы или совсѣмъ пропустить, или упомянуть о нихъ, какъ о маленькомъ камешкѣ большого зданія. Но все-же г. Пользинскому пришла въ голову очень счастливая мысль, которая въ частностяхъ разработана имъ прекрасно (напримѣръ, гл. VI-я, о дѣтяхъ въ семьѣ и обществѣ). Жаль, конечно, что онъ ограничился однимъ Достоевскимъ, а о «Дѣтствѣ и отрочествѣ» Толстóго упоминаетъ всего въ одномъ мѣстѣ, но произведенія Достоевскаго выбраны вѣрно. На самомъ дѣлѣ, изъ всѣхъ нашихъ большихъ художниковъ Достоевскій внимательнѣе другихъ относился къ дѣтямъ и дѣтскому вопросу *). Его мечтой было написать романъ изъ дѣтской жизни. Любопытный и характерный матеріалъ для этого романа разбросанъ по Дневнику. Дѣти фигурируютъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», «Идіотѣ», «Подросткѣ», «Неточкѣ Незвановой», «Маленькомъ героѣ». Такіе типы, какъ Нета, Лиза Хохлакова, Илюшечка, Алеша Карамазовъ, Коля Красоткинъ, маленькій герой, Подростокъ— драгоцѣнны для всякой, нетолько русской педагогической литературы. Но критика до сей поры почти не занималась ими. Г-ну Пользинскому принадлежитъ честь почина въ разработкѣ такой темы, которая въ будущемъ не разъ еще привлечетъ къ себѣ вниманіе.

За Достоевскимъ когда-то прочно установился эпитетъ «пѣвца униженныхъ и оскорбленныхъ». Критика указала впослѣдствіи, что этого эпитета недостаточно, такъ какъ Достоевскій столько-же интересовался (если не больше еще) униженными и оскорбленными, сколько и тѣми, кто унижаетъ и оскорбляетъ. Въ каждомъ его произведеніи, наряду съ овцами, мы находимъ и волковъ: въ братьяхъ Карамазовыхъ послѣдніе занимаютъ даже весь фонъ картины, и съ каждой страницы этого удивительнаго произведенія точно несется щелканье волчьихъ зубовъ и крики и стоны раздираемыхъ ими жертвъ. Въ мірѣ дѣтей—волковъ, конечно, нѣтъ, но есть волчата, напримѣръ,

*) Тургеневъ почти не выводилъ на сцену дѣтей, также и Пушкинъ. Лермонтовъ задумалъ Сашку и «Сказку для дѣтей», но не дописалъ ихъ. Дѣти у Помяловскаго въ слишкомъ уже спеціальной обстановкѣ.

Лиза Хохлакова, которая, правда, больна, измучена, истерзана своей истеричностью, но надо надѣяться, что послѣ своего чудеснаго исцѣленія она отнюдь не оставитъ своихъ замашекъ, по прежнему будетъ мучить мамашу и Алешу и рисовать своимъ взвинченнымъ воображеніемъ картины «маленькихъ мальчиковъ, распятыхъ на крестѣ съ отрѣзанными на обѣихъ ручкахъ пальчиками». Волкъ въ эмбріонѣ, это натура гордая, надменная, властная. Нужны особенно счастливыя обстоятельства, чтобы эти задатки, во всякомъ случаѣ свидѣтельствующіе о внутренней волѣ, распустились хорошимъ (а они могутъ распуститься и прекраснымъ) цвѣткомъ, но представьте себѣ такую натуру, озлобленную рядомъ неудачъ, горестей, предательствъ, годами нищеты и незаслуженныхъ обвиненій—и передъ вами непремѣнно появится волкъ, который изъ мести, изъ-за властности своего характера начнетъ мстить людямъ и щелкать зубами не хуже какого-нибудь Ѳомы Опискина. Изъ этихъ двухъ элементовъ—наслѣдственнаго предрасположенія къ надменности и властности и затѣмъ изъ перевоспитанія этихъ качествъ гнетущими обстоятельствами жизни—и складывается обыкновенно у Достоевскаго волчій характеръ. Его волкъ не просто пожираетъ добычу по требованію неукротимаго своего аппетита,—нѣтъ, онъ предварительно «издѣвается» надъ ней, по возможности, долго, терзаетъ ее, но не на смерть, и наслаждается ея корчами и криками. Вы чувствуете, что этотъ волкъ чѣмъ-то глубоко-глубоко обиженъ, что онъ давно уже затаилъ свою месть, и теперь, когда представился случай, онъ не торопясь подходитъ къ жертвѣ, заготовивъ заранѣе уже—давно уже—всѣ орудія испанской инквизиціи.

Гордыя и властныя дѣти въ жизни обыкновенно производятъ пріятное впечатлѣніе. Они здоровы, умны. Природа наградила ихъ завидной дозой мужества, отваги и смѣлости, которыя всегда такъ привлекаютъ и даже очаровываютъ людей. Ихъ сужденія свободны, самостоятельны, иногда оригинальны. Ихъ чувства отличаются выдержкой и своего рода замкнутостью, почему слабыя натуры обыкновенно такъ охотно и даже торопливо льнутъ къ нимъ. Но чтобъ такія дѣти являлись въ привлекательномъ видѣ, имъ необходимо нужна обстановка любви и довольства, среди которой они могутъ выказать себя вполнѣ откровенно. Здѣсь свѣжесть ихъ чувства и мысли проявляется во всей своей красотѣ и привлекательности. И всякій, я думаю, кто вспомнитъ при этомъ Колю Красоткина *) или княжну Катю, вполнѣ

*) Коля Красоткинъ выведенъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», княжна Катя—въ «Неточкѣ Незвановой». Г. Пользинскій для Коли Красоткина и Коли Иволгина

согласится со мной. Самые недостатки такихъ натуръ красивы, такъ какъ въ нихъ видна свобода и сила, и вы чувствуете, что бо́льшій умственный и жизненный опытъ легко обратитъ ихъ въ достоинства. Вѣдь для всякаго достоинства, для каждой добродѣтели *сила* нужна, а слабость можетъ быть симпатична, можетъ возбуждать состраданіе, но она—или недостатокъ сама по себѣ, или источникъ недостатковъ, даже пороковъ.

Можно сказать, что всѣ здоровыя дѣти, выросшія въ обстановкѣ любви и довольства, властолюбивы. Ихъ недаромъ зовутъ «маленькими деспотами». Но дурныя стороны этого качества легко искупаются въ юные годы довѣрчивостью, искренностью подобныхъ характеровъ и тѣмъ особеннымъ, неотразимымъ юморомъ, который присущъ поступкамъ маленькихъ людей, воображающихъ себя большими. Однако, пусть представитъ себѣ читатель такой дѣтскій характеръ, въ которомъ черта властолюбія и гордости, благодаря, съ одной стороны, наслѣдственности, съ другой—излишнему баловству, развита сильнѣе, выражена рѣзче, чѣмъ это бываетъ у нормальныхъ натуръ. Пусть, далѣе, такой характеръ попадетъ въ обстановку самую неподходящую и зловредную—нищеты, униженія, обидъ. Дѣти чувствительны къ обидамъ иногда не менѣе, чѣмъ взрослые, обыкновенно—даже болѣе ихъ. Пусть-же эту властную натуру сѣкутъ (возьмемъ крайній случай), оскорбляютъ. Постепенно она забьется въ уголъ, сконцентрируется въ самомъ себѣ, потеряетъ искренность и, вмѣсто этого, выработаетъ злобу и мстительность. Умственное воспитаніе отсутствуетъ—и въ результатѣ властолюбивый, неуравновѣшенный характеръ, глубоко свое властолюбіе запрятавшій, но страстно ждущій минуты, когда можно будетъ проявить его и насладиться имъ во всей полнотѣ. Передъ нами волкъ,—неукротимый, щелкающій зубами, готовый издѣваться надъ своей несчастной жертвой долгое время, съ каждымъ разомъ изощряющій свою пытку и свое терзаніе. Волки Достоевскаго, повторяю, не просто жрутъ по неотвязчивому требованію своего неукротимаго аппетита, а мучаютъ, наслаждаясь мучительствомъ. Волковъ у нашего великаго писателя такъ много, что не будемъ даже перечислять ихъ. И передъ г. Пользинскимъ несомнѣнно стояла задача—прослѣдить развитіе волчьяго характера, но, онъ, посмотрѣвши на произведенія Достоевскаго, какъ на трактатъ по педагогикѣ, и забывъ, что «дѣтскій» міръ не-

---

устанавливаетъ особенную категорію «дѣтей, отличительной чертой которыхъ является преждевременное посвященіе въ міръ идей, превосходящихъ по своему содержанію уровень ихъ понятій». Странная категорія! Неужели преждевременными идеями исчерпывается сущность дѣтской натуры?

обходимо связать со всѣмъ міромъ, выводимымъ художникомъ,—эту задачу просмотрѣлъ.

Болѣе внимательно г. Пользинскій отнесся къ характеру «овцы»—натуры нѣжной и кроткой, но забитой и запуганной, несмотря на все свое любвеобиліе—подозрительной и недовѣрчивой, именно благодаря своей забитости и запуганности. «Наиболѣе характерной особенностью такихъ дѣтей, читаемъ мы у г. Пользинскаго (стр. 3), по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, является ихъ нелюдимость. Очевидно, раннее знакомство съ горемъ, недоступность свѣтлыхъ впечатлѣній, наконецъ, угрюмый нравъ окружающихъ, составляющій обычное явленіе при гнетущей бѣдности и въ томъ горѣ, рождаютъ въ нихъ прежде всего недовѣріе къ людямъ. Оттого по первому впечатлѣнію, которое они оставляютъ въ другихъ, ихъ принимаютъ за тупыхъ, забитыхъ и неразвитыхъ. Но на самомъ дѣлѣ внутренняя жизнь этихъ дѣтей можетъ быть богата содержаніемъ, и если судьба хоть что-нибудь дала имъ отъ себя въ видѣ-ли природныхъ задатковъ или благопріятныхъ вліяній, развитіе ихъ можетъ пойти далеко. Въ противоположность кажущейся забитости въ нихъ проявляется иногда необыкновенно сильное проявленіе личности: отъ постоянной боязни душа становится чуткой и подозрительной; отсюда шагъ до развитія самолюбія и чрезмѣрно легкой возбудимости подъ вліяніемъ обиды». Кромѣ того: «чуждающійся свѣта и людей, ребенокъ иногда бываетъ способенъ много думать; при этомъ мысль, лишенная реальной пищи, работаетъ надъ собственными созданіями; отсюда усиленная игра фантазіи».

Для иллюстраціи возьмемъ характеръ Нелли изъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ».

«Особенно поражалъ ея взглядъ: въ немъ сверкалъ умъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то инквизиторская недовѣрчивость и даже подозрительность... Губы были прекрасно обрисованы съ какой-то гордой и смѣлой складкой». Очутившись лицомъ къ лицу съ незнакомымъ человѣкомъ, дѣвочка испуганно дрожала и недовѣрчиво относилась къ задаваемымъ ей вопросамъ. Даже и потомъ, когда она не могла не видѣть, что человѣкъ этотъ спасъ ее отъ вѣрной гибели, въ ней все еще проявляется какъ-бы недовѣріе: бѣдняжка точно боялась обмануться и старалась подавить въ себѣ самое чувство благодарности. «Она смотрѣла такъ, какъ будто никогда не видывала добрыхъ людей... Все время, какъ я зналъ ее (*я*—это Иванъ Петровичъ, разсказчикъ повѣсти), она, не смотря на то, что любила меня всѣмъ сердцемъ своимъ, самою свѣтлою и ясною любовью, рѣдко была со мной наружу». Но

какъ ни была она, повидимому, замкнута и углублена въ себя, «добренькое и нѣжное ея сердце выглядывало наружу, несмотря на всю ея нелюдимость и недовѣріе»... «На это сердце можно было подѣйствовать лаской и добротой, и въ первый-же разъ, какъ она испытала эту доброту, что-то мягкое и нѣжное засвѣтилось въ глазахъ ея» (см. l. с. стр. 4).

Если читатель составилъ себѣ представленіе объ овцахъ Достоевскаго, главнымъ образомъ, по Соничкѣ, то онъ, пожалуй, затруднится причислить Нелли къ этому разряду. Однако, мы настаиваемъ на своемъ мнѣніи. Въ Нелли до удивленія развито какое-то бережное отношеніе къ чужой человѣческой личности. Ни на кого никакихъ правъ она не предъявляетъ: она сама берется отвѣчать за все и сама идетъ на жертву, ни мало не задумываясь. Такія натуры способны любить до самозабвенія, и если любовь потребуетъ, чтобы Нелли каждый день отрубала себѣ по пальцу, она, не задумываясь, сдѣлаетъ это. Не бережетъ она себя нисколько и сама ищетъ своей гибели, но другого никого изъ за себя пострадать не заставитъ. Конечно, въ ней, какъ въ ребенкѣ, типъ овцы не могъ выразиться полностью. Нелли является передъ нами протестующей, но ея протестъ чисто пассивный, и особенно замѣчательно, что ея злоба, раздраженіе цѣликомъ сосредоточены внутри и ни въ какомъ мучительствѣ ни надъ какимъ другимъ существомъ, ни въ какомъ вымещиваніи обиды себѣ утѣшенія не ищутъ. Отдавшись любимому человѣку, она отдается ему беззавѣтно, и гдѣ такая пытка, которой она не вынесетъ, не проронивъ ни одного слова. Готовность все перетерпѣть, все вынести, готовность постоянно идти на крестъ, ни чѣмъ не заявивъ своихъ правъ надъ другою личностью, т.-е. своей властности, вотъ характеристическая черта такихъ натуръ. Онѣ даже кротки до безконечности, только кротость эта запрятана глубоко-глубоко въ душѣ отъ излишней обиженности и страданія, выпавшихъ на ихъ доли. Мы попросимъ читателя припомнить разсказъ Достоевскаго «Кроткая» и сопоставимъ выведенный въ немъ характеръ съ характеромъ Нелли. Та же замкнутость, то-же самолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ та-же готовность воспріять смерть безъ единаго слова укоризны именно потому, что такіе люди могутъ погубить лишь самихъ себя. Чужая личность для нихъ свята.

Волкъ во имя правъ *своей* обиженной личности губитъ другую, овца даетъ губить самое себя, и только самое себя. Въ волкѣ обиженность превращается въ жажду мести, въ овцѣ—или въ кроткую пассивность страданія, или полную пригнетенность всѣхъ силъ. И волкъ, и овца одинаково подозрительно и недовѣрчиво относятся къ людямъ,

но оттѣнки этихъ чувствъ у той и у другой различны: въ подозрительности перваго—злоба и ненависть, въ подозрительности второй—боязнь и испугъ.

Нищета, жестокость, неуваженіе къ личности, третированіе ея—вотъ что создаетъ и волковъ, и овецъ. Только сѣмя падаетъ на разную почву и разное произростаетъ изъ нея.

Критика давно уже указала на эту схему волковъ и овецъ въ примѣненіи къ типамъ Достоевскаго. По нашему мнѣнію, она какъ нельзя лучше приложима и къ дѣтскому міру, выведенному въ произведеніяхъ Достоевскаго. Очень можетъ быть, что больныхъ дѣтей пришлось-бы выдѣлить въ отдѣльную группу, но, строго говоря, кто изъ героевъ Достоевскаго не боленъ, кто не галлюцинатъ, не эпилептикъ, не страдаетъ мономаніей или нравственнымъ помѣшательствомъ? Какъ бы тамъ ни было, такъ классифицировать, какъ это дѣлаетъ г. Пользинскій,—нельзя. Къ *первой* категоріи онъ относитъ дѣтей, развитіе которыхъ совершается при условіяхъ гнетущей нужды и тяжелой жизненной обстановки. Ко *второй:* юноши, относительною чертою которыхъ является наклонность къ созерцательности, къ мечтательному углубленію въ свой внутренній міръ. Къ *третьей*—характеры своевластные, гордые и настойчивые. Къ *четвертой*, наконецъ, дѣти, отличительной чертой которыхъ является преждевременное посвященіе въ кругъ идей, превосходящихъ по своему содержанію уровень ихъ понятій. Въ этихъ четырехъ группахъ—четыре различныхъ принципа, классификаціи: обстановка, характеръ, наклонность и преждевременное посвященіе. А принципъ долженъ быть одинъ. Литературные дѣтскіе типы Достоевскаго иллюстрируютъ, главнымъ образомъ, вліяніе нищеты и жизненнаго гнета на неразвившуюся душу ребенка. Передъ нами раскрывается картина, полная трагизма и ужаса: мы видимъ, какъ тускнѣетъ «ангельскій ликъ», какъ злоба и ненависть пробираются въ доброе дѣтское сердце, какъ пропадаетъ довѣрчивость и искренность, и ребенокъ постепенно забивается въ уголъ, откуда его извлекаютъ лишь чисто террористическіе взрывы оскорбленнаго чувства—этотъ удѣлъ слабыхъ натуръ вообще. Картины, рисуемыя передъ нами, тѣмъ ужаснѣе, что героями ихъ являются дѣти, которыхъ ужъ ни въ собственной оплошности, ни въ собственныхъ ихъ грѣхахъ мы обвинить не можемъ. Это безмолвныя жертвы нашего семейнаго и общественнаго строя, у которыхъ нѣтъ даже силы, чтобы заявить о собственномъ страданіи. Говоря, что «личность свободна, а значитъ отвѣтственна», Достоевскій требовалъ вообще и наказанія, и искупленія, но онъ не могъ требовать ихъ для дѣтей, потому что понималъ, что

они не свободны, а значитъ и не отвѣтственны. Оттого-то здѣсь его глубокій гуманизмъ проявился во всей полнотѣ, красотѣ и неприкосновенности. Достоевскій жалѣлъ маленькихъ нищихъ, жалѣлъ дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, и жалость его не знала конца, потому, во-первыхъ, что онъ признавалъ за дѣтьми способность страдать такъ-же сильно, какъ большіе, а во-вторыхъ, что эти страданія являлись въ его глазахъ совсѣмъ незаслуженными. Но, выводя въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ крайніе типы, ставя ихъ въ обстановку почти всегда исключительную, Достоевскій въ своемъ «дневникѣ» говоритъ объ общихъ условіяхъ дѣтской жизни въ нашемъ обществѣ, говоритъ о *большинствѣ* и объ обстановкѣ этого большинства. Пользуясь книгой г. Пользинскаго, мы сдѣлаемъ краткій разборъ и этихъ его взглядовъ.

Прежде всего Достоевскій выставляетъ на видъ *полное пренебреженіе со стороны взрослыхъ къ душевному міру ребенка*. «Въ «Маленькомъ героѣ», напр.,—говоритъ г. Пользинскій,—передъ нами вполнѣ *нормальные* люди, которые, тѣмъ не менѣе, сдѣлали предметомъ своихъ остротъ и грубыхъ выходокъ одно изъ интимнѣйшихъ событій душевной жизни попавшаго въ ихъ среду ребенка». Важнѣе всего здѣсь то, что отъ ребенка не ускользаетъ ни тотъ фальшивый тонъ, который принимаютъ въ своемъ обращеніи съ нимъ взрослые, ни та ложь, которую они такъ легко дозволяютъ себѣ при этомъ. Они намекаютъ на его дурныя чувства къ m-me М., будто-бы подмѣченныя въ немъ, хотя и сами въ это не вѣрятъ. Оскорбленный этою явною ложью, мальчикъ обращается къ одной изъ своихъ обидчицъ со словами, въ которыхъ слышится вмѣстѣ и раздраженіе, и укоръ за клевету, возмутившую его дѣтскую душу: «И не стыдно вамъ,—вспыхнулъ онъ вдругъ,—вслухъ... при всѣхъ дамахъ.. говорить такую худую неправду?.. Вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ.. Что они скажутъ?.. Вы такая большая... замужняя!» (стр. 56). Сколько гнѣва, стыда, отчаянія вынесъ ребенокъ только потому, что большимъ не представилось лучшаго развлеченія, какъ подшутить надъ нимъ! Онъ чувствуетъ ложь, неправоту, странность ихъ поступка и возмущается имъ. Но что, если подобнаго рода внушенія будутъ повторяться часто, безпрестанно? Вѣдь ребенокъ—существо по преимуществу подражательное. Интеллигентные люди выработали, между прочимъ, правило: «какъ можно строже и внимательнѣе относиться къ себѣ при дѣтяхъ». Всякій, кто знаетъ, что значитъ для ребенка примѣръ, особенно авторитетный примѣръ отца, матери и педагога, тотъ пойметъ, какое это умное правило. Между тѣмъ

передъ дѣтьми мы держимся обыкновенно на распашку и въ дѣтскую являемся въ томъ-же костюмѣ, въ какомъ щедринскіе чиновники обыкновенно въ баню ходятъ. «Дѣти,—говоритъ Достоевскій,—вспоминаютъ до глубокой старости малодушіе отцовъ, ссоры въ семействахъ, споры, обвиненія, горькіе попреки и даже проклятія на нихъ, на лишніе рты, и, что хуже всего, вспоминаютъ иногда подлость отцовъ, низкіе поступки изъ-за достиженія мѣстъ, денегъ, гадкія интриги и гнусное раболѣпство». Благодаря этому, «юноша вступаетъ въ жизнь одинъ, какъ перстъ; сердцемъ онъ не жилъ, сердце его ничѣмъ не связано съ прошедшимъ, съ семействомъ, съ дѣтствомъ». Въ чемъ-же главная причина такого явленія? Достоевскій указываетъ прежде всего на *пошлость* нашей жизни, на ничтожество ея идеаловъ. «Въ семьяхъ нашихъ,—говоритъ онъ,—*о высшихъ цѣляхъ* жизни почти и не упоминается, а объ идеѣ безсмертія не только ужъ вовсе не думаютъ, но даже слишкомъ нерѣдко относятся къ ней сатирически, и это при дѣтяхъ, съ самаго ихъ дѣтства, да еще, пожалуй, съ нарочнымъ назиданіемъ». Папаша заботится исключительно о томъ, чтобы накормить, мамаша спитъ и во снѣ видитъ «общественныя связи и протекціи»: «прочее, молъ, все приложится по востребованію». Кругъ родительскихъ представленій, касающихся отдаленной будущности ребенка, обыкновенно ограничивается матеріальнымъ довольствомъ и болѣе или менѣе высокимъ іерархическимъ положеніемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ больше всего высказывается опасеніе, какъ-бы жизнь дѣтей не выбилась изъ обыкновенной колеи. «Какая мать, нѣжно любящая свое дитя,—говоритъ Достоевскій въ «Идіотѣ»,—не испугается и не заболѣетъ отъ страха, если ея сынъ или дочь чуть-чуть выйдетъ изъ рельсовъ. Нѣтъ, ужъ лучше пусть будетъ счастливъ и проживетъ въ довольствѣ и безъ оригинальности»—думаетъ каждая мать, закачивая свое дитя. А наши няньки, закачивая дѣтей, споконъ вѣку причитываютъ и припѣваютъ: «будешь въ золотѣ ходить, генеральскій чинъ носить». Итакъ, даже у нашихъ нянекъ чинъ генерала считался за предѣлъ русскаго счастья и, стало быть, былъ самымъ популярнымъ національнымъ идеаломъ спокойнаго, прекраснаго блаженства». Въ результатѣ этихъ пошлыхъ внушеній «ни семьи, ни отечества, ни вѣры, а развѣ одинъ аппетитъ». Но откуда-же взять идеалъ, то великое и святое, безъ «котораго нельзя жить здѣсь на землѣ»? Имѣя въ виду интеллигентный слой нашего общества, Достоевскій прямо отвѣчаетъ: «неоткуда». «Ясно по крайней мѣрѣ до наглядности,—говоритъ онъ,—что наше юное поколѣніе обречено само отыскивать себѣ идеалы и высшій смыслъ жизни.

Но это-то отъединеніе его, это оставленіе на собственныя силы и ужасно... Отъ нашихъ умныхъ людей и вообще отъ руководителей своихъ наша молодежь можетъ заимствовать скорѣе лишь взглядъ сатирическій, но ужъ ничего положительнаго, т.-е. во что вѣрить, что обожать, во что стремиться (?). А если-бы и смогли и въ силахъ еще были ей передать что-нибудь въ семьѣ и школѣ изъ правильныхъ указаній, то опять-таки и въ семьѣ и школѣ слишкомъ уже стали индифферентными къ этому за множествомъ иныхъ, болѣе практическихъ и современно интересныхъ задачъ и цѣлей». Вѣдь ребенокъ требуетъ къ себѣ отношенія самаго любовнаго и внимательнаго, но «школѣ некогда», а отцы «стали лѣнивы, куда лѣнивы»... Это семья, а общество, въ свою очередь, «увлеклось до самозабвенія, до забвенія чести и правды, духомъ наживы» *).

Взгляды Достоевскаго можно резюмировать такъ: наша жизнь страдаетъ отсутствіемъ высшихъ интересовъ и, вмѣсто начала духовнаго, идеальнаго, проникнута мамонослуженіемъ и матеріализмомъ. Если эта формула покажется читателю недостаточно глубокой и оригинальной, то онъ долженъ припомнить, что высказана она почти 20 лѣтъ тому назадъ и съ той поры повторялась сотни и сотни разъ. Изъ нея прежде всего очевидно, что Достоевскій преимущественно передъ другимъ дорожилъ *нравственнымъ* воспитаніемъ человѣка. Присмотримся, однако, къ этой формулѣ поближе.

Основнымъ закономъ психологіи у Достоевскаго является тотъ, по которому *любовь обусловливаетъ вѣру, а вѣра предполагаетъ любовь—словомъ, любовь и вѣра—два психическихъ коррелята*. Нигдѣ не доказывая этого закона, Достоевскій постоянно иллюстрируетъ его художественными созданіями своей фантазіи. Тотъ, кто любитъ самого себя, свое чрево, свое тѣло и больше ничего не любитъ—тотъ невѣрующій. Невѣрующій и эгоистъ—это синонимы у Достоевскаго. Возьмите самый яркій типъ въ этомъ отношеніи старика Карамазова, припомните Свидригайлова, припомните, что вѣра въ Раскольниковѣ, въ старцѣ Зосимѣ проявилась лишь послѣ того, какъ въ нихъ проявилась любовь; спросите себя, наконецъ, что такое самая карамазовщина? Это—плотоядный эгоизмъ и невѣріе. *Любящіе* у Достоевскаго, наоборотъ, всѣ, безусловно всѣ, вѣруютъ. Алеша Карамазовъ, Зосима, Соня Мармеладова—вотъ типы, въ которыхъ потребность *вѣры* обусловлена потребностью *любви*. Но что такое любовь для Достоев-

*) Мы оставляемъ въ сторонѣ ламентаціи Достоевскаго о нашей «безпочвенности»: онѣ общеизвѣстны съ одной стороны, а съ другой—выражены слишкомъ обще и недостаточно опредѣленно.

скаго? Это единеніе. Оно возможно лишь въ томъ случаѣ, когда человѣкъ начинаетъ отрѣшаться отъ своей личности и полноту отрѣшенія отъ самого себя онъ находитъ въ любви ко всѣмъ и къ Богу. Этому учитъ насъ жизнь старца Зосимы, излюбленнаго героя Достоевскаго. Приложимъ теперь эту формулу ко взглядамъ великаго писателя на дѣтскій вопросъ. Мы уже знакомы съ той обстановкой, въ которой обрѣтается большинство его маленькихъ героевъ. Это обстановка—нищеты, жизненнаго гнета, жестокаго и грубаго отвращенія, или индифферентизма и непониманія искомыхъ свойствъ дѣтской души,—обстановка, внушающая или чувство мести, недовѣрія, злобы, или идеала корыстослуженія, жратвенные идеалы. Нищета и грубость, эгоизмъ и служеніе Мамону—способны-ли всѣ эти вещи къ объединію или разъединенію людей? Очевидно, лишь къ послѣднему. И чуткая душа ребенка не остается глухой къ этимъ безчисленнымъ внушеніямъ, и она проникается ими, и ея потребность любви заглушается съ первыхъ-же шаговъ сознательнаго существованія. И на этой-то почвѣ эгоизма, отрѣшенности отъ другихъ, отъ-единенія, какъ выражался Достоевскій, и выростаетъ язва *невѣрія*. Припомните Подростка. «И вотъ, юноша вступаетъ въ жизнь, одинъ какъ перстъ, не зная смысла жизни, не признавая его, и гонится за миражами Мамона, стараясь служеніемъ ему наполнить безконечную пустоту лишеннаго вѣры существованія».

Таковъ главный выводъ, который мы можемъ сдѣлать, разсмотрѣвъ «дѣтскій міръ» Достоевскаго. Но и противъ вывода г. Пользинскаго мы ничего не имѣемъ. Онъ говоритъ: «нужно внимательно относиться къ природѣ ребенка, прежде всего стараться понять ее, а главное—не предпочитать мертвой формы условныхъ педагогическихъ положеній живому дѣлу наблюденія надъ тѣмъ броженіемъ, которымъ обыкновенно сопровождается внутренній ростъ ребенка. Съ этой стороны все содержаніе произведеній Достоевскаго есть напоминаніе о томъ завѣтѣ, исполненіе котораго, конечно, вмѣняется намъ, какъ самое первое и необходимое условіе при всѣхъ случаяхъ общенія нашего съ дѣтскимъ міромъ: «блюдите да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ».

Къ этому выводу намъ хотѣлось-бы прибавить еще вотъ что: вольно или невольно, громаднѣйшимъ факторомъ психологіи Достоевскаго является наслѣдственность. На страницахъ его произведеній фигурируютъ дѣти истеричные, галлюцинаты, эпилептики. Кто виноватъ въ этихъ болѣзняхъ? Главнымъ образомъ отцы, которые, предаваясь распутству и пьянству, прививаютъ болѣзнь, и страшную

болѣзнь, къ неповинному дѣтскому организму. Значитъ, «внимательное отношеніе къ дѣтямъ» должно начаться еще задолго до появленія его на свѣтъ Божій, такъ какъ дѣти должны быть по наслѣдству *здоровы*. И если родители грѣшатъ роковымъ воспитаніемъ, то во сколько выше ихъ грѣхъ, когда ихъ пороки породили истеричность или эпилепсію? *).

Евгеній Соловьевъ.

Г. Бракенгеймеръ. Грамматика древне(церковно)-славянскаго языка. Одесса. 1892 г. Изд. 2-ое.

Книга съ вышеприведеннымъ заглавіемъ была разослана въ видѣ безплатнаго приложенія при апрѣльскомъ нумерѣ журнала «Гимназія» за 1892 годъ. Въ этомъ-же нумерѣ помѣщена и рецензія на эту книгу г. М. Попруженка, приватъ-доцента Одесскаго университета, какъ значится въ спискѣ сотрудниковъ «Гимназіи», прилагаемомъ къ каждому нумеру журнала.

Въ рецензіи, занимающей менѣе двухъ страницъ, г. Попруженко сначала сѣтуетъ, что «отъ всѣхъ церковно-славянскихъ грамматикъ одинаково несетъ школьною рутиной, не пропускающей ни единаго свѣтлаго луча» (стр. 370) (Г. рецензентъ не счелъ нужнымъ оговориться даже относительно такихъ учебниковъ, какъ грамматики Буслаева, Колосова). Но за-то онъ «не можетъ не встрѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ маленькой грамматики одесскаго преподавателя П. И. Бракенгеймера» (стр. 380), къ указанію достоинствъ которой г. рецензентъ тотчасъ-же и переходитъ; о недостаткахъ-же ея онъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Главное, основное достоинство новаго учебника, по указанію г. приватъ-доцента, человѣка компетентнаго въ вопросахъ науки, состоитъ въ томъ, что авторъ учебника «не отстаетъ отъ научныхъ сочиненій» и, слѣдовательно, вноситъ лучъ научнаго свѣта въ темное царство учебниковъ. Заинтересовавшись встрѣтившей столь благопріятный отзывъ новинкой въ учебной литературѣ, мы не рѣшились отказать и себѣ въ удовольствіи, которое получилъ авторитетный цѣнитель при знакомствѣ съ книгой г. Бракенгеймера.

---

*) Привожу заглавіе книги г. Пользинскаго, предупреждая, впрочемъ, читателя, что оно составлено самимъ мною, такъ какъ г. Пользинскій пишетъ въ сплошную: 1) Литературные дѣтскіе типы Достоевскаго. 2) Образованіе характера. 3) Объ особенностяхъ душевнаго быта дѣтей. 4) О постепенности духовнаго развитія ребенка. 5) Мотивы дѣтскихъ симпатій и антипатій. 6 и 7) Дѣти въ семьѣ и обществѣ. 8) Различныя мнѣнія Достоевскаго о дѣтскомъ вопросѣ и заключеніе. *Е. С.*

Къ сожалѣнію и немалому нашему изумленію, впечатлѣніе отъ новаго учебника у насъ получилось совершенно противоположное тому, какое вынесъ г. Попруженко. Постараемся дать понятіе гг. преподавателямъ, которыхъ наиболѣе должно интересовать появленіе хорошаго учебника, чѣмъ вызывается наше несогласіе съ мнѣніемъ г. Попруженка. Эта задача возлагаетъ на насъ обязанность шагъ за шагомъ провѣрить отзывъ г. рецензента, и такимъ образомъ хоть въ главнѣйшихъ чертахъ разобрать учебникъ г. Бракенгеймера (или г. Браккенгеймера, какъ значится въ рецензіи?): дать всесторонній, подробный во всѣхъ мелочахъ разборъ не позволяютъ намъ размѣры рецензіи, которые, впрочемъ, вполнѣ для насъ достаточны, чтобы ясно охарактеризовать новую книгу.

«Заканчивается отдѣлъ (фонологіи) сжатымъ, но исчерпывающимъ изложеніемъ «Отличительныхъ чертъ языка древне-славянскаго въ историческомъ движеніи (въ общемъ сравненіи съ русскимъ)»,— говоритъ г. рецензентъ,—приводя заглавіе § 19 учебника, смыслъ котораго (заглавія) для насъ остается тайной.

Изъ содержанія параграфа видно, что г. Бракенгеймеръ желалъ указать звуковыя отличія др.-славянскаго языка отъ русскаго. Подъ русскимъ языкомъ авторъ, какъ надо думать, разумѣетъ современный русскій языкъ, а не др.-русскій; иначе онъ не упомянулъ-бы, напр., объ отсутствіи сочетанія въ русскомъ языкѣ гортанныхъ съ *ы*, о томъ, что «русскій языкъ обратилъ ъ и ь въ *знаки произношенія*» (?). А между тѣмъ онъ не включаетъ въ число звуковыхъ отличій присутствіе въ современномъ русскомъ языкѣ звуковъ *ё*, *э*, *твердыхъ ж*, *ш*, *ц*; отсутствіе *звука* ѣ. Это г. рецензентъ называетъ «исчерпывающимъ изложеніемъ». Далѣе, подъ буквой *а* этого-же параграфа въ учебникѣ дѣлается ссылка на параграфъ, гдѣ говорится, что въ русскомъ яз. нѣтъ ъ и ь, ѫ и ѧ; а ниже, подъ буквою *г*, опять указывается, какъ отличительная черта, то, что «русскій яз. обратилъ ъ и ь въ знаки произношенія». Это г. рецензентъ называетъ «сжатымъ изложеніемъ».

Коснемся ужъ заодно и научности въ изложеніи этого параграфа, затронутаго г. рецензентомъ.

1) «Др.-сл. яз. не терпѣлъ согласныхъ окончаній»—а *без*, *въз*, *из* и другіе префиксы? (См. «Др.-славянскій языкъ. Фонетика» Соболевскаго, стр. 131).

2) «Русскій языкъ оставляетъ *г*, *к*, *х* передъ *и* и *ѣ*»— а *положить* (вм. **пологить*), *кричать* (вм. **крикѣть*), *печаль* (вм. **пекѣль*) и т. д.?

3) «Русское *о* (въ началѣ словъ) = др.-сл. ѥ»—а *онъ*, *отъ*, *объ* и пр.?

4) «д, т др.-сл. языкъ смягчалъ въ жд, шт: (двоеточіе!) русскій языкъ упрощаетъ (что?) до *ж*, *ч*»—оказывается, что русскія *ж*, *ч* образовались не прямо изъ *д*, *т*, а чрезъ упрощеніе др.-славянскихъ жд, шт!

5) «Слоги о(є)л—о(є)р, замкнутые съ обѣихъ сторонъ согласн., др.-сл. яз. изображалъ однотипно—лъ(ь), ръ(ь): (sic) русскій языкъ отчетливо распред. *ор-ро*, *ол-ло*, *ер-ре*, *ел-ле*»—не останавливаясь на неясныхъ выраженіяхъ: «изображалъ», «однотипно», «отчетливо распредѣлилъ», спрашиваемъ, какой языкъ имѣется авторомъ въ виду, когда онъ говоритъ о «слогахъ о(є)л—о(є)р», обозначенныхъ славянскимъ шрифтомъ. Можемъ увѣрить автора, что онъ не имѣлъ въ виду ни одного языка, а если имѣлъ въ виду, то ошибочно.

Слѣдимъ за г. рецензентомъ далѣе. «Особенно-же благопріятное впечатлѣніе производитъ отдѣлъ измѣненія словъ. Онъ начинается, какъ и въ другихъ грамматикахъ, ученіемъ о составѣ словъ (корень, тема и проч.), но все это (?) изложено сжато и не имѣетъ, какъ у другихъ, угрожающихъ и страшныхъ для ученика размѣровъ» (стр. 380).

Разсматриваемъ учебникъ. 1) «Корень—основная часть слова, состоящая изъ одного слога» (стр. 24)—это опредѣленіе («основная часть») такъ ненаучно, широко и неопредѣленно, что на основаніи его невозможно вѣрно опредѣлить корень, тѣмъ болѣе, что самъ авторъ приводитъ корни въ невѣрной формѣ: напр., блист (вѣроятно, гл. блистати) вм. бльск. 2) Флексія опредѣляется въ учебникѣ, какъ окончаніе, измѣняющееся при склоненіи или спряженіи (стр. 24). Прежде всего, опредѣленіе невѣрно: въ словахъ нес-ѣахъ, нес-охъ, нес-ѣте, нес-енъ, нес-ѫщи окончанія ѣахъ, охъ, ѣте, енъ, ѫщи оказываются, при такомъ опредѣленіи, флексіями, что не признается наукою. Далѣе, ни въ одномъ изъ приведенныхъ примѣровъ (крас-а, нес-ти, нес-ж) не указана авторомъ вѣрно флексія: а) въ словѣ крас-а, какъ самъ авторъ признаетъ при дѣленіи именъ на склоненія (стр. 26), а принадлежитъ темѣ; «тема-же обнимаетъ все (?) слово—(sic!) безъ флексіи» (стр. 25); б) въ словѣ нес-ти ти не флексія, такъ какъ флексія служитъ лишь для обозначенія падежа или лица, а не грамматической категоріи; в) въ словѣ нес-ж ж не флексія, хотя авторъ повторяетъ эту ошибку и при изложеніи спряженія; на самомъ дѣлѣ, говоритъ намъ наука, ж—сочетаніе флексіи съ гласнымъ основы наст. вр. (см. объ этомъ въ замѣчательномъ трудѣ Н. Некрасова: «Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка»). 3) Суффиксомъ авторъ признаетъ окончаніе, сохраняющееся при из-

мѣненіи слова. И это опредѣленіе невѣрно: въ приводимомъ для примѣра глаголѣ крас-н-ти (стр. 25) н, при такомъ опредѣленіи, не суффиксъ, такъ какъ н измѣняется; крашж, красать; суффиксы глагольныхъ формъ, напр., причастій, аориста, преходящаго вр., также не подойдутъ подъ это опредѣленіе.

Продолжаемъ дальше провѣрку отзыва г. Попруженка. «Дѣленіе склоненій принято строго научное (трехъ видовъ: именное, мѣстоименное и сложное); существительныя группируются по классамъ на основаніи темъ (4 класса на гласные ă, ā, н, оу, а 5 кл.—на согласн. р, с, н, м)».

Прежде всего, г. рецензентъ почему-то не упомянулъ въ числѣ основъ 5-го класса наиболѣе многочисленнаго разряда—именъ на ы, которое предъ гласными разлагается на ъв (цръкы—цръкъв); а между тѣмъ образецъ склоненія этихъ основъ приведенъ, какъ и должно быть, въ учебникѣ г. Бракенгеймера. Затѣмъ, мы совершенно не понимаемъ, какое основаніе имѣютъ г. составитель учебника и г. рецензентъ принимать въ такихъ именахъ на ъ, какъ *рабъ*, и въ именахъ на о (*окно*) основу на ă, въ именахъ на ь (*кость*, *гость*) принимать основу на н, въ такихъ именахъ на ъ, какъ *сынъ*,—основу на оу. Вѣдь для славянскаго *окно*—основа на *о*, для *гость*, *кость*—основа на *ь*, для *сынъ*—основа на *ъ*. У людей, знакомыхъ съ наукой, объ этомъ не можетъ быть спора. Говорить-же объ основахъ на ă, на н, на оу можно лишь по отношенію къ основнымъ формамъ: основная тема bhagă—на ă (= слав. темѣ *бого, богъ); основная т. hasti—на i (= слав. т. *гость*—на *ь*); основная т. sunŭ—на ŭ (= слав. т. сынъ—на *ъ*) и т. д. И этого промаха нельзя отнести къ неточности выраженія, которая составляетъ заурядное явленіе въ учебникѣ г. Бракенгеймера; нѣтъ, это прямое незнаніе того, о чемъ рѣшается говорить авторъ учебника: онъ «ничтоже сумняся», безъ дальнихъ справокъ и углубленія въ дебри науки, признаетъ, что «конечный гласный темы н виденъ въ род. п.» (ед. ч.?) (стр. 27), т.-е., что форма род. п. ед. числа представляетъ чистую основу! А на стр. 28 опять дѣлаетъ подобную-же ошибку: «конечный гласный основы оу виденъ въ косвенныхъ падежахъ», т.-е. формы косвенныхъ падежей представляютъ чистую основу!

Послѣ этого позволимъ себѣ спросить, гдѣ-же указываемое г. приватъ-доцентомъ знакомство автора учебника съ научными сочиненіями, хотя-бы съ вышеупомянутымъ трудомъ проф. Н. Некрасова, который поименованъ г. Бракенгеймеромъ въ числѣ сочиненій, служившихъ ему пособіями.

Продолжаемъ дальше. «Система спряженій (архаическіе, безъ соединительной гласной, и производные глаголы группируются по классамъ (5) по глагольнымъ примѣтамъ) выдержана строго и согласна съ научными данными, сравнительная таблица окончаній очень ясна, и по ней ученикъ быстро выучится спрягать» (стр. 380).

Провѣримъ справедливость приведенныхъ словъ г. Попруженка. Прежде всего читатель, повѣрившій словамъ г. приватъ-доцента, поставитъ въ упрекъ одесскому преподавателю, что тотъ не внесъ въ свою систему, «согласную съ научными данными», коренныхъ глаголовъ (*нести*, *знати*, и т. д.), которые ни къ архаическимъ, ни къ производнымъ не могутъ быть отнесены. Но такой довѣрчивый читатель долженъ будетъ прежде всего извиниться за это предъ авторомъ учебника, который не мало допустилъ непростительныхъ промаховъ въ своей тоненькой книжечкѣ (54 стр. всего), но въ этой ошибкѣ не виноватъ ни сномъ, ни духомъ: въ грамматикѣ въ § 25 глаголы дѣлятся а) на архаическіе, б) съ соединительнымъ гласнымъ; глаголы-же съ соединительнымъ гласнымъ подраздѣляются а) на первичные (коренные) и б) производные. Да и странно было-бы противополагать, какъ дѣлаетъ г. приватъ-доцентъ Одесскаго университета, глаголы безъ соединительнаго гласнаго, которые такъ называются по основѣ настоящаго вр., глаголамъ производнымъ, которые такъ называются по основѣ неопр. накл.; кромѣ того, при такомъ подраздѣленіи, «согласномъ съ научными данными», гл. **вѣдѣти** попалъ-бы въ обѣ группы: и къ архаическимъ глаголамъ, и къ производнымъ.

Теперь посмотримъ на «сравнительную таблицу личныхъ окончаній» (стр. 36), которая г. рецензенту показалась «очень ясной», такъ что по ней ученики *быстро* выучатся спрягать.

1) Для 3 л. мн. ч. наст. вр. архаическаго спряженія въ таблицѣ помѣщены окончанія **ѫть, ѭть, ать, ꙗть**. Интересно было-бы знать отъ г. Бракенгеймера и г. Попруженка, въ какихъ это архаическихъ глаголахъ есть окончанія **ѭть, ꙗть**?

2) Рядомъ съ окончаніями **ѫ** или **ѭ** для 1 л. ед. ч. настоящаго времени стоятъ окончанія **ши, ть** и т. д., т.-е. выходитъ, что спрягать нужно такъ: **нес-ѫ, нес-ши, нес-ть** и т. д. Это занимательно!

3) Указывая соотвѣтствующія русскія окончанія формъ наст. вр., г. Бракенгеймеръ для 1 л. ед. ч. помѣщаетъ лишь окончанія *у*, *ю*; а *дамъ*, *ѣмъ* какое имѣютъ окончаніе?

4) Подъ рубрикой окончаній прошедшаго вр. помѣщены лишь окончанія формъ аориста (безъ оговорки), а объ окончаніяхъ формъ пре-

ходящаго вр. нигдѣ не упоминается; можно думать, что они тѣ-же, что и окончанія аориста.

5) Рядомъ съ окончаніями (формъ аориста) **охъ, оховѣ, оста, охомъ** помѣщены **стє, ша** вм. **остє, оша**.

6) Подъ рубрикой окончаній повел. накл., рядомъ съ окончаніями для 2 л. ед. ч. **и**, помѣщены окончанія **вѣ, та, мъ, тє**; слѣдовательно, ученикъ, смотря на эту «очень ясную» таблицу, долженъ спрягать такъ: *хвали*, *хвалвѣ*, *хвалмъ* и т. д. Это выходитъ «быстрѣе», чѣмъ въ другихъ «рутинныхъ» грамматикахъ, по которымъ ученики учатся спрягать такъ: *хвали*, *хваливѣ*, *хвалимъ* и т. д.

«Заключается грамматика главнѣйшими правилами синтаксиса, изложенными сравнительно-же съ родственными языками», продолжаетъ рецензентъ (стр. 380).

Здѣсь мы должны замѣтить, что не только по «научнымъ» взглядамъ, но и по языку г. рецензентъ и г. авторъ учебника принадлежатъ къ одной школѣ. Языкъ учебника—рѣдкій по отсутствію въ немъ ясности, точности, стилистической правильности, логичности, доказательства чему мы уже отчасти привели и еще приведемъ нѣсколько ниже. Г. рецензентъ также въ вышеприведенныхъ словахъ позволяетъ себѣ «сравнивать *правила* др.-славянскаго синтаксиса съ родственными *языками*».

Для того, чтобы дать понятіе о синтаксисѣ, помѣщающемся на 2½ страницахъ, выпишемъ всего лишь два правила: 1) «Въ придаточномъ дополн. предложеніи вм. личнаго глагола встрѣчается причастіе — чисто славянскій идіотизмъ: **бѣ оуча їс҃ (= оучаашє їс҃)**» (стр. 44). Во-первыхъ, вм. «личнаго глагола» въ приведенномъ примѣрѣ употреблено не просто причастіе, а причастіе со вспомогательнымъ глаголомъ, что подходитъ совсѣмъ подъ другое правило; во-вторыхъ, это не «славянскій идіотизмъ», а греческій: появленіе его въ славянскихъ памятникахъ объясняется вліяніемъ греческаго яз.; въ-третьихъ, гдѣ-же въ приведенномъ примѣрѣ придаточное дополнительное предложеніе?

2) «Отрицательная частица *не*: 1) не повторялась при имени и при глаголѣ (какъ въ русск. яз.); 2) соединялась и съ род., и съ вин. *и*» (стр. 45).

Языкъ этого отрывка—не единичное явленіе въ учебникѣ, не случайность; нѣтъ, это обычный языкъ новаго учебника: для автора въ такомъ русскомъ выраженіи, какъ «никто не пишетъ русскихъ учебниковъ безграмотно», «отрицательная частица *не* (?) 1) два раза повторяется, 2) соединяется (?) съ род. п.». А что отрицаніе могло

повторяться 2 раза (по выраженію автора, «отрицательная частица *не*»), доказательство этого авторъ могъ-бы видѣть хотя-бы въ снимкѣ текста изъ Остромирова ев., помѣщенномъ имъ-же на 7 стр. учебника для иллюстраціи уставного почерка: тамъ легко можно прочесть: **«и беꙁ него ничьтоже не бысть»**, т.-е. «повторяется отрицательная частица *не* при имени (?) и при глаголѣ» (на языкѣ автора).

Интересна въ отдѣлѣ синтаксиса группировка правилъ: къ *согласованію* относится и то, что «вспомогательный глаголъ опускается», и указанный нами выше «славянскій идіотизмъ», и «употребленіе достигательнаго н. при глаголахъ движенія для обозначенія цѣли (намѣренія) (sic!) движенія» (стр. 43 и 44) и многое другое, до сихъ поръ еще не попадавшее подъ рубрику согласованія.

«Упражненія для разбора составлены очень дѣльно», говоритъ г. рецензентъ на 381 стр. 1) Эти упражненія состоятъ въ сплошномъ перечисленіи въ алфавитномъ порядкѣ, безъ знаковъ препинанія, различныхъ словъ, при чемъ не указывается, къ какому параграфу относится примѣръ. Это внѣшнее неудобство затрудняетъ пользованіе этими «упражненіями». 2) Иной-же разъ просто непонятно, для чего приведено извѣстное слово: напр., *абиѥ*, *бърьвно*, *тъкъмо*, **ѩꙁа**, **ѩꙁва**, *пшеница*. 3) Приведенные на стр. 46 примѣры, назначеніе которыхъ служить для «упражненія въ фонологическомъ разборѣ и этимологическомъ» (? морфологическомъ ?), почти совсѣмъ не даютъ матеріала для «этимологическаго» разбора: приводятся только начальныя формы измѣняемыхъ частей рѣчи, т.-е. существительныя указываются лишь въ им. ед., прилаг. въ им. ед. муж. рода, глаголы въ неопр. н. или въ 1 л. ед. ч. наст. вр. 4) Кромѣ того, многіе изъ примѣровъ, приведенныхъ здѣсь, указаны и разъяснены въ самомъ учебникѣ: **въноуштити** (см. стр. 20), *слъза* (стр. 14), *шьвецъ* (sic!) (стр. 19), *рыти—ръвъ* (sic!) (см. стр. 19) и др. 5) Для фонетическаго разбора многіе изъ примѣровъ не годятся, такъ какъ авторъ, при своихъ скудныхъ свѣдѣніяхъ въ др.-славянской грамматикѣ и поразительной небрежности, вноситъ несуществующіе въ др.-славянск. яз. слова, напр. **стьлѭ** (вм. **стелѭ**), **ребьро** (вм. **ребро**), **ръвъ** (вм. **ровъ**), **стьлати** (вм. **стлати**), **жгълъ** (вм. **жглъ**)—вездѣ ъ и ь поставлены, видите-ли, по правилу употребленія глухихъ ъ и ь вм. русскихъ бѣглыхъ *о* и *е*. Вотъ какъ рѣшительно одесскій новаторъ примѣняетъ правила грамматики къ языку: не щадитъ «ни ока, ни бока»!

Разсмотрѣніе «упражненія въ фонологическомъ разборѣ и этимологическомъ» приводитъ насъ къ фонологіи, изъ которой до сихъ поръ мы разобрали лишь послѣдній параграфъ (§ 19). Другихъ параграфовъ

мы не затрогивали потому, что все время слѣдили шагъ за шагомъ за г. рецензентомъ, подвергая оцѣнкѣ лишь то, въ чемъ г. Попруженко усмотрѣлъ особенныя заслуги со стороны г. Бракенгеймера предъ педагогическимъ міромъ, что пролило особенно яркій «научный» свѣтъ въ темное царство учебной литературы.

Теперь обратимся и къ фонологіи. И здѣсь авторъ не щадитъ «ни ока, ни бока». 1) Нужно ему доказать близость древняго ѣ къ и—у него есть примѣры «взаимной мѣны ѣ—и: дита—дѣти, сидѣти—сѣсти» (стр. 16), хотя Миклошичъ успѣлъ только отыскать въ слав. языкѣ дѣта, сѣдѣти. 2) Захотѣлось г. Бракенгеймеру сдѣлать открытіе—и онъ возвѣщаетъ: «оу, по составу своему, близко къ ы» (стр. 17) и оба—оу и ы (вмѣстѣ съ ѣ) дифтонги! (стр. 16). То и другое, понимаете-ли, можетъ быть прекрасно доказано «составомъ»... буквъ (не звуковъ)! А именно: оу=о+ү, а ы=ъ+і; но о=ъ, а ү=і; слѣдовательно, неопровержимая истина оу=ы!!! 3) Требуется-ли доказать, что ь усиливается въ є, примѣровъ не для чего искать въ ученыхъ сочиненіяхъ, словаряхъ и пр.—есть въ запасѣ ꙁьрѣти—ꙁєрцало (вм. ꙁрьцало!); рьщи (вм. рєщи)—рєкѫ (стр. 18). 4) Можете здѣсь найти (стр. 22) и невиданный въ слав. яз. глаголъ обълакивати. Что этого слова не могло быть въ др.-слав. яз., объ этомъ авторъ могъ-бы догадаться по слѣдующимъ соображеніямъ, разъ онъ не довѣряетъ полнотѣ словаря Миклошича (о послѣднемъ можно судить по вышеприведеннымъ примѣрамъ, которыхъ нельзя найти въ словарѣ Миклошича, и такихъ примѣровъ найдется еще не одинъ десятокъ въ учебникѣ г. Бракенгеймера!): а) въ др.-слав. яз. гортанный не можетъ стоять предъ узкимъ гласнымъ (о чемъ знаютъ ученики 4-го класса); б) суфф. ыка—ика неизвѣстенъ др.-слав. яз.; в) гл. обълакивати происходитъ отъ полногласной формы гл. *обволочь;* полногласіе-же несвойственно др.-слав. языку (чему учитъ и самъ авторъ въ своемъ учебникѣ). 5) Вообще авторъ не задумывается надъ подборомъ примѣровъ: «ск чрезъ смягченіе=щ: льстити—льщѫ» (стр. 23) (это смягченіе ск!); «х измѣняется въ с и ш: тръхнѫти—тръсити—тръшѫ» (стр. 21); на той-же страницѣ въ примѣчаніи 33: «тръшѫ вм. тръсѫ»; итакъ, ш въ тръшѫ изъ с и изъ х, гдѣ какъ нужно.

Но продолжимъ разборъ рецензіи г. Попруженка. «Текстъ всей грамматики безъ подстрочныхъ примѣчаній заключаетъ въ себѣ все необходимое для гимназіи (NB, знакомство со многимъ, даже съ очень многимъ мы-бы считали неудобнымъ для гимназиста, что, надѣемся, понятно); въ примѣчанія-же авторъ внесъ болѣе мелкія правила, дополненія къ нимъ, отступленія и очень часто болѣе подробныя

объясненія, которыя могутъ удовлетворить и не ученика» (Подъ неяснымъ выраженіемъ «не ученикъ» г. приватъ-доцентъ, вѣроятно, разумѣетъ своихъ слушателей-студентовъ). Если главное, напечатанное крупнымъ шрифтомъ, представляетъ столько любопытнаго матеріала (мы не указали и десятой доли всѣхъ чудовищныхъ промаховъ) то можно себѣ представить, сколько курьезовъ хранится въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ! Напр., 1) «и сближается съ согласными j и к» (пр. 21); 2) «ѣ является и твердымъ и мягкимъ» (пр. 23); 3) «имена прилагательныя перешли (?) во II скл.» (пр. 43); 4) «родовыя окончанія—и для м. р., и для ж. р.» (пр. 47); 5) «ѕѣло приставка» (пр. 45); 6) «*самъ* склоняется въ един. ч. по твердому склоненію, а во множ. ч.—по мягкому» (пр. 59); 7) «окончаніе 2 л. ед. ч. си смягчилось (?) въ ши» (пр. 65); 8) «*дамь*—форма буд. вр.» (пр. 68), хотя въ таблицѣ спряженія архаическихъ глаголовъ формы *дамь, даси* отнесены къ формамъ наст. вр., etc., etc.

Вотъ какого рода свѣдѣнія г. Попруженко, авторитетный представитель науки, считаетъ матеріаломъ, удобнымъ для удовлетворенія «любознательности и не ученика»!

Да не подумаетъ кто-нибудь изъ гг. преподавателей, что г. Попруженко шутитъ въ своей рецензіи; нѣтъ, это не шутка, это—что-то другое!

Хотя уже и въ предыдущемъ мы указали на странность въ интерпункціи, слогѣ, изложеніи учебника, но въ виду того, что этихъ сторонъ учебника мы касались лишь вскользь, онѣ требуютъ того, чтобы на нихъ еще разъ остановиться. Чтобы не выбирать, возьмемъ первое попавшееся мѣсто—самое начало учебника, § 1.

«Человѣчество, разселившееся по лицу *земного шара*, *распадается* на отличныя между собою группы. Такъ, при помощи сравнительнаго языкоизученія, установлены семейства семитское, туранское и *родственное намъ*—арійское, или, иначе, индо-европейское, *отъ котораго ведутъ свое происхожденіе* почти всѣ народы Европы: (sic!) къ этой-то семьѣ (индо-европейской) относится и *языкъ* старый церковно-славянскій. *Въ обширномъ смыслѣ, языкомъ славянскимъ* именуется каждый изъ языковъ народовъ славянскихъ. *Въ тѣсномъ значеніи*, подъ именемъ *языка древне-славянскаго* разумѣется тотъ самый языкъ, который...» 1) Авторъ говоритъ «*распадается*»—въ какомъ отношеніи (не по формѣ-ли черепа)? 2) А греки и римляне, не живущіе теперь, развѣ не входятъ въ составъ «группъ», какъ можно заключить изъ выраженія автора («распадаются»)? 3) Семейства семитское, туранское и арійское обнимаютъ народонаселеніе всего *земного*

шара! 4) Арійское семейство только *родственное намъ!* 5) Народы Европы только *ведутъ свое происхожденіе* отъ индо-европейскаго семейства! 6) До сихъ поръ все говорилось о семействахъ народовъ; а тутъ вдругъ: «къ этой-то семьѣ (народовъ) и *языкъ...*» 7) А это какъ нравится: «въ обширномъ смыслѣ, языкомъ славянскимъ», «въ тѣсномъ значеніи, языкомъ древне-славянскимъ»...?

На этомъ мы и закончимъ свой разборъ учебника г. Бракенгеймера, одесскаго педагога. Жаль, что размѣры рецензіи не дозволяютъ намъ показать, что изъ *всѣхъ* 54 стр. этого учебника буквально нѣтъ *ни одной*, начиная съ предисловія и оканчивая оглавленіемъ, которую можно-бы считать удовлетворительною. Въ случаѣ нужды, мы готовы подкрѣпить сказанное новыми доказательствами.

Теперь-же, въ увѣренности, что просвѣщенный читатель достаточно убѣдился въ компетентности приватъ-доцента Одесскаго университета г. Попруженка и знаетъ цѣну его словамъ, приводимъ и заключительныя слова его отзыва: «Въ общемъ грамматика г. Бракенгеймера производитъ самое благопріятное впечатлѣніе, и мы ей желаемъ широкаго распространенія» (стр. 381).

З. Цвѣтковъ.

300-лѣтній юбилей отца народной школы Амоса Коменскаго (1592—1892) въ С.-Петербургѣ. Собраніе рѣчей гг. Каптерева, Миропольскаго, Модзалевскаго и Сентъ-Илера. С.-Петербургъ. 1893 г. Стр. 66+3 стр. нотъ. Съ портретомъ Коменскаго. Ц. 30 к.

Празднованіе 300-лѣтней годовщины дня рожденія великаго педагога Я. А. Коменскаго въ Тифлисской 2-й гимназіи. Тифлисъ. 1892 г. Стр. 35+38 стр. нотъ. Съ портретомъ Коменскаго. Приложеніе къ циркуляру по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1892 г.

Первая изъ названныхъ брошюръ содержитъ въ себѣ описаніе или указаніе юбилейныхъ празднествъ въ честь Коменскаго, происходившихъ въ Петербургѣ въ Педагогическомъ музеѣ, Учительскомъ институтѣ, въ которомъ была произнесена помѣщенная въ брошюрѣ рѣчь г. Сентъ-Илера, въ Маріинскомъ институтѣ, частной гимназіи Видемана и въ училищѣ св. Петра (Petersschule). За неимѣніемъ «самостоятельнаго педагогическаго центра» (стр. 3), главное празднество происходило въ такъ-называемомъ Соляномъ городкѣ, въ помѣщеніи Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, гдѣ и были произнесены рѣчи первыхъ трехъ названныхъ въ заглавіи брошюры педагоговъ, пропѣтъ гимнъ Коменскому г. Карцева, положенный на

музыку В. И. Главачемъ, и исполнены другія вокальныя и инструментальныя пьесы, подходящія къ празднеству; тутъ-же присутствовали воспитанницы педагогическихъ классовъ нѣкоторыхъ женскихъ гимназій и институтовъ и множество публики, совершенно переполнившей залъ музея. О жизни и характерѣ Коменскаго говорилъ г. Модзалевскій (стр. 6—20 брошюры), рѣчь г. Каптерева была посвящена материнской школѣ по А. Коменскому (стр. 21—40), наконецъ, г. Миропольскій на 12 страницахъ (стр. 41—53) пытался изложить «значеніе Коменскаго въ исторіи обученія, его воспитательные принципы и организацію учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ». Такимъ образомъ, всѣ три рѣчи, помѣщенныя нынѣ въ брошюрѣ, взаимно дополняютъ другъ друга, а отчасти также служатъ одна другой поправкою. Въ предисловіи къ рѣчамъ приведена выдержка (стр. 2) изъ воззванія новообразовавшагося въ Германіи «Общества Коменскаго», въ которой, между прочимъ, говорится, что Коменскій, «какъ *педагогъ, слѣдуя преимущественно Бэкону*, предоставилъ опытнымъ наукамъ право доступа въ прежнія латинскія школы, ввелъ *родной языкъ* въ число учебныхъ предметовъ школы и водворилъ въ ней идею *тѣлеснаго развитія*. Провозгласивъ необходимость образованія для *всего* юношества, включая сюда и позабытую до того времени *женщину*, онъ сдѣлался также родоначальникомъ и *начальныхъ школъ*». Эта характеристика знаменитаго педагога, какъ таковаго, въ общемъ совершенно справедливая, мало, однако, подтверждена въ рѣчахъ названныхъ педагоговъ. О громадномъ вліяніи Бэкона на педагогическую дѣятельность Коменскаго упоминается лишь мимоходомъ (стр. 19 и 62); мимоходомъ-же упоминаются Ратке (стр. 9), Бодина (стр. 11), Андреа (стр. 12); о недостаткахъ педагогическихъ воззрѣній Коменскаго не говорится вовсе. Лишенный исторической обстановки, безъ указаній на дѣятельность предшественниковъ и послѣдователей, безъ перспективы, совершенно изолированный, образъ Коменскаго въ рѣчахъ вышеназванныхъ педагоговъ не получилъ надлежащей рельефности, вышелъ блѣднымъ, туманнымъ; вмѣсто историческаго очерка— получился сплошной панегирикъ. Впрочемъ, сказанное менѣе всего относится къ рѣчи г. Каптерева, который, даже выходя изъ предѣловъ взятой имъ на себя задачи — выяснить значеніе Коменскаго въ дѣлѣ воспитанія дѣтей до-школьнаго возраста, — всетаки указываетъ, хотя и кратко, на тѣхъ писателей, которые до Коменскаго и послѣ него писали о воспитаніи и обученіи. «Было-бы неправильно думать, что ранѣе А. Коменскаго не существовало лицъ, хотя-бы въ нѣкоторой степени понимавшихъ важность первоначаль-

наго воспитанія» (стр. 21), говоритъ г. Каптеревъ и для примѣра называетъ трехъ лицъ: у грековъ — Платона, у римлянъ — Квинтиліана, у новыхъ европейскихъ народовъ — итальянскаго гуманиста Маттео Веджіо; сущность взглядовъ послѣдняго, по его сочиненію «De liberorum educatione et claris eorum moribus», г. Каптеревъ излагаетъ болѣе подробно, а также касается отчасти взглядовъ Локка, Руссо и Песталоцци. Изложивъ теорію воспитанія малолѣтнихъ дѣтей Коменскаго, г. Каптеревъ заключаетъ такъ:

«Если судить о теоріи Коменскаго съ современной точки зрѣнія, то въ ней найдется, конечно, не мало пробѣловъ. Читатель Scholae infantiae легко замѣтитъ полное отсутствіе въ сочиненіи психологическихъ и физіологическихъ элементовъ, психологическихъ и физіологическихъ данныхъ о ходѣ развитія дѣтей въ первыя шесть лѣтъ. За шесть лѣтъ жизни и физическое, и психическое состояніе дѣтей претерпѣваетъ значительныя перемѣны, въ согласіи съ которыми должно строиться и воспитаніе. Между тѣмъ, характеристикъ младенчества и дѣтства съ подраздѣленіемъ на частнѣйшіе періоды не находится въ сочиненіи Коменскаго. Когда онъ говоритъ, что на такомъ-то году могутъ быть пріобрѣтены дѣтьми такія-то знанія, а въ другой годъ— другія, то онъ не указываетъ основаній для такого порядка усвоенія. Съ другой стороны, въ сочиненіи сильно сказывается церковно-житейскій элементъ, введенный въ значительныхъ размѣрахъ. Многое, что Коменскій говоритъ о воспитаніи дѣтей, особенно въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ, о привитіи дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ внѣшнихъ пріемовъ благочестія, о внушеніи, что Богъ награждаетъ хорошенькими сюртучками и шубками за добродѣтель и убиваетъ за грѣхи, о томъ, что дѣтей непремѣнно нужно сѣчь розгами, что живой примѣръ дѣйствуетъ на нихъ сильнѣе, чѣмъ назидательныя разглагольствованія, и т. п.—все это составляло не личное достояніе Коменскаго, не было имъ изобрѣтенными взглядами и правилами, а существовало въ жизни, дѣйствительно практиковалось въ первоначальномъ воспитаніи дѣтей» (стр. 36). Что Коменскій не могъ совершенно отрѣшиться отъ «существовавшихъ въ жизни» взглядовъ и правилъ, былъ сыномъ своего вѣка, что, напр., онъ смотрѣлъ на латинскій языкъ, какъ на учебный языкъ для всѣхъ предметовъ и въ школахъ всѣхъ народовъ,—все это нисколько не умаляетъ дѣйствительно великихъ заслугъ его въ области воспитанія и обученія и лишь устанавливаетъ на эти заслуги и на самую личность Коменскаго надлежащую точку зрѣнію, т.-е. точку зрѣнія историческую, единственную обязательную для нашего времени и временъ послѣдующихъ.

Статья г. Каптерева, въ особенности приведенный нами изъ нея отрывокъ, можетъ служить хорошимъ коррективомъ къ помѣщенной вслѣдъ за нею статьѣ г. Миропольскаго. Здѣсь послѣднiй вкратцѣ повторяетъ то, что уже было высказано имъ въ 1872 г., въ память 200-лѣтней годовщины смерти Коменскаго, именно въ той части его тогдашней статьи, гдѣ онъ болѣе или менѣе самостоятельно говорилъ о значенiи Коменскаго въ педагогикѣ, такъ какъ значительная часть указанной статьи почтеннаго автора состоитъ въ пересказѣ бiографiи знаменитаго славянскаго педагога,—бiографiи, написанной чешскимъ историографомъ Палацкимъ и напечатанной незадолго передъ тѣмъ въ русскомъ переводѣ въ «Трудахъ Кiевской Духовной Академiи». Бiографiя эта до сихъ поръ остается лучшею, и весьма желательно, чтобы она была издана вновь отдѣльно или-же при предполагаемомъ собранiи сочиненiй Коменскаго *). Если г. Каптеревъ благоразумно признаетъ въ Коменскомъ недостатки съ точки зрѣнiя современнаго развитiя педагогики, если онъ воздаетъ должное заслугамъ его предшественниковъ и трудамъ послѣдующихъ великихъ педагоговъ, то г. Миропольскiй ничего этого знать не хочетъ и, увлекаясь черезчуръ Коменскимъ, восхваляетъ только его одного. Для впавшаго въ экстазъ педагога не существуетъ ни Платона и Сократа, ни Квинтилiана, ни Монтэня, Локка, Руссо, Песталоцци, не говоря уже о такихъ педагогахъ, какъ Фребель, Дистервегъ, Любенъ, Спенсеръ и т. п.; для него всѣ эти педагоги — нѣчто въ родѣ бородавокъ, Богъ вѣсть для чего наросшихъ на трудахъ Коменскаго. Коменскiй для г. Миропольскаго есть альфа и омега всей педагогики. «Обнимая въ своей системѣ глубочайшiя основы воспитанiя и обученiя, онъ является великимъ мыслителемъ-педагогомъ всѣхъ временъ. А. Коменскiй есть истинный *родоначальникъ и основатель современной педагогической науки* (курсивъ автора), составляющей славу и гордость *нашихъ дней*» (42). «*Всѣ* основныя начала современной педагогiи мы находимъ у Коменскаго» (ib.). «Идеи Коменскаго о народной школѣ *глубоко вѣрны и свѣжи даже для нашего времени*... Его программа знанiй и умѣнiй въ элементарной школѣ доселѣ еще не осуществлена даже въ лучшихъ школахъ западной Европы и составляетъ *задачу будущаго*... Въ Коменскомъ мы имѣемъ *все существенное*,—что представляетъ намъ *современная педагогiя*—и это болѣе, чѣмъ *за два вѣка назадъ* открыто

---

*) Такое изданiе педагогическихъ сочиненiй Коменскаго, но по отдѣльнымъ частямъ, предполагаетъ предпринять образовавшiйся при Педагогическомъ музеѣ въ 1892 г. въ Петербургѣ «отдѣлъ имени Коменскаго». Лучшее сочиненiе Коменскаго—его «Великая дидактика»—вышло недавно въ новомъ переводѣ въ Москвѣ.

и дано великимъ славянскимъ геніемъ: такова широта и глубина, полнота и сила великаго славянскаго духа» (стр. 50). Ставя Коменскаго, который во многомъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Каптеревъ, «былъ сыномъ своего вѣка и выразителемъ принятыхъ житейскихъ взглядовъ» (стр. 37), въ такое исключительное положеніе для всѣхъ вѣковъ и народовъ, г. Миропольскій желаетъ «процвѣтанія нашей родной школы на началахъ Коменскаго» (51), отрицаетъ возможность и необходимость всякаго иного въ этомъ отношеніи вліянія, восклицая словами сочиненной Ганкою поэмы («Судъ Любуши»): «не добро намъ искати у нѣмцевъ правду!» *) (стр. 40). Вліяніе Коменскаго на русскую школу допускается потому, что онъ «славянинъ, что это родная намъ личность, что въ немъ мы находимъ родной идеалъ, родныя черты, славянскій духъ и т. д.» (52). «Если суждено намъ имѣть *самобытную* науку о воспитаніи, то въ основѣ ея да лягутъ безсмертныя идеи Коменскаго... *возвѣщающаго новую жизнь* и *самобытное* развитіе нашему народному просвѣщенію... И то будетъ школа славянская, и то будетъ свѣтъ и жизнь духа, родная намъ, и процвѣтетъ наша школа народная, и будетъ вѣчна въ ней память великаго отца ея — Амоса Коменскаго» (53). Разумѣется, изученіе главнѣйшихъ педагогическихъ сочиненій Коменскаго, какъ и другихъ корифеевъ педагогики, должно быть обязательнымъ для каждаго педагога, но именно потому, что Коменскій смотрѣлъ на воспитаніе и обученіе не какъ на нѣчто узкое и ультранаціональное, а какъ на дѣло общечеловѣческое. Въ брошюрѣ приводятся характерныя въ этомъ смыслѣ собственныя слова Коменскаго, а именно, что онъ посвятилъ всю свою жизнь дѣлу мира, «*ставя благо человѣчества выше соображеній объ*

---

*) Рекомендуя, такимъ образомъ, народамъ жить въ отчужденіи другъ отъ друга, совѣтуя намъ, русскимъ, «не искать правды у нѣмцевъ», г. Миропольскій, однако-же, находитъ, что «для цѣлей настоящаго торжества будетъ прилично пригласить на эту каѳедру представителей западно-европейской учености, лучшихъ историковъ той области, въ сферѣ которой трудился Коменскій» (стр. 44). Затѣмъ почтенный ораторъ обильно цитируетъ благопріятные отзывы о Коменскомъ Карла Шмидта, «компетентность котораго внѣ всякаго сомнѣнія», Раумера, Диттеса и др. *нѣмцевъ*, гораздо ранѣе оцѣнившихъ славянскаго педагога нежели сдѣлали это мы, русскіе. Со своей стороны, думаемъ, что знакомиться съ тѣмъ, что добыто жизнью и трудами западныхъ народовъ, должно не только ради цѣлей того или другого торжества, но при всѣхъ обстоятельствахъ умственной и практической жизни. Еще ап. Павелъ совѣтовалъ «все испытывайте, хорошаго держитесь», и эти слова, кажется намъ, были-бы болѣе умѣстны на торжествѣ въ честь одного изъ наиболѣе горячихъ и убѣжденныхъ проповѣдниковъ гуманнаго единенія народовъ.

отдѣльныхъ языкахъ, сектахъ и личностяхъ» (стр. 2). Этимъ и объясняются готовность Коменскаго идти на помощь каждому народу и его успѣхи въ различныхъ странахъ и у различныхъ народовъ. Въ такомъ-же направленіи дѣйствовали и послѣ него его соплеменники и единомышленники—моравскіе братья, оказавшіе большія услуги дѣлу воспитанія и обученія въ Европѣ, особенно во Франціи, а также въ Америкѣ, въ нынѣшнихъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Коль скоро извѣстный народъ, по своему географическому положенію и др. естественнымъ условіямъ, является опредѣленною этническою единицею, съ задатками самостоятельнаго политическаго и культурнаго существованія, то національныя особенности его школы и вообще воспитанія скажутся сами собою, и проявленіе этихъ особенностей, можетъ быть, скорѣе будетъ нуждаться въ разумномъ сдерживаніи, нежели въ чрезмѣрномъ поощреніи. Въ этомъ случаѣ и про народъ можно сказать словами поэта:

«И если ты богатъ дарами,
Ихъ выставлять не хлопочи;
Въ твоемъ трудѣ заблещутъ сами
Ихъ благотворные лучи».

Коменскій потому именно и оказалъ такія услуги дѣлу образованія у всѣхъ европейскихъ народовъ, что, сохраняя свою національность, онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на одну семью и старался открывать въ воспитаніи и обученіи общія начала, свойственныя всякому культурному народу.

Въ тифлисской брошюрѣ описывается чествованіе памяти Коменскаго, происходившее въ залѣ 2-й тифлисской гимназіи, въ присутствіи учениковъ и преподавателей этой гимназіи и учительскаго института, а также многочисленной сторонней публики. Директоръ Александровскаго тифлискаго учительскаго института, г. Колловичъ, изложилъ, пользуясь трудомъ Палацкаго, біографію Коменскаго, а преподаватель гимназіи г. Словинскій произнесъ рѣчь объ основныхъ принципахъ «Великой дидактики» Коменскаго. Трудъ г. Колловича нуждался-бы, при печатаніи его, въ болѣе тщательной литературной отдѣлкѣ, а въ рѣчи г. Словинскаго недостаточно ясно формулированы основные педагогическіе принципы, «разбросанные у Коменскаго во всей его Дидактикѣ». Впрочемъ, обѣ рѣчи были вполнѣ умѣстны на происходившемъ торжествѣ. Къ брошюрѣ приложено 38 страницъ нотъ пьесъ, исполненныхъ на юбилеѣ, а именно: гимнъ Св. Вацлаву, вечерній гимнъ, Родина, гуситская пѣсня и хоралъ Св. Вацлаву, Маршъ. При брошюрѣ приложенъ также прекрасно исполненный (несравненно

лучше петербургскаго) портретъ Коменскаго, сдѣланный по старинному оригиналу, сохранившемуся въ Императорской Вѣнской библіотекѣ. Тифлисская брошюра издана изящнѣе петербургской, но послѣдняя превосходитъ ее полнотою своего содержанія, а потому преимущественно передъ нею можетъ быть рекомендована для прочтенія каждому, желающему ознакомиться съ жизнью и дѣятельностью великаго педагога. **К. М.**

Н. А. Осокинъ. Политическія движенія въ Западной Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Изданіе второе. Казань. 1892. Стр. 217. Ц. 75 коп.

Небольшая книжка проф. Осокина подъ выписаннымъ заглавіемъ, появившаяся уже вторымъ изданіемъ, представляетъ изъ себя краткій, но ясный и живой очеркъ политической исторіи Западной Европы за первую половину XIX вѣка. Прослѣживая политическія движенія этого времени, авторъ особенно внимательно останавливается на судьбахъ конституціонной и національной идей въ разныхъ государствахъ Запада, причемъ представленная имъ картина развитія той и другой можетъ считаться удачной, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ мѣстъ книги. Къ числу послѣднихъ мы отнесли-бы тѣ страницы (93—95), гдѣ авторъ говоритъ о возникновеніи національностей на западѣ Европы, видя первую причину ихъ возникновенія въ союзѣ городскихъ общинъ, а главное условіе, способствовавшее развитію ихъ, въ борьбѣ католицизма съ протестантствомъ. Точно также врядъ-ли можно согласиться съ авторомъ, что за мысль о національной особности Прованса «ратовали жирондисты и за нее многіе изъ нихъ погибли на гильотинѣ» (стр. 98). Неправильнымъ представляется намъ далѣе и утвержденіе проф. Осокина, будто главную, если не единственную, историческую задачу Россіи составляетъ рѣшеніе восточнаго вопроса, понимая послѣдній въ смыслѣ возстановленія Восточной имперіи. «Россія инстинктивно,—говоритъ онъ по этому поводу,—волей-неволей, не давая себѣ въ томъ отчета, побуждаемая историческимъ рокомъ, шла къ этой цѣли, какъ къ своей высшей задачѣ, и никакія силы не могли и не могутъ побудить ее сойти съ этого пути. Вся исторія Россіи есть послѣдовательное, медленное, но вѣрное осуществленіе этой грандіозной задачи, завѣщанной Восточной имперіей, но, конечно, примѣнительно къ историческимъ началамъ нашего времени, и вотъ почему всякій разъ, когда она, вслѣдствіе случайностей, уклонялась

съ этого пути, ее постигали неудачи внѣ и смуты внутри» (стр. 104—105). Если первая половина этого утвержденія представляетъ собою апріорный и ни для кого не обязательный взглядъ автора, то вторую довольно трудно было-бы согласить съ фактами, на которыхъ она, однако, должна была-бы основываться. Наконецъ, отмѣтимъ еще довольно неясный и странный отзывъ автора о Байронѣ, который, по его словамъ, «своей поэзіей породилъ разочарованіе въ идеалахъ (какихъ?), а своей практической дѣятельностью призвалъ всю образованную Европу на помощь возставшимъ грекамъ» (стр. 121). Другой общій упрекъ можно сдѣлать автору въ томъ, что онъ въ исторіи нашего вѣка, по отношенію къ которому самъ онъ считаетъ наиболѣе удачнымъ опредѣленіе его, какъ «періода соціальной мысли», именно соціальное теченіе въ политикѣ отодвинулъ на задній планъ сравнительно съ конституціоннымъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. и національнымъ. Тѣмъ не менѣе очеркъ, данный проф. Осокинымъ, можетъ явиться полезнымъ пособіемъ для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей Западной Европы въ началѣ XIX столѣтія, хотя, въ виду его краткости, и нельзя, само собою, посовѣтовать даже начинающему это знакомство остановиться на немъ.

В. М.

«Изъ исторіи родной земли». Очерки и разсказы для школъ и народа. Составилъ Д. И. Тихомировъ. Часть I. Древняя Россія. Часть II. Новая Россія. Изданіе магазина «Начальная школа». Москва. 1893.

Новый трудъ г. Тихомирова представляетъ попытку дать начальной народной школѣ такую книгу для чтенія, которая знакомила-бы учащихся, въ доступномъ ихъ пониманію изложеніи, съ судьбами родной земли. «Яркія и живыя характеристики избранныхъ историческихъ лицъ и событій, доступное объясненіе значенія дѣятельности лицъ и смысла описываемыхъ событій, сообщеніе и толкованіе доступныхъ фактовъ и явленій матеріальной и духовной жизни народа—въ непосредственной связи съ описанными лицами и событіями,—вотъ что должно, по мнѣнію г. Тихомирова, составить содержаніе очерковъ и разсказовъ изъ исторіи родной земли, предназначаемыхъ для первой ступени историческаго чтенія» (см. Предисл. «для учителя», стр. VI—VII).

Педагогическая опытность автора и близкое знакомство его съ потребностями русской народной школы дали ему возможность выполнить свое намѣреніе болѣе или менѣе удачно. Составленные имъ

«очерки и разсказы изъ исторіи родной земли» представляютъ рядъ небольшихъ статеекъ, изображающихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ главнѣйшіе моменты изъ прошлой жизни русскаго народа и государства. «Мы избирали лишь выдающееся,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—и болѣе крупное, избѣгали уснащать и заслонять главное мелкими фактами, старались всесторонне освѣщать избранное, чтобы оно легче было воспринято и сильнѣе запечатлѣлось въ сознаніи» (стр. VII). Кромѣ статеекъ самого автора, въ составъ изданныхъ имъ «очерковъ и разсказовъ» вошли и нѣкоторыя «художественно-литературныя произведенія», отчасти въ цѣломъ видѣ, отчасти въ отрывкахъ. Сдѣлано это, по словамъ автора, съ тою цѣлью, «чтобы содержаніе сильнѣе запечатлѣлось въ воображеніи и чувствѣ читателя», такъ какъ «замѣчено, что дѣти съ особеннымъ удовольствіемъ читаютъ и заучиваютъ историческія стихотворенія, рисующія знакомыя имъ лица и событія» (Предисл., стр. VII *). Если это и такъ, то во всякомъ случаѣ нельзя согласиться съ авторомъ относительно пригодности для этой цѣли нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ имъ стихотвореній, особенно имѣя въ виду тотъ кругъ читателей, для котораго онъ предназначаетъ свой трудъ. Таковы, на нашъ взглядъ, слѣдующія стихотворенія: «Вѣщая старица» (ч. 1, стр. 119—120), «Племенная вражда» (ч. 2, стр. 118), «Два великана» (ч. 2, стр. 158), «Имеретинъ» (ч. 2, стр. 163).

«Для той-же цѣли (т.-е. «чтобы содержаніе сильнѣе запечатлѣ-

---

*) Такихъ добавленій въ 1-й части—19: «Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ» (Пушкина), «Кіевъ» (Хомякова), «Ушкуйники» (Немировича-Данченка), «Смерть Евпраксіи» (Мея), «Колыбельная пѣсня», «Татарскій полонъ», «Монастырь» (Майкова), «Вѣщая старица» (Пушкина), «Новгородъ» (Губера), «Сверженіе татарскаго ига» (Майкова), «Старая пѣсня» (Кольцова), «Далекій край» (Розенгейма), «Думы Бориса Годунова» (изъ Пушкина), «Борисъ Годуновъ съ дѣтьми» (изъ Пушкина), «Лѣтописецъ» (изъ Пушкина), «Ночь передъ приступомъ» (гр. А. Толстого), «Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ» (изъ Островскаго), «Жизнь за Царя», «Царская невѣста и нареченный тесть» (по разсказу Ѳ. Глинки). Во 2-й части—21: «Кочубей наканунѣ казни» (изъ Пушкина), «Мазепа наканунѣ казни Кочубея» (изъ Пушкина), «Казнь Кочубея и Искры» (изъ Пушкина), «Полтавскій бой» (изъ Пушкина), «Петербургъ» (изъ Пушкина), «Домикъ Петра Великаго» (Розенгейма), «Русскій исполинъ» (Погодина), «Петръ Первый» (Пушкина), «Малое слово о Великомъ» (Бенедиктова), «Отрокъ» (Пушкина), «Племенная вражда» (Плещеева), «Суворовъ» (Клюшникова), «Бородино» (Лермонтова), «Два великана» (Лермонтова), «Къ тѣни полководца» (Пушкина), «Славянскій маршъ», «Имеретинъ» (Полонскаго), «Вѣчный памятникъ» (Дума наканунѣ битвы), «Манифестъ 19-го февраля 1861 года» (Майкова), «Слава Александру II», «Народный гимнъ» (Жуковскаго).

лось въ воображеніи и чувствѣ читателя»),—говоритъ авторъ,—мы иллюстрировали, какъ могли, историческій текстъ картинками, портретами, изображеніями памятниковъ и географическими картами» (Предисл., стр. VII). Такихъ иллюстрацій, не считая географическихъ картъ, въ 1-й части—21, во 2-й—12. Не входя въ разборъ ихъ по существу, замѣтимъ только, что помѣщенный въ 1-й части къ стр. 121 портретъ изображаетъ не «Іоанна III», а внука его, Іоанна IV Грознаго. Что-же касается географическихъ картъ, которыя, по замѣчанію автора, «составлены нарочито для настоящаго изданія», то онѣ, по нашему мнѣнію, далеко не удовлетворительны, и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ напечатаны, не достигаютъ цѣли: во-1-хъ, ихъ очень мало (въ 1-й части—двѣ: «Начало Руси»—на стр. 10, и «Великій Новгородъ и его сосѣди»—на стр. 84; во 2-й части также двѣ: «Пути къ морю»—на стр. 62 и «Югъ Россіи»—на стр. 112); во-2-хъ, помѣщенныя на нихъ указанія не вполнѣ отвѣчаютъ тексту, въ поясненіе котораго онѣ помѣщены. Такъ, вторая изъ этихъ картъ не даетъ яснаго обозначенія, гдѣ кончались владѣнія новгородцевъ и гдѣ начинались владѣнія ихъ сосѣдей, а въ опредѣленіи мѣста жительства шведовъ и финновъ расходится съ тѣмъ, что говорится объ этомъ вопросѣ на стр. 83 текста. На картѣ «Пути къ морю», помѣщенной въ поясненіе статьи: «Россія—посредница между Азіей и Европой» (ч. 2, стр. 62—63), Волга показана не вся (только до сліянія съ Окою), и потому для незнакомаго съ географіею Россіи читателя не можетъ быть яснымъ то, что авторъ говоритъ на стр. 63 о планахъ Петра Великаго относительно установленія по этой рѣкѣ торговыхъ сношеній съ Востокомъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію содержанія тѣхъ «очерковъ и разсказовъ», которые составлены самимъ авторомъ. Они сгруппированы въ отдѣльныя главы, которыхъ въ 1-й части 11 [1) «Жизнь первобытныхъ людей», 2) «Жизнь русскихъ славянъ», 3) «Начало русскаго государства», 4) «Начало на Руси христіанства и просвѣщенія», 5) «Южная и сѣверная Русь», 6) «Татарская неволя», 7) «Іоаннъ Грозный», 8) «Смутное время», 9) «Изъ царствованія Михаила Ѳедоровича», 10) Изъ царствованія Алексѣя Михаиловича», 11) «Жизнь въ древней Руси»]; во 2-й—9 [1) «Дѣтство и юность Петра, 2) «Императоръ Петръ Великій», 3) «Преемники Петра», 4) «Императрица Екатерина Великая», 5) «Генералиссимусъ графъ А. В. Суворовъ князь Италійскій», 6) «Императоръ Александръ I», 7) «Освобожденіе Сербіи и Греціи», 8) «Крымская война», 9) «Преобразованія Императора Александра II»].

Начинаетъ авторъ издалека: на первыхъ страницахъ онъ разсказываетъ, какъ «безустаннымъ трудомъ и упорной работой ума человѣкъ пріобрѣталъ опытность, копилъ знанія, а съ ними одолѣлъ и подчинилъ себѣ природу, чтобъ облегчить, улучшить и скрасить свою жизнь» (стр. 6). Этому посвящены первые четыре очерка («Какъ приручилъ человѣкъ дикихъ животныхъ», «Первое жилье», «Какъ научились люди хлѣбъ сѣять», «Камень, бронза и желѣзо»), вошедшіе въ составъ 1-й главы—«Жизнь первобытныхъ людей», которая заканчивается статейкою о томъ, какъ возникли «Первые общественные союзы». Все это изложено кратко и написано языкомъ простымъ, вполнѣ доступнымъ пониманію учениковъ народной школы, или—по выраженію автора—«малоразвитого читателя». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе «жизни русскихъ славянъ» (гл. 2-я). Здѣсь авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о разселеніи славянъ въ Европѣ («Древніе славяне»), знакомитъ вкратцѣ съ природой той части европейскаго материка, на которой поселились русскіе славяне («Рѣка—дорога переселенцу», «Великій водный путь», «Мѣста первыхъ поселеній»), говоритъ о «раздѣленіи русскихъ славянъ на племена», о занятіяхъ, образѣ жизни, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, общественномъ устройствѣ и торговыхъ сношеніяхъ русскихъ славянъ («Чѣмъ занимались славяне», «Какъ жили славяне», «Родовая месть», «Какая была вѣра у славянъ», «Поселки и города», «Мірская сходка», «Торговля»). Съ 3-й главы начинаются очерки и разсказы изъ исторіи русскаго государства. Въ нихъ читатель не найдетъ полной картины прошлой жизни русскаго государства, такъ какъ изложеніе имѣетъ эпизодическій характеръ; тѣмъ не менѣе между отдѣльными статейками, изъ которыхъ каждая представляетъ болѣе или менѣе законченное цѣлое, сохранена историческая связь и послѣдовательность; причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вставлены и такіе разсказы, которые, хотя и не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ русской исторіи, но необходимы для болѣе яснаго пониманія тѣхъ или другихъ событій отечественной исторіи. Таковы въ 1-й части: «Св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій»—стр. 32—33 *), «Завоеваніе Балканскаго полуострова»—стр. 112—115, «Начало книгопечатанія»—стр. 142—143; во 2-й части: «Освобожденіе Сербіи и Греціи»—стр. 159—162.

---

*) Замѣтимъ кстати, что эту статейку слѣдовало-бы, по нашему мнѣнію, помѣстить въ началѣ слѣдующей главы («Начало на Руси христіанства и просвѣщенія», а не относить ея къ главѣ о «Началѣ русскаго государства», къ которой она никакого отношенія, кромѣ чисто внѣшняго, хронологическаго, не имѣетъ.

Что касается содержанія «очерковъ и разсказовъ» г. Тихомирова, то немаловажнымъ достоинствомъ ихъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что, на ряду съ разсказами изъ области политической исторіи, авторъ помѣстилъ и бытовые очерки, которые даютъ яркія и живыя характеристики внутренней жизни русскаго общества въ разныя эпохи его историческаго существованія. Такъ, въ 1-й части, на стр. 49—53, разсказавъ исторію возникновенія Кіево-Печерской обители, авторъ говоритъ о значеніи ея въ древне-русской жизни, указывая на то благотворное вліяніе, какое она имѣла на религіозно-нравственное и умственное состояніе тогдашняго общества; на стр. 143—145 помѣщена статейка о «Діаконѣ Иванѣ Ѳедоровѣ, первомъ русскомъ печатникѣ»; на стр. 127—130 находимъ статью о состояніи на Руси «просвѣщенія и нравственности» въ эпоху татарской неволи; наконецъ, вся заключительная (11-я) глава 1-й части (стр. 246—258) посвящена описанію «жизни въ древней Руси»: «обиходная жизнь русскаго», человѣка «невѣжество и просвѣщеніе», «промышленность и торговля въ древней Руси»—вотъ тѣ стороны этой жизни, которымъ посвящены отдѣльныя статейки той главы, заканчивающейся небольшими, но сильно дѣйствующими на душу читателя разсказами объ «Ульянѣ Устиновнѣ Осорьиной» и «Ѳедорѣ Михайловичѣ Ртищевѣ», какъ о представителяхъ «добрыхъ людей древней Руси». Показавъ въ статейкѣ «Невѣжество и просвѣщеніе» печальныя послѣдствія «вѣковаго невѣжества русскаго народа», авторъ въ этихъ очеркахъ о «добрыхъ людяхъ древней Руси» показываетъ, что и въ ту темную пору, когда «алчность, лихоимство, насилія и всякія неправды» доходили до крайнихъ предѣловъ, были на Руси свѣтлыя личности, которыя, слѣдуя заповѣди Христовой—«любить ближняго, какъ самого себя», всю свою жизнь «работали на пользу ближняго». Вотъ заключительныя слова автора, которыми онъ характеризуетъ дѣятельность этихъ личностей: «Всю свою жизнь работали на пользу ближняго Іуліанія и Ртищевъ, и каждый по своему дѣлалъ доброе дѣло... Но, идя различными путями, оба милостивца стремились къ одной цѣли: долгомъ всей своей жизни они почитали неустанную и непрерывную борьбу съ людской нуждой, съ горемъ безпомощнаго ближняго. Эти и имъ подобные милостивцы, какъ свѣтильники во тьмѣ ночной, и намъ освѣщаютъ и показываютъ путь, какъ надо жить по ихъ завѣту. А завѣтъ этихъ добрыхъ людей таковъ: жить значитъ любить ближняго, т.-е. помогать ему жить; больше ничего не значитъ жить, и больше не для чего жить» (стр. 258). Подобные очерки должны, по нашему мнѣнію, имѣть большое педагогическое

значеніе, вселяя въ умы юныхъ читателей свѣтлые образы и внушая имъ добрыя чувства.

Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, какъ въ педагогическомъ, такъ и въ литературномъ отношеніи, трудъ г. Тихомирова не свободенъ отъ нѣкоторыхъ погрѣшностей чисто фактическаго свойства, устраненіе которыхъ въ высшей степени желательно въ интересахъ самого изданія. Считаемъ небезполезнымъ сдѣлать въ этомъ отношеніи нѣкоторыя указанія почтенному автору.

На стр. 10 сказано: «принявъ Оку, Волга поворачиваетъ на югъ».

На стр. 11 невѣрно обозначенъ волокъ на великомъ водномъ пути: «Отсюда (т.-е. отъ истока р. Ловати) волокомъ перетаскивали лодки до истока Днѣпра».

На стр. 24 походъ Олега на Византію отнесенъ къ 906 г.

На стр. 32 о принятіи св. Константиномъ-Кирилломъ монашества сказано, что оно совершилось до начала его миссіонерской дѣятельности; а на слѣдующей страницѣ находимъ такое извѣстіе: «передъ смертію св. Константинъ постригся въ схиму (?) и принялъ имя Кирилла».

На стр. 59 упоминаются неизвѣстные «жирендеи».

На стр. 67 вел. кн. Мстиславъ, съ которымъ велъ борьбу Андрей Боголюбскій, названъ «внукомъ Мономаха».

На стр. 68 право новгородцевъ выбирать князя упоминается въ числѣ льготъ, данныхъ Ярославомъ Мудрымъ.

На стр. 71 о Темучинѣ сказано то, что обыкновенно говорится о Тамерланѣ: «Говорили, что Темучинъ и родился съ кускомъ запекшейся крови въ рукѣ».

На стр. 83 финны названы «чухонцами».

На стр. 113 численность турецкаго войска, осаждавшаго Константинополь, показана въ 300 тысячъ, а послѣдній императоръ названъ «Константиномъ II».

На стр. 115 присоединеніе «послѣднихъ удѣловъ» приписано «Ивану III»; то-же повторено и на стр. 123: «теперь (рѣчь идетъ о княженіи Іоанна III) удѣлы кончились».

На стр. 122 начало употребленія царскаго титула отнесено къ тому-же Іоанну III: «сталъ князь Иванъ величаться царемъ московскимъ и всея Руси».

На стр. 161—162 убіеніе царевича Дмитрія приписывается цѣликомъ Борису Годунову: «но забылъ онъ (Борисъ) про Божій судъ, забылъ и о судѣ народномъ... и не могъ онъ смыть съ себя крови невиннаго младенца никакими мудрыми и добрыми дѣлами».

На стр. 163 годъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ показанъ 1592.

На стр. 191 находимъ не совсѣмъ правильное извѣстіе, будто послѣ низложенія Василія Шуйскаго въ числѣ бояръ, взявшихъ власть въ свои руки, «не было сторонниковъ избранія русскаго царя православнаго».

На стр. 195 воеводою нижегородцевъ въ ополченіи Ляпунова названъ «князь Репинъ».

На стр. 196 авторомъ подложной грамоты, погубившей Ляпунова, названъ Заруцкій, и самое содержаніе грамоты передано невѣрно: «будто онъ сносится съ поляками».

На стр. 205 находимъ странное извѣстіе: «Заруцкій съ Трубецкимъ писали (кн. Пожарскому), что они остаются вѣрны самозванцу» (см. объ этомъ Соловьева Ист. Росс., т. VIII, стр. 413; Костомарова Историч. моногр. и изслѣд., т. VI, стр. 251).

На стр. 207 сказано: «Теперь (т.-е. послѣ отраженія отъ Москвы Ходкѣвича) ополченіе безъ помѣхи осадило въ Кремлѣ поляковъ и измѣнниковъ русскихъ».

На стр. 236 причиною неудачи Хмельницкаго, по возобновленіи войны съ поляками послѣ Зборовскаго договора, авторъ указываетъ то, что «покинули Хмельницкаго крестьяне».

До сихъ поръ мы говорили больше о 1-й части труда г. Тихомирова. Переходя теперь ко 2-й части, мы должны сказать, что она кажется намъ менѣе удачною, чѣмъ 1-я. Во 2-й части авторъ излагаетъ событія отечественной исторіи, начиная съ царствованія Петра Великаго. Она состоитъ, какъ уже замѣчено выше, изъ 9-ти главъ, изъ которыхъ первыя двѣ, посвященныя эпохѣ Петра Великаго, занимаютъ почти половину всей книги (82 страницы изъ 176). И здѣсь, конечно, найдутся такія статейки, которыя возбудятъ въ юныхъ читателяхъ интересъ и прочтутся ими съ удовольствіемъ, представляя живыя изображенія разныхъ дѣйствующихъ лицъ и событій (таковы, напр., всѣ статейки 1-й главы, посвященной «Дѣтству и юности Петра» и многія другія); но такими статейками не исчерпывается все содержаніе 2-й части: въ ней нашли себѣ мѣсто и такія, которыя, по отвлеченности своего содержанія, врядъ-ли могутъ быть признаны удобными, какъ матеріалъ для «первой ступени историческаго чтенія». Мы имѣемъ въ виду, главнымъ образомъ, тѣ статейки, въ которыхъ авторъ касается внутренней преобразовательной дѣятельности Петра Великаго и Екатерины II. Надо отдать справедливость автору въ томъ отношеніи, что онъ постарался сдѣлать все, чтобы быть въ этихъ вопросахъ какъ можно понятнѣе своимъ читателямъ,

которыхъ онъ самъ называетъ «малоразвитыми»: онъ поясняетъ свое изложеніе выписками изъ указовъ и распоряженій Петра Великаго и Екатерины II; онъ предпосылаетъ изложенію тѣхъ или другихъ преобразованій этихъ государей разсужденія о непригодности прежнихъ порядковъ на Руси; но все это не искупаетъ общаго тона этихъ статеекъ, которыя неспособны увлечь воображеніе юнаго читателя, а разсчитаны на разсудочную его способность: по особенностямъ своего содержанія и изложенія онѣ требуютъ не чтенія, а изученія, и вотъ почему, повторяемъ, мы считаемъ такой матеріалъ непригоднымъ для книги, предназначенной быть «первою ступенью историческаго чтенія». И изложеніе въ этой части не отличается такою простотою, какая замѣчается въ 1-й части: мѣстами попадаются выраженія, сами по себѣ прекрасныя, но въ такой книгѣ, какъ книга г. Тихомирова, неумѣстныя, на нашъ взглядъ, по своей вычурности (на стр. 60: «Отъ Петра и до нашихъ дней расходятся изъ Петербурга на всю Россію лучи европейскаго просвѣщенія»; на стр. 63: «Торговля роняетъ на пути золото... спросъ рождаетъ предложеніе»; «Черезъ Россію свѣтъ знаній разольется и на Азію, спящую сномъ вѣковымъ, непробуднымъ»; на стр. 109: «Все пространство отъ Камы до Каспійскаго моря было въ пламени пожара» и др.).

Отмѣтимъ въ заключеніе нашего разбора нѣкоторыя неточности и фактическія ошибки, замѣченныя нами во 2-й части.

Стр. 27: «Съ горькими слезами поѣхали князья и графы въ еретическія земли».

Стр. 28: «Самъ государь записался въ посольство подъ именемъ простаго плотника—Петра Михайлова».

Стр. 33 слова царевны Софіи въ письмѣ къ стрѣльцамъ: «про государя ничего не слышно» переданы такъ: «пока государь у нѣмцевъ»...

Стр. 53: «Наканунѣ (полтавской битвы) онъ (Карлъ) былъ раненъ въ ногу пулей».

Стр. 67: «По городамъ учреждены были (Петромъ Великимъ) низшіе, средніе и высшіе суды».

Стр. 73: графъ Головкинъ (Гавріилъ Ивановичъ) названъ «Головинымъ».

Стр. 85: «Она (Екатерина) достойна быть императрицей, чтобы потомъ править и всѣмъ государствомъ»—такихъ словъ не было въ манифестѣ Петра Великаго по поводу коронаціи Екатерины I.

Стр. 87: «Эхъ, голова, голова! кабы не была ты такъ умна,

давно-бы тебѣ быть на плахѣ»; эти слова сказаны были Петромъ Великимъ не Меншикову, а гр. Толстому.

Стр. 94: Петру III приписана такая мѣра, какъ «отобраніе отъ церквей и монастырей крестьянъ и земель».

Стр. 112: устройство Новороссійскаго края Потемкинымъ отнесено ко времени послѣ присоединенія Крыма и въ числѣ городовъ, основанныхъ Потемкинымъ, показана Одесса.

Стр. 117: «Россія возвратила себѣ (по 2-му раздѣлу Польши) Волынь и Подолію и придвинула свою границу къ самымъ Карпатамъ».

Стр. 121: «Императрица (Екатерина II) открыла въ Петербургѣ академію наукъ» (см. стр. 91: «Задуманная Петромъ I академія наукъ открыта въ Петербургѣ при Екатеринѣ I»).

Стр. 136: «Императоръ Павелъ прислалъ къ Суворову въ науку своего старшаго сына Константина»...

Стр. 146: «Высшая судебная власть въ имперіи предоставлена (при императорѣ Александрѣ I) сенату».

Стр. 169: Берлинскій конгрессъ 1878 г. названъ «миромъ въ Берлинѣ».

Стр. 173: «На государственныя и общественныя нужды требуются деньги, и всякій гражданинъ обязанъ участвовать въ этихъ расходахъ и платить въ казну соразмѣрно со своимъ недвижимымъ имуществомъ»,—о какой мѣрѣ императора Александра II идетъ тутъ рѣчь, понять трудно.

Послѣднее наше слово о новомъ трудѣ г. Тихомирова будетъ слѣдующее: какъ первая попытка дать учащимся въ народной школѣ такую книгу для чтенія, которая знакомила-бы ихъ съ прошлыми судьбами родной земли въ ихъ послѣдовательной смѣнѣ и развитіи, книга г. Тихомирова заслуживаетъ вниманія педагоговъ и можетъ быть рекомендована, какъ полезная книга для библіотекъ народныхъ училищъ.

М. А.

«Федька-рудокопъ». Разсказъ для старшаго возраста. Немировича-Данченка. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.

Названіе разсказа не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію: Ѳедька, хотя и главный герой разсказа, играетъ въ немъ очень небольшую роль и рудокопомъ является только въ концѣ книги, гдѣ на немногихъ страницахъ вкратцѣ описываются нѣсколько мѣсяцевъ жизни мальчика въ рудникѣ. Главный интересъ книги заключается въ опи-

саніяхъ грозной и оригинальной природы Урала: ея гранитныхъ утесовъ, скрывающихъ въ себѣ безчисленныя богатства, дикихъ ущелій, бурныхъ потоковъ, а въ особенности величественныхъ лѣсовъ, которые уже началъ истреблять человѣкъ-хищникъ, а также въ пересказѣ мѣстныхъ легендъ и преданій, то излагаемыхъ авторомъ отъ своего имени, то вложенныхъ въ уста дѣйствующихъ лицъ.

Этотъ рядъ описаній связанъ между собой часто очень искусственно. Всѣ эти разнообразныя картины природы проходятъ передъ глазами Ѳедьки, сына вдовы-старательницы, заблудившагося въ лѣсу и попавшаго въ руки старика нищаго, который, обѣщая провести мальчика въ родную деревню, уводитъ его обманомъ подальше и бродитъ съ нимъ цѣлое лѣто, выпрашивая милостыню. Когда-же мальчикъ оказывается ему неудобнымъ, по своей честности и неумѣнью подладиться, старикъ пристраиваетъ его къ работѣ въ рудникахъ. Тамъ Ѳедька, испытавъ всю тяжесть труда и выйдя невредимымъ изъ страшной опасности (его засыпало землею въ шахтѣ), случайно находитъ свою мать.

Фабула разсказа не очень интересна, дѣйствія мало, характеры Ѳедьки и его товарищей обрисованы не ярко: мальчики являются совсѣмъ не живыми, а какими-то дѣланными, неестественными, разговоры растянуты. Не смотря на это, книга представляетъ много достоинствъ: описанія природы ярки и живы, легенды и преданія характерны и интересны, и на всемъ лежитъ особенное освѣщеніе,— авторъ рисуетъ не только картины мѣстности, но передастъ и настроеніе, вызываемое ими.

Кромѣ описаній природы, встрѣчаются описанія работъ въ рудникахъ, соляныхъ варницахъ, но они не даютъ дѣтямъ яснаго представленія о самомъ ходѣ работъ (особенно не ясно останется для нихъ описаніе солеварни). Но что ясно и ярко встанетъ передъ читателемъ—это тяжелое положеніе людей, работающихъ подъ землей, «какъ черви»; читатели не только поймутъ, но и почувствуютъ настроеніе этихъ рабочихъ подземнаго міра.

Точно также, хотя дѣйствующія лица и очерчены блѣдно, часто кажутся фальшивыми, ихъ настроеніе ярко выражено авторомъ; такъ, напримѣръ, даже маленькому читателю будетъ понятно горе «лѣсовика», на глазахъ котораго дорогой ему лѣсъ истребляется всепожирающимъ человѣкомъ, думающимъ только о наживѣ.

Въ общемъ книга, не смотря на нѣкоторую растянутость, интересна, а мѣстами даже увлекательна.

Стасина библіотечка. Разсказы, стихотворенія, пословицы. Составилъ *М. М. Ледерле.* Рисунки барона Клодта. Вып. 1-й. Спб. 1893 г. Ц. 1 руб.

Всѣ разсказы и стихотворенія (за исключеніемъ двухъ), помѣщенныя въ «Стасиной библіотечкѣ», взяты изъ всѣмъ извѣстныхъ хрестоматій. Въ какой книгѣ для чтенія не встрѣтишь, напримѣръ, басенъ: «Ворона и лисица», «Мартышка и очки», «Демьянова уха», «Зеркало и обезьяна»? Кому изъ грамотныхъ дѣтей не извѣстны такіе разсказы, какъ «Левъ и собачка», «Солнце и вѣтеръ», «Органы человѣческаго тѣла»? Остальныя произведенія (ихъ всѣхъ 21), хотя и рѣже названныхъ попадаются въ хрестоматіяхъ, но все-же достаточно извѣстны; таковы «Овсяный кисель»—Жуковскаго, «Старикъ и трое молодыхъ»—Крылова, «Молитва дитяти»—Никитина, «Воробей»—изъ стихотвореній въ прозѣ Тургенева. И на ряду съ такими художественными перлами, какъ «Воробей», особенно выдѣляются своею грубостью и нехудожественностью переводные разсказы и сказки въ родѣ «Истиннаго друга» и «Дровосѣкъ и его жена». Въ первомъ изъ нихъ отецъ заставляетъ сына убѣдиться, что на свѣтѣ истинные друзья очень рѣдки и что только послѣ многихъ испытаній можно положиться на друга. Для доказательства этотъ отецъ придумываетъ слѣдующее испытаніе: онъ заставляетъ сына выдумать, что онъ убилъ человѣка и ходить къ своимъ друзьямъ съ просьбою скрыть трупъ убитаго; всѣ тѣ, кого сынъ считалъ своими друзьями, отказываются отъ укрывательства, и только одинъ «истинный» другъ отца соглашается принять на себя всѣ непріятности, лишь-бы избавить отъ нихъ друга. Сказка «Дровосѣкъ и его жена» учитъ, что нельзя осуждать праматерь Еву за любопытство и что всякая женщина повинна въ этомъ грѣхѣ, а потому не Адамъ и Ева виноваты въ несчастіи людей, а люди сами. Такъ не умны и не художественны эти два послѣднія произведенія, въ особенности разсказъ «Истинный другъ».

И за этотъ сборникъ произведеній—или всѣмъ извѣстныхъ, или прямо нежелательныхъ въ дѣтской книгѣ, назначена цѣна 1 руб. И дорого, и не мило.

Моя мама. Картинки изъ жизни маленькаго ребенка. *Ив. Ѳеоктистова.* Изд. Ледерле и К°. 1893 г. Спб. Ц. 50 к.

Книжечка эта прочтется маленькими дѣтьми не безъ удовольствія и пользы, какъ прочитывается ими все, доступное ихъ пониманію и рисующее имъ жизнь такихъ-же маленькихъ дѣтей, какъ они сами.

Невеселую, неприглядную жизнь сына кухарки рисуетъ читателямъ разсказъ «Моя мама». Рано пріучается мальчикъ прятаться отъ господъ, видѣть приниженность прислуги и понимать, какъ тяжело достается матери кусокъ хлѣба. Но всѣ невзгоды жизни выкупаются для мальчика ласками любящей и любимой матери, которая во всемъ отказываетъ себѣ ради нѣжно любимаго сына, даже рѣшается просить милостыню, когда остается безъ мѣста и работы. Описана вся эта тяжелая жизнь ребенка правдиво, естественно, безъ преувеличеній, вполнѣ доступно для дѣтскаго пониманія, хотя недостаточно ярко и мало художественно. Этотъ недостатокъ художественности много вредитъ силѣ впечатлѣнія отъ разсказа, но все-таки его можно дать въ руки дѣтямъ, особенно такимъ, которыя по своему положенію далеки отъ несчастій и униженій бѣдности и которыхъ необходимо знакомить и побуждать задумываться надъ тяжелыми условіями жизни бѣднаго люда.

Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

Вопросы текущей жизни американской школы.

(«Educational Review», June—December 1892. New-York).

Обиліе всякихъ обществъ, въ томъ числѣ педагогическихъ, въ Америкѣ.—Съѣздъ національной ассоціаціи въ іюлѣ 1892 г.—«Комитетъ Десяти» для обсужденія вопросовъ средняго образованія. — О преподаваніи географіи и математики. — Организація университетскаго образованія: университетъ въ Индіанѣ. — Единственное въ своемъ родѣ учебное заведеніе.—Stanford Leland junior university.— Реформа школъ города Кэмбриджа (Массачусэтсъ).—Необыкновенная дешевизна высшаго образованія въ Америкѣ.—Стремленіе облегчить доступъ всѣмъ въ университетъ, какъ руководящая идея всѣхъ послѣднихъ реформъ въ средней и низшей школѣ. — Вопросы «Стараго Свѣта» и отвѣты, предлагаемые на нихъ «Новымъ».—Блестящее будущее американскихъ университетовъ.

Приступая къ обозрѣнію второй половины года журнала «Educational Review», мы остановимся, во-первыхъ, на съѣздѣ «Національной педагогической ассоціаціи» (National Educational Association), происходившемъ въ іюлѣ 1892 г. въ Саратогѣ (въ штатѣ Нью-Іоркъ).

Америка есть страна всякаго рода ассоціацій; тамъ люди весьма охотно организуютъ общества, преслѣдующія всевозможныя цѣли, отъ самыхъ серьезныхъ и до самыхъ пустыхъ. Даже англичане удивляются числу и разнообразію существующихъ и каждый годъ вновь нарождающихся обществъ въ Америкѣ. Число педагогическихъ обществъ въ Америкѣ, вѣроятно, превышаетъ сотню; нѣкоторыя состоятъ изъ учителей одного штата, другія охватываютъ группу штатовъ и, что еще болѣе замѣчательно, считаютъ въ средѣ своихъ членовъ преподавателей всѣхъ наименованій—отъ учителей народныхъ школъ до профессоровъ мѣстныхъ колледжей и университетовъ включительно. Извѣстный англійскій педагогъ Фитчъ описываетъ, съ какимъ «великимъ удовольствіемъ онъ присутствовалъ на 58-мъ годовомъ съѣздѣ

педагоговъ штатовъ Новой Англіи», происходившемъ въ 1889 г. (Fitch, «Notes on american schools». London 1890) и гдѣ именно были и учителя, и директора школьныхъ округовъ, члены школьныхъ комитетовъ, завѣдывающіе народнымъ образованіемъ въ отдѣльныхъ штатахъ, и даже мэръ города, гдѣ происходилъ съѣздъ. Кромѣ мѣстныхъ педагогическихъ обществъ, въ Америкѣ существуетъ еще и упомянутая «Національная ассоціація», устраивающая ежегодные съѣзды учителей въ разныхъ мѣстахъ Союза. «Тысячи учителей,—говоритъ тотъже Фитчъ,—не задумываются провести 3, 4, даже 5 дней въ дорогѣ, чтобы участвовать на конгрессѣ, продолжающемся 10—12 дней. Я былъ глубоко пораженъ, когда увидѣлъ такое множество горячо преданныхъ своему дѣлу людей, которые, послѣ долгихъ учебныхъ занятій въ жаркіе іюльскіе дни, добровольно жертвовали своимъ вполнѣ заслуженнымъ досугомъ ради пользы дѣла, изъ желанія подѣлиться съ товарищами своимъ опытомъ и узнать что-нибудь отъ нихъ. Надо сознаться, что американцы имѣютъ особый геній къ организаціи такихъ собраній, и всѣ классы общества находятъ въ нихъ больше удовольствія, чѣмъ это можно наблюдать въ нашемъ Старомъ Свѣтѣ».

Наиболѣе замѣтнымъ результатомъ національнаго съѣзда въ Саратогѣ было назначеніе такъ-называемаго «Комитета Десяти» для изученія вопроса о среднемъ образованіи. Три дня продолжались пренія по поводу того, слѣдуетъ-ли желать единообразія въ программахъ среднихъ школъ, если смотрѣть на нихъ, какъ на подготовительную ступень къ университету? Вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно: такое единообразіе трудно достижимо (вспомнимъ крайнюю децентрализацію школьнаго дѣла въ Америкѣ), да оно и нежелательно, по мнѣнію Національной ассоціаціи. Въ «Комитетъ Десяти», которому поручено разработать главные вопросы средняго образованія, вошли министръ нар. просв. (United States Commissioner of Education) Вильямъ Харриссъ, 6 ректоровъ (presidents) университетовъ 2 директора и одинъ учитель. Въ декабрьской книжкѣ журнала мы читаемъ, что первое собраніе членовъ Комитета Десяти состоялось въ ноябрѣ (9, 10 и 11) 1892 г. въ Колумбіа-колледжъ, въ Нью-Іоркѣ. Всѣ члены были на лицо, хотя нѣкоторымъ пришлось пріѣхать изъ далекихъ штатовъ (Миссури, Мичиганъ и Колорадо). Коммиссія выработала программу вопросовъ средняго образованія, наиболѣе заслуживающихъ обсужденія, и рѣшила устроить 9 отдѣльныхъ собраній въ различныхъ городахъ Союза, на которыя пригласить наиболѣе компетентныхъ людей по тому или другому вопросу. Вотъ списокъ предметовъ, которые будутъ обсуждаться на этихъ собраніяхъ:

греческій языкъ, латинскій языкъ, англійскій, новые языки, исторія, политическая экономія, ученіе о государственномъ управленіи, физика и химія, естественныя науки, географія (включая геологію и минералогію), математика. На каждой частной конференціи будутъ обсуждаться лишь вопросы о преподаваніи одного изъ перечисленныхъ предметовъ и, судя по 11 пунктамъ, по поводу которыхъ надо будетъ высказаться членамъ конференціи, дѣло идетъ не больше и не меньше, какъ о полномъ пересмотрѣ всего курса среднихъ учебныхъ заведеній.

Какъ ни любопытны результаты, къ которымъ придетъ Комитетъ Десяти, еще большій интересъ возбудитъ состоявшійся въ іюлѣ этого года международный педагогическій съѣздъ въ Чикаго, который замѣнитъ ежегодный съѣздъ Національной педагогической ассоціаціи. Предсѣдателемъ комитета по организаціи международнаго съѣзда состоитъ Вил. Харрисъ. При немъ, въ качествѣ товарищей (associates), находится еще 12 человѣкъ—предсѣдателей секцій, изъ которыхъ, кстати сказать, двое состоятъ членами редакціи обозрѣваемаго журнала. На устройство зданія для педагогическаго отдѣла всемірной выставки ассигновано—непростительно мало, съ американской точки зрѣнія,—всего 300 тысячъ рублей (150 тыс. долларовъ) и завѣдывающіе выставкой заботятся о томъ, чтобы *сократить* число предметовъ, которые будутъ высылаться на выставку школами. Такъ велика всеобщая увѣренность въ ревности, съ которой отнетутся къ выставкѣ всѣ учебныя заведенія Союза, не забудемъ—ревности, совершенно добровольной, чуждой всякихъ предписаній свыше.

Въ теченіе 1892 г. въ журналѣ помѣщено нѣсколько статей по методикѣ различныхъ предметовъ. Интересны статьи профессора Гарвардскаго (одного изъ лучшихъ въ Америкѣ) университета Дэвиса о преподаваніи географіи. Профессоръ Дэвисъ говоритъ, что въ послѣднее (?) время высказано было нѣсколько дѣльныхъ мыслей о преподаваніи географіи, какъ, напр., была указана необходимость начинать съ изученія родного города и родной страны и затѣмъ уже переходить къ изученію другихъ географическихъ областей. Проф. Дєвисъ настаиваетъ на томъ, чтобы при изученіи географіи—физической географіи было удѣляемо болѣе вниманія сравнительно съ географіей политической, но чтобы такое требованіе было выполнимо, «необходимо основательное знакомство съ физической географіей со стороны всѣхъ учителей этого предмета, какъ-бы ни былъ элементаренъ курсъ, который они должны пройти со своими учениками». Это условіе крайне важно, и пока оно не выполнено, мало помогутъ

разсужденія о наилучшемъ методѣ преподаванія; основательное и всестороннее знакомство съ предметомъ всегда будетъ служить несравненно лучшею гарантіею успѣха, нежели недостаточное знаніе при самомъ лучшемъ методѣ. Далѣе авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ географическихъ объясненій, гдѣ учителю географіи безусловно необходимо хорошее знаніе физической географіи для правильнаго проведенія географическихъ аналогій *) Однимъ изъ наиболѣе правильныхъ взглядовъ на преподаваніе географіи, по мнѣнію автора, высказанъ людьми, требовавшими, чтобы, при изученіи этой науки, земля разсматривалась-бы какъ живущій, какъ вѣчно измѣняющійся организмъ и чтобы ученикамъ было дано понятіе о процессѣ разрушенія и созиданія, непрерывно происходящемъ на землѣ. Географія не есть и не должна быть «описаніемъ поверхности земли». Нѣкоторые учителя географіи находятъ неумѣстнымъ придавать такой характеръ своему преподаванію, какой мы находимъ правильнымъ, замѣчаетъ Дэвисъ, и считаютъ это вторженіемъ въ область геологіи; будетъ-ли это называться геологіей или географіей, все равно: разъ такія свѣдѣнія необходимы для правильнаго пониманія ученикомъ окружающей природы и еще болѣе необходимы для учителя — для болѣе глубокаго пониманія своего предмета, то эти свѣдѣнія должны быть усвоены и тѣмъ, и другимъ.

Въ 1892 г. вышла въ Америкѣ книга другого профессора (геологіи) Гарвардскаго университета—Шэлера (Shaler) «Исторія нашего континента» (The story of our continent). Въ этой книгѣ сдѣлана попытка привести въ исполненіе именно ту самую мысль, какую высказываетъ Дэвисъ, и самая книга назначена служить пособіемъ къ учебнику географіи. Ознакомившись недавно съ этой книгой, мы должны согласиться съ ея авторомъ, что она вполнѣ выясняетъ, «какъ настоящее состояніе континента обусловлено процессами, происходившими въ отдаленномъ прошломъ, и такимъ образомъ позволяетъ читателю достичь самыхъ широкихъ концепцій, какія можетъ дать геологическая исторія земли». Къ сожалѣнію, подобная книга предполагаетъ въ читателѣ нѣкоторыя знанія по естественной исторіи и химіи, такъ что въ Россіи она не могла-бы быть вполнѣ усвоенной не только прошедшими курсъ средняго образованія, но даже и университетскаго, кромѣ, конечно, естественниковъ.

*) Изъ пояснительныхъ примѣровъ и изъ дальнѣйшихъ разсужденій автора видно, что подъ «физической географіей» онъ разумѣетъ также и динамическую геологію или, какъ эта наука названа въ лучшемъ и новѣйшемъ русскомъ руководствѣ (И. В. Мушкетова)—физическую геологію.

Весьма хороша и вторая статья Дэвиса о преподаваніи географіи. Здѣсь онъ протестуетъ противъ обремененія памяти учащихся названіями, возмущается редакціей текста большинства учебниковъ, гдѣ часто встрѣчаются цѣлыя страницы, переполненныя названіями, почти безъ всякихъ живыхъ объясненій. Пусть ученикъ выучитъ ихъ, изучая карту, говоритъ Дэвисъ, «Избѣгайте заучиванья наизусть, вкладывайте въ обученіе побольше жизни, дѣлайте его болѣе реальнымъ... Только тогда заставляйте выучить географическій терминъ, когда съ нимъ можно связать какое-нибудь любопытное или важное замѣчаніе, иначе смѣло опускайте его. Замѣчанія, поясненія, о которыхъ я говорю, нужны не только для того, чтобы облегчить запоминаніе географическихъ названій, но и для того, чтобы съ этими названіями были связаны представленія о мѣстностяхъ или о событіяхъ и дѣло не ограничивалось лишь запоминаніемъ новаго слова». Преподаваніе географіи улучшится, заключаетъ свою статью проф. Дэвисъ, когда ученики получатъ лучшія руководства, а учителя—лучшія пособія и когда имъ будетъ обезпеченъ досугъ для подготовленія къ своимъ урокамъ.

Въ октябрьскомъ нумерѣ журнала помѣщена статья весьма извѣстнаго въ Европѣ американскаго астронома и математика—профессора Ньюкомба (Neucomb) о преподаваніи математики *). Ньюкомбъ говоритъ, что въ Америкѣ наиболѣе труднымъ предметомъ и въ низшихъ, и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ считается именно математика. Въ низшей школѣ ученикъ жалуется на трудность (?) усвоенія таблицы умноженія, въ среднихъ—на алгебру, въ высшихъ—на анализъ или аналитическую геометрію. Одною изъ причинъ жалобъ на преподаваніе математики во всѣхъ разрядахъ школъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Ньюкомбъ считаетъ слишкомъ теоретическій характеръ преподаванія ея и рекомендуетъ вести дѣло такъ, чтобы ученики яснѣе видѣли отношеніе математическихъ истинъ къ повседневной жизни. Вся трудность изученія элементарной математики заключается въ томъ, что учащійся часто не имѣетъ реальнаго представленія о значеніи математическихъ выкладокъ, которыя онъ производитъ. Какъ-же сдѣлать ариѳметическія дѣйствія надъ числами работой чувствъ? задаетъ вопросъ Ньюкомбъ и въ отвѣтъ приводитъ

*) Профессоръ Ньюкомбъ извѣстенъ въ Европѣ и своими сочиненіями по политической экономіи, особенно своими «Principles of political economy» (New-York, 1889). Объ этомъ сочиненіи очень лестно выражается извѣстный итальянскій профессоръ Косса (Luigi Cossa) въ недавно вышедшей книгѣ «Introduzione allo studio dell' economia politica», Milano, 1892.

рядъ примѣровъ, какъ можно дать первоначальное понятіе о четырехъ правилахъ ариѳметики, дробяхъ и пропорціяхъ, изображая числа прямыми линіями. При выборѣ задачъ на вычисленія слѣдовало-бы брать матеріалъ изъ предметовъ повседневной жизни: пусть ученики вычисляютъ площадь пола, стѣнъ, объемъ классной комнаты, вѣсъ воздуха въ классной комнатѣ, вѣсъ стѣнъ зданія, вѣсъ всего зданія, число кирпичей и т. д. Такого-же болѣе близкаго отношенія къ окружающей обстановкѣ надо желать и при выборѣ задачъ по физикѣ. Далѣе Ньюкомбъ говоритъ о томъ, какъ слѣдовало-бы цѣлымъ рядомъ простыхъ упражненій надъ линіями, углами и фигурами подготовлять учениковъ къ систематическому курсу геометріи. Такимъ только образомъ можно достигнуть того, чтобы ученикъ, прежде чѣмъ приступить къ геометрическимъ абстракціямъ, продѣлалъ-бы главныя геометрическія операціи при помощи однихъ своихъ чувствъ (т.-е. въ данномъ случаѣ зрѣнія). Едва-ли есть возможность оспаривать справедливость этихъ взглядовъ; вопросъ можетъ быть лишь о наилучшемъ практическомъ осуществленіи ихъ.

Послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ замѣчается желаніе предоставить слушателямъ университетовъ возможно большую свободу въ выборѣ посѣщаемыхъ лекцій. Болѣе всего льготъ въ этомъ отношеніи сталъ давать одинъ изъ старѣйшихъ университетовъ—Гарвардскій. Примѣръ его повліялъ на другіе, и въ особенности на вновь открываемые. Въ іюньскомъ и сентябрьскомъ нумерахъ «Educational Review» помѣщены статьи извѣстнаго знатока школьнаго дѣла въ Америкѣ—Буна (автора книги «Education in the United States», New-York, 1890), о результатахъ такой болѣе свободной системы въ университетѣ въ Индіанѣ. Шесть лѣтъ тому назадъ, въ этомъ университетѣ всѣ предметы преподаванія были раздѣлены на 4 группы: 1) языки: англійскій, латинскій, греческій, французскій и нѣмецкій; 2) науки физико-математическія и біологическія: ботаника, зоологія, физика, химія и геологія; 3) чистая и прикладная математика (включая и астрономію); 4) науки гуманитарныя (humanities): исторія, соціологія, философія (психологія, логика, этика, искусство) и педагогика. Впрочемъ, въ теченіе перваго года студентъ университета въ Индіанѣ не совсѣмъ свободенъ: онъ долженъ заниматься англійскимъ языкомъ, математикой и однимъ изъ иностранныхъ языковъ или одной изъ естественныхъ наукъ; при этомъ надо имѣть въ виду, что въ Америкѣ ученики много лѣтъ занимаются естественными науками передъ вступленіемъ въ университетъ, а потому для всѣхъ университетскія занятія естествознаніемъ являются продолженіемъ давно

начатой работы. Со второго года студентъ уже по своему желанію спеціализируется на какой-нибудь группѣ занятій, но и тутъ ему опять-таки предоставлена широкая свобода — на какомъ угодно изъ предметовъ сосредоточить все свое вниманіе. Спеціализировавшись на какой-нибудь области, студентъ не можетъ болѣе измѣнять общаго плана своихъ занятій и для полученія университетской степени B. A. (Bachelor of Arts) долженъ работать 4 года подъ наблюденіемъ профессоровъ. Ничто, однако, не препятствуетъ студенту заниматься, кромѣ своего спеціальнаго дѣла, и другими науками, находящимися внѣ группы, къ которой относится его спеціальность, и, напримѣръ, изъ студентовъ университета въ Индіанѣ, какъ показалъ опытъ, четыре пятыхъ въ теченіе года или больше изучаютъ «гуманитарныя науки», главнымъ образомъ—исторію и политическую экономію. Авторъ статьи объ университетѣ въ Индіанѣ — Бунъ указываетъ на благопріятные результаты свободы въ университетскомъ обученіи и приводитъ нѣкоторые выводы изъ данныхъ за 6 лѣтъ опыта новой системы. Между прочимъ, оказывается, что чаще всего спеціализируются студенты на изученіи языковъ, далѣе идутъ гуманитарныя науки, значительно меньше привлекаетъ естествознаніе (можетъ быть, потому что уже при вступленіи въ университетъ молодые люди знакомы въ общихъ чертахъ съ естественными науками) и совсѣмъ ничтожное число спеціализируется на математикѣ. Другой любопытный фактъ, отмѣчаемый Буномъ, это—интересъ студентовъ къ нѣмецкому языку. Надо сказать, что вообще въ послѣднее время американцы, въ особенности педагоги и ученые, очень интересуются нѣмцами. Многіе изъ политико-экономическихъ писателей слушали лекціи въ германскихъ университетахъ, преимущественно въ Галле (см. «Giornale degli economisti» 1892, статья Л. Коссы «L'economia negli Stati Uniti»).

Извѣстно, что въ Америкѣ богатые люди жертвуютъ громадныя суммы на образовательныя и благотворительныя учрежденія, но, вѣроятно, все-таки никто никогда въ мірѣ не жертвовалъ такой большой суммы, какъ одинъ сенаторъ (Stanford Leland), который подарилъ своему штату Калифорніи сумму въ 20 милліоновъ долларовъ (около 40 милліоновъ рублей) на основаніе универсальнаго учебнаго заведенія, гдѣ обучали-бы всему и всѣхъ, начиная съ фребелевскихъ игръ въ дѣтскихъ садахъ и кончая спеціальными изслѣдованіями по всѣмъ отраслямъ науки и искусства. Такимъ образомъ этотъ сенаторъ хотѣлъ почтить память своего безвременно умершаго сына, почему и университетъ (находящійся въ Palo Alto, въ 32 миляхъ отъ С.-Франциско) называется Stanford Leland junior (младшій) university.

Въ іюньской книжкѣ «Educational Review» мы находимъ статью одного изъ профессоровъ новаго университета. Въ немъ съ самаго-же начала было рѣшено,—говоритъ профессоръ Джорданъ (Jordan) въ іюньскомъ нумерѣ «E. R.»,—ввести преподаваніе прикладныхъ наукъ: инженернаго искусства, проектированія машинъ и т. п., на ряду съ чтеніемъ лекцій по всѣмъ предметамъ университетскаго курса. При этомъ предполагалось, чтобы отдѣлъ техническихъ наукъ составлялъ одно цѣлое со всѣмъ университетомъ и всѣ слушатели его чувствовали-бы себя одушевленными однѣми идеями. Ни одна наука, говоритъ профессоръ Джорданъ, не считается ниже или выше другой, никакія соображенія о практической пользѣ однихъ знаній или о завѣщанномъ вѣками мнѣніи въ безусловной важности другихъ не влекутъ за собой поощренія однихъ занятій или стѣсненія другихъ. Всякой наукѣ въ университетѣ отводится то мѣсто, какое она сама съумѣетъ себѣ завоевать въ сознаніи учащихся. Вступительный экзаменъ даетъ право слушать какой угодно отдѣлъ наукъ, такъ какъ въ немъ видятъ лишь средство удостовѣриться въ способностяхъ молодого человѣка къ умственному труду. На этомъ экзаменѣ предоставляется выбрать десять предметовъ между слѣдующими: англійскій языкъ, алгебра, планиметрія, стереометрія и тригонометрія, дополнительные отдѣлы алгебры, физика, химія, физіологія, ботаника, зоологія, черченіе, исторія Америки, исторія Англіи, исторія Греціи и Рима, англійская литература, испанскій, французскій, нѣмецкій, латинскій и греческій языки. Отъ молодого человѣка ожидаются серьезныя знанія, пріобрѣтенныя добросовѣстнымъ трудомъ, каковы-бы эти знанія ни были: по естественнымъ наукамъ, математикѣ, новымъ языкамъ или древнимъ; ученики съ поверхностными знаніями не допускаются въ университетъ, къ какой-бы области эти знанія ни относились *). Въ самой организаціи занятій студентовъ преслѣдуется двѣ цѣли. Во-первыхъ, каждый студентъ за время своего пребыванія въ университетѣ долженъ вполнѣ усвоить одинъ какой-нибудь предметъ, и это должно служить базисомъ его занятій. Во-вторыхъ, полученіе ученой

---

*) Когда настоящее обозрѣніе было уже написано, намъ удалось ознакомиться съ новымъ любопытнымъ изданіемъ «Minerva, Jahrbuch der gelehrten Welt» Strassburg. 1893. Это—нѣчто въ родѣ ежегодника высшихъ учебныхъ заведеній всего міра; здѣсь вкратцѣ описана организація и исторія каждаго университета и перечислены профессора, съ указаніемъ спеціальности каждаго. Изъ этого ежегодника мы узнаемъ, что профессоръ Джорданъ состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ректоромъ новаго университета, что университетъ открытъ 1-го октября 1891 г. и имѣетъ уже 560 слушателей, изъ которыхъ 140 женщинъ.

степени считается вопросомъ совсѣмъ второстепеннымъ, т.-е. отъ студента не требуется никакой работы, безполезной для него, но нужной для полученія ученой степени. Изъ этого уже слѣдуетъ, что университету, такимъ образомъ, пришлось совершенно отказаться отъ какихъ-бы то ни было *опредѣленныхъ* дѣленій на факультеты, отдѣлы и т. п., по крайней мѣрѣ, по отношенію къ выдачѣ ученыхъ степеней. Всякая факультетская программа, говоритъ профессоръ Джорданъ, предполагаетъ средняго, а не индивидуальнаго студента, а слѣдовательно, при всякомъ заранѣе опредѣленномъ разграниченіи и сочетаніи наукъ теряется напрасно масса труда и силъ, потому что студентамъ приходится изучать не необходимыя или-же совсѣмъ ихъ не интересующія области знанія. Студентъ названнаго университета можетъ заниматься чѣмъ ему угодно, съ однимъ, однако, ограниченіемъ: онъ, какъ мы уже сказали выше, долженъ выбрать какой-нибудь предметъ или отдѣлъ, какъ главный въ своихъ занятіяхъ, и долженъ изучать этотъ предметъ или отдѣлъ настолько подробно, насколько найдетъ это нужнымъ профессоръ той науки, какую выбралъ себѣ студентъ. Профессоръ этой науки дѣлается оффиціальнымъ руководителемъ (official adviser) студента и ему предоставляется извѣстный авторитетъ въ опредѣленіи тѣхъ второстепенныхъ предметовъ, какіе студентъ долженъ усвоить для всесторонняго изученія главной своей спеціальности.

Всякій студентъ послѣ четырехъ лѣтъ занятій получаетъ право на степень B. A. (Bachelor of Arts) — баккалавра по тому самому предмету, какой онъ выбралъ себѣ спеціальностью (Bachelor of Arts in Greek, in Chemistry) и т. п. Заурядный студентъ,— такъ заключаетъ свою статью проф. Джорданъ,—съумѣетъ лучше опредѣлить составъ наукъ, наиболѣе полезныхъ для его умственнаго развитія и наиболѣе соотвѣтствующихъ его влеченіямъ, чѣмъ цѣлый синклитъ педагоговъ, которые вздумали-бы это сдѣлать за него.

Принимая во вниманіе, что университетскій дипломъ въ Америкѣ не даетъ никакихъ правъ по службѣ и что тѣмъ не менѣе, однакожъ, всѣ позднѣйшіе наблюдатели американской университетской жизни всегда поражались необыкновеннымъ рвеніемъ къ наукѣ какъ студентовъ, такъ и профессоровъ, мы не можемъ сомнѣваться, что такіе порядки, какъ въ описываемомъ университетѣ, могли возникнуть и держаться лишь среди чистой атмосферы безкорыстнаго служенія наукѣ—преданныхъ дѣлу профессоровъ и жаждущихъ знанія студентовъ. Университетъ этотъ только-что организовался, но уже успѣлъ выпустить одну (а можетъ быть и больше) весьма цѣнную монографію «The tariff controversy in the United States» (by Elliot),

судя, по крайней мѣрѣ, по отзыву такого солиднаго изданія, какъ англійскій «Атенеумъ».

Отъ этого опыта совершенно оригинальной постановки дѣла обученія въ университетѣ перейдемъ къ предполагаемой реформѣ низшихъ школъ въ Кэмбриджѣ, какъ называется городъ съ 70-тысячнымъ населеніемъ, составляющій скорѣе предмѣстье Бостона. Кэмбриджъ замѣчателенъ какъ мѣстонахожденіе Гарвардскаго университета. Въ октябрскомъ нумерѣ «Educ. Review» мы находимъ статью профессора Харта *) «Реформа грамматическихъ школъ. Опытъ города Кэмбриджа». Надо сказать, что начальное образованіе въ Америкѣ продолжается отъ 6-ти и до 14-ти-лѣтняго возраста. Элементарная школа раздѣляется на два отдѣленія: первоначальное (primary department), для дѣтей отъ 6-ти до 9-ти лѣтъ, и грамматическое—для дѣтей отъ 9-ти до 14-ти лѣтъ. Изъ 11—12 тысячъ дѣтей школьнаго возраста города Кэмбриджа около 6.000 приходится на грамматическія школы, обученіемъ въ которыхъ заняты 130 учителей. Какъ во всякомъ человѣческомъ учрежденіи, въ американской школѣ есть много недостатковъ, и одинъ изъ наибольшихъ заключается въ стѣсненіи учителей программами. «Въ Америкѣ,—писали мы два года тому назадъ со словъ англійскаго педагога Фитча («Женское Образованіе», 1891, окт.),—учителямъ обыкновенно предоставляется мало простора въ выборѣ книгъ и пособій для школы, обыкновенно даже прямо указываются учебники и пособія, которыми учитель обязанъ пользоваться... Учителямъ предписано, что и въ какихъ размѣрахъ слѣдуетъ пройти, и почти ничего не оставлено на личное усмотрѣніе; въ Англіи, въ этомъ случаѣ,—прибавляетъ Фитчъ,—дѣло поставлено гораздо лучше... Директоръ школъ (School superintendent) даннаго округа составляетъ подробный планъ занятій подвѣдомственныхъ ему школъ и записку по преподаванію различныхъ предметовъ». Надо, впрочемъ, прибавить для русскаго читателя, что директоръ школъ выбирается на три года школьнымъ комитетомъ, который, въ свою очередь, получаетъ свои полномочія большею частью путемъ народнаго избранія, такъ что въ концѣ концовъ вся организація школьнаго дѣла данной мѣстности болѣе или менѣе отражаетъ все-таки дѣйствительныя желанія народа. Замѣчательно, что указанный Фитчемъ недостатокъ постановки школьнаго дѣла въ Америкѣ вовсе не составляетъ секрета для самихъ

*) Весьма извѣстный профессоръ Гарвардскаго университета, недавно выпустившій книгу «Formation of the union» (1763—1829) въ редактируемой имъ серіи «Epochs of American history». London and New-York. Longmans.

американцевъ,—по крайней мѣрѣ, для болѣе просвѣщенныхъ изъ нихъ. Профессоръ Хартъ начинаетъ свою статью о школахъ Кэмбриджа указаніемъ на ненормальное положеніе учителей въ низшихъ школахъ, которымъ предоставлено такъ мало инициативы и которымъ вообще выпадаетъ пассивная роль сравнительно съ директоромъ школъ, членами школьныхъ комитетовъ, даже сравнительно съ вліяніемъ общественнаго мнѣнія вообще, къ которому чутко прислушиваются и директора школьныхъ округовъ, и члены школьныхъ комитетовъ. Народъ,—говоритъ проф. Хартъ,—не жалѣетъ денегъ на школы, въ особенности въ сѣверныхъ и западныхъ штатахъ: всѣ охотно соглашаются на повышеніе налоговъ для школъ, если только ожидаютъ отъ этого большей пользы для дѣла. Въ члены школьныхъ комитетовъ выбираются большею частью умные и интересующіеся дѣломъ люди, между членами всегда есть нѣсколько человѣкъ, близко знакомыхъ со школьнымъ дѣломъ и искренно желающихъ содѣйствовать прогрессу школы. Какъ на примѣръ, проф. Хартъ указываетъ на дѣйствія школьнаго комитета гор. Кэмбриджа, обновленнаго въ своемъ составѣ 1-го января 1892 г. Новый школьный комитетъ сознавалъ недостатки въ организаціи городскихъ школъ и вслѣдъ за своимъ избраніемъ назначилъ изъ своей среды коммиссію для всесторонняго изученія вопроса объ улучшеніи школъ. Коммиссія работала очень усердно и въ особенности старалась воспользоваться опытомъ тѣхъ школьныхъ округовъ, гдѣ въ послѣднее время были произведены какія-нибудь реформы. Для этой цѣли комитетъ иногда приглашалъ на засѣданія директоровъ сосѣднихъ округовъ, приглашалъ учителей, которыхъ имя связано съ тѣмъ или другимъ полезнымъ нововведеніемъ, если только мѣстожительство этихъ учителей было не очень отдаленно, комитетъ приглашалъ, наконецъ, высказать свое мнѣніе депутацію отъ учителей города Кэмбриджа. Результатомъ всего этого былъ докладъ коммиссіи, въ которомъ она предложила рядъ реформъ для грамматическихъ школъ города. Взгляды коммиссіи встрѣтили полное сочувствіе въ членахъ школьнаго комитета и самыя реформы подлежатъ теперь осуществленію. Посмотримъ, въ чемъ-же онѣ заключаются.

Во-первыхъ, коммиссія указываетъ, что въ американскихъ школахъ учителя слишкомъ стараются о снабженіи дѣтей возможно большимъ количествомъ свѣдѣній. Далѣе, по мнѣнію коммиссіи, слѣдовало-бы сократить число лѣтъ пребыванія дѣтей въ грамматической школѣ (6 лѣтъ) и, вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнивъ весь учебный планъ, не только не съузить образованіе, получаемое въ этихъ школахъ, но даже расширить его. Надо сказать, что американцы, окончивъ, при

нормальныхъ условіяхъ, на 15-мъ году курсъ въ грамматической школѣ*), поступаютъ на три года въ такъ-называемую высшую школу (high school), за которой уже слѣдуетъ университетъ. Такимъ образомъ, въ университетъ молодой человѣкъ не можетъ попасть ранѣе 18 лѣтъ, тогда какъ въ Европѣ, въ большинствѣ случаевъ, среднее образованіе заканчивается въ 19 лѣтъ и далеко не рѣдко и въ 20. Такое явленіе вездѣ вызываетъ недовольство,—въ Европѣ тѣмъ болѣе понятное, что все это время не допускается никакой спеціализаціи занятій: всѣ юноши до 20-лѣтняго возраста должны слѣдовать одной и той-же системѣ, каковы-бы ни были способности и наклонности каждаго. Другіе указываютъ еще на крайнюю дороговизну такой системы, когда молодой человѣкъ можетъ закончить свое образованіе и искать самостоятельнаго заработка лишь въ 24—25 лѣтъ. Всѣ эти соображенія гораздо менѣе примѣнимы къ Америкѣ; курсъ первоначальныхъ и грамматическихъ школъ носитъ совершенно общеобразовательный характеръ, уже въ высшихъ школахъ допускается извѣстная спеціализація занятій, образованіе въ первоначальныхъ, грамматическихъ и даже большею частью въ высшихъ школахъ даровое: наконецъ, обладаніе дипломомъ въ Америкѣ вовсе не является conditio sine qua non многихъ профессій, которыя въ Европѣ совершенно недоступны не прошедшимъ всей лѣстницы учебныхъ заведеній. Вспомнимъ величайшаго государственнаго дѣятеля Америки въ текущемъ столѣтіи, одну изъ самыхъ благородныхъ историческихъ личностей—Авраама Линкольна, который въ школѣ выучился чтенію, письму да ариѳметикѣ и который тѣмъ не менѣе впослѣдствіи могъ сдѣлаться однимъ изъ выдающихся адвокатовъ штата Иллинойса. Достаточно было, чтобы Линкольнъ, при всей своей бѣдности, нашелъ время изучить законодательство Соединенныхъ Штатовъ—и для него сейчасъ-же открылась широкая дорога къ улучшенію собственнаго положенія и въ особенности въ той должности, которую онъ занялъ къ великому благу родной страны, проведенной имъ черезъ самый тяжелый кризисъ, какой когда-либо она испытывала послѣ отдѣленія отъ Англіи **).

---

*) Вотъ что, напр., изучаютъ дѣти (отъ 6 до 14 лѣтъ) въ школахъ города Филадельфіи (главнаго города штата Пенсильваніи): англійскій языкъ, ариѳметику, исторію, географію, основныя истины изъ ботаники, зоологіи и физіологіи, элементарную физику, рисованіе, черченіе и, наконецъ, въ общихъ чертахъ федеральную конституцію и конституцію штата Пенсильванія.

**) См. въ особенности вышедшую въ прошломъ году біографію Линкольна, составленную извѣстнымъ американскимъ писателемъ и государственнымъ че-

Итакъ, элементарная школа въ Америкѣ носитъ общеобразовательный характеръ; кромѣ того, она даровая вплоть до университета, чего нѣтъ нигдѣ въ Европѣ; извѣстно, наконецъ, что американцы, въ общемъ, несравненно болѣе богаты, чѣмъ европейцы, и однакоже, американцевъ тревожитъ продолжительность до-университетскаго курса, такъ какъ это мѣшаетъ бѣднымъ людямъ безъ большихъ жертвъ закончить свое образованіе. Чѣмъ больше изучаешь американскую жизнь, и въ особенности американскую школу, тѣмъ болѣе проникаешься любовью и уваженіемъ къ американцамъ. Въ самомъ дѣлѣ, американцы опередили всѣ націи въ доступности образованія для народа, и они-же дѣлаютъ наиболѣе рѣшительные шаги, чтобы сдѣлать его еще болѣе доступнымъ. «Ни въ какой другой странѣ высшее образованіе не получается за болѣе дешевую цѣну и нигдѣ оно не имѣетъ большаго доступа для всякаго, какъ именно въ Америкѣ», пишетъ профессоръ и членъ англійскаго парламента Брайсъ (Американская республика, т. III, стр. 387).

Было-бы долго объяснять, какой организаціей классовъ и распредѣленіемъ въ нихъ учениковъ достигнуто сокращеніе продолжительности срока пребыванія въ грамматическихъ школахъ города Кэмбриджа,—скажемъ только, что коммиссія предложила свой проектъ школьному комитету, а послѣдній принялъ его. Этимъ постановленіемъ комитета предоставляется возможность двигать быстрѣе изъ класса въ классъ болѣе трудолюбивыхъ и способныхъ дѣтей, такъ что весь курсъ можетъ быть пройденъ въ 4, 5 или 6 лѣтъ, смотря по успѣхамъ ученика. «Очевидная и ясно высказываемая цѣль этой реформы,—говоритъ проф. Хартъ,—заключается въ томъ, чтобы бѣдные и способные ученики проходили элементарную школу возможно скорѣе и съ большей для себя пользой». На вѣроятныя возраженія о томъ, что система школьнаго обученія должна быть единообразна—проф. Хартъ отвѣчаетъ весьма оригинально. «Пока Всемогущій Богъ,—говоритъ онъ,—даруетъ намъ разныя способности и разныя наклонности, всякая единообразная система воспитанія должна считаться зломъ».

Мы слѣдимъ, насколько это оказывается для насъ возможнымъ, за главными общими и педагогическими европейскими журналами, и намъ не разъ случалось читать порицаніе системѣ экзаменовъ, ко-

---

ловѣкомъ Карломъ Шурцемъ. Carl Schurz—собственно нѣмецъ, но уже сорокъ лѣтъ живущій въ Соединенныхъ Штатахъ; онъ принималъ участіе въ междоусобной войнѣ, а съ 1877—1880 г. былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

торая вездѣ имѣетъ рѣшительныхъ и убѣжденныхъ противниковъ Въ русской литературѣ, въ особенности педагогической, нѣтъ недостатка въ статьяхъ, гдѣ были въ разное время указаны многія вредныя послѣдствія экзаменовъ и для учениковъ, и для учителей. Экзамены у насъ, въ Россіи, имѣютъ тѣмъ менѣе смысла, что преподаваніе вездѣ ведется подъ дѣятельнымъ контролемъ правительства и въ правительственныхъ-же образовательныхъ учрежденіяхъ, тогда какъ, не говоря уже объ Америкѣ, Англія, напр., въ этомъ отношеніи представляетъ полный контрастъ съ Россіей. Итакъ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ жалуются на вредъ школьныхъ экзаменовъ. Не трудно было-бы доказать, что въ Америкѣ этотъ вредъ безконечно меньше, нежели въ Европѣ: читатель можетъ судить объ этомъ и самъ—частью по настоящей статьѣ и въ особенности по свѣдѣніямъ, заключающимся въ обозрѣніи первой половины года «Educational Review». Не скоро, однако, Европа рѣшится навсегда разстаться съ этой системой школьныхъ экзаменовъ; Америка-же, гдѣ это зло меньше, уже начинаетъ отъ него освобождаться. Такъ, напримѣръ, по предложенію коммиссіи, школьный комитетъ города Кэмбриджа рѣшилъ уничтожить навсегда экзамены въ школахъ и переводъ учениковъ изъ класса въ классъ производить впредь сообразно успѣхамъ учащимся въ теченіе года. Тотъ-же комитетъ рекомендуетъ учителямъ не затруднять дѣтей излишнимъ числомъ задачъ по ариѳметикѣ и въ особенности избѣгать задачъ съ длинными числами, а также рекомендуетъ упростить преподаваніе родного языка, сократить преподаваніе грамматики и вмѣсто этого занимать вниманіе дѣтей «болѣе интересными и болѣе освѣжающими дѣтскій умъ предметами».

Упрощеніе преподаванія родного языка и ариѳметики, освобожденіе учителей отъ скучной и тяжелой работы подготовки дѣтей къ экзаменамъ—эти три обстоятельства, по мнѣнію коммиссіи, позволяютъ расширить курсъ грамматическихъ школъ. Во-первыхъ, вводится преподаваніе геометріи. При правильной постановкѣ дѣла, геометрія можетъ очень интересовать дѣтей, по мнѣнію коммиссіи; наконецъ, интересъ къ геометріи можно значительно усилить, связавъ ее съ черченіемъ и съ правилами производства простой съемки (топографіи). Коммиссія рекомендовала далѣе—въ географіи придавать болѣе значенія физической географіи, такъ чтобы этотъ предметъ принялъ вполнѣ характеръ одного изъ отдѣловъ естествознанія. Нечего прибавлять, что теперь таково мнѣніе и всѣхъ компетентныхъ судей въ вопросѣ, и, напримѣръ, въ Россіи оно выразилось отнесеніемъ географіи въ университетахъ къ естественно-историческимъ наукамъ. Затѣмъ, по

предложенію коммиссіи, предполагается введеніе преподаванія элементарной физики. Коммиссію смущала дороговизна физическихъ приборовъ, которыхъ понадобилось-бы такъ много для снабженія всѣхъ школъ; но существующая въ Кэмбриджѣ высшая школа ручного труда вызвалась приготовить всѣ нужные физическіе приборы, прося возмѣстить лишь издержки по покупкѣ матеріала. Новыя требованія отъ учителей подразумѣваютъ въ нихъ знанія, какихъ у нихъ можетъ не быть въ должномъ размѣрѣ, или-же ихъ знанія могутъ имѣть не тотъ характеръ, какъ это требуется современной наукой, какъ дѣйствительно это и есть относительно географіи. Но и тутъ оказалась возможность помочь дѣлу: Гарвардскій университетъ, находящійся, какъ мы уже сказали, въ томъ-же городѣ, предложилъ организовать безвозмездные курсы для учителей, желающихъ пополнить свои свѣдѣнія какъ по географіи, такъ и по физикѣ и геометріи; профессора университета обѣщали свою помощь и въ выработкѣ программъ занятій въ школахъ. Вотъ какъ много хорошаго можно ожидать въ странѣ, гдѣ живо, по выраженію профессора Харта, «сознаніе взаимной зависимости всѣхъ разрядовъ школы»! Гарвардскій университетъ считаетъ въ средѣ своихъ профессоровъ людей, которые сдѣлали-бы честь любому европейскому университету, и можно себѣ представить какъ будутъ полезны учителямъ начальныхъ школъ указанія такихъ извѣстныхъ спеціалистовъ!

Имя Фрэнсиса Уокера *) (Francis A. Walker) было до сихъ поръ намъ извѣстно какъ имя политико-эконома и статистика, руководившаго такъ-называемымъ цензомъ населенія Соединенныхъ Штатовъ въ 1870 и 1880 г., президента американской экономической ассоціаціи и директора Политехническаго института въ Бостонѣ, наконецъ, автора статистическаго обзора Соединенныхъ Штатовъ въ послѣднемъ изданіи монументальной «Encyclopaedia Britannica». Тѣмъ пріятнѣе намъ было встрѣтить статью всемірно-извѣстнаго ученаго въ ноябрскомъ нумерѣ обозрѣваемаго педагогическаго журнала. Фр. Уокеръ далъ статью о занятіяхъ педагогикой въ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Отмѣчая значительный ростъ высшихъ учебныхъ заведеній для женщинъ за послѣднія 25 лѣтъ, указывая, какіе быстрые успѣхи дѣлаетъ совмѣстное образованіе обоихъ половъ въ высшихъ

---

*) Скажемъ кстати, что этотъ-же профессоръ читаетъ греческій языкъ и сравнительное языкознаніе и. нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ англійскимъ профессоромъ Стронгомъ (Strong) и однимъ изъ континентальныхъ ученыхъ издалъ сочиненіе «Introduction to the study of language», о которомъ намъ случилось читать очень хорошіе отзывы въ европейской печати.

учебныхъ заведеніяхъ, авторъ одною изъ причинъ стремленія женщинъ къ образованію считаетъ непрерывное возростаніе количества такихъ женщинъ, которыя должны, такъ или иначе, сами добывать себѣ средства къ существованію. Возрастъ лицъ, вступающихъ въ бракъ, постоянно увеличивается, увеличивается постоянно и количество мужчинъ, совсѣмъ не вступающихъ въ бракъ, говоритъ Уокеръ, которому, какъ статистику Соединенныхъ Штатовъ, всѣ такіе факты извѣстны лучше, чѣмъ кому-либо другому. Не останавливаясь на отношеніи Уокера къ высшему женскому образованію и на его характеристикѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ высшемъ образованіи вообще, замѣтимъ, что главный тезисъ его статьи заключается въ томъ, что, такъ какъ наиболѣе широкая изъ открытыхъ теперь дорогъ для женщинъ, притомъ такая, гдѣ ихъ громадныя заслуги уже общепризнаны,—есть воспитаніе юношества (каждый годъ, по словамъ Уокера, является спросъ на 20 тысячъ учительницъ), то изъ этого слѣдуетъ, что во всѣхъ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (кромѣ спеціальныхъ) слѣдовало-бы ввести лекціи по педагогикѣ, педагогической психологіи и т. п.

Закончимъ наше обозрѣніе журнала указаніемъ на отношеніе американцевъ къ одному изъ «жгучихъ» вопросовъ въ Европѣ. Въ Америкѣ въ послѣднее время общественное мнѣніе стало находить излишнимъ преподаваніе греческаго языка въ общеобразовательной школѣ. Большинство американскихъ университетовъ подчинилось голосу общественнаго мнѣнія и исключило греческій языкъ изъ числа обязательныхъ предметовъ, требуемыхъ при вступленіи въ университетъ. Только два изъ старыхъ университетовъ, Уэльскій и Принстонскій (Yale and Princeton colleges), до сихъ поръ требуютъ знанія греческаго языка. Профессоръ Уилеръ (Wheeler) въ октябрьскомъ нумерѣ «Educational Review» приводитъ доводы, высказанные въ Америкѣ противъ изученія греческаго языка до университета, высказываетъ и свои возраженія противъ этихъ доводовъ, однако не считаетъ вопросъ пока рѣшеннымъ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на то, что и сторонники, и противники греческаго языка представляли лишь соображенія a priori. Въ Корнелльскомъ университетѣ (въ штатѣ Нью-Іоркъ), гдѣ читаетъ лекціи Уилеръ, и въ другихъ университетахъ введено элементарное обученіе греческому языку въ теченіе перваго года пребыванія въ университетѣ для тѣхъ, кто его не изучалъ ранѣе и кто пожелалъ-бы заниматься имъ въ университетѣ, и такое разрѣшеніе вопроса кажется проф. Уилеру весьма разумнымъ. «Университетамъ приходится употреблять всего одинъ годъ на подготовку слушателей къ

спеціальному изученію греческаго языка. Слушателямъ, не знающимъ греческаго языка, дается возможность начать его изученіе въ университетѣ. Тѣмъ, кто колеблется въ желаніи изучать греческій языкъ, возможно теперь рѣшить этотъ вопросъ въ болѣе зрѣлые годы. Наконецъ,—говоритъ профессоръ Уилеръ,—на такое рѣшеніе вопроса надо смотрѣть, какъ на попытку путемъ *опыта* рѣшить споръ о важности изученія греческаго языка передъ вступленіемъ въ университетъ. Будемъ ждать такого рѣшенія его, какой подскажутъ опытъ и судъ людей, способныхъ отнестись къ нему безъ всякой предвзятой точки зрѣнія». Можетъ быть, и старой Европѣ пригодятся отвѣты, которые дастъ Новый Свѣтъ на этотъ и на другіе и болѣе важные вопросы, волнующіе совершенное человѣчество. Среди многихъ интересныхъ особенностей американской жизни не послѣднее мѣсто занимаютъ и американскіе университеты, которые, по словамъ знаменитаго англійскаго ученаго и государственнаго дѣятеля Д. Брайса, «принадлежатъ къ числу тѣхъ американскихъ учрежденій, которыя дѣлаютъ самые быстрые успѣхи и которыхъ ожидаетъ самая блестящая будущность» *).

П. Мижуевъ.

---

*) Брайсъ, «Американская республика», т. III, стр. 358.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Японскій императорскій университетъ.

Вопреки обычнымъ взглядамъ на азіатскую косность, Японское государство изумляетъ нынѣ самихъ европейцевъ своими культурными успѣхами. Еще по свѣдѣніямъ, идущимъ отъ 1882 г., въ Японіи числилось 28.908 элементарныхъ школъ съ 2.616.879 учащимися (изъ нихъ дѣвочекъ было 733.691), высшихъ школъ 173 съ 12.315 слушателями. Послѣ пережитыхъ ею политическихъ перемѣнъ, Японія обладаетъ теперь достаточно благоустроеннымъ *императорскимъ* университетомъ въ столичномъ городѣ Токіо. Большую честь японцамъ приноситъ и то, что у нихъ въ дѣлѣ просвѣщенія народа почтенную роль играла частная иниціатива. Отдѣльныя общества и учрежденія (значеніе которыхъ въ Японіи поясняется и прежнимъ, такъ-называемымъ, феодальнымъ строемъ государства) много помогли и для созданія названнаго университета. Университетомъ этимъ нынѣ постоянно публикуется особый ежегодникъ—«The Calendar»; свѣдѣніями изъ него мы, главнымъ образомъ, и пользуемся въ настоящей замѣткѣ. Императорскій университетъ въ Токіо состоитъ подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія и содержится на средства государственнаго казначейства. Къ зданіямъ университета принадлежатъ—библіотека, коллегіи: медицинская, юридическая, инженерная, литературная и научная; дортуары, два госпиталя, коллегія земледѣлія, ботаническій садъ, морская біологическая станція, обсерваторія.

Университетъ дѣлится на отдѣленіе, гдѣ занимаются самостоятельными изслѣдованіями—University Hall, и коллегіи—для теоретическаго и практическаго обученія. Всѣми дѣлами въ университетѣ управляетъ, подъ вѣдѣніемъ министра, президентъ; онъ-же—и предсѣдатель въ совѣтѣ, который состоитъ изъ профессоровъ, выбираемыхъ и опредѣляемыхъ, по два отъ коллегіи,—министромъ-же. Въ 1891 г. штатъ университета составляли: президентъ, 6 директоровъ коллегій, 2 секретаря, 2 завѣдывающихъ дортуарами, 73 клерка и 110 ассистентовъ. Жалованье профессоровъ и ихъ ассистентовъ, въ зависимости отъ ранговъ этихъ лицъ, колеблется отъ 3.000 до 6.000 іенъ (іенъ=1 р. 28,8 к.). Въ студенты принимаются молодые люди со свидѣтельствами объ окончаніи курса въ среднихъ школахъ. Можно и просто выдержать соотвѣтственный вступительный экзаменъ. Допускаются и вольнослушатели, изучающіе,

по желанію, отдѣльные предметы. Эти лица подвергаются предварительнымъ испытаніямъ, согласно избираемой спеціальности. Коллегія права состоитъ изъ двухъ факультетовъ: юридическаго и политическаго. Курсъ продолжается 4 года. Имѣются еще 3 особыхъ отдѣленія, гдѣ изучаются спеціально англійское, французское или нѣмецкое право. На *политическомъ* факультетѣ изучаютъ «политику», исторію политики и учрежденій, западноевропейскія конституціи и пр. и даже «соціологію», т.-е. науку, только что создающуюся. Въ трехлѣтнемъ курсѣ инженерной коллегіи находимъ такія спеціальности: гражданское и механическое инженерное искусство, морское строительство (naval architecture), военная технологія, электротехника, архитектура, прикладная химія, технологія взрывовъ, минное дѣло и металлургія. Въ «научной» коллегіи, при трехлѣтнемъ курсѣ, проходятся науки: математика, астрономія, физика, химія, зоологія, ботаника и геологія. Для насъ, пожалуй, особливый интересъ представляетъ программа занятій въ коллегіи литературы (college of literature), соотвѣтствующей нашимъ историко-филологическимъ факультетамъ. Такъ, напримѣръ, въ курсъ, обозначенный общимъ именемъ «философіи», входитъ, на первомъ году, изученіе «науки» (зоологіи или геологіи) «соціологіи», *физіологіи*, этики. На третьемъ году, между прочимъ, изучаютъ: педагогику, *психіатрію* и «психологію - психофизику», какъ отмѣчено въ скобкахъ, т.-е., опять-таки «*психологію*» извѣстнаго, опредѣленнаго научнаго и новаго направленія. Въ коллегіи земледѣлія (курсъ трехлѣтній) занимаются собственно «агрикультурой», «дендрологіей» (древовѣдѣніе) и «ветеринарной медициной». Въ University Hall работаютъ, подъ руководствомъ профессоровъ, лица, получившія ученыя степени въ коллегіяхъ, или допущенныя къ занятіямъ согласно удостовѣреніямъ ученой администраціи. Университетская библіотека содержитъ въ себѣ болѣе восьмидесяти тысячъ томовъ и ежегодно увеличивается покупками, пожертвованіями и обмѣномъ, главнѣйше—съ чужими краями. На торжественныхъ актахъ, гдѣ ежегодно раздаются ученые дипломы, президенты обыкновенно обращаются къ собранію съ рѣчью, представляющей собою краткій отчетъ о дѣятельности университета за годъ. Въ засѣданіи 1890 г. 10-го іюля, президентъ говорилъ, между прочимъ: «Съ того времени какъ нашъ университетъ сталъ именоваться Токіоскимъ, онъ постепенно совершенствовался и ежегодно давалъ значительное число лицъ, удостоенныхъ ученой степени. Сдѣлавшись, 4 года тому назадъ, императорскимъ, университетъ все увеличиваетъ свое благосостояніе. Нашихъ питомцевъ теперь вы найдете и на правительственныхъ должностяхъ, и въ частныхъ предпріятіяхъ, въ сферѣ науки и практическаго міра, и не мало между ними такихъ, что внесли свою замѣтную долю въ дѣло нашего національнаго прогресса и цивилизаціи». Въ концѣ отчетнаго года въ юридической коллегіи числилось: получившихъ ученыя степени 4, студентовъ 193, при 12 вольнослушателяхъ. Въ медицинской: получившихъ дипломъ—11, медиковъ—126, фармацевтовъ—8, кромѣ 68 постороннихъ слушателей. Въ этомъ-же году многія лица были отправлены въ ученыя командировки. Профессоръ Масанори Огата изслѣдовалъ съ медицинской точки зрѣнія болотистыя мѣстности въ провинціи Чиба. Другой профессоръ уѣхалъ на минералогическія изысканія и для составленія коллекцій лекарственныхъ растеній и пр. Въ инженерной коллегіи получили ученое званіе 28 человѣкъ (главнымъ образомъ, по спеціальности гражданскаго инженерства); студентовъ состояло 4 да 18

вольнослушателей. Въ своеобразной коллегіи литературы возведено въ ученую степень 4, студентовъ 15 (изъ нихъ большинство занимается «философіей» или японской литературой) и 3 постороннихъ слушателя. Въ «научной» коллегіи—9 уже имѣющихъ ученыя степени, 13 студентовъ и 5 вольнослушателей. Въ 1889 г., профессоръ этой коллегіи Секійа былъ посланъ изучать явленія землетрясенія въ Кіюшю. Въ рѣчи отъ 10-го іюля 1891 г. президентъ университета выражаетъ свои радостныя чувства главнаго представителя учебнаго заведенія и гражданина по поводу того, что число дипломированныхъ въ университетѣ, въ общемъ, превышаетъ цыфру 1.500. На этотъ разъ, однако, ораторъ обращается къ молодежи, закончившей свой учебный путь, съ нѣкоторымъ предостереженіемъ. «Принявъ во вниманіе, что не менѣе, чѣмъ 1.400 университетскихъ питомцевъ прошло передъ вами, нельзя не думать о большихъ затрудненіяхъ, которыя представятся, когда станете пробивать собственную дорогу въ жизни! Ваше дѣло покажется еще сложнѣе, если размыслите, какія великія надежды возлагаютъ на васъ, на ряду съ вашими предшественниками, относительно работы — для преуспѣянія всей націи!» Въ указанномъ академическомъ году въ юридической коллегіи состояло круглымъ счетомъ 252 слушателя, въ медицинской коллегіи—всего 123, въ инженерной—82, въ литературной—69; изъ нихъ получили ученыя степени 3, постоянныхъ слушателей 24, стороннихъ—42. Въ научной коллегіи числилось всѣхъ студентовъ 72. Коллегія земледѣльческая пережила нѣкоторыя преобразованія и въ данномъ году привлекла къ себѣ сравнительно весьма крупное число слушателей—именно 336. Изъ нихъ студентовъ 68, слушающихъ приготовительные классы 109, состоящихъ на добавочныхъ курсахъ 157 и 2 вольнослушателя. Въ рѣчи президента отъ 10-го іюля 1891 г. находимъ нижеслѣдующее мѣсто: «особливо замѣчательнымъ событіемъ прошлаго года было посѣщеніе университета его императорскимъ величествомъ, 12-го іюня, при окончаніи постройки инженерной и научной коллегій. Его величеству было угодно осмотрѣть читальню и лабораторіи обѣихъ коллегій. Его императорское высочество наслѣдникъ также почтилъ не однажды своимъ присутствіемъ ботаническій садъ, и 30-го ноября, въ память своего посѣщенія, его высочество изволилъ посадить собственноручно нѣсколько деревъ». Просматривая списки профессоровъ японскаго императорскаго (въ Японіи имѣется и другой университетъ) университета, мы очень часто встрѣчаемся съ лицами, имѣющими ученыя степени западноевропейскихъ университетовъ. В юридической коллегіи находимъ доктора правъ Ліонскаго университета, Парижскаго, замѣчаемъ и прямо французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ профессоровъ. Въ медицинской коллегіи фигурируютъ Страсбургскій, Берлинскій университеты и др., въ инженерной—Лондонъ, Гринвичъ. Въ литературной коллегіи до извѣстной степени преобладаютъ нѣмецкіе профессора. Въ списокъ научной коллегіи внесены лица съ учеными степенями Дублинскаго, Лейпцигскаго, Парижскаго университетовъ и пр. Въ спискахъ земледѣльческой коллегіи мелькаютъ имена Гёттингена, Мюнхена, Лейпцига и пр.

А. Н.

Школьное дѣло въ Австраліи (статистическія данныя).

Австралійская колонія—государство *Викторія*, которая еще въ 1835 г. имѣла только *35 человѣкъ* жителей, теперь уже насчитываетъ населенія болѣе чѣмъ *милліонъ* (по даннымъ 1887 г. 1.036.119). Въ школьномъ дѣлѣ тамъ господствуетъ *принципъ обязательнаго и безвозмезднаго обученія*. Дѣти въ возрастѣ отъ 6 до 13 лѣтъ обязаны посѣщать школу; отъ этой обязанности освобождаетъ только домашнее обученіе, болѣзнь или слишкомъ значительное разстояніе школы отъ мѣстожительства ученика. Существуютъ особые инспектора, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы всѣ родители посылали своихъ дѣтей въ школу; противъ уклоняющихся отъ этого они возбуждаютъ судебное преслѣдованіе. Число государственныхъ школъ съ *1.711* въ 1881 г. возрасло до *2.062* въ 1889 г.; кромѣ того, существуютъ вечернія школы для старшаго возраста. Для особенно даровитыхъ учениковъ учреждены награды и стипендіи въ размѣрѣ отъ 100 до 350 рублей. По статистическимъ даннымъ 1890 г. въ Викторіи имѣются 2.284 воскресныя школы съ 143.570 учениками и 17.983 учителями, содержимыя преимущественно религіозными сектами, число которыхъ достигаетъ 24. Что касается до профессіональнаго образованія, то для него существуютъ 5 промышленныхъ училищъ, которыя цѣликомъ или отчасти содержатся на государственный счетъ. Въ 29 рисовальныхъ школахъ (Schools of Art and Design) обучаются около 2.000 учениковъ геометріи и рисованію. При большинствѣ этихъ школъ существуютъ вечерніе курсы для рабочихъ. Далѣе, для подготовки къ *горному дѣлу* существуютъ 4 учебныхъ заведенія. Въ Мельбурнѣ основана *академія для рабочихъ*, на которую одно частное лицо пожертвовало 50 тысячъ рублей, а сами рабочіе дали 30 т. и мельбурнскіе граждане—20 т.; на ея содержаніе въ 1889 г. правительство дало 85 т. рублей. Во всей Викторіи существуетъ 380 публичныхъ библіотекъ (Sozialpolitisches Centralblatt, II Jahrgang, № 7; вездѣ, гдѣ въ оригиналѣ были марки, мы ихъ замѣнили рублями, принявъ германскую марку = 50 копейкамъ).

П. С.

Курсы плодоводства и огородничества, бывшіе при Казанскомъ земледѣльческомъ училищѣ съ 16-го мая по 16-е іюня 1893 года для учителей начальныхъ народныхъ училищъ.

Въ 1892 году при Казанскомъ земледѣльческомъ училищѣ были курсы для начальныхъ учителей по плодоводству и огородничеству. Курсы продолжались съ 16-го мая по 16-е іюня. Цѣлью этихъ курсовъ было—ознакомленіе слушателей съ раціональными способами веденія садоводства и огородничества и сообщеніе краткихъ свѣдѣній по хмелеводству, лѣсоводству и пчеловодству. Слушателей на курсахъ было свыше 90 человѣкъ изъ разныхъ губерній округа.

Предлагаемъ вниманію читателей «Русской Школы» нѣсколько краткихъ свѣдѣній о занятіяхъ на этихъ курсахъ и практическомъ примѣненіи пріобрѣтенныхъ на нихъ знаній при одномъ изъ начальныхъ училищъ Симбирскаго уѣзда, пользуясь для того докладомъ одного изъ начальныхъ учителей, командированныхъ симбирскимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ для слушанія курсовъ, *В. С. Чернилкина*, состоящаго учителемъ Гнушнинскаго училища.

Руководителями курсовъ были преподаватели земледѣльческаго училища: по садоводству *С. П. Крапивинъ*, по огородничеству *А. М. Ураевскій*; на практическихъ занятіяхъ труды ихъ раздѣляли спеціалисты—огородникъ и садоводъ. Курсы часто посѣщалъ директоръ земледѣльческаго училища *П. И. Свислотскій*. 15-го и 16-го іюня на курсахъ присутствовалъ извѣстный составитель популярныхъ книжекъ по садоводству и огородничеству *И. И. Мещерскій*.

Уроки по теоріи садоводства и огородничества, указывая матеріалъ для практическихъ занятій на слѣдующій день и чередуясь съ ними, продолжались по $1^{1}/_{4}$ часа и преподавались въ вечернее время, съ 5 до $6^{1}/_{4}$ ч. вечера. Всего теоретическихъ уроковъ было преподано 26, изъ нихъ 11 по садоводству, 11 по огородничеству, 2 по хмелеводству и 2 по лѣсоводству. Практическія занятія, начинаясь съ 6 часовъ утра, продолжались до 11. Въ продолженіе занятій на курсахъ практическихъ уроковъ было 25, изъ нихъ 11 по садоводству, 11 по огородничеству, 2 по лѣсоводству и 1 по хмелеводству. Для ознакомленія слушателей съ пчеловодствомъ было сдѣлано пять экскурсій. Въ воскресные и праздничные дни ни теоретическихъ, ни практическихъ занятій, разумѣется, не было.

На курсахъ было преподано:

1. По теоріи садоводства. Основныя понятія о строеніи и жизни растеній. Плодовый питомникъ и его устройство; обработка земли подъ питомникъ. Способы размноженія плодовыхъ деревьевъ: посѣвъ и воспитаніе дичковъ, главнѣйшіе способы ихъ прививки; отводки; образованіе штамба и кроны штамбовыхъ и полуштамбовыхъ деревьевъ. Плодовый садъ. Выборъ мѣста для сада; обработка почвы. Промышленные сорта яблонь, грушъ, вишенъ, сливъ и пр. Посадка деревьевъ и обрѣзка корней и кроны при пересадкѣ. Уходъ за молодымъ деревцомъ; дальнѣйшая подрѣзка молодой кроны. Уходъ за взрослыми деревьями, очистка и прорѣживаніе вѣтвей. Борьба съ вредными насѣкомыми. Леченіе болѣзней плодовыхъ растеній. Культура яблони, груши, сливы, вишни, малины, смородины, крыжовника и земляники. Сборъ плодовъ и сѣмянъ и сохраненіе тѣхъ и другихъ.

Практическія занятія по садоводству. Обработка земли подъ плодовый садъ и питомникъ: штыковка на перевалъ въ $3^{1}/_{2}$ и $1^{1}/_{2}$ штыка. Подготовка грядъ для сѣйницъ и участковъ для саженцовъ въ питомникѣ. Посѣвъ сѣменами и посадка черенковъ плодовыхъ и декоративныхъ растеній. Пикировка съ обрѣзкой корней древесныхъ и кустовыхъ плодовыхъ растеній: пересадка ихъ съ одного участка на другой тремя способами: съ глыбой земли, въ растворъ и съ оголенными корнями. Полка и взрыхленіе (мотыженіе) почвы въ питомникѣ. Разведеніе смородины, крыжовника, малины и земляники дѣленіемъ корней. Разведеніе крыжовника черенками и отводками. Копулировка обыкновеннымъ способомъ, сѣдломъ въ расщепъ, полурасщепъ,

подъ кору, съ разрѣзомъ и безъ разрѣза послѣдней и окулировка глазкомъ плодовыхъ деревьевъ. Устройство грядъ подъ землянику по способу Регеля.

2. *По теоріи огородничества.* Выборъ мѣста для огорода: условія относительно вѣтровъ и склона, выборъ почвы подъ огородъ. Устройство искусственныхъ защитъ—живая изгородь. Планировка огорода; раздѣленіе его на участки. Плодосмѣнъ и его значеніе, овощи, разводимыя на первый, второй и третій годы послѣ свѣжаго навознаго удобренія. Устройство и содержаніе теплыхъ, полутеплыхъ и холодныхъ парниковъ, значеніе тѣхъ и другихъ. Выборъ мѣста для парниковъ и условія относительно вѣтровъ, грунтовой воды и подпочвы. Защита и огораживаніе парниковъ отъ неблагопріятныхъ вѣтровъ. Устройство французскихъ парниковъ и ихъ преимущества предъ русскими. Парниковыя рамы и матеріалы, замѣняющіе въ нихъ стекла. Набивка парниковъ; посѣвъ и посадка овощей въ парникахъ; культура парниковыхъ растеній. Устройство простѣйшихъ русскихъ разсадниковъ на поверхности земли и на столбахъ. Обработка и удобреніе почвы для огородныхъ растеній. Культура овощей и важнѣйшихъ корнеплодовъ въ открытомъ грунтѣ. Сборъ и сохраненіе овощей и овощныхъ сѣмянъ.

Практическія занятія по огородничеству. Подготовка почвы подъ огурцы и капусту. Посѣвъ огурцовъ. Сортировка и высадка капустной разсады. Полка и прорѣживаніе огурцовъ. Мотыженіе и окучиваніе почвы въ капустникѣ. Поливка огурцовъ и капусты. Устройство грядъ и удобреніе почвы костяной мукой и золой для гороха, бобовъ и корнеплодовъ, посѣвъ этихъ овощей. Полка и прорѣживаніе корнеплодовъ и пересадка лишнихъ на пропавшія мѣста. Подготовка грядъ и участковъ для пряныхъ растеній, высадка ихъ разсады. Устройство теплаго парника, набивка его навозомъ и землей и посѣвъ на немъ огурцовъ, редиса, салата и др.

3. *По теоріи хмелеводства.* Выборъ мѣста и обработка почвы подъ хмельникъ. Разведеніе хмеля сѣменами, черенками и дѣленіемъ корней. Промышленные сорты хмеля: богемскій, баварскій, гуссельскій и пр. Работы въ хмельникѣ въ теченіе лѣта. Сборъ и сушка хмеля. Борьба съ вредными насѣкомыми и леченіе болѣзней.

Практическія занятія по хмелеводству. Обработка почвы въ хмелевомъ питомникѣ. Посадка хмеля черенками и при помощи дѣленія корней. Обрываніе пасынковъ и мужескихъ цвѣтовъ.

4. *По теоріи лѣсоводства.* Выборъ мѣста и обработка почвы подъ лѣсной питомникъ. Разведеніе декоративныхъ породъ сѣменами, черенками и дѣленіемъ корней; уходъ за молодыми растеніями; пересадка ихъ на мѣсто назначенія. Краткій очеркъ декоративныхъ и промышленныхъ породъ деревьевъ и кустовъ: дуба, вяза, березы, сосны, корзиночной ивы и пр.

Практическія занятія по лѣсоводству. Пересадка саженцовъ древесныхъ породъ: сосны, березы, ели и др. на мѣсто назначенія — въ кварталы. Устройство живой изгороди изъ декоративныхъ кустовыхъ породъ. Пересадка двухлѣтнихъ растеній при помощи колъ-бутляра, цилиндрической и полуцилиндрической лопатки.

5. *По пчеловодству* слушатели курсовъ ознакомлены практически съ искусственнымъ роеніемъ, разстановка на поллета и при помощи ссыпанія ссыпчатки, съ огребаніемъ выигравшихъ роевъ и посадкою ихъ въ гнѣздо, центробѣжной и ея дѣйствіемъ, съ ульями различныхъ системъ.

Учитель *В. С. Чернилкинъ* предполагаетъ ввести при ввѣренномъ ему училищѣ преподаваніе садоводства и огородничества. Объ этомъ онъ говоритъ такъ: При ввѣренномъ мнѣ училищѣ имѣется огородъ, который вмѣстѣ съ училищными постройками и дворомъ представляетъ видъ параллелограмма, занимающаго 1.124 кв. саженъ. Изъ этого числа 108 кв. саженъ находится подъ школьнымъ зданіемъ и надворными постройками, а остальныя 1.016 кв. саженъ—собственно подъ огородомъ. Въ наступающую осень огородъ этотъ предполагаю, соображаясь съ качествами земли, раздѣлить на участки. Каждый участокъ, смотря по требованіямъ имѣющихъ быть насаженными на немъ растеній, будетъ удобренъ и обработанъ. Огородъ часто страдаетъ отъ вліянія вѣтра и засухи, такъ какъ находится на довольно высокомъ мѣстѣ,—растенія на немъ открыты и палящимъ лучамъ лѣтняго солнца, и зимнему морозу, такъ какъ снѣгъ постоянно сносится вѣтромъ. Кромѣ того, вѣтеръ можетъ сшибать плоды съ деревьевъ и ломать самыя деревья; онъ постоянно уноситъ всю влагу, а иногда и самую почву, очень рыхлую, состоящую изъ стараго перегноя. Чтобы предохранить огородъ отъ этихъ вредныхъ вліяній, необходимо развести вокругъ него опушку изъ декоративныхъ растеній. Только такая опушка въ состояніи служить хорошей защитой отъ вѣтра, а отчасти и отъ засухи. Чтобы еще лучше охранить огородъ отъ засухи, къ рыхлой землѣ будетъ примѣшано небольшое количество глины, препятствующей испаренію влаги, а самая почва будетъ глубоко пропахана. «Въ глубоко-обработанной почвѣ, говоритъ извѣстный огородникъ-садоводъ *Шредеръ*,—растенія легко и быстро проникаютъ корнями въ ея нижніе слои, гдѣ менѣе подвергаются нагрѣванію и высыханію и гдѣ они, во всякомъ случаѣ, скорѣе находятъ необходимый запасъ влаги для успѣшнаго развитія».

Для наглядности, какъ будетъ раздѣленъ огородъ, здѣсь прилагается планъ огорода-сада, съ пояснительной къ нему запиской.

Работы въ огородѣ и саду будутъ мною производиться, совмѣстно съ учениками, въ послѣобѣденное время, съ 2 до 3 или 4 часовъ. Программу свѣдѣній по садоводству и огородничеству, которыя я намѣренъ сообщать моимъ ученикамъ, прилагаю.

Пояснительная записка къ плану огорода-сада.

А—Школьное зданіе.

Б—Погребъ съ напогребицей.

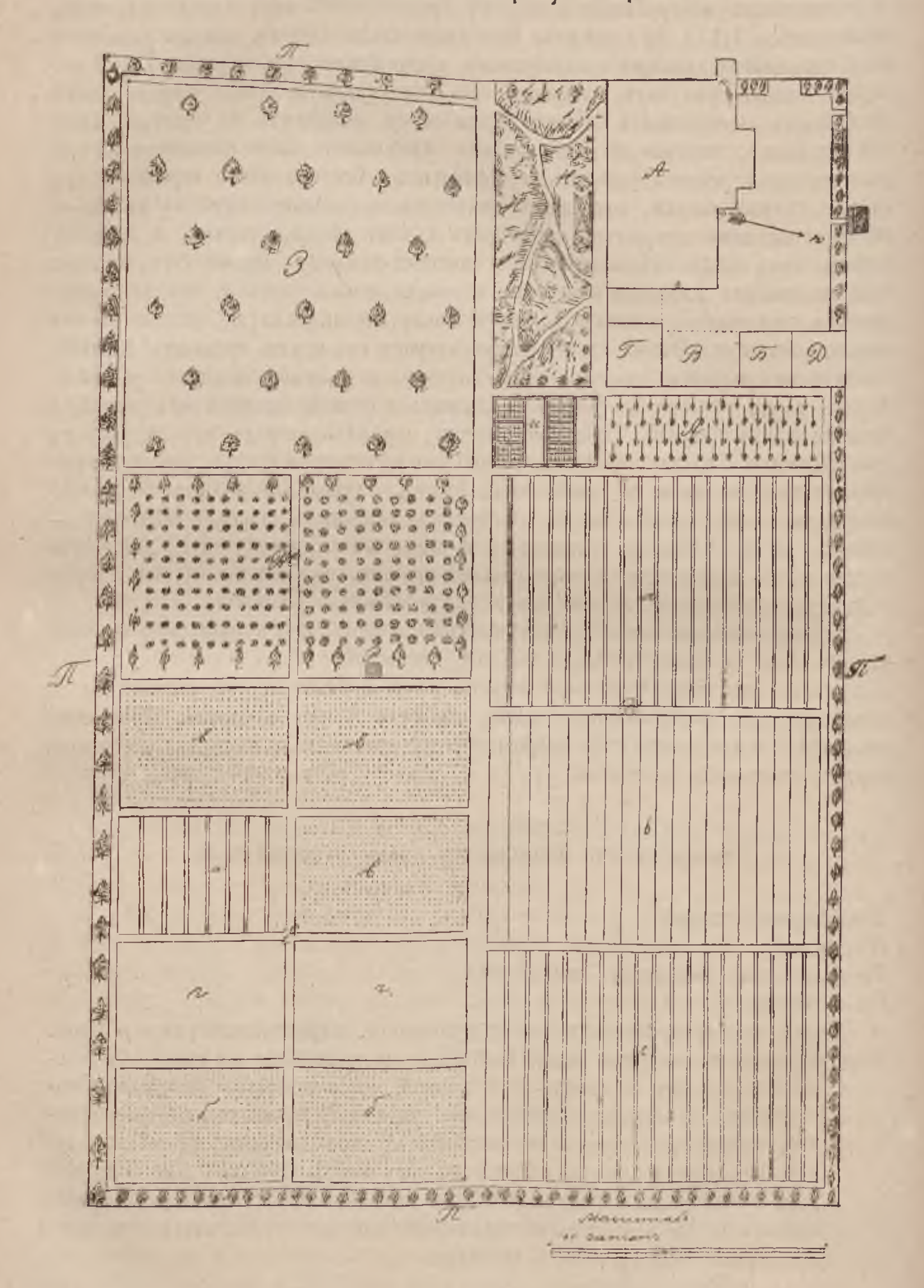
В—Сарай для домашнихъ животныхъ.

Г—Конюшня.

Д—Сарай для храненія орудій, инструментовъ, парниковыхъ рамъ и проч.

Е—Плодовый питомникъ, разсчитанный на выращиваніе не болѣе 700 прививокъ въ годъ. Состоитъ изъ 8 полей, изъ которыхъ одно поле *а* занимается посѣвными черенковыми грядами (плодовыхъ и декоративныхъ растеній); два поля *б* находятся подъ дичками плодовыхъ деревьевъ, прививаемыми на второмъ году послѣ посадки; три поля *в*—подъ привитыми деревцами и два поля *г*—подъ паромъ (одно поле можетъ служить запаснымъ кварталомъ для неупотребленныхъ въ срокъ прививокъ или идти подъ огородъ).

Планъ огорода-сада, имѣющагося быть разведеннымъ при Тушнинскомъ сельскомъ нач. нар. училищѣ.

Ж—Ягодникъ, который состоитъ изъ двухъ участковъ (смородина, крыжовникъ, малина, клубника, земляника); по бокамъ, исключая смежныхъ сторонъ, косточковыя деревья.
З—Плодовый племянной садъ.
И—Полисадникъ, засаженный кустарниками, а съ улицы деревьями.
К—Цвѣтникъ.
Л—Хмельникъ.
М—Парники и разсадники.
Н—Огородъ (трехъ-плодосмѣнный) состоитъ изъ трехъ полей, изъ которыхъ одно *a* занимается капустой, другое поле *b*—тыквенными растеніями и третье поле *c*—корнеплодами.
О—Отхожее мѣсто.
П—Березы вокругъ сада съ сѣверной и восточной стороны и акаціи съ южной и западной.
Р—Колодецъ.

ПРОГРАММА

преподаванія садоводства ученикамъ Тушнинскаго сельскаго начальнаго народнаго училища.

1. Нѣкоторыя краткія свѣдѣнія изъ органографіи и физіологіи растеній.
2. Устройство и разведеніе плодоваго сада, плодовой школы и школы сѣянцовъ.
3. Способы размноженія плодовыхъ растеній.
4. Пикировка плодовыхъ растеній.
5. Прививка плодовыхъ деревьевъ.
6. Уходъ за привитыми деревьями.
7. Засадка сада плодовыми деревьями и уходъ за ними.
8. Культура вишни, смородины, крыжовника, земляники и клубники.
9. Болѣзни плодовыхъ деревьевъ и средства леченія ихъ.
10. Враги плодоваго сада и способы борьбы съ ними.
11. Сборъ плодовъ въ саду.
12. Разведеніе нѣкоторыхъ древесныхъ породъ.

ПРОГРАММА

преподаванія огородничества.

1. Устройство огорода.
2. Устройство и содержаніе парниковъ.
3. Посѣвъ и посадка въ парникахъ нѣкоторыхъ овощей.
4. Уходъ за овощами въ парникахъ.
5. Культура капусты, дынь, огурцовъ, тыквъ, рѣпы, брюквы, рѣдьки, редиса, моркови, петрушки, свеклы, картофеля, бобовъ, гороха, лука въ открытомъ грунтѣ.
6. Устройство хмельника и культура хмеля.
7. Вредныя случайности и животныя и средства избавиться отъ нихъ.
8. Болѣзни растеній и средства леченія ихъ.

А. Анастасіевъ.

Народныя читальни и чтенія въ Одессѣ.

Тридцатилѣтіе, протекшее съ незабвеннаго дня отмѣны крѣпостного права, было ознаменовано въ Одессѣ открытіемъ одного прекраснаго общественнаго учрежденія. Мы говоримъ о безплатной народной читальнѣ, открытой въ этотъ день, т.-е. 19-го февраля 1891 года. Честь осуществленія этого добраго дѣла всецѣло принадлежитъ городскому головѣ, Г. Г. Маразли, сдѣлавшему пожертвованіе на устройство читальни. Помѣщеніе читальни представляетъ одноэтажное зданіе, очень изящной архитектуры, построенное въ русскомъ стилѣ. Войдя въ читальный залъ, посѣтитель прежде всего пріятно поражается массой свѣта и воздуха. Убранство зала простое: четыре черныхъ длинныхъ стола, шкафы по стѣнамъ, деревянная, довольно красивая мебель. Несмотря на то, что около трети посѣтителей составляютъ дѣти, въ залѣ царятъ полные тишина и порядокъ. Малѣйшее нарушеніе требованій относительно поведенія въ читальнѣ вызываетъ напоминаніе о назначеніи послѣдней, и эти требованія безупречно исполняются, что свидѣтельствуетъ о серьезности желанія со стороны посѣтителей пользоваться читальней. Здѣсь, подъ вліяніемъ жажды свѣта и знанія, собираются люди различныхъ профессій. Посмотримъ теперь, *кто* главнымъ образомъ пользуется читальней, а затѣмъ перейдемъ къ другому, не менѣе важному вопросу: *что* читается въ читальнѣ?

Отчетъ читальни за истекшій 1892 годъ даетъ намъ слѣдующія данныя по этимъ вопросамъ.

Въ теченіе 360 читальныхъ дней отчетнаго года для занятій въ читальнѣ записалось 7.603 человѣка, въ томъ числѣ 1.595 женщинъ (21% общаго числа). Изъ всего числа записавшихся около 40 процентовъ (39,8) составляютъ лица, посѣщающія читальню со времени ея основанія. Какъ по возрасту, такъ и по вѣроисповѣданію, посѣтители представляютъ большое разнообразіе. По возрасту наибольшій контингентъ въ прошломъ году составляли 11—12-лѣтніе посѣтители (26,9%); съ увеличеніемъ возраста, число посѣтителей уменьшается, такъ, лицъ старше 70 лѣтъ было всего 3 человѣка (0,1%). Чтобы дѣти не стѣсняли взрослыхъ, для тѣхъ и другихъ были отведены особые столы. По вѣроисповѣданіямъ значительное большинство составляли іудеи (65,5%), а потомъ — православные (31%); числа другихъ вѣроисповѣданій колеблются между 1,5% и 0,1%. Если сопоставить посѣтителей по возрастамъ, то замѣчаются такія особенности. Посѣтители изъ раскольниковъ были только 12-ти-лѣтніе; изъ караимовъ и магометанъ — не старше 25-ти лѣтъ, а изъ православныхъ встрѣчаются даже старше 60 лѣтъ. Женщинъ магометанокъ и раскольницъ совсѣмъ не было; армянки и караимки—только 12-лѣтнія. Возрастъ православныхъ женщинъ достигаетъ 50 лѣтъ. а католичекъ и лютеранокъ—25 лѣтъ. По занятіямъ посѣтители группируются такимъ образомъ: наибольшее число какъ мужчинъ, такъ и женщинъ относится къ учащимся (57,9%), и преимущественно младшаго возраста. За ними, по численности, слѣдуютъ занимающіеся домашними работами (20,9%), которые также въ большинствѣ принадлежатъ къ младшему возрасту. Наименьшее число посѣтителей было изъ прислуги, какъ мужской, такъ и женской. Изъ сословій преобладающимъ было мѣщанское,

чего и слѣдуетъ всегда ожидать среди городского населенія. Военные были почти исключительно изъ писарей, типографскихъ рабочихъ и музыкантовъ. Потребность въ читальнѣ столь велика, что заставляетъ посѣтителей преодолѣвать самыя отдаленныя разстоянія. Распредѣленіе посѣтителей по мѣсту жительства показываетъ, что читальней пользуются лица не только изъ прилегающихъ къ читальнѣ кварталовъ, но и изъ самыхъ отдаленныхъ предмѣстій, дачъ и даже пароходовъ, стоявшихъ въ гавани. Трудно найти кварталъ, изъ котораго не было-бы хоть одного посѣтителя. Нѣкоторые посѣтители изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ бывали въ читальнѣ до 25 разъ. Ясно, что читальня создала себѣ широкую популярность, и существованіе ея обусловливается настоятельными потребностями мѣстнаго населенія.

Посмотримъ теперь, на сколько интенсивно пользовались своимъ правомъ записавшіеся въ читальню. Для этого остановимся на средней посѣщаемости читальни. Отмѣтимъ прежде всего такой очень знаменательный фактъ: посѣщаемость прежнихъ посѣтителей читальни значительно превосходитъ таковую-же новичковъ. Такъ, дѣти (до 10 лѣтъ) изъ прежнихъ превзошли по посѣщаемости своихъ сверстниковъ-новичковъ въ 1,3 раза; по всѣмъ другимъ возрастамъ прежніе сдѣлали посѣщеній отъ 2 до 9 разъ болѣе, чѣмъ новые, а въ возрастѣ 41—50 лѣтъ даже въ 16,8 раза больше. Не показываетъ-ли этотъ фактъ, что между читальней и населеніемъ устанавливается извѣстная нравственная связь, что читальня воспитываетъ въ человѣкѣ потребность и привычку часы досуга отдавать умственному труду? Полагаемъ, что отвѣтъ можетъ быть только утвердительный. А если такъ, то судите-же, какую огромную роль играетъ такое скромное учрежденіе, какъ народная читальня, въ дѣлѣ умственнаго и нравственнаго развитія страны... Но возвратимся къ средней посѣщаемости читальни. Несмотря на громадное общее число посѣщеній (66.918), въ среднемъ на каждаго человѣка приходится всего лишь 8,8 посѣщеній, при колебаніяхъ отъ 1 до 295 у мужчинъ и отъ 1 до 161 у женщинъ. При оцѣнкѣ значенія приведенныхъ цыфръ необходимо имѣть въ виду, что около 24 процентовъ записавшихся въ читальню посѣтили ее только одинъ разъ и около 56 процентовъ—отъ двухъ до десяти разъ.

Переходимъ къ вопросу о томъ, *что* читаютъ посѣтители читальни?

Въ теченіе отчетнаго года въ обращеніи находилось 755 названій книгъ, въ 1.054 томахъ и 497 брошюрахъ. Книги по отдѣламъ и возрастамъ распредѣлены согласно каталогамъ, изданнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ только отступленіемъ, что для дѣтей до 10-ти-лѣтняго возраста выдѣлена особая коллекція книгъ, соотвѣтствующая ихъ возрасту и пониманію. Такимъ образомъ, сочиненія нѣкоторыхъ писателей, напр., Тургенева, Толстого и другихъ, выдавались лицамъ, начиная съ 16-ти-лѣтняго возраста, а газеты и нѣкоторыя другія повременныя изданія—лицамъ съ 20-ти-лѣтняго возраста. Эта мѣра принята съ цѣлью, съ одной стороны, насколько возможно, упорядочить чтеніе, а съ другой—при имѣющемся ограниченномъ числѣ экземпляровъ—доставить возможность пользоваться ими тѣмъ изъ посѣтителей, кому это болѣе доступно по развитію. Наиболѣе любимыми авторами оказываются Тургеневъ, Гоголь, Вальтеръ-Скоттъ, Диккенсъ. При этомъ нужно замѣтить, что русскіе писатели прочитывались полнѣе, чѣмъ Диккенсъ, и въ особенности Вальтеръ-Скоттъ, которые въ значительномъ большинствѣ возвращались да-

леко неоконченными. За беллетристикой по численности требованій слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ: географія, исторія, книги по ремесламъ, философіи, математикѣ и, наконецъ, духовныя.

Годовой расходъ по содержанію читальни выразился въ суммѣ 2.790 р. Сопоставивъ его съ числомъ посѣтителей и сдѣланныхъ ими посѣщеній, увидимъ, что каждый посѣтитель стоитъ 36,7 к., а каждое посѣщеніе 4,2 к.

Къ сожалѣнію, огромная часть городского населенія, по своей полной безграмотности, лишена возможности пользоваться услугами читальни. Но къ чести одесской интеллигенціи надо отнести, что не забыты ею эти «темные» люди. Для нихъ ею создано просвѣтительное учрежденіе другого типа. Мы разумѣемъ аудиторію публичныхъ народныхъ чтеній, существующую уже 11 лѣтъ.

Мысль объ устройствѣ народныхъ чтеній давно зародилась среди мѣстной интеллигенціи и требовала только нѣкоторой энергіи для своего осуществленія. На помощь отдѣльнымъ лицамъ пришло славянское благотворительное Общество. По почину почетнаго члена его, кн. Дундукова-Корсакова, было возбуждено ходатайство объ устройствѣ въ Одессѣ народныхъ чтеній. 27-го марта 1882 г. было получено разрѣшеніе объ открытіи этихъ чтеній съ туманными картинами. Средства Общества для приведенія въ исполненіе разрѣшеннаго уже дѣла были крайне незначительны. Людей было очень мало, матеріальныхъ средствъ почти никакихъ. Тѣмъ не менѣе, чтенія были открыты. Матеріальныя средства для перваго обзаведенія были доставлены профессорами мѣстнаго университета изъ сбора съ прочитанныхъ ими публичныхъ лекцій. Городская управа предоставила безвозмездно биржевой залъ, въ которомъ и было произнесено первое чтеніе. Здѣсь чтенія происходили только три раза. Они имѣли цѣлью увеличить фонды предпріятія, и потому были платныя: 10 и 50 к. за входъ. Даровые слушатели допускались въ количествѣ 100 чел. Чтенія эти, однако, не имѣли должнаго успѣха: публики собиралось мало,—она стѣснялась идти въ нарядный биржевой залъ. Нужно было искать болѣе подходящее помѣщеніе. Тогда на помощь явилось правленіе Общества ночлежныхъ пріютовъ. Оно предложило для чтеній залъ въ Массовскомъ ночлежномъ пріютѣ. Здѣсь число посѣтителей сразу увеличилось. Къ концу года оно превышало 350 человѣкъ. Въ слѣдующій годъ помѣщеніе и Массовскаго пріюта оказалось уже тѣснымъ. Отсюда для Общества возникъ вопросъ о пріобрѣтеніи собственнаго помѣщенія, спеціально приспособленнаго для народныхъ чтеній. Благодаря субсидіи со стороны городской думы, участію профессора Н. Я. Грота, прочитавшаго публичную лекцію въ пользу народныхъ чтеній, и нѣсколькихъ другихъ лицъ, вопросъ о спеціальномъ помѣщеніи былъ скоро разрѣшенъ. 12-го октября 1884 года помѣщеніе было освящено и открыто. Число слушателей въ новомъ помѣщеніи быстро возрасло. Въ то время, какъ въ Массовскомъ пріютѣ на каждое чтеніе, въ среднемъ, приходилось 284 челов., здѣсь оно дошло до 560, возрастая въ отдѣльныхъ случаяхъ до 800 человѣкъ. Съ возрастаніемъ числа посѣщеній росло и матеріальное благосостояніе дѣла. Въ періодъ 1882—1892 года было произнесено 499 чтеній, на которыхъ перебывало 208.568 челов. слушателей. Въ томъ-же 1884 году, когда народныя чтенія прочно установились въ своей аудиторіи, было положено начало другому, близко касающемуся народныхъ чтеній дѣлу,—продажѣ при аудиторіи книгъ. Дѣло началось

такъ: во время чтенія въ аудиторіи докладывались книжки, а во время перерыва разносились по аудиторіи для продажи посѣтителямъ. Самый большой спросъ бывалъ обыкновенно на только-что прочитанную книжку. Въ 1885 году правленіе славянскаго Общества, принимая въ соображеніе все болѣе и болѣе увеличивающійся спросъ на книги, рѣшило открыть постоянную продажу ихъ при аудиторіи, не ограничиваясь только воскресными днями, когда происходили чтенія. Въ 1886 году было положено начало книжному Кирилло-Меѳодіевскому складу дешевыхъ изданій и книжной лавкѣ, въ которой за истекшее время (6 лѣтъ) продано болѣе полумилліона книгъ (577.856 томовъ). Складъ быстро вызвалъ къ себѣ довѣріе и симпатіи общества, такъ что съ заказами къ нему стали обращаться не только частныя лица, но цѣлыя учрежденія, города, земства; были заказы для школъ, пріютовъ, больницъ, тюремъ и проч. При складѣ была составлена небольшая библіотека (143 назв., 703 тома) для безплатной выдачи книгъ для чтенія на домъ. Съ перваго-же дня своего существованія первоначальное число абонентовъ (58 челов.) увеличивалось; въ 1866 году оно уже достигло 271. Соотвѣтственно числу абонентовъ росли и библіотеки. За 6 лѣтъ было 2.157 абонентовъ, взявшихъ для прочтенія 35.622 назв. Большинство читателей (80%) составляли учащіеся въ городскихъ школахъ, хотя съ каждымъ годомъ библіотека привлекала все большее и большее число взрослыхъ. Интересно отмѣтить слѣдующій фактъ. Въ первый годъ существованія библіотеки читатель ея успѣвалъ прочесть, въ среднемъ, всего 5,2 книги, въ слѣдующемъ году онъ беретъ уже 10 книгъ, въ 1887—18 книгъ, въ 1888—22 книги и т. д., несмотря на то, что библіотека къ этому времени увеличила свой книжный составъ, главнымъ образомъ, крупными сочиненіями, какъ, наприм., полныя собранія сочиненій нашихъ лучшихъ писателей. Говоря о дѣятельности книжнаго склада, нельзя обойти молчаніемъ даровой раздачи книгъ. Раздача эта производилась или во время религіозно-нравственныхъ чтеній, или во время чтеній, происходившихъ по поводу какихъ-либо знаменательныхъ событій русской жизни, какъ, напр., празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси. Кромѣ того, высылались цѣлыя библіотеки въ славянскія земли, а также въ Россіи для многихъ школъ, больницъ, пріютовъ и т. д. Съ 1887 года, для усиленія матеріальныхъ средствъ на дѣло народныхъ чтеній, а также и съ цѣлью образовательной, начали устраиваться общедоступные литературно-музыкальные вечера. Они были устроены 55 разъ и привлекли 29.743 посѣтителя, давъ кассѣ народныхъ чтеній, при самой ничтожной платѣ (около 20 коп. съ посѣтителя), 5,847 руб. 43 коп. Такимъ образомъ, дѣятельность благотворительнаго Общества по устройству народныхъ чтеній разбилась на собственно народныя чтенія, литературно-музыкальные вечера, книжный складъ и библіотеку. Кромѣ того, Общество занималось также изданіемъ книгъ. Матеріальными средствами на всю эту дѣятельность оно располагало въ количествѣ 23.054 р. 25 к. Наибольшая доля изъ этой суммы получена изъ сбора за слушаніе чтеній.

Мы представили здѣсь бѣглый очеркъ исторіи двухъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій. И мы видѣли, съ какой охотой и въ какомъ многочисленномъ количествѣ народъ пользуется этими учрежденіями. Открылась читальня, и толпы народа стоятъ у входа, ожидая очереди войти въ читальню (въ ней 84 мѣста, а число посѣтителей нерѣдко достигало почти

400 человѣкъ); устроилась аудиторія публичныхъ чтеній, и нѣсколько сотенъ народу являются въ нее слушателями; завели библіотеку, и число абонентовъ съ поразительной быстротой возрастаетъ изъ года въ годъ; устроили книжный складъ, и въ теченіе первыхъ-же шести лѣтъ число проданныхъ книгъ значительно превысило полмилліона томовъ. Подобные-же факты наблюдаются и въ другихъ городахъ. Не ясно-ли отсюда, что умственные запросы народа растутъ и крѣпнутъ, что къ удовлетворенію ихъ онъ идетъ первымъ-же открывшимся путемъ. Но,—замѣтимъ мы,—путей этихъ, къ сожалѣнію, еще очень мало и часто трудны они для него почти до невозможности. А потому немудрено, что на ряду съ матеріальной голодовкой онъ голодаетъ еще умомъ, душою, сердцемъ. И такъ великъ этотъ голодъ, что на борьбу съ нимъ должны энергически выступить какъ правительство и органы общественнаго самоуправленія, такъ и частныя лица. Борьба съ нимъ есть дѣло первостепенной важности. Безъ удовлетворенія духовнаго голода народа, — какъ недавно глубоко справедливо замѣтилъ г. Красноперовъ,—и голодовки матеріальныя *никогда* не прекратятся *).

П. Шестаковъ.

Вопросы школьной санитаріи на съѣздахъ земскихъ врачей Тверской губерніи.

Въ началѣ своей дѣятельности по народному образованію земство главное свое вниманіе, по необходимости, должно было обратить на количественную, а не на качественную сторону дѣла: оно стремилось организовать возможно больше школъ съ тѣмъ, чтобы наибольшее число крестьянскихъ дѣтей могли получить начальное образованіе. Но затѣмъ заботы земства обратились и въ другую сторону—на улучшеніе качественной постановки дѣла народнаго образованія. Заботы эти выразились въ постепенномъ улучшеніи состава учащихъ, въ улучшеніи ихъ матеріальной обезпеченности путемъ увеличенія вознагражденія и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, учрежденіемъ эмеритуры, наконецъ, въ улучшеніи школьныхъ помѣщеній и ихъ обстановки. Къ сожалѣнію, постоянный недостатокъ средствъ, знакомый земскимъ учрежденіямъ съ самаго ихъ возникновенія, создавалъ на пути къ улучшенію школьнаго дѣла часто непреодолимыя препятствія, заставлявшія земства отказываться отъ проведенія въ жизнь крайне полезныхъ и необходимыхъ начинаній. Чаще всего въ школьномъ дѣлѣ земству приходилось отказываться отъ непосильной задачи устройства для школъ особыхъ, не дешево стоющихъ, помѣщеній. Въ этомъ отношеніи земству предстоитъ еще очень много дѣла, связаннаго съ значительными денежными затратами. Только очень немногія уѣздныя земства съ самаго начала обратили вниманіе на внѣшнюю сторону открываемыхъ народныхъ школъ и постепенно, хотя и очень медленно, изъ года-въ-годъ строили въ уѣздахъ вполнѣ приспособленныя для классныхъ занятій школьныя зданія. Большинство-же земствъ, задавшись цѣлью устроить возможно

*) См. «Крестьянскія женщины предъ волостнымъ судомъ». Сборникъ правовѣд. и обществ. знаній. Труды Юрид. Общ. Имп. Моск. Унив. Т. I. Спб. 1893 г.

больше школъ при извѣстномъ, очень ограниченномъ, школьномъ бюджетѣ, открывали школы въ первыхъ попавшихся домахъ, въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ, церковныхъ сторожкахъ, волостныхъ правленіяхъ и т. п. помѣщеніяхъ. Понятно, всѣ такія помѣщенія въ санитарномъ отношеніи едва удовлетворяютъ самымъ ограниченнымъ требованіямъ. О неудовлетворительности ихъ лучше всего свидѣтельствуютъ производимыя за послѣдніе годы въ разныхъ мѣстахъ санитарныя изслѣдованія школъ, рисующія положеніе дѣла въ очень печальномъ видѣ.

Въ настоящее время необходимость улучшенія школьныхъ помѣщеній и вообще установленія санитарнаго надзора за школами признается почти всѣми земствами. Точно также школьно-санитарные вопросы стали привлекать къ себѣ особое вниманіе со стороны врачей, на съѣздахъ которыхъ все чаще и чаще поднимаются вопросы школьной гигіены.

Въ Тверской губерніи школьно-санитарный вопросъ впервые былъ поднятъ на IX-мъ съѣздѣ земскихъ врачей, въ 1887 г.; тогда съѣзду была представлена докторомъ *Мясниковымъ* записка о необходимости изслѣдованія санитарнаго состоянія школъ, при чемъ въ запискѣ была приведена и краткая программа такого изслѣдованія. За недостаткомъ времени записка эта на съѣздѣ не обсуждалась, а была только напечатана въ протоколахъ съѣзда.

На слѣдующемъ X-мъ съѣздѣ врачей, происходившемъ въ 1889 г., школьно-санитарному вопросу болѣе посчастливилось. На этотъ разъ врачами *Корженевскимъ*, *Сухоручкинымъ* и *Петрункевичемъ* были прочитаны доклады о санитарномъ состояніи школъ трехъ уѣздовъ: первымъ—Старицкаго, вторымъ—одного врачебнаго участка Тверскаго и третьимъ—Новоторжскаго *). Обсужденіе какъ самыхъ докладовъ, такъ и возбужденныхъ ими вопросовъ было передано съѣздомъ въ особую секцію.

Секція прежде всего указала съѣзду на необходимость имѣть возможно полныя данныя о санитарномъ состояніи школъ по всей губерніи, такъ какъ безъ этихъ свѣдѣній невозможны ни опредѣленіе нормальнаго типа начальной земской школы, ни вообще всесторонняя разработка вопросовъ школьной санитаріи.

Программа санитарнаго изслѣдованія школъ еще раньше была предложена докторомъ Мясниковымъ, а на X-мъ съѣздѣ—докторомъ Корженевскимъ. Но секція нашла въ этихъ программахъ нѣкоторые пробѣлы и предложила съѣзду поручить организовавшейся тогда губернской санитарной коммиссіи дополнить и измѣнить ихъ сообразно съ программой московскаго земства. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ, по предложенію секціи, тогда-же постановилъ ходатайствовать передъ уѣздными собраніями объ организаціи санитарнаго надзора за школами, при чемъ принялъ правила, выработанныя на 9-мъ съѣздѣ врачей московскаго земства. Правила эти съѣздомъ утверждены были въ слѣдующей редакціи: 1) Санитарный надзоръ за школами въ уѣздѣ принадлежитъ уѣздному санитарному совѣту, участковымъ врачамъ и училищному персоналу. 2) Надзоръ санитарный относится: а) къ школьнымъ зданіямъ и б) къ учащимся, и притомъ съ раздѣленіемъ на постоянный надзоръ и временный,

---

*) По послѣднему уѣзду школьный очеркъ составлялъ извлеченіе изъ печатавшагося тогда «Сборника статистическихъ свѣдѣній по Новоторжскому уѣзду» и заключалъ въ себѣ только данныя о размѣрахъ классныхъ помѣщеній.

усиленный, напр., при появленіи эпидемій. 3) Выборъ мѣста подъ постройку новой школы, обсужденіе плана ея, равно какъ и выборъ уже готовыхъ зданій подъ школу и приспособленіе ихъ къ школьному помѣщенію производитъ уѣздный санитарный совѣтъ. 4) Заказъ новыхъ школьныхъ столовъ и передѣлка уже существующихъ производится съ участіемъ врачей. 5) Наблюденіе за исполненіемъ санитарныхъ предписаній при постройкѣ новыхъ школъ должно принадлежать участковому врачу, который съ этою цѣлью. на сколько позволяетъ ему время, посѣщаетъ строющуюся школу. 6) Всякую дѣйствующую школу врачъ посѣщаетъ по мѣрѣ возможности, причемъ обращаетъ вниманіе какъ на классныя помѣщенія, именно: со стороны наполненія ихъ учениками, освѣщенія, отопленія, вентиляціи, мебели, положенія отхожихъ мѣстъ, общей школьной чистоты и проч., такъ и на школьный дворъ и службы. 7) При посѣщеніи школъ врачъ осматриваетъ дѣтей и обращаетъ вниманіе на то: а) привита-ли дѣтямъ оспа и б) каково общее состояніе ихъ здоровья, причемъ обращаетъ наибольшее вниманіе на заразительныя болѣзни (острыя заразныя, сифилисъ, чесотку и пр.). 8) Учителя и учительницы также наблюдаютъ за здоровьемъ учащихся и, при появленіи хотя-бы одного больного ученика съ заразительною болѣзнью, немедленно его отпускаютъ домой и даютъ знать мѣстному участковому врачу. 9) При сомнѣніи училищнаго персонала относительно состоянія здоровья учащагося, послѣдній, когда возможно, посылается къ врачу и до выясненія болѣзни не посѣщаетъ школы. 10) При появленіи эпидемическихъ острыхъ заболѣваній въ селеніяхъ, окрестныхъ со школою, или когда въ амбулаторіи врача встрѣтятся дѣти, учащіяся въ сельскихъ школахъ, съ подобными же заболѣваніями, врачъ даетъ знать учительскому персоналу школы съ указаніемъ главныхъ признаковъ болѣзней. 11) Въ случаѣ, если эпидемическія заболѣванія учениковъ приняли такіе размѣры, что грозятъ большимъ заболѣваніемъ учащихся, и врачъ считаетъ необходимымъ закрытіе школы, онъ объясняетъ учителю или учительницѣ необходимость прекращенія занятій и о своемъ заключеніи доводитъ до свѣдѣнія управы. 12) Въ закрытой школѣ, по случаю появленія среди учащихся эпидемическихъ заболѣваній, производится дезинфекція какъ школьнаго помѣщенія, такъ равно и мебели и учебныхъ пособій. 13) Открытіе вновь школы, разъ закрытой по случаю появленія эпидемическихъ заразныхъ заболѣваній, производится земскою управой на основаніи заключенія врача. 14) При появленіи въ какомъ-либо селеніи эпидемическихъ острыхъ заболѣваній, воспрещеніе здоровымъ дѣтямъ этого селенія посѣщать школу, только изъ семействъ, гдѣ есть больные, или изъ всего селенія, предоставляется усмотрѣнію врача. 15) Посѣщеніе врачами сельскихъ школъ, какъ для санитарнаго надзора за помѣщеніями, такъ и для осмотра учениковъ, не должны, по возможности, нарушать правильный ходъ преподаванія.

Ко всему этому съѣздъ присоединилъ еще пожеланія: 1) чтобы учителя и учительницы, какъ ближайшіе проводники санитарныхъ мѣропріятій по отношенію къ школамъ, были ознакомлены съ общими признаками главныхъ острыхъ заразныхъ заболѣваній, грозящихъ дѣтскому возрасту; 2) чтобы санитарныя свѣдѣнія о школахъ входили въ кругъ обязательныхъ сообщеній гг. делегатовъ изъ уѣздовъ, и 3) чтобы въ тѣ засѣданія училищныхъ совѣтовъ и коммиссій, въ которыхъ обсуждаются касающіеся школьной гигіены вопросы, приглашались врачи.

Въ такомъ положеніи находился школьно-санитарный вопросъ въ 1889 г. Къ сожалѣнію, губернская санитарная коммиссія (или совѣтъ), которой было поручено съѣздомъ выработать програму санитарнаго описанія школъ и программу делегатскихъ сообщеній по этому вопросу, не была (не по винѣ земства) въ то время организована на выработанныхъ земствомъ началахъ, а потому и самые вопросы о школьной гигіенѣ не могли получить дальнѣйшаго развитія.

Съѣзды врачей съ того времени, по разнымъ причинамъ, тоже долго не могли состояться. Уже только въ текущемъ 1893 г. былъ созванъ XI-й съѣздъ земскихъ врачей, посвященный, главнымъ образомъ, вопросамъ борьбы съ холерой. На этотъ разъ въ числѣ делегатскихъ докладовъ былъ представленъ только одинъ (по Корчевскому уѣзду), заключавшій въ себѣ краткій очеркъ санитарнаго состоянія школъ въ уѣздѣ, составленный по матеріаламъ, собраннымъ. по однообразной программѣ, при посредствѣ сельскихъ учителей. Тѣмъ не менѣе вопросъ о школьной гигіенѣ и о санитарномъ надзорѣ за школами и на этомъ съѣздѣ не былъ обойденъ. Поводомъ къ обсужденію его послужило сообщеніе д-ра *Сухоручкина* о классной мебели въ 14-ти школахъ третьяго участка Тверскаго уѣзда.

При санитарномъ описаніи школъ своего участка д-ръ Сухоручкинъ, между прочимъ, задался вопросомъ: на сколько существующая въ школахъ классная мебель удовлетворяетъ своему назначенію? Съ этою цѣлью ему пришлось измѣрить ростъ всѣхъ учениковъ въ школахъ и столы или «парты», за которыми сидятъ ученики. Сопоставляя полученныя данныя о размѣрахъ партъ съ нормальными требованіями школьной гигіены (по Эрисману), д-ръ Сухоручкинъ не нашелъ «ни одной школы, гдѣ-бы хотя какой-нибудь размѣръ партъ строго соотвѣтствовалъ требованіямъ гигіены, иначе—въ 14-ти школахъ нѣтъ ни одной парты, которая не могла-бы оказать дурного вліянія на сидящаго на ней ученика». Секція, разсматривавшая какъ сообщеніе д-ра Сухоручкина, такъ и вообще школьно-санитарный вопросъ, констатировавъ «почти полное отсутствіе санитарнаго надзора за школами въ Тверской губ., исключая случаевъ появленія въ школахъ эпидемическихъ заболѣваній», нашла необходимымъ для ближайшаго будущаго намѣтить, въ предѣлахъ инструкціи, выработанной предъидущимъ съѣздомъ. слѣдующіе первые шаги въ школьной санитаріи. Во-первыхъ, указавъ на плохое устройство въ земскихъ школахъ классной мебели, секція предложила съѣзду просить участковыхъ врачей, при посѣщеніи ими школъ, обращать вниманіе на устройство классной мебели и о состояніи ея доводить до свѣдѣнія земскихъ собраній. Во-вторыхъ, обратить вниманіе на необходимость ревакцинаціи всѣхъ вновь поступающихъ ежегодно въ школу учениковъ, находя, что такимъ путемъ было-бы положено первое основаніе ревакцинаціи населенія *).

Въ виду выяснившейся еще на прежнихъ съѣздахъ необходимости имѣть санитарное описаніе школъ губерніи, секція, далѣе, предложила съѣзду включить свѣдѣнія о санитарномъ состояніи школъ въ программу делегатскихъ докладовъ къ будущему съѣзду врачей. Предложенія секціи съѣздомъ были приняты безъ возраженій.

---

*) По вопросу объ оспопрививаніи тѣмъ-же д-ромъ Сухоручкинымъ было сдѣлано на съѣздѣ особое сообщеніе.

Несмотря на желаніе, чтобы изслѣдованія санитарнаго состоянія школъ производились самими врачами, съѣздъ призналъ возможнымъ, въ случаѣ крайности, удовольствоваться описаніями, составляемыми наставниками и наставницами по однообразной программѣ. Составленіе такой программы или пересмотръ предложенныхъ съ этою цѣлью программъ московскаго земства и д-ровъ Корженевскаго и Мясникова съѣздъ, по предложенію секціи, поручилъ особой коммиссіи изъ участковыхъ врачей, избранныхъ съѣздомъ въ будущій губернскій санитарный совѣтъ. По составленіи программы, она должна быть отпечатана и разослана всѣмъ участковымъ врачамъ.

Въ заключеніе XI-й съѣздъ врачей призналъ необходимымъ, чтобы при возведеніи новыхъ школьныхъ зданій выработка плана школы производилась при участіи мѣстныхъ земскихъ врачей. А въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ земствомъ открываются школы въ ранѣе выстроенныхъ помѣщеніяхъ, признано желательнымъ, чтобы открытіе производилось лишь послѣ того, какъ мѣстнымъ земскимъ врачемъ будетъ дано заключеніе о пригодности даннаго зданія для школы.

Нельзя сказать, чтобы вопросы школьной санитаріи въ Тверской губерніи могли считаться достаточно полно разработанными. Мы видѣли выше, что въ этомъ отношеніи сдѣланы только первыя попытки; но попытки эти не могли не оказать вліянія на дѣятельность мѣстныхъ уѣздныхъ земствъ, постоянно заботящихся объ улучшеніи постановки школьнаго дѣла въ уѣздахъ. Санитарныя описанія школъ Старицкаго, Тверскаго, Новоторжскаго и, затѣмъ, Корчевскаго уѣздовъ показали, что большинство школъ, по своему устройству и содержанію, не удовлетворяютъ даже минимальнымъ требованіямъ гигіены: неудобно устроенная классная мебель, тѣснота классовъ, недостатокъ свѣта и воздуха, отсутствіе помѣщенія для сниманія верхней одежды, плохо устроенныя отхожія мѣста,—вотъ недостатки, обнаруженные изслѣдованіемъ въ большинствѣ сельскихъ школъ. Но всѣ эти недостатки падаютъ, главнымъ образомъ, на школы, помѣщающіяся въ наемныхъ квартирахъ или зданіяхъ, выстроенныхъ на первыхъ порахъ земской дѣятельности, когда требованія отъ школьныхъ помѣщеній были значительно скромнѣе теперешнихъ. Возводимыя-же въ послѣдніе годы, при участіи уѣздныхъ земствъ, школьныя зданія почти во всѣхъ уѣздахъ губерніи строются съ соблюденіемъ главныхъ требованій школьной гигіены, возможно свѣтлыя и просторныя. И въ этомъ нельзя не видѣть замѣтнаго вліянія дѣятельности врачей, къ совѣтамъ и указаніямъ которыхъ земства Тверской губ. всегда относились съ большимъ вниманіемъ. Для примѣра приведу фактъ изъ недавняго прошлаго. Въ послѣднемъ очередномъ земскомъ собраніи Тверскаго уѣзда (сессіи 1892 г.) участковый земскій врачъ г. Сухоручкинъ прочелъ свою записку (сообщенную потомъ на XI-мъ съѣздѣ врачей) о неудовлетворительности школьной мебели и о необходимости ея улучшенія. Собраніе, согласившись съ доводами врача, постановило просить участковыхъ врачей произвести измѣреніе роста учениковъ въ сельскихъ школахъ и ассигновало до 200 руб. на заготовленіе образцовъ школьныхъ партъ для учениковъ разныхъ (трехъ) возрастовъ съ тѣмъ, чтобы этими образцами были снабжены всѣ земскія школы уѣзда.

К. В--въ.

Поѣздка въ Москву учениковъ Оренбургской киргизской учительской школы въ декабрѣ 1892 г.

Описаніе этой поѣздки было помѣщено, подъ приведеннымъ заглавіемъ, въ «Оренбургскомъ листкѣ» за текущій 1893 годъ, и затѣмъ, по заказу Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, сдѣланы отдѣльные оттиски описанія, въ формѣ небольшой, въ 16 долю листа, брошюры, имѣющей 63 страницы. Воспитанники Оренбургской киргизской учительской школы—киргизы, уроженцы Тургайской области, Уральской и Букеевской орды. Они поступаютъ въ киргизскую учительскую школу по окончаніи курса въ начальныхъ русско-киргизскихъ и киргизскихъ училищахъ, а также въ училищѣ, состоящемъ при самой учительской школѣ. На содержаніе воспитанника учительской школы отпускается по 90 руб., а на воспитанника состоящей при ней начальной школы по 60 р. въ годъ. За исключеніемъ, на сколько намъ извѣстно, Кавказскаго учебнаго округа, хотя въ немъ инородческое населеніе является даже преобладающимъ, у насъ господствуетъ система устройства для инородческихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, особыхъ заведеній, имѣющихъ цѣлью приготовленіе учителей именно для тѣхъ или иныхъ инородческихъ-же училищъ. Вмѣсто того, чтобы, при соблюденіи извѣстнаго процентнаго отношенія между учащимися, помѣщать инородцевъ, готовящихся къ учительству среди своихъ единоплеменниковъ, въ русскія учительскія семинаріи, гдѣ эти инородцы, при посредствѣ своихъ русскихъ товарищей, могли-бы находиться въ большемъ соприкосновеніи съ русскою жизнью, могли-бы лучше овладѣть практически русскою рѣчью, у насъ до сихъ поръ еще имѣются для нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ обособленныя инородческія-же учительскія школы. Такова отчасти и Оренбургская киргизская учительская школа. Мы сказали «отчасти» потому, что, въ силу Высочайшаго соизволенія, съ 1892—1893 учебнаго года по отношенію къ названной школѣ принята весьма благоразумная мѣра, состоящая въ томъ, что нынѣ въ нее принимаются и русскіе ученики, до половины положеннаго по штату числа учениковъ, т.-е. школа начинаетъ утрачивать свое обособленное положеніе и въ сущности уже не можетъ болѣе называться «*киргизскою* учительскою школою». Тѣмъ не менѣе, однакожъ, совершенно справедливо замѣчаніе почтеннаго руководителя школы, г. А. Тарнавскаго, что «обученіе и воспитаніе въ ней не можетъ дать ученику-киргизу такихъ прочныхъ основаній для будущей учительской дѣятельности, какія могутъ быть получены отъ соединенія теоретическаго изученія русскаго языка, исторіи и т. д. съ практическимъ ознакомленіемъ съ Россіей, съ жизнью русскаго народа и тѣми городами и мѣстностями, которые имѣютъ особенное значеніе въ жизни русскаго народа. Врядъ-ли кто будетъ спорить противъ той мысли, что такое ознакомленіе съ Россіей необходимо всякому учителю, тѣмъ болѣе инородцу, который долженъ ввести своихъ единоплеменниковъ въ обще-русскую жизнь» (стр. 2). Для ознакомленія учениковъ старшаго класса школы съ Россіей и была задумана поѣздка въ Москву, но почему-то во время рождественскихъ, а не лѣтнихъ каникулъ, когда путешествіе можно было-бы совершить съ большими удобствами и большею пріятностью для юныхъ путешественниковъ.

Передъ своею поѣздкою ученики, предназначенные участвовать въ ней, должны были повторить исторію Московскаго государства, начиная съ Іоанна Калиты до Петра Великаго, и изучить планъ Москвы. Руководство на все время поѣздки и отвѣтственность за нее приняли на себя инспекторъ школы, г. А. Тарнавскій, и одинъ изъ надзирателей. Чтобы отнять у татаръ возможность распускать между киргизами толки, что учениковъ школы повезли крестить въ Москву, къ участію въ поѣздкѣ былъ приглашенъ также преподаватель магометанскаго вѣроученія—мулла. Учениковъ поѣхало пять: Юлдузовъ, Тяжибаевъ, Кусякъ-Галіевъ, Кубековъ и Джумаліевъ. На поѣздку г. попечителемъ Оренбургскаго учебнаго округа было дано 150 р., но даже и эта ничтожная сумма не была истрачена: вся поѣздка обошлась всего 85 р. Правленія желѣзныхъ дорогъ Оренбургской, Сызрано-Вяземской и Рязанско-Уральской дали безплатные билеты, а за проѣздъ по Московско-Казанской желѣзной дорогѣ, отказавшей даже въ скидкѣ, уплатило одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ. Надежда на помощь тѣхъ лицъ и учрежденій, которыхъ школа безпокоила своими просьбами, вполнѣ оправдалась: Московскій митрополитъ, высокопреосвященный Леонтій, распорядился, чтобы ученикамъ было предоставлено въ храмѣ Спасителя очень удобное и прекрасное для обозрѣнія храма мѣсто на хорахъ; оберъ-полиціймейстеръ прислалъ къ услугамъ школы полицейскаго чиновника, хорошо знающаго городъ; начальникъ дворцоваго управленія распорядился приставить къ ученикамъ, при осмотрѣ дворцовъ, самаго свѣдущаго изъ своихъ подчиненныхъ; Общество желѣзно-конныхъ дорогъ Москвы прислало даровые билеты; директоръ музеевъ, В. А. Дашковъ, позволилъ посѣтить Румянцевскій музей въ праздничный день, когда музей закрытъ для публики; политехническій музей предоставилъ даровыя мѣста для слушанія лекціи о фонографѣ; о. намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры предоставилъ даровое помѣщеніе въ гостинницѣ на время посѣщенія лавры; наконецъ, владѣлецъ Лоскутной гостинницы, М. Е. Поповъ, отказался принять деньги за помѣщеніе и пр., чѣмъ пользовались ученики въ теченіе пребыванія въ Москвѣ, съ 22-го по 29-го декабря. Школа просила о даровомъ помѣщеніи въ Московскомъ учительскомъ институтѣ, но получила отказъ, мотивированный тѣмъ, что помѣщеніе института тѣсно, хотя время было каникулярное. Обратиться къ болѣе любезному гостепріимству другихъ заведеній у Оренбургской школы, вѣроятно, не было времени, такимъ образомъ и пришлось воспользоваться любезностью частнаго лица—хозяина гостинницы.

Выѣхавъ изъ Оренбурга 20-го декабря 1892 г., воспитанники учительской школы возвратились въ него 1-го января 1893 года. И эта почти двѣнадцатидневная поѣздка въ Москву восьми лицъ обошлось, какъ мы уже сказали, всего въ 85 руб. Изъ этого видно, что и у насъ учащимся можно совершать столь полезныя во всѣхъ отношеніяхъ путешествія съ ничтожными, сравнительно, денежными затратами. Недостатка въ содѣйствіи столь полезному дѣлу со стороны многихъ отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій ожидать нельзя,—были-бы только у руководителей учебныхъ заведеній искреннее желаніе и умѣнье вызвать общество на такую помощь. Въ этомъ отношеніи примѣръ инспектора Оренбургской учительской школы заслуживаетъ полной похвалы и долженъ-бы вызвать подражаніе въ начальникахъ заведеній подобнаго рода и другихъ учебныхъ заведеній какъ обще-

образовательныхъ, такъ и въ особенности техническихъ или профессіональныхъ.

Пять вышепоименованныхъ учениковъ изъ киргизовъ во время своего пути въ Москву и обратно, а также во время пребыванія въ древней русской столицѣ вели замѣтки о всемъ видѣнномъ ими. По возвращеніи изъ Москвы эти замѣтки были воспитанниками обработаны, при участіи, конечно, руководителя школы, и помѣщены въ мѣстной газетѣ—«Оренбургскомъ листкѣ» за нынѣшній годъ. Вѣроятно, онѣ были не безъ интереса прочитаны мѣстными обывателями, какъ и мы съ удовольствіемъ просмотрѣли отдѣльный оттискъ замѣтокъ. Въ брошюркѣ помѣщены: Предисловіе—инспектора г. А. Тарнавскаго и затѣмъ 18 слѣдующихъ статей: Описаніе приготовленій къ отъѣзду и перваго, второго и третьяго дней пути. На самоварной фабрикѣ въ Москвѣ (случайное посѣщеніе), въ Кремлѣ, Картинная галлерея Третьякова, Кремлевскій дворецъ, Оружейная палата, Храмъ Христа Спасителя, Троице-Сергіева лавра, Политехническій музей, Памятникъ Пушкину, Румянцевскій музей, Домъ бояръ Романовыхъ, Въ книжныхъ магазинахъ, Прощаніе съ Москвой, Самара. Чтобы познакомить читателей съ характеромъ замѣтокъ, сдѣланныхъ учениками-инородцами, по религіи—магометанами, приведемъ двѣ-три выдержки, взятыя нами наудачу.

«Екатерининскій залъ по своей обстановкѣ нисколько не уступаетъ предыдущимъ заламъ (Кремлевскаго дворца). За нимъ слѣдуетъ парадная диванная; въ ней столы и двери украшены черепахой, яшмой, перламутромъ и золотомъ; далѣе слѣдуетъ парадная спальня, обитая парчею, парадная уборная съ различными узорами; за нею находятся внутреннія комнаты, зимній садъ и царскіе терема.—Затѣмъ были мы въ Грановитой палатѣ. Въ ней стоитъ тронъ государя; здѣсь государи обѣдаютъ въ день коронаціи. Среди Грановитой палаты находится четырехугольный столбъ, на который опираются своды ея. Наверху въ стѣнѣ противъ трона небольшое окно, или тайникъ, въ который прежде смотрѣли царицы и царевны на царскіе парадные обѣды.—Послѣ этого мы были во дворцѣ царя Алексѣя Михайловича, сперва въ столовой комнатѣ, потомъ въ гостиной, гдѣ хранятся въ золотыхъ ковчегахъ: грамота объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство, а также рукописи патріарха Никона. Въ одной изъ комнатъ находится тронъ царя Алексѣя Михайловича. Въ спальнѣ стоитъ кровать, покрытая китайскимъ одѣяломъ съ китайской занавѣсью. Затѣмъ были въ молельнѣ и пріемной комнатѣ. Всѣ палаты царя Алексѣя Михайловича небольшія, со сводами и небольшими окнами; обстановка очень скромная; въ нѣкоторыхъ комнатахъ сохранились старинныя обои и слюда вмѣсто стеколъ. — Потомъ мы были въ собственныхъ покояхъ Государя Императора. Сперва ввели насъ въ столовую, потомъ въ другія комнаты: гостинную,—потомъ въ кабинетъ и въ моленную. Особенно удивила насъ необыкновенно скромная обстановка кабинета Государя. Здѣсь нѣтъ ничего лишняго. Письменный столъ, обитый зеленымъ сукномъ, такъ простъ, что мы даже ахнули. Въ покоѣ есть картина и статуетка, изображающая Наполеона I на конѣ. Затѣмъ были въ покояхъ Государыни Императрицы, сперва въ уборной, а потомъ въ опочивальнѣ; здѣсь видѣли въ углу небольшой кіотъ съ старинными, чудной работы иконами и съ молитвенниками на столикѣ. Мебель и здѣсь скромная.—Все видѣнное вызвало въ моей душѣ неотразимо высокое и пріятное чувство» (стр. 30—31. Изъ описанія посѣщенія «Кремлевскаго дворца» воспитанника Тяжибаева).

«При входѣ въ Политехническій музей мы увидѣли статую Петра Великаго. Онъ изображенъ въ трехугольной шляпѣ, въ кафтанѣ, съ толстою палкою въ рукѣ и большихъ сапогахъ. Тутъ-же мы видѣли разныя рыболовныя принадлежности и рисунки, поясняющіе, какъ слѣдуетъ приводить въ чувство утопленника. — Послѣ этого повели насъ въ самый музей, въ отдѣлъ учебныхъ пособій. Особенное вниманіе здѣсь обращаетъ на себя классный столъ, съ сидящими за нимъ учениками, которые сидятъ, какъ живые. Они наглядно показываютъ то неправильное сидѣніе за класснымъ столомъ, которое ведетъ къ развитію близорукости и къ искривленію позвоночнаго столба. Тутъ-же представлены образцовые классные столы. Далѣе мы видѣли много предметовъ по обученію слѣпыхъ: приборы для письма слѣпыхъ и печатанія, азбуку и образцы ремесленныхъ работъ слѣпыхъ: вязанье, витье бечевокъ и канатовъ и плетенье корзинъ.—Перчатки, чулки, рубашки и др., связанные слѣпыми, нисколько не уступаютъ таковымъ работамъ зрячихъ. Работы глухонѣмыхъ, какъ-то: разныя деревянныя издѣлія и обувь, также отличаются изящностью и чистотою отдѣлки.—Въ отдѣленіи физическаго воспитанія дѣтей мы видѣли предметы, касающіеся превоначальнаго воспитанія у различныхъ народовъ и преимущественно Россіи. Здѣсь находится цѣлый рядъ колыбелей изъ внутренней Россіи, западнаго края, Финляндіи, Сибири и Кавказа. Эта коллекція представляетъ особый интересъ въ виду оригинальныхъ приспособленій къ мѣстнымъ условіямъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуютъ домашнія колыбели и полевыя, на время лѣтнихъ работъ. Особенно оригинальна колыбель самоѣдовъ. Она состоитъ изъ полулипки съ перегородками съ обоихъ концовъ. На концахъ съ боковъ находятся 4 отверстія, въ которыя продѣвается веревка, которую берутъ на плечи такъ, что колыбель находится сбоку человѣка.—Потомъ мы перешли въ зоологическій отдѣлъ и видѣли здѣсь огромную модель шелковичнаго червяка, чучела бурой медвѣдицы съ медвѣжатами въ своей берлогѣ, бѣлыхъ медвѣдей, одного дикаго кабана и пяти волковъ, нападающихъ на него, павлина, почтовыхъ голубей, огромныхъ морскихъ черепахъ и даже часть египетской муміи. Отдѣлъ пчеловодства и огородничества мы разсматривали внимательно. Хотя эти занятія у киргизовъ совсѣмъ не развиты, но они у насъ легко могутъ развиться, особенно въ мѣстахъ, гдѣ киргизы начинаютъ вести осѣдлый образъ жизни.—Послѣ этого мы осматривали издѣлія изъ лыкъ. Особенно интересны полный костюмъ изъ лыка, сапоги и даже разная посуда. Между разными стеклянными, фарфоровыми, фаянсовыми вещами особенно заинтересовали насъ стеклянныя нити и стеклянные галстуки» и т. д. (Стр. 45—46. Изъ описанія посѣщенія Политехническаго музея, воспитанника Кусябъ-Галіева).

Воспитанники возвратились домой, обогатясь запасомъ полезныхъ и пріятныхъ впечатлѣній, вѣроятно, на всю остальную свою жизнь. Было-бы весьма желательно, чтобы воспитанники учительскихъ семинарій и другихъ учебныхъ заведеній проводили-бы съ такою-же пользою часть своего каникулярнаго времени. Стоимость такихъ поѣздокъ не можетъ быть особенно высока уже потому, что большинство желѣзныхъ дорогъ охотно дѣлаютъ въ такихъ случаяхъ сбавку съ пассажирскихъ билетовъ, а помѣщеніе всегда можно найти безплатное въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, на половину или даже вовсе пустующихъ во время каникулъ.

К. М.

Въ Московскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 11-го мая.

По прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, присутствовавшими былъ выслушанъ весьма интересный докладъ г. Вахтерова: «Книжные склады въ провинціи». Отмѣтивъ въ началѣ доклада, что характеристическою чертою нашего времени въ народно-просвѣтительской дѣятельности служатъ заботы о распространеніи хорошихъ книгъ въ народѣ, докладчикъ сравниваетъ положеніе этого дѣла у насъ въ настоящее время и 10—15 лѣтъ тому назадъ, когда начальная школа выпускала ежегодно сотни тысячъ грамотныхъ, между тѣмъ вопросъ о томъ, что будутъ читать эти грамотные, интересовалъ только немногихъ, и потребность въ чтеніи среди народа удовлетворялась почти исключительно продавцами лубочныхъ изданій. Теперь обстоятельства перемѣнились; всѣ данныя по этому вопросу, какъ-то: цыфры книгъ, изданныхъ для народа, количество библіотекъ, разсылаемыхъ Петербургскимъ и Московскимъ комитетами грамотности, земствами и частными лицами, несомнѣнно говорятъ за то, что скоро и у насъ настанетъ время, когда каждый грамотный получитъ возможность прочесть хорошую книгу. Дѣятельность названныхъ комитетовъ грамотности по разсылкѣ безплатныхъ библіотекъ въ провинцію, конечно, заслуживаетъ полнаго сочувствія, но она по своимъ размѣрамъ является лишь слабою попыткою въ дѣлѣ сближенія хорошей книги съ народившимся читателемъ. Чтобы положеніе это сдѣлать болѣе убѣдительнымъ, докладчикъ обратился къ цыфрамъ: въ 1891 году Петербургскій комитетъ грамотности разослалъ 50.045 экземпляровъ книгъ на сумму 6.000 рублей и Московскій— 2.615 экземпляровъ на сумму 593 руб. 87½ коп. И это въ цѣлый годъ, на всю необъятную Россію! Вотъ почему необходимо изыскиватъ новые пути въ дѣлѣ распространенія хорошихъ книгъ въ народѣ. Однимъ изъ такихъ путей, по мнѣнію докладчика, представляется помощь, какую комитеты могли-бы оказать дѣлу *продажи* книгъ въ глухихъ деревенскихъ углахъ грамотному люду. Дѣятельность офеней и другихъ лицъ, занятыхъ торговлей лубочными изданіями, самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что народъ нашъ даже при своихъ скудныхъ средствахъ не скупится на покупку книгъ и платитъ иногда за книжку въ 7—8 разъ дороже ея дѣйствительной стоимости (смотря по тому, сколько не посовѣстится запросить за нее хитрый коробейникъ-владимірецъ), лишь-бы только удовлетворить своимъ вполнѣ законнымъ умственнымъ запросамъ. Далѣе докладчикъ, пользуясь матеріалами, поступившими въ состоящую при Московскомъ комитетѣ грамотности коммиссію по воскреснымъ школамъ, приводитъ нѣсколько случаевъ поразительнаго успѣха, которымъ сопровождались попытки нѣкоторыхъ земствъ, учителей и частныхъ лицъ въ дѣлѣ распространенія книгъ въ народѣ путемъ продажи. Вотъ эти факты. Въ книжномъ складѣ при Тихвинской земской управѣ съ іюня 1891 года по мартъ 1893 года продано 10.400 книгъ, на 776 руб. 78½ коп.; цѣна на книжку здѣсь доведена до крайней степени дешевизны. Въ Устюжскомъ земствѣ Новгородской губ., изъ 8.848 купленныхъ для продажи земствомъ книгъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль было продано 6.000 экземпляровъ. Членомъ Московскаго комитета грамотности П. Д. Антиповою въ 1891 году открытъ въ Костромѣ складъ народныхъ изданій, распродавшій въ теченіе

года книгъ и учебниковъ для сельскихъ школъ на 5.381 руб. 19 коп., въ количествѣ 35.431 экземпляра книгъ для чтенія, 5.454 экземпляровъ картинъ и 9.270 экземпляровъ учебниковъ. При редакціи неоффиціальной части «Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостей» 15-го декабря 1892 года устроенъ складъ, оперирующій настолько успѣшно, что въ первый-же мѣсяцъ его существованія здѣсь было продано копеечныхъ и 2-хъ-коп. книгъ болѣе 10.000 экземпляровъ. Упомянувъ затѣмъ о дѣятельности Тверского и Харьковскаго книжныхъ складовъ, учрежденныхъ при мѣстныхъ земствахъ, докладчикъ остановился на Нижегородскомъ обществѣ распространенія грамотности, которое сдѣлало заслуживающую особаго вниманія попытку организовать отдѣленія своего склада при сельскихъ училищахъ губерніи и такимъ образомъ получило возможность съ большимъ успѣхомъ конкуррировать съ офенями, успѣхъ которыхъ объясняется именно тѣмъ, что они сами ищутъ покупателя изъ народа на мѣстѣ его жительства. Число отдѣленій Нижегородскаго склада увеличивается съ каждымъ годомъ: въ 1889 г. ихъ было 53, въ 1890 г.—72 и къ 1892-му году—84; параллельно съ этимъ растутъ и обороты этихъ отдѣленій. Говоря о распространеніи книгъ въ народѣ частными лицами, докладчикъ остановился на дѣятельности въ этомъ направленіи учителя, завѣдывающаго Вознесенскимъ 2-классньмъ сельскимъ училищемъ Московской губ. Присматриваясь къ успѣху, какимъ пользовались въ данной мѣстности офени, учитель пришелъ къ мысли о необходимости устроить складъ при училищѣ, каковой онъ, по соглашенію съ почетнымъ блюстителемъ и съ разрѣшенія инспектора народныхъ училищъ, и открылъ въ 1892 году. Успѣхъ превзошелъ всякія ожиданія: въ первые-же 4 мѣсяца было продано 3.000 экземпляровъ книгъ, цѣною отъ 1 до 20 коп. Наибольшимъ спросомъ при этомъ пользовались тѣ самыя книги, большинство которыхъ рекомендуются обоими комитетами грамотности и книгою «Что читать народу?», что ясно указываетъ неиспорченность еще вкуса потребителей. Чтобы представить себѣ успѣхъ этого склада въ дѣлѣ распространенія книгъ, стоитъ только сравнить количество проданныхъ здѣсь книгъ съ числомъ книгъ, разсылаемыхъ комитетомъ грамотности. По послѣднему отчету Московскій комитетъ въ 1891 году разослалъ книгъ 2.615 экземпляровъ, а тутъ одна школа, безъ особенныхъ затратъ, успѣла въ 4 мѣсяца распродать 3.000 экземпляровъ. Подобные факты наводятъ на мысль, что комитетамъ грамотности въ своихъ заботахъ о распространеніи книгъ въ народѣ не слѣдуетъ пренебрегать такимъ легкимъ, не требующимъ значительныхъ пожертвованій и въ то-же время такимъ дѣйствительнымъ средствомъ, какъ возможная помощь мелкимъ книжнымъ складамъ при школахъ, фабрикахъ, волостныхъ правленіяхъ и проч. Изъ матеріаловъ, имѣющихся въ распоряженіи коммиссіи по воскреснымъ школамъ, видно, что мысль объ организаціи цѣлой сѣти мелкихъ книжныхъ складовъ находитъ своихъ сторонниковъ среди многихъ лицъ и учрежденій. Такъ, г. ярославскій губернаторъ А. Я. Фриде, желая оказать всякое возможное содѣйствіе къ устройству книжныхъ складовъ при школахъ, въ сельскихъ обществахъ, поручилъ редактору губернскихъ вѣдомостей озаботиться устройствомъ центральнаго книжнаго склада. Предсѣдатель Спасскаго училищнаго совѣта Н. В. Смольяниновъ доставилъ въ коммиссію прекрасно мотивированный проектъ объ организаціи продажи книгъ сельскому населенію. За необходимость устройства книжныхъ складовъ высказывается также Усманская земская управа, по мнѣ-

нію которой склады нужны, между прочимъ, затѣмъ, чтобы вытѣснить съ базаровъ и мелкихъ лавочекъ изданія безполезнаго содержанія. Многія земскія собранія выразили свое сочувствіе мысли объ устройствѣ книжныхъ складовъ тѣмъ, что поручили управамъ устройство подобныхъ складовъ, таковы: Зубцовское, Кобелянское, Смоленское губернское, ассигновавшее съ этою цѣлью по 200 руб. на каждый изъ 12 уѣздовъ, Екатеринбургское, ассигновавшее на этотъ предметъ 500 руб. въ распоряженіе управы, Кирсановское, Казанское губернское, передавшее это дѣло въ вѣдѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній, Волчанское, Красноуфимское, Маріупольское, Новгородское, Кременчугское и Царевококшайское. Кромѣ того, при многихъ земствахъ существуютъ склады учебниковъ *) для снабженія ими училищъ; такіе склады важны въ томъ отношеніи, что ихъ организаціею легко воспользоваться также и въ видахъ распространенія книгъ для внѣкласснаго чтенія.

Земскіе книжные склады уже имѣютъ свою исторію. Первая попытка этого рода дѣлалась еще болѣе 20 лѣтъ тому назадъ слѣдующими земствами: Уржумскимъ, Варнавинскимъ, Валдайскимъ и Кологривскимъ, но попытки оказались неудачными и склады должны были закрыться. Причинами, обусловливавшими вялую дѣятельность складовъ и вызвавшими ихъ закрытіе, служили слѣдующія двѣ: недостатокъ разнообразія въ выборѣ книгъ и недовольно сочувственное отношеніе большинства учителей къ этому дѣлу. По мнѣнію докладчика, затрудненія эти могутъ быть устранены въ первомъ случаѣ тѣмъ содѣйствіемъ, которое могли бы оказать земствамъ столичные комитеты грамотности въ дѣлѣ выбора книгъ въ смыслѣ ихъ разнообразія и интереса: они-же могли-бы рекомендовать складамъ и большой выборъ хорошихъ картинъ, что еще болѣе оживило-бы мѣстную книжную торголю. Что-же касается недостаточно сочувственнаго отношенія большинста учителей къ дѣлу распространенія книгъ путемъ продажи, то затрудненіе это устранится само собою, если учителя будутъ заинтересованы въ распространеніи книгъ извѣстнымъ процентомъ прибыли, поступающимъ въ ихъ пользу. Несомнѣнно, что встрѣчаются и такіе учителя, которые съ увлеченіемъ, сверхъ своихъ прямыхъ и тяжелыхъ обязанностей, берутъ на себя новое дѣло изъ-за одного желанія принести посильную пользу народу, но вообще на такое безкорыстіе разсчитывать нельзя. Нечего также бояться, что цѣна на книжку увеличится вслѣдствіе отчисленія извѣстной прибыли въ пользу учителя: какъ-бы ни была велика отчисляемая ему часть, цѣна книжки все-таки будетъ ничтожной въ сравненіи съ тою, какую установили офени. Только при этомъ условіи книжная торговля можетъ стать дѣломъ повсемѣстнымъ, а не ограничиваться тѣми немногими мѣстностями, гдѣ случайно нашелся преданный дѣлу народнаго просвѣщенія человѣкъ. Тѣмъ не менѣе, попытки, предпринимаемыя въ этомъ направленія людьми, безкорыстно предлагающими свой трудъ и время, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Подобныя личности явятся піонерами въ изысканіи новыхъ путей для распространенія хорошихъ изданій; ихъ показанія о наилучшихъ условіяхъ сбыта и ихъ наблюденія будутъ имѣть большую цѣнность; имъ, наконецъ, безъ всякаго риска можно оказывать самый широкій кредитъ, въ которомъ они обыкновенно нуждаются.

---

*) Склады существуютъ, между прочимъ, при Усманской, Новоржевской и Уржумской управахъ, а также при Керенскомъ и Мосальскомъ училищныхъ совѣтахъ.

Заканчивая свое сообщеніе, г. Вахтеровъ замѣтилъ, между прочимъ, что было-бы большою ошибкою, если-бы изъ вышеприведеннаго ряда фактовъ кто-либо вывелъ заключеніе, что дѣло просвѣщенія народныхъ массъ поставлено у насъ удовлетворительно и что движеніе въ этомъ направленіи приняло широкое развитіе. Такое движеніе можно разсматривать только, какъ очень слабый отголосокъ того, что дѣлается въ этомъ направленіи на всемъ земномъ шарѣ. Такъ, напр., въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ число періодическихъ изданій доходитъ до 20 тысячъ, въ крошечной Бельгіи до 917, въ Голландіи до 700, въ Швейцаріи до 600; обращаясь изъ Европы въ Азію, встрѣчаемъ Японію, гдѣ число періодическихъ изданій достигаетъ 2.000, между тѣмъ какъ у насъ, на все необъятное пространство, имѣется только 300 періодическихъ изданій, включая сюда всѣ правительственныя изданія. Принимая въ соображеніе количество населенія, мы должны были-бы имѣть болѣе 40.000 періодическихъ изданій, чтобы идти въ уровень съ Соединенными Штатами, и болѣе 6.000 изданій, чтобы сравняться съ Японіей. Не болѣе утѣшительные выводы дали-бы цыфровыя данныя и о количествѣ книгъ, такъ какъ кни а у насъ далеко не получила такого распространенія, какъ на Западѣ. «Вотъ какъ много еще остается у насъ на долю частной иниціативы,—заключаетъ докладчикъ,—и естественно, что ее должны вызывать и поддерживать такія учрежденія, какъ Московскій комитетъ грамотности». Докладъ г. Вахтерова былъ выслушанъ съ большимъ интересомъ, и собраніе единогласно постановило избрать особую коммиссію, которой и поручить выработку тѣхъ основаній, на которыхъ Комитетъ могъ-бы выступить на новый путь распространенія книгъ въ народѣ, посредствомъ устройства книжныхъ складовъ по глухимъ деревенскимъ угламъ. Работу свою вновь избранная коммиссія должна представить на заключеніе Комитета въ одно изъ ближайшихъ осеннихъ засѣданій настоящаго года.

Затѣмъ было приступлено къ выбору новыхъ членовъ, причемъ избрано было болѣе 30 человѣкъ. **Н. Т—въ.**

Въ Петербургскомъ комитетѣ грамотности.

Засѣданія 6, 13, 20 и 27 апрѣля.

6, 13 и 20 апрѣля собраніе занято было почти сплошь разсмотрѣніемъ проекта новыхъ дополнительныхъ правилъ, устанавливающихъ болѣе опредѣленнымъ образомъ отношенія между отдѣльно функціонирующими органами Комитета — его коммиссіями и Совѣтомъ, въ особенности-же—измѣняющихъ старый порядокъ выборовъ въ члены и въ Совѣтъ и расширяющихъ, въ предѣлахъ основного устава, функціи и силы Комитета. Ограничимся здѣсь указаніемъ лишь на то существенно важное, что вносятъ въ жизнь Комитета новыя дополнительныя (къ основному уставу) правила въ ихъ санкціонированномъ общими собраніями видѣ; таковымъ является: 1) Новая категорія членовъ, а именно — члены-сотрудники; для нихъ не денежный взносъ обязателенъ, а трудовой, не пять рублей обусловливаютъ право участія въ общей работѣ Комитета грамотности, но самое проявленіе этого участія даетъ право называться членомъ его. Тутъ важенъ, конечно, въ особенности нравственный призывъ, кличъ къ союзной работѣ... Избираемые порядкомъ, общимъ

съ дѣйствительными членами, члены-сотрудники пользуются правомъ совѣщательнаго (но не рѣшающаго) голоса въ общихъ собраніяхъ Комитета и въ его коммиссіяхъ, куда также могутъ быть избираемы (за исключеніемъ ревизіонной коммиссіи). 2) Особая коммиссія по собиранію свѣдѣній по народному образованію. При обсужденіи этого пункта секретарь Комитета, завѣдывающій разсылкою книгъ, В. В. Девель, внесъ предложеніе объ образованіи особаго бюро при названной коммиссіи, задачей котораго было-бы давать обращающимся къ нему всевозможныя свѣдѣнія и справки по дѣламъ и вопросамъ народнаго образованія. Ничего подобнаго доселѣ не существовало, хотя нужда въ такомъ учрежденіи несомнѣнная, и именно въ Петербургѣ оно имѣло-бы наиболѣе средствъ достаточно полно и плодотворно функціонировать. Предложеніе г. Девеля было принято собраніемъ единодушно. 3) Условія избранія въ члены Комитета нѣсколько измѣнены; какъ и прежде, желающій вступить въ составъ Комитета долженъ подать свое письменное заявленіе о томъ и заручиться рекомендаціей, по крайней мѣрѣ, двухъ членовъ Комитета. Въ сущности обыкновенно одинъ рекомендующій уже обезпечивалъ успѣшность выбора, второй-же рекомендующій привлекался къ рукоприкладству первымъ по товариществу, давалъ свое имя въ нѣкоторомъ родѣ въ кредитъ; предсѣдатель прочитывалъ собранію списокъ баллотирующихся, съ поименованіемъ рекомендующихъ, по прочтеніи-же вопрошалъ: «Никто ничего не имѣетъ противъ избранія этихъ лицъ?» Слѣдовало общее молчаніе, сирѣчь знакъ согласія, къ которому, не долго думая, и прилагалъ онъ печать словами: «итакъ, этихъ лицъ можно считать принятыми»... Новыя дополнительныя правила даютъ выборщикамъ срокъ подумать: предложеніе въ члены и избраніе не должны происходить въ одномъ и томъ-же засѣданіи. Новоизбранный дѣйствительный членъ вступаетъ въ права и обязанности таковаго не ранѣе, какъ по уплатѣ имъ членскаго взноса; дальнѣйшая-же аккуратность взносовъ обезпечивается для Комитета § 12 дополнительныхъ правилъ, постановляющимъ терпѣть недоимку лишь до двухъ лѣтъ, послѣ чего не считать неплательщика членомъ дѣйствительнымъ, допускать-же къ избиранію его за симъ (обычнымъ порядкомъ) не иначе, какъ лишь по уплатѣ полностью недоимки. Очевидно, этотъ мрачный параграфъ вызванъ случаями упорнаго неплательщицкаго рецидива. 4) Установленіе болѣе точно опредѣленнаго порядка выборовъ въ Совѣтъ (постоянный исполнительный органъ Комитета) и въ ревизіонную коммиссію. Для избранія требуется въ результатѣ баллотировки болѣе половины всего числа голосовъ присутствующихъ въ избирательномъ собраніи членовъ Комитета; если-же таковаго большинства ни за кѣмъ не оказалось, то производится перебаллотировка относительно двухъ, получившихъ наибольшее, сравнительно, число голосовъ, послѣ чего дѣло рѣшаетъ уже простое большинство. 5) Параграфомъ 61 «правилъ» полагается въ годовыхъ отчетахъ Комитета новый отдѣлъ для тѣхъ изъ резолюцій общихъ собраній, которыя могутъ имѣть руководящее значеніе. 6) Общее собраніе можетъ считаться состоявшимся не иначе, какъ при наличности, по крайней мѣрѣ, $^{1}/_{20}$ всего числа дѣйствительныхъ членовъ Комитета (нынѣ ихъ всего около 300). Затѣмъ можно упомянуть еще о выясненіи «дополнительными правилами» точнаго смысла черезчуръ лаконическаго § 14 основныхъ правилъ; этотъ параграфъ разъясненъ замѣчаніемъ, что предложенія, устныя или письменныя, могутъ быть вносимы и непосредственно въ общія собранія Комитета, но окончательное разсмотрѣніе ихъ таковымъ мо-

жетъ происходить лишь послѣ обсужденія этихъ предложеній въ Совѣтѣ. Замѣчаніе это, разумѣется, лишь формулируетъ болѣе или менѣе точно то, что практикой давно уже было усвоено. Наконецъ, еще: временемъ избранія ревизіонной коммиссіи назначается январь, а крайнимъ срокомъ для напечатанія и разсылки годовыхъ отчетовъ—1-е апрѣля *). Вотъ и все существенно важное новыхъ дополнительныхъ правилъ; остальные параграфы касаются мѣста и времени коммиссіонныхъ засѣданій, отчетности и обязательныхъ отношеній коммиссій къ Совѣту, порядка храненія и расходованія денежныхъ суммъ и т. под.

Изъ прочихъ дѣлъ, которыми занято было вниманіе собраній, упомянемъ о прочитанномъ г. Протопоповымъ, 6-го апрѣля, отчетѣ о дѣятельности коммиссіи Комитета по продовольствію дѣтей въ крестьянскихъ школахъ голодныхъ мѣстностей. Отчетъ возбудилъ интересъ выдержками изъ писемъ провинціальныхъ сотрудниковъ коммиссіи, непосредственныхъ наблюдателей вопіющихъ картинъ голода и раззоренія. Докладчика благодарили за основательно составленный отчетъ, который рѣшено отпечатать. Въ томъ-же засѣданіи Я. Г. Гуревичемъ, предсѣдателемъ названной коммиссіи, собрано было пожертвованій около 100 руб., ибо у коммиссіи не хватало средствъ на Воронежскую губернію, гдѣ помощь между тѣмъ настоятельно необходима. Въ засѣданіи 13-го апрѣля собранію доложено было Совѣтомъ объ отсылкѣ пожертвованной А. М. Калмыковой народной библіотеки—въ с. Юмашево, Уфимскаго уѣзда.

Въ вечеръ выборовъ въ Совѣтъ, 27-го апрѣля, залъ Комитета привлекъ до 120 членовъ; обычно-же въ собранія является около 30—40. Г. Михайловскій отсутствовалъ. Секретарь Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, г. Карасевичъ, предложилъ присутствовавшимъ избрать предсѣдателемъ настоящаго собранія А. Ф. Петрушевскаго, старѣйшаго и почетнаго члена Комитета, на что, конечно, гг. члены выразили тотчасъ-же свое согласіе и получили согласіе г. Петрушевскаго, руководившаго собраніемъ съ большимъ тактомъ. Большинствомъ, далеко превышавшимъ половину всѣхъ наличныхъ выборщиковъ (93 противъ 26), избранъ былъ предсѣдателемъ на предстоящій годъ г. Варгунинъ. Въ товарищи ему были избраны, послѣ двойной баллотировки, гг. Тютрюмовъ и Фальборкъ, одержавшій перевѣсъ послѣ вторичнаго голосованія надъ г. Кетрицомъ, который, впрочемъ, незадолго до того отказался отъ участія въ Совѣтѣ по случаю происшествія съ «Запиской» г. Воленса и другихъ трехъ гг. членовъ Комитета. Въ секретари избраны гг. Протопоповъ, Лозинскій, Анеръ и Чарнолускій. Тѣмъ и закончено было засѣданіе 27-го апрѣля. Д.

Отчетъ И. П. Бѣлоконскаго по школьнымъ столовымъ въ Орловской губерніи.

За время съ февраля по май 1893 г. мною—чрезъ предсѣдателя Я. Г. Гуревича и секретаря Д. Д. Протопопова—было получено отъ С.-Петербургской коммиссіи по оказанію помощи учащимся въ народныхъ школахъ мѣст-

*) Т.-е. еще до утвержденія ихъ годовымъ Общимъ Собраніемъ, которое бываетъ именно въ апрѣлѣ.

ностей, пострадавшихъ отъ неурожая, 790 руб. На эти деньги была оказана помощь учащимся: 1) въ *Кромскомъ* уѣздѣ — a) с. Коровье - Болото, волости того-же названія, b) с. Хмелевое, Сосковской волости, и c) с. Кирово, волости того-же названія; 2) въ *Карачевскомъ* уѣздѣ—въ сс. Робье и Шаблыкино, Шаблыкинской волости; 3) въ *Дмитровскомъ* уѣздѣ — с. Рыжково, Гнѣздиловской волости, и 4) въ *Орловскомъ* уѣздѣ—слоб. Пятницкая, Лавровской волости. Число кормившихся при перечисленныхъ школахъ распредѣлялось такимъ образомъ:

Названіе селъ, при школахъ которыхъ были столовыя.	ФЕВРАЛЬ. Съ какого числа оказывалась помощь.	Въ среднемъ ежедневно кормилось учащихся.	Minimum.	Maximum.	Всего было выдачъ за мѣсяцъ (число порцій).	МАРТЪ. Съ какого числа оказывалась помощь.	Въ среднемъ ежедневно кормилось учащихся.	Minimum.	Maximum.	Всего было выдачъ за мѣсяцъ (число порцій).
С. Робье........	16	45	45	45	585	1	65	54	70	1.870
С. Хмелевое.....	23	62	62	62	372	1	62	62	62	1.864
Слоб. Пятницкая..	19	24	24	24	240	1	24	24	24	745
С. Кирово **)...	—	—	—	—	—	1	50	50	50	1.554
С. К.-Болото.....	—	—	—	—	—	9	50	50	50	700
С. Рыжково......	—	—	—	—	—	15	37	35	37	470
С. Шаблыкино....	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ школахъ.	16—23	41	24	62	1.197	1—15	49	24	70	7.203

Названіе селъ, при школахъ которыхъ были столовыя.	АПРѢЛЬ. Съ какого числа оказывалась помощь.	Въ среднемъ ежедневно кормилось учащихся.	Minimum.	Maximum.	Всего было выдачъ за мѣсяцъ (число порцій).	МАЙ. Съ какого числа оказывалась помощь.	Въ среднемъ ежедневно кормилось учащихся.	Minimum.	Maximum.	Всего было выдачъ за мѣсяцъ (число порцій).
С. Робье........	1	67	58	74	1.013	— *)	—	—	—	—
С. Хмелевое.....	1	62	62	62	1.860	1	69	62	80	2.156
Слоб. Пятницкая..	1	24	24	24	720	1	24	24	24	744
С. Кирово **)...	1	68	68	68	2.040	1	68	68	68	2.108
С. К.-Болото....	1	50	50	50	1.500	1	50	50	50	1.550
С. Рыжково......	5	39	25	56	984	1	53	45	58	1.653
С. Шаблыкино....	16	48	45	50	724	1	60	35	66	1.851
Во всѣхъ школахъ.	1—16	50	24	74	8.841	1	54	24	80	10.062

А за 4 мѣсяца во всѣхъ школахъ выдачъ (число порцій) было 27.305.

---

*) Въ апрѣлѣ для школьной столовой въ с. Робьѣ, по ходатайству священника Э. Гедеоновскаго, поступили пожертвованія: изъ средствъ Комитета Наслѣдника Цесаревича — 77 р. 40 к. и отъ княгини Юсуповой — 200 р. Сообщая объ этомъ, завѣдывавшій столовою въ с. Робьѣ, священникъ Э. Гедеоновскій, предложилъ устроить столовую въ с. Шаблыкинѣ на средства, отпускавшіяся для Робья, на что и послѣдовало мое согласіе: съ 16 апрѣля открылась столовая въ с. Шаблыкинѣ.

**) Хлѣбъ для столовой при Кировской школѣ отпускался на средства кромскаго земства, а горячая пища за счетъ коммиссіи.

За исключеніемъ Коровье-Болотской школы, гдѣ выдавался только хлѣбъ, во всѣхъ другихъ отпускалась, помимо хлѣба, и горячая пища, причемъ въ Пятницкой школѣ, вмѣсто столовой, съ февраля по апрѣль (до конца ученія) была устроена чайная; на страстной недѣлѣ и на Пасху эти ученики столовались въ дешевой народной столовой въ Орлѣ, а затѣмъ до настоящаго времени (іюль) получали пособіе мукою. Столовой въ Пятницкой слободѣ нельзя было устроить, потому что школа стоитъ вдали отъ слободы; единственная изба, расположенная вблизи школы, гдѣ можно было-бы готовить пищу, оказалась безполезною, потому что хозяйка избы требовала за изготовленіе пищи, безъ дровъ и безъ печенія хлѣба, 8 р. въ мѣсяцъ, что было-бы весьма дорого: оказалось выгоднѣе купить самоваръ, кружки и т. п. и устроить чайную.

Столовыми завѣдывали: 1) въ с. Робьѣ—благочинный священникъ Эсперъ Гедеоновскій, священникъ с. Робья—Петръ Космодемьянскій и учительница Робьевской школы—Анна Успенская; 2) въ с. Хмелевомъ—учительница Елизавета Игнатова; 3) въ Пятницкой слободѣ — учительница Кожевникова (съ февраля по апрѣль) а затѣмъ В. Бѣлоконская; 4) въ с. Кировѣ—учительница Екатерина Короткова; 5) въ с. Коровьемъ-Болотѣ—учительница Драчева и принималъ близкое участіе учитель В. Успенскій; 6) въ с. Рыжковѣ—священникъ Михаилъ Вуколовъ и учитель Ѳедоръ Фокинъ и 7) въ с. Шаблыкинѣ—священникъ Эсперъ Гедеоновскій.

Въ Кромскомъ уѣздѣ всѣ школьныя столовыя пользовались услугами и вниманіемъ члена Кромской уѣздной земской управы Д. Н. Разуваева и предводителя дворянства В. А. Шеншина. Во всѣхъ школьныхъ столовыхъ на каждаго кормившагося учащагося выдавалось не менѣе *одного* фунта хлѣба въ день, въ с. Робьѣ и Шаблыкинѣ отпускалось отъ 1 до $1^1/_4$, въ Пятницкой—$1^1/_4$, а въ Рыжковѣ и Коровьемъ-Болотѣ по $1^1/_2$ ф. на ученика въ день. За 4 мѣсяца во всѣхъ школахъ всего хлѣба выдано было, исключая Кировскую школу *), 628 пудовъ 30 фунт. Что-же касается горячей пищи, то она состояла изъ щей, супа, кулеша, гороха, варенаго картофеля. Для горячей пищи было затрачено продуктовъ въ школахъ: Хмелевской, Рыжковской, Кировской, Робьевской и Шаблыкинской:

	Ведеръ.	Мѣръ.	Пудовъ.	Фунт.	
Капусты	$36^1/_3$	—	—	—	
Картофеля	—	222	—	—	
Пшена	—	—	39	15	
Постнаго масла	—	—	2	20	
Сала.	—	—	2	30	
Гречневой крупы. . . .	—	—	4	3	(въ одной Кировской школѣ).
Гороха	—	—	1	17	(въ одной Кировской школѣ).
Муки на квасъ	—	—	1	12	(въ одной Рыжковской школѣ).
Чаю	—	—	—	$1^1/_4$	(въ одной Пятницкой школѣ).
Сахару	—	—	—	9	(въ одной Пятницкой школѣ).

Изъ этого видно, что главную роль при изготовленіи горячей пищи играли картофель, затѣмъ пшено; капусты больше всего выдавалось въ Рыжковской школѣ (26 ведеръ) и немного въ Кировской (8 ведеръ) и Хмелевской школахъ

*) Какъ мы уже сказали, въ Кировѣ выдавался хлѣбъ земствомъ; за 4 мѣсяца тамъ роздано было хлѣба 141 пудъ 8 фунтовъ.

($2^1/_2$ в.), въ Робьевской и Шаблыкинской ее вовсе не было. Чай, какъ мы говорили, выдавался только въ Пятницкой школѣ.

На Пасху въ Хмелевской и Коровье-Болотской школахъ раздавались куличи; въ Шаблыкинской школѣ въ апрѣлѣ роздано было ребятамъ 100 калачей.

До 1-го іюня было мною разослано денегъ:

	Посланная сумма. Руб.	Коп.	Пересылка. Руб.	Коп.	ИТОГО. Руб.	Коп.
Въ сс. Робье и Шаблыкино, черезъ священника Э. Гедеоновскаго. . . .	200	—	1	90	201	90
» » Хмелевое, черезъ члена Кромской управы Д. Н. Разуваева	190	—	1	94	191	94
» » Коровье-Болото, черезъ него-же. . .	120	—	—	54	120	54
» » Кирово, черезъ него-же и учительницу Е. Короткову.	45	—	—	17	45	17
» » Рыжково, черезъ священника М. Вуколова	100	—	1	21	101	21
» » Пятницкое (возлѣ г. Орла)	—	—	—	—	100	—
Итого	655	—	5	76	760	76

На оставшіеся у меня 29 р. 24 к. будетъ оказана помощь учащимся въ Пятницкой школѣ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ; точно также оставшіеся отъ мая суммы и продукты у завѣдывающихъ школьными столовыми перейдутъ на іюнь, причемъ за этотъ мѣсяцъ и за послѣдующій, если будутъ присланы коммиссіею деньги, завѣдывающіе сами уже сообщатъ свой отчетъ *).

Оказали-ли какую-либо помощь столовыя?

Но прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, приведу тѣ сообщенія, которыя я получилъ, когда, предъ организаціею помощи учащимся, обратился въ разныя мѣста Орловской губерніи съ запросомъ о положеніи населенія. Вотъ, что писали мнѣ:

Изъ с. *Коровьяго-Болота*. «Неурожаи послѣднихъ 2-хъ лѣтъ до крайности обѣднили какъ села, такъ и деревни. Опишу подробнѣе самое Коровье-Болото, замѣтивъ, что дѣла, приблизительно, такъ-же идутъ и въ сосѣднихъ деревняхъ. Въ немъ 120 дворовъ; 20 изъ нихъ совсѣмъ не имѣютъ пищи, почти не имѣютъ одежды, а на топку употребляютъ крыши съ своихъ избъ. Остальные 100 дворовъ раздѣляются, приблизительно, равномѣрно на три группы: 1-я группа—бѣдняковъ, проживающихъ озимые посѣвы и послѣдніе остатки своего разстроеннаго хозяйства,—остатки жалкіе (въ видѣ сморенной и представляющей очень малую цѣнность скотины и птицы) и не обезпечивающіе даже денного пропитанія; 2-я группа — болѣе зажиточная, частью съ осени закупившая хлѣбъ на деньги (по преимуществу занятыя и вырученныя продажей менѣе необходимыхъ принадлежностей хозяйствъ, напримѣръ, коровъ), частью-же получившая болѣе или менѣе значительные сборы зерна; 3-я группа — богатые хозяева, которыхъ вовсе не коснулось

*) Во избѣжаніе излишнихъ расходовъ по пересылкѣ, въ апрѣлѣ я предлагалъ коммиссіи переслать деньги непосредственно завѣдывающимъ столовыми, но еще до полученія моего письма деньги на май высланы были на мое имя, а на іюнь получили уже лично завѣдывающіе. Что касается послѣдующаго за іюнемъ времени, то на запросъ коммиссіи, не нахожу-ли нужнымъ кормить учащихся въ іюлѣ, я отвѣтилъ, что не только въ іюлѣ, но и до 15-го августа, до сбора урожая, помощь крайне необходима: отъ мая до августа, собственно говоря, самое голодное время.

бѣдствіе. Такимъ образомъ, бѣдствуетъ половина населенія. Эта половина распродала нерабочій скотъ, птицу; если лошади и оставлены нѣкоторыми изъ нихъ, то только затѣмъ, чтобы ѣздить въ поборъ. Не говоря объ этихъ несчастныхъ, будущее грозитъ нуждой и болѣе зажиточнымъ,—тѣмъ, которыхъ я отнесъ ко 2-й группѣ: хлѣба не только до новины, но и до весны не хватитъ ни у кого изъ нихъ; притомъ, если нѣкоторые купили хлѣба, то не могли пріобрѣсти корма для скота. Послѣдній поэтому довольствуется такимъ ничтожнымъ количествомъ сѣнца и соломки, какое только можетъ отпустить хозяинъ отъ скуднаго запаса, боясь положить лишнее и тѣмъ ускорить наступленіе такихъ дней, когда не останется «ни волоконца». Жмыхъ нѣтъ и въ поминѣ, потому что, если и была у весьма немногихъ конопля, то обмѣнена на хлѣбъ, а дѣлать рѣзку и посыпать ее мукою, которой самому не хватитъ, не приходится. Худоба и безсиліе скота возбуждаютъ серьезное опасеніе. Онъ, можетъ быть, и перезимуетъ, но рабочая часть—лошади—едва-ли окажется годной для обработки яровыхъ полей. Пожертвованій поселенію не поступало никакихъ, кромѣ 500 руб., выданныхъ баронессою Будбергъ (землевладѣлицею имѣнія Ивановскаго, верстахъ въ 5 отъ Коровьяго-Болота) на раздачу бѣднѣйшимъ крестьянамъ окрестныхъ деревень. Земскія ссуды выдаются съ декабря въ размѣрѣ 30 ф. въ мѣсяцъ на малолѣтнихъ членовъ семьи. Количество этихъ порцій ежемѣсячно увеличивается, потому что съ каждымъ мѣсяцемъ выростаетъ количество дворовъ, доѣвшихъ послѣднее» *).

Изъ с. *Шаблыкина.* «Въ Шаблыкинѣ 293 двора и 1.706 душъ населенія обоего пола: 830 мужчинъ и 876 женщинъ. При освобожденіи шаблыкинскіе крестьяне получили дарственный надѣлъ: $^1/_4$ десятины на ревизскую душу; если-же теперь, черезъ 32 года, этотъ надѣлъ расчислить на души наличныя, то получается величина микроскопическая въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Къ числу 1.706 душъ пребывающаго на мѣстѣ населенія слѣдуетъ еще прибавить 110 душъ переселившихся въ 1888 году въ Тобольскую губернію, но вскорѣ возвратившихся обратно совершенно нищими, безъ какихъ-бы то ни было средствъ къ существованію. Эти несчастные разселились кое-какъ по избамъ «сватовъ», «кумовьевъ» и до сихъ поръ представляютъ изъ себя пролетаріатъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Изъ 293 дворовъ лишь у $^1/_3$ имѣются лошади и кое-какой инвентарь. Эта $^1/_3$ арендуетъ земли у мѣстнаго землевладѣльца и обрабатываетъ свои коноплянники; другіе-же $^2/_3$ дворовъ не имѣютъ ни лошадей, ни инвентаря, почему и арендовать земли не могутъ и добываютъ скудныя средства къ существованію изъ своихъ коноплянниковъ батрачествомъ и поденною работою; эти $^2/_3$ круглый годъ должны покупать хлѣбъ, но такъ какъ средствъ не имѣется, то онъ пріобрѣтается при посредствѣ мѣстныхъ кулаковъ, которые ссужаютъ хлѣбъ подъ залогъ одежды, конопляныхъ сѣмянъ и подъ росписки, причемъ кулаки наживаютъ рубль на рубль. Неурожай 1892 года гибельно подѣйствовалъ на населеніе: арендующимъ земли, вслѣдствіе полнаго недорода яровыхъ хлѣбовъ, пришлось весь обиходъ замѣнить рожью, давшею почти средній урожай, кормить и себя, и скотъ въ теченіе необыкновенно долгой зимы;

---

*) Настоящее письмо сообщено было мною въ газету «Русскія Вѣдомости» и напечатано въ 39 № за 1893 г.

для безземельныхъ неурожай былъ тяжелъ вслѣдствіе уменьшенія лѣтнихъ заработковъ и высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Продовольственныхъ ссудъ крестьяне с. Шаблыкина не получили, потому что считаются почти безземельными, и потому безнадежными съ точки зрѣнія возврата. Въ обыкновенные года шаблыкинскую школу посѣщаютъ 100—130 учащихся; въ текущемъ году большинство дѣтей принуждены были, вмѣсто посѣщенія школы, надѣть суму и просить милостыню» *).

Изъ с. Кирова писали, что тамъ «ребятишки ѣдятъ мякину и жмыхи».

Изъ с. Хмелеваго сообщали, что тамъ «всѣхъ учащихся 130 человѣкъ: 105 мальчиковъ и 25 дѣвочекъ. Нуждающихся 65 человѣкъ. Съ осени 15 мальчиковъ вовсе не посѣщали школы, а ходили побираться, зимою-же, по причинѣ холода, дѣти сидѣли дома, а нищенствовать въ разныя мѣста губерніи ѣздили отцы».

Изъ с. Рыжкова. «Приходъ нынѣ дѣйствительно постигла такая бѣда, какой я за всю мою 32-хъ-лѣтнюю службу и представить себѣ не могъ. Бывали и прежде неурожаи и градобитія, но все тогда какъ-то не особенно чувствительно было; теперь-же совсѣмъ не то: и поголовное уныніе, и одновременный сборъ цѣлымъ поселеніемъ въ поборъ... Особенно тяжело смотрѣть на побирающуюся дѣтвору... Какое-бы вы благодѣяніе оказали, еслибы хотя дѣтишкамъ нашимъ не дали голодать»... **).

Когда-же столовыя были организованы, то мнѣ писали, между прочимъ, слѣдующее: Изъ с. Шаблыкина (въ апрѣлѣ): «Дѣтишки рады, довольны и веселы, а взрослые за столовую говорятъ спасибо!» Изъ с. Робья (въ апрѣлѣ): Отъ населенія за столовую «благодарность полная и сочувствіе»... «Искренняя благодарность всѣхъ». Изъ с. Рыжкова (въ мартѣ): «Мѣстное населеніе столовой очень радо». (Въ маѣ). «Столовой радуется населеніе». Изъ с. Хмелеваго (въ мартѣ): «Столовая открыта, и дѣти благодарятъ, кто о нихъ заботится» и т. д.

Въ концѣ-концовъ не могу не высказать чувствъ глубокаго уваженія всѣмъ завѣдывавшимъ школами и особенно учительницамъ сс. Робья, Кирова, Хмелеваго и Коровьяго-Болота: несмотря на массу бѣдъ, вынесенныхъ зимою среди голоднаго населенія, на усиленный трудъ въ школѣ, онѣ отказались отъ отдыха во время каникулъ и остались на своихъ мѣстахъ, чтобы продолжать кормить своихъ питомцевъ и населеніе...

И. Бѣлоконскій.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь, г. редакторъ!

Въ № 2 журнала «Русская Школа» за настоящій годъ, подъ заглавіемъ «Воскресныя школы въ Ставрополѣ-Кавказскомъ», напечатана статья г. Я.

*) Настоящее письмо было сообщено мною въ газету «Русск. Вѣд.» и напечатано въ № 127 за 1893 годъ.

**) Помимо сообщенныхъ писемъ, богатый матеріалъ посланъ въ коммиссію (г. Протопопову) мною въ видѣ отвѣтовъ на присланную коммиссіею программу, которую я разослалъ завѣдывающимъ школьными столовыми.

Абрамова, въ которой помѣщены невѣрныя свѣдѣнія относительно мужской воскресной школы, давшія автору поводъ къ тому заключенію, что школа эта якобы все болѣе и болѣе «опускалась, теряя популярность какъ въ обществѣ, такъ и среди массы населенія». Комитетъ Общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ, имѣя въ своемъ вѣдѣніи двѣ воскресныя школы, которымъ посвящена упомянутая статья г. Абрамова, считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ опровергнуть невѣрное сообщеніе г. Абрамова, такъ какъ оно можетъ вредно отразиться на жизни и дѣятельности такого симпатичнаго учрежденія, какъ воскресная школа. Дѣло въ томъ, что Комитетъ не располагаетъ такими значительными средствами, чтобы можно было оплачивать трудъ учебнаго персонала въ воскресныхъ школахъ. Обученіе въ этихъ школахъ приняли на себя безвозмездно преимущественно учительницы мѣстныхъ школъ и молодыя интеллигентныя дѣвушки, искренно сочувствующія дѣлу народнаго образованія. Единственною наградой для нихъ служитъ сознаніе приносимой этому дѣлу пользы, и потому всякое неосновательное сомнѣніе въ цѣлесообразности ихъ усилій, а тѣмъ болѣе сомнѣніе, высказанное лицомъ, подписывающимъ свое имя подъ печатными произведеніями и помѣщенное на страницахъ изданія, весьма распространеннаго въ средѣ занимающихся школьнымъ обученіемъ, не можетъ не затронуть ихъ самолюбія и не поселить въ нихъ чувства обиды и сознанія несправедливости упрека, по меньшей мѣрѣ не заслуженнаго. Оставленіе Комитетомъ замѣтки г. Абрамова безъ опроверженія могло-бы дать преподавательскому персоналу мужской воскресной школы поводъ думать, что Комитетъ солидаренъ съ г. Абрамовымъ во взглядахъ на современный ходъ дѣла въ этой школѣ. Но подобное заключеніе названнаго педагогическаго персонала вредно отразилось-бы на его энергіи въ дѣлѣ обученія, а потому Комитетъ обращается къ почтенной редакціи журнала «Русская Школа» съ просьбой помѣстить въ ближайшемъ нумерѣ этого изданія, въ отдѣлѣ «Педагогическая хроника», какъ настоящее письмо, такъ и нижеслѣдующее опроверженіе. Статья г. Абрамова «Воскресныя школы въ Ставрополѣ - Кавказскомъ», помѣщенная въ февральской книжкѣ журнала «Русская Школа» за текущій годъ, начинается слѣдующей тирадой: «въ Ставрополѣ-Кавказскомъ существуютъ три воскресныхъ школы. Изъ нихъ двѣ—мужская и женская—открыты «Обществомъ для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ городѣ Ставрополѣ» (на Кавказѣ). Изъ двухъ школъ «Общества» на каждую выпала весьма несходная судьба. При открытіи обѣ школы вызвали одинаковое сочувствіе какъ среди мѣстнаго общества, такъ и въ той средѣ, на пользу которой онѣ должны были служить. Обѣ школы сразу-же привлекли такое число желающихъ обучаться въ нихъ, какое превышало средства и силы школъ. Но затѣмъ картина рѣзко измѣнилась. Въ то время, какъ женская воскресная школа процвѣтала и развилась и, наконецъ, обратилась въ крупное народнообразовательное учрежденіе, какъ это увидитъ читатель изъ приводимыхъ ниже свѣдѣній объ этой школѣ,—мужская школа оставалась въ одномъ и томъ-же положеніи или, вѣрнѣе, опускалась, теряя популярность какъ въ обществѣ, такъ и среди массы городского населенія. Къ сожалѣнію, я лишенъ здѣсь возможности привести какія-либо детальныя свѣдѣнія о мужской школѣ «Общества», такъ какъ лицо, завѣдующее этой школой (учитель ремесленнаго училища г.

Матвѣевъ) не потрудилось представить отчета по школѣ за послѣдній учебный годъ, несмотря на всѣ настоянія Комитета «Общества», такъ что Комитетъ не могъ сообщить общему собранію членовъ «Общества» (бывшему въ сентябрѣ) ровно никакихъ свѣдѣній относительно мужской воскресной школы. Можно сказать только, что школа никогда не имѣла больше нѣсколько десятковъ наличныхъ учащихся, при чемъ въ большинство воскресеній въ школѣ бываетъ всего 2—3 десятка учениковъ». Съ перваго-же взгляда указаніе г. Абрамова на постепенное паденіе мужской воскресной школы представляется основаннымъ на какомъ-то недоразумѣніи: онъ высказываетъ сожалѣніе, что лишенъ возможности привести какія-либо детальныя свѣдѣнія, такъ какъ завѣдующимъ этою школой г. Матвѣевымъ не представленъ отчетъ, и въ то же время, утверждая, что школа опускается и теряетъ популярность, ссылается на то, что «школа никогда (?) не имѣла больше нѣсколькихъ десятковъ наличныхъ учащихся, при чемъ въ большинствѣ учебныхъ воскресеній въ школѣ бываетъ 2—3 десятка учениковъ». На чемъ-же основано это-то послѣднее указаніе, если въ распоряженіи г. Абрамова не было отчета? Можно лишь догадываться, что г. Абрамовъ почерпнулъ это свѣдѣніе изъ какихъ-нибудь стороннихъ сообщеній. Но, строя на такомъ матеріалѣ выводъ о ходѣ учебнаго дѣла въ мужской воскресной школѣ и характеризуя веденіе его въ смыслѣ настолько неудовлетворительномъ, что это отражается на степени популярности школы, а слѣдовательно, и на степени ея полезности, г. Абрамовъ поступилъ, по меньшей мѣрѣ, неосновательно, не провѣривъ бывшаго въ его распоряженіи матеріала просмотромъ журналовъ мужской воскресной школы, къ чему онъ имѣлъ полную возможность какъ потому, что во второй годъ существованія школы г. Абрамовъ неоднократно ее посѣщалъ, а затѣмъ въ періодъ прошлаго учебнаго года онъ состоялъ членомъ Комитета Общества, такъ и потому, что и выйдя изъ состава Комитета онъ, какъ литераторъ и какъ лицо, выдающее себя за глубоко интересующагося дѣломъ народнаго образованія, не лишенъ былъ возможности во всякое время ознакомиться съ данными журналовъ. Кромѣ того, въ распоряженіи г. Абрамова могли быть и два отчета «Общества» за 1889—1890 и за 1890—1891 годы. Изъ этихъ отчетовъ и изъ журналовъ мужской воскресной школы извлекаемъ слѣдующія свѣдѣнія. Мужская воскресная школа въ теченіе трехъ прошлыхъ лѣтъ своего существованія располагала только лишь одной классной комнатой (Софійской начальной школы), разсчитанной на 64 учащихся дѣтей школьнаго возраста. При такомъ помѣщеніи число учащихся въ воскресной школѣ не могло увеличиваться изъ года въ годъ, какъ это наблюдалось въ женской воскресной школѣ, помѣщающейся въ зданіи Ольгинской женской гимназіи и располагающей четырьмя, а за послѣднее время пятью большими классными комнатами. И все-же, несмотря на это неудобство, устраненное лишь въ послѣднее время перемѣщеніемъ мужской воскресной школы въ зданіе «Андреевскаго Братства», цыфровыя данныя о дѣятельности этой школы за 1889—1890, 1890—1891 и 1891—1892 годы свидѣтельствуютъ никакъ не о паденіи школы, а, напротивъ, именно о постепенномъ ея процвѣтаніи и объ увеличеніи популярности. Такъ, за первый годъ существованія школы (1889—1890) ее посѣтило 104 учащихся. Занятія въ школѣ начались 14-го ноября и уже послѣ 21-го января 1890 года было отказано въ

пріемѣ, за недостаткомъ помѣщенія, тридцати желающимъ учиться. Въ 1890—1891 году (2-й учебный годъ) занятія были открыты 7-го октября; школу посѣтило за весь годъ 102 ученика; по январь 1891 года отказано въ пріемѣ 100 лицамъ, а затѣмъ послѣ января еще 50-ти лицамъ, всего-же за второй учебный годъ отказано было въ пріемѣ 150 лицамъ; стало быть, если-бы помѣщеніе мужской воскресной школы было болѣе обширнымъ, то уже во второмъ учебномъ году въ ней обучалось-бы на 120 человѣкъ болѣе противъ перваго года. Въ первый годъ жизни школы за 6 первыхъ воскресеній записалось 49 учениковъ, во второй годъ за тѣ-же 6 первыхъ воскресеній записалось 71 ученикъ и въ 1891 — 1892 году (3-й годъ дѣятельности школы) за тотъ-же періодъ времени записалось 73 ученика. Въ этомъ послѣднемъ году занятія въ школѣ начались 15-го сентября и уже послѣ шестаго воскресенья (послѣ 20-го октября 1891 года) пріемъ учениковъ былъ прекращенъ. Впослѣдствіи, однако, допущено было исключеніе для взрослыхъ, каковыхъ и принято было 21 человѣкъ, что и составило за весь 3-й годъ существованія школы 94 учащихся, т.-е. такую ихъ цыфру, которая подала г. Абрамову поводъ думать, что мужская воскресная школа клонится къ упадку и теряетъ популярность въ населеніи. Но не надо забывать, что г. Абрамовъ именно въ этотъ 3-й годъ существованія школы состоялъ членомъ Комитета, и потому имѣлъ полную возможность ознакомиться съ приведеннымъ изъ журналовъ школы матеріаломъ и выяснить, почему въ этомъ году учащихся было только 94. Если степень популярности школы по отношенію къ массѣ городского населенія измѣрять количествомъ обращающихся къ ея услугамъ, то приведенныя выдержки изъ отчетовъ «Общества» и изъ журналовъ мужской воскресной школы свидѣтельствуютъ о постепенномъ ростѣ ея популярности *). Тотъ-же выводъ придется сдѣлать и изъ цыфры лицъ, занимавшихся въ этой школѣ обученіемъ за трехлѣтній періодъ ея существованія. Такъ, изъ тѣхъ-же журналовъ узнаемъ, что въ 1889—1890 году учащихъ было 8, въ 1890—1891 году ихъ было 7 и, кромѣ того, занималось преподаваніемъ отъ времени до времени еще нѣсколько лицъ, не числившихся въ постоянномъ составѣ педагогическаго персонала, и въ 1891—1892 году учащихъ было 15 человѣкъ. Здѣсь будетъ не лишнимъ добавить, что въ текущемъ 1892—1893 учебномъ году число учащихъ въ мужской школѣ возрасло до 18, не считая 2-хъ учениковъ духовной семинаріи, занимающихся преподаваніемъ Закона Божія подъ руководствомъ законоучителя и преподавателя педагогики священника о. Виноградова. Если-бы выводъ г. Абрамова о ходѣ учебнаго дѣла въ мужской воскресной школѣ соотвѣтствовалъ дѣйствительности и если-бы онъ покоился на фактическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что школа эта «опускается и теряетъ популярность среди массы городского населенія» уже по третьему году ея существованія, то несомнѣнно къ настоящему четвертому году она должна была-бы остаться вовсе безъ учениковъ. А между тѣмъ, въ этомъ году мужская воскресная школа въ первыя четыре воскресенья, еще находясь все въ томъ-же тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи (Софійская

---

*) На сколько велика популярность мужской воскресной школы можно видѣть хотя-бы изъ того, что школу эту посѣщаютъ два молодыхъ (женатыхъ) крестьянина, живущихъ въ селеніи Старомарьевскомъ, въ разстояніи 21 версты отъ Ставрополя.

школа), имѣла учащихся: въ 1-е воскресенье—36, во 2-е—47, въ 3-е—62, въ 4-е—69 человѣкъ, а затѣмъ, съ переходомъ ея въ помѣщеніе «Андреевскаго Братства», число учащихся доходило въ одно воскресенье до 92-хъ, а средняя цифра постоянно посѣщающихъ школу простирается до 80-ти, число-же всѣхъ записавшихся и посѣщавшихъ простирается до 150. Итакъ, вотъ фактическія данныя для сужденія о томъ, дѣйствительно-ли мужская воскресная школа не только не прогрессируетъ сравнительно съ женской воскресной школой, а, напротивъ, «опускается и теряетъ популярность въ обществѣ и въ массѣ городского населенія». А между тѣмъ, всѣ эти данныя г. Абрамовъ могъ-бы во всякое время имѣть въ своемъ распоряженіи, если-бы имѣлъ намѣреніе сообщить о мужской воскресной школѣ вѣрныя свѣдѣнія и сдѣлать правдивый выводъ о характерѣ ея дѣятельности. Какой мотивъ побудилъ г. Абрамова сообщить объ этой школѣ не то, что говоритъ о ней фактическій матеріалъ,—это пусть остается на совѣсти г. Абрамова. Весьма характерною иллюстраціей къ тому, что сообщаетъ г. Абрамовъ объ одномъ и томъ-же учрежденіи подъ тѣмъ или инымъ впечатлѣніемъ, можетъ служить сопоставленіе двухъ его сообщеній относительно «Общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ городѣ Ставрополѣ». Одно сообщеніе напечатано имъ въ № 2.540 издающейся въ Тифлисѣ газеты «Новое Обозрѣніе» отъ 12-го мая 1891 года. Въ статьѣ «Письмо изъ Ставрополя-Кавказскаго», онъ пишетъ: «въ нашемъ городѣ существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ *въ высшей степени симпатичное по идеѣ учрежденіе*—«Общество для содѣйствія распространенію народнаго образованія». При возникновеніи этого Общества на него возлагались большія надежды, которыя, по обыкновенію, не оправдались: послѣ двухъ-трехъ лѣтъ быстраго роста Общество стало хирѣть, замерло, а теперь весьма близко къ окончательной погибели». Далѣе, сообщая о томъ, какимъ образомъ попадаютъ въ составъ членовъ этого Общества «кабатчики, трактирщики и лавочники», внося въ кассу Общества по 5 рублей, чтобы сдѣлаться членами, и о томъ, что съ замѣною секретаря городской думы другимъ лицомъ (до этого секретаремъ думы былъ предсѣдатель Комитета Общества), торговцы сообразили, что они могутъ и не платить «добровольныхъ» взносовъ, г. Абрамовъ утверждаетъ, что и «остальные вынужденные члены Общества» послѣдуютъ примѣру своихъ товарищей, и тогда Общество останется при самомъ ограниченномъ числѣ членовъ и при столь ограниченныхъ средствахъ, что содержаніе открытыхъ Обществомъ образовательныхъ учрежденій сдѣлается невозможнымъ». Такъ писалъ г. Абрамовъ въ маѣ 1891 года, а вотъ что напечатано имъ въ № 1 за 1892 годъ въ «Русской Школѣ», въ отдѣлѣ «Педагогическая хроника»: «Гораздо скромнѣе, но, конечно, *заслуживаетъ не меньшаго уваженія* дѣятельность «Общества для содѣйствія распространенію народнаго образованія въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ». Какъ видно изъ отчета этого «Общества» за 1890—1891 г., оно имѣло въ этомъ году 189 членовъ, къ 1 іюля 1890 г. «Общество» имѣло 13.851 р. 22 к.; въ отчетномъ году поступило 2.307 р. 6 к., а израсходовано 2.160 р. 96 к. Дѣятельность «Общества» выражалась въ содержаніи двухъ ежедневныхъ школъ и двухъ воскресныхъ. Въ ежедневныхъ школахъ училось 126 человѣкъ; въ мужской воскресной—102 ученика и въ женской воскресной—194. Потребность въ воскресныхъ школахъ въ городѣ настолько велика, что въ отчетномъ году воскресныя школы «Общества», *за недостаткомъ помѣщенія*, могли принять только часть

желавшихъ поступить и вынуждены были отказать въ пріемѣ 228 лицамъ. Занимались въ воскресныхъ школахъ, конечно, безплатно, 27 учительницъ, 2 учителя и 1 законоучитель. Какъ ни скромна дѣятельность «Общества», но все-же, какъ видимъ, чрезъ его учрежденія въ отчетномъ году прошло 422 учащихся». Выходитъ нѣчто, не поддающееся объясненію: по увѣреніямъ г. Абрамова, высказаннымъ въ маѣ 1891 года, «Общество» наше «хирѣетъ, замираетъ и весьма близко къ окончательной гибели, а число членовъ и средства «Общества» будутъ очевидно въ ближайшемъ будущемъ настолько ограничены, что содержаніе открытыхъ имъ образовательныхъ учрежденій сдѣлается невозможнымъ»; по сообщенію того-же г. Абрамова, сдѣланному въ январѣ 1892 года, т.-е. чрезъ 7 мѣсяцевъ послѣ «Письма изъ Ставрополя-Кавказскаго», оказывается уже, что дѣятельность «Общества», хотя и скромная, заслуживаетъ уваженія наравнѣ съ «Харьковскимъ Обществомъ распространенія въ народѣ грамотности» и что, какъ видно изъ отчета за 1890—1891 г., «Общество» имѣло 189 членовъ, 13.851 руб. 22 коп. наличнаго капитала, что въ отчетномъ году въ его кассу поступило 2.307 р. 6 к., а израсходовано 2.160 р. 96 к. и что, наконецъ, чрезъ его учебныя учрежденія прошло въ отчетномъ году 422 учащихся. Комитетъ полагаетъ, что если приведенное имъ сопоставленіе, какъ иллюстрація къ тому, какъ г. Абрамовъ обращается съ предметами своихъ сообщеній, и не имѣетъ непосредственной связи съ предметомъ настоящаго письма, но все-же оно настолько характерно, что можетъ служить почтенной редакціи «Русской Школы» указаніемъ на то, насколько можно полагаться на сообщенія г. Абрамова, если они не подкрѣпляются имъ ссылкою на фактическій матеріалъ. Въ заключеніе Комитетъ считаетъ необходимымъ указать на то, что 13-го апрѣля текущаго года его превосходительствомъ господиномъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа объявлена благодарность завѣдывающему мужской воскресной школой г. Матвѣеву за отлично-усердное и успѣшное веденіе дѣла въ воскресной школѣ.

Предсѣдатель Комитета *К. Рословъ*.

Члены
А. Шнее-Гольденбергъ.
Ф. Пеньковскій.
Д. Евсьевъ.
Г. Праве.
Тутаюкъ.
М. Месиневъ.
Р. Глухаревъ.
Н. Динникъ.

Секретарь *П. Борнуковскій*.

По поводу письма Рослякова, г-жи Шнее-Гольденбергъ и др.

Лѣтописцу жизни какого-либо провинціальнаго уголка неизбѣжно встрѣчаться съ «опроверженіями». Мнѣ, какъ печатающему сообщенія изъ жизни Сѣвернаго Кавказа уже полтора десятка лѣтъ, приходилось читать самыя удивительныя опроверженія моихъ корреспонденцій. Но, признаюсь, еще ни разу мнѣ не приходилось имѣть дѣло съ «опроверженіемъ» такого характера,

какимъ является письмо г. Рослякова, г-жи Шнее-Гольденбергъ и др. Люди выступаютъ съ опроверженіемъ, въ которомъ приводятъ данныя, не только вполнѣ подтверждающія опровергаемое сообщеніе, но и рисующія положеніе вещей въ несравненно болѣе мрачномъ свѣтѣ, нежели оно было представлено въ моемъ сообщеніи,—такой пріемъ, право, просто обезоруживаетъ. Не знаешь даже, нужно-ли говорить что-либо противъ лицъ, которыя пытаются доказать процвѣтаніе и широкую дѣятельность учебнаго заведенія, приводя цыфры не учившихся въ этомъ учебномъ заведеніи, а, напротивъ, цыфры *непринятыхъ* въ него? Пріемъ, по истинѣ, геніальный, и ему слѣдуетъ дать широкое примѣненіе. Отнынѣ авторы книгъ, не нашедшихъ сбыта, могутъ утѣшаться громаднымъ числомъ *нераспроданныхъ* книгъ; лѣнивые судьи могутъ съ гордостью указывать на цѣлые вороха *нерѣшенныхъ* ими дѣлъ, и т. д. Но, при всей геніальности такого пріема, нужно-ли возражать его изобрѣтателямъ? Какой разговоръ можно вести съ людьми, которые торжественно уличаютъ меня въ противорѣчіи, состоящемъ въ томъ, что въ 1891 году я называлъ мѣстное Общество грамотности *въ высшей степени симпатичнымъ*, а въ 1892 г. уже (какая перемѣна взглядовъ!)—*заслуживающимъ уваженія?* Не Геркулесовы-ли это столбы, по истинѣ! Въ виду такого характера помѣщаемаго выше опроверженія, я буду въ своемъ отвѣтѣ крайне кратокъ, отнюдь не возражая г. Рослякову и прочимъ, а просто приведя тѣ фактическія данныя, на которыхъ основанъ мой краткій общій отзывъ о мужской воскресной школѣ Общества распространенія народнаго образованія въ г. Ставрополѣ (на Кавказѣ), помѣщенный въ моей статейкѣ о воскресныхъ школахъ Ставрополя-Кавказскаго («Русская Школа», 1893 г., № 2).

Собственно мужской школѣ Общества грамотности мною посвящено въ названной статьѣ всего нѣсколько строкъ. Строки эти полностью приведены въ «письмѣ» г. Рослякова и прочихъ, а потому я не буду ихъ повторять. Какъ видитъ читатель, въ этихъ немногихъ строкахъ содержатся пять слѣдующихъ положеній:

1) Г. Матвѣевъ, распорядитель мужской школы, не представилъ во-время отчета по школѣ за 1891—1892 учебный годъ, такъ что Комитетъ не могъ сообщить общему собранію членовъ Общества грамотности никакихъ свѣдѣній о школѣ.

2) Въ то время, какъ женская воскресная школа процвѣтала и развивалась, мужская оставалась въ одномъ и томъ-же положеніи или, вѣрнѣе, опускалась, теряя популярность въ массѣ городского населенія, а также и

3) въ мѣстномъ обществѣ.

4) Школа никогда не имѣла больше нѣсколькихъ десятковъ наличныхъ учащихся.

5) Въ большинство учебныхъ воскресеній школу посѣщало всего 2—3 десятка учениковъ.

Сообщаю теперь тѣ основанія, которыя дали мнѣ право высказать эти пять положеній.

1) Что г. Матвѣевъ представилъ отчетъ много мѣсяцевъ спустя послѣ того времени, когда отчетъ долженъ былъ быть составленъ, и притомъ только въ силу особаго требованія общаго собранія,—это не рѣшаются отрицать и г. Росляковъ съ К°. Да и странно было-бы отрицать этотъ фактъ, когда о немъ Комитетъ докладывалъ общему собранію и по поводу этого факта состоялось особое постановленіе общаго собранія.

2) Что женская воскресная школа процвѣтала и развивалась, а мужская оставалась въ одномъ и томъ-же положеніи или, вѣрнѣе, опускалась, наглядно показываютъ цыфры, которыя я беру изъ печатныхъ отчетовъ и журналовъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ:

	Всѣхъ учащихся было: в женской школѣ.	въ мужской школѣ.
Въ 1889—1890 учебномъ году . . .	157	104
» 1890—1891 » » . . .	194	102
» 1891—1892 » » . . .	219	94

Еще нагляднѣе положеніе вещей рисуется изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

	Учащимися сдѣлано всѣхъ посѣщеній: въ женской школѣ.	въ мужской школѣ.
Въ 1889—1890 учебномъ году . . .	2.153	1.275
» 1890—1891 » » . . .	3.438	1.335
» 1891—1892 » » . . .	3.628	1.206

Кажется, ясно, что дѣйствительно въ то время, какъ женская воскресная школа процвѣтала и развивалась, мужская оставалась въ одномъ и томъ-же положеніи или, вѣрнѣе, опускалась.

Данныхъ за 1892—1893 учебный годъ я не привожу, такъ какъ моя статья была написана въ началѣ этого года (въ концѣ октября 1892 г.) и не имѣла въ виду положенія школъ въ этомъ году; но и данныя этого послѣдняго года даютъ сравненіе, слишкомъ невыгодное для мужской школы (въ женской школѣ число учащихся въ 1892—1893 г. достигло 251, а число сдѣланныхъ ими посѣщеній 4.253).

3) Фактъ утраты мужскою воскресною школою симпатій мѣстнаго общества (интеллигентнаго) вполнѣ устанавливается данными, заключающимися въ отчетахъ школы. Именно, въ первомъ году своего существованія (1889—1890) школа получила денежныхъ пожертвованій отъ частныхъ лицъ 68 р. 20 к. и отъ городской управы 56 р., а всего 124 р. 20 к.; кромѣ того, матеріальныя пожертвованія поступили отъ 9 лицъ: именно, учебныхъ пособій на 27 р. 74 к. и книгъ для чтенія 226 экз. (стр. 33—35 отчета за 1889—1890 г.). Во второй годъ денежныхъ пожертвованій поступило всего 17 р. 19 к. (стр. 23 отчета за 1890—1891 г.); что касается матеріальныхъ пожертвованій, таковыя поступили всего отъ 4 лицъ, причемъ, если исключить мое личное пожертвованіе (83 книги для библіотеки и 321 книга для раздачи учащимся), то остальныя пожертвованія составляютъ всего 10 названій книгъ въ 14 томахъ (стр. 21 и 23 того-же отчета). Въ третьемъ году денежныхъ пожертвованій совсѣмъ не поступало, а матеріальныя пожертвованія поступили лишь отъ Петербургскаго Комитета грамотности и отъ о. Ѳеодора Поспѣлова (стр. 38 отчета за 1891—1892 г.). Первое изъ этихъ пожертвованій, исходатайствованное мною, конечно, не можетъ быть разсматриваемо, какъ выраженіе сочувствія къ школѣ со стороны *мѣстнаго* общества; что-же касается второго пожертвованія, состоящаго въ *одной* книгѣ, то оно и является единственнымъ выраженіемъ сочувствія нашего общества къ мужской школѣ за третій годъ существованія. Кажется, ясно, что сочувствіе мѣстнаго общества дѣйствительно утрачено мужскою воскресною школою.

4) Четвертое мое положеніе гласитъ, что въ мужской воскресной школѣ никогда не было больше нѣсколькихъ десятковъ *наличныхъ* учениковъ. Не

знаю, нужно-ли доказывать то, что очевидно и безъ всякихъ доказательствъ? Разъ школа—какъ это удостовѣряютъ и гг. Росляковъ и К°—располагала помѣщеніемъ, въ которомъ могло помѣщаться, какъ наибольшее число, лишь 64 ребенка школьнаго возраста, то не ясно-ли, что въ такомъ помѣщеніи взрослыхъ учащихся дѣйствительно никогда не могло помѣститься больше нѣсколькихъ десятковъ?

5) Какъ только что сказано, мужская воскресная школа располагала помѣщеніемъ, въ которомъ могло помѣститься самое большее 64 ребенка школьнаго возраста. Кажется, ясно, что на мѣста, на которыхъ могутъ усѣсться 64 ребенка, невозможно помѣстить такое-же количество взрослыхъ. Къ тому-же, въ воскресной школѣ учащіеся дѣлятся на значительно большее число группъ, нежели въ ежедневной (въ 1891—1892 г. въ мужской воскресной школѣ было до 10 группъ), и чтобы можно было вести хоть какъ-нибудь занятія, необходимо оставлять хотя небольшіе промежутки между группами. Такимъ образомъ, если въ помѣщеніи, которымъ располагала мужская воскресная школа, разсадить 50 взрослыхъ учениковъ, должно получаться впечатлѣніе полной переполненности помѣщенія. Я бывалъ въ мужской воскресной школѣ въ разное время—до Рождества, послѣ Рождества, передъ Пасхою и послѣ Пасхи, — и тѣмъ не менѣе, видъ школы ни разу не произвелъ на меня такого впечатлѣнія переполненности. Получались впечатлѣнія совсѣмъ иного рода. Учащіеся сидѣли всегда просторно; между группами были всегда достаточные промежутки; приходилось нерѣдко видѣть и далеко не одну пустую скамью. Полагаю, что все это давало мнѣ право утверждать, что въ большинствѣ учебныхъ воскресеній въ школѣ присутствовало всего 2—3 десятка учащихся.

Таковы факты. Читатель послѣ всего сказаннаго можетъ оцѣнить по достоинству какъ смѣлость авторовъ опроверженія, такъ и тѣ инсинуаціи по моему адресу, отъ которыхъ они такъ-таки и не съумѣли удержаться.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу нанесенной, будто-бы, мною учительницамъ школы обиды. Гг. Росляковъ и его сотоварищи выступаютъ въ роли защитниковъ учительницъ; но, спрашивается, зачѣмъ тутъ приплетены учительницы? Въ моей статьѣ о воскресныхъ школахъ нѣтъ ни одного слова относительно педагогическаго персонала мужской школы. Никогда я не ставилъ неудовлетворительное положеніе мужской школы въ вину учительницамъ. Напротивъ, я всегда выражалъ полное уваженіе къ ихъ безкорыстному труду. Да и чѣмъ учительницы могли быть тутъ виноваты? Отъ нихъ могла зависѣть только качественная сторона дѣла, которой я совсѣмъ не касался. Что-же касается количественной стороны, то г. Рослякову и К° слишкомъ хорошо извѣстно, кого я обвинялъ и обвиняю въ ней. Авторы опроверженія приводятъ выдержку изъ моей статьи, помѣщенной въ «Новомъ Обозрѣніи», но скромно умалчиваютъ о томъ, что въ статьѣ этой я обвиняю Комитетъ, т.-е. тѣхъ-же г. Рослякова и его сотоварищей, въ томъ, что они не заботятся о прiисканіи болѣе просторнаго помѣщенія для мужской школы. Если, такимъ образомъ, въ моей статьѣ, помѣщенной въ «Русской Школѣ», можно видѣть упрекъ кому-либо, то исключительно г. Рослякову и его сотоварищамъ. Къ чему-же прикрывать себя учительницами, которыя здѣсь совершенно не причемъ?

Я. Абрамовъ.

Библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій, учебниковъ и книгъ, вышедшихъ съ 1-го марта по 1-е апрѣля 1893 г.

(По «Правительственному Вѣстнику»).

I. Недагогика, дидактика, школьная гигіена и гимнастика.

Блокъ, Морисъ. Матери великихъ людей. Переводъ съ французскаго Н. М. Дементьевой. Съ 33 рис. Изд. журнала «Вѣстникъ воспитанія». Москва.

Евсѣевъ, И. Обученіе искусству письма съ гигіенической точки зрѣнія. Съ 11-ю рисунками. Москва. 1893. Тип. А. Герке. Ц. 25 коп.

Ельницкій, К. Методика начальнаго обученія отечественному языку. Для учительскихъ семинарій и институтовъ, педагогическихъ классовъ при женскихъ гимназіяхъ и для начальныхъ учителей и учительницъ. Изд. 7-е. Д. Полубояринова. Спб.

Коменскій, Янъ Амосъ. Избранныя педагогическія сочиненія. Часть I. Великая дидактика. Переводъ съ латинскаго А. Адольфа и С. Любомудрова. Съ портретомъ Коменскаго, очеркомъ его жизни и объяснительными примѣчаніями. Изд. книжн. магазина «Начальная школа». Москва. Ц. 1 р. 50 коп.

Кохъ, Эрнстъ, д-ръ. О необходимости измѣнить систему первоначальнаго преподаванія греческаго языка. (Приложеніе къ № 1 циркуляровъ по Московск. уч. округу за 1893 г.). Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа.

Черниковъ, М. И. Къ вопросу о метафизическомъ изученіи русскаго языка въ VIII классахъ женскихъ гимназій. (Перепечатано изъ циркуляра по управленію Кавказскимъ учебн. округомъ за 1892 г.). Тифлисъ. Тип. канцеляріи Главноначальствующаго гражд. частью на Кавказѣ.

II. Народное образованіе вообще, школьное дѣло, personalia, отчеты, правила, программы.

Вирховъ, Рудольфъ. Школа и наука. Рѣчь, произнесенная при вступленіи въ должность ректора Берлинскаго университета 15-го октября 1892 г. Переводъ съ нѣмецкаго М. Р. Москва. 1893. Изд. и тип. товар. А. А. Левенсонъ. Ц. 30 к.

Герасимовъ, М. Сборникъ законоположеній и распоряженій, относящихся къ низшимъ учебнымъ заведеніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спб. 1893. Тип. И. Скороходова.

Годичный отчетъ о дѣятельности учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, за 1892 годъ. Москва. Тип. М. Волчанинова.

Ежегодникъ. Опытъ обзора книгъ для народнаго чтенія. 1891. Изд. Комитета грамотности при Имп. Московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства. Москва. Тип. М. Волчанинова.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи Казанскаго реальнаго училища за 1892 годъ. Казань. Тип. губернск. правленія.

Извлеченіе изъ отчета о состояніи Казанской женской гимназіи имени Ея И. Высочества Великой Княжны Ксеніи Александровны, за 1892 годъ. Казань. Тип. товар. Печенкина и К°.

Кочубинскій, А. Янъ Амосъ Коменскій. В. И. Григоровичъ. Двѣ рѣчи. Одесса. Тип. шт. войскъ Одесск. военн. округа.

Краткая историческая записка о состояніи виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища съ пансіономъ, состоящаго подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны. Вильна. 1893. Тип. И. Яловцера.

Отчетъ о состояніи Виленской 1-й гимназіи за 1891—92 учебный годъ. Составилъ Е. Васильевъ. Вильна. Тип. А. Сыркина.

Отчетъ о состояніи Немировской гимназіи за 1891—92 учебный годъ. Немировъ. Тип. Р. Шерра.

Отчетъ попечительнаго совѣта состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Петровскаго училища с.-петербургскаго купеческаго общества за 1892 годъ. Спб. Тип. П. Яблонскаго.

Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго земледѣльческаго училища за 1891 годъ. Казань. Тип. университетская.

Отчетъ о состояніи казанской Маріинской женской гимназіи за 1892 годъ (33 годъ съ основанія). Казань. Тип. губернск. правленія.

Отчетъ по состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Величества Александровскому коммерческому училищу, основанному московскимъ биржевымъ обществомъ, за 18⁹¹/₉₂ учебный годъ. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К⁰.

Программы для испытаній желающихъ поступить въ младшій классъ юнкерскихъ училищъ. (Приказъ по военн. вѣдомству 1892 г., № 272). Одесса. Тип. «Коммерческая» Б. Сапожникова. Ц. 25 коп.

Программы преподаванія въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ. Изд. книгопр. Я. Шермана. Одесса.

Свѣдѣнія о С.-Петербургской земской учительской школѣ. 1872—1892 гг. Спб. Тип. Е. Евдокимова.

Соколовъ, А. А. Историческая записка объ Орловскомъ городскомъ училищѣ съ 1808 по 1893 годъ. Орелъ. 1892. Тип. «Орловск. Вѣстн.» Н. Сентяниной.

С.-петербургскія начальныя училища и городскія четырехклассныя училища, воскресныя и частныя профессіональныя школы, училищныя библіотеки и безплатныя читальни въ 1892 году (16-й годъ). Спб. Тип. Шредера.

III. Русская грамматика, русскій языкъ, словесность.

Антоновъ, П. Русская азбука, содержащая въ себѣ гражданскую и церковно-славянскую азбуки, склады всѣхъ родовъ, молитвы, заповѣди, анекдоты, таблицу умноженія. Изд. 11-е, книгопр. А. Холмушина. Спб. 1893. Ц. 10 коп.

Ганъ, И. К. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія, съ задачами для упражненія. Изд. 5-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное. Вильна. Тип. М. Ромма. Ц. 30 коп.

Гаршинъ, Евгеній. Русская литература XIX вѣка. Опытъ исторіи новѣйшей русской словесности въ біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Томъ I, вып. 2-й. (Гнѣдичъ, Озеровъ, Батюшковъ, Жуковскій). Спб. 1893. Тип. И. Скороходова. Ц. 75 коп.

Е...дъ, Ф. Р. Софочкина азбука. Екатеринославъ. Тип. Зайденера. Ц. 20 к.

Ерминъ, Н. и **Волотовскій**, А. Новая книга для класснаго и домашняго чтенія, примѣненная къ потребностямъ народныхъ школъ, въ 2-хъ частяхъ. Часть II. Курсъ 3-го года обученія въ народной школѣ. Изд. 6-е Д. Полубояринова. Спб. 1893. Ц. 50 коп.

Зелинскій, В. А. Справочникъ по русскому правописанію. Съ приложеніемъ полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква ѣ. Сост. по «Русскому правописанію» Имп. академіи наукъ. Вып. I. Изд. 7-е. Москва. 1893. Тип. А. Кольчугина. Ц. 50 коп.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній (въ 2-хъ частяхъ). Часть I. (Съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина). Спб. Тип. М. Стасюлевича. Ц. 1 р.

— Часть II. (Карамзинскій и Пушкинскій періоды). Ц. 1 р.

Остроградскій, Ал. Книжка по грамотѣ. (Элементарный курсъ для глухонѣмыхъ дѣтей). Съ приложеніемъ болѣе 500 рисунковъ на отд. таблицахъ и въ текстѣ. Спб. Тип. училища глухонѣмыхъ.

— Статьи для чтенія и пересказа. (Приложеніе къ «Книжкѣ по грамотѣ»).

— Вопросникъ.

— Рисунки. 34 таблицы.

Преображенскій, А. Краткая русская грамматика для первыхъ трехъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній съ прило-

женіемъ задачъ для устныхъ и письменныхъ упражненій. Часть 1-я. Этимологія. Изд. 6-е книжн. магазина В. Думнова. Москва. Ц. 40 коп.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Краткій курсъ русской грамматики (этимологія и синтаксисъ) для приготовительныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и частныхъ приготовительныхъ училищъ, для 1-го и 2-го класса городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Правила и письменныя грамматическія упражненія. Правописаніе по академич. руководству Я. К. Грота. Изд. 2-е, исправл. и дополненное, книжн. магазина П. Луковникова. Спб. Ц. 35 коп.

Русская классная библіотека, издаваемая подъ ред. А. Н. Чудинова. Пособіе при изученіи русской литературы. Вып. XIV. **А. П. Сумароковъ**, Избранныя драматическія произведенія (Хоревъ, траг. Синавъ и Труворъ, траг. Опекунъ, ком. Матеріалы для изученія его произведеній). Изд. И. Глазунова. Спб.

Смирновскій, П. Сборникъ статей, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности. Часть 1-я. Изд. 2-е. Спб. Тип. И. Скороходова. Ц. 75 коп.

Соколовъ, Аѳ. Ѳ. Азбука русская и церковно-славянская. Съ самостоятельнымъ упражненіемъ для учениковъ при изученіи каждой буквы. Изд. 2-е, совершенно вновь переработанное, книжн. магазина М. Наумова. Москва. Ц. 20 к.

Соколовъ. Аѳ. Ѳ. Первые уроки церковно-славянскаго языка. Практическій учебникъ для приготовительныхъ классовъ гимназій, прогимназій и низшихъ училищъ. Изд. 3-е, испр. и дополненное, Д. Полубояринова. Спб. Ц. 45 коп.

Степовичъ, А. Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ.

Тихомировъ, Д. Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 43-е книжн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва.

Тихомировъ, Д. и **Тихомирова**, Е. Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету, для народныхъ школъ. Изд. 55-е учебнаго магазина «Начальная школа Е Тихомировой. Москва. 1893. Тип. М. Волчанинива. Ц. 20 коп.

Тихомировъ, Д. И. Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва.

Устьрѣцкій, Ив. Правила правописанія. Курсъ повторительный. Изд. 2-е безъ перемѣнъ. Спб. Тип. И. Скороходова. Ц. 10 коп.

IV. Древніе языки.

Базилевскій, В. С. Переводъ съ русскаго языка на греческій первыхъ 80 параграфовъ по грамматикѣ Э. Чернаго. Изд. 2-е книгопр. Е. Распопова. Одесса. 1893. Ц. 50 коп.

Библіотека греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. Homeri Ilias. Книга X. Переводъ со словами и примѣчаніями. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. 1893. Ц. 30 коп.

Библіотека греческихъ классиковъ въ русскомъ переводѣ. Homeri Ilias. Пѣснь VIII. Перевелъ и объяснилъ Е. Г. П. Изд. книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ. Ц. 30 коп.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ ред. Л. Георгіевскаго и С. Манштейна. Гомеръ. Иліада. Пѣснь III. Съ введеніемъ, примѣчаніями, 22 рисунками и географической картой. Объяснилъ С. Цыбульскій. Изд. 2-е. Часть I, текстъ. Спб. 1893. Тип. В. Безобразова и К°.

— Часть II. Комментарій.

Михайловскій, М. Начальное руководство къ изученію латинскаго языка для 3-хъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Грамматика и хрестоматія. Спб. Тип. Синодальная. Ц. 1 р.

Сборникъ статей по классической филологіи. 1893. Вып. I. (Извлечено изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1892 г.). Спб. Тип. В. Балашева.

Соболевскій, С. И. Конструкціи союза cum. Изложеніе теоріи Хеля. Москва. Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа.

Стовичекъ, Викторинъ. Недостаточные и отступающіе глаголы въ четырехъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ Ксенофонта (Anabasis, Memorabilia, Cyropaedia, Hellenica). Изд. книжн. магазина В. Думнова. Москва.

V. Математика и естествознаніе.

Брэмъ, А. Э. Иллюстрированное изданіе «Жизнь животныхъ» со множествомъ политипажей и хромолитографіями, въ 10-ти томахъ. Переводъ съ 3-го нѣмецкаго исправлен. и дополненнаго изданія подъ ред. К. К. Сентъ-Илера. Томъ III. Вып. 3-й. Спб. Изд. и тип. «Обществ. польза».

Тоже. Томъ III. Вып. 4-й. Спб. Изд. и тип. товар. «Обществ. польза».

Бобынинъ, В. В. Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи. Томъ 1-й. XVII столѣтіе. Вып. II. Изд. редакціи журнала «Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ». Москва. 1893. Тип. А. Мамонтова и К°.

— Русская физико - математическая библіографія. Указатель книгъ и журнальныхъ статей по физико-математическимъ наукамъ, вышедшихъ въ Россіи съ начала книгопечатанія до послѣдняго времени. Томъ 2-й. Вып. 4-й (послѣдній). Москва. 1893. Тип. А. Мамонтова и К°. Ц. 2 р. 50 к.

Евтушевскій, В. А. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и численныхъ примѣровъ для приготовительнаго и систематическаго курса. Первая часть—цѣлыя числа. Изд. 44-е Д. Полубояринова. Спб. Ц. 35 к.

Гольденбергъ, А. И. Сборникъ задачъ и примѣровъ для обученія начальной ариѳметикѣ, въ 2-хъ выпускахъ. Вып. 1. Задачи и примѣры на числа первой сотни и на простѣйшія дроби. Изд. 16-е Д. Полубояринова. Спб. 1893. Ц. 15 к.

Дмитріевъ, А. Начальныя основанія прямолинейной тригонометріи. Примѣнено къ послѣднимъ программамъ курса гимназій и реальныхъ училищъ. Изд. 7-е, съ 2-мя таблицами чертежей и съ 4-мя политипажами. Спб. 1893. Тип. В. Безобразова и К°.

Крымскій, Е. Ариѳметическія задачи въ карточкахъ, для начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. Звенигородка. Тип. Е. Крымскаго. Ц. 25 к.

Меморскій. Ариѳметика въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ 2-хъ частяхъ. Для легчайшаго обученія дѣтей. Изд. исправленное, книгопр. С. Живарева. Москва. Ц. 15 к.

Некрасовъ, Н. Я. Сборникъ ариѳметическихъ правилъ, примѣровъ и задачъ. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ и церковно-приходскихъ школъ, въ 2-хъ выпускахъ. Вып. II. Задачи и примѣры на числа любой величины. Изд. 3-е «Русск. книжн. магазина», Спб.

Симашко, Францъ. Тригонометрія. Изд. 4-е. Спб. Тип. В. Безобразова и К°. Ц. 1 р.

Сорокинъ, Н. Сборникъ геометрическихъ задачъ для учениковъ 7-го и 8-го классовъ гимназій (Примѣнительно къ правиламъ объ испытаніяхъ учениковъ, утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 12-го марта 1892 г.). Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Кіевъ. Тип. И. Чоколова. Ц. 50 к.

Шпаковичъ, Н. В. Ключъ къ рѣшенію ариѳметическихъ задачъ на всѣ «правила». Кіевъ. Тип. И. Чоколова.

VI. Исторія и географія.

Андреевъ, В. Наша родина и чужія страны. (Краткая географія). Изд. 3-е книгопр. Ф. Іогансона. Кіевъ.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи. Вып. 1-й. (Будущее переселеніе народовъ. Черты византійскихъ нравовъ и культуры. Очерки средневѣковой жизни. Знаменитыя женщины). Москва. 1893. Тип. А. Снегиревой. Ц. 1 р. 80 к.

Заменгофъ, М. Ф. Приготовительный курсъ всеобщей географіи, для перваго класса гимназій и низшихъ учебныхъ заведеній, въ катехизической формѣ, со многими вопросами безъ отвѣтовъ. Изд. 12-е, исправленное. Варшава. 1893. Тип. А. Гинса.

Кузнецовъ. А. И. Разсказы изъ всеобщей исторіи. Изд. 3-е. Новочеркасскъ. Тип. «Донская». Ц. 50 к.

Мечъ, Сергѣй. Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ. Рѣчь, читанная въ засѣданіи географическаго отдѣла Общества любителей естествознанія въ Москвѣ. Москва. Тип. товар. И. Н. Кушнеревъ и К°. Ц. 25 к.

Полевой, П. Учебникъ по русской исторіи въ очеркахъ и біографіяхъ съ картами и портретами въ текстѣ, для городскихъ училищъ. Изд. Д. Полубояринова. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ. Русская исторія для городскихъ, двухклассныхъ сельскихъ и другихъ низшихъ училищъ. Съ 39-ю портретами и 55-ю рисунками. Изд. 16-е, вновь переработанное по указаніямъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Изд. книжн. магазина П. Луковникова. Спб.

Смирновъ, К. Учебная книга географіи. Общія свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической. Курсъ перваго класса гимназій и прогимназій (Примѣнительно къ программѣ 1890 г.). Изд. XXXIII. Спб. Тип. Э. Арнгольда. 8 таблицъ рисунковъ и 3 карты.

Тихомировъ, Д. и **Зенгбушъ**, И. Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 4-е. учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва.

Яковлева, О. Д. Крестоносцы. Историческій очеркъ. Вып. 1-й (Чтеніе въ семьѣ и школѣ). Спб. Тип. Н. Лебедева. Ц. 75 к.

VII. Новые языки.

Аллендорфъ, Иванъ. Учебникъ нѣмецкаго языка для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Часть 1-я. Изд. 6-е. Одесса. Тип. А. Шульце. Ц. 80 к.

Избранные нѣмецкіе писатели для школъ, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. О. К. Андерсона. Maria Stüart. Ein Trauerspiel von F. Schiller. Спб. 1893. Тип. В. Дрессенъ и М. Гутзацъ. Ц. 40 к.

Ключъ къ практическому руководству для постепеннаго упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій М. Массона. Изд. В. Вроблевскаго. Ц. 60 к.

Ключъ къ русскимъ упражненіямъ 1-й и 2-й части концентрическаго учебника французскаго языка В. С. Игнатовича (Примѣн. къ послѣдн. изданіямъ). (Пособіе при изученіи французскаго языка). Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Москва. Тип. Г. Ламакина. Ц. 36 к.

Rochat, E. I. Французское произношеніе. Л. Гейманъ. Одесса. Тип. Е. Фесенка. Ц. 40 к.

VIII. Рисованіе и профессіональное обученіе.

Барковъ, И. В. Существующіе пріемы производства серебрянаго дѣла (Строгановское училище техническаго рисованія). Москва. Тип. А. Кольчугина.

Поповъ, В. В. Пособіе къ преподаванію рисованія съ проволочныхъ фигуръ. Москва. Тип. Ф. Эбе.

IX. Книги для дѣтей, юношества и народа.

Вернъ, Жюль. Полное собраніе сочиненій. Томъ IV. Вып. 16. Гекторъ Сервадакъ. Романъ для юношества. Спб. Изд. и тип. товар. М. О. Вольфъ.

Волгинъ, Валентинъ. Турецкій плѣнникъ. Историческая повѣсть. Москва. 1892. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Дмитріевъ, К., агрономъ. Какой чай пить крестьянамъ. (Библіотека сельскихъ школъ). Москва. Тип. И. Сытина и К°. Ц. 5 к.

Иллюстрированные романы Чарльза Диккенса въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой. Оливеръ Твистъ. Съ 15-ю рисунками. Изд. 2-е. Ф. Павленкова. Спб. Ц. 40 к.

Кайгородовъ, Дмитрій. О нашихъ перелетныхъ птицахъ. Чтеніе для народа (съ рисунками). Изд. 3-е. Спб. Изд. и тип. А. Суворина. Ц. 20 к.

К—въ, Е. П. Крестьянинъ-богатырь Илья Муромецъ. Народная былина въ 4-хъ картинахъ. (Дѣтскій театръ). Изд. «Народной библіотеки» В. Маракуева. Москва. 15 к.

Кукель. Невольница, или три недѣли въ гаремѣ. Повѣсть. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва. 1892.

— Покинутый турченокъ. Повѣсть. Изд. книгопр. Е. Губанова. Москва.

Ладыженскій, Вл. Н. На пашнѣ. Разсказы и сказки (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и народа). Съ 3-мя рисунками. Изд. М. Клюкина. Спб. 1893. Тип. С. Яздовскаго и К°.

Нефедовъ, Ф. Перевозчикъ Ванюшка. Разсказъ изд. для школъ и грамотнаго народа И. Жиркова. Москва.

Острогорскій, А Н. Въ своемъ кругу. Повѣсти и разсказы. Съ рисунками. Изд. 3-е, книжнаго магазина П. Луковникова. Спб.

Острогорскій, Викторъ. Изъ міра великихъ преданій. (Роландъ, Король Лиръ, Зимняя сказка и друг.). Разсказы для юношества, съ рисунками Кившенка и Панова. Изд. 4-е учебн. магазина «Начальная школа» Е. Тихомировой. Москва. 1892.

Пальчикова, Н. В. Двѣ сказки для дѣтей. (Принцесса Бобо. Завѣтные сосуды). Спб. Тип. бр. Пантелеевыхъ.

— Пантюшка, Сидорка и Филатка въ Москвѣ. Черты характера и словесности русскихъ крестьянъ. Изд. 7-е. Москва. Тип. И. Сытина и К°.

Первая молитва Джессики. Разсказъ для дѣтей. Переводъ съ англійскаго А. Д. Михайловой. Съ 4 рисунками барона М. П. Клодта. Изд. М. Ледерле и К°. Спб.

Полевой, П. Иллюстрированные разсказы изъ отечественной исторіи съ портетами и картинами въ текстѣ, для начальныхъ школъ. Изд. 2-е, исправленное, Д. Полубояринова. Спб. 1893.

Разина, Е. А. Первые подвижники земли русской (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ). Изд. 2-е. М. Ледерле и К°. Спб. Ц. 10 к.

Робинзонъ Крузо и его приключенія, пробывшаго десять лѣтъ на безлюдномъ островѣ, въ странѣ дикихъ людей. Повѣсть. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, или мальчикъ съ мизинчикъ. Сказка. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Семь Симеоновъ, родныхъ братьевъ. Старинная сказка. Изд. 8-е. Москва. 1893. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Сказка о Петрѣ королевичѣ и объ Ивашкѣ — медвѣжьемъ ушкѣ. Москва. 1893. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Серебряная пава. Русская народная сказка. Изд. книжнаго магазина «Другъ школъ» Н. фонъ-Ланге. Сергіевъ Посадъ.

Сказка о храбромъ богатырѣ Вадимѣ и о красной дѣвицѣ. Изд. книгопр. П. Губанова. Москва. 1892.

Сливицкій, А. Разоренное гнѣздо. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ 5-ю оригинальными фотогравюрами. (Избранное чтеніе для юношества). Изд. 3-е Л. Павленкова. Москва.

Соловей - разбойникъ. Русская сказка въ 3-хъ частяхъ. Москва. Изд. и тип. И. Сытина и К°.

Странникъ Александръ Михайловъ Крайневъ. На Сѣнной. Изд. 4-е, исправленное, книгопр. Т. Кузина. Спб.

Ученье — свѣтъ. Календарь для учащихся на 1893 — 1894 учебный годъ. Изд. И. Лабутина. (Годъ 2-й). Петроградъ. Ц. 30 к.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

УЧРЕДИТЕЛИ ОБЩЕСТВА

ВЗАИМНАГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ

УЧАЩИМЪ И УЧИВШИМЪ

ВЪ НАЧАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ

симъ имѣютъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что Уставъ Общества утвержденъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 20 марта 1893 года и первое Общее Собраніе, для открытія дѣйствій Общества, назначено на 5 сентября текущаго года, въ 1 часъ дня,—въ залѣ Новгородскаго Дворянскаго Собранія. Въ члены Общества можно заблаговременно записываться у директора народныхъ училищъ въ Новгородѣ, а представленіе членскихъ и другихъ взносовъ со дня открытія Общества *).

Сочувствующихъ дѣлу русскаго народнаго образованія покорнѣйше просятъ не отказать въ своемъ вниманіи и содѣйствіи къ достиженію высокой цѣли возникающаго Общества.

Учредители: Новгородскій Губернаторъ **Мосоловъ.**
Новгородскій Губ. Предводит. Дворянства **князь Васильчиковъ.**
Директоръ народныхъ училищъ **Павлинскій.**
Дѣйствительный статскій совѣтникъ **Герке.**
Предсѣдатель Губернской Земской Управы **Рыкачевъ.**
Директоръ гимназіи **Колоколовъ.**
Городской голова **Соловьевъ.**

---

*) Лица, желающія вступить въ члены Общества и сдѣлать требуемый уставомъ взносъ, могутъ прислать ихъ взносы *(50 руб. единовременно, или по три рубля ежегодно)* или Августу Антоновичу Герке, одному изъ учредителей Общества (Петербургъ, Владимірскій проспектъ, 16), или въ Новгородъ Директору народныхъ училищъ, или-же въ редакцію «Русской Школы».

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА“

въ 1893—1894 подписномъ году (съ 1 августа 1893 года по 1 августа 1894 года).

Съ 1-го августа настоящаго года журналъ «ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ШКОЛА» вступаетъ въ *седьмой* годъ изданія. Оставаясь неизмѣнно вѣрною утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ журнала, редакція позаботится о возможно полномъ и разностороннемъ выполненіи ея. Отдѣлъ журнала, назначаемый для чтенія дѣтей и грамотныхъ крестьянъ, будетъ и въ наступающемъ подписномъ году выпускаемъ отдѣльно отъ статей, назначенныхъ для чтенія учащихъ, **такъ что журналъ будетъ выходить ежемѣсячно въ двухъ книжкахъ.** При этомъ, во II отдѣлѣ наступающаго подписного года будутъ продолжаться печатаніемъ въ систематическомъ порядкѣ статьи и очерки о святыхъ мѣстахъ и святыняхъ православной Церкви. Статьи эти и очерки съ теченіемъ времени составятъ собою **болѣе или менѣе полный и законченный кругъ книгъ для внѣкласснаго чтенія,** необходимыхъ для библіотеки каждой церковно-приходской школы.

Программа журнала:

Опредѣленія Святѣйшаго Синода и постановленія Училищнаго при немъ Совѣта, а также нѣкоторыя распоряженія епархіальныхъ преосвященныхъ и училищныхъ совѣтовъ.

Методическія и дидактическія статьи по предметамъ обученія, входящимъ въ учебный курсъ церк.-приходск. школъ.

Мнѣнія духовной и свѣтской періодической печати о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ церковно-приходскихъ и вообще въ народныхъ школахъ.

Свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ въ епархіяхъ.

Изъ школьнаго міра (хроника).

Педагогическое обозрѣніе.

Мелкія извѣстія и замѣтки, относящіяся къ школьному народному образованію

Рецензіи книгъ, посвященныхъ школьному народному образованію.

Корреспонденціи.

Небольшія статьи для чтенія въ школѣ и дома: а) Размышленія о предметахъ вѣры и нравственности православной. б) Примѣры благочестія въ разныхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой. в) Повѣсти и разсказы религіозно-нравствен. содержанія. г) Разсказы изъ отечественной и общей исторіи. д) Притчи.

Цѣна годовому изданія съ пересылкою ТРИ руб. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Кіевѣ**: 1) въ редакціи журнала «Церковно-приходская Школа», при Кіевскомъ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ; 2) въ редакціи журнала «Руководство для сельскихъ пастырей», при Кіевской духовн. семин.; 3) въ Южно-Русскомъ книжн. магазинѣ Динтера.

Въ **С.-Петербургѣ**: 1) въ Синодальной книжной лавкѣ; 2) въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова.

Въ **Москвѣ**: въ учебномъ магазинѣ «Начальная Школа» Е. Н. Тихомировой.

Въ редакціи журнала можно также получать по уменьшенной цѣнѣ оставшіеся отъ первыхъ подписнымъ годовъ экземпляры.

Годъ I (*съ 1 августа 1887 г. по 1 августа 1888 г.*), годъ II (*съ 1 августа 1888 г. по 1 августа 1889 г.*) и годъ III (*съ 1 августа 1889 г. по 1 августа 1890 г.*) — цѣна **два** рубля съ пересылкою за годовой экземпляръ.

Годъ IV (*съ 1 авг. 1890 г. по 1 авг. 1891 г.*) и годъ V (*съ 1 авг. 1891 г. по 1 авг. 1892 г.*)—цѣна **три** руб. съ перес.

1—2 Редакторъ **П. Игнатовичъ.**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ. Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика, т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступка и кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.